

ИЗДАНИЕ ВЯТСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА.

Ипполитъ Тэнъ.

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
СОВРЕМЕННОЙ
ФРАНЦІИ.**

Установлено адукацыі
"Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П. М. Пашкова"
БІБЛІОТЭКА

I.

СТАРЫЙ РЕЖИМЪ.

Переводъ съ французскаго

Э. Пименовой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Паровая Типо-Литографія Н. Л. Ныркина. 7 рота, д. № 13.
1906.

Происхожденіе современной Франціи.

Предисловіе.

Въ 1849 году, когда мнѣ минулъ двадцать одинъ годъ, я сдѣлался избирателемъ и очутился въ очень затруднительномъ положеніи. Мнѣ надо было выбрать пятнадцать или двадцать депутатовъ и, кромѣ того, согласно французскому обычаю, я долженъ былъ не только выбирать людей, но и дѣлать выборъ между теоріями. Мнѣ предлагали быть роялистомъ или республиканцемъ, демократомъ или консерваторомъ, социалистомъ или бонапартистомъ,—я же не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, я не былъ ничѣмъ и порою завидовалъ всѣмъ убѣжденнымъ людямъ, имѣющимъ счастье быть чѣмънибудь. Познакомившись съ различными ученіями, я пришелъ къ заключенію, что въ моемъ умѣ существуетъ какой-то пробѣлъ. Доводы, имѣвшіе значеніе для другихъ, въ моихъ глазахъ его не имѣли. Я никакъ не могъ постигнуть, что въ политикѣ можно руководиться своими личными предпочтеніями. Мои же убѣжденные люди строили конституцію, точно какойнибудь домъ, по самому новому и самому простому плану. А плановъ такихъ было нѣсколько: тутъ были и дворецъ маркиза, и домъ зажиточнаго буржуа, и жилище рабочаго, военная казарма, коммунистическій фаланстеръ и даже становище дикаря. При этомъ каждый говорилъ, указывая на свою модель: „Вотъ истинное, человѣческое жилище, единственное, въ которомъ можетъ обитать разумный человѣкъ“. Но такой доводъ представляется мнѣ очень слабымъ: личные вкусы вѣдь не могутъ служить авторитетомъ! Мнѣ кажется, что домъ слѣдуетъ строить не только ради архитектора или ради самого себя, а надо при этомъ имѣть въ виду и того, кто

будетъ жить въ немъ. Однако, если бы мы стали спрашивать объ этомъ мнѣнина хозяина дома, т. е. французскій народъ и представили бы ему планъ его будущаго жилища, то это было бы, съ нашей стороны, лишь простою формальностью. Въ подобныхъ случаяхъ въ самомъ вопросѣ уже заключается отвѣтъ и притомъ, вѣдь, даже если-бы Франція и могла свободно отвѣчать на такой вопросъ, то все же она въ состояніи была бы сдѣлать это не лучше меня — вѣдь десять милліоновъ невѣжественныхъ людей не составляютъ даже одного знающаго человѣка! Спрошенный по этому поводу, народъ можетъ, въ случаѣ нужды, сказать только, какая форма правительства больше всего ему нравится, но указать ту, которая ему нужна, онъ не можетъ; онъ узнаетъ это только на опытѣ. Ему надо время, чтобы удостовериться, удобно ли и прочно ли его политическое зданіе, можетъ ли оно противостоятъ всѣмъ переменамъ погоды, подходитъ ли оно къ его правамъ, занятіямъ, къ его характеру, особенностямъ и можетъ ли выдержать разныя неожиданности. На опытѣ же мы никогда не бывали довольны своимъ зданіемъ. Тринадцать разъ, въ теченіе восьмидесяти лѣтъ, мы разрушали и перестраивали наше жилище, но сколько мы ни дѣлали въ немъ перестроекъ, намъ все-таки не удалось выстроить его такимъ образомъ, чтобы оно вполне подходило для насъ. Если другіе народы, въ этомъ отношеніи, были счастливѣе насъ и если за границей многія политическія зданія оказались болѣе прочными и продолжаютъ держаться безконечно, то это означаетъ лишь то, что онѣ были построены особеннымъ образомъ, ~~Два средоточія~~

ваясь около первичнаго, массивнаго ядра и опираясь на какое нибудь старинное центральное зданіе, много разъ исправленное, но всегда сохранявшееся и расширявшееся постепенно, причемъ народъ, ошупью отыскивалъ лучшіе способы дѣлать такія пристройки, которыя болѣе отвѣчали бы нуждамъ обитателей зданія. Ни одно такое зданіе не было выстроено сразу, по новому образцу и руководствуясь только мѣркою разума. Можетъ быть слѣдовало бы признать, что нѣтъ иного способа построить прочное зданіе и что внезапное изобрѣтеніе такой новой конституціи, которая оказалась бы вполне приспособленной къ народнымъ нуждамъ и была бы прочной, представляетъ предпріятіе, превосходящее человѣческія силы.

Во всякомъ случаѣ, я, лично, пришелъ къ такому заключенію, что если мы когда нибудь и найдемъ то, что намъ нужно, то никакъ не посредствомъ способовъ, которые мы теперь употребляемъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь тутъ задача заключается въ томъ, чтобы найти именно такую подходящую для народа конституцію,—если только она вообще существуетъ,—а не въ томъ, чтобы подвергать ее голосованію. Въ этомъ отношеніи, наши личныя предпочтенія оказались бы лишними; природа и исторія заранѣе сдѣлали бы за насъ выборъ, а намъ оставалось бы только приспособиться къ нему, потому что ни исторія, ни природа не стануть къ намъ приспосабливаться. Соціальная и политическая форма, въ которую можетъ облечься какой нибудь народъ и въ которой онъ остается, зависитъ не отъ его воли и выбора, а опредѣляется его характеромъ и его прошлымъ. Необходимо, чтобы въ мельчайшихъ чертахъ эта форма была отлита по живому образцу, къ которому она будетъ примѣнена, иначе она лопнетъ по швамъ и распадется на куски. Вотъ почему, если намъ удастся найти когда нибудь подходящую для насъ форму, то это будетъ лишь путемъ изученія насъ самихъ и чѣмъ лучше мы изучимъ себя, тѣмъ вѣрнѣе мы разберемся въ томъ, что намъ нужно. Итакъ, слѣдуетъ бросить обычные методы и раньше чѣмъ издавать конституцію, мы должны представить себѣ націю, для которой мы ее создаемъ. Безъ сомнѣнія, первая изъ этихъ операций

гораздо продолжительнѣе и труднѣе, нежели вторая. Сколько надо потратить времени, изслѣдованій и наблюденій, взаимно провѣряющихъ другъ друга, сколько понадобится произвести изысканій въ прошломъ и настоящемъ, во всѣхъ областяхъ мысли и дѣйствій, какая огромная, вѣковая и разнообразная работа нужна для того, чтобы составить себѣ ясное и вѣрное понятіе о великомъ народѣ, который вѣдь пережилъ уже вѣкъ народовъ, а все же продолжаетъ жить! Но такой способъ—единственный, при которомъ можно избѣжать невѣрной постройки, опирающейся на всякаго рода пустыя разсужденія и поэтому я далъ себѣ зарокъ, по крайней мѣрѣ для себя лично, что если я захочу когда нибудь составить себѣ собственное политическое мнѣніе, то сдѣлаю это лишь послѣ того, какъ хорошо изучу Францію.

Что такое современная Франція? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо знать, какъ она образовалась или, что еще лучше, надо присутствовать, въ качествѣ зрителя, при ея образованіи. Въ концѣ восемнадцатаго вѣка, Франція, подобно насѣкомому, подвергающемуся превращенію, тоже претерпѣваетъ метаморфозу. Ея древняя организація распадается, она разрываетъ сама свои самыя драгоцѣнныя ткани и подвергается судорогамъ, которыя кажутся смертельными, затѣмъ, послѣ многочисленныхъ подергиваній и тягостной летаргіи, она поднимается. Но она получила уже новую организацію; посредствомъ скрытой внутренней работы ея старый организмъ замѣнился новымъ. Въ 1808 году всѣ крупныя черты ея организаціи уже установились окончательно; департаменты, округа, кантоны и общины съ тѣхъ поръ уже не измѣнялись въ своихъ внѣшнихъ раздѣленіяхъ и внѣшней связи. Конкордаты, своды законовъ, суды, университеты, институты, префекты, государственный совѣтъ, налоги, сборщики, счетная палата, однообразная и централизованная администрація— всѣ эти главные органы управленія остаются и теперь такими же, какъ прежде. Дворянство, буржуазія, рабочіе, крестьяне, каждый классъ, заняли съ тѣхъ поръ то положеніе и имѣютъ тѣ интересы, чувства и традиціи, какія мы находимъ у нихъ и въ настоящее время. Такимъ образомъ,

новое здание оказывается, одновременно, устойчивым и законченным, а поэтому и его строение, его инстинкты и способности заранее уже намечают тот круг, в котором будет двигаться его мысль и его деятельность. Около Франции и других наций, одни более ранние, другие запоздалые, претерпевают такие же превращения, и переходят от феодального строя к современному, но все выполняют это с гораздо большими предосторожностями, а некоторые и с гораздо большим успехом. Переход этот совершается везде и почти одновременно. Но и под этой новой формой, как и под старой, слабый всегда становится добычей сильного. Горе тем, которые медленно развиваются и, таким образом, подпадают под власть сосуда, уже сбросившего свою оболочку куколки, и выступившего во всеоружии! Но горе и тому, чья слишком резкая и слишком быстрая эволюция плохо уравновесила внутреннюю экономию и кто, вследствие чрезмерного развития своего правительственного аппарата, вследствие изменения глубоких органов и постепенного объединения своей жизненной сущности, осужден на необдуманные поступки, на слабость и безсилie, окруженный лучше уравновешенными и более здоровыми сосудами! В организации, которую сама себя устроила Франция в начале этого века, всеобщие черты ее современной истории были намечены уже заранее. Мы находим в ней политическую революцию, социальные утопии, классовые разделения, роль церкви, образ действий дворянства, буржуазии, народа, развитие, направление или уклонение философии, литературы, искусства. Вот почему, когда мы стараемся понять наше теперешнее положение, то всегда обращаем свои взоры к тому ужасному, но плодотворному кризису, посредством которого старый режим произвел революцию, а революция, в свою очередь, породила новый режим.

Старый режим, революция и новый режим—это три состояния, которые я попытаюсь с точностью изобразить здесь. Я осмеливаюсь говорить при этом, что не преследую никаких других целей—вѣдь можно же позволить историку действовать так, как действует натуралист! Я раз-

сматривал свой предмет, как натуралист рассматривает насекомое, претерпевающее превращение. При этом же это событие само по себе так интересно, что стоит потрудиться изучить его для него самого и даже не вѣдь нужды стараться при этом исключить всяких задних мыслей; они исчезают сами. Освобожденная от предвзятых взглядов любознательность становится научной и целиком переносится на те внутренние силы, благодаря которым совершилась эта изумительная операция. Эти силы следующие: положение, страсти, идеи, воля каждой отдельной народной группы, и мы можем не только различить их, но почти измерить. Они перед нашими глазами; нам не вѣдь надобности прибегать к предположениям, к сомнительным догадкам, к неопределенным указаниям. По особенному счастью, мы можем тут наблюдать самих людей, как с внешней, так и с внутренней стороны. Французы старого режима еще находятся перед нашими глазами, каждый из нас, в молодости, мог быть знаком с некоторыми из этих пережитков исчезнувшего мира. Многие из их прежних дворцов еще продолжают стоять перед нами в полной неприкосновенности, со всею своею обстановкою и мебелью. Посредством же картин и эстампов того времени, мы можем проследить их домашнюю жизнь, видеть их одѣяния, их позы и жесты, а посредством их литературы, философии, газет и переписки, мы можем возстановить их мышление и даже их интимную бесѣду. Безчисленное множество мемуаров, вышедших за последние тридцать лет из разных общественных и частных архивов, водят нас из одного салона в другой, как будто мы сами получили в них доступ. Письма и дневники иностранных путешественников дополняют и контролируют, посредством отдельных независимых изображений, те портреты, которые общество само рисует с самого себя. Это общество все рассказало о самом себе, за исключением лишь того, что ему казалось слишком обыденным и известным всем современникам, или же того, что оно считало техническими подробностями, скучными и ме-

лочными или, что касалось провинціи, буржуазіи, крестьянъ, рабочихъ, администраціи и домашняго хозяйства. Я хотѣлъ пополнить эти пробѣлы и узнать Францію, а не только одинъ небольшой кругъ образованныхъ и начитанныхъ французовъ. Благодаря любезности г. Мори и драгоценнымъ указаніямъ г. Бутарикъ, я имѣлъ возможность разобрать множество рукописныхъ документовъ, рассмотреть переписку интендантовъ, управляющихъ сборами, фермеровъ, генераловъ, судей, чиновниковъ и частныхъ лицъ всякаго рода и всѣхъ ранговъ, за послѣдніе тридцать лѣтъ стараго режима, отчеты и мемуары разныхъ частей дворцоваго управленія, протоколы и записки генеральныхъ штатовъ, заключающіеся въ сто семидесяти шести томахъ, переписку военныхъ командировъ въ 1789 и 1790 г.г., письма, мемуары и подробную статистику, содержащуюся въ ста папкахъ духовнаго комитета, переписку, заключающуюся въ 94-хъ сверткахъ, между администраціями департамента и муниципалитетомъ и министрами отъ 1790 до 1799 г., донесенія государственныхъ совѣтниковъ, находящихся въ командировкахъ въ концѣ 1801 г., переписку префектовъ во времена консульства, имперіи и реставраціи, вплоть до 1825 г., и множество другихъ документовъ, столь поучительныхъ и столь мало извѣстныхъ, что, въ сущности, настоящая исторія революціи до сихъ поръ еще совсѣмъ не написана. Вѣдь только въ этихъ докумен-

тахъ, проходятъ передъ нами живыя лица: мелкіе дворяне, священники, провинціальныя монахи и монахини, адвокаты, городскіе старшины и буржуа, деревенскіе повѣренные и синдикіи, земледѣльцы и ремесленники, офицеры и солдаты. Только они, эти документы, въ состояніи показать намъ въ подробностяхъ и вблизи условія жизни различныхъ людей, внутренность дома священника, монастыря, городского совѣта, указать заработокъ рабочаго, производительность полей, обложеніе крестьянъ, ремесло сборщиковъ, расходы владѣльцевъ и прелатовъ, бюджетъ, образъ жизни и церемоніаль дворца. Благодаря имъ, мы можемъ дать точныя цифры, знать часъ за часомъ употребленіе дня, и даже больше—знать меню парадныхъ обѣдовъ и возстановить парадный туалетъ. У насъ до сихъ поръ еще сохраняются, приколотые къ бумагѣ и распределенные по числамъ, образцы платьевъ, которыя носила королева Марія Антуанета, а, съ другой стороны, мы можемъ возстановить и одежду крестьянина, описать его хлѣбъ, назвать сорта муки, изъ которой онъ испеченъ, и вычислить въ копейкахъ, во что онъ ему обходился. Пользуясь такими документами, можно представить себя современникомъ тѣхъ людей, исторію которыхъ пишешь и мнѣ не разъ случалось, работая въ архивахъ и читая пожелѣвшія письма, испытывать сильное искушеніе и желаніе заговорить вслухъ со всѣми этими людьми!

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхождение привилегій, заслуги и вознагражденіе духовенства. — Заслуги и вознагражденіе дворянъ. — Заслуги и вознагражденіе короля.

Въ 1789 г. три сорта людей: духовенство, дворяне и король занимали въ государствѣ выдающееся мѣсто, пользуясь всѣми преимуществами, которыя это влечетъ за собой, а именно: властью, богатствомъ, почестями или, во всякомъ случаѣ, особыми привилегіями, исключеніями, милостіями, пенсіями, преимуществами и всѣмъ остальнымъ. Но если эти люди и занимали долгое время такое мѣсто, то это было потому, что дѣйствительно они его заслуживали въ теченіе такого же долгаго времени. Вѣдь это они, своими огромными и вѣковыми усиліями, соорудили три главныхъ ряда устоевъ, на которыхъ покоится все современное общество!

I.

Изъ этихъ трехъ рядовъ устоевъ современнаго общества, расположенныхъ одинъ на другомъ, самый древній и самый глубокій былъ построенъ духовенствомъ. Въ теченіе ста лѣтъ и болѣе, духовенство работало надъ закладкою этого ряда, какъ архитекторъ и какъ рабочій, сначала совсѣмъ въ одиночку, а потомъ, почти что въ одиночку. — Вначалѣ, въ теченіе первыхъ четырехъ вѣковъ, оно создавало религію и церковь. Взвѣсимъ эти два слова, чтобы понять все ихъ значеніе. Съ одной стороны, въ мірѣ, основанномъ на завоеваніи, холодномъ и жестокомъ, какъ стальная машина и осужденномъ, по самому своему устройству, уничтожать у своихъ подданныхъ всякое желаніе дѣйствовать и охоту жить, духовенство возвѣстило „благую вѣсть“: обѣщало „царство Божіе“, проповѣдывало покорность и обращеніе къ Отцу Небесному, вну-

шало терпѣніе, кротость, смиреніе, самоотреченіе, милосердіе и открывало единственныя отдушины, черезъ которыя человѣкъ, задыхающійся въ римской темницѣ, могъ вдыхать свѣжій воздухъ и видѣть дневной свѣтъ. Вотъ чѣмъ была религія! Съ другой же стороны, въ государствѣ, которое мало по малу пустѣло, разлагалось и становилась, роковымъ образомъ, добычей другихъ, духовенство создало живое общество, руководимое извѣстной дисциплиной и законами, сплотившееся около извѣстной цѣли и извѣстнаго ученія, поддерживаемое преданностью своихъ вождей и послушаніемъ вѣрныхъ и одно только оказавшееся способнымъ устоять противъ потока варваровъ, врывавшагося черезъ всѣ бреши, образовавшіяся вслѣдствіе разрушенія имперіи. Вотъ чѣмъ была церковь! На этихъ двухъ первыхъ фундаментахъ, духовенство продолжало строить далѣе, и, начиная съ момента нашествія варваровъ, въ теченіе болѣе пятисотъ лѣтъ, оно спасало то, что еще можно было спасти изъ человѣческой культуры. Оно или само отправлялось навстрѣчу варварамъ или же старалось сразу расположить ихъ къ себѣ, какъ только они являлись. Какъ велика была эта заслуга, можно судить уже по слѣдующему одному факту: въ Великобританіи, ставшей латинской страной, какъ и Галлія, но завоеватели которой остались язычниками въ теченіе полутора вѣка, все было истреблено: искусства, промышленность, общество, языкъ. Изъ всего народа, подвергавшагося избіенію или разбѣжавшагося, остались только рабы, да и о тѣхъ можно лишь догадываться по нѣкоторымъ слѣдамъ, такъ какъ, обращенные въ рабочій скотъ, они исчезаютъ изъ исторіи. Такова была бы судьба и всей Европы, еслибъ духовенство не постаралось нескорѣ очаровать свирѣпыхъ дикарей, во власти которыхъ оно сохранилось.

Передъ епископомъ въ позолоченной ризѣ, передъ монахомъ, облаченнымъ въ звѣриныя шкуры, худымъ, „изможденнымъ“ и „болѣе покрытымъ грязью и пятнами, чѣмъ хамелеонъ“, новообращенный въ христіанство германецъ испытывалъ такой же страхъ, какъ и передъ колдуномъ. Въ часы отдохновенія, послѣ охоты или пьянства, въ душѣ германца возникаетъ смутное предчувствіе чего-то неизвѣстнаго, таинственнаго, грандіознаго, неясное сознаніе какого-то невѣдомаго правосудія, зачатки котораго были у него уже тогда, когда онъ находился въ своихъ лѣсахъ по ту сторону Рейна и которое теперь выражается у него внезапною тревогой и угрожающими полувидѣніями. Въ тотъ моментъ, когда онъ собирался осквернить святилище, онъ вдругъ спрашивалъ себя, не падетъ ли онъ на его порогъ, пораженный головокруженіемъ и со скрученной шеей? Убѣжденный въ этомъ своимъ собственнымъ смущеніемъ, и напуганный этой мыслью онъ останавливается на порогъ, и, такимъ образомъ, земля, деревня, городъ, состоящіе подъ охраною священника, получаютъ отъ него пощаду. Если же животная ярость гнѣва дикаря или его первобытная алчность и толкаютъ его на убійства и грабежи, то потомъ, послѣ удовлетворенія этихъ инстинктовъ, въ дни бѣдствій или болѣзни, онъ начинаетъ раскаиваться и по совѣту своей жены или любовницы; возвращаетъ церкви награбленное добро вдвойнѣ, вдесятеро и даже во сто разъ и одаряетъ духовенство подарками и льготами; *) такимъ образомъ, по всей территоріи, духовенство оберегаетъ и расширяетъ свои убѣжища для побѣжденныхъ и угнетенныхъ, и вотъ наступаетъ время, когда среди военныхъ вождей съ длинными волосами, рядомъ съ королями, облаченными въ мѣха, возсѣдаютъ въ собраніяхъ и епископъ въ митрѣ, и аббатъ съ бритымъ теменемъ, такъ какъ только они одни умѣютъ держать перо въ рукахъ и разсуждать. Въ качествѣ секретарей, совѣтниковъ, богослововъ, они участвуютъ въ изданіи королевскихъ указовъ, въ управленіи, и черезъ посредство самого правительства, ста-

раются ввести немного порядка въ существующій громадный беспорядокъ, сдѣлать законы болѣе разумными и болѣе человѣчными; возстановить и поддержать благочестіе, образованіе, правосудіе, собственность и, въ особенности, бракъ. Безъ сомнѣнія ихъ вліянію мы обязаны существованіемъ той полиціи, хотя и несовершенной и непостоянной, которая не допустила все-таки Европу превратиться въ монгольскую анархію. Если духовенство и оказываетъ свое давленіе на принцевъ до самаго конца XII вѣка, то лишь для того, чтобы обуздать въ нихъ и въ низшихъ народныхъ классахъ звѣрскіе аппетиты, возмущенія плоти и крови, возвращеніе къ приступамъ неудержимой ярости, которые разрушаютъ общество. Въ своихъ же церквахъ и въ своихъ монастыряхъ духовенство сохраняло всѣ старинныя пріобрѣтенія человѣческаго рода: латинскій языкъ, христіанскую литературу и богословскую науку, часть языческой литературы и науки, архитектуру, скульптуру, живопись, искусства и промышленность и наиболѣе драгоценныя изъ ремеслъ доставляющихъ человѣку хлѣбъ, одежду и жилище, и, главнымъ образомъ, то, что составляетъ самое лучшее изъ человѣческихъ пріобрѣтеній, всего болѣе противорѣчащее бродячимъ инстинктамъ варвара, склоннаго къ грабежамъ и лѣниваго, а именно: привычка и любовь къ труду. Въ обезлюдѣвшихъ деревняхъ, вслѣдствіе поборовъ римскихъ начальниковъ, возстаній, нашествія германцевъ и набѣговъ разбойниковъ, бенедиктинскій монахъ строитъ свою хижину изъ вѣтвей среди кустовъ ежевики и терновника, а вокругъ нея огромныя пространства, нѣкогда воздѣланной, земли, представляютъ не болѣе какъ пустынные заросли. Съ помощью своихъ спутниковъ, монахъ расчищаетъ лѣсъ и строитъ жилище; приручаетъ полудикихъ животныхъ, устраиваетъ ферму, мельницу, кузницу, печь для хлѣбовъ и мастерскія для изготовленія обуви и одежды. Согласно своему правилу, онъ, каждый день читаетъ въ теченіе двухъ часовъ; семь часовъ онъ занимается ручнымъ трудомъ и ѣсть, и пьетъ не болѣе того, что строго необходимо для поддержанія его жизни. Своимъ разумнымъ, добровольнымъ и сознатель-

*) Напримѣръ, такъ поступилъ король Хильперикъ, по совѣту Фредегонды, послѣ смерти всѣхъ своихъ дѣтей.

но исполненнымъ трудомъ, съ расчетомъ на будущее, онъ дѣлаетъ больше, нежели мірянинъ. Вслѣдствіе же своего умѣреннаго, строго обдуманнаго и бережливаго образа жизни, онъ потребляетъ меньше мірянина. Вотъ почему тамъ, гдѣ мірянинъ терпѣлъ неудачу, монахъ преуспѣваетъ и даже благоденствуетъ. Монахъ давалъ пристанище несчастнымъ, кормилъ ихъ, доставлялъ имъ занятіе и соединялъ ихъ бракомъ. Нищіе, бродяги, богатые крестьяне, стекались къ его святилищу. Постепенно ихъ становище превращалось въ деревню, затѣмъ въ посадъ. Человѣкъ начинаетъ воздѣлывать землю, какъ только у него являются надежды на жатву; онъ становится отцомъ семейства, какъ только у него возникаетъ увѣренность, что онъ можетъ прокормить своихъ дѣтей. Такимъ путемъ образуются новые центры земледѣлія и промышленности, которые становятся также и новыми центрами населенія.

Но къ тѣлесной пищѣ, надо присоединить еще и духовную не менѣе необходимую человѣку, такъ какъ вмѣстѣ съ пищею ему надо было внушить желаніе жить или, по крайней мѣрѣ, внушить покорность судьбѣ, которая дала бы ему силы переносить жизнь. Для этого надо было дать человѣку трогательную и поэтическую мечту, которая замѣнила бы ему отсутствующее счастье. До половины тринадцатаго вѣка, только духовенство въ состояніи было доставить все это. Посредствомъ своихъ безчисленныхъ легендъ о святыхъ, соборовъ съ ихъ устройствомъ, своихъ статуй и всѣмъ тѣмъ, что выражается въ ихъ богослуженіи и въ чемъ заключается смыслъ обрядовъ, который тогда былъ еще понятенъ, духовенство сдѣлало осязательнымъ „Царство Божіе“ и воздвигло идеальный міръ на концѣ реальнаго міра, словно великолѣпный золотой павильонъ въ концѣ грязнаго двора. Въ этомъ-то мірѣ, таинственномъ и божественномъ, ищеть и находитъ убѣжище опечаленное сердце, жаждущее ласки и кротости. Тамъ, на порогѣ этого міра преслѣдователи, въ моментъ нанесенія удара, сами падаютъ, сраженные невидимой рукой. Дикіе звѣри становятся послушными, лѣсные олени сами являются по утрамъ и впряга-

ются въ плугъ святыхъ, земля цвѣтетъ для нихъ, какъ новый рай, и они умираютъ только тогда, когда сами захотятъ этого. Они же являются утѣшителями людей; доброта, благочестіе, прощеніе истекаютъ изъ ихъ устъ съ неизрѣченной сладостью. Поднявъ глаза къ небу, они видятъ Бога и безъ всякихъ усилій, какъ во снѣ они возносятся къ нему въ лучахъ свѣта и садятся одесную его. Божественная легенда, имѣетъ неизмѣримое значеніе въ этомъ царствѣ грубой силы, такъ какъ, чтобы быть въ состояніи переносить эту жизнь, надо было придумать другую и притомъ сдѣлать эту вторую жизнь, столь же доступною духовнымъ взорамъ, какъ доступна была первая тѣлеснымъ очамъ. Въ теченіе болѣе чѣмъ двѣнадцати вѣковъ духовенство питало людей этой легендой и по величинѣ вознагражденія, полученнаго духовенствомъ, можно теперь судить о глубинѣ человѣческой благодарности. Папы вѣдь были въ теченіе двухсотъ лѣтъ диктаторами Европы. Духовенство устраивало крестовые походы, смѣщало королей, раздавало государства. Его епископы и аббаты сдѣлались, въ однихъ мѣстахъ—владѣтельными князьями, въ другихъ—покровителями и настоящими основателями династій. Духовенство держало въ своихъ рукахъ треть земель, половину доходовъ и двѣ трети капиталовъ Европы. Не слѣдуетъ думать однако, что эта признательность людей была неосновательна и что они давали безъ законныхъ причинъ; человѣкъ слишкомъ эгоистиченъ и слишкомъ завистливъ, чтобы такъ поступать. Каково бы ни было учрежденіе, свѣтское или духовное, каково бы ни было духовенство, христіанское или буддійское, но современники, наблюдавшие его въ теченіе сорока поколѣній, конечно не могутъ считаться плохими судьями и если они отдають ему свою волю и свое имущество, то дѣлають это лишь пропорціонально его услугамъ и избытокъ ихъ преданности можетъ служить мѣриломъ громадности благодѣяній духовенства.

II.

До сихъ поръ, противъ силы бердышей и мечей, духовенство прибѣгало только къ помощи убѣжденія и терпѣнія. Государства, которые, по

примѣру древней Имперіи, пытались возвыситься въ видѣ сплоченныхъ зданій и создать плотину противъ непрерывныхъ нашествій, не могли удержаться на зыбкой почвѣ. Послѣ Карла Великаго все рушилось. Нѣтъ болѣе настоящихъ воиновъ, со времени битвы при Фонтанэ и въ теченіе почти полстолѣтія шайки разбойниковъ въ четыреста-пятьсотъ человѣкъ, безнаказанно убивали, сжигали и опустошали всю страну.

Но, въ тоже самое время, разложеніе государства вызываетъ къ жизни военное поколѣніе, которое является послѣдствіемъ такого состоянія. Каждый мелкій вождь непременно старается прочно укрѣпиться на той землѣ, которую онъ занялъ, или которою завладѣлъ. Онъ не получилъ ее въ свое пользованіе только на время или какъ бы займы, но она уже представляетъ его собственность и составляетъ его наслѣдство. Это *его* земля, *его* посадъ, *его* графство, а не земля короля, и онъ уже идетъ сражаться, чтобы защищать *свою* собственность. Въ подобные моменты, благодѣтелемъ, спасителемъ долженъ быть именно такой человѣкъ, который умѣетъ сражаться и защищать другихъ и такимъ былъ, въ дѣйствительности, новый классъ, который тогда образовался. На языкѣ того времени, дворянинъ—непременно военный, солдатъ и онъ то и положилъ второй рядъ устоевъ, на которыхъ зиждется современное общество.

Въ десятомъ вѣкѣ происхожденію война еще не придаетъ значенія. Такимъ всинемъ можетъ быть Карловингскій графъ или владѣлецъ пожалованной королемъ бенефиціи, или же смѣлый обладатель одной изъ послѣднихъ свободныхъ земель. Иногда это воинственный епископъ, храбрый аббатъ, въ другомъ мѣстѣ—это обращенный въ христіанство язычникъ, бандитъ, сдѣлавшійся осѣдлымъ, авантюристъ, достигшій благоденствія, суровый охотникъ, который въ теченіе долгаго времени питался лишь произведеніями своей охоты и дикими плодами. Предки Роберта Сильнаго неизвѣстны, а про Капетинговъ впоследствии рассказывали, что они произошли отъ одного парижскаго мясника. Во всякомъ случаѣ, дворянинъ тѣхъ временъ долженъ быть непременно храбрымъ, сильнымъ и опыт-

нымъ въ искусствѣ владѣть оружіемъ. Находясь во главѣ отряда и столкнувшись съ врагомъ, онъ, вмѣсто того, чтобы бѣжать или платить выкупъ, подставлялъ свою грудь и крѣпко держался на ногахъ, охраняя шпагой свой уголокъ земли. Для такого дѣла онъ не нуждался въ предкахъ, ему надо было только имѣть мужественное сердце и онъ самъ становился собственнымъ предкомъ! Спасеніе, которое онъ приносилъ своею храбростью, доставляло такое счастье, что ни у кого не являлось желанія придираться къ его происхожденію, но послѣ многихъ вѣковъ, въ каждомъ кантонѣ уже были вооруженныя силы, было постоянное войско, способное противостоятъ нашествію кочевниковъ и, такимъ образомъ, жители этого кантона перестаютъ быть добычею чужеземцевъ. Къ концу вѣка, Европа, которую грабили флотилии двухпарусныхъ лодокъ, сама уже высаживаетъ въ Азіи двѣсти тысячъ вооруженныхъ людей и съ тѣхъ поръ, на сѣверѣ, на югѣ, передъ лицомъ мусульманъ и передъ лицомъ язычниковъ, Европа, вмѣсто того, чтобы быть побѣжденной, сама побѣждаетъ. Появляется новый идеальный образъ, послѣ образа святого—это образъ героя, и новое чувство столь же дѣйствительное какъ и старое, группируетъ людей, образуя изъ нихъ стойкое общество. Это общество—ничто иное, какъ постоянная жандармерія, гдѣ каждый, отъ отца къ сыну,—непременно жандармъ. Каждый въ этомъ обществѣ уже отъ рожденія имѣетъ наслѣдственный чинъ, занимаетъ военный постъ, получаетъ жалованье, въ видѣ поземельнаго владѣнія и можетъ быть увѣренъ, что его наслѣдственный вождь никогда не оставитъ его, но за то и онъ самъ долженъ быть готовъ во всякое время положить свою голову за своего вождя. Въ тѣ времена, когда война никогда не прекращалась совсѣмъ, только одинъ общественный строй могъ считаться хорошимъ—это строй войска передъ лицомъ непріятеля и такимъ былъ феодальный режимъ. Уже поэтому одному можно судить о тѣхъ опасностяхъ, отъ которыхъ онъ долженъ былъ ограждать и о той службѣ, къ которой онъ приневоливалъ. „Въ то время—гласитъ одна испанская хроника—короли, графы, дворяне и

всѣ рыцари, чтобы быть готовыми во всякую минуту, держали своихъ лошадей въ залѣ, гдѣ они спали вмѣстѣ со своими женами“. Виконтъ, сидящій въ башнѣ и защищающій входъ въ долину или бродъ, маркизь, заброшенный, словно потерявшійся ребенокъ, на грапицѣ, спали всегда положивъ руку на свое оружіе, совершенно также, какъ американскій воинъ въ блокгаузѣ дальнаго запада, среди племени Сіу. Его домъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ военнымъ лагеремъ и укрѣпленнымъ убѣжищемъ, гдѣ въ большой залѣ была положена на полу солома и сухіе листья; тамъ онъ ложился со своими товарищами, снимая только однѣ шпоры, когда у него была возможность поспать. Бойницы пропускаютъ лишь немного свѣта, но иначе устроить было нельзя, потому что надо было, прежде всего оградить себя отъ стрѣлъ. Всѣ вкусы, всѣ чувства подчинялись службѣ и на европейской границѣ были такія мѣста, гдѣ ребенокъ четырнадцати лѣтъ уже обязанъ былъ ходить въ походы, а вдова до шестидесятилѣтняго возраста обязана была снова выходить замужъ. Надо людей, чтобы заполнить пустыя мѣста, образующіяся въ рядахъ войска; надо людей для служебныхъ постовъ, чтобы стоять на стражѣ!—вотъ крикъ, который раздавался повсюду, изъ всѣхъ учреждений, какъ колокольный призывъ. Благодаря этимъ храбрецамъ, крестьянинъ могъ быть спокоенъ: его не будутъ больше убивать, не будутъ уводить въ плѣнъ, вмѣстѣ съ его семьей, словно стадо, съ рогатками на шеѣ! И благодаря имъ онъ осмѣливался воздѣлывать землю, сѣять, надѣяться на свою жатву, а въ случаѣ опасности, онъ зналъ, что найдетъ убѣжище для себя, своихъ хлѣбныхъ запасовъ и для своего скота у подножія крѣпости, внутри ограды. Постепенно, между военнымъ главою замка и старинными поселенцами, живущими въ незащищенной мѣстности, устанавливается, подъ вліяніемъ необходимости, безмолвный договоръ, который превращается въ почитаемый всѣми обычай. Жители работаютъ для военнаго предводителя, воздѣлываютъ его земли, служатъ ему своими подводами, платятъ ему оброки. (Столько-то съ каждаго дома, столько-то съ каждой головы скота и столько-то за право наслѣдства или прода-

жи,—вѣдь надо же ему кормить свое войско!) Но онъ будетъ не правъ, если изъ гордости или алчности, отниметъ отъ нихъ еще что-нибудь, послѣ того, какъ они выплатили ему все, что слѣдуетъ. Что же касается бродягъ и бѣдняковъ, вынужденныхъ, вслѣдствіе безпорядка и всеобщаго опустошенія, искать у него убѣжища, то ихъ положеніе бываетъ болѣе тяжкое, такъ какъ земля принадлежитъ ему и безъ него она была бы необитаема. Онъ можетъ удѣлить имъ частицу земли или позволить хотя бы только расположиться станомъ на своей землѣ, и можетъ дать имъ, кромѣ того, еще и работу или сѣмена для посѣва, но при этомъ онъ можетъ поставить имъ такія условія, какія ему захочется. Они становятся тогда его крѣпостными, его наслѣдственнымъ достояніемъ. Онъ имѣетъ право вернуть ихъ куда бы они ни направились и они становятся изъ поколѣнія въ поколѣніе его прирожденными слугами, которыхъ онъ можетъ заставить исполнять такое ремесло, какое ему вздумается, можетъ по произволу, облагать повинностями и барщиной, а они сами ничего не могутъ передать по наслѣдству своимъ дѣтямъ, кромѣ одной только обязанности: продолжать службу родителей послѣ ихъ смерти. „Не быть убитымъ, говорить Стэндалъ, имѣть зимой хорошую мѣховую одежду—таковъ былъ высшій идеалъ счастья, для огромнаго числа людей въ десятомъ вѣкѣ!“ Прибавимъ къ этому, что для женщины составляло, кромѣ того, высшее счастье если она избѣгала участи быть изнасилованной цѣлою бандой. Если представить себѣ, болѣе или менѣе ясно, тѣ условія, въ которыхъ находились люди въ тѣ времена, то станетъ понятно, почему они такъ охотно подчинялись самому тяжелому феодальному игу—вѣдь то, что приходилось имъ испытывать ежедневно, было еще хуже. Доказательствомъ можетъ служить то, что всѣ сбѣгались въ феодальное укрѣпленіе, какъ только оно было выстроено. Въ Нормандіи, напр. какъ только Ролланъ размежевалъ земли шнуркомъ и перевѣшалъ всѣхъ воровъ, обитатели сосѣднихъ провинцій нахлынули къ нему и поселились въ его владѣніяхъ. Достаточно было небольшой доли безопасности, чтобы страна заселилась.

Итакъ, люди живутъ или вѣрнѣе, снова начинаютъ жить, подъ охраною грубой руки, одѣтой въ желѣзную перчатку, которая сурово обращается съ ними, но въ то же время и оберегаетъ ихъ. Какъ верховный повелитель и владѣлецъ, феодальный глава оставляетъ для себя, въ силу этого двойного права, всѣ пустыри, рѣчки, лѣсъ и всю охоту. Зло не велико, такъ какъ страна наполовину пустынна и онъ тратитъ все свое свободное время на истребленіе крупныхъ дикихъ звѣрей. Имѣя въ своихъ рукахъ средства, онъ одинъ только можетъ построить мельницу, печь для хлѣбовъ, прессъ для выжиманія масла, устроить паромъ, мостъ или дорогу, запрудить прудъ, воспитать или пріобрѣсти быка. Чтобы вознаграждать себя за всѣ эти затраты, онъ облагаетъ пошлиной всѣ свои учрежденія и насильственно заставляетъ жителей пользоваться ими. Если онъ уменъ и, кромѣ того, хороший сельскій хозяинъ, и если онъ хочетъ извлечь наилучшія выгоды изъ своей земли, то самъ постепенно ослабляетъ или дозволяетъ ослабить петли той сѣти, которая такъ стѣсняетъ его крѣпостныхъ и вынуждаетъ ихъ плохо работать, потому что имъ слишкомъ тѣсно въ ней. Привычка, необходимость, добровольное или насильственное приспособленіе оказываютъ тутъ свое дѣйствіе и въ концѣ концовъ, господа, мужики, крѣпостные и буржуа, приспособившіеся къ своимъ условіямъ и связанные общимъ интересомъ, образуютъ вмѣстѣ общество—настоящій общественный организмъ. Помѣстье владѣльца, графство, герцогство, становятся для нихъ отечествомъ, которое они любятъ, повинаясь слѣпому инстинкту, и за которое готовы жертвовать собой. Отечество сливается съ образомъ владѣльца и его семьи и на этомъ основаніи имъ гордятся, считаютъ его побѣды, привѣтствуютъ его, когда онъ, съ кавалькадой, проѣзжаетъ по улицѣ и радуются окружающей его пышности, вслѣдствіе чувства симпатіи къ нему. Если онъ вдовъ и не имѣетъ дѣтей, къ нему отряжаютъ депутацію, которая убѣждаетъ его жениться, чтобы его смерть не сдѣлала страну предметомъ раздоровъ между претендентами и не отдала бы ее на жертву алчности сосѣдей. Такимъ образомъ, спустя тысячу лѣтъ, снова возрож-

дается самое могучее и самое живучее изъ всѣхъ чувствъ, поддерживающихъ человѣческое общество. Это чувство тѣмъ болѣе драгоцѣнно, что оно имѣетъ способность расширяться и для того, чтобы маленькая феодальная родина превратилась въ большую національную родину, достаточно только соединенія всѣхъ отдѣльныхъ феодальныхъ владѣній подъ властью одного владѣльца и тогда король—глава дворянства, закладываетъ третій рядъ устоевъ Франціи, укрѣпивъ его на созданіи рукъ этого же самаго дворянства.

III.

Король воздвигъ весь этотъ третій рядъ устоевъ, камень за камнемъ. Гуго Капетъ положилъ первый камень; до него королевскій титулъ не доставлялъ королю ни одной провинціи, и онъ первый присоединилъ къ титулу земельное владѣніе. Въ теченіе восьмисотъ лѣтъ, посредствомъ браковъ, завоеваній, хитрости, наслѣдства, короли продолжали пріумножать свои владѣнія и даже при Людовикѣ XV Франція увеличивается посредствомъ присоединенія Лотарингіи и Корсики. Вышедшему изъ ничтожества королю удалось создать сплоченное государство, съ двадцатью шестью милліонами обитателей, наиболѣе могущественное въ тогдашней Европѣ. Въ продолженіи всего этого періода, король стоялъ во главѣ общественной обороны, онъ былъ освободителемъ страны отъ иноземцевъ: отъ Папы—въ четырнадцатомъ вѣкѣ, отъ англичанъ—въ пятнадцатомъ, отъ испанцевъ—въ шестнадцатомъ. Внутри же страны, начиная съ XII вѣка, онъ творитъ правосудіе, не снимая военной каски съ головы и находясь постоянно въ разъѣздахъ. Онъ разрушаетъ башни феодальныхъ разбойниковъ, умѣряетъ излишества сильныхъ, покровительствуетъ угнетеннымъ, улаживаетъ частныя распри и восстанавливаетъ миръ и порядокъ. Этотъ гигантскій трудъ королей продолжается безъ перерыва, отъ Людовика Толстого до Людовика Святого, отъ Филиппа Прекраснаго до Карла VII, и Людовика XI, отъ Генриха IV до Людовика XIII и XIV, вплоть до половины семнадцатаго вѣка, выражаясь издаваемымъ Эдиктомъ противъ дуэлей и засѣданіями королевскаго суда. Между

тѣмъ, всѣ полезныя вещи, исполненныя по приказанію короля или же развившіяся подъ его покровительствомъ: дороги, пристани, каналы, приюты, университеты, академіи, благотворительныя учрежденія, богадѣльни, воспитательныя, научныя, промышленныя и торговыя заведенія,— все это носило на себѣ отпечатокъ его величія и выставяло его благодѣтелемъ общества. Подобныя услуги, конечно, требовали и соотвѣтствующаго вознагражденія и поэтому всѣми было признано, что король отъ отца къ сыну, вступаетъ какъ бы въ бракъ съ Франціей и что она дѣйствуетъ только черезъ него, а онъ дѣйствуетъ для нея. Какъ воспоминанія древности, такъ и интересы настоящаго только способствовали утвержденію этого союза. Церковь освящаетъ его въ Реймсѣ, во время коронаціи, причемъ устанавливается нѣчто вродѣ восьмого таинства, сопровождаемаго легендами и чудесами и король дѣлается помазанникомъ Божиимъ. Дворяне, подъ вліяніемъ древняго инстинкта военной вѣрности, стали смотрѣть на себя, какъ на стражу короля и поэтому—то 10 августа, они ради него отправились на смерть на лѣстницѣ его дворца. Король, слѣдовательно, является ихъ природнымъ главнокомандующимъ, а народъ до 1789 года будетъ видѣть въ немъ защитника угнетенныхъ, охранителя правъ, покровителя слабыхъ, первосвященника и прибѣжище всѣхъ. Въ началѣ царствованія Людовика XVI, крики: да здравствуетъ король! начинавшіеся въ шесть часовъ утра, почти не прерывались до самаго вечера“. Когда родился дофинъ (наслѣдникъ престола), то радость Франціи была настоящею семейною радостью, „незнакомые люди останавливались на улицахъ и заговаривали другъ съ другомъ, а знакомые обнимались“. ¹⁾ Всѣ, подъ впечатлѣніемъ смутной традиціи и почтенія, существующаго съ незапамятныхъ временъ, чувствовали, что

¹⁾ Въ 1785 г. одинъ англичанинъ, пріѣхавшій во Францію, хвалилъ политическую свободу, существующую въ его странѣ. Французы же въ отвѣтъ упрекали англичанъ за то, что они обезглавили Карла I и „похвалялись тѣмъ, что сами всегда питали къ своему королю непоколебимую привязанность, вѣрность и почтеніе, которыхъ не могли почитать никакія излишества и никакая суровость съ его стороны“.

Франція представляетъ корабль, выстроенный руками королей и ихъ предковъ и на этомъ основаніи король могъ считать Францію своею принадлежностью и имѣть на нее такія же права, какія имѣетъ пассажиръ корабля на свой багажъ. Долгъ каждого на этомъ кораблѣ заключался въ томъ, чтобы осторожно и внимательно вести его по морю, такъ какъ на этомъ великолѣпномъ суднѣ находится, подъ флагомъ короля, все общественное достояніе. Подъ вліяніемъ такой идеи королю было предоставлено все; прежніе же властители, подчиняясь его силѣ или же по доброй волѣ, превратились въ обломки, въ призракъ былого величія или даже простое воспоминаніе. Дворяне сдѣлались его офицерами и придворными. Послѣ конкордата (соглашенія съ Папой), онъ уже самъ сталъ назначать чиновъ церкви. Генеральныя штаты не созывались въ теченіе ста семидесяти пяти лѣтъ; провинціальныя же существовали только для распредѣленія налоговъ, а парламенты подвергались изгнанію, лишь только они осмѣливались дѣлать какія либо заявленія. Посредствомъ своего совѣта, своихъ интендантовъ, своихъ субделегатовъ, король вмѣшивался во всѣ мельчайшія мѣстныя дѣла. У короля было 477 милліоновъ дохода. Онъ распредѣлялъ также половину доходовъ духовенства. Въ концѣ концовъ онъ сталъ неограниченнымъ хозяиномъ страны и самъ заявлялъ это. ¹⁾ Помѣстья, освобожденіе отъ налоговъ, удовлетвореніе честолюбія и остатки юридическихъ правъ и мѣстной власти—вотъ все, что осталось у прежнихъ соперниковъ короля, но взаменъ того они стали пользоваться его предпочтеніемъ и его милостями. Такова вкратцѣ исторія привилегированныхъ г.г. духовенства, дворянства и короля. Надо ее вспомнить, чтобы понять положеніе этихъ клас-

¹⁾ Отвѣтъ Людовика XV Парижскому парламенту 3-го марта 1756 г. въ судебномъ засѣданіи: „Только въ одномъ моемъ лицѣ заключается верховная власть... Одному мнѣ принадлежитъ законодательная власть, безъ зависимости и безъ раздѣленія. Весь общественный порядокъ исходитъ отъ меня; я его верховный хранитель. Мой народъ составляетъ со мною одно; права и интересы націи, нѣз которыхъ осмѣливаются дѣлать нѣчто отдѣльное отъ монарха, неизбѣжно соединены съ моими и находятся только въ моихъ рукахъ“.

совъ въ моментъ ихъ паденія. Создавъ Францію, они и пользовались ею вволю. Посмотримъ же теперь, поближе, чѣмъ они стали къ концу XVIII вѣка, какую часть своихъ преимуществъ они сохранили, какія услуги они еще продолжаютъ оказывать и какихъ они больше не оказываютъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Привилегированные. — Число привилегированныхъ. — Имущество ихъ. Капиталь и доходъ. — Ихъ льготы. — Ихъ феодальныя права. — Эти преимущества представляютъ лишь обломки первоначальной верховной власти. — Они могутъ быть оправданы мѣстными и общими услугами.

I.

Привилегированныхъ насчитывается около 270,000: дворянство—140,000, духовенство—130,000. Въ это число надо включить отъ 25,000 до 30,000 дворянскихъ семействъ, 23,000 монаховъ, живущихъ въ 2500 монастыряхъ, 37,000 монахинь—въ 1500 монастыряхъ, 60,000 священниковъ и викарiевъ въ различныхъ церквахъ и часовняхъ. Чтобы яснѣе представить себѣ это, надо вообразить, что на каждую квадратную милю земли и на каждую тысячу обитателей приходится по одному дворянскому семейству, съ его домомъ, украшеннымъ флюгеромъ, а въ каждой деревнѣ есть священникъ и его церковь, и черезъ каждые же шесть или семь миль имѣется мужская или женская монашеская община. Все это—древнiе вожди и создатели Франціи и на этомъ основанiи они продолжаютъ еще пользоваться многими правами и обладаютъ большимъ имуществомъ.

II.

Будемъ всегда помнить, чѣмъ они были прежде, для того, чтобы понять, что они представляютъ еще и теперь! Какъ ни велики ихъ преимущества, но въ сущности, они являются лишь остатками прежнихъ еще большихъ преимуществъ.

Епископъ или аббатъ, графъ или герцогъ, преемники которыхъ приходили на поклонъ въ Версаль, нѣкогда считались ровнями королей, каролинговъ и первыхъ капетинговъ. Владѣлецъ Монтлери держалъ въ страхахъ короля Филиппа I. Аббатъ изъ Сенъ Жерменъ де Пре обладалъ 430,000

гекторами земли—пространство, почти равняющееся цѣлому департаменту. Не слѣдуетъ удивляться тому, что они остались сильными и, въ особенности, богатыми—ничто не бываетъ такъ устойчиво, какъ форма общества! По прошествiи восьмисотъ лѣтъ и множества ударовъ королевскаго топора, а также громаднхъ перемѣнъ социальной культуры, старый феодальный корень все еще держится и прозябаетъ. Прежде всего это можно замѣтить на распредѣленiи собственности. Одна пятая часть земли принадлежитъ коронѣ и общинамъ, другая—среднему сословію, третья—народонаселенiю деревень, четвертая—дворянству и пятая духовенству. Такимъ образомъ, если исключить общественныя земли, то окажется, что привилегированные владѣютъ половиною королевства. Это большая доля въ то же время и самая богатая, потому что она заключаетъ въ себѣ самыя большія и прекрасныя зданія, дворцы, замки, монастыри, соборы и почти всю драгоценную движимость, мебель, посуду и произведенія искусства, накопленныя въ теченіе вѣковъ. Объ этомъ можно судить по оцѣнкѣ той доли, которая принадлежала духовенству. Владѣнія духовенства представляютъ капиталъ около четырехъ миллиардовъ, доходъ, приносимый ими, равняется 80—100 милліонамъ, но къ этому надо еще прибавить десятину,—123 милліона въ годъ, въ общемъ, что въ настоящее время равняется вдвое большей суммѣ. Кромѣ того, существовали еще и случайные доходы и сборы. Чтобы лучше представить себѣ эту могучую золотую рѣку, вливающуюся въ карманы духовенства, рассмотримъ нѣкоторые изъ ея притоковъ. 399 монаховъ Премонстрэ исчисляли свой доходъ въ одинъ милліонъ, а свой капиталъ въ 45 милліоновъ. Начальникъ доминиканцевъ въ Тулузѣ заявляетъ, что на его 236 монаховъ приходится чистаго дохода болѣе 200,000 ливровъ, не считая монастырей съ ихъ усадьбами, и недвижимаго имущества въ колонiяхъ, негровъ—рабовъ и другихъ предметовъ, оцѣниваемыхъ въ нѣсколько милліоновъ“.

Бенедиктинцы изъ Клюни, числомъ 298, имѣли доходъ въ 1,800,000 ливровъ; изъ Сени Мора,—числомъ 1,672, оцѣнивали свое церковное и домаш-

нее имущество въ 29 милліоновъ, приносящихъ восемь милліоновъ чистаго дохода, „не считая того, что приходится на долю аббатовъ и пріоровъ,“ — т. е. столько же, а можетъ быть и больше. Домъ Рокуръ, аббатъ Клэрво, имѣетъ отъ 300,000 до 400,000 ливровъ годоваго дохода; кардиналъ де Роганъ, страсбургскій епископъ, — болѣе милліона. Во Фрашконте, Эльзасъ и Русильонѣ, духовенство владѣетъ половиною земель, въ Гено и Артуа — тремя четвертями; въ Камбрезисѣ — 1400 изъ 1700 земельныхъ участковъ. Канонники Сенъ Клода въ Юрѣ, владѣютъ 12,000 крѣпостныхъ или прикрѣпленныхъ къ землѣ. По этому богатству перваго сословія, мы можемъ составить себѣ понятіе о второмъ. Такъ какъ, кромѣ дворянъ, къ нему принадлежатъ и лица возведенные въ дворянское достоинство, и такъ какъ, два вѣка тому назадъ, судьи, а лѣтъ сто назадъ — финансисты, стали пріобрѣтать или покупать дворянскіе титулы, то ясно, что въ этомъ сословіи сосредоточились почти всѣ крупныя богатства Франціи, старинныя и новыя полученныя по наслѣдству или по милости двора, и пріобрѣтенныя въ дѣлахъ. Когда какойнибудь классъ находится на вершинѣ, то ряды его пополняются всѣми, кто возвышается или карабкается наверхъ. Тамъ точно также бывають сосредоточены колоссальныя богатства. Вычислено, что удѣлы принцевъ королевскаго дома, графовъ д'Артуа и Прованса, герцоговъ Орлеанскихъ и Пентьевръ, покрывали седьмую часть территоріи. Принцы крови обладали, всѣ вмѣстѣ, доходомъ въ 24—25 милліоновъ и только одинъ герцогъ Орлеанскій имѣлъ 11,500,000 ливровъ дохода. ¹⁾ Это были все остатки фео-

¹⁾ Замѣтьте, что надо всегда по крайней мѣрѣ удваивать эти цифры, для того, чтобы получить соотвѣтствующія имъ въ настоящее время: 10,000 ливровъ ренты въ 1766 равнялись 20,000 въ 1825.

Артуръ Юнгъ, посѣтивъ замокъ Сены и Марны пишетъ: „Я спрашивалъ М-ме де Герши изъ разговора съ нею узналъ, что, для того, чтобы жить въ такомъ замкѣ какъ этотъ и имѣть шесть мужскихъ слугъ, пять служанокъ, восемь лошадей, содержать садъ и т. д. держать открытый столъ, принимать общество, но никогда не вѣздить въ Парижъ, необходимо имѣть приблизительно 1000 лундоровъ годового дохода: въ Англіи же понадобилось бы 2000. „Теперь, во Франціи, вмѣсто 29,000 франковъ, надо имѣть 50,000 и больше. Артуръ Юнгъ прибавляетъ: „Тутъ есть дворяне, ко-

дальнаго режима; ихъ можно найти въ настоящее время въ Англіи, Австріи, Пруссіи и Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, собственность надолго переживаетъ тѣ условія, которыя вызвали ея образованіе. Ее создала верховная власть; отдѣленная отъ этой верховной власти, она еще долго оставалась въ тѣхъ самыхъ рукахъ, которыя нѣкогда держали эту власть. Въ епископѣ, аббатѣ или графѣ, король желалъ уничтожить своего соперника, но уважалъ въ нихъ собственника. По многимъ признакамъ мы можемъ и теперь еще угадать такихъ владѣтелей, верховная власть которыхъ была или уничтожена или же сокращена королемъ.

III.

Также точно совершалось частное или полное освобожденіе отъ податей. Сборщики не переступали границы феодальной собственности, такъ какъ король самъ сознавалъ, что эта собственность имѣетъ такое же происхожденіе, какъ и та, которою онъ самъ владѣетъ. Если королевство является привилегіей, то и феодальное владѣніе также составляетъ привилегію; король самъ, — не болѣе, какъ привилегированный изъ привилегированныхъ. Самый абсолютный и наиболѣе проникнутый своими правами король, Людовикъ XIV, почувствовалъ однако смущеніе, когда крайняя необходимость заставила его разложить десятинный налогъ на всѣхъ безъ исключенія. Договоры, прецеденты, незапамятный обычай, воспоминаніе о древнемъ правѣ, все еще продолжаютъ сдерживать руку фиска. Чѣмъ больше собственникъ похожъ на древняго независимаго верховнаго владѣльца, тѣмъ шире льготы, которыми онъ пользуется. Иной разъ эти льготы обезпечиваются ему послѣднимъ до-

торые живутъ на 6,000 или 8,000 ливровъ имѣютъ двухъ слугъ, двухъ служанокъ, три лошади и кабриолетъ». Теперь нужно для этого имѣть 20,000 или 25,000. — Въ провинціи, въ особенности, подъ вліяніемъ желѣзныхъ дорогъ, жизнь очень вздорожала. «По словамъ моихъ друзей въ Руэрсѣ, — говоритъ онъ еще, — я бы могъ жить въ Мильо съ семьей, въ полномъ довольствіи на сто лундоровъ. Тамъ есть дворянскія семьи, живущія на доходъ въ 50 и даже въ 25 лундоровъ.» Теперь въ Мильо цѣны утроились и даже учетверились. Въ Парижѣ домъ въ улицѣ Сентъ Оноре, отдавался въ наймы за 6,000 франковъ въ 1789 г., теперь за 16,000 фр.

говоромъ или же тѣмъ, что онъ считается иностранцемъ, а иногда ему даетъ ихъ его почти королевское происхожденіе. „Въ Эльзасѣ, иностранные владѣтельные принцы, Мальтійскій и Тевтонскій ордена, пользуются льготой и освобождены отъ всякаго обложенія личнаго и имущественнаго“. — „Въ Лотарингіи, капитуль въ Ремиремонсѣ, пользуется привилегіей самому назначать цифру своего взноса во всѣхъ государственныхъ налогахъ“. Иногда эти льготы обезпечивались тѣмъ, что дворянское достоинство соединялось съ земельнымъ владѣніемъ. Въ Лангедокѣ и Бретани только съ владѣній разночинцевъ взималась подать. Вездѣ, впрочемъ, дворянское достоинство охраняло отъ уплаты податей не только владѣльца, но и его замокъ со всѣми службами; ему приходилось платить только въ лицѣ своихъ фермеровъ. Еще лучше: достаточно было ему самому, или черезъ управителя, эксплуатировать собственную землю, чтобы она уже освобождалась, также какъ и онъ самъ, отъ уплаты всякихъ налоговъ. Стоило ему вступить на землю самому или черезъ своего приказчика, и онъ своею неприкосновенностью прикрывалъ тѣ самыя десятины, которыя въ рукахъ другого были обложены податю. Кромѣ того, онъ могъ освободить такимъ образомъ отъ подати всѣ свои лѣса, луга, виноградники, пруды, усадебныя земли, прилегающія къ замку, каково бы ни было ихъ протяженіе. „Вслѣдствіе этого, въ Лимузенѣ и др. мѣстахъ, гдѣ главное производство составляютъ луга и виноградники, помѣщикъ всегда стремился самъ или же черезъ своего управителя, управлять значительною частью своихъ владѣній и такимъ путемъ ограждать ихъ отъ сборщика податей.—Но этого мало: въ Эльзасѣ, по специальному соглашенію, помѣщикъ не платилъ ни одного су налога. Такимъ образомъ, несмотря на всѣ свои посягательства продолжавшіяся 450 лѣтъ, учрежденіе подати,—это могучее орудіе казны, самое тяжелое изъ всѣхъ,—оставило почти неприкосновенной феодалную собственность.

Два новыхъ орудія казны, дѣйствовавшія въ теченіе вѣка: подушныя подати и взиманіе двадцатой части, казались болѣе дѣйствительными, но, въ сущности, и они не были такими. Прежде всего, духовенство,

посредствомъ образцовой духовной дипломатіи, отстранило и смягчило этотъ ударъ. Такъ какъ оно составляетъ корпорацію и пользуется правомъ собраній, то ему можно было вступать въ переговоры съ королемъ, откупаться, избѣгать обложенія другими лицами и самому опредѣлять размѣры своего платежа, да еще, кромѣ того, оно сумѣло добиться, чтобы его взносы не считались принудительнымъ платежемъ, но признавались какъ бы „добровольнымъ даромъ“. Взамѣнъ оно сумѣло получить массу уступокъ; оно могло уменьшить этотъ даръ, а иногда и совсѣмъ не дѣлать его и во всякомъ случаѣ сократить его до 16 милліоновъ за каждое пятилѣтіе, что составляетъ немного болѣе трехъ милліоновъ въ годъ. Въ 1788 г. духовенство платило только 1.800,000 ливровъ, а въ 1789 г. и совсѣмъ отказалось платить. Еще лучше: такъ какъ для уплаты „дара“, духовенство прибѣгло къ займу, и такъ какъ получаемыя имъ десятины въ его владѣніи были недостаточны для погашенія капитала и уплаты процентовъ по займу, то оно очень искусно добилось того, что король изъ своей казны сталъ выдавать ему ежегодно 2.500.000 ливровъ, такъ что, вмѣсто того, чтобы платить, оно еще получало съ казны и въ 1787 году положило въ карманы такимъ образомъ, 1,500,000 ливровъ.

Что касается дворянъ, то они, не имѣя возможности собираться, имѣть своихъ представителей и дѣйствовать черезъ общественные пути, обратились къ частнымъ путямъ, и дѣйствовали черезъ министровъ, интендантовъ, субделегатовъ, генеральныхъ откупщиковъ и всѣхъ лицъ, облеченныхъ властью. Дворянское званіе внушало почтеніе и поэтому имъ оказывалось снисхожденіе, и разныя любезности и льготы. Прежде всего, это званіе избавляло ихъ самихъ, ихъ служащихъ и слугъ этихъ служащихъ отъ выниманія жребія въ милицію, отъ постоя, отъ дорожной повинности; затѣмъ, такъ какъ подушная подать опредѣляется по налогу съ имущества, то они и платили мало, потому что ихъ обложеніе было ничтожно. Кромѣ того, каждый изъ нихъ пускалъ въ ходъ всѣ средства, чтобы избавиться отъ платежа. „Ваше чувствительное сердце,—нищеть одинъ изъ

нихъ интенданту,—конечно не допустить, чтобы человекъ изъ моего сословія былъ бы обложенъ такими же строгими платежами двадцатой доли, какъ и человекъ изъ простонародья“.— Съ другой стороны, такъ какъ плательщикъ вносить подушную подать въ мѣстѣ своего дѣйствительнаго жительства, зачастую очень далеко отъ своихъ имѣній, и такъ какъ о его доходахъ съ движимаго имущества ничего неизвѣстно, то онъ можетъ платить, сколько ему вздумается. Никакіе розыски относительно его не допускаются, если онъ дворянинъ. „Съ людьми высокаго ранга всегда соблюдаютъ безконечныя предосторожности“, говоритъ Тюрго. „Подушная подать съ привилегированныхъ лицъ была низведена до очень скромныхъ размѣровъ, междутѣмъ какъ подушная подать съ лицъ, платящихъ уже другіе налоги, почти равнялась по размѣрамъ, главнѣйшему налогу“. Притомъ же, „сборщики считаютъ своею обязанностью щадить привилегированныхъ даже тогда, когда за ними имѣются недоимки“, вслѣдствіе чего, какъ говоритъ Неккеръ, за ними накопилось много очень давнихъ и много слишкомъ значительныхъ недоимокъ“. Итакъ, не имѣя возможности отразить съ фронта нападеніе казны, они старались его избѣгать или такъ ослабить, чтобы оно сдѣлалось совершенно безвреднымъ. Въ Шампани „изъ суммы въ почти 1.500,000 ливровъ, доставляемыхъ подушною пошпиной, они платили только 14,000 ливровъ“, т. е. „два су и два динарія за тотъ же самый предметъ, за который податному сословію приходилось платить 12 су съ одного ливра“. По словамъ Калонна, „если бы уничтожили льготы и привилегіи, то налоги приносили бы вдвое больше“.—„Но самые богатые всегда были и самыми искусными въ защитѣ своихъ привилегій!“ — Съ интендантами,—говоритъ герцогъ Орлеанскій,—я всегда могу поладить, такъ какъ я плачу имъ приблизительно только то, что хочу“,—и онъ высчитывалъ, что если бы провинціальная администрація обложила его налогомъ съ должною строгостью, то онъ бы потерялъ 300,000 ливровъ дохода. Было доказано, что принцы крови уплачивали вмѣсто 2.400,000 всего 188,000 ливровъ. Но въ сущности, освобожденіе отъ налога является въ

этомъ режимѣ лишь послѣдними обрывками верховныхъ правъ, или, по крайней мѣрѣ, обломкомъ независимости. Привилегированный избѣгаетъ или отклоняетъ отъ себя обязанность платить налогъ не только потому, что это для него раззорительно, но и по той причинѣ, что это его унижаетъ. Подать—это признакъ недворянскаго званія, т. е. бывшаго состоянія рабства и поэтому-то привилегированные сопротивляются ей столько же изъ личнаго интереса, сколько и изъ гордости.

IV.

Послѣдуемъ теперь за привилегированнымъ въ его владѣнія. Епископъ, аббатъ, монашескій капитулъ, аббатиса, имѣютъ каждый свои помѣстья, какъ и свѣтскій владѣлецъ, такъ какъ въ прежнія времена монастырь и церковь были маленькими государствами, подобно графству и герцогству. Нетронутое по ту сторону Рейна, но почти разрушенное во Франціи, феодальное зданіе вездѣ указываетъ на одинъ и тотъ же планъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, лучше защищенныхъ или меньше подвергавшихся нападеніямъ, это зданіе сохранило свой прежній внѣшній видъ. Въ Кагорѣ, графъ—епископъ города имѣетъ право, когда онъ совершаетъ торжественное богослуженіе, „класть на престолъ, каску, кирассу, перчатки, и шпагу“.—Въ Безансонѣ, принцъ-архіепископъ имѣетъ шесть главныхъ офицеровъ, которые обязаны приносить ему въ даръ свои удѣлы, присутствовать при его вступленіи на престолъ и быть на его похоронахъ. Въ Мандѣ епископъ, сюзеренъ Жеводана, съ XI вѣка, „выбиралъ со вѣтниковъ, судей, комиссаровъ и синдиковъ страны, располагалъ всѣми должностями муниципальными и судебными“ и, когда его пригласили принять участіе въ собраніи трехъ сословій провинціи, то онъ отвѣчалъ, что его мѣсто, его владѣнія и его рангъ, ставятъ его выше всѣхъ частныхъ лицъ его прихода; онъ не можетъ находиться подъ предсѣдательствомъ никого другого и, будучи сюзереннымъ владѣльцемъ всѣхъ земель и, въ особенности, баронствъ, онъ не можетъ уступить первенство своимъ вассаламъ и вассаламъ своихъ вассаловъ“. — Однимъ словомъ, въ

своей провинціи, онъ былъ королемъ или почти королемъ. Въ Ремиремонъ благородный капитуль канониссъ держалъ въ своихъ рукахъ все низшее, высшее и среднее правосудіе въ 52-хъ призывныхъ округахъ своихъ ленныхъ владѣній; онъ представляетъ своихъ кандидатовъ на 64 должности священниковъ, имѣетъ въ своемъ распоряженіи десять мѣстъ канонниковъ, назначаетъ въ городѣ муниципальныхъ чиновниковъ и кромѣ того еще располагаетъ тремя судами первой инстанціи и апелляціонными судами и повсюду можетъ назначать чиновниковъ лѣснаго вѣдомства. Тридцать два епископа, не считая капитуловъ, являются, такимъ образомъ, свѣтскими властителями во всѣхъ направленіяхъ или же владѣютъ только частью своихъ епископскихъ городовъ, а иногда и окружающаго округа. Иной разъ, какъ напр. епископъ Сень-Клодъ, они становятся властителями всей области. Въ такихъ мѣстахъ феодальное зданіе еще сохранилось; въ другихъ же оно возстанавливается заново, а именно въ удѣльныхъ владѣніяхъ. Въ этихъ владѣніяхъ, куда входятъ болѣе двѣнадцати нашихъ департаментовъ, принцы крови назначаютъ на судебныя должности и раздаютъ приходы; занявъ мѣсто короля, они получали и его выгодныя и почетныя права. Они стали почти пожизненными королями, такъ какъ получали, не только то, что получилъ король, какъ ленный владѣлецъ, но еще и часть того, что онъ долженъ былъ получить какъ монархъ. Напримѣръ, Орлеанскій домъ взималъ вспомогательные налоги, т. е. налоги на спиртные напитки, на золотыя, серебряныя издѣлія, на производство желѣза, стали, картъ, бумаги и крахмала—словомъ, онъ беретъ себѣ всю сумму одного изъ самыхъ обременительныхъ косвенныхъ налоговъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что, находясь въ положеніи верховнаго лица, Орлеанскіе принцы, какъ государи, имѣли свой совѣтъ, своего канцлера, свой государственный долгъ, свой дворъ и придворный церемоніаль и въ ихъ рукахъ феодальное зданіе получало такую же пышную внѣшность и было организовано такъ же, какъ и въ рукахъ короля.

Перейдемъ теперь къ менѣе значительнымъ лицамъ, къ помѣщику сред-

ней руки, живущему въ своихъ владѣніяхъ, обнимающихъ квадратную милю, среди тысячи жителей, которые нѣкогда были его крестьянами или крѣпостными, и рядомъ съ монастыремъ, капитуломъ или епископомъ, права которыхъ смѣшиваются съ его правами. Но чтобы ни дѣлалось, чтобы унижить его положеніе, оно все-таки, остается довольно высокимъ. Онъ все еще, какъ говорятъ интенданты, „первый изъ жителей“, это—принцъ, котораго мало по малу, лишили его прежнихъ общественныхъ должностей, оставивъ ему только его почетныя и доходныя права, но тѣмъ не менѣе онъ, все-таки, остается принцемъ. Въ церкви у него есть своя скамья и онъ пользуется правомъ погребенія возлѣ клироса. Драпировки въ церкви украшены его гербами, ему кадятъ и подносятъ святую воду съ особымъ почетомъ. Часто, основавъ церковь, онъ становится ея покровителемъ, выбираетъ священника, и желаетъ руководить имъ. Въ деревняхъ, онъ измѣняетъ часы церковной службы, назначаетъ ихъ раньше или позже, по своему усмотрѣнію. Если онъ имѣетъ титуль, то пользуется правами верховнаго судьи и существуютъ цѣлыя провинціи, напримѣръ Мэнъ и Анжу, гдѣ всѣ ленныя владѣнія соединялись съ правами правосудія. Въ такихъ случаяхъ, владѣлецъ самъ назначалъ судью, регистратора, и другихъ судебныхъ чиновъ, прокуроровъ, нотаріусовъ, сержантовъ, приставовъ, которые и дѣйствовали или судили отъ его имени въ гражданскихъ и уголовныхъ судахъ первой инстанціи. Кромѣ того, онъ же назначалъ лѣсничаго или судью для преступковъ, касающихся лѣсовъ и получалъ штрафы, налагаемые этими должностными лицами. Для преступниковъ различнаго рода у него была своя тюрьма, а иногда и своя висѣлица. Но кромѣ того, въ видѣ вознагражденія за издержки по устройству правосудія, онъ получалъ имущество человѣка, приговореннаго къ смерти или къ конфискаціи, въ предѣлахъ собственныхъ владѣній. Онъ наследовалъ также послѣ незаконнорожденнаго, родившагося и умершаго въ его владѣніяхъ, послѣ умершаго безъ завѣщанія и безъ явныхъ законныхъ наследниковъ. Онъ присваивалъ себѣ также всякое движи-

мое имущество, живое или мертвое, которое было найдено на его землѣ, но владѣльцы котораго были неизвѣстны. Онъ бралъ себѣ треть или половину найденныхъ кладовъ, а на берегу забиралъ въ свою пользу всѣ остатки, выброшенные моремъ, послѣ кораблекрушеній. Наконецъ, что было особенно прибыльно въ тѣ времена всеобщаго раззоренія, онъ становился собственникомъ покинутыхъ участковъ земли, не подвергавшихся обработкѣ въ теченіе десяти лѣтъ. Другія привилегіи, которыми онъ пользовался, яснѣе указываютъ, что правительство округа нѣкогда находилось въ его рукахъ. Такъ на примѣръ и въ Оверни, Фландріи, Гэно, Артуа, Пикардіи, Эльзасѣ и Лотаргиніи, ему уплачивался еще налогъ за охрану и покровительство. Онъ взималъ налогъ на стражу и дозоры и на свою военную охрану, а также питейный сборъ съ тѣхъ, кто продаетъ пиво, вино или другіе напитки, въ розницу и оптомъ. Онъ получалъ налогъ, уплачиваемый деньгами или зерномъ, съ каждаго очага, дома или семьи, и очень распространенный въ Дофинѣ и Провансѣ, а также налогъ съ каждаго прогоняемаго стада овецъ, — пошлину съ продажи и аренды земли, почти повсемѣстно распространенную, и состоящую во взиманіи шестой, а иногда пятой или даже четвертой части съ запродажной цѣны на землю или съ аренды, срокомъ болѣе чѣмъ на девять лѣтъ. Сюда же относится и налогъ, равняющійся доходу одного года, получаемый съ каждаго имѣнія, переходящаго къ наследникамъ по боковой линіи, а иногда и къ прямымъ наследникамъ. Но, болѣе рѣдкимъ, и въ то же время наиболѣе тяжелымъ изъ всѣхъ былъ налогъ, составляющій двойную поземельную подать или годовой сборъ плодовъ, который уплачивался въ случаѣ смерти, какъ верховнаго владѣльца, такъ и самого владѣльца участка. Все это были настоящіе налоги, земельные и личные, налоги на движимое имущество, патентные сборы, налоги на право передвиженія, на переходъ собственности изъ рукъ въ руки, на наследство, установленные нѣкогда при условіи извѣстной общественной службы, которую однако владѣлецъ уже пересталъ нести.

Другіе поборы, взимаемые владѣль-

цемъ въ свою пользу, также представляють старинные налоги, но по отношенію къ нимъ онъ все-таки хотъ выполнялъ тѣ обязанности, за исполненіе которыхъ ему было назначено это вознагражденіе. Правда, король отмѣнилъ множество дорожныхъ пошлинъ, не менѣе 1200 въ 1724 г., но все же ихъ еще оставалось достаточно для владѣльца, который могъ дѣлать сборъ съ мостовъ, съ дорогъ, перевозовъ, барокъ, поднимающихся или спускающихся по теченію рѣки, но за то онъ долженъ былъ и заботиться о содержаніи этихъ мостовъ, перевозовъ, дорогъ, бичевниковъ. Такія обложенія все же приносили ему большой доходъ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигалъ 90,000 ливровъ. Подобнымъ же образомъ, подъ условіемъ поддержанія зданій рынка и бесплатнаго доставленія вѣсовъ и гирь, онъ пользовался правомъ дѣлать сборы со всѣхъ сѣстныхъ припасовъ и товаровъ, привозимыхъ на ярмарку или рынокъ. Въ Ангулемѣ онъ взималъ 48-ю часть проданнаго зерна, въ Комбургѣ, возлѣ Сень-Мало, столько же съ каждой головы проданнаго скота; въ другихъ мѣстахъ — столько же съ запроданнаго количества вина, сѣстныхъ припасовъ и рыбы. Такъ какъ, въ прежніе времена, онъ первый построилъ хлѣбопекарню, прессъ для винограда, мельницу и баню, то онъ и могъ обязать жителей пользоваться только этими учрежденіями и разрушалъ всѣ такія постройки, которыя могли составить ему конкуренцію. Ясно, что все это были монополіи и права, относящіяся къ этимъ временамъ, когда владѣлецъ еще держалъ общественную власть въ своихъ рукахъ.

Но онъ не только имѣлъ въ своихъ рукахъ власть въ тѣ времена; ему принадлежали тогда земля и люди. Впрочемъ, въ различныхъ провинціяхъ, онъ еще оставался собственникомъ людей во многихъ отношеніяхъ. Въ Шампани, въ Сенонѣ, въ Ла-Маршѣ, въ Бурбоннѣ, въ Нивернѣ Бургони, Франшконте, почти не оставалось земель, которыя не сохраняли бы слѣдовъ прежняго крѣпостнаго состоянія... Тамъ еще можно было найти не мало личныхъ крѣпостныхъ или же сдѣлавшихся таковыми изъ благодарности или же по волѣ своихъ родителей. Человѣкъ въ этихъ мѣ-

стахъ оказывается рабомъ, то въ силу своего рожденія, то въ силу своего отношенія къ землѣ. Тѣмъ или инымъ способомъ, но еще около полутора милліона человѣкъ, сохраняли, какъ говорятъ, вокругъ своей шеи, остатокъ феодальнаго ошейника. Въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго, потому что, по ту сторону Рейна, почти всѣ крестьяне еще и теперь носятъ этотъ ошейникъ. Господинъ и владѣлецъ всего ихъ имущества и всего ихъ труда въ прежнія времена, и теперь еще можетъ потребовать отъ нихъ отъ десяти до двѣнадцати дней барщины въ годъ, кромѣ опредѣленнаго оброка. Въ баронствѣ Шуазель, близъ Шомона, въ Шампани, жители должны воздѣлывать его земли, засѣвать ихъ, убирать жатву для него и складывать ее въ житницы. За каждый клочекъ земли, каждый домъ, каждую голову скота ему уплачивался извѣстный налогъ. Дѣти наследовали родителямъ только подъ условіемъ совмѣстнаго житья съ ними. Если же они отсутствовали ко времени смерти родителей, то наследовалъ владѣлецъ. „Вотъ что называлось въ тѣ времена землею, обложенной „хорошею податью!“ Въ другихъ мѣстахъ владѣлецъ получалъ всѣ наследства по боковой линіи, вмѣсто братьевъ или племянниковъ, если они не жили вмѣстѣ съ покойникомъ въ моментъ его смерти, но при этомъ, опять таки совмѣстное жительство возможно было только съ позволенія владѣльца. Въ Юрской области и въ Нивернѣ онъ могъ преслѣдовать крѣпостныхъ, которые убѣжали и потребовать послѣ ихъ смерти, не только имущество, покинутое ими въ его владѣніяхъ но и то, которое имъ удалось скопить въ другомъ мѣстѣ.

Въ Сень-Клодъ онъ прибрѣталъ это право надъ каждымъ, кто прожилъ одинъ годъ и одинъ день въ домѣ, принадлежащемъ къ его владѣніямъ. Что касается собственности земли, то ясно, что она принадлежала ему цѣликомъ. Въ округѣ, подчиненномъ ему, всѣ общественныя земли составляли его частную собственность; дороги, улицы и общественныя площади входили въ составъ его владѣній. Онъ имѣлъ право сажать тамъ деревья и заявлять свои права на деревья, уже растущія тамъ. Во многихъ провинціяхъ онъ имѣлъ право

заставлять жителей платить за разрѣшеніе пасти свои стада на поляхъ послѣ жатвы и на „пустопорожней землѣ“. Рѣки, не судоходныя, принадлежали ему, также какъ и островки и образующіеся на рѣкѣ наносы и встрѣчающаяся тамъ рыба. Онъ имѣлъ право охоты на всемъ пространствѣ, подвѣдомственномъ ему, и не разъ случалось, что какой нибудь владѣлецъ низкаго происхожденія, бывалъ вынужденъ открывать ему ворота своего парка, обнесеннаго стѣной.

Еще одна послѣдняя черта, которая должна окончательно обрисовать намъ тогдашняго владѣльца земель: это былъ глава государства, собственникъ людей и земли, но онъ самъ нѣкогда былъ сельскимъ хозяиномъ, проживавшимъ на своей фермѣ, среди остальныхъ подчиненныхъ ему фермъ и на этомъ основаніи онъ обезпечилъ себѣ нѣкоторыя хозяйственныя выгоды, изъ которыхъ многія сохранились и до сихъ поръ. Таково, на примѣръ, еще очень распространенное право, предоставляющее ему привилегію продавать свое вино, съ изъятіемъ всѣхъ другихъ винъ съ рынка, въ теченіе тридцати или сорока дней послѣ сбора винограда. Таковымъ же было и то право, которымъ онъ пользовался въ Турени—право посылать своихъ лошадей, коровъ и быковъ пастись, подъ охраною пастуховъ, на лугахъ своихъ подданныхъ. Таково же было, и его право содержать огромную голубятню, откуда его голуби отправлялись тысячами пастись во всякое время и на всякой землѣ, причемъ никто не смѣлъ ни ловить, ни убивать ихъ. Тоже въ качествѣ сельскаго хозяина, онъ сохранялъ право еще и на другіе поборы, собираемые со всѣхъ участковъ, отданныхъ имъ нѣкогда въ вѣчную аренду. Эти поборы существовавшія подъ разными наименованіями, эти взиманія деньгами и натурой, были также разнообразны какъ и тѣ обстоятельства или случайныя условія, и мѣстныя сдѣлки, которыя ихъ обусловили. Въ Бурбоннѣ напр., владѣлецъ получалъ четверть урожая, въ Берри—двѣнадцать сноповъ со ста.

Иногда его должникомъ или арендаторомъ бывала цѣлая община. Одинъ депутатъ національнаго собранія имѣлъ надѣль, дающій ему право взимать двѣсти бочекъ вина съ трехъ

тысячъ частныхъ владѣній. Въ другихъ же мѣстахъ, основываясь на правѣ отбирать назадъ уступленный раньше участокъ, онъ могъ оставлять за собою всякій запроданный участокъ, съ обязательствомъ вернуть помѣщику уплоченную имъ сумму, но вычитая при этомъ, предварительно, изъ этой суммы, въ свою пользу весь крѣпостной налогъ.

Замѣтите при этомъ, что всѣ эти повинности, лежащія на земельной собственности, представляють для владѣльца какъ бы родъ векселя, по которому ему производилась уплата изъ доходовъ и изъ капитала, а для плательщиковъ родъ неоплатнаго долга, не раздѣляемаго и не подлежащаго выкупу.

Вотъ каковы были феодальные права! Чтобы лучше представить себѣ ихъ общую картину, всегда надо имѣть въ виду, что графъ, епископъ или аббатъ десятаго вѣка, были владѣльцами и собственниками своего округа. Форма, въ которую сложилось тогдашнее общество, образовалось подъ вліяніемъ непрестанной и близкой опасности и необходимости мѣстной защиты, а также вслѣдствіе подчиненія всѣхъ интересовъ одной потребности— потребности жить, и желанію сохранить землю прикрѣпивъ къ ней узамъ собственности и правомъ пользованія отрядъ храбрецовъ подъ командою столь же храбраго предводителя. Но когда опасность исчезла, то постройка стала разрушаться. За деньги владѣльцы позволили экономному и настойчивому крестьянину повытаскать изъ этой постройки не мало камней. Имъ пришлось также поневолѣ, допустить короля присвоить себѣ всѣ общественные отдѣлы этой постройки. Такимъ образомъ, имъ самимъ остался лишь одинъ первоначальный остовъ, т. е. древнее устройство собственности, земля, скованная цѣпами, или истощенная ради поддержанія соціальной формы, которая уже распалась—словомъ, сохранился только старый порядокъ, состоящій изъ привилегій и повинностей, причины же и цѣли которыхъ давно уже исчезли.

V.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такой порядокъ былъ вреденъ или бесполезенъ. Въ самомъ дѣлѣ, мѣст-

ный глава, не исполняющій уже прежнихъ общественныхъ обязанностей, могъ все-же, взамѣнъ этого, нести на себѣ другія, новыя обязанности. Его должность была установлена для войны, когда жизнь носила воинственный характеръ, но онъ могъ служить и въ мирное время, при введеніи мирнаго режима и націа, претерпѣвшая такое превращеніе, очень много выигрывала отъ этого, такъ какъ, сохраняя своихъ прежнихъ вождей, она избавлялась отъ ненадежной и опасной операціи, состоящей въ присканіи новыхъ. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ основать правительство, т. е. я хочу сказать, стойкое правительство, такое, которое состоитъ въ томъ, что повелѣваютъ немногіе, а подчиняются всѣ, что во всякомъ случаѣ, противно человѣческой природѣ. Для того, чтобы одинъ человѣкъ, иногда дряблый старикъ, могъ, изъ своего кабинета, располагать жизнью и имуществомъ двадцати или тридцати милліоновъ людей, изъ которыхъ большинство даже не видѣло его въ глаза, для того, чтобы онъ могъ приказывать имъ отдавать десятую или пятую часть своего дохода и они бы отдавали ее, для того, чтобы онъ могъ повелѣвать имъ идти и убивать другихъ или самимъ рисковать своею жизнью и они бы исполняли это; для того, чтобы они продолжали такъ поступать въ теченіе десяти—двадцати лѣтъ, несмотря на всѣ испытанія, неудачи, бѣдствія и нашествія, подобно французамъ при Людовикѣ XIV, англичанамъ при Питтѣ, пруссакамъ при Фридрихѣ II, не прибѣгая къ возмущенію и внутреннимъ волненіямъ—для этого, въ самомъ дѣлѣ, требуется чудо! Но, чтобы оставаться независимымъ, народъ долженъ былъ ежедневно быть готовымъ совершить такое чудо. Однако, ни такая вѣрность, ни такое согласіе не могутъ быть плодами разсуждающаго разума, который слишкомъ слабъ и слишкомъ шатокъ, чтобы оказывать подобное всеобщее и энергичное дѣйствіе. Предоставленное самому себѣ и внезапно низведенное до степени первобытнаго состоянія, человѣческое стадо только будетъ волноваться и сталкиваться другъ съ другомъ, пока, наконецъ, грубая сила не возьметъ верхъ, какъ во времена варварства и, среди пыли и криковъ, не воспрянетъ вне-

запно военный предводитель, который большею частью бывает мясником. Что касается истории, то вѣдь лучше ее продолжать, чѣмъ начинать сызнова! Вотъ почему полезно, въ особенности тогда, когда народное большинство еще мало культурно, чтобы предводители были заранее указаны, во-первыхъ, наследственной привычкою слѣдовать за ними, а во вторыхъ — специальнымъ воспитаніемъ, которое подготовляло бы ихъ къ власти. Въ такихъ случаяхъ, общество не имѣетъ нужды искать ихъ, чтобы найти. Они находятся тутъ на лицо, въ каждомъ округѣ, видимые для всѣхъ и заранее признанные всѣми. Ихъ распознаютъ по ихъ именамъ, титуламъ, состоянію, роду жизни и почтенію, съ которымъ всѣ готовы относиться къ ихъ авторитету. Въ большинствѣ случаевъ, этотъ авторитетъ бываетъ заслуженнымъ. Рожденные и воспитанные для власти, они находятъ въ преданіи, примѣрахъ и фамильной гордости могущественныхъ побудителей, питающихъ въ нихъ общественный духъ, поэтому и можно ожидать, что они поймутъ тѣ обязанности, которыя налагаетъ на нихъ ихъ преимущественное положеніе, таково именно то обновленіе, которое дозволяется феодальнымъ строемъ. Прежній глава можетъ оправдывать свое преобладаніе тѣми услугами, которыя онъ оказывалъ и можетъ сохранить популяриность, оставаясь привилегированнымъ. Нѣкогда онъ былъ капитаномъ округа и постояннымъ жандармомъ, теперь же онъ долженъ сдѣлаться благодѣтельнымъ помѣщикомъ, живущимъ постоянно въ своихъ владѣніяхъ и добровольно поддерживать всѣ полезныя предпріятія. Онъ долженъ быть покровителемъ бѣдныхъ, администраторомъ и даровымъ судьей округа, а также безвозмезднымъ его представителемъ передъ лицомъ короля. Онъ будетъ такимъ же предводителемъ и покровителемъ какъ прежде, но только форма будетъ другая, болѣе приспособленная къ новымъ обстоятельствамъ. Мѣстный судья и представитель округа — вотъ его двѣ главныя обязанности, и если бросить взглядъ за предѣлы Франціи, то можно убѣдиться, что вездѣ онъ исполняетъ или ту, или другую обязанность, или же обѣ вмѣстѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мѣстныя служебныя обязанности, которыя должны нести привилегированные. — Примѣры этого въ Германіи и Англій. — Привилегированные не оказываютъ такихъ услугъ во Франціи. — Владѣльцы, остающіеся въ своихъ помѣстьяхъ. — Остатки добраго феодальнаго духа. — Они не относятся сурово къ своимъ арендаторамъ, но болѣе не держатъ въ рукахъ мѣстнаго правительства. — Ихъ изолированное положеніе. — Незначительность или посредственность ихъ достатка. — Ихъ издержки. — Они не въ состояніи отказаться отъ оброка. — Чувства къ нимъ крестьянъ. — Владѣльцы, не остающіеся въ своихъ помѣстьяхъ. — Громадность ихъ состояній и ихъ правъ. — Пользуясь большими преимуществами, они обязаны нести и болѣе значительную службу. — Причины ихъ отсутствія. — Вліяніе ихъ удаленія. — Равнодушіе провинцій. — Состояніе ихъ земель. — Они не раздаютъ милостыни. — Нищета ихъ крестьянъ. — Вымогательства ихъ фермеровъ. — Требовательность, вслѣдствіе долговъ. — Состояніе ихъ правосудія. — Послѣдствія ихъ правъ на охоту. — Чувства къ нимъ крестьянъ.

I.

Обратимъ вниманіе, прежде всего, на мѣстное управленіе. У самыхъ воротъ Франціи есть мѣста, гдѣ феодальное подчиненіе, хотя и болѣе тяжелое, чѣмъ во Франціи, кажется легче, потому что его благодѣянія, положенныя на чашку вѣсовъ, перевѣшиваютъ его тягости. Въ Мюнстерѣ, въ 1809 г., Бенво находитъ владѣтельнаго епископа, монастырскій городъ и большіе владѣльческіе дворцы, но мало купцовъ, торгующихъ самыми необходимыми вещами, и лишь небольшое число городскихъ обывателей; кругомъ же крестьяне, поселенцы или крѣпостные. Владѣлецъ беретъ въ свою пользу часть всѣхъ произведеній ихъ труда, пищевыми продуктами или скотомъ, а послѣ ихъ смерти, получаетъ часть оставленнаго ими наследства. Если они уйдутъ отъ него, то ихъ имущество достается ему. Его слуги наказываются, какъ мужики и въ каждомъ сараѣ имѣется для этой цѣли деревянная кобыла, но владѣльцы могутъ налагать и болѣе тяжкія наказанія, по всей вѣроятности, палочные удары и проч. Однако „никогда, ни одному осужденному не приходило въ голову протестовать противъ такого наказанія или подавать жалобу!“ И это потому, что если владѣлецъ по отечески сѣчетъ ихъ, то онъ „по отечески и бережетъ ихъ и всегда приходитъ къ нимъ на по-

мощь, въ случаѣ несчастья, заботится о нихъ во время болѣзни и даетъ имъ пріютъ, когда они состарѣются“. Онъ оказываетъ поддержку ихъ вдовамъ и радуется, когда у нихъ бываетъ много дѣтей. Между нимъ и его подвластными существуетъ общность симпатій и они не чувствуютъ ни тревоги, ни несчастья, потому что знаютъ, что во всѣхъ своихъ предвидѣнныхъ или непредвидѣнныхъ бѣдствіяхъ, они могутъ прибѣгнуть къ нему. Въ Прусскихъ государствахъ и по уставу Фридриха Великаго, рабство, еще болѣе тяжелое, уравнивается обязательствами, лежащими на владѣльцахъ. Крестьяне не могутъ, безъ разрѣшенія владѣльца, отдавать свои поля, закладывать свою землю или обрабатывать ее инымъ способомъ, перемѣнять ремесло и вступать въ бракъ. Еслибы имъ вздумалось покинуть его владѣнія, то господинъ можетъ преслѣдовать ихъ повсюду и силою вернуть ихъ. Онъ имѣетъ право надзирать даже за ихъ частною жизнью и наказываетъ ихъ за пьянство или лѣность. Въ юношескомъ возрастѣ они проводятъ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ слугъ въ его замкѣ, а сдѣлавшись земледѣльцами, они обязаны отбывать барщину, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до трехъ дней въ недѣлю. Но зато, какъ обычай, такъ и законъ, требуютъ отъ него, чтобы онъ „заботился о ихъ воспитаніи, помогалъ имъ въ нуждѣ, доставлялъ имъ, насколько возможно, средства къ жизни“. Онъ, слѣдовательно, несетъ на себѣ всѣ тяготы правительства, пользуясь, въ тоже время, и доставляемыми имъ выгодами и его подданные, хотя и сгибаются подъ тяжестью его руки, которая давитъ на нихъ, но не пробуютъ отъ нея освободиться, такъ какъ въ тоже время эта рука и поддерживаетъ ихъ. Въ Англии, высшіе классы достигли такихъ же результатовъ, но только другими путями. Тамъ точно также, земля платитъ церковную десятину, и притомъ строго вычисленную десятую часть дохода, значить гораздо больше, чѣмъ во Франціи. Сквайръ, — дворянинъ, владѣетъ частью земли, гораздо большею, нежели его французскій сосѣдь, и на самомъ дѣлѣ, его власть въ округѣ, гораздо больше. Но его арендаторы,

крестьяне и фермеры уже болѣе не его крѣпостные и даже не вассалы; они свободны. Если онъ и управляетъ ими то лишь благодаря своему вліянію, и они подчиняются ему не по приказанію. Какъ владѣлецъ и хозяинъ, онъ пользуется почтеніемъ и приноситъ очевидную пользу, занимая различныя общественныя должности. Въ особенности важно то, что онъ постоянно живетъ въ округѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе, и находится въ наслѣдственныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ съ мѣстнымъ обществомъ, какъ по своимъ дѣламъ, такъ и благодаря своимъ развлеченіямъ: охотѣ, попечительству о бѣдныхъ, и черезъ своихъ фермеровъ, которыхъ онъ допускаетъ къ своему столу, и черезъ своихъ сосѣдей, которыхъ онъ встрѣчаетъ въ комитетахъ и въ приходскихъ совѣтахъ. Вотъ какимъ путемъ удерживаются старинныя іерархіи! Для этого только нужно, — и этого вполне достаточно, — чтобы они измѣнили свой военный строй на гражданскій, и чтобы нашлось болѣе современное занятіе для феодальнаго вождя.

II.

Восходя къ нѣсколько болѣе отдаленнымъ временамъ нашей исторіи, мы находимъ мѣстами и во Франціи такихъ же дворянъ. Таковъ былъ Герцогъ Сень-Симонъ, отецъ писателя, истинный верховный властитель въ своемъ округѣ Блей, почитаемый даже самимъ королемъ. Таковъ былъ дѣдь Мирабо, въ своемъ замкѣ Мирабо въ Провансѣ, самый высокопородный, самый абсолютный, самый несговорчивый изъ людей, „требующій чтобы офицеры, которыхъ онъ представлялъ для своего полка, были бы немедленно утверждаемы королемъ и министрами“, не допускающій инспекторовъ на смотръ иначе, какъ только для формы, но обладающій геройствомъ, великодушіемъ и преданностью. Онъ роздалъ пенсію, предложенную ему, своимъ шести капитанамъ, раненымъ подъ его начальствомъ. Онъ служилъ посредникомъ бѣднымъ горцамъ въ ихъ судебныхъ искахъ; онъ изгналъ изъ своихъ владѣній странствующихъ стряпчихъ, вносящихъ туда кляузы и былъ „естественнымъ покровителемъ своихъ людей“ передъ королемъ и министрами, когда надзиратели табачнаго акциза сдѣлали

обыскъ у его священника, то онъ преслѣдовалъ ихъ верхомъ съ такимъ неистовствомъ, что они съ большимъ трудомъ спаслись отъ него вбродъ черезъ рѣку Дюрансу, послѣ чего „онъ написалъ требованіе объ отозваніи всѣхъ акцизныхъ начальниковъ, заявляя при этомъ, что если это не будетъ исполнено, то онъ отправитъ всѣхъ служащихъ по сбору акцизнаго налога, „въ Рону или въ море“. Нѣкоторые изъ этихъ служащихъ были дѣйствительно отозваны и самъ управляющій акцизомъ явился къ нему съ извиненіями. Видя, что его округъ не приноситъ плодовъ, вслѣдствіе лѣности крестьянъ, онъ организовалъ отрядъ изъ всѣхъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и въ самую дурную погоду, самъ, несмотря на свои двадцать семь ранъ, повелъ ихъ на работу, платя имъ за расчистку земель, которыя онъ отдавалъ имъ же въ аренду на сто лѣтъ. Онъ отгородилъ, кромѣ того, громадными стѣнами и засадилъ цѣлую скалистую гору оливковыми деревьями. „Никто не смѣлъ, ни подъ какимъ предлогомъ, уклоняться отъ этой работы, если только не былъ боленъ — въ такомъ случаѣ ему оказывалась медицинская помощь—или если не былъ занятъ на своей собственной землѣ. Но отецъ не позволялъ обманывать себя въ этомъ отношеніи, да никто и не посмѣлъ бы сдѣлать это“. Вотъ онъ, эти послѣднія вѣтви стараго пня, узловатая и дикорастущія, но способныя все таки давать тѣнь и убѣжище! Въ отдаленныхъ уголкахъ Бретани и Оверни, можно еще найти нѣсколько такихъ личностей, которыя являются истинными повелителями округа и я увѣренъ, что, въ случаѣ нужды, крестьяне послѣдуютъ за ними, столько же изъ уваженія, сколько и изъ боязни. Сила духа и тѣла всегда доставляетъ перевѣсъ, который и находитъ въ нихъ свое оправданіе, а чрезмѣрное обиліе жизненныхъ соковъ, выражающееся вначалѣ насиліями, заканчивается потомъ благодѣяніями. Въ менѣе независимой и въ менѣе рѣзкой формѣ, такое отеческое правительство существуетъ и въ другихъ мѣстахъ, если не утвержденное закономъ, то во всякомъ случаѣ поддерживаемое правами. Въ Бретани, около Трегье и Ланьона, какъ говоритъ судья Мирабо, весь главный штабъ

береговой стражи состоялъ изъ знатныхъ людей, представителей тысячелѣтнихъ родовъ. Но я еще ни разу не видѣлъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ раскричался на солдата изъ крестьянъ, и въ то же время я наблюдалъ, что эти послѣдніе выказываютъ имъ сыновнее почтеніе... Это земной рай въ смыслѣ нравовъ, простоты и истиннаго патриархальнаго величія. Крестьяне обращаются къ своимъ владѣльцамъ, какъ нѣжный сынъ къ отцу, владѣльцы же не иначе говорятъ со своими крестьянами на ихъ грубомъ, некультурномъ языкѣ, какъ съ доброю и ласковою улыбкой. Чувствуется взаимная любовь между этими слугами и господами.—Далѣе, къ югу, въ Бокажѣ, земледѣльческой странѣ, не имѣющей дорогъ, гдѣ знатныя дамы путешествуютъ верхомъ или въ повозкахъ, запряженныхъ быками, гдѣ владѣлецъ не имѣетъ фермеровъ, а только отъ двадцати пяти до тридцати мелкихъ мызниковъ, съ которыми онъ раздѣляетъ владѣніе землей, преобладаніе знати не причиняетъ никакихъ непріятностей мелкому люду. Когда живутъ рядомъ отъ момента рожденія до самой смерти и имѣютъ одни и тѣ же интересы, однѣ и тѣ же занятія, и однѣ и тѣ же развлечения, то обыкновенно хорошо уживаются вмѣстѣ. Таковы обыкновенно отношенія между солдатами и офицерами во время похода, въ палаткахъ; солдаты становятся товарищами офицеровъ, не переставая быть подчиненными и фамиллярность тутъ нисколько не мѣшаетъ почтенію „Владѣлецъ часто посѣщаетъ крестьянъ на ихъ мызахъ, разговариваетъ съ ними объ ихъ дѣлахъ, объ уходѣ за скотомъ, соболѣзнуетъ имъ въ несчастныхъ случаяхъ и бѣдствіяхъ, которыя и ему самому приносятъ ущербъ. Онъ приходитъ на свадьбу, когда они вѣнчаютъ своихъ дѣтей и пьетъ съ гостями. По воскресеньямъ, во дворѣ его замка устраиваются танцы и его дамы принимаютъ въ нихъ участіе. Когда онъ охотится на волковъ или на кабановъ, то священникъ объявляетъ объ этомъ съ церковной кафедры. Крестьяне, со своими ружьями, весело отправляются въ назначенное мѣсто, находятъ тамъ владѣльца, который разставляетъ ихъ на мѣста, и строго выполняютъ его приказы. Это готовый отрядъ солдатъ

съ своимъ командиромъ во главѣ. Нѣсколько позднѣе и уже по собственной волѣ, они выбираютъ его командиромъ національной гвардіи, мэромъ, предводителемъ возстанія и всюду идутъ подъ его предводительствомъ. Таковы послѣдніе остатки добраго феодальнаго духа, напоминающіе собою разсѣянные вершины залитаго водой материка. До Людовика XIV вся Франція представляла такую же картину. „Сельскіе дворяне прежнихъ временъ, говоритъ маркизь де Мирабо, пили много и долго, потомъ засыпали въ старыхъ креслахъ или на жесткой кровати и отпраплялись на охоту рано утромъ, собираясь въ день св. Губерта и развѣзжаясь послѣ недѣли св. Мартына... Эти дворяне вели веселую, но въ то же время суровую жизнь по собственной волѣ; они стоили государству очень мало, но приносили ему гораздо больше своимъ постояннымъ пребываніемъ въ своихъ владѣніяхъ, чѣмъ сколько мы ему приносимъ теперь всѣми своими вкусами, прихотями и своими истерическими припадками... Извѣстно до какой степени доходила привычка или, пожалуй даже, манія у крестьянъ—безпрестанно одаривать своихъ владѣльцевъ. Я видѣлъ, какъ постепенно уничтожалась эта привычка повсюду, что было совершенно правильно... Владѣльцы болѣе ни на что не были нужны мѣстнымъ жителямъ, поэтому неудивительно, что они совсѣмъ забывали о нихъ точно также, какъ и сами владѣльцы забывали о крестьянахъ. Никто больше не знаетъ владѣльца въ его владѣніяхъ, но всѣ его грабятъ и это справедливо.

Повсюду, за исключеніемъ отдаленныхъ уголковъ, прежняя привязанность, прежнее единеніе между обоими классами исчезли; пастухъ покинулъ свое стадо и на пастырей народа стали смотрѣть, какъ на паразитовъ.

Прослѣдимъ ихъ положеніе прежде всего въ провинціи. Тамъ мы видимъ только мелкое дворянство и часть средняго; все остальное находится въ Парижѣ. Тоже самое наблюдается и въ церкви: аббаты, епископы и архіепископы вовсе не живутъ въ провинціи; главные викаріи и канонники проживаютъ въ большихъ городахъ; въ селахъ же живутъ только пріоры и священники. Обыкновенно, весь глав-

ный штабъ, какъ свѣтскій, такъ и духовный отсутствуетъ и въ провинціи остаются только второстепенные или низшіе чины.. Какъ уживаются эти люди съ крестьяниномъ? Одно навѣрное извѣстно: они не относятся къ нему ни сурово, ни безучастно. Отдѣленные отъ него своимъ положеніемъ, они все-таки не отдѣлены отъ него на самомъ дѣлѣ, а сосѣдство, уже само по себѣ, образуетъ связь между людьми. Сколько я ни читалъ о нихъ, но не могъ найти въ нихъ тѣхъ тирановъ, которыхъ описываютъ декламаторы революціи. Высокомѣрные съ буржуа, они, обыкновенно, добры къ поселянамъ. „Пусть проѣдутся по провинціи,—говоритъ одинъ современный адвокатъ,—по землѣ, на которой обитаютъ сами владѣльцы. На сто владѣльцевъ, можно найти развѣ только одного или двухъ такихъ, которые тиранизируютъ своихъ подданныхъ; всѣ же остальные терпѣливо раздѣляютъ бѣдность своихъ подвластныхъ... Они не преслѣдуютъ своихъ должниковъ, а даютъ имъ отсрочки и вообще предоставляютъ имъ всякія облегченія относительно уплаты долга. Они укрощаютъ и смягчаютъ порою чрезмѣрно строгія преслѣдованія фермеровъ, сборщиковъ, управителей“. Одна англичанка, видѣвшая изгнанныхъ землевладѣльцевъ въ Провансѣ, вскорѣ послѣ революціи, говоритъ, что, ненавидимые въ Э, они были очень любимы въ своихъ владѣніяхъ. „Проходя съ высокоподнятой головой и видомъ презрѣнія мимо буржуа, занимающихъ важное положеніе, они всегда кланяются крестьянамъ съ необычайною любезностью и привѣтливостью. — Одинъ изъ нихъ раздаетъ женщинамъ, дѣтямъ и старикамъ въ своихъ владѣніяхъ шерсть и пеньку для пряжи въ плохое время года, а къ концу его онъ уплачиваетъ имъ премію въ сто ливровъ за двѣ лучшія штуки полотна“. Во многихъ случаяхъ, крестьяне, купившіе землю у прежнихъ владѣльцевъ, добровольно возвращали имъ ее по покупной цѣнѣ. Около Парижа, возлѣ Роменвилля, послѣ ужасной грозы 1788 года, раздавались пособія и „одинъ очень богатый господинъ раздалъ тотчасъ же, изъ собственнаго кармана сорокъ тысячъ франковъ бѣднякамъ, которые его окружаютъ“. Зимой, въ Эльзасѣ, въ Парижѣ, всѣ

даютъ нуждающимся и „противъ дома каждой, сколько нибудь извѣстной семьи всегда горитъ большой костеръ, около котораго бѣдняки приходятъ согрѣваться днемъ и ночью“.—Что касается благотворительности, то монахи, которые проживаютъ на мѣстахъ и наблюдаютъ всеобщую бѣдность, остаются вѣрны духу своего учрежденія. По случаю рожденія дофина, (наслѣдника престола) августинскіе монахи въ Пуату заплатили изъ своихъ средствъ подати и оброки девятнадцати бѣдныхъ семействъ. Въ 1781 г. въ Провансѣ, доминиканцы Сенъ-Максимиана прокармливали свой округъ, въ которомъ ураганъ уничтожилъ виноградники и оливковыя деревья. „Парижскіе картезіанцы еженедѣльно раздаютъ бѣднымъ 1800 фунтовъ хлѣба. Въ теченіе зимы 1784 года, во всѣхъ религіозныхъ общинахъ была увеличена раздача милостыни и фермеры раздавали пособія бѣднымъ сельскимъ обитателямъ, а для покрытія этихъ экстраординарныхъ расходовъ, многія монашескія общины усилили строгость своего воздержанія.“ Когда, въ концѣ 1789 года, поднялся вопросъ объ ихъ уничтоженіи, то появилось множество заявленій въ ихъ пользу, подписанныхъ муниципальными чиновниками, мѣстными почетными гражданами и цѣлою массой жителей, ремесленниковъ и крестьянъ. Эти столбцы сельскихъ подписей, въ самомъ дѣлѣ, очень краснорѣчивы. Семьсотъ семействъ, въ Кото-Камбрезисѣ пишутъ ходатайство, чтобы сохранить „достойныхъ аббатовъ и монаховъ аббатства Сентъ Андре, сихъ общихъ „отцовъ и благодѣтелей“, кормившихъ ихъ послѣ градобитій!“—Жители Сенъ Савенъ, въ Пиренеяхъ, „описываютъ со слезами горя свое смущеніе“ при одномъ только намекѣ на закрытіе своего бенедиктинскаго аббатства,—единственнаго благотворительнаго учрежденія въ этой бѣдной странѣ. Въ Сыркѣ, близъ Тюнвилля, „Картезіанскій монастырь, — какъ говорятъ почетные мѣстные жители — представляетъ для насъ во многихъ отношеніяхъ Ноевъ Ковчегъ. Онъ является главнымъ ресурсомъ для 1200 или 1500 человѣкъ, которые приходятъ туда еженедѣльно за пособіемъ. Въ этомъ году монахи роздали имъ свой собственный запасъ зерна по цѣнѣ на 16 ливровъ ниже рыночной. Кап-

ноники Домьевра въ Лотарингіи прокармливаютъ шестьдесятъ бѣдняковъ два раза въ недѣлю. — „Необходимо ихъ сохранить, говорится въ ходатайствѣ, — и дѣлать это изъ жалости и состраданія къ несчастному народу, бѣдствія котораго превышаютъ все, что только можно себѣ вообразить“.

Тамъ, гдѣ нѣтъ постоянныхъ монастырей и канониковъ, подчиненныхъ имъ бѣдняки страшно страдаютъ.

Въ Эрво, въ Пуату, муниципальные чиновники, полковники національной гвардіи, множество сельскихъ и „городскихъ жителей“ просили оставить канониковъ св. Августина. „Ихъ существованіе, — говорится въ петиціи, — абсолютно необходимо, какъ для нашего города, такъ и для деревень и уничтоженіе ихъ причинило бы намъ невознаградимую потерю“. Муниципалитетъ и постоянный совѣтъ Суассона пишутъ, что община Сенъ-Жанъ де Винъ „всегда настоятельно требовала своей доли въ общественныхъ тягостяхъ. Это она, во время бѣдствій, давала убѣжище тѣмъ изъ гражданъ, которые не имѣли крова и доставляла имъ пропитаніе. Это она, во время выборовъ депутатовъ въ національное собраніе, несла на себѣ всѣ расходы по округу. Это она даетъ пріютъ отряду Арманьякскаго полка и ее же встрѣчаемъ повсюду, гдѣ дѣло идетъ о принесеніи какихъ либо жертвъ“.— Изъ двадцати мѣстъ, по крайней мѣрѣ, получаютъ заявленія, что монахи— „отцы бѣдняковъ!“ — Въ Оксерской епархіи, въ теченіе лѣта 1789 года, бернардинскіе монахи „сами себя ограбили въ пользу жителей сосѣднихъ деревень и роздали имъ все, что имѣли: хлѣбъ, зерно, деньги и другіе предметы. Все это такъ щедро раздавалось, что приблизительно 1.200 человѣкъ, приходившихъ ежедневно стучаться въ ихъ ворота, въ теченіе шести недѣль получали отъ нихъ пособіе... Займы, авансы, взятые въ счетъ полученія отъ фермеровъ, кредитъ у поставщиковъ общины—все это они пускали въ ходъ, чтобы только добыть средства для помощи народу“.

Пропускаю много другихъ столь же яркихъ чертъ. Изъ нихъ видно, что духовные и свѣтскіе владѣльцы не всегда бываютъ только эгоистами, когда живутъ въ своихъ владѣніяхъ. Человѣкъ сочувствуетъ страданіямъ,

свидѣтелемъ которыхъ онъ становится и только отсутствіе сглаживаетъ живое впечатлѣніе, получаемое отъ этихъ страданій. Сердце человѣка всегда бываетъ затронуто, когда бѣдствія происходятъ на его глазахъ. Притомъ же близость порождаетъ симпатію; нельзя оставаться равнодушнымъ къ страданіямъ человѣка, съ которымъ въ теченіе двадцати лѣтъ мы здоровались, проходя мимо, жизнь котораго намъ извѣстна и который является для насъ уже не отвлеченною единицей или статистическою цифрой, а страдающею душою и тѣломъ!—Притомъ же, со временъ Руссо и писаній экономистовъ, вѣяніе гуманности съ каждымъ днемъ становится сильнѣе; оно распространяется и проникаетъ всюду, смягчая сердца. Съ той поры уже начинаютъ думать о бѣдныхъ и гордятся этимъ. Стоитъ прочесть бумаги генеральныхъ штатовъ, чтобы увидѣть, что изъ Парижа духъ благотворительности распространился уже въ замки и провинціальныя аббатства. Я увѣренъ, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ, живущихъ въ захолустьи, дворянъ, охотниковъ и пьяницъ, увлеченныхъ жаждою физическаго упражненія и осужденныхъ своею собственною грубостью на животную жизнь, большинство помѣщиковъ, живущихъ постоянно въ своихъ помѣстьяхъ, походили на тѣхъ дворянъ, которыхъ Мармонтель вывелъ въ своихъ правоучительныхъ повѣстяхъ. Мода толкала ихъ въ эту сторону, а во Франціи всегда слѣдуютъ модѣ. Въ ихъ характерѣ нѣтъ ничего феодальнаго; это „чувствительные“ люди, мягкіе, очень вѣжливые, достаточно начитанные, любители общихъ фразъ, легко, живо и охотно возбуждающіеся; у нихъ нѣтъ ничего похожаго на суровый и деспотическій характеръ прежнихъ феодальныхъ владѣльцевъ. Они хотѣли бы облегчить народъ, и въ своихъ владѣніяхъ щадятъ его насколько могутъ, но ихъ самихъ находятъ вредными, хотя и не считаютъ злыми; зло обуславливается лишь ихъ положеніемъ, но никакъ не ихъ характеромъ. Въ самомъ дѣлѣ, условія ихъ положенія, предоставляющія имъ право безъ всякихъ обязанностей и воспрепятствующія имъ занимать общественныя должности, не допускаютъ ихъ оказывать дѣйствительное вліяніе и покровительство, которыми они могли

бы оправдать въ глазахъ своихъ крестьянъ, свои преимущества, и привязать ихъ къ себѣ.

Въ этой области ихъ мѣсто заняло центральное правительство. Съ давнихъ поръ они уже не въ состояніи были противодѣйствовать интендантамъ и были безсильны защитить свой приходъ. Двадцать дворянъ не имѣли даже права собираться вмѣстѣ, не получивъ на это особаго разрѣшенія короля. Если же дворяне Франшконтэ могли собираться разъ въ годъ вмѣстѣ, пообѣдать и прослушать обѣдню, то это было уже большимъ исключеніемъ. Даже такое невинное братство не могло собираться иначе, какъ въ присутствіи интенданта. Отдѣленный отъ своихъ равныхъ, владѣлецъ, въ то же время былъ отдѣленъ и отъ своихъ низшихъ. Администрація деревни перестала обращать на него вниманіе; онъ вѣдь даже не пользуется правомъ надзора за нею. Онъ не можетъ распредѣлять налоги и устанавливать контингентъ, требующійся для милиціи, не исправляетъ церковь, не созываетъ приходскихъ собраний и не предсѣдательствуетъ на нихъ, не прокладываетъ дорогъ и не устраиваетъ благотворительныхъ мастерскихъ!—Все это стало дѣломъ интенданта и общинныхъ властей, назначаемыхъ интендантомъ и находящихся подъ его начальствомъ; за исключеніемъ права творить правосудіе, да и то сильно сокращеннаго, владѣлецъ не несетъ ровно никакихъ общественныхъ обязанностей. Если бы случайно онъ захотѣлъ вмѣшаться, вступился бы за свою общину, то канцеляріи правительства живо заставили бы его замолчать. Со временъ Людовика XIV все склонялось передъ государственными чиновниками; все законодательство и вся административная практика дѣйствовали совместно противъ мѣстнаго владѣльца, чтобы отнять отъ него всю его полезную дѣятельность и ограничить его только однимъ титуломъ. Вслѣдствіе такого отдѣленія дѣятельности отъ титула, онъ становился тѣмъ болѣе гордымъ, чѣмъ менѣе былъ полезенъ. Его самолюбіе, не находя пищи въ широкой дѣятельности, обратилось на мелочи; съ той поры онъ уже сталъ искать отличій, а не вліянія и желалъ первенствовать, а не управлять. Въ самомъ дѣлѣ, правительство,

находящееся въ рукахъ мужиковъ, грубо подчиняющихся протоколу, превратилось въ неблагородное дѣло, въ пачканіе бумаги, отъ котораго дворянинъ отворачивается, какъ отъ грязнаго занятія. „Его гордость была бы уязвлена, еслибы ему предложили это занятіе: раскладки налоговъ, вызовъ милиціи, регулированіе повинностей—все это акты служебные низкіе, составляющее дѣло чиновниковъ“.—Владѣлецъ земли воздерживается, такимъ образомъ, отъ всякаго дѣла и остается одинокимъ въ своемъ замкѣ, оставляя другимъ тѣ обязанности, отъ которыхъ его устраняютъ и которыми онъ пренебрегаетъ. Онъ не только не защищаетъ своихъ крестьянъ, но и самъ не можетъ защитить себя, отстаять свои льготы, заставить сократить свой налогъ, добиться освобожденія своихъ слугъ отъ службы въ милиціи и охраненія своей личности, своего жилища, своихъ людей, охоты и рыбной ловли отъ захвата. Притомъ же онъ часто бывалъ слишкомъ бѣденъ! Булье полагаетъ, что изъ старинныхъ семействъ, за исключеніемъ, какихънибудь двухсотъ-трехсотъ, всѣ были раззорены. Въ Руэргѣ многіе жили на доходъ въ пятьдесятъ и даже въ двадцать пять луидоровъ. Въ Лимузенѣ, по словамъ одного интенданта, въ началѣ этого столѣтія, изъ нѣсколькихъ тысячъ дворянъ не нашлось пожалуй и пятнадцати, имѣющихъ двадцать тысячъ ливровъ годового дохода. Въ Бери, около 1754 г., „три четверти ихъ умираютъ съ голоду“. Въ Франшконтѣ дворянское братство, о которомъ мы только что говорили, представляло комическое зрѣлище: „Послѣ обѣдни, они отправляются по домамъ, одни пѣшкомъ, другіе верхомъ на своихъ россинантахъ“.—Въ Бретани „есть много дворянъ исполняющихъ должность надсмотрщиковъ въ погребяхъ, на фермахъ и несущихъ самую низкую службу“. Нѣкто г. де Морандѣ сдѣлался управляющимъ чужого имѣнія. У иной семьи все имущество заключалось въ фермѣ, въ которой семья живетъ по крестьянски и питается чернымъ хлѣбомъ.—„Одинъ такой дворянинъ, вдовецъ, проводитъ свое время въ томъ, что пьетъ по цѣлымъ днямъ, ведетъ беспорядочную жизнь со своими служанками, и употреб-

ляетъ свои самыя лучшія дворянскія грамоты, на покрывку горшковъ съ масломъ“.—„Всѣ кавалеры изъ рода Шатобрианъ были пьяницами и охотниками, а глава семьи печально прозябалъ, живя въ большой бѣдности, съ пятью слугами, охотничьею собакой и двумя старыми кобылами, въ „замкѣ, въ которомъ могло бы помѣститься пять владѣльцевъ съ ихъ свитой“.

Въ такихъ мемуарахъ встаютъ передъ нами отжившіе образы дворянъ; напр. въ Бургони, мы видимъ „охотниковъ дворянъ, въ гетрахъ, въ башмакахъ, подбитыхъ гвоздями и со старою, заржавленною шпагою подъ мышкой, умирающихъ съ голоду, но отказывающихся работать. Г. де Перпиньякъ, во фракѣ, рыжемъ парикѣ и съ краснымъ лицомъ, заставляеть строить на своей землѣ стѣны изъ необожженаго кирпича и пьянствуетъ съ мѣстнымъ кузнецомъ. А между тѣмъ онъ былъ родственникомъ кардинала Флери и по этому сдѣланъ былъ первымъ герцогомъ де Флери“. — Все способствуетъ такому упадку: законъ, нравы и прежде всего право первенства. Это право, установленное ради того, чтобы верховная власть и патронатъ оставались бы нераздѣльными, раззоряеть дворянъ, съ тѣхъ поръ какъ верховная власть и патронатъ перестаютъ примѣняться къ дѣйствительности. „Въ Бретани, говоритъ Шатобрианъ, старшіе въ родѣ получали двѣ трети отцовскаго имущества, а младшіе дѣлили между собою остальную треть наслѣдства“. Вслѣдствіе этого „младшіе сыновья младшихъ сыновей быстро доходили до того, что имъ приходилось дѣлить между собою одного голубя, одного кролика, одно ружье и одну охотничью собаку“.—Все состояніе моего дѣда, пишетъ одинъ изъ нихъ, не превышало пяти тысячъ ливровъ дохода, изъ которыхъ старшій изъ его сыновей получилъ двѣ трети—3300 ливровъ; осталось 1666 ливровъ, которые надо было подѣлить между тремя младшими сыновьями, причемъ старшій удерживалъ еще извѣстный процентъ со всей суммы“. Это раздробляющееся и исчезающее богатство, дворяне не хотятъ и не умѣютъ спасти посредствомъ торговли, промышленности или службы въ администраціи, вѣдь это зна-

чило бы унижить себя!—„Высокіе и могущественные владѣльцы одной голубятни, одной лужи и одного кроличьяго садка“,—они цѣпляются за свой титулъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше у нихъ матеріальной опоры. Прибавьте къ этому жизнь въ городѣ зимой, представительство и расходы, обусловливаемые тщеславіемъ, потребность общества, визиты къ губернатору и интенданту. Только нѣмцы или англичане могутъ проводить скучные дождливые мѣсяцы въ своемъ замкѣ или на своей фермѣ въ одиночествѣ, или въ компаніи деревенскихъ жителей, рискуя и самимъ сдѣлаться такими же неловкими и странными, какъ они! По этой причинѣ дворяне входятъ въ долги, закладываютъ имѣніе, продаютъ сначала одинъ клочекъ земли, потомъ другой. Многіе уже всего лишились, за исключеніемъ своего маленькаго замка и своихъ верховныхъ правъ, ценза, пошлины съ купли и продажи, права охоты и права творить правосудіе въ предѣлахъ той территоріи, которая нѣкогда составляла ихъ собственность. Но такъ какъ эти права доставляютъ имъ средства къ жизни, то они должны поневолѣ пользоваться ими, даже тогда, когда они тяжелы и должникъ ихъ бѣденъ; какъ могутъ они не брать съ него налога хлѣбомъ и виномъ, когда это служить для нихъ пропитаніемъ? Какимъ образомъ могли бы они избавить его отъ необходимости платить процентъ со всякаго наслѣдства и со всякой суммы, вырученной отъ продажи, когда это единственные деньги, которыя они получаютъ? Могутъ ли они не быть требовательными, когда сами терпятъ нужду? И вотъ, такимъ образомъ, они являются простыми кредиторами по отношенію къ крестьянину и къ этому именно приводятъ феодальный режимъ, измѣненный монархіей. Я вижу какъ вокругъ замка гаснутъ прежнія симпатіи, возникаетъ зависть и усиливается ненависть. Удаленный отъ дѣлъ, освобожденный отъ налоговъ, владѣлецъ остается изолированнымъ и чуждымъ своимъ вассаламъ. Его власть исчезла, но сохранились привилегіи, которыя и создаютъ ему обособленную жизнь. Если же онъ выходитъ изъ этой замкнутой жизни, то это лишь ведетъ поневолѣ къ усилению общей бѣдности.

Съ земли, и безъ того уже разоренной казной, онъ беретъ свою часть продуктами: столько-то сноповъ хлѣба, столько-то бочекъ вина. Его голуби и дичь разоряютъ жатву. Приходится отправлять хлѣбъ для помола на его мельницу и отдавать ему шестую часть муки. Поле, проданное за шестьсотъ ливровъ, приноситъ сто ливровъ въ его карманъ. Наслѣдство послѣ брата получается другимъ братомъ только послѣ того, какъ владѣлецъ возьметъ себѣ весь доходъ одного года. Двадцать другихъ повинностей, которыя прежде обусловливались общественною пользою, теперь служатъ только для прокорма бесполезнаго частнаго лица. Крестьянинъ, бывший и тогда такимъ же какъ теперь, алчнымъ къ наживѣ, рѣшающимся и готовымъ все претерпѣть, лишь бы сэкономить или приобрѣсти лишній грошъ, въ концѣ концовъ начинаетъ бросать изподлобья злобные взгляды на башенку, въ которой хранятся архивы, поземельныя росписи, всѣ эти ненавистные документы, на основаніи которыхъ, чловѣкъ другой породы, одаренный преимуществомъ въ ущербъ всѣмъ и представляющій изъ себя какого-то всеобщаго кредитора, которому платятъ за то, что онъ ничего не дѣлаетъ, имѣетъ право собирать дань со всѣхъ земель и всѣхъ продуктовъ. Пусть только представится случай, который послужитъ искрой и воспламенитъ эти чувства зависти въ душѣ крестьянина,—запылаютъ тогда поземельныя росписи, а съ ними и башенка, а съ башенкою и самый замокъ!

III.

Если отъ земель, гдѣ обитаютъ владѣльцы, мы перейдемъ къ такимъ, гдѣ владѣльцы не живутъ, то увидимъ еще болѣе печальное зрѣлище. Эти владѣльцы, свѣтскіе или духовные, будутъ ли они благороднаго происхожденія или только пожалованы дворянскимъ титуломъ, образуютъ все же самый привилегированный классъ изъ всѣхъ и представляютъ аристократію среди аристократіи. Почти всѣ, могущественныя и пользующіяся извѣстностью семьи, каково бы ни было ихъ происхожденіе и древность ихъ рода, принадлежатъ именно къ этому разряду. По своему обычному или частому пребыванію въ центрѣ, по

своимъ связямъ и взаимнымъ сношеніямъ, по своимъ правамъ, роскоши и вліянію и по той враждѣ, которую они возбуждаютъ къ себѣ, они образуютъ совершенно отдѣльную группу и притомъ они же владѣютъ самыми обширными помѣстьями, имъ принадлежатъ самыя широкія владѣльческія права и самая полная юрисдикція. Придворное дворянство и высшее духовенство, быть можетъ, составляютъ не болѣе тысячи человекъ въ каждомъ разрядѣ, но ихъ незначительное число, только еще больше выставляетъ на видъ всю громадность ихъ преимуществъ. Владѣнія принцевъ крови, какъ уже говорилось, составляютъ лишь седьмую часть территории. Неккеръ оцѣниваетъ въ два милліона доходъ съ земель, принадлежавшихъ двумъ братьямъ короля. Владѣнія герцоговъ Бульонскаго, Эгильонскаго и нѣкоторыхъ другихъ, тянутся на цѣлыя мили и своею обширностью и непрерывностью напоминаютъ тѣ территории, которыми герцогъ Сутерландскій и герцогъ Bedfordскій владѣютъ въ настоящее время въ Англіи. Только одни лѣса и каналы доставляли герцогу Орлеанскому, до его женитьбы на такой же богатой женщинѣ, какъ и онъ самъ, около милліона годового дохода. Иное дворянское владѣніе, напр. Клермонта, принадлежащее принцу Конде, заключало въ себѣ 40,000 жителей и пространствомъ равнялось германскому княжеству. Кромѣ того, „всѣ налоги и субсидіи, которыя уплачиваютъ жители, взимаются въ пользу его свѣтлости, король же не получаетъ абсолютно ничего“. Само собою разумѣется, что власть и богатство идутъ здѣсь рука объ руку и чѣмъ больше доходовъ приноситъ земля, тѣмъ больше ея владѣлецъ бываетъ похожъ на монарха. Архіепископъ Камбре, онъ же герцогъ Камбре и графъ де Камбрезисъ, обладалъ правомъ владѣльца надъ всѣми ленными владѣніями въ странѣ, насчитывающей 75,000 жителей; онъ выбиралъ половину всего числа старшинъ въ Камбре и всю администрацію въ Като. Онъ же назначалъ аббатовъ въ два большихъ аббатства, предсѣдательствовалъ въ провинціальныхъ Штатахъ и въ управленіи, которое смѣняло эти штаты—словомъ, послѣ королевскаго интенданта, или вмѣстѣ съ нимъ, онъ

пользовался такимъ же первенствомъ вездѣ. Даже болѣе!—Его вліяніе и власть были почти одинаковы съ тою властью и вліяніемъ, которыми пользуется какой нибудь великій герцогъ, въ своихъ владѣніяхъ вошедшихъ въ составъ новой германской имперіи.

А никогда бы не кончилъ, еслибы вздумалъ перечислять всѣ эти крупныя состоянія. Возьмемъ только однихъ прелатовъ и рассмотримъ ихъ положеніе только съ одной стороны—съ денежной. Въ королевскомъ Альманахѣ мы можемъ найти цифру тѣхъ доходовъ, въ которыхъ они сами признаются, но истинный ихъ доходъ, по крайней мѣрѣ, былъ наполовину больше для епископства и вдвое или даже втрое больше для аббатства. Этотъ истинный доходъ однако надо еще увеличить вдвое, чтобы получить его цифру выраженную въ современной монетѣ.

Ясно, что имѣя такіе доходы и владѣя феодальными и соединенными съ ними правами, т. е. держа въ своихъ рукахъ полицію, правосудіе и администрацію, крупный вельможа свѣтскій или духовный, на самомъ дѣлѣ является чѣмъ-то въ родѣ владѣтельнаго принца въ своемъ округѣ и представляетъ слишкомъ много сходныхъ чертъ съ прежнимъ феодальнымъ владѣльцемъ, такъ что уже не имѣетъ права жить какъ простой честный человекъ. Его личныя привилегіи придаютъ ему поневолѣ общественный характеръ, а его верховный титулъ и громадныя выгоды принуждаютъ его оказывать соотвѣтственныя услуги и даже при утвержденіи господства королевскаго интенданта, онъ все-таки обязанъ оказывать покровительство своимъ вассаламъ, арендаторамъ, оброчнымъ людямъ, посредствомъ своего вмѣшательства, своего покровительства и своихъ благодѣяній.

Но чтобы исполнить этотъ долгъ, необходимо было жить самому въ своихъ владѣніяхъ. Между тѣмъ, такіе вельможи обыкновенно отсутствуютъ. Въ теченіе уже полутора ста лѣтъ, какая-то большая притягательная сила отрываетъ ихъ всѣхъ отъ земли и удаляетъ изъ провинціи, толкая въ столицу. Движеніе это непреодолимо, потому что оно составляетъ результатъ дѣйствія двухъ силъ, самыхъ большихъ и самыхъ обще-распростра-

ненных, какія только могут оказывать вліяніе на челоуѣка. Одна сила заключается въ ихъ социальномъ положеніи, другою же является національный характеръ французовъ. Нельзя безнаказанно обрубить у дерева его корни. Учрежденная для того, чтобы управлять, аристократія отдѣляется отъ почвы, когда ей не приходится болѣе исполнять эту функцію. Она перестала управлять, когда путемъ постоянныхъ и все болѣе увеличивающихся захватовъ, почти все правосудіе, вся администрація, вся полиція, всѣ мелочи мѣстнаго и общаго управленія, всякая совмѣстная работа или контроль въ области налоговъ, выборовъ, прокладки дорогъ, всякія общественныя работы и благотворительность—все это перешло въ руки интенданта и субделегата, находящихся подъ верховнымъ руководствомъ генеральнаго контролера и королевскаго совѣта.

Правительственные чиновники, разночинцы, лишенные всякаго значенія выполняютъ это дѣло и нѣтъ никакой возможности оспаривать его у нихъ. И облеченный королевскими полномочіями, губернаторъ провинціи, будь онъ даже принцъ крови, какъ Конде въ Бургони, все-таки уступаетъ мѣсто интенданту. Губернаторъ не несетъ никакой дѣйствительной службы и вся его общественная роль ограничивается только представительствомъ да приемами. При томъ же, онъ плохо бы исполнялъ всякое другое дѣло. Административная машина со своимъ безчисленнымъ количествомъ колесъ, тяжелыхъ, скрипучихъ и грязныхъ, въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ рукъ Ришелье и Людовика XIV, не можетъ дѣйствовать иначе, какъ въ рукахъ такихъ же рабочихъ, которые могутъ быть уволены, когда угодно и которые не обладаютъ особенною щекотливостью и всегда готовы все подчинить государственнымъ соображеніямъ. Но вѣдь съ ними сходитья невозможно! И вотъ вельможа воздерживается отъ сношеній съ ними и предоставляетъ имъ всѣ дѣла. Праздный и лишенный прежняго значенія, что же онъ будетъ дѣлать въ своихъ владѣніяхъ, гдѣ онъ уже больше не царствуетъ и гдѣ испытываетъ скуку? Онъ уѣзжаетъ въ городъ и, главнымъ образомъ, ко двору. Къ тому же, иначе

уже нельзя сдѣлать ему карьеры. Чтобы добиться успѣха, надо быть придворнымъ. Король этого желаетъ и поэтому надо принадлежать къ его салону, чтобы пользоваться его милостями, иначе, на первое же ходатайство онъ отвѣтитъ вопросомъ: „Кто это? Это челоуѣкъ, котораго я никогда не вижу“.—Въ глазахъ короля, для отсутствія не можетъ быть никакихъ оправданій, даже если причиною отсутствія служитъ обращеніе къ Богу и покаяніе. Королю предпочитаютъ Бога—вѣдь это уже дезертирство! Министры письменно справляются у интендантовъ, „любятъ-ли провинціальныя дворяне сидѣть безвыѣздно въ своихъ владѣніяхъ, и не отказываются ли они выполнить свой долгъ относительно короля?“ Подумайте только, какъ велика привлекательность всего того, что можетъ предложить дворъ: правительственные посты, военное командованіе, епархіи, придворныя должности, наслѣдственныя мѣста, пенсіи, кредитъ, милости всякаго рода и всѣхъ степеней для себя и своихъ близкихъ,—словомъ все, что можетъ предложить государство въ двадцать или двадцать пять милліоновъ населенія челоуѣку для удовлетворенія его честолюбія, тщеславія и корыстолюбивыхъ стремленій. Все это собрано при дворѣ, какъ въ какомъ нибудь обширномъ резервуарѣ, куда всѣ сбѣгаютъ, чтобы почерпнуть изъ него. Притомъ-же и мѣсто само по себѣ достаточно пріятно и какъ-бы парочно приспособлено къ общительнымъ свойствамъ характера французовъ. Дворъ—это громадный, постоянный салонъ, „доступъ въ который свободенъ для подданныхъ государя“ и гдѣ они обрѣтаются съ нимъ вмѣстѣ „въ пріятномъ и вѣжливымъ обществѣ, не взирая на безконечное разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ него, по положенію и власти“, и гдѣ монархъ любитъ разыгрывать роль любезнаго хозяина дома. Въ самомъ дѣлѣ, никогда еще не бывало салона, такъ хорошо устроеннаго и столь изобилующаго всякаго рода удовольствіями, красотой, достоинствомъ и привлекательностью внѣшней обстановки, избраннымъ обществомъ и интересомъ представляемаго имъ зрѣлища! Только въ Версали можно было показать себя, выдвинуться, обратить на себя вниманіе; только тамъ можно было позабавиться,

провести время въ пріятной бесѣдѣ, поговорить и постоянно находиться въ центрѣ всѣхъ новостей, всякой дѣятельности, и среди избраннаго общества королевства и законодателей хорошаго тона, изящества и вкуса!“— „Государь, говорилъ де Вардъ Людовику XIV, —человѣкъ, живущій вдали отъ вашего величества, не только несчастенъ, но и смѣшонъ!“

Въ провинціи остается только обѣднѣвшее и огрубѣвшее дворянство, вѣдь чтобы жить тамъ, надо быть отсталымъ, получившимъ отвращеніе ко всему или же сосланнымъ! Когда король отсылаетъ какого нибудь дворянина въ его владѣнія, то это считается худшею изъ немилостей; къ унижительному сознанію опалы присоединяется еще невыносимая скука. Самый прекрасный замокъ, находящійся въ живописной мѣстности, представляется ужасною „пустыней“; кругомъ вѣдь никого нѣтъ, кромѣ смѣшныхъ обывателей маленькаго городка, да грубыхъ деревенскихъ жителей“. „Только ссылка вынуждаетъ французское дворянство, — говоритъ Артуръ Юнгъ, — дѣлать то, что дѣлаютъ англичане съ особенною охотою, т. е. оставаться жить въ своихъ владѣніяхъ и стараться украшать ихъ“. Сень-Симонъ и другіе придворные историки, описывая какую нибудь церемонію разъ десять повторяютъ слѣдующую фразу: „Вся Франція была при этомъ“. Дѣйствительно, всѣ тѣ, кто имѣетъ какое либо значеніе во Франціи, были тамъ и присутствіе на этихъ церемоніяхъ служить признакомъ, по которому люди, принадлежащіе къ одной категоріи, узнаютъ другъ друга. Парижъ и дворъ служили, такимъ образомъ, обязательнымъ мѣстопробываніемъ для всѣхъ тѣхъ, кто принадлежитъ къ лучшему обществу. При такихъ условіяхъ, отъѣздъ однихъ влечетъ за собою отъѣздъ другихъ и чѣмъ болѣе пустѣетъ провинція, тѣмъ охотнѣе покидаютъ ее, остающіеся въ ней.— „Нѣтъ во всемъ королевствѣ, говоритъ Мирабо, —ни одного, сколько нибудь значительнаго помѣстья, собственникъ котораго не находился-бы въ Парижѣ и, слѣдовательно, не забрасывалъ-бы своихъ домовъ и замковъ“. —Каждый свѣтскій владѣлецъ имѣетъ непремѣнно свой отель въ столицѣ, свою квартиру въ Версали и дачу гдѣ нибудь въ окрестностяхъ, не дальше

двадцати миль отъ столицы. Если-же они иногда и наѣзжаютъ въ свои владѣнія, то только для охоты. Полторы тысячи аббатовъ и пріоровъ пользуются доходами со своихъ приходовъ, какъ съ какой нибудь отдаленной фермы. Двѣ тысячи семьсотъ старшихъ викаріевъ и канонниковъ капитула разъѣзжаютъ въ гости другъ къ другу и обѣдаютъ въ городѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ апостолическаго вѣдомства. Всѣ 131 епископа стараются какъ можно рѣже бывать въ своихъ епархіяхъ; почти все это—дворяне, свѣтскіе люди; что-же бы они стали дѣлать, заключенные въ какомъ нибудь провинціальномъ городкѣ? Можно-ли представить себѣ какого нибудь крупнаго владѣльца, бывшаго нѣкогда блестящимъ и свѣтскимъ аббатомъ, который, сдѣлавшись епископомъ со ста тысячами ливровъ годового дохода, добровольно похоронилъ-бы себя на весь годъ въ провинціи и сталъ-бы жить въ какомъ нибудь домишкѣ? Разстояніе между элегантною, разнообразною, литературною жизнью центра съ монотоннымъ, инертнымъ и положительнымъ существованіемъ, которое ведетъ провинція очень велико. Вотъ почему крупный вельможа, вращавшійся въ центрѣ, не можетъ войти въ провинціальную жизнь; душою онъ всегда будетъ отсутствовать.

Мраченъ видъ страны, сердце которой перестало гнать кровь въ жилахъ! Артуръ Юнгъ, проѣзжавшій по Франціи въ 1787 и 1789 гг., изумляется тому, что въ центрѣ ея столько жизни, между тѣмъ какъ оконечности ея уже совсѣмъ мертвы. Между Парижемъ и Версалемъ тянется двойной рядъ экипажей, на протяженіи пяти миль, безъ перерыва, съ утра до вечера. Но контрастъ великъ по сравненію съ другими дорогами. „Выѣхавъ изъ Парижа, по дорогѣ въ Орлеанъ, говоритъ Артуръ Юнгъ, —мы, на разстояніи десяти миль, не встрѣтили ни одного дилижанса —ничего, кромѣ небольшого числа почтовыхъ экипажей, что не составляетъ и десятой части того, что мы встрѣтили-бы вблизи Лондона въ теченіе одного только часа“. — „На большой дорогѣ близъ Нарбонны, говоритъ онъ далѣе, —на протяженіе 36 миль, мнѣ повстрѣчался только одинъ кабріолетъ, около полдюжины телѣгъ, да нѣсколько женщинъ на

ослахъ“. Въ другомъ мѣстѣ, близъ Сенъ-Жирона, онъ отмѣчаетъ, что на протяженіи 250 миль ему встрѣтились только всего „два кабриолета и три несчастныхъ повозки, похожихъ на старинныя англійскія почтовые брички въ одну лошадь“. Но онъ не встрѣтилъ ни одного дворянина! Во всей этой мѣстности онъ находилъ только отвратительныя гостиницы, гдѣ невозможно было нанять кареты, тогда какъ въ Англии, даже въ отдаленномъ городкѣ съ 1500—2000 жителей, всегда есть комфортабельныя отели и можно найти всѣ средства сообщенія. Все это доказываетъ, что во Франціи движеніе по дорогамъ „почти равняется нулю“. Цивилизація и благосостояніе встрѣчаются только въ очень большихъ городахъ. „Въ Нантѣ есть чудная центральная зала, вдвое больше залы Дрюри-Лена и въ пять разъ великолѣпнѣе. Боже мой! воскликнулъ я про себя, вотъ куда приводятъ глухія дороги, идущія мимо кроличьихъ садковъ, пустырей и степей, по которымъ я проѣзжалъ на разстояніи трехсотъ миль! Однимъ прыжкомъ вы сразу переноситесь отъ бѣдности къ расточительности.

Деревня—это пустыня и если какойнибудь дворянинъ и живетъ тамъ, то лишь ради экономіи; онъ тѣснится въ какойнибудь жалкой лачугѣ, чтобы накопить денегъ и потомъ сорить ими въ столицѣ“. „Изъ главныхъ городовъ провинціи отправлялась въ Парижъ еженедѣльно только одна почтовая карета, говоритъ Монлозье,—да и та не всегда бывала полна; вотъ каково было дѣловое движеніе! Изъ газетъ была только одна—„Gazette de France“, выходящая два раза въ недѣлю: это указываетъ, каково было умственное движеніе“. Судьи изъ Парижа, сосланные въ Буржъ, въ 1753 и 1754 гг. описываютъ слѣдующимъ образомъ мѣстную жизнь: „это городъ, гдѣ нельзя найти ни одного человѣка, съ которымъ можно было-бы поговорить въ свое удовольствіе о чемънибудь разумномъ и дѣльномъ. Дворяне, три четверти которыхъ умираютъ съ голоду, спѣсивые и чванные своимъ происхожденіемъ, сторонящіеся отъ лицъ судейскаго и финансоваго сословія и находящіе страшнымъ, что дочь сборщика податей, вышедшая замужъ за совѣтника парламента въ Парижѣ, позволяетъ себѣ выказывать умъ и

принимать у себя свѣтское общество. Буржуа отличаются самымъ грубымъ невѣжествомъ, но представляютъ все же единственное исключеніе въ той летаргіи, въ которую погружены умы большинства жителей. Женщины-ханжи, преисполненныя претензій, занимающіяся игрой и любовными похождениями. И вотъ въ такомъ узкомъ и закованномъ обществѣ долженъ жить архіепископъ, кардиналъ Ларош-фуко, главный священникъ короля, владѣющій четырьмя большими аббатствами и получающій 500,000 ливровъ годового дохода! Разумѣется, такой свѣтскій человѣкъ большею частью не живетъ въ своей епархіи, а если ему приходится оставаться въ ней, то онъ развлекаетъ себя, занимаясь украшеніемъ своихъ садовъ и своего дворца,—словомъ, это золотой фазанъ изъ птичника, случайно попавшій на скотный дворъ къ гусямъ*) Конечно, тутъ нѣтъ мѣста ни для какой политической мысли“. „Нельзя и представить себѣ человѣка, болѣе равнодушнаго ко всякимъ общественнымъ дѣламъ“. Въ самый разгаръ очень важныхъ событій, притомъ задѣвающихъ жителей провинціи за самое чувствительное мѣсто, у нихъ все-же замѣчается такое-же равнодушіе. Въ Шато-Тьерри, 4 Іюля 1789 г., нѣтъ ни одного кафе, гдѣ-бы можно было найти газету; есть только одно такое кафе въ Дижонѣ. Въ Муленѣ, 7 Августа, „въ лучшемъ кафе города, гдѣ имѣется, по крайней мѣрѣ двадцать столовъ, мнѣ-бы также легко могли дать слона, какъ и газету.

Между Страсбургомъ и Безансономъ нельзя найти ни одной газеты.—„Въ Безансонѣ есть только одна „Gasette de France“, за которую ни одинъ человѣкъ со здравымъ умомъ

*) Однажды кардиналъ, показывая гостямъ свой дворецъ, который только что былъ отстроенъ, повелъ ихъ вглубь корридора, гдѣ онъ устроилъ англійскій ватерклозетъ, что было тогда новостью. Бушенъ де ля Куломмьеръ сынъ главнаго сборщика Министерства Финансовъ, разразился восторженными восклицаніями по поводу остроумнаго механизма и, забавляясь приведеніемъ его въ дѣйствіе, сказалъ, обращаясь къ аббату де Канильякъ: „Это конечно восхитительно, но мнѣ кажется еще болѣе удивительнымъ то, что его высокопреосвященство, будучи выше человѣческихъ слабостей, удостоиваетъ сообразоваться съ ними“.—Драгоценныя слова, которыя одни уже могутъ характеризовать рангъ и положеніе, занимаемые въ провинціи прелатами высокаго происхожденія.

не дастъ ни копейки въ данный моментъ, да еще „Courrier militaire“, вышедшій двѣ недѣли тому назадъ. Хорошо одѣтые люди разговариваютъ о вещахъ, которыя случились двѣ-три недѣли тому назадъ и ихъ рѣчи ясно указываютъ, что они ничего не знаютъ изъ того, что дѣлается теперь“. Въ Клермонѣ, „я обѣдалъ или ужиналъ разъ пять за табль д'отомъ, съ двадцатью или тридцатью негоціантами, купцами, офицерами и т. д., но я почти не слышалъ отъ нихъ ни одного слова о политикѣ и это въ такой моментъ, когда всѣ сердца должны были бы биться сильнѣе подъ вліяніемъ политическихъ ощущеній. Невѣжество или глупость этихъ людей просто невѣроятны. Не проходитъ и недѣли, чтобы въ ихъ странѣ не совершались всевозможныя событія, которыя въ Англіи обсуждаются и анализируются даже плотниками и столярами“.—Причина такой инертности, однако, вполне ясна; спрошенные насчетъ своихъ взглядовъ, всѣ отвѣчаютъ: „Мы, вѣдь, провинція; намъ надо подождать, мы должны прежде знать, что дѣлаютъ въ Парижѣ“. Никогда не поступая активно раньше, они даже не умѣютъ дѣйствовать, но, благодаря своей инертности, они позволяютъ толкать и направлять себя куда угодно. Провинція—это огромная, стоячая лужа, которая, когда наступитъ ужасное наводненіе, можетъ вылиться цѣликомъ и вся въ одну сторону. Но въ этомъ будутъ виноваты конечно тѣ инженеры, которые не построили своевременно ни плотинъ, ни стоковъ!

Вотъ до какого состоянія упадка и безсилія доходитъ мѣстная жизнь, когда мѣстные вожди лишаютъ ее своего присутствія, своей дѣятельности и своего сочувствія. Я не вижу никого, кто бы принималъ въ ней участіе, за исключеніемъ трехъ-четырехъ крупныхъ вельможъ, филантроповъ, руководствующихся въ этомъ случаѣ примѣромъ англійскаго дворянства. Таковъ напр. герцогъ д'Аркуръ, улаживающій тяжбы своихъ крестьянъ, герцогъ Ларошфуко-Ліанкуръ, устроившій на своей землѣ образцовую ферму и школу искусствъ и ремеслъ для дѣтей бѣдныхъ военныхъ; графъ де Бриеннъ, объ освобожденіи котораго впоследствии тридцать деревень ходатайствовали передъ конвентомъ. Другіе дво-

ряне, большею частью либералы, довольствуются только разсужденіями объ общественномъ благѣ и политической экономіи. Въ самомъ дѣлѣ, разница въ обращеніи, различіе интересовъ и разстояніе между идеями такъ велики, что даже между наименѣе спѣсивыми владѣльцами и ихъ непосредственными арендаторами соприкосновенія бывають очень рѣдкими и отношенія очень далекими. Когда Артуру Юнгу понадобились кое-какія свѣдѣнія, то, даже у герцога Ларошфуко-Ліанкура, онъ долженъ былъ обратиться къ управляющему.—„У любого изъ дворянъ моей страны, говоритъ онъ, — въ подобномъ случаѣ пригласили бы къ столу трехъ или четырехъ фермеровъ и посадили бы ихъ рядомъ съ самыми знатными дамами. Я нисколько не преувеличиваю, говоря, что со мною это бывало сотни разъ, въ самыхъ первыхъ домахъ соединеннаго королевства. Но этого никогда не увидишь во Франціи отъ самаго Кале до Байонны, за исключеніемъ развѣ только у какого-нибудь крупнаго вельможи, много путешествовавшаго въ Англіи, да и то лишь въ такомъ случаѣ, если его попросятъ объ этомъ. Французскому дворянству не приходитъ въ голову заниматься сельскимъ хозяйствомъ или же сдѣлать его предметомъ своего разговора; онъ интересуется имъ развѣ только въ теоріи и говоритъ о немъ такъ, какъ говорилъ бы о какомъ-нибудь ремеслѣ, морскихъ снарядахъ, или вообще о какихъ-нибудь вещахъ, совершенно чуждыхъ его привычкамъ и обычнымъ занятіямъ“. — По традиціямъ и модѣ, они намѣренно не хотятъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только свѣтскими людьми; ихъ единственное дѣло — это свѣтская болтовня и охота. Никогда еще наслѣдственные вожди такъ не утрачивали способности руководить людьми и не забывали искусства, заключающагося въ томъ, чтобы идти по той же дорогѣ, но только во главѣ людей и направлять ихъ трудъ, въ то же время принимая и самому въ немъ участіе. — Нашъ англичанинъ, бывшій очевидцемъ и вполне компетентнымъ свидѣтелемъ въ этомъ отношеніи, пишетъ еще слѣдующее: „Если крупный владѣлецъ имѣетъ даже миллионные доходы, то вы, все таки можете быть увѣрены, что найдете многія изъ его земель не воздѣ-

ланними. Владѣнія принца Субизъ и герцога Бульонскаго самая значительная во Франціи, но я нашель, что все ихъ величіе заключается въ пустыряхъ и мѣстахъ, заросшихъ верескомъ, пустыняхъ и папоротниковыхъ заросляхъ. Посѣтите ихъ резиденціи, гдѣ бы они ни были, и вы увидите, что онѣ всегда находятся посреди лѣсовъ, густо населенныхъ оленями, кабанами и волками“. — „Крупные собственники, говоритъ другой современный писатель, привлеченные и удерживаемые въ нашихъ городахъ роскошною жизнью и удовольствіями, не знаютъ ничего о своихъ собственныхъ земляхъ, и только знаютъ своихъ фермеровъ, изъ которыхъ они выжимаютъ доходы, чтобы покрыть издержки на свою раззорительную роскошь. Можно ли ожидать улучшеній отъ тѣхъ, кто отказывается поддерживать хотя бы только то, что есть и дѣлать самая необходимая поправка?“ Лучшимъ доказательствомъ, что главною причиною зла тутъ было постоянное отсутствіе владѣльца можетъ служить разница между землей, принадлежащей отсутствующему аббату и той, которая принадлежитъ монахамъ, живущимъ на мѣстѣ и обрабатывающимъ ее подъ своимъ собственнымъ надзоромъ. „Всякій сколько нибудь понимающій путешественникъ, непременно распознаетъ такіа земли только по одной обработкѣ. Если онъ видитъ поля, окруженныя рвами, тщательно засаженыя и покрытыя богатой жатвой, то заранѣе уже знаетъ, что они принадлежатъ монахамъ. Почти всегда, рядомъ съ этими плодородными полями, можно видѣть земли, плохо обработанныя и почти совершенно истощенныя, представляющія печальный контрастъ съ землями монаховъ, между тѣмъ почва одинакова и тамъ, и здѣсь, такъ какъ все это составляетъ лишь части одного и того же владѣнія, но по внѣшнему виду участка можно догадаться, который изъ нихъ принадлежитъ аббату“. — „Аббатское поле, говоритъ Лефранкъ де Помпийпьянъ, часто бываетъ похоже на наслѣдство мота; — но такое же точно поле, только принадлежащее монахамъ, похожее на наслѣдственный участокъ добраго хозяина, не упускающаго ничего для его улучшения“, такъ что двѣ трети земли, которыми владѣетъ аббатъ, приносятъ

ему меньше, чѣмъ одна треть, составляющая достояніе монаховъ. Раззореніе и бѣдственное положеніе земель — вотъ одно изъ послѣдствій отсутствія владѣльцевъ изъ своихъ имѣній.

Не дѣлая ничего для земли, почему бы владѣльцы стали дѣлать что нибудь для крестьянъ? Отъ времени до времени, когда арендныя деньги перестаютъ правильно высылаться, управляющій пишетъ объ этомъ владѣльцу и приводитъ въ оправданіе бѣдность фермера. Но владѣльцы уже начинаютъ выказывать гуманность; они разсуждаютъ между собою о правахъ человѣка и имъ было бы тяжело видѣть блѣдное лицо голодающаго крестьянина. Впрочемъ, они и не видятъ его, и только могутъ постараться представить его себѣ на основаніи неискреннихъ и льстивыхъ разсказовъ своего управляющаго. Къ тому же, развѣ они знаютъ, что такое голодъ? Кто изъ нихъ опытенъ въ деревенской жизни? И какъ бы онъ могъ представить себѣ нищету бѣдняка? Они для этого сами слишкомъ далеки отъ него, слишкомъ чужды его жизни. Портретъ бѣдняка, который они себѣ рисуютъ, не похожъ на дѣйствительность; никогда еще они не создавали себѣ такого ложнаго представленія о крестьянинѣ, поэтому-то пробужденіе ихъ и будетъ ужасно. Они рисуютъ себѣ добраго поселянина, простодушнаго, кроткаго, покорнаго, признательнаго, обладающаго прямымъ умомъ и простымъ сердцемъ, легко поддающагося руководству, однимъ словомъ, такого, какимъ его изображаетъ Руссо и идилліи, которыя тогда разыгрывались на сценахъ всѣхъ общественныхъ театровъ. Не зная его на самомъ дѣлѣ, они его забываютъ. Прочтя письмо управляющаго, они снова увлекаются вихремъ большого свѣта и только послѣ какого нибудь ужина, даннаго въ пользу бѣдныхъ, имъ приходитъ въ голову мысль, что они могутъ не получить въ этомъ году своихъ доходовъ. Конечно, такое настроеніе не очень-то располагаетъ къ раздачѣ милостыни; поэтому то главныя жалобы народа и раздавались прежде всего противъ отсутствующихъ владѣльцевъ, а не противъ тѣхъ, которые сидятъ на своей землѣ. „Церковныя помѣстья, говорится въ одномъ документѣ, служатъ только для удовлетворенія стра-

стей владѣтельныхъ лицъ“.— „Согласно уставу, каждый, имѣющій бенефицію, обязанъ отдавать четверть своего дохода бѣднымъ“,—говорится въ другомъ документѣ. Между тѣмъ, въ нашемъ приходѣ, приносящемъ болѣе двѣнадцати тысячъ ливровъ доходу, ничего не дается бѣднымъ, за исключеніемъ только ничтожной доли, даваемой имъ отъ себя господиномъ священникомъ“.— „Аббатъ, въ Коншѣ беретъ половину десятиннаго сбора, но ровно ничего не дѣлаетъ для облегченія прихода“.—Въ другомъ мѣстѣ капитулъ Экуи, „пользующійся бенефиціей десятиннаго сбора, не дѣлаетъ ничего для бѣдныхъ и только заботится объ увеличеніи собственныхъ доходовъ“.

„Въ моемъ приходѣ, говоритъ одинъ беррійскій священникъ, существуетъ шесть простыхъ бенефицій, владѣльцы которыхъ, всегда находятся въ отсутствіи, но получаютъ вмѣстѣ девять тысячъ ливровъ дохода. Въ прошломъ году, во время постигшаго насъ бѣдствія, я, самымъ трогательнымъ образомъ, изложилъ имъ въ письмѣ наше положеніе и получилъ отъ одного изъ нихъ только два луидора; другіе же мнѣ совсѣмъ не отвѣтили“.— „Въ обыкновенное время еще менѣе можно ожидать отъ нихъ, чтобы они согласились уступить что нибудь изъ своихъ правъ. Вѣдь всѣ эти повинности: поземельная подать, пошлина съ купли продажи, десятины и т. п. находятся въ рукахъ управляющаго, а хорошимъ управляющимъ, конечно, считается тотъ, въ чью кассу поступаетъ какъ можно больше денегъ. Онъ не имѣетъ права быть великодушнымъ за счетъ своего господина, и притомъ самъ постоянно подвергается искушенію эксплуатировать въ свою пользу подданныхъ своего господина. Мягкая рука владѣльца напрасно стремилась бы, легко и по-отечески касаться своихъ подданныхъ; грубая рука его уполномоченнаго будетъ все-таки давить всею своею тяжестью на крестьянъ и снисходительность начальника постоянно уступаетъ мѣсто вымогательствамъ его повѣреннаго.— Но каково же будетъ положеніе крестьянъ въ томъ случаѣ, если въ какомъ либо помѣстьѣ, арендаторъ или откупщикъ купить себѣ у владѣльца за извѣстную сумму, выплачиваемую ему ежегодно, право эксплуа-

таціи его владѣній? Въ Майенскомъ избирательномъ округѣ и вѣроятно еще во многихъ другихъ мѣстахъ, главнѣйшія помѣстья находятся на такомъ откупѣ. Притомъ же существуетъ много повинностей, какъ напр. дорожныя пошлины, рыночный сборъ, налогъ на скоть, монополія хлѣбопечарень и мельницъ, которыя нельзя взимать иначе; владѣльцу нуженъ для этого откупщикъ, который бы избавлялъ его отъ споровъ и разныхъ хлопотъ, сопряженныхъ со взиманіемъ повинностей. Въ такихъ, довольно частыхъ случаяхъ, требовательность и алчность откупщика, желающаго во что бы то ни стало нажиться или, по крайней мѣрѣ, не потерять ничего, всею тяжестью обрушиваются на крестьянъ: „Это хищный волкъ, говоритъ Ренольдонъ,—выпущенный на волю, который вымогаетъ до послѣдняго су, притѣсняетъ крестьянъ, доводитъ ихъ до нищенства, побуждаетъ земледѣльцевъ дезертировать и дѣлаетъ ненавистнымъ самого владѣльца, вынужденнаго допускать такія вымогательства, ради собственной выгоды. Вообразите себѣ, если это возможно, все то зло, которое можетъ причинить ростовщикъ въ деревнѣ, вооруженный притомъ столь огромными правами! Въ самомъ дѣлѣ, если только какое нибудь изъ феодальныхъ правъ становится невыносимымъ, то, какъ это можно видѣть изъ мѣстныхъ жалобъ, это бываетъ тамъ, гдѣ пользованіе имъ находится въ рукахъ откупщика. Врядъ ли даже въ Ирландіи 1830 года, можно найти подобныя вымогательства, хотя тамъ, однако, главный арендаторъ, взявшій на откупъ помѣстье, раздавалъ потомъ участки другимъ, болѣе мелкимъ, а эти, въ свою очередь, дѣлили ихъ среди еще болѣе мелкихъ сѣмщиковъ, въ самомъ же низу этой лѣстницы находился самый мелкій земледѣлецъ, который одинъ несъ на себѣ всю тяжесть и подвергался тѣмъ болѣе эксплуатаци, что его кредиторъ, тоже притѣсняемый, соразмѣривъ свои собственные требованія съ тѣми, которыя ему предъявлялись.“

Предположимъ, что видя такое злоупотребленіе своимъ именемъ, самъ владѣлецъ пожелалъ бы взять изъ продажныхъ рукъ администрацію своихъ помѣстій. Всего чаще бываетъ, впрочемъ, что онъ даже не можетъ.

этого сдѣлать, такъ какъ самъ слишкомъ обремененъ долгами, поэтому онъ и предоставляетъ своимъ кредиторамъ пользование такою то частью своей земли и такою то отраслью своихъ доходовъ. Въ теченіе уже нѣсколькихъ столѣтій дворянство запутывается въ долгахъ, вслѣдствіе своей роскоши, своей расточительности, беспечности и ложному понятію о чести, благодаря которому, оно считало провѣрку счетовъ занятіемъ, приличествующимъ только счетоводамъ. Дворянство гордится своей беспечностью и называетъ это благороднымъ образомъ жизни. „Господинъ архіепископъ, говорилъ Людовикъ XVI Диллону, увѣряютъ, что у васъ есть долги и даже много. — „Государь, отвѣчалъ прелатъ, съ ироніей знатнаго вельможи, — я справлюсь объ этомъ у моего управляющаго и тогда буду имѣть честь представить Вашему Величеству отчетъ о моихъ дѣлахъ“. Маршалъ Субизъ имѣетъ 500,000 ливровъ годового дохода, которыхъ ему не хватаетъ. Извѣстно какъ велики были долги кардинала де Роганъ, графа д'Артуа; милліонные доходы безслѣдно исчезали въ этой безднѣ. Принцъ де Геменэ обанкрутился на тридцать пять милліоновъ. Герцогъ Орлеанскій, самый богатый собственникъ королевства, ко времени своей смерти былъ долженъ 74 милліона. Когда пришлось уплачивать долги эмигрантовъ изъ оставленныхъ ими на родинѣ имѣній, то оказалось, что большинство крупныхъ состояній было совершенно подточено ипотеками. Всякій, кто читалъ мемуары относящіяся къ тѣмъ временамъ, знаетъ, что для пополненія своихъ пустыхъ кармановъ дворянство вынуждено было постоянно прибѣгать къ денежнымъ бракамъ и милостямъ короля. Вотъ почему, по примѣру самого же короля, они стали извлекать деньги изъ всего, а именно изъ продажи должностей, которыя находились у нихъ въ рукахъ, и, такимъ образомъ, отказываясь отъ власти ради денежной выгоды, они лишились послѣднихъ клочковъ того авторитета и вліянія въ правительствѣ, которое еще оставалось у нихъ. И вездѣ они сами лишили себя почетнаго характера вождя, нарядившись въ гнусное одѣяніе торговца. — „Они не только не платятъ жалованья судьямъ, которыхъ сами

назначаютъ, — говорить одинъ изъ современниковъ, — но или панимаютъ ихъ за удешевленную плату или же, что еще хуже, — большинство отдаетъ эти должности съ торговъ“. Несмотря на эдиктъ 1693 г. судьи, назначенные подобнымъ образомъ, не зачисляются въ члены королевскаго суда и не приносятъ присяги. Что же происходитъ? Правосудіе, которое слишкомъ часто попадаетъ въ руки негодеевъ, вырождается въ грабежъ, сопровождающійся ужасною безнаказанностью“. Обыкновенно владѣлецъ, продавшій за извѣстную сумму судебную должность, взимаетъ еще, кромѣ того, одну сотую, одну пятидесятую или одну десятую часть съ этой первоначальной суммы при переходѣ должности въ другія руки. Иногда онъ продаетъ наследственное право на эту должность. Онъ создаетъ даже новыя должности и наследственные права, чтобы продавать ихъ. „Всѣ владѣльческіе суды — говорится въ запискахъ — наводнены цѣлою толпою приставовъ всякаго рода, господскими сержантами, конными приставами, жезлоносцами и стражей. Не рѣдкость при этомъ, что въ такомъ округѣ, который едва можетъ прокормить двухъ, если они будутъ ограничиваться предѣлами своихъ обязанностей, находятся до десяти такихъ должностныхъ лицъ“.

Поэтому „они, обыкновенно, исполняютъ одновременно и другія обязанности, т. е. бываютъ судьями и прокурорами, стряпчими и судебными приставами и нотаріусами, причемъ каждый изъ нихъ въ одномъ мѣстѣ исполняетъ одну должность, а въ другомъ другую и несетъ различныя обязанности подъ разными наименованіями и притомъ въ разныхъ владѣльческихъ помѣстьяхъ. Но всѣ, конечно, должны вести кочевую жизнь и вступать между собою въ соглашеніе, подобно мошенникамъ на ярмаркѣ, сходясь въ какомъ нибудь кабачкѣ, чтобы тамъ приготовить акты, судить и разбирать дѣла. Иногда, чтобы сэкономить что-нибудь, владѣлецъ назначаетъ на такую должность одного изъ своихъ фермеровъ. Еще чаще владѣлецъ поручаетъ такую должность какому нибудь голодному адвокату маленькаго сосѣдняго городка, пазначая ему такое жалованье, „котораго ему недостаточно,

чтобы прожить даже одну недѣлю“. Но тогда, онъ вознаграждаетъ себя на счетъ крестьянъ, посредствомъ кляузъ, проволочекъ, и всякихъ на-мѣренныхъ усложненій судопроизводства, причемъ адвокату причисляется вознагражденіе въ три ливра за часъ потраченного времени, судѣ—шесть ливровъ. Все это черное племя судебныхъ пѣявокъ высасываетъ кровь съ тѣмъ большею жадностью изъ своей истощенной жертвы, чѣмъ ихъ самихъ больше и чѣмъ больше они заплатили за свое право ее высасывать. Можно себѣ представить тотъ произволъ, продажность и небрежность, которые являются результатомъ подобнаго режима! „Безнаказанность, говоритъ Ренольдонъ, нигдѣ не бываетъ такъ велика, какъ въ этихъ владѣльческихъ судахъ... Тамъ не дѣлается никакого разслѣдованія, даже относительно самыхъ чудовищныхъ преступленій“, такъ какъ владѣлецъ боится расходовъ, которые влечетъ за собою уголовный процессъ, а его судьи и прокуроры опасаются не получить платы за свои труды по судопроизводству. Къ тому же и владѣльская тюрьма зачастую устраивается въ подвалѣ замка и изъ такихъ судовъ не найдется и одного, который бы соблюдалъ правила, установленныя для тюремъ, тюремщики же закрываютъ глаза на то, что творится или протягиваютъ руку за подачкой. Вотъ почему „владѣнія крупныхъ вельможъ служили убѣжищемъ для всѣхъ злодѣевъ округа“.—Это ужасное послѣдствіе его равнодушія со-временемъ обратится противъ него же самого; въ клубѣ тѣ же самые стряпчіе, которыхъ онъ самъ же расплодилъ въ своемъ имѣніи, требуютъ его головы, а бандиты, которыхъ онъ терпѣлъ въ своихъ владѣніяхъ, воткнутъ его на пику!

Остается только одинъ пунктъ — охота, относительно котораго юрисдикція владѣльца продолжаетъ быть дѣятельною и строгой, но именно тутъ то она и бываетъ наиболѣе оскорбительной для народа. Прежде, когда половина округа была покрыта лѣсами и невоздѣланными пустырями, и когда крупные звѣри опустошали другую половину, то владѣлецъ имѣлъ полное основаніе удерживать за собою исключительное право преслѣдовать эту дичь: это входило даже въ его обязанности какъ мѣстнаго военна-

чальника; онъ былъ наслѣдственнымъ воиномъ, всегда вооруженнымъ, всегда на конѣ и готовымъ выступить въ походъ, какъ противъ кабановъ и тигровъ, такъ и противъ бродягъ и разбойниковъ. Но когда отъ прежняго воина у него сохранились только титулъ да эполеты, то онъ удерживалъ за собою эту привилегію только въ силу традиціи и изъ того, что было прежде общественною службой, созданою стѣсненіемъ для народа. Владѣлецъ долженъ охотиться и притомъ это право принадлежало только ему одному. Для него охота была не только физическою потребностью, но и служила отличительнымъ признакомъ его расы. Роганъ или Диллонъ охотились за оленями даже тогда, когда вступили въ ряды духовенства, не взирая ни на какіе церковные уставы. „Вы много охотитесь, г. епископъ, говорилъ Людовикъ XV Диллону; — мнѣ кое-что извѣстно объ этомъ. Какъ же вы хотите запретить вашимъ священникамъ охоту, когда вы сами проводите свою жизнь въ томъ, что подаете имъ примѣръ такого занятія?“—„Государь, отвѣчалъ епископъ, для моихъ священниковъ охота—это ихъ личный порокъ, для меня же—это порокъ моихъ предковъ“.—Когда къ охраненію какого нибудь права примѣшивается кастовое самолюбіе, то обыкновенно это охраненіе выполняется съ неумолимою строгостью; поэтому то, начальникъ охоты, егермейстеры, лѣсники и лѣсничіе оберегали звѣрей, какъ будто бы они были людьми и преслѣдовали людей, какъ будто бы это были звѣри. Въ округѣ Понъ Левекъ, въ 1789 г., сообщается „о четырехъ случаяхъ“ убійствъ, совершенныхъ лѣсными сторожами одного прелата и одного французскаго маршала; убиты были простолюдины, которыхъ застали за этимъ запрещеннымъ занятіемъ, т. е. охотой, или у которыхъ было найдено запрещенное оружіе. Всѣ четверо убійцъ однако, публично пользовались полнѣйшею безнаказанностью.—„Въ Артуа, одинъ приходъ жаловался, что на земляхъ округа всѣ всходы поѣдаются дичью и земледѣльцамъ скоро придется бросить обработку своихъ полей“.—Недалеко оттуда, въ Руманкурѣ, въ Беллонѣ, „зайцы, кролики и куропатки совершенно истребляютъ по-

сѣвы, такъ какъ владѣлецъ графъ не охотится и не дозволяетъ охотиться другимъ.—Въ двадцати же другихъ деревняхъ, гдѣ онъ охотится, онъ дѣлаетъ это верхомъ и скачетъ черезъ засѣянные поля. „Его стражи, всегда вооруженные, убили уже нѣсколько человѣкъ, подъ предлогомъ охраненія правъ своего господина.... Дичь, количество которой значительно превосходитъ то, которое находится въ королевскихъ охотничьихъ земляхъ, ежегодно уничтожаетъ всѣ надежды на урожай. Въ округѣ д'Эвре, „дичь все истребляетъ, даже у самого дома.... Изъ-за дичи поселянинъ не можетъ свободно выпалывать сорную траву, которая разрастается, заглушаетъ сѣмена и портитъ посѣвъ.... Сколько женщинъ осталось безъ мужей и сколько дѣтей лишилось своихъ отцовъ изъ-за какого нибудь жалкаго зайца или кролика!“ Сторожа лѣса Гуффернъ, въ Нормандіи, такъ ужасны, что они оскорбляютъ, бьютъ и даже убиваютъ людей.... Я знаю фермеровъ, которые, затѣявъ искъ противъ своей госпожи, чтобы получить вознагражденіе за порчу хлѣбовъ, не только напрасно потеряли свое время и свою жатву, но еще заплатили судебные расходы.... Мы видимъ оленей и дикихъ козъ, разгуливающими около нашихъ домовъ среди бѣлаго дня“. Въ округѣ Домфронъ, „жители, болѣе чѣмъ десяти приходоу, вынуждены бодрствовать всю ночь въ теченіе шести мѣсяцевъ въ году, чтобы сохранить свою жатву“.

Таковы послѣдствія дворянскаго права охоты въ провинціяхъ. Но всего рѣзче это выразалось въ Иль де Франсѣ, гдѣ не только изобиловали королевскія охотничьи земли, но число ихъ все увеличивалось. Одинъ изъ протоколовъ того времени подтверждаетъ, что въ одномъ только приходѣ Во, близъ Мелёна; кролики изъ сосѣднихъ садковъ опустошили 800 десятинъ воздѣланной земли и уничтожили жатву, представляющую годовое пропитаніе восьми человѣкъ. По близости оттуда, въ Ларошеттѣ, стада дикихъ козъ и оленей пожираютъ, въ теченіе дня, все на поляхъ, а ночью забираются даже въ маленькіе огороды жителей, уничтожаютъ у нихъ овощи и ломаютъ молодыя деревья. Невозможно въ такомъ округѣ собрать овощи, если только огородъ не

обнесенъ высокой стѣной. Въ Фарси, изъ пятисотъ персиковыхъ деревьевъ, посаженныхъ въ одномъ виноградникѣ, и постоянно обгрызаемыхъ оленями, осталось черезъ три года только двадцать. На всей территоріи Фонтенебло, общины, чтобы спасти свои виноградники, вынуждены были содержать, да и то съ разрѣшенія егермейстерства, сторожей, которые бодрствуютъ всѣ ночи съ 1-го мая до половины октября, въ виноградникахъ, съ особо разрѣшенными для этой цѣли собаками и производятъ страшный шумъ, чтобы отгонять дичь.

Въ Шартретѣ, дикія животныя переплываютъ Сену и уничтожаютъ у графини всѣ насажденія молодыхъ тополей. За землю, отдававшуюся прежде въ аренду за двѣ тысячи ливровъ, даютъ только четыреста ливровъ, послѣ того какъ было учреждено версальское егермейстерство, короче говоря, одиннадцатъ непріятельскихъ кавалерійскихъ полковъ, если бы они были расквартированы въ одиннадцати егермейстерствахъ сосѣднихъ со столицей, не произвели бы больше опустошеній, если бы даже каждое утро отправлялись на фуражировку.— Не слѣдуетъ, поэтому, удивляться, что люди утрачивали всякій вкусъ къ земледѣлю, живя по близости этихъ притоновъ звѣрей. Близъ Фонтенебло и Мелёна въ Буа ле Руа, три четверти территоріи оставались невоздѣланными; почти всѣ дома въ Броллѣ пришли въ разрушеніе и нигдѣ ничего не было видно, кромѣ полуразвалившихся стѣнъ. Въ Кутаилль и Шапелль-Рабле, пять фермъ были покинуты совсѣмъ, въ Арбоннѣ множество полей заброшены. Въ Виллье и Домъ-Мари, гдѣ были когда-то четыре большія фермы и множество специальныхъ культуръ, восемьсотъ десятинъ земли остаются необработанными.

Странное дѣло, по мѣрѣ того какъ нравы вѣка все болѣе смягчаются, охотничьи порядки становятся все хуже; служащій персоналъ егермейстерства старается изо всѣхъ силъ; потому что онъ работаетъ на глазахъ и ради „удовольствія“ своего господина! Въ 1789 г. въ одномъ только округѣ Фонтенебло были засажены 108 участковъ кустарникомъ, съ цѣлью разведенія дичи, и вопреки желанію собственниковъ земли. По уставу

1762 года было запрещено каждому частному лицу, живущему въ предѣлахъ какого либо егермейстерства, окружать свой наслѣдственный участокъ или какую бы то ни было землю, стѣнами, изгородью или рвами, безъ спеціальнаго на то разрѣшенія *). Въ случаѣ же такого разрѣшенія, надо было все-таки оставлять въ изгороди широкое и свободное пространство, для того, чтобы охота не встрѣчала препятствій на своемъ пути. Частное лицо не имѣло права держать у себя ни хорька (для истребленія кроликовъ), ни огнестрѣльнаго оружія, никакого снаряда для охоты и не могло выходить съ собакою, хотя бы и не охотничьей породы, если только она не была у него на привязи, или же если у нея не былъ привѣшенъ деревянный обрубокъ на шеѣ. Запрещалось даже косить свой собственный лугъ и свою люцерну ранѣе Иванова дня, посѣщать свое собственное поле съ 1-го мая по 24 июня, ѣздить на Сенскіе острова за ивнякомъ и травой, даже если эта трава и ивнякъ и составляютъ его собственность, вѣдь въ это время куропатки сидятъ на яйцахъ и законодатель желаетъ оказывать имъ покровительство! Пожалуй, онъ бы меньше сталъ заботиться о женщинѣ въ родахъ, нежели о куропаткѣ, сидящей на яйцахъ. Старинные хроникеры могли бы сказать о немъ, какъ о Гильомѣ Руфусѣ, что его сердце бьется родительскими чувствами только для звѣрей. Во Франціи же имѣлось четыреста квадратныхъ миль, подчиненныхъ такому режиму и вездѣ, по всей Франціи, дичь, какова бы она ни была велика или мала, играла роль тирана въ отношеніи крестьянина. Сдѣлайте сами выводъ изъ этого или, лучше, послушайте, къ какому выводу приходитъ народъ:—„каждый разъ, говорить Монлозье въ 1789 г.,—когда мнѣ случалось встрѣчать стада оленей или ланей по дорогѣ, то мои провожатые вскрикивали: „Вотъ идетъ оно,—дворянство!“ намекая, вѣроятно, на

*) Старые крестьяне, съ которыми мнѣ приходилось разговаривать, сохранили еще живое воспоминаніе объ этихъ притѣсненіяхъ и опустошеніяхъ. Въ Клермонтуа, по ихъ рассказамъ, лѣсные сторожа принца Кондэ, весною разыскивали волчьи пометы и вскармливали молодыхъ волчатъ въ рвахъ замка. Въ началѣ зимы ихъ выпускали и устраивалась травля. Но все же эти волки пожирали овецъ, а порою разрывали и ребенка.

тѣ опустошенія, которыя эти животныя производили на ихъ земляхъ. Итакъ, значить, въ глазахъ своихъ подданныхъ, дворяне—„это такія же хищныя животныя!“

Вотъ къ чему приводятъ привилегіи, отдѣленные отъ общественной службы! Такимъ образомъ, право защиты выродилось въ право опустошенія и люди, разумные и гуманные, дѣйствовали, не думая объ этомъ, какъ люди неразумные и негуманные. Отдѣленные отъ народа, они стали злоупотреблять имъ. Превратившись въ номинальныхъ вождей они разучились быть настоящими вождями. Потерявъ характеръ общественныхъ должностныхъ лицъ, они, однако, не захотѣли отказаться ни отъ одной изъ своихъ частныхъ привилегій, и тѣмъ хуже для округа, но тѣмъ хуже было и для нихъ! Тридцать или сорокъ браконьеровъ, которыхъ они сегодня преслѣдуютъ на своей землѣ, на завтра выступятъ противъ ихъ замка, во главѣ взбунтовавшихся крестьянъ!“

Отсутствіе владѣльцевъ въ помѣстьяхъ, равнодушіе провинцій, дурное состояніе земледѣлія, вымогательства откупщиковъ податей, продажность судовъ, притѣсненія егермейстерствъ, праздность, долги и требовательность владѣльцевъ, беспомощность, бѣдность, одичалость и враждебность вассаловъ—все это проистекало отъ одной и той же причины и вело къ одному и тому же результату. Когда власть превращается въ синекуру, она становится тяжелой, переставъ быть полезной, а когда она тяжела и бесполезна, то ее ниспровергаютъ!

Глава четвертая.

Общественная служба, которую должны были бы нести привилегированные — Примѣры въ Англіи. — Привилегированные не несутъ такой службы во Франціи.—Вліяніе и права, которыя имъ остаются.—Они пользуются ими только для себя.—Собранія духовенства.—Они служатъ только церковнымъ интересамъ.—Духовенство, освобожденное отъ налоговъ.—Домогательства его агентовъ.—Его рвеніе въ борьбѣ съ протестантами.—Вліяніе дворянъ.—Регламенты въ ихъ пользу.—Предпочтеніе, оказываемое имъ церковью.—Распределеніе епископствъ и аббатствъ.—Предпочтеніе, оказываемое имъ государствомъ.—Губернаторства, разныя должности, синекуры, пенсіи, награды.—Вмѣсто того, чтобы быть полезными, они становятся въ тягость.—Изолированное положеніе вождей. Чувства подчиненныхъ.—Провинціальное дворянство.—Священники.—Король—Его привилегіи самыя большія.—Захвативъ въ свои руки всякую власть, онъ

взять на себя и всѣ функціи.—Тяжесть такой задачи.—Онъ уклоняется отъ нея или же не въ состояніи ее выполнить.—Спокойствіе его сознанія.—Франція—его собственность. Какъ онъ злоупотребляетъ ею.—Королевская власть становится центромъ всѣхъ злоупотребленій.—Скрытая дезорганизація Франціи.

Безполезные въ округѣ привилегированные классы все же могли бы быть полезны въ центрѣ и, не принимая участія въ мѣстномъ управленіи, могли бы служить въ общемъ правительствѣ своей страны. Такъ поступаетъ англійскій лордъ, баронетъ, сквайръ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ и не исполняетъ обязанностей судьи въ своемъ графствѣ или не состоитъ членомъ приходскаго совѣта. Выборный членъ въ Нижней Палатѣ, наслѣдственный членъ—въ Верхней, онъ держитъ въ своихъ рукахъ шнурки отъ казеннаго кошелька и не позволяетъ принцу запускать туда руку слишкомъ часто. Таковъ режимъ въ странѣ, гдѣ феодалы, вмѣсто того, чтобы допустить короля соединиться противъ нихъ съ общинами, сами соединились съ этими послѣдними противъ короля. Чтобы лучше защищать собственные интересы, они защищали интересы другихъ и будучи вначалѣ только представителями своихъ равныхъ, они сдѣлались потомъ представителями націи.

Во Франціи ничего подобнаго не было. Генеральные штаты совсѣмъ перестали дѣйствовать и король могъ по праву назвать себя единственнымъ представителемъ страны. Подобно деревьямъ, загложшимъ отъ тѣни гигантскаго дуба, всѣ другія общественныя власти погибли отъ разростанія власти короля. Все, что осталось отъ нихъ, загромождало мѣсто, образуя вокругъ королевскаго дуба чащу ползучихъ кустовъ да изсохшихъ стволовъ. Одна изъ этихъ общественныхъ властей—парламентъ, этотъ простой отростокъ великаго дуба, иногда воображалъ, что у него есть свой собственный корень, но его соки были слишкомъ явно заимствованы отъ чужого корня, и онъ не могъ поэтому стоять крѣпко самъ по себѣ и служить для народа независимымъ убѣжищемъ. Другія корпораціи, пережившія хотя и захирѣвшія,—собранія духовенства и провинціальныя штаты, могли оказывать покровительство какому нибудь ордену или нѣсколькимъ провин-

ціямъ, но такое покровительство распространяется только на этотъ самый орденъ и на эту самую провинцію и если оно защищаетъ какой нибудь частный интересъ, то это бываетъ обыкновенно въ ущербъ общему государственному интересу.

II.

Разсмотримъ теперь самую живучую и самую прочную изъ этихъ корпорацій—собраніе духовенства. Оно созывается каждые пять лѣтъ, а въ промежутки два агента, выбранные на этомъ собраніи, заботятся объ интересахъ всего сословія. Созываемое правительствомъ, руководимое имъ, сдерживаемое или даже закрываемое имъ въ случаѣ надобности, оно находится всегда подъ рукою у правительства и служить его политическимъ цѣлямъ, но тѣмъ не менѣе, оно все-таки является надежнымъ убѣжищемъ для духовенства, представителемъ котораго служить. Однако, оно служить защитой только для одного духовенства, и при заключеніи цѣлой серіи всевозможныхъ сдѣлокъ, которыя должны защитить духовенство отъ притязаній казны, оно освобождаетъ собственные плечи только для того, чтобы взвалить еще болѣе тяжелое бремя на плечи другихъ. Мы уже видѣли, какъ его дипломатія спасла льготы духовенства, какъ ему удалось откупиться отъ уплаты поголовной подати и другихъ налоговъ, какимъ образомъ оно превратило налогъ, причитающійся съ духовенства, въ „добровольный даръ“, ухитряясь употреблять этотъ даръ на погашеніе капиталовъ, взятыхъ займы для выкупа отъ налоговъ. Мы знаемъ также, при помощи какого тонкаго искусства духовенству удалось не только не вносить ничего въ казну, но даже заимствовать изъ нея ежегодно около 1.500,000 ливровъ. Это было тѣмъ лучше для церкви, но тѣмъ хуже для народа.—Теперь пересмотримъ длинный рядъ фоліантовъ, заключающихъ въ себѣ донесенія агентовъ духовенства, черезъ каждое пятилѣтіе. Эти агенты, способные и ловкіе люди, подготовляющіеся къ занятію высшихъ должностей церкви. Постоянно выступающіе ходатаями передъ судьями и въ совѣтѣ, они вынуждаютъ, вслѣдствіе того, что за нихъ спиною чувствуется могущественное сословіе, придавать особенный

вѣсь жалобамъ, которыя они приносятъ. Они заставляють, въ тоже время, то или другое церковное дѣло рѣшать въ церковномъ духѣ и оставлять въ неприкосновенности то или другое феодальное право ради выгоды капитула или епископа. Общественныя же просьбы оставляются при этомъ безъ вниманія. Въ 1781 г., не смотря на постановленіе Реннского парламента, канонники въ Сентъ Мало удерживаютъ все-таки въ своихъ рукахъ монополію общественной хлѣбопекарни, въ ущербъ булочникамъ, которые желали бы печь хлѣбъ у себя дома, и жителямъ, которые платили бы тогда меньше за хлѣбъ, испеченный у булочниковъ. Въ 1773 г. Генень, школьный учитель, уволенный Лангрскимъ епископомъ и тщетно поддерживаемый жителями, которые хотѣли, чтобы онъ оставался, вынужденъ былъ все-таки покинуть свое мѣсто и уступить его своему преемнику, который былъ назначенъ прелатомъ. Въ 1770 году, Растель, протестантъ, открывшій общественную школу въ Сентъ Африкъ, подвергается за это преслѣдованію по требованію епископа и агентовъ духовенства; его школа была закрыта, а его самого посадили въ тюрьму.

Если какой-нибудь корпораціи удастся удержать въ своихъ рукахъ ключъ отъ своего денежнаго сундука, то, разумѣется, она можетъ уже рассчитывать на уступки, соотвѣтствующія тѣмъ деньгамъ, которыя уплачиваются ею. Повелительный тонъ короля и видъ покорности, принимаемый духовенствомъ, не мѣняютъ сущности вещей; между ними существуетъ торгъ и всѣ ихъ отношенія основываются только на этомъ: сколько даешь, столько и получаешь! Напр. такой-то законъ противъ протестантовъ издается взамѣнъ одного или двухъ милліоновъ прибавляемыхъ къ „добровольному дару“. Такимъ путемъ произошла, въ семнадцатомъ вѣкѣ, постепенная отмѣна нантскаго эдикта; вычеркивались статья за статьей и это совершалось съ такою правильною послѣдовательностью, какъ встряска дыбы во время пытки. Каждое новое преслѣдованіе протестантовъ покупалось новымъ актомъ щедрости со стороны духовенства, такъ что если духовенство и оказываетъ какую-нибудь помощь государству, то дѣлаетъ это лишь подъ условіемъ,

чтобы государство становилось палачомъ. Въ теченіе всего восемнадцатаго вѣка церковь зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы преслѣдованія не прекращались. Въ 1717 году, въ Андюзъ было накрыто религіозное собраніе въ 74 человекъ; мужчины были послѣ того, отправлены на галеры, а женщины посажены въ тюрьму. Въ 1724 г. изданъ эдиктъ, которымъ объявляется, что всѣ тѣ, кто будетъ посѣщать протестантскія религіозныя собранія или поддерживать какія-либо сношенія, прямыя или косвенныя съ пасторами-проповѣдниками, будутъ приговорены къ конфискаціи имущества, женщины же будутъ обриты и посажены въ тюрьму на всю жизнь, а мужчины сосланы на вѣчную каторгу.

Въ 1745 и 1746 г., въ Дофинэ, 277 протестантовъ были приговорены къ галерамъ и много женщинъ наказаны кнутомъ. Съ 1744 по 1752 г. въ восточной и южной Франціи шестьсотъ протестантовъ были заключены въ тюрьму, а восемьсотъ приговорены къ различнымъ наказаніямъ. Въ 1774 г. у кальвиниста Ру въ Нимѣ, отняты его двое дѣтей. Передъ самымъ наступленіемъ революціи въ Лангедокѣ еще вѣшали пасторовъ и посылали драгуновъ противъ конгрегацій, собирающихся на молитву въ пустынь. Мать Гизо попала при этомъ подъ выстрѣлы и у нея были прострѣлены юбки: Все это могло происходить потому, что въ Лангедокѣ епископы, черезъ посредство провинціальныхъ собраній, „болѣе чѣмъ гдѣ-либо вліяютъ на свѣтскую власть; ихъ же чувства всегда требуютъ драгонадъ и обращеній протестантовъ при помощи ружейныхъ выстрѣловъ“. Въ 1775 г., во время коронаванія, архіепископъ Ломени де Бриеннъ, извѣстный скептикъ, говоритъ молодому королю: „Вы должны осудить систему преступной снисходительности... Довершите дѣло, начатое Людовикомъ Великимъ. Вамъ предназначено нанести въ своемъ государствѣ послѣдній ударъ кальвинизму“. Въ 1780 г. собраніе духовенства заявляетъ, что „алтарь и тронъ одинаково очутятся въ опасности, если ереси будетъ дозволено разбить свои кандалы“. Даже въ 1789 г., духовенство, въ своихъ запискахъ, хотя и соглашается терпѣть не католиковъ, но все же находить эдиктъ 1788 г. слишкомъ либераль-

нымъ. Духовенство желало бы исключить ихъ изъ судебныхъ должностей, никогда не разрѣшать имъ публичнаго богослуженія и воспретить смѣшанные браки. Кромѣ того, духовенство требуетъ предварительной цензуры для всѣхъ произведеній печати, назначенія особаго духовнаго комитета для донесенія о вредномъ направленіи этихъ произведеній и позорныхъ наказаній для авторовъ антирелигіозныхъ книгъ. Наконецъ, для себя, оно требуетъ управленія всѣми общественными школами и надзора надъ частными школами.

Въ этой нетерпимости и въ этомъ эгоизмѣ нѣтъ ровно ничего удивительнаго. Корпорация, какъ и отдѣльный индивидъ, прежде всего и главнымъ образомъ думаетъ о себѣ. Если же иногда духовенство и приноситъ въ жертву кое-что изъ своихъ привилегій, то это дѣлается лишь въ видахъ обезпеченія союза съ другими корпорациями. Въ подобномъ случаѣ, какъ это наблюдается и въ Англіи, всѣ эти привилегіи, вступающія между собою въ сдѣлки и поддерживающія другъ друга, образуютъ вмѣстѣ общественныя вольности. Но во Франціи, гдѣ только одно сословіе имѣетъ своихъ представителей, депутаты не обязаны и не чувствуютъ желанія уступать что нибудь другимъ. Они руководствуются только интересами своего собственнаго сословія и ставятъ его выше общегосударственныхъ интересовъ; они будутъ служить ему во чтобы то ни стало, даже не останавливаясь передъ покушеніемъ на народныя интересы.

III.

Такъ дѣйствуютъ отдѣльныя сословія, когда они, вмѣсто того, чтобы соединиться вмѣстѣ, держатся особнякомъ другъ отъ друга. Тоже самое наблюдается въ кастахъ и партіяхъ; ихъ отчужденность другъ отъ друга способствуетъ развитію въ нихъ эгоизма. Съ нижней и до самой верхней ступени общественной лѣстницы, всѣ законныя и правственныя власти, которыя должны были бы быть представителями націи, на самомъ дѣлѣ являются только представителями самихъ себя и своихъ интересовъ и каждая изъ этихъ властей старается поэтому изо всѣхъ силъ только для себя и въ ущербъ націи. Не имѣя

права собираться и голосовать, дворянство имѣетъ все-таки вліяніе и чтобы узнать, какъ оно имъ пользуется, достаточно прочесть эдикты и альманахъ. Регламентъ, навязанный маршалу Сегюру, возстановляетъ старинныя перегородки, не допускавшія людей неблагороднаго происхожденія къ офицерскимъ чинамъ, и впредь, для того чтобы быть капитаномъ, надо было доказать, что имѣется четыре поколѣнія дворянства. Точно также, въ послѣднее время, надо было принадлежать къ дворянскому сословію, для того, чтобы получить мѣсто начальника пріема прошеній и втайнѣ было даже постановлено, что впредь „всѣ церковныя мѣста, отъ самаго скромнаго пріорства, до самыхъ богатыхъ аббатствъ, будутъ исключительно предоставлены дворянству“. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ крупныя должности, церковныя или свѣтскія, достаются исключительно дворянамъ; всѣ синекуры, свѣтскія или духовныя, также отдаются имъ или ихъ родственникамъ, приближеннымъ, любимцамъ и слугамъ. Франція становится похожей на огромную конюшню, гдѣ породистымъ лошадямъ выдается двойная или тройная порція за то, что они остаются праздными или несутъ только половинную службу, между тѣмъ какъ упряжныя лошади несутъ полную службу, получая только половинную порцію, да и той имъ частенько не даютъ. Къ тому же надо замѣтить, что и среди породистыхъ животныхъ существуетъ привилегированное стадо, родившееся у самыхъ яслей и поэтому отталкивающее себѣ подобныхъ, чтобы самому набивать себѣ ротъ. Это стадо, жирное, блестящее, съ гладкою шерстью, стоящее на подстилкѣ, доходящей ему по самое брюхо, не имѣетъ въ сущности другого занятія кромѣ того, чтобы все тащить къ себѣ. Это и есть придворное дворянство, живущее у самаго источника милостей, упражнявшееся съ самаго дѣтства въ выпрашиваніи ихъ, получавшее желаемое и просившее опять и обращавшее вниманіе исключительно только на расположеніе или нерасположеніе короля. Въ глазахъ этого дворянства вся вселенная сосредоточивалась въ прихожей короля, и потому оно относилось равнодушно къ дѣламъ государства, какъ и къ своимъ собствен-

нымъ и предоставляло первыя вѣдѣнію провинціальныхъ интендантовъ, вторыя отдавало въ руки своихъ управляющихъ“.

Разсмотримъ теперь ихъ вліяніе на бюджетъ страны. Извѣстно, какъ великъ бюджетъ церкви, но я полагаю, что, по крайней мѣрѣ, половина этой суммы переходитъ въ руки лицъ дворянскаго сословія. Девятнадцать капитуловъ для мужчинъ дворянскаго званія, двадцать пять — для женщинъ дворянокъ, и 260 командорствъ мальтійскаго ордена присвоены имъ уставами. Дворяне занимаютъ также предпочтительно всѣ мѣста архіепископовъ и, за исключеніемъ пяти, всѣ епископскія должности. Изъ четырехъ аббатовъ, занимающихъ духовныя мѣста и генеральныхъ викаріевъ, три непременно принадлежатъ къ дворянскому сословію. Если же мы обратимся теперь къ аббатиссамъ, которыя назначаются королемъ, то въ аббатствахъ, приносящихъ своимъ настоятельницамъ 20,000 ливровъ годового дохода и болѣе, эти мѣста всегда бываютъ заняты дѣвицами изъ знатныхъ фамилій. Еще одна подробность можетъ указать обширность милостей, изливаемыхъ на дворянство: я насчиталъ 83 мужскихъ аббатствъ, которыя принадлежатъ священникамъ, капланамъ, наставникамъ или чтецамъ короля, королевы, принцевъ и принцессъ. Одинъ изъ нихъ, аббатъ Вермонъ, получалъ 80,000 ливровъ съ бенефицій. Короче говоря: 1.500 крупныхъ и мелкихъ духовныхъ синекуръ, состоящихъ въ распоряженіи короля, служатъ ходячею монетой, которою пользуются знатные придворные и либо изливаютъ ее золотымъ дождемъ, чтобы вознаградить усердіе своихъ приближенныхъ и слугъ, либо сохраняютъ ее, какъ обширный фондъ, который можетъ служить имъ для поддержанія достоинства своего ранга. Впрочемъ, согласно обычаю давать тому, кто больше имѣетъ, самые богатые прелаты пользуются, кромѣ своихъ большихъ епископскихъ доходовъ, еще и самыми богатыми аббатствами. Если же перевести получаемые ими доходы на деньги нынѣшняго времени, то получатся вчетверо или даже вшестеро большія суммы.

Перейдемъ теперь къ свѣтскому бюджету. Онъ точно также изобилуетъ синекурами, которыя почти

всѣ находятся въ рукахъ дворянства. Сюда надо причислить въ провинціи тридцать семь крупныхъ генераль-губернаторствъ, семь болѣе мелкихъ, шестьдесятъ шесть генераль-лейтенантовъ, 407 особыхъ губернаторствъ тринадцать губернаторствъ въ королевскихъ удѣлахъ и множество другихъ, такихъ же лишенныхъ реального значенія должностей, существующихъ только для парада, но приносящихъ большіе доходы, не только благодаря крупной суммѣ жалованья, но и вслѣдствіе разныхъ, соединенныхъ съ ними мѣстныхъ доходовъ и поэтому занимаемыхъ исключительно только дворянами. И тутъ дворянство позволило отнять у себя власть, дѣятельность, полезность своихъ обязанностей, подъ условіемъ сохраненія титула, внѣшняго блеска и денегъ. Управляетъ на самомъ дѣлѣ королевскій интендантъ; „губернаторъ же не можетъ выполнить никакой функціи, не получивъ на то особаго предписанія“.—„Онъ существуетъ только для того, чтобы давать обѣды, да и на это даже ему нужно получить разрѣшеніе“, т. е. онъ долженъ получить позволеніе жить въ своемъ губернаторствѣ. „Но должность эта доходная.

Обратите вниманіе на такія синекуры хотя бы въ одной какой нибудь провинціи, на примѣръ въ Лангедокѣ, представляющей государственную провинцію т. е., такую, которая имѣетъ представительное собраніе и гдѣ, слѣдовательно, кошелекъ плательщика податей долженъ быть лучше защищенъ. Между тѣмъ, тамъ существуютъ три вице-комендантства, въ Турнонѣ, Але и Монпелье, „оплачиваемыхъ каждое по 16,000 ливровъ, хотя занимающіе эти мѣста и не несутъ никакой службы, такъ какъ должности эти были учреждены въ смутныя времена религіозныхъ войнъ, собственно для того только, чтобы сдерживать протестантовъ“. Двѣнадцать лейтенантовъ короля также совершенно бесполезны и существуютъ только для вида, такъ какъ и три генераль-лейтенанта. Однако это не мѣшаетъ каждому изъ нихъ, по очереди, получать черезъ каждые три года награду въ 30,000 ливровъ за услуги, будто бы, оказанныя ими провинціи, хотя при этомъ и не указывается какого рода эти услуги, въ

сущности вздорныя и химеричныя, тѣмъ болѣе, что никто изъ этихъ должностныхъ лицъ не живетъ въ провинціи и если провинція платитъ имъ, то лишь для того, чтобы имѣть въ нихъ поддержку при дворѣ. „Такимъ образомъ графъ Карамани, имѣющій болѣе 600,000 ливровъ годового дохода, какъ собственникъ Лангедокскаго канала, получаетъ черезъ каждые три года 30,000 ливровъ, безъ всякой законной причины и независимо отъ частыхъ и обильныхъ подарковъ, которые дѣлаетъ ему провинція на производство исправленій въ его каналѣ.—Провинція даетъ также и коменданту, графу Перигоръ, награду въ 12,000 ливровъ кромѣ получаемого имъ жалованья, а его жена преподноситъ еще 12,000 ливровъ, когда она въ первый разъ почтитъ штаты своимъ присутвіемъ. Кромѣ того, провинція оплачиваетъ коменданту сорокъ человекъ его почетной стражи, изъ которыхъ только двадцать четыре дѣйствительно служатъ во время его кратковременнаго присутствія на засѣданіяхъ штатовъ. Эта стража, со своимъ капитаномъ обходится провинціи ежегодно въ 15,000 ливровъ.

Таже провинція оплачиваетъ губернатору и его стражу, отъ 80 до 100 человекъ, получающихъ каждый отъ 300 до 400 ливровъ, не считая разныхъ льготъ, причемъ имъ никогда не приходится нести своей службы, такъ какъ губернаторъ никогда не живетъ въ провинціи. На всѣхъ этихъ мелкихъ тунеядцевъ расходуются въ общемъ 29,000 ливровъ, кромѣ 5,000—6,000 ливровъ, уплачиваемыхъ капитану. Къ этому надо еще прибавить 7,500 секретарямъ губернатора, помимо 60,000 ливровъ жалованья и другихъ безчисленныхъ доходовъ, получаемыхъ губернаторомъ. Повсюду я вижу такихъ второстепенныхъ тунеядцевъ, которые кишатъ подъ сѣнью главныхъ тунеядцевъ и заимствуютъ свои жизненные соки изъ общественнаго кошелька, служащаго для нихъ для всѣхъ общею кормилицей. Весь этотъ міръ пародируетъ, пьетъ и ѣстъ до отвала на церемониальныхъ пиршествахъ и въ этомъ заключается ихъ единственное назначеніе, которое они добросовѣстно выполняютъ. Засѣданія провинціальныхъ штатовъ представляютъ рядъ непре-

рывныхъ пиршествъ въ теченіе шести недѣль, во время которыхъ королевскій интендантъ истрачиваетъ 25,000 ливровъ на обѣды и приемы.

Столь же доходны, но и столь же бесполезны придворныя должности, домашнія синекуры, приносящія такія выгоды и побочные доходы, которые значительно превышаютъ получаемое жалованье. Я нахожу въ печатномъ спискѣ придворныхъ штатовъ 295 офицеровъ, которые числятся при столѣ короля, не считая лакеевъ, прислуживающихъ за столомъ короля и его приближенныхъ, и „перваго метръ-д'отеля, получающаго 84,000 ливровъ въ годъ кредитными билетами и съѣстными припасами, кромѣ жалованья и той суммы, которую онъ получаетъ на парадныя ливреи“. Первыя камерфрау королевы вписанныя въ Альманахъ на 150 ливровъ жалованья, на самомъ же дѣлѣ получающія 12,000 франковъ, еще сами увеличиваютъ этотъ доходъ и въ дѣйствительности получаютъ до 50,000 франковъ, благодаря продажѣ свѣчъ, которыя зажигались въ теченіе дня, но не сгорѣли. Одинъ секретарь комендантскаго управленія, занимающій мѣсто, которое должно приносить 900 ливровъ въ годъ, сознается, что оно, въ дѣйствительности приносить ему 200,000. Начальникъ охоты въ Фонтенебло продаетъ въ свою пользу ежегодно на 20,000 франковъ кроликовъ.

При каждомъ переѣздѣ короля въ загородные дворцы, придворныя дамы получаютъ подъемныя деньги, которыя не только покрываютъ путевыя издержки, но у нихъ еще остается до 80 проц. въ барышахъ. Говорятъ, что только кофе съ молокомъ и хлѣбомъ, подаваемые этимъ дамамъ, обходится государству въ 2,000 фр. въ годъ; остальные расходы соответствуютъ этому.—„Г-жа Тальяръ, нажила 115,000 ливровъ годового дохода на своемъ мѣстѣ гувернантки королевскихъ дѣтей, такъ какъ съ каждымъ ребенкомъ, ея жалованье увеличивалось на 33,000 ливровъ“.

Герцогъ Пентьевръ, въ качествѣ старшаго адмирала, взымаетъ въ свою пользу со всѣхъ судовъ „заходящихъ въ порты и гавани Франціи“ якорный сборъ, приносящій въ годъ 91,484 фр. г-жа де Ламбалль, оберъ-гофмейстерина, числящаяся на 6,000 фр. жало-

ванья, на самомъ дѣлѣ получаетъ 150,000.

Одна только иллюминація и фейерверкъ приносятъ герцогу де-Жевръ 50,000, вырученныхъ отъ продажи столбовъ и разныхъ остатковъ отъ фейерверка, поступающихъ въ его пользу, въ силу занимаемой имъ должности.

Важные придворные чины, губернаторы королевскаго дома, егермейстеры, камергеры, конюхи, камеръ-юнкеры, камеръ-лакеи, пажы, гувернеры, священники, капланы, статсъ-дамы, фрейлины и дамы для сопровожденій, состоятъ при королѣ и при королевѣ, при старшемъ братѣ короля и его супругѣ, при графѣ д'Артуа, при графинѣ д'Артуа, при теткахъ короля, при его дочери, при принцессѣ Елизаветѣ, — словомъ, въ каждомъ княжескомъ домѣ и другихъ знатныхъ домахъ имѣются сотни должностей, доставляющихъ жалованье и побочные доходы, но не влекущихъ за собою никакихъ обязанностей и существующихъ только ради декоративныхъ цѣлей. „Г-жа де Лабардъ назначается хранительницей постели королевы, съ пенсіей въ 12,000 фр. изъ собственной шкатулки короля. Никто не знаетъ, въ чемъ будутъ заключаться ея обязанности, такъ какъ должность эта была упразднена со времени Анны Австрійской“. „Старшій сынъ г. Мато назначается интендантомъ классовъ. Это одна изъ тѣхъ должностей, которыя называются „пріятными“; она приноситъ 18,000 ливровъ годового дохода, которые онъ будетъ получать только за то, что два раза въ годъ подпишетъ свое имя. Такова же и должность главнаго секретаря швейцарской гвардіи, приносящая 30,000 ливровъ аббату Бартеми, который ее занимаетъ, и должность старшаго секретаря королевскихъ драгунъ, приносящая 20,000 ливровъ, которую поочередно занимаютъ два маленькихъ поэта, Жантиль Бернаръ и Ложонъ.—Было бы проще, конечно, прямо раздавать деньги, безъ всякихъ должностей. Впрочемъ и это также дѣлается такъ что когда читаешь мемуары, изо-дня въ день, то начинаетъ казаться, что государственная казна представляетъ изъ себя добычу, на которую всѣ набрасываются. Постоянно находясь возлѣ короля, придворные заставляютъ его

снисходить къ ихъ затрудненіямъ и нуждамъ. Они его приближенные, гости его салона, люди его расы, его естественные кліенты и единственные люди, съ которыми онъ разговариваетъ. Онъ чувствуетъ потребность видѣть у нихъ довольныя лица и поэтому не можетъ не помогать имъ. Долженъ же онъ способствовать увеличенію приданаго ихъ дѣтей, такъ какъ онъ, вѣдь, ставитъ свою подпись на брачномъ контрактѣ! Не можетъ онъ также не помогать ихъ обогащенію, такъ какъ ихъ роскошь способствуетъ украшенію его двора! Дворянство служитъ орнаментомъ трона и потому обладатель этого трона долженъ, отъ времени до времени, возобновлять позолоту этого орнамента. Вотъ нѣсколько цифръ и анекдотовъ, взятыхъ изъ тысячи другихъ, которые краснорѣчиво подтверждаютъ это: „Князь Де Понсъ имѣлъ при жизни 25,000 ливровъ пенсіи, назначенной милостью короля и изъ этихъ денегъ его величество соблаговолилъ назначить 6,000 ливровъ его дочери, г-жѣ де Марсанъ, канониссѣ Ремиремона. Семья де Понса, однако, изложила королю дурное состояніе дѣлъ покойнаго и, вслѣдствіе этого, его величество соблаговолилъ назначить его сыну Камиллу еще 15,000 ливровъ въ годъ изъ пенсіи, оставшейся послѣ смерти его отца, и увеличить на 5,000 ливровъ пенсію г-жи де Марсанъ“.—Г. де Конфланъ женится на дѣвицѣ Порталь. „По случаю этого брака, король соизволилъ милостиво приказать, чтобы изъ 10,000 ливровъ пожизненной пенсіи, получаемой матерью невѣсты, президентшею Порталь, 6,000 ливровъ перешли къ Конфлану послѣ ея смерти“. Выходящій въ отставку министръ де Сешелль, имѣлъ 12,000 ливровъ прежней пенсіи, сохраненной ему королемъ. Кромѣ того, онъ получаетъ пенсію 20,000 ливровъ, какъ министръ, но король все таки назначаетъ ему еще 40,000 ливровъ пенсіи“.—Порою самые поводы къ награжденію такими милостями изумительны. Нужно напр. утѣшить г. Руиллье въ томъ, что онъ не принималъ участія въ вѣнскомъ трактатѣ, поэтому „одну пенсію въ 6,000 ливровъ назначаютъ его племянницѣ, а другую, въ 10,000 ливровъ, его дочери, которая сама очень богата“.— „Г. де Пюизье пользуется приближи-

тельно 76 или 77,000 ливрами годового дохода, получаемого королевскими милостями. Правда, у него есть собственное большое имѣніе, но доходъ съ этого имѣнія невѣренъ, такъ какъ большая часть его состоитъ изъ виноградниковъ.— Назначается напр. пенсія въ 10,000 ливровъ г-жѣ де Ледъ, только потому, что она не понравилась инфантъ и слѣдовательно нужно, чтобы она подала въ отставку.— Даже самые богатые все-таки протягиваютъ руку и берутъ. „Разсчитано, что въ теченіе одной недѣли было выдано 128,000 ливровъ пенсіи придворнымъ дамамъ, между тѣмъ, какъ уже въ теченіе двухъ лѣтъ не выдавали ни малѣйшей пенсіи офицерамъ; изъ этой суммы назначено 8.000 ливровъ герцогинѣ де Шеврезъ, мужъ которой имѣетъ отъ 400,000 до 500,000 ливровъ годового дохода; г-жѣ де Люинъ для того, чтобы она не завидовала—10,000; герцогинѣ Бранка—10,000; вдовствующей герцогинѣ Бранка, матери первой, —10,000 и т. д.“, Во главѣ этихъ півокъ находятся принцы крови. „Король далъ милліонъ пятьсотъ тысячъ ливровъ принцу Конти для уплаты долговъ; изъ этой суммы милліонъ ему былъ данъ подъ предлогомъ вознагражденія за убытки, которые были ему нанесены продажей Оранжа, а 500,000 были прибавлены такъ, изъ милости!“ — „Герцогъ Орлеанскій получалъ раньше 50,000 экю пенсіи, которая ему была назначена, ради его бѣдности, въ ожиданіи полученія наслѣдства отъ отца. Сдѣлавшись по полученіи этого наслѣдства богатымъ, такъ какъ годовой доходъ его превышалъ теперь три милліона, онъ сначала пересталъ получать пенсію. Но вскорѣ послѣ того, онъ заявилъ, что его расходы снова превысили его доходы, и тогда король вернулъ ему его прежнюю пенсію“. Двадцать лѣтъ спустя, въ 1780 г., когда Людовикъ XVI, желая облегчить государственное казначейство, подписалъ „великую реформу королевскаго стола“, его тетки стали получать 600,000 ливровъ на свой столъ—вотъ во что обходились государству только одни обѣды трехъ старыхъ дамъ, даже послѣ того, какъ онѣ сократили свои расходы! Двумъ братьямъ короля полагается 8,300,000 ливровъ, кромѣ тѣхъ двухъ милліоновъ годового дохода, которые они получаютъ съ удѣ-

ловъ. Дофину, королевской дочери, прицессѣ Елизаветѣ и теткамъ короля положено было три съ половиною милліона; королевѣ—четыре милліона; таковъ счетъ Неккера въ 1784 г. Прибавьте еще къ этому гласные или негласные подарки, передаваемые изъ рукъ въ руки. „Г. де Калоннъ, говоритъ безпристрастный свидѣтель Ожеаръ,—едва вступивъ въ должность, сдѣлалъ заемъ въ сто милліоновъ, причемъ въ государственное казначейство не попало даже и одной четверти этого займа, остальное все было поглощено придворными. Одному графу д'Артуа, онъ, какъ оказывается, далъ изъ этой суммы 56 милліоновъ; старшій же изъ братьевъ короля получилъ двадцать пять милліоновъ. Принцу Конде было дано, взаменъ 300,000 ливровъ годового дохода, двѣнадцать милліоновъ единовременно и 600,000 пожизненной ренты. Кромѣ того, онъ заставилъ государство дѣлать самые раззорительные покупки и обмѣны, на которыхъ оно теряло болѣе 500 проц. Не слѣдуетъ забывать, что если перевести эти суммы, раздаваемые въ видѣ подарковъ, пенсій, содержанія и т. д. на нынѣшнія деньги, то онѣ увеличатся вдвое.

Таково было положеніе знатныхъ лицъ, стоявшихъ у центральной власти. Въмѣсто того, чтобы стать представителями народа, они пожелали сдѣлаться фаворитами принца и поэтому занимались стриженіемъ стада, которое должны были бы охранять.

IV.

Но въ концѣ концовъ ободранное стадо узнаетъ все же куда дѣвалась его шерсть. „Рано или поздно, какъ заявляетъ уже съ 1764 года одинъ изъ парламентовъ,—народъ узнаетъ, что остатки нашихъ финансовъ продолжаютъ расточаться на подарки, такъ часто малозаслуженные, на пенсіи чрезмѣрные и разнородныя, выдающіяся однимъ и тѣмъ же лицамъ, на приданья и вдовьи оклады, и на бесполезныя должности и жалованье“. Рано или поздно, но „онъ оттолкнетъ отъ себя эти жадныя руки, которыя постоянно протягиваются за подачками и никогда не считаютъ себя достаточно наполненными, онъ отстранитъ всѣхъ этихъ ненасытныхъ людей, которые, повидимому, и родились только для того, чтобы все забирать себѣ

и ничего не имѣть—людей, лишенных жалости и стыда!“—И вотъ, въ такой день, эти живодееры почувствуютъ себя одинокими, такъ какъ одно изъ свойствъ аристократіи, думающей только о себѣ, именно то, что она превращается въ немногочисленную партію, забывъ о существованіи общества, она пренебрегаетъ вдобавокъ и своими подчиненными и отдѣлившись отъ націи, она понемногу отдѣляется и отъ своей собственной свиты. Она напоминаетъ главный штабъ арміи, находящійся въ отпуску и пирующій, не заботясь о своихъ унтеръ-офицерахъ. Но когда наступитъ день битвы, то никто уже не пойдетъ за нимъ и войско станетъ искать предводителей въ другомъ мѣстѣ. Такова также изолированность всѣхъ придворныхъ вельможъ и прелатовъ среди мелкаго дворянства и низшаго духовенства; привилегированные забираютъ себѣ слишкомъ большую часть всего и не даютъ ничего или почти ничего людямъ, которые не принадлежатъ къ ихъ кругу. Впродолженіи цѣлаго вѣка противъ нихъ раздается долгій ропотъ, который все усиливается, пока не превращается, наконецъ, въ громкій крикъ, въ которомъ сливаются въ униссонъ духъ старый и духъ новый и философскія идеи.—„Я вижу, говорилъ судья Мирабо, что дворянство понижается въ своемъ достоинствѣ и гибнетъ. Это званіе распространяется теперь на всѣхъ дѣтей народныхъ пивовокъ, на все это бродяжническое отродье финансистовъ, которыхъ пустила въ ходъ Помпадуръ, сама вышедшая изъ этой навозной кучи. Одна часть дворянства унижаетъ себя рабскою службой при дворѣ; другая смѣшивается съ приказною сволочью, превращающею въ чернила кровь подданныхъ короля, остальные же погибаютъ, задуренные подлыми приказными людьми, гнусными атомами кабинетной пыли, которые, благодаря своей должности, вылѣзаютъ изъ грязи“. И всѣ эти выскочки старой или новой расы образуютъ вмѣстѣ шайку, которая называется дворомъ.—„Дворъ! восклицаетъ д'Аржансонъ,—въ этомъ словѣ скрывается все зло. Дворъ сдѣлался сенатомъ націи; самый ничтожный лакей въ Версали—сенаторъ, а горничныя принимаютъ участіе въ правительствѣ, если не для того, чтобы приказывать, то, по крайней мѣрѣ, для

того, чтобы мѣшать выполненію законовъ и правилъ. Нѣтъ болѣе ни законовъ, ни приказаній, ни распорядителей... При Генрихѣ IV придворные сидѣли по домамъ; ихъ не обязывали входить въ раззорительные расходы, чтобы быть при дворѣ, поэтому король и не былъ обязанъ осыпать ихъ милостями, какъ теперь...

Дворъ—это могила націи. „Множество офицеровъ дворянъ, видя что высшіе чины существуютъ только для придворныхъ, покидаютъ службу и уносятъ съ собою свое недовольство въ свои помѣстья. Другіе дворяне, никогда не покидавшіе своихъ имѣній, прозябаютъ тамъ въ нуждѣ, праздности и скукѣ, съ чувствомъ неудовлетвореннаго самолюбія, обостреннымъ сознаніемъ собственнаго безсилія. Въ 1789 г., говоритъ маркизь де Феррьеръ, — большинству дворянъ „такъ надоѣли дворъ и министры, что они почти сдѣлались демократами“. По крайней мѣрѣ, они „желали бы отнять правительство у министерской олигархіи, въ рукахъ которой оно было сосредоточено“. Они не выбираютъ ни одного изъ крупныхъ вельможъ своимъ депутатомъ и устраняютъ и „рѣшительно отвергаютъ ихъ, говоря, что они будутъ торговать интересами дворянства“. Сами же, въ своихъ инструкціяхъ, они настаиваютъ на томъ, чтобы не было больше придворнаго дворянства.

Тѣ же чувства существуютъ и въ низшемъ духовенствѣ и еще болѣе въ сильной степени, такъ какъ духовенство это видитъ, что его не допускаютъ на высшія мѣста, не только вслѣдствіе его болѣе низкаго общественнаго положенія, но и вслѣдствіе его недворянскаго происхожденія. Уже въ 1766 г. маркизь Мирабо писалъ: „Было бы оскорбленіемъ для большинства нашихъ духовныхъ съ нѣкоторыми претензіями, если бы имъ предложили священническія мѣста. Доходы и отличія существуютъ только для аббатовъ, пользующихся комендами, для бенефициаровъ перваго пострига и для многочисленныхъ капитуловъ“.— Наоборотъ, „истинные же духовные пастыри тѣ, кто выполняетъ свою священную миссію, едва имѣютъ средства къ существованію“.— „Первый разрядъ“, поставляемый дворянствомъ и лучшею буржуазіей, имѣетъ только претензію, но не несетъ истинной службы.

Другой же, имѣющей только обязанности, но никакихъ надеждъ на повышение и почти никакихъ доходовъ... можетъ набираться только изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества и паразиты перваго разряда, обирающіе работниковъ второго, стремятся подчинить ихъ и унижить, какъ можно болѣе.—„Я сожалею, говорилъ Вольтеръ—о судьбѣ деревенскаго священника, вынужденнаго оспаривать снопъ хлѣба у своего бѣднаго прихожанина, заводить съ нимъ тяжбу, требовать съ него десятину гороха и чечевицы и вообще тратить свою несчастную жизнь на постоянныя распри... но еще болѣе жалѣю я священника, состоящаго на опредѣленномъ содержаніи, которому монахи, получающіе весь десятинный сборъ, осмѣливаются давать жалованье въ сорокъ дукатовъ за то, чтобы онъ, въ теченіе всего года отправлялся исполнять самыя тяжелыя и самыя неприятыя обязанности своего званія, за двѣ—три мили отъ своего дома, во всякую погоду, въ солнце, дождь, градъ и снѣгъ и во всякое время дня и ночи“.

За послѣдніе тридцать лѣтъ были сдѣланы попытки увеличить нѣсколько ихъ вознагражденіе. Въ случаѣ недостаточности доходовъ отъ прихода, тотъ кто владѣетъ имъ какъ бенефиціей, или тотъ, кто раздаетъ духовныя мѣста или получаетъ десятину, долженъ былъ прибавлять къ этому доходу извѣстную сумму. Въ крайней необходимости, при существовавшихъ тогда цѣнахъ, можно было прожить на эти деньги, но священнику приходилось жить среди бѣдняковъ, которымъ онъ долженъ былъ раздавать милостыню и въ глубинѣ его души накоплялась тайная горечь противъ празднаго богача, который, имѣя полные карманы, отправляетъ его, съ пустыми карманами, выполнять вмѣсто себя актъ милосердія. Такъ какъ поправка священническаго дома и церкви лежитъ на обязанности владѣльца или обладателя бенефиціей, зачастую обитающихъ гдѣ нибудь далеко, то порою священникъ рѣшительно не знаетъ, гдѣ ему жить и гдѣ служить обѣдню. „Я пріѣхалъ, рассказываетъ одинъ священникъ изъ Турени,—въ іюнь 1788 г. Священническій домъ походилъ бы на отвратительное подземелье; если бы онъ не былъ открытъ всѣмъ вѣтрамъ и всѣмъ непогодамъ.

Внизу находились двѣ комнаты, выстланныя плитами, въ четыре съ половиною фута вышины, но безъ дверей и оконъ, третья, вышиною въ шесть футъ, тоже съ каменнымъ поломъ, служили вмѣстѣ салономъ, залой, кухней, прачешной, пекарней и стокомъ для воды изъ сада и двора. Наверху есть еще три точно такія же комнаты; все потрескалось и грозило ежеминутнымъ разрушеніемъ, нигдѣ не было ни дверей, ни оконныхъ рамъ, которыя бы держались, и въ 1790 г. въ этомъ домѣ еще не было сдѣлано никакихъ исправленій“.—Взгляните теперь, какой контрастъ представляетъ роскошь прелатовъ, имѣющихъ до полумилліона годового дохода, на пышность ихъ дворцовъ, на великолѣпіе охотничьихъ экипажей Диллона—епископа д'Евре, на обитыя атласомъ исповѣдальни Барраля—епископа въ Труа, на безчисленное количество кухонныхъ приборовъ изъ массивнаго серебра у г. де Роганъ—Страсбургскаго епископа и т. д.

Таковъ былъ удѣлъ священниковъ, получающихъ опредѣленное содержаніе. Но было много такихъ, которые этого содержанія не получали, благодаря недоброжелательству высшаго духовенства и со всѣми случайными доходами имѣли не болѣе 400—500 ливровъ въ годъ, тщетно настаивая на полученіи того содержанія, на которое они имѣли право на основаніи послѣдняго эдикта. „Развѣ не должны были бы лица, принадлежащія къ высшему духовенству, говорить одинъ священникъ,—удовлетворить по доброй волѣ такой просьбы, тѣмъ болѣе, что они, вѣдь, допускаютъ, чтобы монахи получали отъ 5 до 6,000 ливровъ годового дохода на каждого челоука, тогда какъ священники, по меньшей мѣрѣ столь же необходимые для общества, вынуждены довольствоваться какъ для себя, такъ и для своихъ приходовъ, самыми скудными средствами? Но даже и это скудное содержаніе не всегда получается цѣликомъ и изъ него урѣзывается часть для добровольнаго дара, который церковь выплачиваетъ государству. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, на бѣдныхъ вваливается бремя для облегченія богатыхъ. Въ Клермонской епархіи, священники, не получающіе ничего кромѣ своего положеннаго содержанія, платятъ налогъ въ 60, 80,

100, 120 ливровъ и больше. Викаріи, въ потѣ лица зарабатывающіе себѣ хлѣбъ, обложены налогомъ въ 22 ливра. „Прелаты, наоборотъ, платятъ немного, да къ тому же“ почти вездѣ вошло въ обычай, подносить епископамъ квитанцію въ уплатѣ, причитающагося съ нихъ налога, въ видѣ подарка къ новому году“.—Для священниковъ не существуетъ никакого выхода изъ этого положенія, за исключеніемъ трехъ—четырехъ маленькихъ, лакейскихъ епархій, всѣ высшія церковныя должности предназначаются только для дворянства. „Въ настоящее время для того, чтобы быть епископомъ, надо быть дворяниномъ“—говоритъ одинъ священникъ. Мнѣ они представляются сержантами, которые, также какъ и ихъ собратья въ арміи, потеряли всякую надежду сдѣлаться офицерами. Вотъ почему у нѣкоторыхъ гнѣвъ уже не можетъ сдерживаться и вырывается наружу: „Мы,—несчастные священники на нищенскомъ содержаніи, мы обремененные обыкновенно самыми большими приходами, въ родѣ моего прихода, къ которому принадлежатъ деревни, разбросанныя въ лѣсу на двѣ мили разстоянія, мы,—о жалкой участи которыхъ вошіютъ даже камни и стропила нашихъ несчастныхъ священническихъ домовъ,—мы вынуждены переносить такихъ прелатовъ, которые готовы иной разъ возбудить черезъ своихъ лѣсныхъ сторожей процессъ противъ бѣдняка священника, осмѣлившагося срѣзать въ ихъ лѣсу какую нибудь палку, которая служитъ ему единственной опорой въ его длинныхъ переходахъ по всякимъ дорогамъ!“—При проѣздѣ такихъ прелатовъ, бѣднякъ долженъ бросаться, сломя голову, на откосъ дороги, чтобы избѣжать копытъ лошадей и комьевъ грязи, а также колесъ, и даже, быть можетъ, кнута ихъ нахальнаго возницы. Затѣмъ, „весь забрызганный грязью, со своей жалкой палкой въ въ одной рукѣ и своею плохонькою шляпой въ другой, бѣдняга священникъ вынужденъ поспѣшно и смиренно кланяться поддѣльному іерарху, который, скрываясь за занавѣской своей закрытой и раззолоченной кареты, сладко похрапываетъ развалившись на шерсти того стада, которое пасетъ бѣдняга священникъ и отъ котораго ему достается только навозъ и потъ!“

Все это письмо является однимъ долгимъ крикомъ ярости и именно такого рода негодованіе и создаетъ в послѣдствіе разныхъ Жозефовъ, Лебановъ и Фуше.—Находясь въ такомъ печальномъ положеніи и волнуемое такими чувствами, низшее духовенство отнесется в послѣдствіи къ своимъ начальникамъ точно также, какъ и провинціальное дворянство отнеслось къ своимъ. Оно не будетъ избирать своими представителями тѣхъ, „кто утопаетъ въ роскоши и кто смотрѣлъ всегда равнодушно и спокойно на его страданія.“

Повсюду, священники вступаютъ между собою въ соглашеніе, чтобы посылать въ генеральныя штаты только священниковъ. „Не только каноники, аббаты, и всѣ другія лица, пользующіеся бенефиціями устраняются ими отъ представительства, но также и высшіе чины духовенства, стоящіе во главѣ іерархіи, т. е. епископы. И дѣйствительно, изъ трехсотъ депутатовъ духовенства, засѣдающихъ въ генеральныхъ штатахъ, мы имѣемъ 208 священниковъ, и при этомъ, такіе депутаты, также какъ и провинціальное дворянство, приносятъ туда съ собою недовѣріе и недоброжелательство, которое они давно питаютъ по отношенію къ своимъ начальникамъ. Въ этомъ скоро придется убѣдиться на дѣлѣ.“

Если два первыхъ сословія вынуждены были присоединиться къ общинамъ, то это произошло отъ того, что священники измѣнили имъ въ самый критическій моментъ.

Точно также, если было отвергнуто учрежденіе верхней палаты, то лишь потому, что мелкое дворянство не хотѣло позволить знатнымъ родамъ пользоваться и далѣе прерогативами, которыми они такъ долго злоупотребляли.

V.

Остается еще одна привилегія, самая огромная изъ всѣхъ—привилегія короля. „Въ этомъ главномъ штабѣ наслѣдственныхъ дворянъ онъ является наслѣдственнымъ генераломъ, По правдѣ говоря, его должность все не является такою же синекурою, какъ дворянское званіе, но съ нею связаны такія же неудобства и еще худшія искушенія. Двѣ вещи пагубны для всякаго человѣка: отсутствіе

всякаго занятія и отсутствіе всякой узды, ни праздность, ни всемогущество не подходят къ его природѣ, а поэтому неограниченный государь, который можетъ дѣлать все, что ему угодно, кончаетъ тѣмъ, что, подобно ничѣмъ не занятой аристократіи, становится вреднымъ и бесполезнымъ для общества, незамѣтнымъ образомъ, забравъ въ свои руки всѣ власти, король принялъ на себя и всѣ функціи—задача громадная, превышающая человѣческія силы. Притомъ, не слѣдуетъ забывать, что не революція, а монархія насадила во Франціи административную централизацию. Подъ главнымъ управленіемъ королевскаго совѣта находятся три разряда чиновниковъ, стоящіе другъ надъ другомъ: въ центрѣ—генеральный контролеръ, въ каждомъ вѣдомствѣ—интендантъ и въ каждомъ округѣ—субделегатъ, которые руководятъ всѣми дѣлами по управленію; опредѣляютъ, распределяютъ и взимаютъ налоги, созываютъ милицію, проектируютъ и строятъ дороги, употребляютъ объѣзды, распределяютъ пособія, регламентируютъ культуру земли, навязываютъ приходамъ свою опеку и обращаются съ муниципальными властями, какъ со своими лакеями. „Деревня, говоритъ Тюрго,—ничто иное какъ собраніе домовъ, хижинъ и жителей, столь же пассивныхъ какъ и ихъ жилища... Ваше величество вынуждено рѣшать все самолично или черезъ своихъ уполномоченныхъ.... Каждый ждетъ отъ васъ специальныхъ приказаній, чтобы содѣйствовать общественному благу и уважать права другихъ, а иногда и для того, чтобы считать себя вправѣ пользоваться своими собственными правами. „При такомъ порядкѣ—говоритъ Неккеръ—Франція управляется изъ нѣдръ канцелярій... Чиновники, восхищенные своимъ вліяніемъ, никогда не перестанутъ убѣждать министра, что онъ не можетъ не входить во всѣ мелочи управленія и все должно совершаться по его приказу“.—Бюрократія въ центрѣ, произволь, исключеніе и пристрастіе во всѣхъ направленіяхъ—сущность этой системы. „Субделегаты, разные чиновники, управляющіе, контролеры и сборщики, комиссары и коллекторы, чиновники по солянному сбору, заставные сборщики, пристава, смотритель по сбору натуральныхъ

повинностей, чиновники по сбору косвенныхъ налоговъ, въ отдѣлѣ контроля и резервныхъ пошлинъ,—всѣ эти люди, служащіе представителями налоговъ, подчиняютъ себѣ, въ силу своей ничтожной власти и опутываютъ невѣжественныхъ плательщиковъ, неспособныхъ различить обманываютъ ихъ или нѣтъ“. Грубая централизация, лишенная всякаго контроля, всякой гласности, всякаго единообразія, покрываетъ всю страну цѣлой арміей маленькихъ пашей, которые, въ качествѣ судей, сами рѣшаютъ возникающіе споры, гдѣ они же являются заинтересованной стороной. Они господствуютъ надъ страной, въ силу полномочій, полученныхъ свыше и свои грабежи и наглость постоянно прикрываютъ именемъ короля, который вынужденъ предоставлять имъ свободу дѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ, государственная машина, вслѣдствіе своей сложности, своей неправильности и своей обширности, ускользаетъ изъ его рукъ. Даже Фридриха II, встающаго въ четыре часа утра и Наполеона, диктующаго указы въ ваннѣ, въ теченіе одной части ночи и работающаго по восемнадцати часамъ въ сутки, не хватило бы для выполненія этой грандіозной задачи. Такой режимъ не можетъ продолжаться безъ постояннаго напряженія вниманія, требуетъ неустанной энергии, безошибочнаго распознаванія, военныхъ строгостей и высокой геніальности. Только подъ этимъ условіемъ можно превратить 25 милліоновъ людей въ автоматовъ и упразднить ихъ волю, замѣнить ее своей, всегда ясной, сильной и вездѣсущей. Людовикъ XV предоставляетъ этой „почтенной машинѣ“ дѣйствовать по своему усмотрѣнію и предается своей апатіи. „Они такъ хотѣли, они думали, что это было къ лучшему“,—вотъ какъ онъ говоритъ всегда, „когда дѣйствія его министровъ оказывались неудачными“.—„Если бы я былъ полицейскимъ офицеромъ, говорилъ онъ также,—я бы запретилъ кабріолеты“. Король чувствуетъ, что машина портится, распадается, но онъ ничего не можетъ сдѣлать и ничего не пробуетъ дѣлать. Въ случаѣ несчастія у него имѣется свой частный резервный фондъ и свой собственный кошелекъ. „Король, говорила г-жа Помпадуръ—не задумываясь,

подпишетъ миллионъ на расходъ, но съ трудомъ согласится дать какіе нибудь сто ливровъ изъ своей маленькой казны. Людовикъ XVI нѣкоторое время пробуетъ уничтожить многія излишнія колеса государственной машины, ввести другія, лучшія и уменьшить треніе остальныхъ, но части машины слишкомъ тяжеловѣсны и уже покрыты слишкомъ большимъ слоемъ ржавчины, такъ что онъ не можетъ ихъ пригнать, приспособить, не можетъ удержать ихъ на своихъ мѣстахъ и рука его бессильно опускается, утомленная этой работой. Онъ довольствуется лишь тѣмъ, что экономничаетъ на своихъ личныхъ расходахъ и записываетъ въ свою расчетную книжку починку карманныхъ часовъ, оставляя въ тоже время, государственную машину въ рукахъ Калонна, который нагружаетъ ее новыми злоупотребленіями и возвращаетъ на старую колею, которую она покидаетъ лишь послѣ того, какъ совершенно распалась на части.

Безъ сомнѣнія, то зло, которое они дѣлаютъ или которое дѣлается отъ ихъ имени, огорчаетъ королей, но въ глубинѣ души они не чувствуютъ никакихъ угрызений совѣсти. Они могутъ сожалѣть о народѣ, но не чувствуютъ себя виновными передъ нимъ, потому что они, вѣдь, его верховные владыки, а не уполномоченные! Франція принадлежитъ имъ на тѣхъ же правахъ, какъ и какое-нибудь помѣстье своему владѣльцу, а вѣдь никто же не станетъ обвинять его въ безчестіи, если онъ будетъ небреженъ и расточителенъ! Вѣдь онъ мотаетъ свое собственное добро и никто не имѣетъ права требовать у него отчета въ его расходахъ. Основанная на феодалномъ правѣ, королевская власть, подобно этому праву, представляетъ собственность, наследственное имущество и было бы неправильно и почти равнялось бы измѣнѣ или же, во всякомъ случаѣ, это было бы низостью и слабостью, если бы король дозволилъ, чтобы въ руки его подданныхъ перешла хоть часть его правъ, полученныхъ ими неприкосновенными отъ его предковъ и которыя онъ долженъ передать въ столь же неприкосновенномъ видѣ своимъ дѣтямъ. Не только по традиціямъ среднихъ вѣковъ онъ является повелителемъ и собственникомъ Франціи и

французовъ, но и по исторіи законовѣдовъ, король, какъ Цезарь, является единственнымъ и вѣчнымъ представителемъ націи, а по ученію богослововъ, онъ, какъ и Давидъ,—священный и спеціальный уполномоченный самого Бога. Было бы чудомъ, конечно, если бы въ силу такого положенія, онъ не сталъ смотрѣть на общественные доходы, какъ на свои частные и если бы во множествѣ случаевъ онъ не поступалъ бы соотвѣтственнымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи наша точка зрѣнія такъ противоположна, что мы съ трудомъ можемъ усвоить себѣ его взглядъ, но въ то время весь міръ раздѣлялъ его. Въ тѣ времена казалось столь же страннымъ вмѣшиваться въ дѣла короля, какъ и въ дѣла какого нибудь частнаго лица. Только къ концу 1788 г., знаменитый салонъ въ Пале-Рояль, съ невообразимою смѣлостью и безразсудствомъ, сталъ утверждать, что въ истинной монархіи государственные доходы не должны быть предоставлены въ полное распоряженіе монарха, что ему должна отчисляться только извѣстная, довольно значительная сумма на покрытіе издержекъ по содержанію его двора, на его удовольствія, подарки и награды его служителямъ, а все же остальное должно поступать въ королевское казначейство и расходоваться только на такія цѣли, которыя санкціонированы собраніемъ представителей націи. Низвести короля на опредѣленное содержаніе, наложить руку на девять десятыхъ его доходовъ, запретить ему брать изъ государственной казны сколько ему угодно—какая дерзость! Изумленіе которое вызвали тогда подобныя дерзкія идеи, было не меньше того, которое должна было бы вызвать теперь предложеніе взять и раздѣлить доходъ каждаго миллионера на двѣ части, оставивъ ему наименьшую, вложить въ сберегательную кассу съ тѣмъ, чтобы она расходовалась только на общепольныя дѣла. Одинъ бывший генеральный откупщикъ государственныхъ налоговъ, нелишенный остроумія и безъ предразсудковъ, совершенно серьезно написалъ, защищая покупку Сен-Клу: „Это перстень для пальца королевы,“—дѣйствительно, перстень этотъ стоилъ 7.700,000 франковъ. Но французскій король имѣлъ тогда 447 миліоновъ

годового дохода. Что бы сказали о какомънибудь частномъ лицѣ, который, имѣя 477,000 ливровъ годового дохода, разъ въ жизни, вздумалъ бы подарить своей женѣ на семь или восемь тысячъ брильянтовъ? Вѣроятно никто бы не нашелъ въ такомъ подаркѣ ничего особеннаго и сказалъ бы, что это даже скромный подарокъ и что мужъ—благоразумный человѣкъ.—Чтобы хорошенько понять исторію нашихъ королей, будемъ всегда исходить изъ того принципа, что Франція считалась ихъ землей, ихъ наслѣдственной вотчиной, передаваемой отъ отца къ сыну, которая была сначала маленькой, а потомъ постепенно округлялась и, наконецъ, достигла значительныхъ размѣровъ, такъ какъ собственникъ ея, всегда находившійся на сторожѣ, сумѣлъ удачно пользоваться обстоятельствами и расширять ее на счетъ своихъ сосѣдей.

Черезъ восемьсотъ лѣтъ эта вотчина уже обнимаетъ пространство въ 27,000 кв. миль. Конечно, во многихъ отношеніяхъ личный интересъ владѣльца и его самолюбіе совпадаютъ съ общественнымъ благомъ; вообще, онъ не всегда плохо управлялъ своей вотчиной и такъ какъ онъ ее все же расширялъ, то и управлялъ ею лучше, чѣмъ много другихъ. Кромѣ того, онъ бывалъ часто окруженъ множествомъ знающихъ людей, старыхъ совѣтниковъ его семьи, опытныхъ въ дѣлахъ и преданныхъ интересамъ вотчины, почтенныхъ и сѣдобородыхъ, дѣлающихъ ему по временамъ почтительныя замѣчанія, если онъ тратилъ слишкомъ много. Зачастую эти совѣтники толкали его на общепользныя дѣла, на устройство дорогъ, проведеніе каналовъ, учрежденіе инвалидовъ домовъ, военныхъ школъ, ученыхъ институтовъ, благотворительныхъ заведеній; побуждаютъ его ограничивать крѣпостное право, вводить вѣротерпимость по отношенію къ еретикамъ и отсрочивать произнесеніе монашескихъ обѣтовъ до 21-го года, а также учреждать провинціальныя собранія и вводить разныя другія реформы, благодаря которымъ феодальная вотчина мало-по-малу превращается въ современное владѣніе. Но, въ томъ или другомъ видѣ, эта вотчина все-таки остается его собственностью, которою онъ можетъ злоупотре-

треблять или пользоваться по своему усмотрѣнію. Тотъ, кто можетъ пользоваться неограниченной свободой, всегда кончаетъ тѣмъ, что начинаетъ злоупотреблять этимъ правомъ и свобода переходитъ въ полную распущенность. Если бы въ его обычномъ поведеніи личные мотивы не брали верхъ надъ общественными, то онъ былъ бы такой же святой, какъ Людовикъ IX или стойкъ, какъ Маркъ Аврелій. Но онъ, вѣдь, только повелитель, вельможа и свѣтскій человѣкъ, такой же какъ его придворные, только еще хуже воспитанный, находящійся въ худшемъ обществѣ, окруженный еще большими соблазнами, чѣмъ они, лестью, попрошайничествомъ и еще болѣе ослѣпленный. Во всякомъ случаѣ, у него, какъ и у нихъ, есть свое самолюбіе, свои вкусы, свои родные, своя любовница, своя жена, свои приближенные—всѣ, ожидающіе отъ него милостей и занимающіе у него первое мѣсто, которыхъ надо удовлетворить прежде всего: нація же слѣдуетъ за ними. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе ста лѣтъ съ 1672 по 1774 г., всякій разъ, когда предпринимается война, то она вызывается либо тщеславіемъ, либо семейными интересами, либо же тутъ играютъ роль соображенія частнаго характера или желаніе угодить женщинѣ. Людовикъ XV ведетъ свои войны еще хуже, чѣмъ ихъ предпринимаетъ *), а Людовикъ XVI, во всей своей внѣшней политикѣ встрѣчаетъ постоянную измѣну въ петляхъ супружеской сѣти. Внутри своего государства король живетъ, какъ и другіе магнаты въ своихъ владѣніяхъ, но только еще пышнѣе, потому что онъ самый главный вельможа Франціи. Я опишу сейчасъ его образъ жизни, а потомъ мы увидимъ, посредствомъ какихъ вымогательствъ поддерживается такая роскошь. Покаместъ же отмѣчу двѣ, три подробности. По подлиннымъ спискамъ можно убѣдиться, что Людовикъ XV издержалъ на одну только г-жу Помпадуръ 36 милліоновъ, со-

*) „Г-жа Помпадуръ, въ письмѣ къ маршалу д'Эстре, главнокомандующему арміей, говоритъ о военныхъ операціяхъ и набрасываетъ ему вѣчто въ родѣ плана, отмѣчая мушками различныя мѣста, на которыя она совѣтуетъ ему произвести нападеніе или же которыя предлагаетъ защищать“.

ставляющихъ на нынѣшнія деньги по крайней мѣрѣ 72 милліона.

По Аржансону, въ 1751 г., у него было въ конюшняхъ 4,000 лошадей и увѣряютъ, что содержаніе только его дворца и его собственной особы обошлось „въ этомъ году въ 68 милліоновъ“, т. е. около четверти всѣхъ государственныхъ доходовъ. Но что же тутъ удивительнаго, если смотрѣть на короля съ точки зрѣнія тѣхъ временъ, т. е. какъ на крупнаго владѣльца, который пользуется доходами со своего наслѣдственнаго имущества? Онъ строитъ, принимаетъ общество, даетъ празднества, охотится и расходуетъ, сообразно со своимъ общественнымъ положеніемъ. Притомъ же, какъ господинъ своего имущества, онъ даетъ кому захочетъ и всякій его выборъ составляетъ особую милость.

„Вашему величеству должно быть извѣстно лучше чѣмъ мнѣ, пишетъ аббатъ Вермонъ императрицѣ Маріи Терезіи, что согласно незапамятному обычаю, три четверти мѣстъ, почестей и пенсій даются не за заслуги, а по личному благоволенію или соотвѣтственно вліянію, которымъ данное лицо пользуется при дворѣ. Милость обыкновенно мотивируется происхожденіемъ, связями, богатствомъ; почти же всегда въ основѣ ея, главнымъ образомъ, заключаются интриги и протекція. Такой порядокъ вещей столь прочно установленъ, что его уважаютъ, какъ нѣчто вполне справедливое даже тѣ, кто больше всего страдаетъ отъ него. Почтенный дворянинъ, каковы бы ни были его заслуги и происхожденіе, не можетъ претендовать на полученіе полка, если онъ не въ состояніи блеснуть придворными связями или ослѣпить пышностью своей жизни.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, сыновья герцоговъ, министровъ, придворныхъ, родственники и любимцы фаворитокъ становились полковниками въ шестнадцать лѣтъ. Шуазель вызвалъ сильнѣйшіе крики негодованія, отсрочивъ полученіе этого чина до 23-хъ лѣтъ. Но чтобы вознаграждать произволь и фаворитизмъ, онъ предоставилъ благоусмотрѣнію короля, или вѣрнѣе, министровъ, всѣ назначенія на мѣста подполковниковъ и маіоровъ, относительно которыхъ прежде соблюдалось старшинство, а также назначенія на должности губернаторовъ и

комендантовъ провинцій и городовъ. Известно, что число этихъ мѣстъ было очень увеличено и что они раздавались по протекціи и изъ благорасположенія, какъ палки. Орденоскія отличія находятся въ томъ же положеніи, а иногда и большой крестъ св. Людовика дается такимъ же образомъ. Епархіи и аббатства еще чаще раздаются по протекціи. О финансовыхъ должностяхъ я не смѣю даже и говорить. Судебныя должности болѣе связаны съ оказанными заслугами, но и тутъ, развѣ мы не видимъ, какъ много вліяетъ протекція и рекомендація въ дѣлѣ назначенія интендантовъ, первыхъ президентовъ и другихъ?“ Неккеръ, вступивъ въ управленіе дѣлами, нашелъ государственное казначейство обремененнымъ 28-ю милліонами различныхъ пенсій, но тотчасъ послѣ его паденія происходитъ настоящій разгромъ, и деньги милліонами, точно золотой дождь, наполняютъ карманы придворныхъ. Впрочемъ, даже и въ его время, король постарался устроить дѣла своихъ пріятельницъ и друзей своей жены; напр. графиня Полиньякъ получила 400,000 фр. для уплаты своихъ долговъ, 800,000 фр. на приданое своей дочери и, кромѣ того, ей обѣщано было помѣстье, приносящее 35,000 ливровъ годоваго дохода, а ея любовникъ, графъ де'Водрейль получилъ 30,000 ливровъ пенсіи. Принцессѣ де'Ламбалль было назначено 100,000 экю въ годъ, частью въ видѣ жалованья по должности оберъ-гофмейстерины, возстановленной специально для нея, частью же подъ видомъ пенсіи ея брату. Но эта расточительность достигаетъ безумныхъ размѣровъ именно при Колоннѣ. Короля стыдятъ за его скупость; съ какой же стати онъ будетъ беречь свой кошелекъ? Выброшенный, такимъ образомъ, изъ колеи, онъ даетъ, покупаетъ, строитъ, обмѣниваетъ и безпрестанно приходитъ на помощь людямъ своего круга; конечно, онъ дѣлаетъ все это, какъ подобаетъ крупному вельможѣ, т. е. бросаетъ деньги пригоршнями. Судите по этому одному примѣру: чтобы спасти обанкротившуюся семью Геменэ, онъ покупаетъ у нея за двѣнадцать съ половиною милліоновъ ливровъ три имѣнія, за которыя ими было заплачено четыре милліона, и, кромѣ того, взамѣнъ ихъ двухъ помѣстій въ Бретани,

приносящихъ 33,758 ливровъ, онъ имъ отдалъ княжество Домбъ, приносящее 70,000 ливровъ годового дохода. Когда, нѣсколько позднѣе, будетъ приступлено къ просмотру *Красной книги*, то изъ нея увидятъ, что одна семья Полиньяковъ получала 700,000 ливровъ пенсіи, причемъ большинство этихъ пенсій выдавалось съ правомъ перехода ихъ отъ одного члена семьи къ другому. Король, очевидно, позабылъ, что всѣ его милости носятъ характеръ убійства, такъ какъ „придворный, получающій 6000 ливровъ пенсіи, пользуется налогомъ съ шести деревень“. Въ томъ положеніи, въ которомъ находятся налоги, каждая щедрость монарха непременно основана на голоданіи крестьянъ и монархъ, черезъ посредство своихъ чиновниковъ, отбираетъ хлѣбъ у бѣдняковъ, чтобы отдать его богатымъ. Короче говоря: центръ правительства является центромъ зла. Всякія несправедливости и всякія бѣдствія исходятъ оттуда какъ изъ переполненнаго гноемъ и наболѣвшаго нарыва. Въ этомъ именно мѣстѣ назрѣваетъ общественный гнойникъ и тутъ—то онъ долженъ прорваться.

VI.

Таково справедливое и роковое послѣдствіе привилегіи, которою пользуются только для своей выгоды, вмѣсто того, чтобы употреблять ее на пользу другихъ. Когда говорится: „Государь“ или „господинъ“, то подразумѣвается „покровитель, доставляющій пропитаніе“ и „старшина“, который руководить. То, что дается человѣку, носящему такой титулъ и занимающему такую должность, никогда не будетъ слишкомъ много, такъ какъ нѣтъ должности болѣе трудной и болѣе возвышенной. Но онъ все-таки долженъ выполнять ее, такъ какъ въ противномъ случаѣ, въ минуту опасности, онъ останется одинъ. Однако уже теперь, гораздо раньше наступленія опасности, его войско уже больше ему не принадлежитъ, а если оно и слѣдуетъ еще за нимъ, то это дѣлается лишь по привычкѣ. Въ сущности, его войско представляетъ лишь сборище индивидовъ, а не организованный корпусъ. Между тѣмъ, какъ въ Германіи и въ Англіи, сохраненный или же претерпѣвшій метаморфозу феодальный режимъ представляетъ все-таки живое

общество—во Франціи, въ механической рамкѣ этого режима, осталась только людская пыль. Матеріальный порядокъ сохранился, но нравственный порядокъ уже исчезъ. Долгая и глубокая революція уничтожила внутреннюю іерархію признаннаго превосходства и добровольнаго почитанія. Это — армія, откуда исчезли чувства, дѣлающія изъ однихъ людей начальниковъ, а изъ другихъ подчиненныхъ. Ранги еще обозначены на внѣшней одеждѣ, но они уже исчезли изъ сознанія. Этой арміи не хватаетъ того, что только и можетъ сдѣлать ее прочной, а именно: законнаго вліянія и превосходства офицеровъ, справедливаго довѣрія солдатъ, ежедневнаго обмѣна чувствъ взаимной преданности, убѣжденія въ полезности всего этого и въ томъ, что каждый полезенъ для всѣхъ, а вожди нужнѣе и полезнѣе всѣхъ. Но можно ли найти такое убѣжденіе въ арміи, главный штабъ которой только пируетъ въ гостяхъ, да щеголяетъ своими эполетами, и получаетъ двойное жалованье? Еще раньше своего окончательнаго крушенія Франція уже распалась и распалась она оттого, что привилегированные позабыли, что они должны быть кромѣ того *общественными дѣятелями*.

КНИГА ВТОРАЯ.

Нравы и характеры.

Глава первая.

Принципы и нравы при старомъ режимѣ. — Дворъ и жизнь на показъ. — Внѣшній видъ и нравственный характеръ Версаля. — Домъ короля. — Придворный штатъ и расходы. — Военный штатъ, конюшни, охота, капелла, факультетъ, столъ, королевскіе покои, гардеробъ, дворцы, мебель и поѣздки. — Общество короля — Придворные чиновники. — Приглашенные гости королевскаго салона. — Занятія короля. — Вставаніе, обѣдня, обѣдь, прогулка, охота, ужинъ, игра, вечера. — Король всегда находится на виду и въ обществѣ. — Развлеченія особъ королевскаго дома и двора. — Людовикъ XV. — Людовикъ XVI. — Аналогичная жизнь другихъ особъ. — Принцы и принцессы. — Придворные вельможи. — Финансисты и выскочки. — Посланники, министры, губернаторы, генералы. — Прелаты, магнаты и мелкое дворянство въ провинціи. — Феодальная аристократія сдѣлалась салоннымъ обществомъ.

Главный штабъ, находящійся въ отпуску въ теченіе цѣлаго вѣка и бо-

лѣе, но всегда окружающій своего главнокомандующаго, который принимаетъ гостей и держитъ салонъ — вотъ въ чемъ заключался принципъ и сущность нравовъ при старомъ режимѣ. Поэтому всякій, желающій понять эти нравы, долженъ разсмотрѣть сначала ихъ центръ, ихъ источникъ, т. е. дворъ. Какъ и весь старый режимъ, дворъ также представляетъ пустую форму, декорацію, пережитокъ прежняго военнаго учрежденія; послѣдствія остаются иногда и послѣ того, какъ исчезли причины, вызвавшія ихъ и обычай переживаетъ полезность. Нѣкогда, въ отдаленные феодальные времена, при товарищескихъ отношеніяхъ и простотѣ, существовавшей въ лагерной жизни и въ укрѣпленномъ замкѣ, дворяне сами прислуживали королю: одинъ заботился о его жилищѣ, другой подавалъ ему на столъ, третій раздѣвалъ его вечеромъ, четвертый наблюдалъ за его соколами и за его лошадьми. Позднѣе, при Ришелье и во времена Фронды, при неожиданныхъ нападеніяхъ и постоянныхъ опасностяхъ того времени, они составляли гарнизонъ дворца, вооруженную свиту короля и конвой его тѣлохранителей, всегда готовыхъ обнажить за него шпагу. Теперь они, также какъ тогда, тѣснятся около него, со шпагою на боку, ожидая его слова, знака, чтобы помчаться исполнять его приказанія, а самые именитые изъ нихъ состоятъ при его особѣ въ роли домашнихъ слугъ. Но пышный парадъ замѣнилъ прежнюю дѣйствительную службу; они представляютъ изъ себя теперь лишь красивыя украшенія и перестали быть полезными орудіями. Они служатъ на показъ около короля, который и самъ играетъ такую же роль, и собственными особами способствуютъ только блеску декорацій, окружающихъ короля.

I.

Надо сознаться, что декорація эта удалась и что, со временъ празднествъ во времена итальянскаго Возрожденія не бывало болѣе великолѣпныхъ, чѣмъ празднества французскаго двора. Послѣдуемъ за вереницей каретъ, которая тянется непрерывно отъ Парижа до Версаля, словно рѣка, не перестающая катить свои волны. Лошади, которыхъ называютъ „бѣшеными“ и которыхъ кормятъ специаль-

нымъ образомъ, пробѣгаютъ это разстояніе туда и назадъ въ три часа. Съ перваго взгляда уже можно убѣдиться, что это — городъ единственный въ своемъ родѣ, сдѣланный сразу и изъ одного куска, точно какая нибудь особенная медаль, вычеканенная только въ одномъ экземплярѣ и со специальною цѣлью. Форма ея совсѣмъ особенная, также какъ и ея происхождение и употребленіе. Пусть въ этомъ городѣ считается 80,000 жителей; пусть онъ будетъ самымъ большимъ городомъ королевства, — все-таки его наполняетъ, населяетъ и занимаетъ жизнь только одного единственнаго человѣка. Это не болѣе какъ королевская резиденція, устроенная только для того, чтобы служить нуждамъ и удовольствіямъ, доставлять все необходимое для службы, охраны, для общества и представительства короля. Тамъ и сямъ, въ разныхъ глухихъ закоулкахъ и уголкахъ столицы имѣются постоянные дворы, лавчонки, кабаки, лачуги для рабочихъ, для ремесленниковъ, простыхъ солдатъ и для всякаго лакейскаго сброда. Безъ этихъ лачугъ нельзя, конечно, обойтись, такъ какъ вѣдь ни одинъ самый прекрасный апоѳеозъ не можетъ обходиться безъ чернорабочихъ. Но за то все остальное состоитъ только изъ дворцовъ, роскошныхъ зданій съ рѣзными фасадами, карнизами и балюстрадами, монументальными подъѣздами и лѣстницами, представляющими величественныя архитектурныя произведенія, обширныя и правильно расположенныя, точно свита, вокругъ громаднаго и грандіознаго дворца, къ которому все сходится въ этомъ городѣ. Первѣйшія фамиліи королевства имѣютъ здѣсь также постоянныя резиденціи. Направо отъ королевскаго дворца — возвышаются дворецъ Бурбоновъ, дворецъ д'Экевильи, дворецъ Тремуиль, дворецъ Конде, дворецъ Морена, дворецъ Бульонъ, дворецъ д'Э, дворецъ Ноайлей, дворецъ Пентьевръ, дворецъ де Ливри, дворецъ графа де ля Маршъ, дворецъ Броли, дворецъ принца де Тингри, дворецъ Орлеановъ, Шатильоновъ Вилльруа д'Аркуръ, Монако; налево — павильонъ Орлеановъ, павильонъ брата короля, дворцы Шеврезовъ, Бальбель де л'Опиталь, д'Аптепъ, де Данжо, де Поншартренъ и т. д. невозможно перечислить всѣ. Прибавьте

къ этому еще и парижскіе дворцы и тѣ, которые находятся на разстояніи десяти миль кругомъ, въ Со, въ Женевилье, въ Брюнуа, на Иль-Адамъ, въ Ренси, въ Сентъ-Уанъ, въ Коломбъ, въ Сень-Жермень, въ Марли, въ Белльвю и въ ста другихъ мѣстахъ. Всѣ эти дворцы образуютъ вѣнокъ архитектурныхъ цвѣтовъ, откуда каждое утро, выпархиваютъ цѣлыя тучи золотыхъ осъ, отправляющихся блистать и искать добычи въ Версали, который является центромъ всякого изобилія и блеска. Ежегодно тамъ „представляются“ королю сотни мужчинъ и женщинъ, что составляетъ въ общей сложности отъ двухъ до трехъ тысячъ, это и есть общество короля. Дамы, дѣлающія ему реверансы, магнаты, которыхъ онъ сажаетъ въ свою коляску; ихъ дворцы находятся совсѣмъ близко и они всегда у него подъ рукою, чтобы во всякое время наполнять его прихожую или его салонъ.

При такомъ салонѣ, конечно, должны находиться и соотвѣтствующія службы. Отели и зданія, предназначенныя въ Версали для занятія лицами, несущими частную службу при королѣ и членахъ его семьи, надо считать сотнями. Со временъ цезарей, еще ни одна человѣческая жизнь не занимала столько мѣста подъ солнцемъ! Въ улицѣ Резервуаровъ находятся старый и новый отель версальскаго губернатора, отель гувернера при дѣтяхъ графа д'Артуа, королевскія кладовыя, зданіе въ которомъ находятся ложи и фойе актеровъ, играющихъ въ королевскомъ дворцѣ и конюшни старшаго изъ братьевъ короля. Въ улицѣ Бонъ Анфанъ—дворецъ, отведенный подъ королевскій гардеробъ, помѣщеніе для надзирателя за фонтанами, дворецъ офицеровъ графини Прованской. Въ улицѣ Помпъ—дворецъ главнаго дворцоваго судьи, конюшни герцога Орлеанскаго, дворецъ гвардіи, состоящей при графинѣ д'Артуа, конюшни королевы и павильонъ источниковъ.—Въ улицѣ Сатори—конюшни графини д'Артуа, англійскій садъ старшаго брата короля, ледники короля, манежъ легкой конной гвардіи короля и садъ, принадлежащій къ отелю казначеевъ королевскихъ зданій. По этимъ четыремъ улицамъ можете судить о другихъ.— Нельзя сдѣлать и ста шаговъ въ городъ, чтобы не наткнуться на какую-

нибудь принадлежность дворца. Отель главнаго штаба лейбъ-гвардіи, главнаго штаба легкой конной гвардіи, огромное зданіе, служащее казармами лейбъ-гвардіи, зданіе для помѣщенія гвардейскихъ жандармовъ. Дворцы: главнаго ловчаго, главнаго сокольничаго, главнаго егермейстера, оберъ-гофмейстера, главнаго смотрителя канала, генераль-контролера, суперинтенданта королевскихъ строеній, зданіе придворной канцеляріи, соколинаго двора и птичьей охоты. Зданія, отведенныя подъ принадлежности кабаньей охоты, большая псарня, псарня дофина, псарня для воспитанія молодыхъ собакъ, сараи для придворныхъ экипажей, складъ строительныхъ принадлежностей, требующихся для празднествъ, церемоній и увеселеній, главная конюшня, малая конюшня и разныя другія конюшни въ улицѣ Лиможъ, въ улицѣ Рояль и авеню Сень-Клу, королевскій огородъ, заключающій въ себѣ двадцать девять садовъ и четыре террасы, большія людскія, въ которыхъ помѣщается до двухъ тысячъ человѣкъ, дома и отели, извѣстные подъ названіемъ „домовъ Людовика“, гдѣ король раздаетъ временныя или пожизненныя квартиры разнымъ лицамъ—однимъ словомъ; нельзя передать на бумагѣ чисто физическаго ощущенія, вызываемаго этими чудовищными размѣрами королевскихъ придворныхъ службъ.

Въ настоящее время, отъ стариннаго Версаля, искалѣченнаго и приспособленнаго для другихъ цѣлей, остались только обломки. Но посмотрите на нихъ все-таки. Взгляните на эти три аллеи, соединяющіяся на большой площади, шириною въ сорокъ туазовъ, длиною въ четыреста, которыя, однако, не были слишкомъ широки для толпы того времени и для конной свиты, мчавшейся съ головокружительной быстротой во весь опоръ, и колясокъ, также летѣвшихъ сломя голову *), „съ разверстою могиллой передъ собой“, какъ говорили тогда. Посмотрите также на эти двѣ конюшни, передъ дворцомъ, съ ихъ рѣшетчатою оградой, вышиною въ 32 туаза, кото-

*) Въ тѣ времена, въ Парижѣ, почти ежедневно происходили несчастные случаи съ прохожими, попадавшими подъ колеса модныхъ экипажей. Знатные люди имѣли привычку ѣздить чрезвычайно быстро.

рыя обошлись въ 1682 г. въ три милліона, т. е. по нынѣшнимъ деньгамъ—въ пятнадцать милліоновъ. Эти конюшни такъ обширны и такъ прекрасны, что даже при Людовикѣ XIV въ нихъ устраивали то манежъ для кавалькадъ принцевъ, то театральнѣй залъ, то залъ для баловъ. Прослѣдите затѣмъ мысленными взорами развитіе гигантской полукруглой площади, которая идетъ, поднимаясь и постепенно суживаясь, сначала между дворцами министровъ, потомъ между двумя колоссальными крыльями королевскаго дворца и заканчивается въ пышной рамкѣ мраморнаго двора, гдѣ пилястры, статуи, фронтоны и другія, безчисленныя и разнообразныя украшенія, нагроможденныя изъ одного этажа въ другой, возводятъ къ самымъ небесамъ свои строгія архитектурныя линіи и выставляютъ какъ бы на показъ изумительное великолѣпіе своей отдѣлки. По словамъ одной рукописи, на которой находится гербъ Мансаровъ, дворецъ короля стоилъ 133 милліона, т. е. около 750 милліоновъ на нынѣшнія деньги. Вотъ во что обходится помѣщеніе короля, когда онъ желаетъ представлять!

Обратите теперь взоры въ другую сторону; въ сторону садовъ и это представительство станетъ для васъ еще замѣтнѣе. Паркъ и цвѣтники, въ сущности, представляютъ ничто иное, какъ тотъ же салонъ, только на открытомъ воздухѣ. Природа тутъ потеряла свою естественность и потому въ ней сдѣланы разныя исправленія и приспособленія, имѣющія въ виду общество. Этотъ паркъ отнюдь не такое мѣсто, чтобы въ немъ пребывать въ одиночествѣ и отдыхать, а такое, чтобы прогуливаться въ обществѣ и раскланиваться съ другими. Эти гряды, деревья, расположенныя шпалерами—это настоящія стѣны, покрытыя зелеными обоями. Эти подстриженныя тиссы имѣютъ форму вазъ и лиръ. Цвѣтники же—это настоящіе пестрые и яркіе ковры. Въ этихъ ровныхъ, прямолинейныхъ аллеяхъ король, съ тросточкою въ рукахъ, группируетъ вокругъ себя всю свою свиту. Шестьдесятъ дамъ, въ своихъ расшитыхъ золотомъ платьяхъ и физмахъ, имѣющихъ до 24 футъ въ окружности, безъ труда размѣщаются на ступеняхъ лѣстницъ. Въ этихъ зеленыхъ бесѣдкахъ могутъ

происходить царскія пиршества. Подъ этимъ круглымъ портикомъ всѣ тѣ вельможи, которые имѣютъ доступъ во внутренніе покои дворца, могутъ вмѣстѣ присутствовать при пробѣ новыхъ фонтановъ. Они отыскиваютъ себѣ подобныхъ даже въ мраморныхъ и бронзовыхъ статуяхъ, которыя наполняютъ собою аллеи и бассейны и видятъ сходныя черты въ благородной осанкѣ какого нибудь Аполлона, въ театральной наружности Юпитера и въ свѣтской непринужденности и дѣланной небрежности какой нибудь Венеры или Діаны. Тутъ даже сами боги какъ будто принадлежатъ къ ихъ обществу. Усиліями цѣлаго общества и цѣлаго вѣка, отпечатокъ двора врѣзывается такъ сильно, что онъ запечатлѣвается рѣшительно на всемъ какъ въ области матеріи, такъ и въ области духа.

II.

Но все это только одна рамка. До 1789 года однако она не была пуста. Кто не видѣлъ версальской пышности, говоритъ Шатобріанъ, тотъ ничего не видѣлъ! Даже послѣ распушенія бывшаго придворнаго штата, присутствіе Людовика XIV все-таки чувствовалось вездѣ. Ливреи, мундиры, костюмы, экипажи, попережнему виднѣлись всюду, столь же блестящіе и разнообразные, какъ на какой нибудь картинѣ. Я бы хотѣлъ прожить недѣлку въ такомъ мірѣ. Онъ точно созданъ для того, чтобы быть изображеннымъ на картинѣ художника и чтобы веселить взоры, точно блестящая оперная сцена. Но развѣ мы въ состояніи теперь представить себѣ такихъ людей, для которыхъ вся жизнь была однимъ театральнымъ представленіемъ? Въ тѣ времена, знатному человѣку нужна была и соотвѣтственная его знатности домашняя обстановка. Его свита и внѣшній блескъ составляютъ часть его собственной особы. Онъ бы нанесъ самъ себѣ оскорбленіе, если-бы окружилъ себя менѣе пышною обстановкой и поэтому онъ старается сдѣлать ее столь великолѣпною и блестящею, какъ только можетъ. Онъ былъ бы также непріятно пораженъ какимъ нибудь пробѣломъ въ своемъ штатѣ, какъ и мы, если бы увидѣли дыру на своемъ платьѣ. Если онъ станетъ ограничивать себя, то это будетъ для него паденіемъ. Когда Людовикъ XVI при-

ступилъ къ реформамъ, то при дворѣ говорили, что онъ поступаетъ какъ буржуа. Какъ только какойнибудь принцъ или принцесса достигаютъ извѣстнаго возраста, то для нихъ составляется придворный штатъ, а если какойнибудь принцъ женится, то для его жены учреждается также особый штатъ, а въ каждомъ такомъ штатѣ заключается отъ пятнадцати до двадцати отдѣльныхъ службъ, какъ то: конюшни, охота, капелла, медицинскій персоналъ, жилые покои, гардеробъ, контора и казначейство, столъ, пекарня, кухня, винный буфетъ, буфетъ плодовъ и сладостей, людская кухня, истопницкая, кабинетъ, совѣтъ и т. д. У герцога Орлеанскаго имѣются 274 различныя должности въ его штатѣ; у тетокъ короля—210; у принцессы Елизаветы — 68; у графини д'Артуа — 259; у графини де-Провансъ — 256; у самой королевы — 496.

Когда понадобилось образовать придворный штатъ для старшей дочери короля, которой тогда минулъ всего только одинъ мѣсяцъ, то королева—пишетъ австрійскій посланникъ — пожелала уничтожить вредную извѣженность, бесполезный наплывъ слугъ и вообще все, что можетъ способствовать зарожденію тщеславія. Но несмотря на упомянутое сокращеніе, штатъ молодой принцессы, все-таки долженъ былъ состоять болѣе чѣмъ изъ 80 слугъ, назначенныхъ исключительно только служить ея королевской особѣ. Гражданскій штатъ старшаго изъ братьевъ короля состоитъ изъ 420 человѣкъ, а военный — изъ 179; военный штатъ графа д'Артуа заключаетъ въ себѣ 237 человѣкъ, а гражданскій — 456. Три четверти всѣхъ этихъ служащихъ существуютъ только для вида. Въ своихъ мундирахъ, расшитыхъ галунами, со своею непринужденною и учтивою осанкой, внимательнымъ и скромнымъ видомъ, своею прекрасною манерою кланяться, ходить, улыбаться, они въ самомъ дѣлѣ представляютъ блестящее зрѣлище, когда стоятъ въ шеренги въ королевской прихожей, или же разсыпаются группами по галлерей. Я желалъ бы взглянуть даже на отряды тогдашнихъ конюховъ и поваровъ, это тоже фигуранты, заполняющіе собою задній фонъ картины, но по этому блеску второстепенныхъ звѣздъ можно судить о великолѣпнѣ королевскаго солнца!

Король нуждался въ гвардіи пѣшей и конной, въ пѣхотѣ и кавалеріи, въ французскихъ и швейцарскихъ тѣлохранителяхъ, въ такъ называемомъ отрядѣ „ста швейцарцевъ“, въ гвардейскихъ жандармахъ, въ придворной гвардейской стражѣ, словомъ — въ 9050 человѣкъ приближенныхъ, содержание которыхъ обходится ежегодно въ 7.681,000 ливровъ. Четыре отряда французской гвардіи и два швейцарской, ежедневно устраиваютъ парадъ во дворѣ министровъ, между двумя рѣшетчатыми оградами. Когда король выѣзжаетъ со двора въ каретѣ, чтобы отправиться въ Парижъ или Фонтенбло, то это, по истинѣ, представляетъ великолѣпное зрѣлище. Четыре трубы трубаача трубятъ впереди, четыре позади. Съ одной стороны кареты, выступаетъ французская гвардія, а съ другой—швейцарская, образуя шпалеры, растянутыя на такое разстояніе, на сколько это возможно. Передъ лошадьми шествуютъ „сто швейцарцевъ“ въ костюмахъ XVI вѣка, съ бердышами, брыжжами, въ шляпахъ съ султанами и въ просторныхъ курткахъ, украшенныхъ двойными цвѣтными выпушками. Рядомъ съ нимъ идетъ превотальная гвардія, въ раззолоченныхъ казакахъ, съ красными отворотами, золотыми петлицами и массою блестящихъ украшеній. Офицеры, трубачи, музыканты, всѣ залитые золотомъ и серебромъ, просто ослѣпительны. Литавры, повѣшенные на луку сѣдла, расшитыя и сплошь покрытыя пестрыми и позолоченными украшениями, годились бы для выставки изящныхъ предметовъ, а негръ-цимбалистъ, изъ французской гвардіи, какъ будто выскочилъ изъ какойнибудь фееріи. Сзади кареты и по бокамъ бѣгутъ гвардейцы, со шпагами и карабинами, въ красныхъ панталонахъ, высокихъ черныхъ сапогахъ и голубыхъ мундирахъ, покрытыхъ бѣлою вышивкою по швамъ, — всѣ они самага несомнѣннаго дворянскаго происхожденія. Корпусъ ихъ состоитъ изъ 1200 человѣкъ, отобранныхъ по росту и по происхожденію. Изъ нихъ же выбираютъ наиболѣе близкіе тѣлохранители короля, которые, въ церкви и во время придворныхъ церемоній, въ своихъ бѣлыхъ казакахъ, разукрашенныхъ вышитыми золотыми и серебряными бабочками и держась рукою за свой дамакированный бердышъ, окружаютъ

короля и ни на мгновение не спускаютъ съ него глазъ. Вотъ что дѣлается для личной охраны короля.

Какъ дворянинъ, король въ тоже время долженъ быть наѣздникомъ и поэтому ему надо имѣть соотвѣтствующія конюшни. Въ его конюшняхъ содержится 1857 лошадей, 217 экипажей и 1458 человекъ, которыхъ онъ одѣваетъ и одна ливрея которыхъ стоитъ ему 540,000 фр. въ годъ. Кроме того въ его штатъ должны быть 38 конюховъ, разныхъ наименованій и затѣмъ еще другія лица: 20 гувернеровъ съ ихъ помощниками, священники, учителя, повара и лакеи, чтобы руководить, обучать и служить пажамъ и около тридцати медиковъ, аптекарей, больничныхъ служителей, интендантовъ, казначеевъ, работниковъ и купцовъ — поставщиковъ для конюшеннаго вѣдомства, всѣхъ 1,500 человекъ. Въ годъ покупалось лошадей на 250,000 фр.; кроме того, въ Ломузенѣ и Нормандіи устроены конскіе заводы для пополненія королевскихъ конюшенъ. Ежедневно 287 лошадей обучаются въ королевскихъ манежахъ; въ малой конюшнѣ находятся 443 верховыхъ лошадей, а въ большой 437, но и это считается недостаточнымъ для требованій службы. Содержаніе конюшеннаго вѣдомства обходится въ 4.600,000 ливровъ въ 1775 году и доходить до 6.200,000 ливровъ въ 1787г.— Эти пажи, пикёры, воспитанники „въ галунахъ“ и воспитанники „съ серебряными пуговицами“, юноши „въ малой шелковой ливреѣ“, музыканты, берейторы представляли такую блестящую картину, которую смѣловало бы видѣть собственными глазами, чтобы судить о ея великолѣпціи. Наѣздничество является стариннымъ, феодальнымъ искусствомъ и нѣтъ роскоши больше естественной, чѣмъ эта для человека знатнаго рода. Помните о конюшняхъ въ Шантильи, представляющихъ настоящіе дворцы. Прежде, если хотѣли сказать про какого нибудь человека, что онъ хорошо воспитанъ и отличается изящными манерами, то называли его „кавалеромъ въ полномъ смыслѣ этого слова“. И въ самомъ дѣлѣ, такой человекъ могъ выказать всю величавость своей осанки и граціи, только въ сѣдлѣ и верхомъ на конѣ столь же породистомъ, какъ и онъ самъ.

Другимъ занятіемъ дворянина, вы-

текающимъ изъ предыдущаго, является охота. Она обходится королю отъ 1.100,000 до 1.200,000 ливровъ въ годъ и для нея предназначается еще 280 лошадей, кромѣ тѣхъ, которыя уже стоятъ въ обѣихъ конюшняхъ. Нельзя и представить себѣ болѣе полной и разнообразной охотничьей команды, чѣмъ эта. Тутъ имѣется: особая свора собакъ для охоты на кабановъ, свора для охоты на волковъ, свора для дикихъ оленей и козъ; затѣмъ дрессированныя хищныя птицы для охоты на воронъ, на сорокъ, для охоты на копчиковъ, зайцевъ и для полевой охоты. Въ 1783 г. израсходовано было 179,194 ливра на прокормъ лошадей и 53,412 ливровъ на прокормъ собакъ. Вся территория на десять миль вокругъ Парижа принадлежала королевской охотѣ и тамъ „нельзя было выпустить ни одного выстрѣла“, поэтому на всѣхъ лугахъ разгуливали куропатки, „до такой степени свыкшіяся съ человекомъ, что они преспокойно клевали зерна и даже не улетали, когда онъ проходилъ мимо“.—Прибавляя къ этому еще егермейстерства принцевъ въ Виллье-Коттере и Орлеанѣ, что образуетъ около Парижа почти непрерывный кругъ, имѣющій тридцать миль въ діаметрѣ, гдѣ дичь, находясь подъ спеціальною охраною, могла безпрепятственно размножаться и кишмя кишѣла, служба для забавы короля. Одинъ только версальскій паркъ, занимаетъ отгороженное пространство въ десять миль. Лѣсъ Рамбулье покрываетъ 25,000 десятинъ. Около Фонтенебло встрѣчаются стада оленей отъ 70 до 80 головъ. Просматривая записи охотъ того времени каждый истинный охотникъ непременно долженъ испытывать чувство зависти. Псовая охота на волковъ производилась каждую недѣлю, причѣмъ въ годъ убивалось не менѣе сорока волковъ. Съ 1743 по 1774 г. Людовикъ XV затравилъ 6,400 оленей. Людовикъ XVI пишетъ 31 августа 1784 года: „сегодня убито 460 штукъ дичи“. Въ 1780 г. онъ убилъ 20,534 штукъ дичи, въ 1781—20,291, а въ 14 лѣтъ—189,251 штуку разной дичи, кромѣ 1254 оленей и соотвѣтствующаго числа дикихъ кабановъ и козъ. Замѣтите, что вся эта дичь находится у него подъ рукой, такъ какъ парки прилегаютъ къ его дворцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, особенность „хорошо

устроеннаго“ дома со всѣми службами и пристройками въ тѣ времена, именно и заключалась въ томъ, чтобы все было подъ рукой, это былъ отдѣльный мірокъ, вполне удовлетворяющій самому себѣ. Вокругъ такого дома возникаютъ другіе, тоже собирающіе и сосредоточивающіе около себя, съ большою предусмотрительностью и мельчайшими подробностями все, что имъ понадобится когда либо. Такъ на примѣръ, каждый принцъ и каждая принцесса непременно имѣютъ свой факультетъ (медицинскій персоналъ), свою капеллу, такъ какъ считалось бы неприличіемъ, если бы священникъ, который служитъ для нихъ обѣдню или хирургъ, который ихъ лѣчитъ, былъ бы взятъ со стороны, король тѣмъ болѣе долженъ имѣть свой собственный штатъ, какъ медицинскій, такъ и духовный; поэтому королевская капелла состоитъ изъ 75 священниковъ, капеллановъ, исповѣдниковъ, органистовъ, причетниковъ, регентовъ, пѣвчихъ, нотныхъ писцовъ и композиторовъ духовной музыки. Въ королевскомъ факультетѣ числятся: 48 врачей, хирурговъ, аптекарей, окулистовъ, операторовъ, костоправовъ, фармацевтовъ, мозольныхъ операторовъ и химиковъ. Прибавьте сюда еще служащій персоналъ отдѣла свѣтской музыки: 128 пѣвцовъ, танцовщиковъ и танцовщицъ, музыкантовъ, регентовъ и надзирателей. Въ библиотекѣ короля числятся 43 человекъ: библиотекари, чтецы, переводчики, граверы, медальисты, географы, переиздатчики и типографы. Персоналъ, завѣдующій церемоніями состоитъ изъ 62 герольдовъ, оруженосцевъ, докладчиковъ и музыкантовъ, а тотъ, который завѣдуетъ помѣщеніемъ всѣхъ служащихъ во дворцѣ состоитъ изъ 68 гофъ-фурьеровъ, проводниковъ и фурьеровъ. Я выпускаю еще много другихъ придворныхъ службъ и должностей, такъ какъ спѣшу добратъ до центра—королевскаго стола, такъ какъ по столу и узнается всякій знатный домъ.

Служба королевскаго стола распадается на три отдѣла: къ первому принадлежитъ столъ самого короля и его малолѣтнихъ дѣтей. Ко второму отдѣлу, называемому малымъ официантскимъ, принадлежитъ столъ оберъ-гофмейстера, оберъ-камергера, принцевъ и принцессъ, живущихъ у короля. Третій—большой официант-

скій, завѣдуетъ вторымъ столомъ оберъ-гофмейстера, столомъ метръ д'отелей, священниковъ, служителей изъ дворянъ и камеръ-лакеевъ; въ общей сложности, въ этомъ вѣдомствѣ находятся 383 мундшенковъ и мундкоховъ и 106 служителей, а расходъ равняется 2.177,771 ливровъ въ годъ. Кромѣ того 389,173 ливровъ расходуется на столъ принцессы Елизаветы и 1,093,547 ливровъ на столъ тетокъ короля, что составляетъ въ общемъ итогъ 3,600,491 ливровъ на одинъ только столъ, продавецъ вина поставяетъ въ годъ на 300,000 фр. вина, а поставщикъ мяса, дичи и рыбы доставяетъ ежегодно этихъ продуктовъ на миллионъ. Только на одну доставку воды отъ Вилль д'Авей, да на разъѣзды служащихъ по кухонному и застольному вѣдомству, нужны 50 лошадей, нанимаемыхъ за 70,591 фр. въ годъ. Принцы и принцессы крови имѣютъ право „посылать ко дворцу за рыбой въ постные дни, если они не имѣютъ постоянной резиденціи въ королевскомъ дворцѣ и на одну только эту статью расходовъ было выведено въ 1778 году 175,116 ливровъ. Просмотрите въ альманахѣ списокъ должностныхъ лицъ кухоннаго вѣдомства и передъ вашими глазами развернется картина одного изъ пиршествъ Гаргантюа. Тутъ существуетъ цѣлая торжественная іерархія кухни: оберъ-мундшенки, метръ д'отели, контролеры, ученики, счетчики, приказчики, дворяне-хлѣбодары, мундшенки, стольники, конюхи и кухонные пристава, старшіе повара и ихъ помощники, поваренки и ученики, носители вина, вертельщики, огородники, зеленщики, смотрители надъ бѣльемъ, кондитера, пирожники, тафельдекеры и ихъ помощники, смотрителя за посудой, дворецкіе, метръ д'отели старшаго метръ д'отеля, словомъ, цѣлая процессія широкихъ, расшитыхъ галунами, округленныхъ величественныхъ животовъ и серьезныхъ лицъ, священнодѣйствующихъ около буфетовъ и кастрюлекъ, которая развертывается передъ нами въ полномъ порядкѣ и съ сознаниемъ собственнаго достоинства.

Еще одинъ шагъ и мы вступаемъ уже въ самое святилище—покои короля. Тутъ предсѣдательствуютъ два главныхъ сановника и каждый изъ нихъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи

около сотни подчиненныхъ. Оберъ-камергеръ со своимикамеръ-юнкерами, камеръ-пажами и ихъ наставниками и учителями, приставами королевской передней, четырьмя главными камердинерами и шестнадцатью камеръ-лакеями, смѣняющимися черезъ каждые три мѣсяца обыкновенными служителями и такими, которые смѣняются въ извѣстные сроки, цирюльниками, обойщиками, часовщиками и носильщиками и оберъ-гардеробмейстеръ съ подчиненными ему камеръ-лакеями, обыкновенными и смѣняющимися черезъ три мѣсяца, шкатулочносцами и кіеносцами (для игры въ шары), портными, смотрителями за бѣльемъ, крахмальщиками и гладильщиками, обыкновенными служителями и дворянами, приставами и секретарями кабинета короля — въ общей сложности тутъ находится 198 лицъ, исключительно для службы въ королевскихъ покояхъ. Эти люди представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ домашней утвари, приспособленной для удовлетворенія всѣхъ нуждъ короля, или же они являются просто роскошною мебелью, служащею для убранства его покоевъ. Они исполняютъ тутъ самыя разнообразныя обязанности; есть такіе, которые должны подавать кій и шары, такіе, которые должны подавать королю плащъ и тросточку или причесывать его, вытирать послѣ ванны, наблюдать за перевозкою его кровати, за его левретками, завязывать ему галстухъ, приносить и уносить его судно *). Но въ особенности много такихъ лицъ, вся обязанность которыхъ заключается лишь въ томъ, чтобы наполнять собою какой-нибудь уголокъ въ покояхъ короля, который не долженъ оставаться пустымъ. Разумѣется, что касается манеръ и умѣнья держать себя, то эти люди должны считаться первыми изъ всѣхъ. Постоянно пребывая по близости своего господина, они вынуждены были держать себя такимъ образомъ, чтобы ихъ манеры не находились въ дисгармоніи съ такимъ сосѣдствомъ.

*) При Людовикѣ XVI было два такихъ судноносца, которые обязаны были являться каждое утро, въ бархатныхъ мундирахъ и со шпагою на боку и заглянувъ въ королевское судно, выносить и опоржнять его, если это оказывалось нужнымъ. Эта должность приносила изъ нихъ каждому 20,000 ливровъ въ годъ.

Таковъ придворный штатъ короля. Но я описалъ только одну изъ его резиденцій тогда какъ у него было ихъ нѣсколько, — около дюжины большихъ и маленькихъ, кромѣ Версаля: Марли, оба Трианона, Мюэттъ, Медонъ, Шуази, Сень-Гюберъ, Сень-Жерменъ, Фонтенебло, Компьень, Сень-Клу, Рамбулье, не считая Лувра, Тюльери и Шамбора, со всѣми парками и территориями для охоты, гдѣ имѣется цѣлый штатъ губернаторовъ, инспекторовъ, контролеровъ, консьержей, смотрителей за фонтанами, садовниковъ, метельщиковъ, полотеровъ, кроотововъ, лѣсничихъ, конной и пѣшей стражи, — въ общемъ болѣе 1000 человекъ. Разумѣется, король поддерживаетъ свои помѣстья, строить и разводить сады и на это расходуетъ отъ 3 до 4 милліоновъ въ годъ. Понятно также, что онъ исправляетъ и возобновляетъ свою меблировку и въ 1778 году, который былъ среднимъ годомъ въ этомъ отношеніи, это обошлось ему въ 1,936,853 ливровъ. Конечно онъ приглашаетъ гостей къ себѣ, въ эти резиденціи и содержать ихъ, также какъ и весь штатъ ихъ слугъ. Въ Шуази, въ 1780, не считая людей, расквартированныхъ по разнымъ мѣстамъ, накрывались ежедневно 16 столовъ на 345 приборовъ; въ Сень-Клу, въ 1785 году — 26 столовъ и т. д. „Поѣздка въ Марли на 21 день обходилась въ 120,000 ливровъ экстренныхъ расходовъ;“ поѣздка въ Фонтенебло стоила отъ 900,000 до 500,000 ливровъ.

Въ общемъ каждое передвиженіе короля требуетъ въ годъ полмилліона и болѣе. — Чтобы составить себѣ полное представленіе объ этой изумительно пышной обстановкѣ, мы должны помнить, что „ремесленники и купцы всѣхъ цеховъ обязаны были, въ силу имѣющейся у нихъ привилегіи, слѣдовать за дворомъ“ во всѣхъ его передвиженіяхъ, чтобы поставлять ему вездѣ все, что нужно, во время его поѣздокъ. Такимъ образомъ дворъ сопровождаетъ цѣлая армія аптекарей, оружейниковъ, пищальниковъ, чулочниковъ, торговцевъ шелковыми и шерстяными чулками, мясниковъ, булочниковъ, вышивальщиковъ, кабатчиковъ, чеботарей, портупейщиковъ, свѣчныхъ мастеровъ, шапочниковъ, колбасниковъ, хирурговъ, башмачниковъ, кожевниковъ, пова-

ровъ, скорняковъ, золотильщиковъ и граверовъ, шорниковъ, бакалейщиковъ, кондитеровъ, ножевщиковъ, ветошниковъ, перчаточниковъ - парфюмеровъ, часовщиковъ, книготорговцевъ, торговцевъ бѣльемъ, оптовыхъ и розничныхъ продавцовъ вина, столаровъ, ювелировъ, пергаментчиковъ, басончиковъ, торговцевъ рыбой и птицей, поставщиковъ сѣна, соломы и овса, торговцевъ мелкимъ желѣзнымъ товаромъ, сѣдельщиковъ, портныхъ, торговцевъ пряниками и крахмаломъ, зеленчиковъ, торговцевъ фруктами, стекольщиковъ и скрипачей *). „Говорятъ про дворъ восточныхъ монарховъ, что когда онъ приходитъ въ движеніе, то увлекаетъ за собою цѣлый міръ и всякій человѣкъ, желающій пройти, долженъ сдѣлать это заблаговременно и опередить дворъ, готовящійся двинуться съ мѣста“. — „Въ общей сложности, мы имѣемъ тутъ около 4,000 лицъ, составляющихъ гражданскій придворный штатъ короля, отъ 9,000 до 10,000 принадлежащихъ къ его военному штату, затѣмъ, по крайней мѣрѣ, 2,000 человѣкъ, входящихъ въ составъ штатовъ его близкихъ, т. е., всего на всего, около 15,000 человѣкъ, содержаніе которыхъ обходится отъ 40 до 45 милліоновъ, составляющихъ вдвое большую сумму на нынѣшнія деньги, а въ то время представлявшихъ десятую часть государственныхъ доходовъ. Вотъ какую картину рисуетъ намъ центральная часть монархической декорации. На какъ ни обширенъ этотъ центръ и какъ ни стоитъ онъ дорого обществу, все же онъ вполне соответствуетъ своему назначенію, послѣ того, какъ дворъ сдѣлался общественнымъ учрежденіемъ и аристократія, не имѣвшая никакихъ занятій, увидѣла свое назначеніе лишь въ наполненіи салоновъ короля.

V.

Двѣ причины поддерживаютъ такой приливъ людей ко двору; одна заключается въ сохраненіи феодальной формы, другая—во введеніи новой централизаціи. Первая отдаетъ

*) Письмо де Мерси отъ 16 сентября 1773 г. „Многочисленность служебнаго персонала, сопровождающаго короля во всѣхъ его путешествіяхъ, дѣлаетъ всякое передвиженіе двора похожимъ на походъ цѣлой арміи.

служеніе королю въ руки дворянъ, вторая превращаетъ этихъ послѣднихъ въ челобитчиковъ. — Занимая придворныя должности, дворянство живетъ у короля постоянно.

Всѣ эти вельможи являются обязательными приближенными короля, его постоянными и большею частью наслѣдственными гостями, живущими у него, въ ежедневномъ и тѣсномъ общеніи съ нимъ, потому что они „его люди“, и исполняютъ при немъ обязанности домашней прислуги. Къ этому слѣдуетъ прибавить всѣхъ тѣхъ, не менѣе знатныхъ и не менѣе многочисленныхъ лицъ, которыя состоятъ при королевѣ, при теткахъ короля, при принцессѣ Елизаветѣ, при графѣ и графинѣ Прованскихъ, при графѣ и графинѣ д'Артуа. Но все это только главные начальники различныхъ придворныхъ службъ; въ списокъ же подчиненныхъ имъ придворныхъ чиновъ дворянскаго происхожденія числятся между прочимъ: 68 священниковъ или каплановъ; 170—камеръ-юнкеровъ или прислужниковъ; 117 конюшихъ и ловчихъ; 148 пажей, 114 титулованныхъ статсъ-дамъ и, наконецъ, всѣ офицеры, вплоть до самыхъ мелкихъ чиновъ, не считая 1,400 простыхъ гвардейцевъ, происхожденіе которыхъ тщательно провѣряется спеціальными генеалогами и только послѣ этого они допускаются ко двору. Вотъ изъ кого состоитъ постоянный составъ королевскихъ приемовъ. Отличительная черта этого режима именно и заключается въ томъ, что слуги въ тоже время являются тутъ и гостями и люди изъ прихожей наполняютъ салонъ короля.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы салонъ нуждался въ такой публикѣ для своего наполненія. Представляя источникъ всякаго повышенія, всякой милости, этотъ салонъ, конечно, долженъ изобиловать посѣтителями. Въ нашемъ обществѣ, основанномъ на принципѣ равенства, салонъ даже маленькаго депутата, посредственнаго журналиста, свѣтской дамы, всегда бываетъ переполненъ искателями и льстецами, являющимися въ него подъ видомъ гостей и друзей. Впрочемъ, въ королевскомъ салонѣ присутствіе вмѣняется въ обязанность и можно почти сказать, что оно является какъ бы продолженіемъ прежнихъ

феодалныхъ отношеній, главный штабъ изъ дворянъ долженъ же составлять свиту своего прирожденнаго генерала! На языкѣ того времени это называлось: „исполнять свой долгъ по отношенію къ королю“.

Въ глазахъ монарха отсутствіе какого нибудь знатнаго лица при его дворѣ служить признакомъ его независимости и индифферентизма къ особѣ короля, такъ какъ оказаніе вниманія и покорности королю считается обязательнымъ для каждаго дворянина. Чтобы судить о значеніи этого обычая, надо прослѣдить его при самомъ его возникновеніи. Людовикъ XIV постоянно окидывалъ взоромъ свою свиту, „при утреннемъ вставаніи, при отходѣ ко сну, за столомъ, проходя по своимъ апартаментамъ, по своимъ садамъ... Никто не ускользалъ отъ его взоровъ, даже тѣ, которые никогда не надѣялись, что онъ ихъ замѣтитъ. Какъ для нѣкоторыхъ, такъ и для всѣхъ лицъ знатнаго происхожденія, считалось проступкомъ, если они не дѣлали изъ двора своего постояннаго мѣстопробыванія, а другимъ ставилось въ вину, что они показываются рѣдко; тѣ же, которые никогда или почти никогда не являлись ко двору, непременно подвергались немилости.“ Съ этихъ поръ, для всѣхъ первыхъ лицъ королевства, мужчинъ и женщинъ, духовныхъ и свѣтскихъ, важнѣйшимъ дѣломъ жизни, главнымъ занятіемъ и истиннымъ трудомъ будетъ стараніе находиться во всякое время и всюду на глазахъ короля, подъ рукою у него и такъ близко отъ его особы, чтобы имѣть возможность ловить каждый его взглядъ, каждое его слово“. — „Кто пойметъ, что лицезрѣніе короля является блаженствомъ для придворнаго, проводящаго всю свою жизнь въ стремленіи постоянно видѣть его и быть у него на виду, говоритъ Лабрюйеръ—тому станетъ до нѣкоторой степени понятнымъ и то какимъ образомъ лицезрѣніе Бога можетъ составлять блаженство и славу святыхъ“. — Нѣкоторые люди выказывали въ тѣ времена чудеса настойчивости по части добровольнаго подчиненія. Каждое утро, въ семь часовъ зимою и лѣтомъ, герцогъ де Фронсакъ, по приказанію своего отца дежурилъ внизу маленькой лѣстницы, которая вела въ капеллу, исключительно лишь съ

тою цѣлью, чтобы предложить руку г-жѣ де Ментенонъ, которая отправлялась въ Сень—Сиръ.

„Простите мнѣ, сударыня, писалъ ей герцогъ Ришелье, крайнюю смѣлость, съ которою я рѣшаюсь послать черезъ васъ мое письмо къ королю. Я прошу его въ этомъ письмѣ на колѣняхъ, чтобы онъ дозволилъ мнѣ пріѣзжать иногда изъ Рюэля къ его двору, потому что я скорѣе согласенъ умереть, чѣмъ не видѣть его въ теченіе двухъ мѣсяцевъ“.

Истинный придворный слѣдовалъ за королемъ какъ тѣнь. Такимъ былъ при Людовикѣ XIV герцогъ Ларош-фуко, оберъ-егермейстеръ. „Онъ ни разу не пропустилъ ни одного утренняго вставанія короля, ни одного отхода его ко сну, ни одной охоты и прогулки, ни одного переодѣванья короля, которое совершается два раза въ сутки. Иногда, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ кряду, онъ ни разу не проводилъ ночь внѣ дворца, гдѣ находился король, и въ теченіе болѣе чѣмъ сорока лѣтъ не ночевалъ и двадцати разъ внѣ Парижа, и онъ всегда просилъ отпускъ, если ему бывало нужно не обѣдать въ этотъ день при дворѣ или не присутствовать на какой нибудь прогулкѣ.“ — Если позднѣе, при менѣе требовательныхъ государяхъ и при общей распушенности нравовъ восемнадцатаго вѣка, эта дисциплина нѣсколько ослабѣваетъ, то все же самое правило продолжаетъ существовать. За отсутствіемъ прежней покорности, традицій, интереса и честолюбія было бы вполне достаточно, чтобы наполнить дворъ короля. Близость къ королю, служеніе ему въ качествѣ какого бы то ни было домашняго слуги, привратника, плащеносца или камердинера, является почетной привилегіей, которую однако можно купить, и и даже еще въ 1789 году за нее платили по 30, 40 и 100,000 ливровъ. Тѣмъ болѣе право составлять часть королевскаго общества можетъ назваться привилегіей, и притомъ самою почетною и выгодною изъ всѣхъ, да еще, кромѣ того, способною возбуждать сильнѣйшую зависть. Во первыхъ это считается доказательствомъ расы. Мужчина, желающій сопровождать короля на охоту, или женщина, желающая быть представленной королевѣ, должны предвари-

тельно, представить придворному генеалогу подлинные документы, доказывающие, что их дворянский род восходитъ къ 1400 году. Затѣмъ, это является обезпеченіемъ богатства, такъ какъ только въ королевскомъ салонѣ чловѣкъ находится у самаго источника милостей, поэтому—то знатныя семьи въ 1789 году не двигаются никуда изъ Версаля и находятся тамъ постоянно на сторожѣ. Однажды вечеромъ, лакей маршала де Ноайля, опуская занавѣси, спросилъ: „Въ которомъ часу прикажете завтра разбудить вашу свѣтлость?“—„Въ десять часовъ, если никто не умретъ сегодня ночью“. Еще встрѣчаются такіе старые придворные, которые, „имѣя восемьдесятъ лѣтъ отъ роду, провели, по крайней мѣрѣ 45 лѣтъ на ногахъ въ передней короля, принцевъ и министровъ“. — „Вамъ нужно дѣлать только три вещи, говорилъ одинъ изъ такихъ придворныхъ другому, только что вступившему въ этотъ кругъ: — отзываться съ похвалою обо всѣхъ, просить для себя всякое вакантное мѣсто и садиться, когда только представится къ тому возможность“.

Вотъ почему вокругъ короля всегда тѣснится толпа. Графиня дю Барри представляла 1-го Августа 1773 года свою племянницу ко двору и „свита была до такой степени многочисленна повсюду, гдѣ надо было проходить, что съ трудомъ можно было пробраться черезъ переднія“.

Въ Декабрѣ 1774 г., въ Фонтенебло, гдѣ каждый вечеръ королева играла въ карты, „ея покои, несмотря на всю свою обширность, всегда бывали переполнены... Давка такъ велика, что разговаривать можно только съ двумя-тремя лицами, съ которыми сидишь вмѣстѣ за карточнымъ столомъ“ — Во время приѣма посланниковъ, четырнадцать громадныхъ покоевъ бываютъ биткомъ набиты знатными вельможами и разряженными дамами. 1-го Января 1775 г. королева „насчитала болѣе двухсотъ дамъ, представлявшихъ ей для выраженія своего почтенія“. Въ 1780 г. въ Шуази ежедневно накрывается столъ на тридцать приборовъ для короля и другіе тридцать для вельможъ, кромѣ сорока приборовъ для офицеровъ лейбъ-гвардіи короля и конюшенъ и пятьдесятъ для граждан-

скихъ служащихъ при покояхъ короля. Я полагаю, что при своемъ утреннемъ вставаніи, отходѣ ко сну, во время своихъ прогулокъ и охоты король всегда бывалъ окруженъ, кромѣ служащихъ, еще и сорока или пятидесятью вельможами по крайней мѣрѣ; иногда же это число доходило до сотни и болѣе, причемъ столько же было дамъ. Въ Фонтенебло, въ 1756 году, насчитывалось до 600 дамъ, хотя въ этомъ году не было ни празднествъ, ни балетовъ“.—Когда у короля бываетъ большой приѣмъ и когда устраивается игра или танцы въ стеклянной галлерей, то четыреста или пятьсотъ приглашенныхъ, представляющихъ сливки знатнаго общества тѣснятся тогда на скамейкахъ, вдоль стѣнъ, или же вокругъ столовъ, гдѣ идетъ игра въ „три“ или „каваньолу“. Вотъ картина, которую слѣдовало бы видѣть не въ воображеніи и не на основаніи неполныхъ текстовъ, но собственными глазами и на мѣстѣ, для того чтобы понять духъ, послѣдствія и торжество монархической культуры. Въ каждомъ благоустроенномъ домѣ салонъ всегда составляетъ главное мѣсто, но болѣе блестящаго ослѣпительнаго салона, чѣмъ у короля, еще не бывало. Съ высоты скульптурнаго свода, убраннаго шаловливыми амурами, спускаются внизъ, на гирляндахъ цвѣтовъ и зелени, сверкающія люстры. блескъ которыхъ отражается въ высокихъ зеркалахъ усиливающихъ ихъ великолѣпіе. Потoki свѣта заливаютъ все, позолоту залы, брильянты, умныя и оживленные лица гостей, изящныя корсажи и пышныя женскія платья, убранныя гирляндами и отливающія всѣми цвѣтами радуги.

Огромныя фіжмы дамъ, расположенныхъ на стѣнныхъ скамейкахъ или составившихъ кругъ, „образуютъ богатѣйшія шпалеры, покрытыя жемчугомъ, золотомъ, серебромъ, драгоценными камнями, сверкающими блесками, цвѣтами и искусственными фруктами: смородиной, вишнею и земляникой. Все вмѣстѣ представляетъ гигантскій, живой букетъ, блескъ котораго едва могутъ выносить глаза. Нѣтъ ни одного чернаго фрака, какіе теперь изобилуютъ и которые могли бы явиться дисгармоніей. Причесанные и напудренные въ букляхъ и съ бантами на головѣ, въ кружев-

ныхъ воротникахъ и манжетахъ, въ шелковыхъ кафтанахъ и курткахъ, оливковаго, нѣжно-розоваго или блѣдо-голубого цвѣта, расшитыхъ золотомъ и позументами, мужчины такъ же нарядны, какъ женщины. Всѣхъ этихъ мужчинъ и женщинъ выбирали очень тщательно;—эти безукоризненные свѣтскіе люди, обладающіе тѣми качествами и граціей, которыя только могутъ дать раса, воспитаніе, богатство, досугъ и привычка; въ своемъ родѣ они представляютъ совершенство. Тутъ нѣтъ ни одного туалета, ни одного поворота головы, ни одного звука голоса, ни одной фразы, которые не были бы шедевромъ свѣтской культуры и квинтъ-эссенціей всего того, что выработано искусствомъ общежитія въ области свѣтскости и изящества. Какъ бы ни было утонченно парижское общество, все же, по сравненію съ придворнымъ кругомъ, оно казалось провинціальнымъ. Нужно, какъ говорятъ, употребить сто тысячъ розъ, чтобы сдѣлать одну унцію той, единственной въ мірѣ, эссенціи, которую употребляютъ персидскіе цари. Таковъ и этотъ королевскій салонъ, представляющій маленькій раззолоченный, хрустальный флакончикъ, содержащій въ себѣ субстанцію, извлеченную изъ цѣлаго населенія страны. Чтобы наполнить этотъ флаконъ, попадобилось, прежде всего, пересадить въ теплицу всю обширную аристократію страны, которая, сдѣлавшись безплодной, стала приносить только цвѣты, а затѣмъ уже, въ королевскомъ перегонномъ кубѣ, извлекли изъ нея очищенные жизненные соки и изъ нихъ выдѣлили нѣсколько капель ароматической эссенціи. Цѣна этой эссенціи непомерно велика, но вѣдь такую цѣною только и можно приготовить чрезвычайно тонкіе духи!

IV.

Подобная операція налагаетъ обязательства, не только на того, кто ее производитъ, но и на тѣхъ, кто ей подвергается. Нельзя безнаказанно превратить полезное дворянство въ дворянство, пригодное только для украшенія двора *), и король самъ,

*) Примѣромъ бездѣтельности, навязанной дворянству, служитъ между прочимъ, описанный Казановой обѣдъ королевы Маріи Лещин-

невольнo долженъ былъ подчиняться той парадной жизни, которою онъ замѣнилъ свою прежнюю дѣятельность. У него есть дворъ и онъ долженъ жить его жизнью. Тѣмъ хуже, если эта жизнь поглощаетъ все его время, его душу, лучшую часть его дѣятельной силы и силу государства. Не легко, вѣдь, быть хозяиномъ дома, особенно, когда приходится принимать до пяти-сотъ человѣкъ! Волей неволей надо проводить свою жизнь въ постоянномъ обществѣ и на виду у всѣхъ. Выражаясь точнѣе, это настоящее ремесло актера, который цѣлый день долженъ не сходить со сцены. Для того, чтобы вынести такое бремя, да еще находить возможность работать, надо было обладать темпераментомъ Людовика XIV, его физическими силами, необычайною выносливостью его нервовъ, прекраснымъ пищевареніемъ и правильностью привычекъ. Послѣ него, его преемники, изнемогали и падали подъ тяжестью этого бремени. Но избавиться отъ него они все-таки не могутъ; постоянное, ежедневное представленіе неразлучно связано съ тѣмъ мѣстомъ, которое они занимаютъ и оно также обязательно для нихъ, какъ и тяжелая, раззолоченная, парадная одежда. Король обязанъ занимать всю аристократію и слѣдовательно долженъ показываться ей и отплачивать за ея присутствіе собственной особой, во всякое время, даже въ самыя интимныя минуты

ской въ Фонтенебло: „Я вхожу въ великолѣпную залу, гдѣ находились около дюжины придворныхъ, прогуливающихся взадъ и впередъ, и столъ, накрытый, по крайней мѣрѣ, на двѣнадцать кувертовъ, но приготовленный только для одной особы... Королева сѣла и тотчасъ же всѣ двѣнадцать придворныхъ стали полукругомъ, въ десяти шагахъ отъ стола; я также помѣстился возлѣ нихъ, подражая имъ и сохраняя почтительное молчаніе. Ея величество принялась ѣсть очень быстро, не глядя ни на кого и не поднимая глазъ со своей тарелки. Найдя вкуснымъ одно изъ блюдъ, она повторила его и тогда, обведя глазами кругъ придворныхъ, сказала: „г. де Ловендаль“? При этомъ имени, я вижу, что къ ней приближается, почтительно склонивъ голову, какой-то великолѣпный мужчина и произноситъ: „Государыня?“ — „Мнѣ кажется, что это рагу—фрикасе изъ цыпленка?“ — „Я такого же мнѣнія, государыня“. Послѣ этого отвѣта, сказаннаго самымъ серьезнымъ тономъ, маршалъ также почтительно удаляется, пятясь задомъ. Королева кончила свой обѣдъ, не произнося болѣе ни слова и удалилась въ свои покои тѣмъ же порядкомъ, какъ и пришла“.

своей жизни, вставая съ постели или даже находясь въ постели. Утромъ, въ назначенный имъ заранѣе часъ, его будить первый камердинеръ и послѣ этого въ комнату входятъ пять разрядовъ различныхъ особъ, для засвидѣтельствованія своего почтенія королю и „хотя пріемныя очень велики, но бываютъ дни, когда они едва могутъ вмѣстить толпу придворныхъ“. Сначала впускаютъ семейныхъ, — „дѣтей Франціи“, принцевъ и принцессъ и кромѣ нихъ еще перваго врача, перваго хирурга и другихъ полезныхъ лицъ *). Затѣмъ, послѣ этого „семеинаго входа“ наступаетъ „большой входъ“, впускаются: оберъ-камергеръ, оберъ-гардеробмейстеръ и гардеробъ-мейстеръ, старшіе камеръ-юнкеры, герцоги Орлеанскій и Пентьеврскій, нѣсколько другихъ вельможъ, пользующихся особымъ расположеніемъ короля, статсъ-дамы королевы и камеръ-фрау королевы, тетокъ короля и другихъ принцессъ, не считая брадобрѣвъ, портныхъ и всякаго рода лакеевъ. Между тѣмъ королю поливаютъ руки спиртомъ надъ позолоченною тарелкой, потомъ ему подають кропильницу; онъ дѣлаетъ крестное знаменіе и произноситъ молитву. Послѣ того, онъ въ присутствіи всѣхъ этихъ лицъ встаетъ съ постели, надѣваетъ туфли. Оберъ-камергеръ и старшій камердинеръ подають ему халатъ; онъ надѣваетъ его и садится на кресло, гдѣ и происходитъ его облаченіе. Въ эту минуту открывается дверь и въ комнату вливается третій потокъ: это — „входъ патентованныхъ лицъ“; вельможи, принадлежащіе къ этому разряду, пользуются, кромѣ того, драгоценною привилегіей присутствовать при такъ называемой „малой церемоніи отхода ко сну“. Вмѣстѣ съ ними является и цѣлый отрядъ служителей, медики и хирурги, завѣдующіе мелкими развлеченіями короля, чтецы и др., среди которыхъ находится и носитель судна короля. Публичность жизни короля такова, что ни одно изъ своихъ отпращиваній онъ не совершаетъ безъ

*) „При Людовикѣ XVI, встававшемъ въ семь—восемь часовъ утра, королевскій выходъ происходилъ въ одиннадцать съ половиною часовъ, если только охота и другія придворныя церемоніи не ускоряли этого часа“. — Тотъ же церемоніаль повторялся вечеромъ при отходѣ ко сну и въ теченіе дня при перемѣнѣ обуви.

свидѣтелей. Въ тотъ моментъ, когда гардеробъ-мейстеры приближаются къ королю для его одѣванія, первый камеръ-юнкеръ, которому докладываетъ приставъ, называетъ королю имена вельможъ, ожидающихся у дверей. Это „четвертый входъ“, еще болѣе многолюдный, чѣмъ всѣ предшествующіе, такъ какъ, не говоря уже объ оруженосцахъ, плащеносцахъ и др. служителяхъ, при этомъ въ покои короля входятъ и большинство важныхъ должностныхъ лицъ: главный священникъ, очередные священники, начальникъ капеллы, старшій регентъ, капитанъ и маіоръ лейбъ-гвардіи, полковникъ и маіоръ французской гвардіи, командиръ королевскаго полка, капитанъ „ста швейцарцевъ“, оберъ-егермейстеръ, начальникъ волчьей охоты, главный прелатъ, гроссъ-мейстеръ и церемоніеместеръ, старшій метръ д'отель, старшій хлѣбодаръ, иностранные посланники, министры и государственные секретари, маршалы Франціи, прелаты и прочіе знатные вельможи. Пристава разставляютъ толпу и, въ случаѣ надобности, возобновляютъ тишину. Между тѣмъ король умывается и начинаетъ раздѣваться. Два пажа снимають ему туфли, оберъ-гардеробмейстеръ снимаетъ съ него ночной камзолъ, потянувъ за правый рукавъ, а первый камеръ-лакей тянетъ въ это время лѣвый рукавъ и оба передають этотъ камзолъ гардеробъ-мейстеру, а одинъ изъ служителей при королевскомъ гардеробѣ приноситъ денную рубашку, вложенную въ оболочку изъ бѣлой тафты. Тутъ наступаетъ кульминаціонный пунктъ всей церемоніи одѣванія; начинается *) пятый входъ, и въ нѣсколько минутъ, пока король надѣваетъ рубашку, въ комнату вливается послѣдній потокъ извѣстныхъ ему людей и служащихъ въ его штатѣ, ожидавшихъ въ галлерей своей очереди. Для надѣванія сорочки имѣется цѣлый регламентъ. Честь поднесенія ея королю предоставлена его дѣтямъ и внукамъ, (*дѣтямъ и внукамъ Франціи*); если же такихъ нѣтъ, то принцамъ крови или же узаконеннымъ дѣтямъ короля, а за неимѣніемъ ихъ рубашку подаетъ оберъ-камергеръ или старшій камеръ-юнкеръ.

*) При всѣхъ перемѣнахъ одежды короля, лѣвая его сторона предоставляется служащимъ при гардеробной части, а правая тѣмъ, которые состоятъ при покояхъ короля.

Впрочемъ, послѣднее бываетъ очень рѣдко, такъ какъ принцы обязаны присутствовать при утреннемъ вставаніи короля, точно также какъ принцессы при королевѣ. Но вотъ рубашка поднесена королю; одинъ изъ гардеробныхъ служителей уноситъ ту, которая была раньше на королѣ, а два главныхъ камеръ-лакея—служащій при гардеробѣ и служащій при покоехъ короля, держатъ новую рубашку, одинъ за правый, другой за лѣвый рукавъ, а въ это время два другихъ камердинера держатъ передъ королемъ его халатъ, растянутый въ видѣ ширмы. Наконецъ, рубашка надѣта и начинается окончательный туалетъ. Одинъ изъ камердинеровъ держитъ передъ королемъ зеркало и двое другихъ освѣщаютъ его, если это нужно съ обѣихъ сторонъ, свѣчами. Камердинеры по гардеробной части приносятъ остальные предметы одежды короля. Оберъ-гардеробмейстеръ надѣваетъ ему жилетъ и полукафтанъ, затѣмъ пристегиваетъ ему ордена и прицѣпляетъ шпагу. Камердинеръ, представленный къ галстукамъ, приноситъ ихъ нѣсколько штукъ въ корзину и оберъ-гардеробмейстеръ надѣваетъ королю тотъ, который онъ самъ выберетъ. Затѣмъ камердинеръ, состоящій при носовыхъ платкахъ, приноситъ три такихъ платка на блюдечкѣ и оберъ-гардеробмейстеръ подноситъ это блюдечко королю, который и выбираетъ платокъ. Послѣ того оберъ-гардеробмейстеръ подаетъ королю шляпу, тросточку и перчатки. Король идетъ въ проходъ за кроватью, становится на колѣни на подушку и произноситъ молитву, въ то время какъ одинъ изъ священниковъ тихимъ голосомъ читаетъ: „*Quaesumus Deus omnipotens*“. Исполнивъ это, король устанавливаетъ распорядокъ дня и переходитъ въ свой кабинетъ въ сопровожденіи первыхъ вельможъ своего двора. Иногда онъ даетъ аудіенціи; всѣ же остальные, въ это время, ожидаютъ въ галлерей, чтобы сопровождать его къ обѣднѣ, когда онъ выйдетъ изъ кабинета.

Таковъ утренній выходъ короля, представляющій настоящую пьесу въ пять актовъ. Безъ сомнѣнія, трудно выдумать что нибудь лучше, чтобы наполнить пустоту жизни аристократіи: около сотни знатныхъ вельможъ потратили два часа времени на при-

ходъ, ожиданіе, входъ къ королю и дефилированіе передъ нимъ, на ранжированіе, стояніе на ногахъ и сохраненіе на своихъ лицахъ почтительнаго и непринужденнаго выраженія, какое подобаешь имѣть фигурантамъ высшаго разряда. Спустя нѣсколько минутъ послѣ этого, наиболѣе знатные изъ нихъ отправляются возобновлять ту же церемонію у королевы *). Но по закону возмездія и королю приходится испытывать на себѣ послѣдствія этихъ стѣсненій и бездѣятельности, которыя онъ самъ навязалъ аристократіи. Ему тоже, вѣдь, приходится играть роль; каждый его шагъ, каждый его жестъ всегда заранѣе установлены. Онъ долженъ постоянно наблюдать и за своимъ лицомъ и за своимъ голосомъ и сохранять неизмѣнно величественное и въ тоже время привѣтливое выраженіе. Онъ долженъ также съ извѣстною сдержанностью распредѣлять свои взгляды и свои кивки головы, ничего не говорить или говорить только объ охотѣ и заглушить въ своей головѣ всякую мысль, если только она у него есть. Нельзя, вѣдь, ни мечтать, ни раздумывать, ни быть разсѣяннымъ, когда находишься на сценѣ! Надо отдаваться своей роли. Притомъ, въ салонѣ ведутся только салонные разговоры и вниманіе хозяина, вмѣсто того, чтобы сосредоточиваться въ какомъ-нибудь полезномъ направленіи, разлетается брызгами, словно святая вода съ кропила, на всѣхъ его придворныхъ. И всѣ часы его дня похожи одинъ на другой, за исключеніемъ двухъ-трехъ часовъ утромъ, когда онъ засѣдаетъ въ совѣтѣ или въ своей канцеляріи. Слѣ-

*) Королева завтракаетъ въ постели и „при этомъ первомъ входѣ присутствуютъ десять или двѣнадцать особъ... Большой входъ бываетъ во время туалета королевы: тогда впускаются принцы крови, капитаны гвардіи и большинство важныхъ должностныхъ лицъ. Въ общемъ, у королевы бываетъ утромъ три входа. При надѣваніи рубашки соблюдается такой же церемоніаль, какъ и у короля. Въ одно зимнее утро г-жа Кампанъ подавала сорочку королевѣ; входитъ статсъ-дама, снимаетъ свои перчатки и беретъ сорочку изъ рукъ г-жи Кампанъ. Стукъ въ двери,—это герцогиня Орлеанская. Она также снимаетъ перчатки и прививаетъ рубашку. Еще стучатся:—это графиня д'Артуа, которая, на основаніи принадлежащей ей привилегіи, беретъ рубашку королевы изъ рукъ герцогини. А въ это время королева дрожитъ отъ холода, скрестивъ на груди руки и шепчетъ: „это ужасно! какая скука!“

дуетъ замѣтить еще, что на другой день послѣ охоты, когда онъ возвращается изъ Рамбулье въ три часа утра, ему приходится спать въ теченіе этихъ немногихъ свободныхъ часовъ. Посланникъ Мерси, самъ человекъ очень занятой, находитъ, однако, что этого вполне достаточно; по его словамъ Людовикъ XVI ведетъ правильный образъ жизни и не тратитъ времени на пустяки“. Въ самомъ дѣлѣ, предшественникъ Людовика XVI работалъ гораздо меньше; едва только одинъ часъ въ день.

Такимъ образомъ три четверти времени короля отдаются параду. Та же свита толпится около него и при обуваніи сапогъ, и при разуваніи, когда онъ перемѣняетъ одежду, чтобы ѣхать верхомъ и при новомъ переодеваніи въ вечерній костюмъ, и когда онъ возвращается въ свою комнату, чтобы лечь въ постель. „Каждый вечеръ, въ теченіе шести лѣтъ, говоритъ одинъ пажъ,—я и мои товарищи, мы присутствовали при томъ, какъ Людовикъ XVI ложился въ постель, что онъ дѣлалъ публично, и при выполненіи такого же церемоніала. Если церемоніаль и бывалъ отмѣненъ, что случилось не болѣе десяти разъ за все время, то всегда по какой нибудь особенной причинѣ или вслѣдствіе нездоровья“. Но свита бываетъ еще болѣе многочисленна, когда король обѣдаетъ или ужинаетъ, такъ какъ, кромѣ мужчинъ, тутъ присутствуютъ и женщины, причемъ герцогини возсѣдаютъ на складныхъ табуреткахъ, другія же стоятъ вокругъ стола. Мнѣ нечего говорить, что по вечерамъ, когда бываетъ игра или концерты, толпа увеличивается и тѣснота становится еще больше. Когда король охотится, то, кромѣ дамъ, ѣдущихъ въ экипажахъ и верхомъ, кромѣ егерей, гвардейцевъ, конюшаго, плащеносца, оруженосца, хирурга, костоправа, обершенка и разныхъ другихъ лицъ, всѣ дворяне, которые когда либо были представлены королю, считаются приглашенными имъ разъ навсегда. Не думайте, чтобы ихъ было мало *). Въ тотъ день, когда былъ представленъ Шатобрианъ, кромѣ него были представлены еще четверо другихъ и всѣ,

*) Всѣ наши мужья регулярно отправлялись въ этотъ день (суббота) спать во дворецъ, для того, чтобы на другой день охотиться съ королемъ, пишетъ г-жа де Жанлисъ.

это были молодые люди знатнаго происхождения, непременно считали своимъ долгомъ, два или три раза въ недѣлю, присоединяться къ свитѣ короля.

Не только тѣ восемь или десять актовъ, изъ которыхъ слагается каждый день короля, бываютъ переполнены толпой, осаждающей короля, но и въ короткіе промежутки времени, отдѣляющіе одинъ актъ отъ другого, толпа не оставляетъ его. Его ожидаютъ, сопровождаютъ всюду, обращаются къ нему, когда онъ проходитъ изъ своего кабинета въ капеллу и обратно, или же садится въ экипажъ, или отправляется въ столовую. Мало того: даже закулисная сторона его жизни принадлежитъ публикѣ. Если онъ нездоровъ и ему приносятъ бульонъ, если онъ серьезно боленъ и ему приносятъ лекарство, то „одинъ изъ его камердинеровъ немедленно же призываетъ „большой входъ“.—По истинѣ, король похожъ на дубъ, заглушенный безчисленными ползучими растеніями, опутавшими его стволъ отъ самаго основанія до вершины. При такихъ условіяхъ, конечно, не хватаетъ воздуха, слѣдовательно надо было найти какой нибудь выходъ. Людовикъ XV находитъ его въ „маленькихъ ужинахъ“ и охотѣ; Людовикъ XVI—въ охотѣ и въ слесарномъ мастерствѣ. Но я не описалъ еще въ подробностяхъ безконечный этикетъ и изумительный церемоніаль большихъ обѣдовъ. Пятнадцать, двадцать и тридцать человекъ бываютъ заняты около стакана и тарелки короля, причемъ произносятся сакраментальныя слова и торжественная процессія вноситъ блюда, приносится „корабль“ и совершается церемонія пробы кушаній: совершенно, какъ при византійскомъ или китайскомъ дворѣ. *). Въ воскресенье, вся публика, даже обыкновенная, допускается въ обѣденную залу и это называется „большимъ столомъ“, столь

*) „Большой столъ“ бывалъ каждое воскресенье.—„Корабль“, особенный судокъ ювелирной работы, ставился посрединѣ стола и содержалъ въ себѣ салфетки для короля, положенныя между ароматными подушечками. При „пробѣ кушаній“, каждый изъ дежурныхъ дворянъ и мундшенковъ долженъ былъ отвѣдать кушанье, подаваемое королю, прежде чѣмъ король начнетъ его ѣсть. Тоже самое и съ питьемъ.—Требуется четыре лица для того только, чтобы подать королю стаканъ воды или вина.

же торжественнымъ и столь же сложнымъ, какъ и парадная обѣдня. Такимъ образомъ, каждый изъ потомковъ Людовика XVI, когда пьетъ, ѣстъ, ложится спать или встаетъ, совершаетъ какъ бы торжественное священнодѣйствіе *). Фридрихъ II, познакомившись со всѣми подробностями этого этикета, сказалъ, что если бы онъ былъ французскимъ королемъ, то его первую заботою было бы приискать другого короля, который вмѣсто него держалъ бы дворъ. Въ самомъ дѣлѣ, для всѣхъ этихъ ничѣмъ не занятыхъ людей, которые только и дѣлаютъ, что кланяются, надо такого же незанятаго человѣка, которому они могли бы кланяться. Существуетъ только одно средство избавить французскаго короля отъ такой роли, это—переплавить французское дворянство и преобразовать его, по прусскому образцу, въ отрядъ трудолюбивыхъ и полезныхъ чиновниковъ. Но пока дворъ остается тѣмъ, чѣмъ онъ есть, именно: парадною свитой и украшеніемъ королевскаго салона, до тѣхъ поръ король долженъ оставаться блестящей декорацией, которая приноситъ лишь очень малую пользу или даже совсѣмъ никакой.

V.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ же могутъ состоять занятія хозяина дома, умѣющаго жить? Онъ забавляется самъ и забавляетъ своихъ гостей. У него ежедневно устраиваются какія либо развлечения

Для примѣра укажемъ на развлечения одной какой нибудь недѣли: „Вчера, въ воскресенье, говоритъ герцогъ де-Люинъ,—я встрѣтилъ по дорогѣ короля, который отправлялся стрѣлять въ Сень-Дени. Онъ ночевалъ въ Ля-Мюэттѣ, гдѣ рассчитываетъ продолжать охотиться сегодня и завтра и вернется сюда во вторникъ или среду утромъ, чтобы поохотиться на оленей въ тотъ же день, т. е. въ среду“. Черезъ два мѣсяца послѣ этого, де-Люинъ говоритъ: „король провелъ

*) Когда придворныя дамы и въ особенности принцессы, проходятъ мимо постели короля, то они должны дѣлать реверансы. Когда же придворныя служащія проходятъ мимо „корабля“—королевскаго судка, то они также обязаны отдавать ему честь и кланяться, подобно священникамъ или причастникамъ, проходящимъ мимо алтаря.

на охотѣ всю прошлую и всю нынѣшнюю недѣлю, за исключеніемъ только сегодняшняго дня и воскресенія. Съ открытіемъ охоты на куропатокъ, онъ уже успѣлъ убить 3,500 штукъ“.—Король постоянно находился либо въ дорогѣ, либо на охотѣ, переѣзжая изъ одной резиденціи въ другую, изъ Версаля въ Фонтенебло, въ Шуази, Марли, Ла-Мюэттѣ, Компьень, Трианонъ, Сень-Гюберъ, Бельвю, Рамбулье причемъ въ большинствѣ случаевъ, его сопровождаетъ весь дворъ.

Въ Шуази, на примѣръ, и въ Фонтенебло, вся эта публика предается веселью. Въ Фонтенебло по воскресеньямъ и пятницамъ бываетъ игра. По понедѣльникамъ и средамъ—концертъ у королевы; по вторникамъ и четвергамъ—французская комедія; по субботамъ—итальянское представленіе; однимъ словомъ, развлеченій хватить на всѣ дни недѣли.— „Въ Шуази, пишетъ супруга дофина—съ момента обѣда, никто не возвращается домой до часу ночи.. Послѣ обѣда, начинается карточная игра, которая продолжается до шести часовъ, потомъ отправляются смотрѣть спектакль, что затягивается до девяти съ половиною часовъ, а затѣмъ ужинаютъ и опять играютъ до часу и даже долѣе иногда“.—Въ Версали, гдѣ ведутъ болѣе умѣренный образъ жизни, спектакль бываетъ только два раза въ недѣлю, а балъ—одинъ разъ. Но за то каждый вечеръ бываетъ пріемъ и карточная игра у короля, у его дочерей, у его любовницы, у его невѣстки, не говоря уже объ охотахъ и трехъ маленькихъ увеселительныхъ поѣздкахъ въ недѣлю. Было сосчитано, что въ нѣкоторые годы, Людовикъ XV проводилъ не болѣе 52-хъ ночей въ Версали; австрійскій же посланникъ весьма резонно замѣчаетъ по этому поводу, что „образъ жизни короля таковъ, что рѣшительно не оставляетъ ему времени заниматься серьезными дѣлами“.—Что касается Людовика XVI, то, какъ мы видѣли, онъ посвящалъ этимъ занятіямъ нѣсколько утреннихъ часовъ, но машина заведена и увлекаетъ его въ своемъ движеніи. Какъ ускользнуть отъ своихъ гостей и какъ отказаться отъ своей роли хозяина, въ своемъ же собственномъ домѣ? Приличіе и обычаи также деспотичны, но къ этому надо еще прибавить и третій поводъ, еще болѣе деспотичный:—пове-

лительный, живой и веселый характер королевы, которая не может даже одного часа заняться чтением. Въ Версали даются для нея три спектакля и два бала въ недѣлю, два парадныхъ ужина, во вторникъ и въ четвергъ и, кромѣ того, отъ времени до времени, она посѣщаетъ парижскую оперу. Въ Фонтенебло бываютъ по три спектакля въ недѣлю, а въ другіе дни устраивается карточная игра и ужинъ. Зимой королева даетъ еженедѣльно костюмированный балъ, и на подготовку къ этому балу: „придумываніе костюмовъ, организацію кадрили съ замысловатыми фигурами и репетиціи уходитъ обыкновенно вся недѣля, предшествующая балу“. Во время карнавала 1777 года, королева, кромѣ собственныхъ празднествъ посѣщала еще балы даваемые въ Пале-Рояль и балъ-маскарады Парижской оперы. Нѣсколько позднѣе былъ балъ у графини Діаны де Полиньякъ, на которомъ также присутствовала королева со всею семьей, за исключеніемъ тетокъ короля. Этотъ балъ продолжался съ одиннадцати съ половиною часовъ вечера, до одиннадцати часовъ слѣдующаго утра. Въ обыкновенные дни идетъ сильная игра въ карты, особенно въ фараонъ. Въ салонѣ королевы увлеченіе игрой не знаетъ границъ и въ одинъ только вечеръ герцогъ Шартрскій проигрываетъ восемь тысячъ луидоровъ. Поистинѣ эта жизнь походитъ на итальянскій карнавалъ со всѣми его атрибутами; играютъ въ карты, веселятся, танцуютъ, слушаютъ музыку, костюмируются, устраиваютъ пикники, говорятъ любезности и сплетничаютъ.

„Новая пѣсня, послѣдняя острота, скандальные анекдоты — вотъ что составляетъ единственное содержаніе разговоровъ въ интимномъ кружкѣ королевы“, говоритъ одна изъ ея камерфрау, женщина серьезная и образованная, король же, нѣсколько тяжеловѣсный и нуждающійся въ физическихъ упражненіяхъ, главнымъ образомъ занимается охотой. Разсматривая его охотничьи походы съ 1775 по 1789 г., мы находимъ слѣдующія помѣтки: „104 охоты на кабановъ, 134 — на оленей, 266 — на дикихъ козъ, 33 травли съ молодыми собаками и 1025 ружейныхъ охотъ; въ общемъ: 1562 дня охоты, т. е. по одной охотѣ черезъ каждые три дня. Кромѣ того, онъ со-

вершилъ въ этотъ же промежутокъ времени 149 путешествій безъ охоты и 223 верховыхъ прогулки или въ экипажѣ. „Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ въ году, онъ ѣздилъ въ Рамбулье два раза въ недѣлю и возвращался оттуда только послѣ ужина, т. е. въ три часа утра“. Эта укоренившаяся привычка въ концѣ концовъ превратилась въ манію или даже въ нѣчто худшее. — Трудно найти гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, пишетъ Артуръ Юнгъ, 26-го Іюня 1789 г. — примѣръ такой глупости и безпечности, какія обнаруживаетъ здѣшній дворъ. Настоящій моментъ требуетъ самой большой рѣшительности, а между тѣмъ, вчера, когда обсуждался вопросъ, быть ли королю чѣмъ-то въ родѣ венеціанскаго дожа или же оставаться французскимъ королемъ, онъ самъ находился на охотѣ. Его дневникъ — настоящій дневникъ Неккера. Просмотрите его записи въ дни, когда совершались наиважнѣйшія событія и вы будете поражены. Онъ ставитъ „ничего“ въ тѣ дни, когда онъ не охотился, потому что для него эти дни не имѣютъ ровно никакого значенія: 11-го Іюля 1789 г. — *ничего*; отъѣздъ г. Неккера. 12-го — вечерня и ночное богослуженіе; отъѣздъ г. де-Монморена, де-Сенъ Приста и де-ла-Люцерна. — 13-го *ничего*; 14-го Іюля — *ничего*; 29-го Іюля — *ничего*; возвращеніе г. Неккера... 4-го Августа охота на оленей въ лѣсахъ Марли; затравилъ одного. Туда и назадъ ѣхалъ верхомъ... 13-го Августа аудіенція Штатамъ въ галлерей. Молебень во время обѣдни, которую служили внизу. Охотничья команда затравила оленя въ Марли... 26-го Августа аудіенція Штатамъ для выраженія привѣтствія, торжественное богослуженіе въ присутствіи кавалеровъ ордена св. Людовика; присяга г. Баильи; вечернее и ночное богослуженіе, парадный ужинъ... 5-го Октября охотился съ ружьемъ у воротъ Шатильона, убилъ 82 штуки, охота прервана событіями; туда и назадъ верхомъ. 6-го Октября — отъѣздъ въ Парижъ, въ 12½ часовъ, посѣщеніе городской ратуши; ужиналъ и ночевалъ въ Тюльери. 7-го Октября — *ничего*; мои тетки пріѣзжали къ обѣду. 8-го Октября — *ничего*; 12-го — *ничего*; въ Палѣ-Рояль травил оленей“.

Запертый въ Парижѣ, сдѣлавшись плѣнникомъ толпы, король все же своимъ сердцемъ слѣдуетъ за своею

охотничьей сворой. Двадцать разъ, въ 1790 г., въ его дневникѣ записано, что въ такой то день и въ такомъ то мѣстѣ происходитъ охота на оленей; онъ страдаетъ отъ того, что не можетъ тамъ присутствовать! Ни одно лишеніе не кажется ему столь невыносимымъ, слѣды огорченій, испытанныхъ имъ въ этомъ отношеніи можно найти даже въ томъ протестѣ, который былъ написанъ имъ передъ отъѣздомъ въ Вареннъ. Перевезенный въ Парижъ и вынужденный оставаться въ Тюльери, король не только былъ лишенъ тѣхъ удобствъ, къ которымъ привыкъ, но даже не находилъ тѣхъ развлеченій, которыми могутъ пользоваться большинство достаточныхъ людей“. Ему, конечно, должно было казаться, что, лишившись этого, его корона потеряла лучшее свое украшеніе.

VI.

Каковъ генераль, таковъ и главный штабъ; знатные вельможи только подражаютъ монарху. Слово колоссальное изображеніе изъ драгоценнаго мрамора, воздвигнутое въ центрѣ Франціи, уменьшенные снимки котораго распространяются въ тысячахъ экземпляровъ во всѣхъ провинціяхъ, королевская жизнь копируется и повторяется въ уменьшенномъ видѣ въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ, въ дворянскихъ семьяхъ. И тамъ также играетъ главную роль представительство и приемы; всѣ стараются быть на виду и проводить время въ обществѣ. Вокругъ королевскаго двора существуетъ около дюжины дворовъ разныхъ принцевъ. Каждый принцъ или каждая принцесса крови имѣютъ, также какъ и король, свой собственный дворъ, оплачиваемый совершенно или же только частью деньгами государственной казны, и состоящій изъ множества отдѣльныхъ службъ, со своими камергерами, пажамъ, статсъ-дамами—словомъ, въ каждомъ находилось не менѣе пятидесяти, ста, двухсотъ и до пятисотъ должностей. Такого рода дворъ имѣется и у королевы, и у принцессы Викторіи, у принцессы Аделаиды, у принцессы Елизаветы, у старшаго изъ братьевъ короля и у его супруги, у графа д'Артуа и у графини д'Артуа. Такой же штатъ будетъ устроенъ и для королевской дочери, для маленькаго дофина и для герцога Нармандскаго,

всѣхъ трехъ дѣтей короля; для герцога Ангулемскаго и герцога Беррійскаго—двухъ сыновей графа д'Артуа. Уже съ шести или семилѣтняго возраста дѣти начинаютъ представлять и принимать у себя. Взявъ какое нибудь опредѣленное время напр. 1771 г., я нахожу, что отдѣльный дворъ былъ еще у герцога Орлеанскаго, у герцога Бурбонскаго, у герцогини Бурбонской, у принца Конде, у графа де Клермонъ, у вдовствующей принцессы Конти, у принца Конти, у графа де-ла-Маршъ и у герцога де Пентьевръ.—Каждый изъ этихъ лицъ, кромѣ отдѣльнаго помѣщенія у короля, имѣетъ еще и свой замокъ и свой дворецъ, въ которомъ и принимаетъ общество. Королева принимаетъ въ Трианонѣ и Сень-Клу, тетки короля принимаютъ въ Бель-вю, братъ короля—въ Люксембургъ и въ Брюнуа, графъ д'Артуа—въ Медонѣ и Багателль, герцогъ Орлеанскій—въ Пале-Рояль, въ Монсо, въ Ренси, въ Вилье-Коттере, принцъ Конти въ Тамплъ и въ Иль-Адамъ, Конде въ бурбонскомъ дворцѣ и въ Шантильи, герцогъ Пентьеврскій въ Со, Ане и Шатовиленѣ. Я опускаю половину такихъ резиденцій. Въ Пале-Рояль всѣ лица, которыя были представлены герцогу и герцогинѣ, могутъ являться къ ужину въ дни оперныхъ спектаклей. Въ Шатовиленѣ, всѣ, кто пріѣзжаетъ свидѣтельствовать свое почтеніе, приглашаются къ обѣду; дворяне приглашаются къ столу герцога, а прочіе обѣдаютъ за столомъ его старшаго камергера.

Въ Тамплъ по понедѣльникамъ, ужинаетъ 150 человѣкъ. „Домашній кругъ принцессы состоитъ обыкновенно изъ сорока или 50 человѣкъ“, говоритъ герцогиня де-Мэнъ. Свита принцевъ до такой степени нераздѣльно связана съ ними, что сопровождаетъ ихъ всюду, даже въ лагеря.—„Принцъ Конде, говоритъ де-Люинъ,—уѣзжаетъ завтра въ армию съ большою свитой; у него 125 лошадей, а у графа де-ла-Маршъ—сто. Герцогъ Орлеанскій уѣзжаетъ въ понедѣльникъ; онъ имѣетъ 350 лошадей для себя и для своей свиты“. За родственниками короля слѣдуютъ и всѣ знатные вельможи, фигурирующіе при дворѣ. У себя дома, въ своихъ отеляхъ въ Парижѣ или Версали и въ своихъ замкахъ за нѣсколькими милями

отъ Парижа они устраиваютъ такую же обстановку. И повсюду, въ мемуарахъ, можно прослѣдить, въ уменьшенномъ видѣ, такую жизнь вельможъ, представляющую какъ бы снимокъ съ жизни королевскаго двора. Такова была жизнь герцога де-Жевръ, перваго камергера, губернатора Парижа и Иль-де-Франса, который, кромѣ того, занималъ должность особаго губернатора въ Лаони, Суассонѣ, Нойонѣ, Крепи въ Валуа, а также владѣлъ егермейстерствомъ въ Муссо и получалъ 20,000 ливровъ пенсіи, это былъ настоящій придворный, который могъ служить рельефнымъ изображеніемъ людей своего класса и по количеству занимаемыхъ имъ должностей, милостивому расположенію короля, по своей роскоши, долгамъ, и по своему почету въ обществѣ, вкусамъ, занятіямъ и по складу своего ума, онъ можетъ служить для насъ, хотя и въ сокращенномъ видѣ, образчикомъ большого свѣта. Его память была изумительна по части родства и генеалогіи. Онъ владѣлъ въ совершенствѣ драгоценною наукой этикета и на этомъ основаніи считался оракуломъ, и какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, къ нему прибѣгали очень часто. Онъ значительно увеличилъ красоту своего дома и своихъ садовъ въ Сентъ-Уанѣ. — „Передъ самой смертію, говоритъ де-Люинъ,—онъ еще расширилъ ихъ, прибавивъ къ нимъ 25 десятинъ, вокругъ которыхъ началъ строить крытую террасу... у него былъ большой штатъ, состоящій изъ дворянъ, пажей и слугъ всякаго рода; расходы были очень велики... Онъ давалъ ежедневно парадные обѣды... почти каждый день у него бывали частныя аудіенціи. Не было никого, ни при дворѣ, ни въ городѣ, кто бы не считалъ нужнымъ явиться къ нему на поклонъ. Даже министры и принцы крови являлись къ нему, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе. Онъ начиналъ принимать посѣтителей, еще лежа въ кровати, писалъ и диктовалъ среди многочисленнаго общества... Его парижскій домъ и квартира въ Версали всегда были переполнены людьми съ того момента, какъ онъ просыпался и до того момента, когда онъ отходилъ ко сну“.

Двѣсти или триста домовъ въ Парижѣ, Версали и окрестностяхъ пред-

ставляли такое же зрѣлище. Одиночества никогда не было. Таковъ ужъ во Франціи обычай! говоритъ Горасъ Вальполь—надо сжигать свою свѣчку публично до послѣдняго огарка“.— Дворецъ герцогини де Грамонъ осаждается съ утра самыми знатными вельможами и самыми знатными дамами. Пять разъ въ недѣлю, у герцога Шуазель, въ десять часовъ вечера, метръ д'отель входилъ въ огромную галерею, наполненную гостями и въ салоны, и окинувъ взоромъ толпу, наугадъ, заставлялъ накрывать столъ на пятьдесятъ, шестьдесятъ, восемьдесятъ приборовъ. Этому примѣру вскорѣ стали слѣдовать и всѣ богатые дома, считая долгомъ чести держать открытый столъ для всѣхъ приходящихъ. Само собою разумѣется, что разные выскочки, финансисты, купившіе себѣ титулъ или просто присвоившіе себѣ названіе своего помѣстья, всѣ эти откупщики казенныхъ доходовъ и ихъ сыновья, которые со временъ Ло трутятся около дворянства, неизмѣнно старались подражать ему. Я не говорю уже о Буре, Божонѣ, Сентъ-Джемсѣ, и другихъ палачахъ, убивающихъ деньги, о мотахъ и расточителяхъ, обстановка которыхъ даже затмѣваетъ обстановку принцевъ крови. Обратите вниманіе на г. д'Эпинэ. Это простой откупщикъ, жена котораго умная и скромная женщина, не желаетъ подобной пышности. Онъ пополнилъ свой служебный персоналъ и непременно хотѣлъ, чтобы она взяла еще вторую горничную, но она стояла на своемъ и не согласилась. „Между тѣмъ, въ этомъ домѣ, гдѣ персоналъ домашнихъ слугъ былъ сокращенъ, число ихъ, мужчинъ и женщинъ, доходило все-таки до шестнадцати...“ — „Когда г. д'Эпине утромъ проснется, пишетъ его жена, то его лакей одѣваетъ его, а двое другихъ стоятъ тутъ же и ожидаютъ приказаній. Является первый секретарь, чтобы дать отчетъ о письмахъ, полученныхъ его господиномъ, которые онъ обязанъ былъ вскрывать. Но его прерываютъ, по крайней мѣрѣ, разъ двѣсти, приходящіе люди самаго разнообразнаго рода, какой только можно себѣ вообразить, то является барышникъ, у котораго имѣются для продажи единственныя въ своемъ родѣ лошади... Затѣмъ приходитъ какой-нибудь шалопай, который начи-

наеть горланить какую-то арію и которому надо оказать претекцію для поступленія въ оперу, послѣ того какъ онъ получилъ нѣсколько уроковъ хорошаго тона и узналъ въ чемъ заключается главное качество французскаго пѣнія. То приходитъ какая нибудь дѣвица, которую просятъ подждать, пока узнаютъ не ушла ли я... Я встаю и выхожу. Два лакея открываютъ передо мною двери настежь, хотя я могла бы свободно пройти сквозь игольное ушко въ то время... Два гайдука возглашаютъ въ передней; „Madame, Messieurs, Voilà Madame!“ Всѣ становятся шпалерами. Тутъ все разные торговцы: матеріями, инструментами, ювелиры, разносчики, лакеи, чистильщики, кредиторы—словомъ все, что только можно вообразить себѣ самого жалкаго и смѣшнаго. Бьетъ полдень, а иногда часъ—туалетъ же моего мужа все еще не конченъ, секретарь, знающій по опыту, что никакой обстоятельный докладъ о дѣлахъ невозможенъ при такихъ условіяхъ, заранѣе приготовляетъ маленькую записочку, которую онъ и вручаетъ своему господину, чтобы научить его, что онъ долженъ будетъ говорить въ собраніи откупщиковъ“.

Праздность, беспорядокъ, долги, церемоніаль, манерность и покровительственный тонъ—все это является настоящею пародіей на большой свѣтъ. Впрочемъ, тутъ мы находимся уже на послѣдней ступени аристократіи, но тѣмъ не менѣе, дворъ г. д'Эпина составляетъ снимокъ со двора короля, но только въ маломъ видѣ.

Министры, посланники, генералы, которые служатъ представителями короля, конечно, имѣютъ уже гораздо болѣе пышную и грандіозную обстановку. Никакое другое обстоятельство не могло такъ содѣйствовать блеску стараго режима, но въ то же время ничто такъ и не дѣлало его обременительнымъ для страны, какъ вся эта пышность, проявлявшаяся какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Людовикъ XIV является главнымъ виновникомъ какъ зла, такъ и добра, въ этомъ отношеніи. Политика, положившая начало двору, предписывала пышность *).

*) У маршала де Буффле, въ Компьенскомъ лагерѣ (Сентябрь, 1698), каждое утро и

тѣлъ ему понравиться, тотъ долженъ былъ раззоряться на наряды, на столъ, на экипажи, на постройки, на игру. Это все служило поводомъ привлечь вниманіе короля. Отъ двора зараза перешла въ провинцію и въ армію, гдѣ люди, какія бы мѣста они не занимали, пользовались уваженіемъ только сообразно съ роскошью своей обстановки и своего стола“. Въ продолженіи года, который маршалъ де Белль-Иль провелъ во Франкфуртѣ, по случаю выборовъ Карла VI, онъ израсходовалъ 750,000 ливровъ на путешествія, перевозку вещей, празднества, обѣды и постройку обѣденной залы и кухни, кромѣ того 150,000 ливровъ были имъ издержаны на шкатулки, часы и другіе подарки. Однако, по приказанію экономнаго кардинала Флери, онъ имѣлъ ни больше, ни меньше какъ 101 служащихъ въ своихъ кухняхъ. Въ Вѣнѣ, въ 1772 году, посланникъ, принцъ де Роганъ, держалъ двѣ коляски, стоимостью въ 40,000 ливровъ, 40 лошадей, 7 пажей благороднаго происхожденія, 6 дворянъ, 5 секретарей, 10 музыкантовъ, 12 лакеевъ и 4 скорохода, ливреи которыхъ, расшитыя галунами, обошлись каждая въ 4,000 ливровъ и все остальное соотвѣтствовало этому. Извѣстна также роскошь, изящный вкусъ, утонченные обѣды и необыкновенно роскошная обстановка кардинала де Берни въ Римѣ. „Его называли римскимъ королемъ“ и онъ дѣйствительно былъ имъ по своему великолѣпію и потому почету, который ему оказывали....—„Его столъ давалъ идею о предѣлахъ возможнаго... Во время празднествъ, церемоній, иллюминацій, онъ всегда оказывался внѣ всякихъ сравненій. — Онъ самъ говорилъ улыбаясь: „Я содержу французскую гостиницу на одномъ изъ перекрестковъ Европы“. Понятно, что жалованье этихъ лицъ съ разными добавленіями, превышало вдвое или даже втрое то, которое получаютъ обыкновенно люди, занимающіе эти

каждый вечеръ накрывали два стола на 20—25 кувертовъ, кромѣ добавочныхъ столовъ. У него было 72 повара, 340 слугъ, 400 дюжинъ салфетокъ, 80 дюжинъ серебряныхъ и шесть дюжинъ позолоченныхъ тарелокъ; четырнадцать лошадей ежедневно доставляли ему изъ Парижа ликеры и фрукты. Ежедневно нарочные привозили рыбу, птицу и дичь изъ Гента, Брюсселя, Дюнкирхена, Диепна и Кале. Въ обыкновенные дни выпивалось 50 дюжинъ бутылокъ вина, а во время визита принцевъ—80 дюжинъ.

должности. „Король даетъ 50,000 экю на большія посольства. Герцогъ де Дюрасъ получалъ до 200,000 ливровъ въ годъ за посольство въ Мадридъ и кромѣ того 100,000 наградныхъ, 50,000 на секретные расходы, да еще 400,000 или 500,000 ему было дано въ займы, на меблировку и другія вещи, изъ чего онъ удержалъ половину“. Издержки и жалованье министровъ таковы же. Въ 1789 г. канцлеръ получалъ 120,000 ливровъ жалованья, а хранитель государственной печати—135,000. Г. де Вилльдейль получалъ, въ качествѣ государственнаго секретаря—180,070 ливровъ, но онъ заявилъ, что эта сумма не покрываетъ его расходовъ, а его жалованье было увеличено до 226,000 ливровъ, включая все его содержаніе“. Притомъ же, существовало правило, чтобы при выходѣ въ отставку, король жаловалъ имъ пенсію въ 20,000 ливровъ и давалъ 200,000 франковъ приданаго за ихъ дочери. Но для ихъ образа жизни это было вовсе не такъ уже много. „Они вынуждены содержать такой огромный штатъ, что совершенно не могутъ обогатиться доходами съ занимаемаго ими мѣста. У нихъ у всѣхъ бываетъ открытый столъ въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ три раза въ недѣлю, а въ Версали и въ Фонтенебло—каждый день. Когда Ламуаньонъ былъ назначенъ канцлеромъ со 100,000 ливровъ годового жалованья, то немедленно было высказано мнѣніе, что онъ долженъ раззориться, „такъ какъ онъ взялъ къ себѣ весь кухонный персоналъ д'Агессо, одинъ столъ котораго обходился въ 80,000 ливровъ. Обѣдъ, который онъ давалъ въ Версали членамъ своего перваго совѣта, стоилъ ему 6,000 ливровъ, и, кромѣ того, онъ долженъ былъ постоянно держать въ Версали и Парижѣ открытый столъ, по крайней мѣрѣ, на двадцать человѣкъ. Въ Шамборѣ, у маршала де Саксъ, каждый день накрываются два стола, одинъ на 60, другой на 80 приборовъ. Въ его конюшняхъ имѣется 400 лошадей, а содержаніе его домашняго штата обходится ему въ 100,000 экю; кромѣ того, у него есть цѣлый уланскій полкъ, составляющій его гвардію. есть собственный театръ, стоившій болѣе 600,000 ливровъ, а жизнь, которую онъ ведетъ и которую ведутъ около него другіе, напоминаетъ вакханалію, изображенную Рубенсомъ.

Что касается генераль-губернаторовъ и особыхъ губернаторовъ въ провинціяхъ, то мы уже видѣли, что въ тѣхъ случаяхъ когда они живутъ въ своихъ округахъ, другого дѣла у нихъ нѣтъ, кромѣ пріемовъ. Норядомъ съ ними есть королевскій интендантъ, который только одинъ вѣдаетъ дѣла по управленію, онъ устраиваетъ у себя такіе же пышные пріемы, въ особенности въ такъ называемыхъ государственныхъ провинціяхъ, гдѣ сохранились провинціальныя собранія. Коменданты, генераль-лейтенанты и вообще всѣ уполномоченные центрального правительства, вездѣ поступаютъ одинаково; нравы, приличія и ихъ собственное бездѣлье вынуждаютъ ихъ къ тому, чтобы держать салонъ. Они всюду приносятъ съ собою изящество и гостепріимство Версаля. Если за ними слѣдуютъ ихъ жены, къ мѣсту служенія, то онѣ обыкновенно скучаютъ, „прозябая въ кругу пятидесяти человѣкъ, умѣющихъ говорить только пошлости, играть въ лото и проводить три часа за столомъ“.—Но всѣ „мѣстные военные, всѣ окрестные дворяне и всѣ городскія дамы, спѣшатъ на ихъ балы и взапуски прославляютъ ихъ граціи, вѣжливость и ровное обхожденіе со всѣми“. Даже у второстепенныхъ лицъ встрѣчаются такія же расточительныя привычки. Въ силу установленнаго обычая, полковники и даже капитаны держатъ у себя открытый столъ для своихъ подчиненныхъ офицеровъ и „расходуютъ гораздо болѣе, чѣмъ получаютъ“.—Это, между прочимъ, и служитъ одною изъ причинъ, почему полки предназначаются только для сыновей богатыхъ и знатныхъ домовъ, а роты только давались дворянамъ.

Отъ большого королевскаго дерева, такъ роскошно распустившагося въ Версали, отходятъ отпрыски, которые распространяются тысячами по всей Франціи, чтобы расцвѣсть тамъ также, какъ и въ Версали, въ видѣ великолѣпнаго комнатнаго букета, выставленнаго на показъ.

VII.

По этому образцу и подъ вліяніемъ тепличной температуры, всѣ аристократическіе стволы, даже въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ, покрываются пышными великолѣпными цвѣтами. За неимѣніемъ другихъ занятій, дворяне дѣлаютъ другъ другу визиты и главною обязанностью знатнаго вель-

можи становится умѣнѣе исполнять съ достоинствомъ роль любезнаго хозяина. Я говорю здѣсь о духовныхъ, также какъ и о свѣтскихъ особахъ. Сто тридцать одинъ епископъ и архіепископъ, семьсотъ аббатовъ, владѣющихъ комендами, представляютъ изъ себя свѣтскихъ людей. Они происходятъ изъ хорошей семьи, обладаютъ хорошими манерами, богаты, не отличаются строгостью нравовъ и ихъ епископскій дворецъ или аббатство служатъ для нихъ, просто на-просто, дачей, которую они реставрируютъ или украшаютъ, имѣя въ виду свое собственное пребываніе тамъ и пріемъ гостей. Въ Клерво, Домъ Рокуръ, очень вѣжливый съ мужчинами и еще болѣе любезный съ дамами, ѣздитъ не иначе какъ въ каретѣ четверней и впереди имѣетъ берейтора. Онъ заставляетъ своихъ монаховъ величать себя монсиньоромъ и держитъ настоящій дворъ. Картезіанскій монастырь въ Валь-Санъ-Пьеръ представляетъ роскошный дворецъ, среди обширныхъ владѣній, и настоятель его, Домъ Эффингеръ, проводитъ свои дни въ томъ, что принимаетъ гостей. Въ монастырѣ д'Ориньи, возлѣ Сенъ Квентена, „аббатисса имѣетъ слугъ, коляску, лошадей, принимаетъ гостей и приглашаетъ къ своему столу даже мужчинъ“.—Принцесса Христина, аббатисса въ Ремиремонъ и ея канониссы, постоянно разъѣзжаютъ. Но и въ аббатствѣ „проводятъ время весело“, принимаютъ много гостей, „въ собственныхъ покояхъ принцессы или же въ апартаментахъ, отведенныхъ для гостей“. Двадцать пять женскихъ дворянскихъ капитуловъ и 19 мужскихъ, представляютъ ничто иное, какъ столько же постоянныхъ свѣтскихъ салоновъ и мѣстъ, гдѣ встрѣчаются люди хорошаго общества, такъ какъ крошечная церковная перегородка едва отдѣляетъ ихъ отъ большого свѣта, откуда, собственно, они и вышли. Въ капитулѣ д'Аликсъ, близъ Ліона, канониссы являются на клиросѣ въ фижмахъ, „одѣтыя какъ въ свѣтскомъ обществѣ“, за исключеніемъ лишь того, что платье у нихъ сдѣлано изъ чернаго шелка, а ихъ мантильи подшиты горностаемъ. Въ капитулѣ д'Отмарсгеймъ, въ Эльзасѣ, „ваша недѣля,—говоритъ одна посѣтительница—прошла въ томъ, что мы гуляли, посѣщали развалины древ-

нихъ римскихъ сооружений, много смѣялись, даже танцовали, потому что въ аббатство пріѣзжало много гостей, но главнымъ образомъ разговаривали о тряпкахъ.—Близъ Саррлуи, канониссы Лутръ, обѣдаютъ съ офицерами и ничуть не отличаются особенною строгостью своихъ нравовъ.—Множество монастырей служатъ лишь пріятнымъ и приличнымъ убѣжищемъ для вдовъ, для молодыхъ женщинъ, мужья которыхъ находятся въ арміи, для дѣвушекъ знатнаго рода, и настоятельница сама большею частью знатная дѣвица, съ непринужденностью и искусствомъ держитъ свой скипетръ и управляетъ этимъ хорошенькимъ женскимъ міркомъ. Но нигдѣ пышность, гостепрѣимство и толпа не бываютъ такъ велики, какъ въ епископскихъ дворцахъ. Я описывалъ уже положеніе епископовъ. Богачи и обладатели феодальными правами, наслѣдники и преемники бывшихъ владѣльцевъ страны, они, кромѣ того, еще и свѣтскіе люди, завсегдатаи Версаля,—какже они могутъ не имѣть своего двора? Вѣдь большинство этихъ людей принадлежитъ къ княжескому роду и поэтому, развѣ они не должны имѣть княжеской обстановки? Вотъ почему они и ведутъ такой образъ жизни, охотятся, строятъ, имѣютъ кліентовъ, принимаютъ гостей, соблюдаютъ церемонію утренняго выхода, имѣютъ пріемную, переполненную людьми, имѣютъ приставовъ, служителей, открытый столъ, и очень часто бываютъ обременены долгами, что и составляетъ характерную черту, дополняющую портретъ знатнаго вельможи. Въ такомъ почти королевскомъ дворцѣ какой выстроили себѣ въ Савернѣ Роганы, наслѣдственные епископы Страсбурга, бывшіе кардиналами отъ дяди до племянниковъ включительно, имѣется 700 кроватей, 180 лошадей, 14 метръ д'отелей, 25 лакеевъ. „Вся провинція собирается тамъ, кардиналъ помѣщалъ у себя сразу до двухсотъ приглашенныхъ гостей, не считая лакеевъ. Въ всякое время можно было у него встрѣтить „отъ двадцати до тридцати самыхъ интересныхъ дамъ изо всей провинціи и очень часто это число еще увеличивалось дамами, принадлежащими къ парижскому двору“.—Вечеромъ въ девять часовъ все общество ужинало вмѣстѣ, что имѣло видъ настоящаго

празднества, лучшимъ украшеніемъ котораго былъ самъ кардиналъ. Великолѣпно одѣтый, красивый, любезный, утонченно вѣжливый онъ расточалъ свои улыбки, точно милости. „Его всегда привѣтливое, веселое лицо внушало довѣріе; это было настоящее лицо человѣка, который самую природою предназначенъ былъ для представительства“.

Таковъ же бываетъ образъ жизни и занятія наизнатнѣйшихъ свѣтскихъ вельможъ въ своихъ помѣстьяхъ, куда ихъ привлекаетъ лѣтомъ хорошая погода и желаніе поохотиться. Напр. Гаркуръ въ Нормандіи и Бриеннъ въ Шампани представляютъ два всего болѣе заселенныхъ замка. Туда съѣзжаются изъ Парижа самые знатные люди, выдающіеся литераторы и все дворянство округа посѣщаетъ ихъ самымъ ревностнымъ образомъ. Нѣтъ другой такой резиденціи, куда бы такъ охотно пріѣзжали на болѣе или менѣе продолжительное время цѣлыя стаи великосвѣтскихъ представителей и представительницъ, чтобы попить, поохотиться, потанцовать, поболтать, погулять, поиграть въ любительскихъ спектакляхъ. Можно прослѣдить перемѣны этихъ блестящихъ великосвѣтскихъ пташекъ, перепархивающихъ изъ одного птичника въ другой; они остаются на мѣстѣ недѣлю, мѣсяцъ, три мѣсяца, сверкая своими яркими крыльями и наполняя воздухъ своимъ щебетаніемъ, а затѣмъ улетаютъ дальше.

Достаточно бросить взглядъ на внѣшность всѣхъ этихъ дворянскихъ дворцовъ и замковъ, чтобы понять, что первѣйшею обязанностью вельможи въ то время считалось гостепріимство, точно также какъ первѣйшая ихъ потребность заключалась въ томъ, чтобы постоянно находиться въ обществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, роскошь окружающей ихъ обстановки отличается отъ той, которая существуетъ въ наше время. За исключеніемъ лишь нѣсколькихъ княжескихъ домовъ, обыкновенно они не отличаются богатствомъ своей мебелировки“. Но за то въ такомъ домѣ есть все, что только можетъ доставить удовольствіе и развлеченіе другимъ людямъ: лошади, экипажи, открытый столъ, масса помѣщеній, отдаваемыхъ людямъ, даже не принадлежащимъ къ дому и масса всевозможной прислуги, кромѣ того,

у хозяевъ всегда есть ложи на спектакли, которыя и отдаются ими своимъ друзьямъ. „Посредствомъ такого постояннаго тренія и взаимнаго соприкосновенія, дворяне, даже, самыхъ отдаленныхъ глухихъ угловъ провинціи, скоро теряютъ ржавчину, которая покрываетъ и ложится корой на ихъ собратьевъ въ Германіи и Англіи. Одна эльзасская дама, увидѣвшая во Франкфуртѣ смѣшанныхъ деревенскихъ вестфальскихъ дворянчиковъ, была поражена. Французскіе дворяне, даже изъ самыхъ отдаленныхъ провинцій, посѣщаютъ все-таки салоны коменданта и интенданта и встрѣчаются во время визитовъ съ дамами изъ Версаля, поэтому они и сохраняютъ нѣкоторый свѣтскій лоскъ и привычку къ хорошему манерамъ, такъ что оказываются болѣе или менѣе свѣдущими по части моды и костюма. Самый дикій изъ нихъ, все-таки спустится со шляпою въ рукъ до самаго низа своей лѣстницы, чтобы проводить своихъ гостей и поблагодарить ихъ за оказанную ему честь. Самый неуклюжій, находясь возлѣ дамы, непременно отыщетъ въ своей памяти, какойнибудь обрывокъ рыцарской любезности. Самый бѣдный изъ нихъ, ведущій уединенную жизнь, все же тщательно сохраняетъ свой голубой кафтанъ и свой орденскій крестъ св. Людовика, чтобы имѣть возможность надѣть его, если представится случай и ему нужно будетъ явиться засвидѣтельствовать свое почтеніе своему сосѣду, крупному владѣльцу или же какомунибудь принцу, случайно проезжающему черезъ эту мѣстность.“

Такимъ путемъ, феодальный главный штабъ подвергся полному превращенію весь цѣликомъ, начиная со своихъ первыхъ до послѣднихъ степеней. Если бы можно было охватить взоромъ всѣ тридцать или сорокъ тысячъ дворцовъ, отелей, замковъ, аббатствъ, то какую очаровательную и блестящую картину представила бы вся Франція тогда! Вся она была ничто иное какъ салонъ и въ ней не видно было никого другого, кромѣ салонныхъ гостей. Повсюду прежніе грубые вожди, пользовавшіеся властью, превратились въ изысканныхъ и любезныхъ хозяевъ дома. Они примкнули къ такому обществу, гдѣ, прежде чѣмъ выразить свое удивленіе передъ какимънибудь великимъ полководцемъ,

всегда считали нужнымъ спросить про него, „любезный ли онъ человѣкъ“? Конечно дворяне продолжаютъ носить шпагу, они храбры изъ самолюбія и традиціи и сумѣютъ умереть съ достоинствомъ, особенно на дуэли, соблюдая при этомъ всѣ установленныя формы. Но свѣтскій характеръ уже заслонилъ собою прежнія военныя основы, такъ что къ концу восемнадцатаго вѣка главнымъ талантомъ считалось только умѣнье жить и важнѣйшимъ занятіемъ были приемы гостей и визиты.

Глава вторая.

Салонная жизнь. — Эта жизнь достигаетъ высокой степени совершенства только во Франціи. — Причины этого, заложенныя въ самомъ характерѣ французовъ. — Салонная жизнь становится все болѣе пріятной и все поглощающей. — Подчиненіе ей всѣхъ другихъ интересовъ и обязанностей. — Индифферентизмъ къ общественнымъ дѣламъ. — Дѣла эти служатъ лишь матеріаломъ для остроумія. — Небрежность въ частныхъ дѣлахъ. — Безпорядокъ въ домашнемъ хозяйствѣ и мотовство. — Нравственный разводъ супруговъ. Ухаживанія. — Отдаленіе родителей отъ дѣтей. — Воспитаніе, его пробѣлы и его цѣль. Тонъ прислуги и поставщиковъ. Свѣтскій отпечатокъ лежитъ на всемъ. — Привлекательность этой жизни. — Умѣнье жить въ восемнадцатомъ вѣкѣ. — Совершенство этого искусства и его ресурсы. — Авторитетъ женщинъ въ обученіи этому искусству и въ выработкѣ его законовъ. — Понятіе о счастьи въ восемнадцатомъ вѣкѣ. — Привлекательность внѣшней обстановки и окружающаго общества. — Праздность, времяпрепровожденіе, болтовня. — Веселость въ восемнадцатомъ вѣкѣ. — Ея причины и послѣдствія. — Терпимость и распушенность. — Балы, праздники, охота, пиры, удовольствія. — Вольности судей и прелатовъ. — Главное развлеченіе. — Домашніе спектакли. — Шутки и излишества.

I.

Другія аристократіи въ Европѣ были приведены почти такими же обстоятельствами къ почти такимъ же нравамъ. И тамъ также монархія произвела на свѣтъ дворъ, который, въ свою очередь, породилъ утонченное общество, но это изящное растеніе тамъ развилось только на половину. Почва не была благопріятна, да и сѣмена были не лучшаго сорта. Въ Испаніи король остается заключеннымъ въ этикетъ, словно мумія въ свою оболочку, а черезъ чуръ непреклонная гордость, неспособная выйти изъ своего напряженнаго состоянія и снизойти до любезности свѣтской жизни, приводитъ только къ угрюмой скукѣ и бессмысленному чванству своею

роскошью и великолѣпіемъ. Въ Италіи, подѣ влияніемъ владычества деспотическихъ принцевъ, большею частью иностраннаго происхожденія, постоянная опасность и наслѣдственное недовѣріе связывали языки и въ концѣ-концовъ заставили аристократію обратиться къ тайнымъ радостямъ любви и безмолвному наслажденію изящными искусствами.

Въ Германіи и Англіи холодный темпераментъ, тяжеловѣсный и не скоро поддающійся культурѣ, удерживаетъ людей до самаго конца прошлаго столѣтія въ прежнихъ германскихъ привычкахъ уединенной жизни, пьянства и грубости. Наоборотъ, во Франціи, все содѣйствуетъ расцвѣту духа общественности; въ этомъ отношеніи національный характеръ оказывается вполне солидарнымъ съ политическимъ режимомъ, такъ что даже можетъ казаться, будто растеніе это было заранѣе выбрано для такой почвы.

Французъ любитъ находиться въ обществѣ уже по своему природному инстинкту и поэтому онъ всегда хорошо и безъ особенныхъ усилій справляется съ обязанностями, которыя налагаетъ на него общество. Онъ не подверженъ ни застенчивости, которая стѣсняетъ всѣ дѣйствія его свѣрныхъ сосѣдей, ни сильнымъ страстямъ, поглощающимъ его южныхъ сосѣдей. Ему не надо дѣлать надъ собою никакихъ усилій, чтобы разговаривать, у него нѣтъ природной робости, которую надо было бы побѣждать и нѣтъ привычки озабоченности, съ которою нужно было бы бороться. Онъ разговариваетъ поэтому легко, свободно, и самъ испытываетъ при этомъ удовольствіе. И это потому, что ему нужно счастье совсѣмъ особаго рода: тонкое, легкое, быстрое, непрерывно возобновляющееся и разнообразное, которое давало бы пищу его уму, его самолюбію и всѣмъ живымъ и пріятнымъ особенностямъ его духа. А такого сорта счастье можетъ доставить только свѣтъ и свѣтская бесѣда. При его чувствительности, вниманіи, деликатности, любезности и тонкая лесть ему нужны какъ воздухъ, которымъ онъ дышетъ и безъ котораго онъ не можетъ существовать. Быть невѣжливымъ для него такъ же непріятно и доставляетъ почти такое же страданіе, какъ если бы

ему самому пришлось испытать невѣжливое обращеніе. Привычка быть всегда любезнымъ доставляетъ ему самому удовольствіе, благодаря его инстинктамъ добродушія и тщеславія; притомъ же эта привычка заразительна. Когда мы нравимся, то и намъ хотятъ нравиться и то, что мы сами даемъ въ видѣ предупредительности, намъ возвращаютъ, въ свою очередь, знаками вниманія. Въ такомъ обществѣ можно разговаривать, потому что разговаривать—значить забавлять другого, забавляясь самому, а лучшаго удовольствія для француза не можетъ быть. Легкій и блестящій разговоръ составляетъ для него то же самое, что полетъ для птицы; быстрый и подвижный, онъ перекакиваетъ отъ одной идеи къ другой, возбуждаемый увлеченіемъ своихъ собесѣдниковъ, дѣлаетъ скачки, описываетъ круги и внезапно возвращается, то поднимаясь вверхъ, то также внезапно опускаясь внизъ, къ самой землѣ или скользя по вершинамъ, но никогда онъ не попадаетъ въ яму, не запутывается въ кустарникахъ и не требуетъ отъ тѣхъ безчисленныхъ предметовъ, которыхъ онъ слегка касается, ничего; кромѣ разнообразія и кромѣ пріятной веселости ихъ внѣшняго вида.

Одаренный такими способностями и склонностями, французъ какъ будто созданъ былъ для такого режима, который принуждалъ людей оставаться вмѣстѣ въ продолженіи десяти часовъ въ день. Его внутренняя природа находилась въ полномъ согласіи съ общественнымъ строемъ, и она то способствовала тому, что французскіе салоны достигли такой высокой степени совершенства. Во главѣ всего общества король самъ подавалъ первый примѣръ. Людовикъ XIV обладалъ всѣми качествами безукоризненнаго хозяина дома; онъ любилъ представительство и былъ пренеполненъ достоинства и снисходительности; онъ умѣлъ щадить самолюбіе другихъ, но въ то же время всегда сохранялъ за собою свое мѣсто. Его манеры были благородны и онъ владелъ въ высокой степени тактомъ и пріятностью обращенія и разговора. „Онъ говорилъ необыкновенно хорошо; когда онъ хотѣлъ посмѣяться, пошутить или же рассказывать что нибудь, то дѣлалъ это съ необычайною граціей, бла-

городствомъ, утонченностью, на какія онъ былъ способенъ“.—„Не бывало еще человѣка столь естественно вѣжливаго, вѣжливость котораго притомъ была бы такъ утонченна и который бы такъ хорошо умѣлъ отличать возрастъ, достоинство и санъ своего собесѣдника, выражая это въ своихъ отвѣтахъ и въ своемъ обращеніи... Его поклоны отличались несравненною граціей и величавостью... Онъ былъ особенно восхитителенъ, когда отвѣчалъ на привѣтствія своей арміи на парадахъ и военныхъ смотрахъ, такъ какъ онъ умѣлъ различнымъ образомъ принимать эти привѣтствія. Но его обращеніе съ женщинами въ особенности не могло сравниться ни съ чѣмъ... Ни разу ему не случилось пройти мимо даже самого ничтожнаго женскаго чепчика, безъ того, чтобы не приподнять своей шляпы и не поклониться. Онъ дѣлалъ это даже передъ горничными, хотя зналъ что это горничныя... Никогда ему не случилось сказать кому нибудь что нибудь непріятное... Никогда въ обществѣ въ его обращеніи нельзя было бы замѣтить ничего неумѣстнаго и ничего случайнаго. Все, до самого малѣйшаго жеста, было у него размѣренно; его походка, движенія, его манера держаться—все было благопристойно, благородно и величественно, и во всякомъ случаѣ онъ всегда держалъ себя вполне естественно.—„Вотъ каковъ былъ образецъ свѣтскаго изящества и этому то образцу всѣ во Франціи старались подражать до самого конца стараго режима. Если тутъ и произошли нѣкоторыя измѣненія, то лишь для того, чтобы придать двору еще больше общественный характеръ. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ, за исключеніемъ дней парадныхъ пріемовъ, король постепенно, со ступеньки на ступеньку, спускается со своего пьедестала. Кругомъ него уже не царитъ такое молчаніе, какъ въ прежнія времена, когда можно было разслышать даже, „какъ ползаетъ муравей“.—Государь, сказалъ Людовику XVI маршалъ де Ришелье, состоявшій при трехъ царствованіяхъ, —при Людовикѣ XIV никто не смѣлъ вымолвить слово; при Людовикѣ XV говорили шопотомъ, а при вашемъ величествѣ говорятъ громко“.—Но если власть теряетъ на этомъ, то выигрываетъ общество. Благодаря едва

замѣтному ослабленію этикета, въ общество проникаетъ непринужденность и веселье. Съ этого времени, вельможи начинаютъ уже менѣе заботиться о томъ, чтобы внушить къ себѣ почтеніе, нежели о томъ, чтобы правиться и поэтому они сбрасываютъ съ себя свою спѣсь, словно стѣснительный и „смѣшной“ костюмъ и уже не столько ищутъ почтенія къ себѣ, сколько аплодисментовъ. Недостаточно быть только привѣтливымъ; необходимо, во что бы то ни стало, казаться любезнымъ въ обращеніи со своими низшими, какъ и съ равными себѣ.

„Французскіе принцы, говоритъ одна изъ современницъ, боятся хуже смерти, какъ бы ихъ не заподозрили въ отсутствіи любезности. Даже около самого престола разговоръ ведется всегда „въ веселомъ и непринужденномъ тонѣ“, и подъ вліяніемъ веселыхъ и привѣтливыхъ улыбокъ молодой королевы, серьезный и хорошо дисциплинированный дворъ Людовика XVI становится къ концу столѣтія однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ и веселыхъ салоновъ. Благодаря такому непринужденному настроенію, свѣтская жизнь достигаетъ высокой степени совершенства. „Кто не жилъ въ періодъ до 1789 г., тотъ не позналъ сладостей жизни“ говоритъ Талейранъ. — Эта сладость была такъ велика, что другой людямъ было не нужно и человѣкъ совершенно отдавался ей, когда міръ такъ привлекателенъ, то не хочется жить уже ни для чего другого!

II.

При такихъ условіяхъ ни у кого не было желанія и не находилось досуга, заниматься чѣмъ нибудь другимъ, даже такими вещами, которыя всего ближе касаются человѣка—общественными дѣлами, хозяйствомъ, семьей. Я говорилъ уже о томъ, что отъ общественныхъ дѣлъ воздерживались и относились къ нимъ совершенно равнодушно. Администрація, какъ общая такъ и мѣстная, не находится болѣе въ рукахъ аристократіи и не интересуется никого.—Если случайно и заводится разговоръ объ общественныхъ дѣлахъ, то лишь въ шутливомъ тонѣ и самыя важныя событія служатъ только матеріаломъ для остроумія. Послѣ эдикта аббата Терре, вызвав-

шаго почти банкротство владѣльцевъ государственной ренты, какой-то господинъ, стиснутый въ театрѣ толпою, воскликнулъ: „Ахъ, какая досада, что съ нами нѣтъ нашего добраго аббата Терре; онъ бы убавилъ насъ наполовину!“ Слова эти вызвали смѣхъ и аплодисменты, на другой день весь Парижъ повторялъ эту фразу, словно утѣшаясь ею въ общественномъ раззореніи.—Союзы, сраженія, налоги, договоры министерства, государственные перевороты,—словомъ всю исторію этого вѣка можно найти въ эпиграмахъ и пѣсняхъ *).

Однажды, въ одномъ собраніи молодыхъ людей, принадлежащихъ къ придворному кругу, говорили о новомъ остроумномъ замѣчаніи по поводу современныхъ событій, при чемъ одинъ изъ присутствующихъ пришелъ въ такой восторгъ, что даже всплеснулъ руками и воскликнулъ: „Ну, какъ не восхищаться великими событіями, переворотами, когда они даютъ поводъ къ такому очаровательному остроумію!“ Послѣ этого всѣ стали повторять разныя шутки и пѣсенки, сложившіяся по поводу бѣдствій Франціи. Пѣсня о битвѣ при Гохштедтѣ была объявлена плохой и нѣкоторыя сказали по этому поводу: „мы въ особенности огорчены потерей этой битвы, потому что сложенная о ней пѣсня никуда не годится“.—Даже исключивъ изъ этихъ фактовъ то, что слѣдуетъ отнести насчетъ увлеченія и страсти къ парадоксамъ, мы все-таки должны признать, что подобныя чудовищныя выходки являются характерною чертою вѣка, въ которомъ государство почти не играло никакой роли, а свѣтское общество составляло почти все. Основываясь на этомъ принципѣ, можно было, конечно, заранѣе угадать, какихъ талантовъ тогдашній свѣтъ требовалъ отъ министровъ. Когда Неккеръ далъ великолѣпный ужинъ съ оперными и опереточными артистами, то оказалось, что „этотъ пиръ болѣе способствовалъ укрѣпленію его кредита и положенія въ обществѣ и

*) Черезъ мѣсяцъ послѣ постановленія парламента противъ іезуитовъ, появились маленькія, восковыя изображенія іезуитовъ, сидящихъ въ раковинѣ. „Дергая за шнурокъ, можно было заставить восковую фигурку прятаться въ раковину или вылѣзть изъ нея. Эти игрушки имѣли страшный успѣхъ и не было дома, гдѣ бы ее нельзя было найти“.

скорѣе снискалъ ему расположеніе, нежели всѣ его финансовыя операціи... О его послѣднемъ распоряженіи относительно налоговъ проговорили только одинъ день, тогда какъ объ этомъ празднествѣ продолжали еще долго говорить въ Парижѣ и Версали, обсуждая всѣ подробности и громко заявляя: „Какіе восхитительные люди г. и г-жа Неккеръ! Какъ они пріятны въ обществѣ!“—Хорошее общество, желающее веселиться, требуетъ отъ людей, занимающихъ извѣстное положеніе, чтобы они его развлекали. Оно почти готово сказать, полушутливымъ полусерьезнымъ тономъ, вмѣстѣ съ Вольтеромъ: „что боги поставили королей только для того, чтобы они ежедневно устраивали празднества и заботились бы объ ихъ разнообразіи. Жизнь слишкомъ коротка, чтобы пользоваться ею иначе. Всякіе процессы, интриги, войны, распри священниковъ, подтачивающіе человѣческую жизнь, все это нелѣпо и отвратительно, такъ какъ человѣкъ созданъ лишь для радостей жизни! Въ числѣ же предметовъ первой необходимости надо на первомъ мѣстѣ поставить и излишекъ“.

Судя по этому, можно, конечно, заранее предвидѣть, что свѣтскіе люди будутъ столь же безпечно относиться къ своимъ собственнымъ дѣламъ, какъ и къ общественнымъ. Хозяйство, домашняя экономія и управленіе помѣстьями—все это въ ихъ глазахъ были слишкомъ низкія и буржуазныя занятія; это дѣло интенданта и метрд'отеля. Зачѣмъ же держать людей, если надо самому обо всемъ заботиться? Жизнь тогда перестанетъ носить характеръ праздника, если самому надо будетъ слѣдить за всѣми приготовлениями. Нужно, чтобы всѣ удобства, роскошь, удовольствія били широкоимъ ключомъ и оставалось бы только протянуть губы, чтобы испить изъ этого источника.

Надо было, чтобы человѣкъ, принадлежащій къ свѣтскому обществу, самымъ естественнымъ образомъ и безъ всякаго вмѣшательства съ своей стороны, находилъ бы всегда золото въ своемъ карманѣ, изящную одежду на своемъ туалетномъ столѣ, напудренныхъ лакеевъ въ своей передней, позолоченную карету у своихъ дверей, тонкій обѣдъ въ своей столовой и могъ бы поэтому сосредоточивать все свое вниманіе только на томъ,

чтобы расточать изящныя любезности гостямъ своего салона. Подобный образъ жизни, конечно, не можетъ не сопровождаться расточительностью и слуги отлично обдѣлываютъ свои дѣлишки. Но что за бѣда, только бы они умѣли хорошо услужить! Притомъ же надо давать жить и другимъ, пріятно видѣть около себя довольныя, заискивающія лица. Вотъ почему въ самыхъ первыхъ домахъ королевства происходитъ настоящій грабежъ. Однажды, на охотѣ, Людовикъ XV спросилъ герцога Шуазеля, сидѣвшаго вмѣстѣ съ нимъ въ коляскѣ, сколько по его мнѣнію, можетъ стоить эта коляска? Шуазель отвѣчалъ, что онъ ручается за то, что могъ бы пріобрѣсти такую коляску за пять или шесть тысячъ ливровъ, но такъ какъ король платитъ не считая, то онъ и долженъ былъ заплатить за нее дороже, не меньше 8,000.—„Вы далеки отъ настоящей цифры, возразилъ король; эта коляска, въ томъ видѣ, какъ вы ее видите, обошлась мнѣ въ 30,000 франковъ... Кражи въ моемъ домѣ громадны, но прекратить ихъ невозможно“.—Въ самомъ дѣлѣ, не одни только мелкіе служащіе, но и крупные стараются воспользоваться чѣмъ можно: деньгами, вещами, услугами. У короля имѣются 54 лошади для главнаго конюха и тридцать восемь лошадей для г-жи Брионнъ, которой предоставлено завѣдывать одною изъ должностей въ конюшенномъ вѣдомствѣ до совершеннолѣтія ея сына. Кромѣ того, на счетъ короля, содержится еще 215 конюховъ и почти столько же лошадей для разныхъ лицъ, не принадлежащихъ однако къ конюшенному вѣдомству.—Какая же масса паразитовъ накопилась только на одной этой вѣтви королевскаго дерева!—Пересматривая документы я нашелъ также, что принцесса Елизавета, такая умѣренная во всемъ, истребляетъ въ годъ, одной только рыбы на 30,000 франковъ, мяса и дичи на 70,000, свѣчъ на 60,000, а тетки короля сжигаютъ на 215,068 франковъ свѣчей бѣлаго и желтаго воска. Одно только освѣщеніе покоевъ королевы обходится въ 157,109 фр.

Еще и теперь указываютъ въ Версали улицу, которая когда-то была вся усѣяна лавчонками и ларями, гдѣ слуги короля продавали остатки его десерта. Нѣтъ такой статьи расхо-

довъ, изъ которой эти домашнія насѣкомыя не ухитрились бы что-нибудь откусить. Считалось, что король выпиваетъ въ годъ оршаду и лимонаду на 2190 фр. Бульонъ, который иногда подавался двухлѣтней королевской дочери днемъ и ночью стоилъ въ годъ 5201 ливровъ. Въ концѣ предшествующаго царствованія горничныя супруги наслѣднаго принца выводили за недѣлю слѣдующіе расходы для нея: „четыре пары башмаковъ, три аршина лентъ въ день для завязыванія пеньюара, два аршина тафты въ день, для покрытія корзины, въ которой лежатъ ея перчатки и вѣеръ“. — Нѣсколькими годами раньше король уплачивалъ ежегодно за кофе, лимонадъ, шоколадъ, оршадъ и замороженную воду 200,000 франковъ. Нѣкоторыя лица были записаны въ статьѣ расходовъ, какъ будто они получали по десяти или двѣнадцати чашекъ кофе въ день и было вычислено, что утренній кофе съ молокомъ и съ маленькимъ хлѣбцемъ для каждой изъ статсъ-дамъ стоилъ въ бюджетѣ 2.000 франковъ. Само собою разумѣется, что въ домахъ, управляемыхъ подобнымъ образомъ, поставщикамъ поневолѣ приходится ждать уплаты. И они ждутъ порою такъ долго, что при Людовикѣ XV они даже отказываются поставлять и „прячутся“. Замедленіе платежей происходитъ настолько правильно, что подъ конецъ приходится платить по пяти процентовъ за сдѣланные поставщиками авансы. Вслѣдствіе такой системы платежей въ 1778 г., не смотря на всю экономію Тюрго, король остается долженъ еще около 800,000 ливровъ своему поставщику вина и три съ половиною милліона поставщику съѣстныхъ припасовъ. Такой же точно безпорядокъ господствуетъ и во всѣхъ домахъ, окружающихъ престолъ. „Г-жа де Гемэнэ должна 60,000 ливровъ своему башмачнику, 16,000 своему обойщику и остальные ея долги соотвѣтствуютъ этой цифрѣ“. Другая дама, замѣтивъ удивленный взглядъ маркиза де Мирабо, увидавшего, что она ѣздитъ на наемныхъ лошадяхъ, сказала ему: „Это не потому, чтобы у насъ не было лошадей. Нѣтъ у насъ, въ конюшняхъ стоитъ 70 лошадей, но сегодня не нашлось ни одной, на которой можно было бы выѣхать“. Г-жа де Монморенъ, убѣдившись, что ея мужъ

имѣетъ больше долговъ нежели помѣстій, хотѣла спасти по крайней мѣрѣ свое приданое, но ей замѣтили на это, что она однажды согласилась поручиться за своего мужа по одному счету портного, а этотъ счетъ, „какъ это ни кажется невѣроятно и смѣшно, простирается до 180,000 ливровъ“. — „Раззоряться на всемъ и во всемъ, представляетъ одну изъ самыхъ неустойчивыхъ маній того времени“, говоритъ г-жа Оберкирхъ. „Двое братьевъ Виллемюръ строятъ загородные домики, по 500,000—600,000 ливровъ каждый; одинъ изъ нихъ держитъ 40 лошадей для того, чтобы только изрѣдка кататься въ Булонскомъ лѣсу. Въ одну ночь г. де Шенонсо, сынъ г. и г-жи Дюпенъ, проигрываетъ 700,000 ливровъ“. „Г. де Шенонсо и г. де Франкейлъ проглотили семь или восемь милліоновъ, считая на деньги того времени“. „Герцогъ де Лозенъ, имѣя 26 лѣтъ отъ роду, уже поглотилъ капиталъ, приносившій ему 100,000 экю годового дохода, и подвергся преслѣдованію своихъ кредиторовъ, сдѣлавъ болѣе чѣмъ на два милліона долговъ. „Принцъ Канти терпитъ недостатокъ въ хлѣбѣ и дровахъ, хотя имѣетъ 60,000 ливровъ дохода“. Это происходитъ отъ того, что „онъ покупаетъ имѣнія и строитъ дома самымъ безумнымъ образомъ повсюду“. Но развѣ мыслимо удовольствіе, если надо соблюдать благоразуміе? Развѣ какойнибудь вельможа справляется о цѣнѣ вещей? Да и какъ достигнуть высшаго изящества, если будешь жалѣть денегъ? Надо слѣдовательно, чтобы деньги текли широкою и свободною струей до полного истощенія кошелька, какъ въ слѣдствіе безчисленныхъ тайныхъ или терпимыхъ и допускаемыхъ домашнихъ злоупотребленій, въ слѣдствіе безумной расточительности хозяина, широко расходующаго ихъ на постройки, мебель, туалеты, приемы, на разныя любезности и удовольствія. Графъ д'Артуа, ради праздника въ честь королевы, разрушилъ, перестроилъ заново и омеблировалъ свой дворецъ Богателль, причемъ 900 рабочихъ должны были работать денно и нощно и такъ какъ не хватало времени на доставку известки, гипса и тесанаго камня, то онъ отправилъ на большую дорогу патрули швейцарской гварадіи, которые и должны были останавливать

всѣ телѣги, нагруженные этими матеріалами и немедленно привозить ихъ къ нему. Маршалъ де-Субизъ, принимавшій у себя въ загородномъ домѣ короля, который у него провелъ день и ночевалъ, израсходовалъ на это 200,000 ливровъ. Г-жа де-Матиньонъ заключила контрактъ, по которому она платила 24,000 ливровъ въ годъ за то, чтобы ежедневно доставлялась новая куафюра. У кардинала де-Роганъ есть вышитый стихарь, который цѣнится болѣе чѣмъ въ 100,000 ливровъ и его кухонная посуда была вся изъ литого серебра. Однако во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если вспомнить какой взглядъ на деньги существовалъ въ то время; если деньги не разливались широкою рѣкой, а сберегались и накапливались, то онѣ превращались въ зловонное стоячее болото! Королева, подаривъ дофину карету, золоченую и разукрашенную рубинами и сапфирами, наивно говорила: „Король увеличилъ мою кассу на 200,000 ливровъ; такъ вѣдь не для того же онъ сдѣлалъ это, чтобы я копила деньги?“—Вообще, деньги охотнѣе бросали за окно, нежели сберегали. Такъ поступилъ напр. маршалъ де Ришелье съ кошелькомъ, наполненнымъ золотомъ, который онъ подарилъ свѣдому внуку. Мальчикъ не сумѣлъ истратить подаренныя деньги и принесъ обратно полный кошелекъ. На этотъ разъ по крайней мѣрѣ деньги пригодились метельщику улицъ, проходившему мимо, который и поднялъ кошелекъ. Но если бы не нашлось прохожаго, который бы поднялъ эти деньги, то ихъ бросили бы въ рѣку. Однажды, въ присутствіи принца Конти, г-жа де Б. дала понять, что она бы не прочь была имѣть миниатюрный портретъ своей канарейки, который можно было бы вставить въ перстень. Принцъ тотчасъ же предложилъ ей свои услуги. Онѣ были приняты, но подъ условіемъ, чтобы миниатюра была очень проста и безъ брилліантовъ. И дѣйствительно, принцъ преподнесъ ей тонкій золотой ободокъ, но за то для покрытія миниатюры, вмѣсто стекла, былъ вставленъ крупный алмазь, изъ котораго была выпиlena тонкая пластинка. Г-жа де Б. отослала алмазь обратно. Тогда принцъ Конти велѣлъ его истолочь и превратить въ порошокъ, которымъ онъ и присыпалъ записку, написанную имъ

по этому поводу г-жѣ де Б. Щепотка этого порошка стоила четыре или пять тысячъ ливровъ; можно при этомъ догадаться и о тонѣ, въ которомъ была написана записка! Высшая любезность и ухаживаніе требуютъ также и высшей расточительности, и чѣмъ выше была свѣтская репутація какого нибудь лица, тѣмъ менѣе онъ долженъ былъ заботиться о деньгахъ.

III.

Въ салонѣ та женщина, на которую мужчина всего менѣе обращаетъ вниманія,—непремѣнно его собственная жена. Но и она поступаетъ точно также, всего менѣе интересуясь своимъ мужемъ. Въ такое время, когда всѣ живутъ только для свѣта и въ свѣтѣ, для семейной жизни уже не остается мѣста. Притомъ же, когда супруги занимаютъ высокое положеніе, то ихъ разлучаютъ приличія. У каждаго изъ супруговъ есть свой домъ, или, по крайней мѣрѣ, свои отдѣльные апартаменты, свои слуги, экипажи, приемы, свое отдѣльное общество, а такъ какъ представительство влечетъ за собою непремѣнно разныя церемоніи, то супруги, изъ уваженія къ своему рангу, соблюдаютъ между собою ту вѣжливость, которая должна существовать въ отношеніяхъ между посторонними людьми. Они не являются другъ къ другу безъ докладовъ, величаютъ другъ друга: „Madame“... „Monsieur“..., и это не только въ публикѣ, но и наединѣ. Они пожимаютъ плечами, если имъ случится гдѣ нибудь, за шестьдесятъ миль отъ Парижа, въ какомъ нибудь старинномъ замкѣ встрѣтить провинціалку, настолько дурно воспитанную, что она рѣшается называть своего мужа: „мой другъ“ въ присутствіи всѣхъ! Раздѣленные уже въ самомъ центрѣ домашняго очага, ихъ двѣ жизни расходятся, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. У мужа есть свое губернаторство, свое комендантство, свой полкъ, придворная должность, которые и удерживаютъ его внѣ дома и только въ послѣднее время жены стали соглашаться слѣдовать за мужьями въ гарнизонъ или провинцію,—раньше онѣ тѣмъ болѣе находили это неудобнымъ для себя, что вѣдь у нихъ тоже были свои занятія и не менѣе важныя, чѣмъ у мужей; онѣ часто занимали какія нибудь придворныя должности около прин-

цессы или же у нихъ были свои собственные важные салоны. Въ тѣ времена женщина была также дѣятельна, какъ и мужчина и на томъ же самомъ поприщѣ, какъ и онъ. Она пользовалась тѣми же способами, но обладая при этомъ гибкостью рѣчи, обаятельною граціей, умѣньемъ говорить намеками, чувствомъ такта и мѣры, искусствомъ нравиться и умѣньемъ просить и получать. При дворѣ не было ни одной дамы, которая бы не раздавала полковъ и бенефицій. По этой причинѣ у женщины, какъ и у мужчины, была своя личная свита просителей, протезируемыхъ ею и, также какъ и у ея мужа, у нея были личные враги и друзья, было свое личное честолюбіе, неудачи и поводы къ неудовольствію. Нѣтъ дѣйствительнѣе средства, для того, чтобы разлучить супруговъ, какъ подобное сходство занятій и въ то же время различіе интересовъ. Ослабленная такимъ образомъ связь, въ концѣ концовъ совершенно разрывается подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. „Хорошій тонъ требуетъ, чтобы супруги не жили вмѣстѣ“, чтобы они оказывали только полное снисхожденіе другъ другу, но всецѣло принадлежали свѣту. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь свѣтъ руководитъ общественнымъ мнѣніемъ и поэтому устанавливаются лишь такіе нравы, которые нужны свѣту.

Въ XVIII вѣкѣ супруги жили въ одномъ и томъ же домѣ, но и только. „Никогда они не видѣлись, никогда ихъ не встрѣчали вмѣстѣ въ одномъ и томъ же экипажѣ или въ одномъ и томъ же домѣ и, тѣмъ болѣе, въ какомънибудь публичномъ мѣстѣ“. Болѣе или менѣе глубокое чувство между супругами непремѣнно показало бы страннымъ, даже „смѣшнымъ“ и, во всякомъ случаѣ, неприличнымъ. Оно бы шокировало общество, какъ какойнибудь серьезный разговоръ двухъ людей среди общей, веселой и легкомысленной бесѣды. Каждый человѣкъ въ тогдашнемъ обществѣ принадлежалъ всѣмъ и поэтому не долженъ былъ уединяться вдвоемъ; вѣдь никто не имѣетъ права, находясь въ обществѣ, уединяться вдвоемъ. Съ трудомъ, да и то лишь на нѣсколько дней, допускалось такое уклоненіе отъ общаго правила для любовниковъ. Но и на нихъ порою взирали съ неудовольствіемъ, находя, что они слишкомъ заняты

другъ другомъ. Это обстоятельство создавало около нихъ атмосферу „принужденности и скуки“; надо было сдерживаться въ ихъ присутствіи, наблюдать за собой, и поэтому ихъ боялись. Свѣтъ предъявлялъ требованія, какъ абсолютный монархъ и не допускалъ никакого дѣлежа“.—Если на этомъ теряли нравы, то общество, во всякомъ случаѣ, безконечно выигрывало,—говоритъ одинъ современникъ, г. де Безанваль. Освобожденное отъ всякихъ стѣсненій и отъ охлажденія, которое обыкновенно вносить съ собою присутствіе мужей общество отличалось крайнею свободою. Кокетничанье женщинъ и мужчинъ поддерживало оживленіе въ обществѣ и ежедневно доставляло матеріаль для пикантныхъ приключеній“. Ревности не существовало совсѣмъ, даже въ любви.—„Люди нравятся другъ другу, сходятся и потомъ расходятся также легко, какъ и сошлись, если только они уже успѣли наскучить другъ другу. Если же они снова начинаютъ чувствовать влеченіе другъ къ другу, то снова сходятся и притомъ съ такою же пылкостью, какъ если бы это было въ первый разъ. Затѣмъ покидаютъ другъ друга, но никогда при этомъ не ссорятся. Сойдясь безъ любви, они расстаются безъ ненависти и слабое влеченіе, которое они чувствовали другъ къ другу, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, ту хорошую сторону, что оно ихъ побуждаетъ быть готовыми во всякое время оказывать другъ другу всевозможныя услуги.—Къ тому же въ такихъ случаяхъ всегда соблюдается внѣшность, такъ что посторонній, никѣмъ не предупрежденный человѣкъ, ничего подозрительнаго тутъ бы и не замѣтилъ. „Надо быть или крайне любопытнымъ или же имѣть большую опытность, говоритъ Горасъ Вальполь,—чтобы открыть въ обществѣ какуюнибудь любовную связь. Никакая фамиллярность не допускается кромѣ той, которая дозволяется дружбой и языкъ любви также воспрещенъ, какъ воспрещены на первый взглядъ и ея тайные обряды“.—Даже у Кребильона-сына, даже у Лякло, даже въ моменты сильнѣйшаго увлеченія, въ разговорѣ допускаются только самыя умеренныя и безукоризненныя выраженія. Безстыдство, существующее на дѣлѣ, никогда не проявляется въ рѣчахъ и не только взрывы страсти,

но и грубость инстинкта подчиняются условнымъ приличіямъ. Благодаря этому, чувства, отъ природы наиболѣе острыя, нѣсколько притупляются, теряютъ свои шипы и сглаживаются, а разукрашенные и приглаженные остатки этихъ чувствъ превращаются въ салонныя игрушки, которыя, точно хорошенькіе воланы, перебрасываются бѣлыми ручками другъ другу и зачастую падаютъ при этомъ на полъ. Надо послушать рассказы по этому поводу героевъ той эпохи; ихъ непринужденный, развязный тонъ, который совершенно неподражаемъ и также хорошо характеризуетъ ихъ, какъ и ихъ поступки: „Я велъ себя самымъ честнымъ и даже изысканнымъ образомъ съ г-жею де Лозенъ. Я открыто жилъ съ г-жею де Камбизъ, до которой, въ сущности, мнѣ было мало дѣла. Я содержалъ маленькую Евгению, которую очень любилъ, велъ большую игру, ухаживалъ за королемъ и очень аккуратно охотился съ нимъ“, — пишетъ герцогъ де Лозенъ. Впрочемъ, онъ и къ другимъ относился также снисходительно, какъ и къ себѣ самому. „Его спросили, что отвѣтилъ бы онъ своей женѣ, (которую онъ не видалъ уже въ теченіе десяти лѣтъ), если бы, она написала ему: „я только что убѣдилась, что я беременна“. Онъ немного подумалъ и отвѣтилъ: „Я бы написалъ ей: „я въ восторгѣ, что наконецъ небо благословило нашъ союзъ. Берегите ваше здоровье; я явлюсь сегодня вечеромъ, чтобы ухаживать за вами“.—Такихъ отвѣтовъ можно найти не мало, но все же трудно представить себѣ, до какой степени свѣтскость можетъ извратить природныя инстинкты.

„Здѣсь, въ Парижѣ, пишетъ г-жа д'Оберкирхъ, я болѣе не принадлежу себѣ. Я едва имѣю время разговаривать съ моимъ мужемъ и вести свою корреспонденцію. Не знаю, какъ поступаютъ женщины, для которыхъ это составляетъ привычный образъ жизни; у нихъ нѣтъ, значить, ни семьи, о которой надо заботиться, ни дѣтей, которыхъ надо воспитывать?“ Во всякомъ случаѣ онѣ поступаютъ такъ, какъ будто бы у нихъ не было ни того, ни другого. Супруги, не живущіе другъ съ другомъ, не живутъ, конечно, и съ дѣтьми, и тѣ самыя причины, которыя вызвали разрушеніе брака, разрушаютъ и семью. Аристо-

кратическія традиціи прежде всего устанавливають между родителями и дѣтьми извѣстную перегородку для того, чтобы сохранить между ними извѣстное разстояніе. Хотя эта традиція и ослабѣваетъ съ теченіемъ времени и повидимому исчезла, но она все еще долго держится. Сынъ говоритъ отцу „Monsieur“, а дочь является, чтобы почтительно поцѣловать руку матери, когда она совершаетъ свой туалетъ. Ласки допускаются рѣдко и носятъ характеръ особенной милости; обыкновенно дѣти въ присутствіи родителей хранятъ молчаніе, и обычное чувство, которое они испытываютъ въ такихъ случаяхъ, это робкая почти-тительность. Нѣкогда они были подданными своихъ родителей и теперь, до извѣстной степени, они ими остаются, новыя же требованія свѣтской жизни окончательно отодвигаютъ ихъ на задній планъ или же держатъ въ сторонѣ. Талейранъ говоритъ, что онъ ни разу не ночевалъ подъ одною кровлей со своими отцомъ и матерью. Но если даже дѣти и живутъ подъ одною кровлей съ родителями, то все же они находятся въ полномъ небреженіи. „Я былъ порученъ лакеямъ, говоритъ графъ де Тильи и какому-то наставнику, который походилъ на нихъ во многихъ отношеніяхъ“. А въ это время его отецъ занимался любовными похождениями. „Я зналъ, что у него были любовницы, даже когда онъ находился въ преклонномъ возрастѣ. Онъ всегда обожалъ ихъ, но мѣнялъ безпрестанно“.—Герцогъ де Биронъ нашелъ, что очень трудно отыскать хорошаго гувернера для своего сына и поэтому—пишетъ его сынъ—онъ поручилъ эту должность одному изъ лакеевъ моей покойной матери, который умѣлъ читать и писать довольно сносно и котораго для большей важности называли камердинеромъ. Впрочемъ, ко мнѣ были приглашены самыя модныя учителя, но г. Рошъ (такъ звали моего ментора), не былъ въ состояніи руководить моими уроками и не могъ научить меня воспользоваться ими какъ слѣдуетъ. Впрочемъ, я былъ въ такомъ же положеніи какъ и всѣ дѣти моего возраста, т.-е. имѣлъ самыя прелестныя наряды для выхода, а дома ходилъ почти голый и умиралъ съ голоду“.—Но это происходило отнюдь не вслѣдствіе безсердечія родителей, а по забывчи-

вости, разсѣянности и вслѣдствіе безпорядка, царившаго въ домѣ, такъ какъ все вниманіе было направлено въ другую сторону. Можно было легко перечестъ по пальцамъ такихъ отцовъ, которые, подобно маршалу де Бель-Иль, собственными глазами наблюдали за своими сыновьями и сами воспитывали ихъ со строгостью, методичностью и нѣжностью. — Что касается дѣвочекъ, то ихъ помѣщали въ монастыри. Избавившись отъ такой обузы, родители, конечно, чувствуютъ себя гораздо свободнѣе. Но даже если они и оставляли дѣтей дома, то заботы о нихъ нисколько не тяготятъ ихъ. Маленькая Филиція де Сентъ Обернъ видѣла своихъ родителей только въ моментъ ихъ пробужденія и „въ часы трапезы“. Это потому, что день ея родителей бывалъ всегда совершенно разобранъ. Мать дѣлаетъ и принимаетъ визиты; отецъ же или занимается въ своемъ физическомъ кабинетѣ или же находится на охотѣ. До семи лѣтъ ребенокъ проводитъ жизнь съ горничнымъ, который и сообщаютъ ему кое какія познанія въ катехизисѣ, вмѣстѣ съ безчисленнымъ количествомъ всякихъ исторій о привидѣніяхъ“. Ея мать, маркиза, написавшая нѣсколько мѣологическихъ и пасторальныхъ оперъ, выстроила театръ въ замкѣ, куда съѣзжалась масса людей. Послѣ репетицій, продолжавшихся двѣнадцать недѣль, маленькую дѣвочку наряжали въ костюмъ Амура, съ голубыми крылышками и колчаномъ за плечами и заставляли участвовать въ спектаклѣ. Этотъ костюмъ такъ шелъ къ ней, что ей позволили носить его въ теченіе девяти мѣсяцевъ ежедневно. Чтобы докончить ея воспитаніе, къ ней пригласили учителя танцевъ и фехтовальнаго искусства, и дѣвочка, наряженная Амуромъ, брала уроки хорошихъ манеръ и фехтованія. — Вся зима проходитъ такимъ образомъ въ разыгрываніи различныхъ комедій и трагедій. Отосланная въ дѣтскую тотчасъ послѣ обѣда, дѣвочка снова вызывается оттуда, чтобы сыграть чтонибудь на клавесинѣ передъ многочисленнымъ собраніемъ или продеklamировать какойнибудь монологъ. Крайности такого рода безъ сомнѣнія встрѣчались не всегда, но духъ воспитанія былъ вездѣ одинаковъ. Я хочу этимъ сказать, что въ глазахъ родителей того вѣка существовалъ

только одинъ видъ разумной и понятной жизни—это свѣтская жизнь, даже для дѣтей, и поэтому ими занимались лишь тогда, когда ихъ надо было ввести въ свѣтъ или же приготовить къ нему.

До самыхъ послѣднихъ лѣтъ существованія стараго режима маленькіе мальчики ходили такіе же напудренные и причесанные какъ взрослые, „съ такими же буклями, напомаженными валиками и мѣстечкомъ для косы“. Они также носили шпагу, жабо, вышитые золотомъ отвороты рукавовъ и держали шляпу подъ мышкой. Они прикладывались къ ручкѣ молодыхъ дѣвицъ, какъ настоящіе свѣтскіе франты. Маленькая шестилѣтняя дѣвочка уже была затянута въ корсетъ и огромныя фижмы поддерживали ея платье, украшенное гирляндами. На головѣ у нея возвышалось очень замысловатое сооруженіе изъ фальшивыхъ волосъ, подкладокъ и бантовъ, прикрѣпленное булавками, увѣнчанное перьями и до такой степени высокое, что порою ея подбородокъ находился какъ разъ на половинѣ разстоянія между кончиками ея ножекъ и верхушкою ея прически.

Иногда ей даже румянили щеки. Словомъ, дѣвочка была свѣтской дамой въ миниатюрѣ, она знала это и вся отдавалась своей роли, безъ особенныхъ усилій и стѣсненія, а просто по привычкѣ. Единственное и постоянное ученіе заключалось лишь въ обученіи манерамъ и смѣло можно сказать, что въ этомъ вѣкѣ главнымъ наставникомъ всегда бывалъ учитель танцевъ. Имѣя этого учителя можно было обходиться безъ всякихъ другихъ, но безъ него всѣ остальные учителя не имѣли значенія. Можно ли было научиться безъ такого учителя держать себя непринужденно и съ граціей, и легкостью выполнять безчисленныя, самыя обыкновенныя дѣйствія обыденной жизни, ходить, садиться, стоять, слушать и улыбаться, предлагать руку и поднимать руку и продѣлывать все это на глазахъ столь опытной и столь изысканной публики? Все это сдѣлалось современемъ очень важнымъ дѣломъ для взрослыхъ мужчинъ и женщинъ и поэтому уже составляло важное дѣло и для дѣтей. Приобрѣтая грацію движеній и жестовъ, они приобрѣтали, въ то же время, и граціозность ума и разговора. Едва они на-

учались говорить, какъ уже ихъ заставляли выражаться изысканнымъ языкомъ своихъ родителей. Эти послѣдніе играли съ ними и превращали ихъ въ очаровательныхъ куколъ. Проповѣдь Руссо, которая ввела дѣтей въ моду въ теченіе послѣдней четверти XVIII вѣка, не привела ни къ какому другому результату. Дѣтей заставляли декламировать передъ публикой заученныя стихотворенія, разыгрывать пословицы, пасторали.—Ихъ остроумныя выходки поощрялись взрослыми. Дѣти умѣли говорить комплименты, умѣли придумать остроумный или трогательный отвѣтъ, умѣли быть любезными, остроумными, находчивыми. Маленькій герцогъ Ангулемскій однажды встрѣчаетъ Сюффрена, держа книгу въ рукахъ и говоритъ ему: „Я читаю Плутарха и его жизнеописанія великихъ людей—вы не могли придти болѣе кстати!“ Дѣти г. де Сабранъ, мальчикъ и дѣвочка, восьми и девяти лѣтъ, бравшіе уроки у актеровъ Сенваля и Ларива, пріѣхали въ Версаль, чтобы сыграть передъ королевою и королемъ „Ореста“ Вольтера, а когда этого маленькаго мальчика спросили, кого онъ знаетъ изъ классическихъ авторовъ, то онъ отвѣтилъ дамѣ,—матери трехъ прелестныхъ молодыхъ дѣвушекъ: „Сударыня, здѣсь я не въ состояніи припомнить никого другого, кромѣ Анакреона“¹⁾. Другой мальчикъ, такихъ же лѣтъ, отвѣчалъ прелестнымъ экспромтомъ въ стихахъ на вопросъ, сдѣланный ему принцемъ Генрихомъ Прусскимъ. Заставить восьмилѣтній мозгъ придумывать острооты, пошлыя любезности, стишки—какое торжество свѣтской культуры! Это послѣдняя черта того режима, который удаливъ челоѣка отъ общественныхъ и его собственныхъ дѣлъ, отъ брака и семьи, захватилъ его, со всѣми его чувствами и способностями, только для того, чтобы отдать его свѣту, какъ его самого, такъ и его близкихъ. Хорошее обращеніе и обязательная вѣжливость распространяются и въ низшіе слои. Чтобы сдѣлаться свѣтскою дамой, горничной надо только попасть на содержаніе. Башмачникъ—это „господинъ въ черномъ“, который говоритъ дамѣ, отвѣшивая поклонъ ея дочери: „Сударыня, вотъ очаровательная дѣвица и я больше, чѣмъ

когда либо, чувствую цѣну вашей доброты“. Молодая дѣвушка, только что вышедшая изъ монастыря, принимаетъ его за претендента на ея руку и краснѣетъ.—Безъ сомнѣнія, между поддѣльною и настоящею золотою монетою, разница есть, и многіе опытные глаза тотчасъ бы различили ее. Но уже одного этого сходства достаточно, чтобы понизить всеобщее дѣйствіе центральной машины, которая штампуетъ по одному образцу, какъ настоящее золото, такъ и неблагородный металлъ.

IV.

Но чтобы свѣтъ могъ такъ овладѣть челоѣкомъ, нужно было, чтобы онъ заключалъ въ себѣ много привлекательныхъ сторонъ. И дѣйствительно, ни въ одной странѣ и ни въ одномъ вѣкѣ, искусство общественности не было доведено до такой степени совершенства и не сдѣлало жизнь такой пріятной. Парижъ—это школа свѣтскости для Европы, куда стекаются молодые люди изъ Россіи, Германіи, Англии, чтобы отшлифоваться и пріобрѣсти свѣтскій лоскъ. Лордъ Честерфильдъ, въ своихъ письмахъ, продолжаетъ настоятельно повторять своему сыну и постоянно убѣждаетъ его посѣщать салоны, которые снимутъ съ него „его кэмбриджскую ржавчину“.

Познакомившись съ этими салонами, ихъ не покидаютъ больше никогда, а если и бываютъ вынуждены ихъ покинуть, то всю жизнь сожалѣютъ о нихъ“. Ничто не сравнится, говоритъ Вольтеръ, съ тою сладостною жизнью, которую ведутъ тамъ среди искусствъ и спокойныхъ утонченныхъ наслажденій. Иностранцы и короли предпочитаютъ какъ своей родинѣ, такъ и своему трону этотъ покой, преисполненный столь пріятныхъ занятій и такой чарующій... „Сердце смягчается и растворяется, какъ растворяются ароматы на слабомъ огнѣ, распространяя вокругъ восхитительное благоуханіе“.—Густавъ III, послѣ побѣды русскихъ, говоритъ, что онъ поѣдетъ въ Парижъ, чтобы тамъ окончить свои дни въ какомъ нибудь отелѣ, на одномъ изъ бульваровъ. Это не простая фраза; онъ выписываетъ для себя планы и смѣты. Чтобы присутствовать на какомъ нибудь вечерѣ или обѣдѣ, часто пріѣзжаютъ за двѣсти миль.

¹⁾ Воспѣвавшего красоту.

Друзья принца де Линь „уѣзжали изъ Брюсселя послѣ своего завтрака и пріѣзжали въ парижскую оперу какъ разъ во время, чтобы присутствовать при поднятїи занавѣса, а по окончанїи спектакля, возвращались тотчасъ же въ Брюссель, проѣздивъ такимъ образомъ, всю ночь“.

Отъ всего этого счастья, къ которому многіе такъ сильно стремились, остались теперь только безформенные снимки и чтобы возстановить его картину въ своемъ воображенїи, мы должны дѣйствовать посредствомъ разсужденїя. Прежде всего это счастье заключается въ удовольствїи жить среди столь изысканно вѣжливыхъ людей, нѣтъ болѣе глубокаго, болѣе постояннаго и болѣе неисчерпаемаго удовольствїя! Человѣческое самолюбіе безконечно и умные люди всегда въ состоянїи бываютъ изобрѣсти какую нибудь новую утонченную любезность, которая бы его удовлетворяла. Свѣтская впечатлительность также безконечна; нѣтъ такого незамѣтнаго отѣнка, къ которому бы она осталась равнодушной. Въ концѣ концовъ человѣкъ все-таки является самымъ главнымъ источникомъ, какъ счастья, такъ и несчастья для другого человѣка, а въ тѣ времена, изъ этого источника выливалась постоянная струя, приносившая вмѣсто горести однѣ только сладости. Не только надо было стараться не задѣвать другихъ, но еще вмѣнялось имъ въ обязанность стараться понравиться. Считалось безусловно необходимымъ забывать себя для другихъ, быть всегда услужливымъ и готовымъ доставить другимъ удовольствїе, сохранять для себя свои непрїятности и огорченїя и избавлять другихъ отъ грустныхъ мыслей, навѣвая имъ только веселыя мысли.— „Развѣ въ тѣ времена люди старились! Это революція вернула старость въ міръ. Вашъ дѣдъ, моя дочь, говорила г-жа Дюпенъ де Франкойль, былъ красивъ, элегантенъ, всегда тщательно одѣтъ, изященъ и раздущенъ, веселъ, любезенъ и привѣтливъ и всегда ровенъ въ обращенїи съ другими до самой своей смерти... Тогда умѣли жить и умирать и не знали несносныхъ болѣзней. Если кто нибудь страдалъ подагрой, то все же старался ходить, не дѣлая гримасъ; хорошее воспитанїе заставляло его скрывать свои страданїя. Не было

также дѣловой озабоченности, которая портитъ внутреннюю жизнь и дѣлаетъ умъ тяжеловѣснымъ. Люди умѣли разгоряться, не показывая вида, какъ хорошіе игроки, проигрывающіе не выказывая при этомъ ни безпокойства, ни досады. Полумертвые, они все же не отказались бы отъ охотничьей прогулки и заставили бы нести себя туда на рукахъ. Находили, что лучше умереть на балу или на спектаклѣ, нежели у себя дома на кровати, между четырьмя восковыми свѣчами и окруженнымъ непрїятнаго вида людьми, одѣтыми въ черное. Они были философами, но никто не старался выказать себя человѣкомъ строгой жизни и если порою придерживались строгихъ правилъ, то все же не дѣлали этого на показъ. Кто хотѣлъ, тотъ былъ благонаправленнымъ, не разыгрывая при этомъ ни педанта, ни непрístupной добродѣтели. Они пользовались жизнью, но когда наступалъ часъ расстаться съ нею, то они не старались внушить другимъ отвращенїе къ ней. Послѣднее прощанїе моего стараго мужа заключалось въ пожеланїи, чтобы я пережила его какъ можно дольше и устроила бы жизнь свою какъ можно счастливѣе“.

Но съ женщинами мало быть только вѣжливымъ, надо быть галантнымъ. У принца де-Кюнти, въ Иль-Адамѣ, каждой дамѣ изъ приглашенныхъ „предоставлялись въ полное ея распоряженїе коляска и лошади и она могла ежедневно давать обѣды въ своей комнатѣ своему избранному обществу.“ Г-жа де-Сивракъ была вынуждена отправиться на воды и ея друзья рѣшили развлекать ее дорогой. Съ этою цѣлью они всякій разъ опережали ее на нѣсколько станцій, и тамъ, гдѣ она останавливалась на ночлегъ, устраивали для нея маленькія сельскія празднества, при чемъ сами переодѣвались поселянами, буржуа, судьей, стряпчимъ и др. лицами, и встрѣчали ее пѣніемъ и стихами.— Одна дама, наканунѣ Лоншанскихъ скачекъ, зная, что у виконта де В. есть двѣ коляски, попросила у него одну. Виконтъ уже раньше распорядился этою коляской, но разумѣется онъ не сталъ извиняться, а тотчасъ же приказалъ купить другую, самую элегантную, только для того, чтобы одолжить ее на три часа. Онъ почиталъ себя слишкомъ счастливымъ,

что у него просили одолженія и его щедрость была всѣми одобрена, но никого не удивила. И это потому, что женщина того времени была царицей. Дѣйствительно, женщины имѣли право царить въ салонѣ и поэтому, въ восемнадцатомъ вѣкѣ, задавали тонъ во всемъ и устанавливали правила. Такъ какъ это они составляли уставъ обычаевъ, то вполне естественно, что при этомъ онѣ руководствовались своей пользой и поэтому ревниво слѣдили за тѣмъ, чтобы всѣ предписанія этого кодекса строго выполнялись. На этомъ основаніи тотъ или другой салонъ хорошаго общества всегда служилъ верховнымъ трибуналомъ, гдѣ постановлялись приговоры въ послѣдней инстанціи. Супруга маршала де-Люксенбургъ считалась въ этомъ отношеніи авторитетомъ и нѣтъ такого правила благопристойности, которое она не могла бы оправдать какимъ нибудь остроумнымъ доводомъ. Одно какое нибудь слово, отступление отъ принятыхъ обычаевъ или малѣйшее проявленіе самодовольства и претенціозности все это могло навлечь ея неодобреніе и если она постановляла приговоръ, то человѣкъ безповоротно падалъ въ глазахъ свѣта. Но за то, какая нибудь остроумная фраза, умѣнье во время смягчить или сказать: „О!“ вмѣсто „А!“, вызывали ея одобреніе и она выдавала аттестатъ на полное и совершенное знаніе свѣтскихъ приличій, напр. такому человѣку, какъ Талейранъ, чѣмъ и было положено начало его репутаціи и его будущихъ успѣховъ въ жизни.

Само собою разумѣется, что при такой наставницѣ, манеры, жесты, разговоръ и каждый шагъ человѣка, также какъ и каждое проявленіе свѣтской жизни, должны быть настоящимъ произведеніемъ искусства, картиной или поэмой, отличающейся бесконечно тонкою отдѣлкой, изяществомъ и гармоніей всѣхъ своихъ деталей, причемъ совершенство этой отдѣлки скрывало трудности ея выполнения.

Великосвѣтская дама „раскланивается однимъ поклономъ съ десятью лицами, причемъ однимъ поворотомъ головы и взглядомъ, она даетъ каждому то, что ему полагается“, т. е. вкладываетъ въ свой поклонъ какъ разъ тотъ оттѣнокъ вниманія,

который приличествуетъ этому лицу по его положенію, состоянію и рожденію.—Она имѣетъ дѣло съ самолюбіями, весьма щекотливыми и поэтому малѣйшій недостатокъ мѣры въ ея привѣтствіяхъ тотчасъ же будетъ понятъ заинтересованнымъ лицомъ. Но она никогда не обманывается, никогда не испытываетъ никакихъ колебаній, дѣлая тонкія различія, ея тактъ, ловкость и гибкость ея интонаціи—неподражаемы и въ свой способъ привѣтствія она вводитъ всегда самые разнообразныя оттѣнки. У нея существуетъ „одинъ оттѣпокъ для знатныхъ дамъ, другой для дамъ, занимающихъ высокое общественное положеніе, для придворныхъ и титулованныхъ дамъ, для тѣхъ, которыя носятъ историческое имя или же, будучи сами высокаго происхожденія, вышли замужъ за человѣка ниже себя. Иной оттѣнокъ привѣтствія установленъ также для дамъ, перемѣнившихъ, посредствомъ брака, свое простое имя на другое болѣе почетное, или для тѣхъ, которыя принадлежатъ къ судейской аристократіи и для тѣхъ, главное достоинство которыхъ заключается въ хорошемъ домѣ и даваемыхъ ими роскошныхъ ужинахъ“. Иностранецъ непременно долженъ придти въ изумленіе, при видѣ того, какими вѣрными и искусными шагами свѣтская женщина скользитъ мимо множества тщеславій вѣчно находящихся на сторожѣ, и при этомъ никогда не задѣваетъ никого и сама не получаетъ ни отъ кого толчка. Она умѣетъ все выразить, даже въ одномъ только реверансѣ. Манера кланяться разнообразна до бесконечности и можетъ выразить самые тонкіе, едва уловимые, оттѣнки, въ легкомъ наклоненіи одного плеча, что считается даже дерзостью, и въ почтительномъ и благородномъ реверансѣ, который лишь очень немногія, даже изъ придворныхъ дамъ, умѣютъ выполнять въ совершенствѣ.

Реверансъ состоитъ въ медленномъ присѣданіи, съ опущенными глазами и выпрямленною таліей, и въ особенномъ способѣ приподниманія и устремленія взора, выражающаго скромность, на особу, которую привѣтствуютъ, причемъ все туловище граціозно откидывается назадъ. Все это болѣе тонко, болѣе деликатно, нежели сло-

ва, но въ то же время очень выразительно и служить средством выражения своего почтенія.—Это только одинъ актъ свѣтской жизни и притомъ очень обыкновенный, но есть еще сотни другихъ и болѣе важныхъ. Вообразите же себѣ, если возможно, ту степень изящества и совершенства, до котораго доведены всѣ эти акты свѣтскою жизнью. Беру на удачу одинъ изъ нихъ: дуэль между двумя принцами крови, графомъ д'Артуа и Герцогомъ Бурбонскимъ. Этотъ послѣдній былъ оскорбленъ и графъ д'Артуа, который былъ старше его по положенію въ королевской семьѣ, обязанъ былъ самъ предложить ему дуэль: „Какъ только графъ д'Артуа увидѣлъ его, то немедленно соскочилъ на землю и подойдя прямо къ нему сказалъ улыбаясь: „Милостивый Государь, въ публикѣ говорятъ, что мы другъ друга ищемъ“.—Герцогъ Бурбонскій снялъ шляпу и отвѣтилъ: „Милостивый Государь, я нахожусь здѣсь, чтобы получить отъ васъ приказанья“.— „А я — чтобы исполнить ваши приказанія, возразилъ графъ д'Артуа, — вы позволите мнѣ вернуться къ моей каретѣ?“—Онъ вышелъ и вскорѣ вернулся со шпагой въ рукѣ. Начинается поединокъ; спустя нѣкоторое время противниковъ разнимаютъ, такъ какъ свидѣтели находятъ, что честь удовлетворена“.— „Не мнѣ тутъ высказывать свое сужденіе объ этомъ, заявляетъ графъ д'Артуа. Это герцогъ Бурбонскій долженъ сказать, чего онъ желаетъ. Я нахожусь здѣсь чтобы исполнять его приказанія“.— „Милостивый Государь, возразилъ на это герцогъ Бурбонскій, обращаясь къ графу д'Артуа и опуская книзу кончикъ своей шпаги, — я глубоко признателенъ вамъ за вашу доброту и никогда не забуду чести, которой вы меня удостоили“.

Можетъ ли быть болѣе тонкое и болѣе справедливое пониманіе чувствъ, положенія, ранговъ и обстоятельствъ, и можно ли окружить дуэль большею изысканностью пріемовъ?—Нѣтъ такого щекотливаго положенія, изъ котораго нельзя было бы выйти при помощи вѣжливости! Умѣнье ловко взяться за дѣла и искусный оборотъ рѣчи даютъ возможность согласовать почтительность съ оказаніемъ сопротивленія даже самому королю. Когда Людовикъ XV, изгнавъ парламентъ,

заявилъ громко, черезъ г-жу Дюбарри, что онъ никогда „не измѣнитъ своего рѣшенія“, то герцогъ де-Нивернѣ отвѣтилъ: „Ахъ, сударыня! Когда король говорилъ это, то онъ смотрѣлъ на васъ“.— „Мой милый Фонтенелль, сказала ему одна изъ его пріятельницъ, приложивъ свою руку къ его сердцу—у васъ, вѣдь, и и тутъ „мозгъ!““ Фонтенелль улыбнулся, но не возражалъ. Вотъ какимъ образомъ, умѣли тогда заставлятъ даже академиковъ проглатывать истину. Такая истина являлась каплею кислоты, впущенною въ конфету и такъ искусно растворенною въ ней, что острый вкусъ кислоты, только оттънялъ еще больше сладость конфеты. Каждый вечеръ и въ каждомъ салонѣ угощали конфетами подобнаго рода, изъ которыхъ двѣ или три заключали въ себѣ капли кислоты, остальные же, не менѣе превосходно сдѣланные, заключали въ себѣ только сладость и аромат.

Таково было искусство свѣтской жизни, остроумное и очаровательное, проникающее во всѣ подробности рѣчей и поступковъ, и придающее имъ изысканность, налагающую на чело-вѣка извѣстныя обязательства. Но это искусство не принуждало его къ лжи или рабской угодливости, а заставляло его только оказывать уваженіе и вниманіе другимъ, за что онъ вза-мѣнъ и получалъ отъ общества все то удовольствіе, которое только оно одно и въ состояніи было доставить.

V.

Можно понимать этотъ родъ удовольствій, но какъ изобразить его въ осязательной формѣ? Сами по себѣ подобныя свѣтскія развлеченія и подобное времяпрепровожденіе не поддаются описанію; они слишкомъ воздушны и очарованіе ихъ заключается въ ихъ обстановкѣ. Сухой рассказъ объ этомъ равнялся бы безвкуснымъ выжимкамъ, развѣ либретто какой нибудь оперы даетъ понятіе о ней? Если же вы захотите найти этотъ исчезнувшій міръ, то ищите его въ такихъ произведеніяхъ, которыя сохранили его внѣшній обликъ или его отголоски, и прежде всего, въ картинахъ и эстампахъ у Ватто, Фрагонара, Сентъ-Обена, затѣмъ въ романахъ и комедіяхъ, у Вольтера и Мариво, даже у Колле и Кребиллона—сына. Только тогда можно

видѣть лица, и тогда слышатся ихъ голоса. Какія все это умныя, привѣтливыя и веселыя лица, сверкающія удовольствіемъ и желаніемъ нравиться! Сколько непринужденности въ ихъ манерѣ и походкѣ! Какая пикантная грація заключается въ ихъ туалетѣ и улыбка, въ живости ихъ болтовни, въ интонаціи ихъ нѣжнаго голоса, въ кокетливыхъ намекахъ! Невольно останавливаешься, чтобы смотрѣть на нихъ и слушать! Все тутъ красиво: и умныя головы, и слабыя ручки и помятые уборы, капризные личики и гримасы. Малѣйшіе жесты, капризный или недовольный поворотъ головы, крошечная ручка, протягивающаяся изъ облака кружева, гибкая талія, полусклонившаяся надъ пальцами, шорохъ раскрывающагося вѣера— все здѣсь является наслажденіемъ для взоровъ и ума! Въ самомъ дѣлѣ, все тутъ нѣжитъ и ласкаетъ чувства, вплоть до внѣшней обстановки жизни, тонкихъ, извилистыхъ линий, роскошныхъ украшеній и изысканнаго удобства архитектурныхъ сооружений и мебели. Постарайтесь воспроизвести въ своемъ воображеніи всю эту обстановку, эти лица и вы поймете тогда тотъ интересъ, который возбуждали въ нихъ всѣ ихъ развлечения. Достаточно было находиться въ такой обстановкѣ и въ такомъ обществѣ, чтобы уже чувствовать себя хорошо. Праздность не тяготитъ ихъ и они какъ бы играютъ съ жизнью. Въ Шантлу, гдѣ къ герцогу де-Шуазель, находившемуся въ опалѣ, стекался весь большой свѣтъ, никто ничего не дѣлалъ, но тѣмъ не менѣе весь день бывалъ занятъ сплошь. „Герцогиня имѣетъ въ своемъ распоряженіи только два часа и эти два часа она употребляетъ на свой туалетъ и письма. Расчетъ тутъ очень простъ: она встаетъ въ одиннадцать часовъ; въ двѣнадцать—завтракъ, сопровождающійся разговоромъ, который продолжается до четырехъ часовъ; въ шесть—обѣдъ, затѣмъ игра и чтеніе мемуаровъ г-жи де-Ментенонъ. Обыкновенно „общество не расходится раньше двухъ часовъ утра. Свобода ума тутъ полная, никакихъ заботъ, никакихъ безпокойствъ; вистъ и трикъ-тракъ днемъ, фараонъ—вечеромъ. Сегодня дѣлаютъ то, что вчера и что будутъ дѣлать завтра; обѣдомъ и ужиномъ занимаются такъ, какъ будто бы это были самыя

важныя дѣла въ жизни и ни на что на свѣтѣ не жалуются, кромѣ какъ на свой желудокъ. Время такъ быстро проходитъ, что мнѣ все кажется, будто я пріѣхалъ только наканунѣ вечеромъ. Иногда устраиваютъ маленькую охоту и дамы соглашаются участвовать въ ней, такъ какъ онѣ всѣ очень проворны и въ состояніи ежедневно проходить пѣшкомъ такое разстояніе, которое равняется пяти или шести турамъ вальса вокругъ ихъ салона“. Но онѣ предпочитаютъ комнаты свѣжему воздуху; въ тѣ времена свѣчи вполне замѣняли солнечный свѣтъ, а синеву небесъ замѣнялъ расписной потолокъ,—по крайней мѣрѣ, тутъ никто не подвергался непогодѣ и гораздо удобнѣе было болтать шутить и разговаривать!

„Итакъ, время проходитъ въ болтовнѣ, въ шуткахъ съ присутствующими друзьями и въ перепискѣ съ отсутствующими. Старой г-жѣ де Деффанъ читаютъ наставленія за то, что она черезъ чуръ жива и даютъ ей прозвище „внучки“, а молодую герцогиню, нѣжную и благоразумную, называютъ „ея бабушкой“. Что касается „дѣдушки“, г. де-Шуазель, то такъ какъ небольшая простуда удерживаетъ его въ постели, то онъ заставляеть цѣлый день читать себѣ волшебныя сказки. Но и мы всѣ также пристрастились къ этому чтенію и находимъ сказки такими же правдоподобными, какъ и современную исторію. Не думайте, однако, чтобы герцогъ оставался незанятымъ въ это время; онъ велѣлъ поставить въ салонѣ пальцы для вышиванія ковровъ и работалъ, не скажу чтобы очень ловко, но, во всякомъ случаѣ, очень усердно... Въ настоящее же время, мы увлекаемся летучимъ змѣемъ. Дѣдушка никогда не видалъ его раньше и приходитъ отъ него въ восторгъ“.

Забавы сама по себѣ значенія ни имѣетъ, но случай или временное пристрастіе заставляютъ увлекаться ею и заниматься нѣкоторое время, затѣмъ ее забрасываютъ. Вотъ что пишетъ аббатъ: „Я не рассказываю вамъ больше ни о нашихъ охотахъ, потому что мы уже больше не охотимся, ни о нашихъ чтеніяхъ, потому что мы уже больше не читаемъ, ни о нашихъ прогулкахъ, потому что мы никуда не выходимъ. Чѣмъ же мы занимаемся? Одни играютъ на бильярдѣ, другіе въ

домино, третью въ фортунку. Мы разматываемъ клубки, выщипываемъ ниточки, раздергиваемъ галуны. Время постоянно толкаетъ насъ впередъ и мы отплачиваемъ ему тѣмъ же“.

Тоже самое наблюдается и въ другихъ обществахъ и такъ какъ всякое занятіе—ничто иное какъ развлеченіе, то достаточно бываетъ какогонибудь каприза, моды, чтобы заставить всѣхъ бросить старую и увлекаться новою забавой. Въ настоящее время у насъ въ большой модѣ раздергиваніе галуновъ, и поэтому въ Парижѣ и въ замкахъ всѣ бѣлыя ручки заняты этимъ: раздергиваютъ галуны, эполеты, старыя матеріи, чтобы извлечь оттуда золотыя и серебряныя нити. Онѣ находятъ въ этомъ какую-то кажущуюся экономію, нѣчто вродѣ занятія и, во всякомъ случаѣ, это наполняетъ ихъ время. Чуть соберется кружокъ свѣтскихъ дамъ, какъ тотчасъ же приносятъ и кладутъ на столъ большой мѣшокъ изъ зеленой тафты съ матеріаломъ для расщипыванія—это мѣшокъ хозяйки дома. Тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ и другія дамы требуютъ свои мѣшки и „вотъ являются лакеи“. Это занятіе имѣетъ огромный успѣхъ; дамы расщипываютъ галуны по цѣлымъ днямъ или иногда по нѣсколько часовъ въ день, такъ что иная зарабатываетъ этимъ до ста луидоровъ въ годъ. Мужчины обязаны поставлять матеріалъ для работы и поэтому герцогъ де Лозенъ даритъ г-жѣ де В. арфу въ натуральную величину, покрытую золотыми нитями. Огромный баранъ изъ золотыхъ нитей, поднесенный въ подарокъ графомъ де Ловенталь, стоилъ отъ двухъ до трехъ тысячъ франковъ, однако ощипанный, онъ принесетъ ей не болѣе 500 или 600 ливровъ. Но объ этомъ никто не думаетъ, вѣдь надъ же какоенибудь занятіе для праздныхъ рукъ, надо же найти исходъ въ ручномъ трудѣ для нервной энергіи! Веселость такъ и брызжетъ во всѣ стороны во время этой кажущейся работы. Однажды, выходя на прогулку съ однимъ господиномъ, г-жа де Р. замѣчаетъ, что золотыя бахромки, украшающія его одежду, могли бы служить превосходнымъ матеріаломъ для расщипыванія. Повинуясь внезапному порыву, г-жа де Р. обрѣзаетъ одну изъ бахромокъ. Въ тотъ же моментъ другія дамы окружаютъ этого господина и обрываютъ съ него всѣ бахромки и

всѣ галуны, запрятывая ихъ въ свои мѣшки—точно стая дерзкихъ синицъ, налетѣвшихъ, кудахтая и хлопая крыльями, на какуюнибудь сойку, чтобы ощипать ея пестрыя перья! Съ той поры каждый мужчина, попадающій въ женскій кружокъ, рискуетъ быть ощипаннымъ заживо. — Весь этотъ красивый міръ одинаково проводитъ время, какъ мужчины, такъ и женщины. Нѣтъ мужчины, который не обладалъ бы какимънибудь салоннымъ талантомъ и не нашелъ бы способа занять свой умъ и руки и наполнить чѣмънибудь свои пустые часы. Почти всѣ сочиняютъ стихи и участвуютъ въ любительскихъ спектакляхъ; многіе занимаются музыкой или рисуютъ. Герцогъ де Шуазель, какъ мы видѣли, занимался вышиваньемъ ковровъ, другіе тоже дѣлаютъ это или вяжутъ. Г. де Франкейлъ—хорошій скрипачъ и самъ дѣлаетъ свои скрипки, кромѣ того, онъ—„часовщикъ, архитекторъ, токарь, живописецъ, слесарь, декораторъ, поэтъ, музыкальный композиторъ и превосходный вышивальщикъ“. При такой всеобщей праздности, надо же было умѣть занимать себя, и притомъ такъ, чтобы это доставляло удовольствіе, не только самому себѣ, но и другимъ. „Г-жа де Помпадуръ—музыкантша, актриса, художница и граверша; Г-жа Аделаида изучаетъ часовое мастерство и играетъ на всѣхъ инструментахъ, начиная съ охотничьяго рога до волторны. Правда, она играетъ не очень хорошо, почти также, какъ и королева, которая, несмотря на хорошепкій голосокъ, поетъ фальшиво. Но никто не предъявляетъ строгихъ требованій, дѣло идетъ только о томъ, чтобы забавляться и больше ничего; увлеченіе, любезность прикрываютъ всѣ недостатки. Прочтите лучше о подвигѣ г-жи де Лозенъ въ Шантлу: „знаете-ли вы, что никто не обладаетъ въ большей мѣрѣ качествомъ, которое вы и не подозреваете у нея, а именно: искусствомъ приготовлять взбитыя яйца? У нея это былъ зарытый талантъ; она не помнитъ, когда приобрѣла его, я думаю, что онъ у нея врожденный. Случай открылъ намъ его и тотчасъ же мы подвергли его испытанію. Вчера утромъ—незабвенная эпоха въ исторіи яицъ—принесли всѣ необходимые инструменты для этой великой операціи, жаровню, бульонъ, соль, перецъ, яйца и вотъ, г-жа де Лозенъ, краснѣя

и смущаясь, съ непоколебимымъ мужествомъ принялась разбивать яйца, выпуская ихъ въ кострюльку, мѣшая со всѣхъ сторонъ справа, слѣва, сверху, снизу, съ такою увѣренностью и съ такимъ успѣхомъ, какихъ еще не видалъ никто. Никогда намъ не случилось ѣсть ничего болѣе вкуснаго!— Сколько смѣха веселаго и пріятнаго слышится вокругъ этой маленькой сценки! А позднѣе, сколько придумано было мадригаловъ и намековъ по этому поводу! Веселье это напоминаетъ скользкій лучъ свѣта; онъ играетъ на всемъ и каждой малѣйшей вещи придаетъ особенный блескъ.

VI.

„Быть всегда веселымъ—вотъ основное свойство француза“—говоритъ одинъ англійскій путешественникъ въ 1785 г.; причемъ онъ замѣчаетъ, что это даже составляетъ его обязанность, потому что во Франціи таковъ былъ тонъ большого свѣта и это былъ единственный способъ понравиться дамамъ, верховнымъ владычицамъ общества и законодательницамъ хорошаго вкуса. Прибавьте къ этому отсутствіе причинъ, вызывающихъ современную тоску и растягивающихъ надъ нами тяжелое свинцовое небо. Въ тѣ времена не было никакого сурового и преждевременнаго труда, не было ожесточенной конкуренціи, не было неопредѣленной карьеры и безконечныхъ перспективъ. Общественные ранги были всѣ рѣзко обозначены, честолюбію поставлены границы и зависть была меньше развита. Человѣкъ не бывалъ постоянно недоволенъ, ожесточенъ, озабоченъ, какъ теперь. Тамъ, гдѣ нѣтъ правъ, меньше страдаютъ отъ ихъ нарушенія. Мы мечтаемъ только о томъ, какъ бы подвинуться впередъ, они же думали только о томъ, какъ бы позабавиться. вмѣсто того, чтобы проклинать судьбу, просматривая списокъ производствъ, офицеръ придумываетъ какое нибудь переодѣваніе для костюмированнаго бала. Судья, вмѣсто того чтобы сосчитывать приговоры, которыхъ онъ добился, задаетъ хорошій ужинъ. Въ Парижѣ, въ лѣвой аллеѣ Пале-Рояля, каждое послѣ обѣда, „разряженное свѣтское общество собиралось подъ большими деревьями“. Вечеромъ, послѣ оперы, въ восемь съ половиною часовъ, „возвращаются туда же и остаются тамъ

иногда до двухъ часовъ утра“. Тамъ занимаются музыкой, при свѣтѣ луны; Гара поетъ, а шевалье де Сень-Жоржъ играетъ на скрипкѣ.

Въ Морфонтенѣ, „графъ де Водрейль, Лебрень, поэтъ, шевалье де Куаньи, такой милый и веселый,—Броніаръ и Роберъ, каждую ночь придумываютъ шарады и будятъ другъ друга, чтобы задавать ихъ одинъ другому“. Все время проходитъ въ празднествахъ. Нельзя прочесть ни одной біографіи, ни одного документа изъ провинціи, ни одного инвентаря того времени, чтобы въ ушахъ не раздавался звонъ бубенчиковъ всемірнаго карнавала. Въ Моншуа, у графа де Бедэ, дяди Шато-бріана, „занимались музыкой, танцевали, охотились и веселились съ утра до вечера, проѣдая свой капиталъ и свои доходы“. Въ Э и въ Марсели, во всемъ великосвѣтскомъ обществѣ, у графа де Вальбейль, я не нахожу ничего, кромѣ концертовъ, баловъ, дивертисментовъ, любезностей, спектаклей, въ которыхъ графиня де Миррабо исполняетъ первую роль. Въ Шатору, „г. Дюпень де Франкейлъ содержитъ „цѣлый отрядъ музыкантовъ, лакеевъ, поваровъ, паразитовъ, лошадей и собакъ. Давая пригоршнями и на удовольствія, и на благотворительность, онъ стремится быть счастливымъ и видѣть кругомъ только довольныя лица. Онъ не желаетъ считать и раззоряется самымъ пріятнымъ образомъ. „Ничто не уничтожаетъ этого вселія, ни возрастъ, ни изгнаніе, ни несчастья: въ 1793 году оно держится даже въ тюрьмахъ республики!—Человѣкъ, занимающій какое нибудь офиціальное мѣсто, нисколько не считалъ себя стѣсненнымъ своимъ мундиромъ; онъ не заоченѣлъ въ своей должности, такъ какъ не обязанъ постоянно сохранять внушительный и важный видъ, и быть серьезнымъ по приказу—обязательство, которое демократическая зависть налагаетъ на насъ теперь, какъ бы въ отместку. Въ 1753 году члены парламента, высланные въ Буржъ, устраиваютъ три любительскихъ спектакля, играютъ комедію и одинъ изъ нихъ, Дюпре де Сень-Моръ, слишкомъ склонный къ ухаживанію, дерется на шпагахъ съ однимъ изъ своихъ соперниковъ. Въ 1787 году, когда весь парламентъ высылается въ Труа, епископъ Барраль нарочно пріѣзжаетъ изъ своего замка

Сень-Ли для того, чтобы встрѣтить его и председательствуетъ каждый вечеръ за параднымъ обѣдомъ. Это были непрекращающіяся празднества и безконечные банкеты во всемъ городѣ; президенты держали у себя открытый столъ. Трактирщики торговали втрое больше, чѣмъ прежде, а въ кухняхъ сжигали столько дровъ, что городъ чуть-чуть не остался безъ нихъ. Но и въ обыкновенное время разгуль и веселье были нисколько не меньше. Членъ парламента, какъ и вельможа, долженъ жить сообразно своему капиталу. Просмотрите по этому случаю письма президента де Броссъ, изображающія дворянское общество, и взгляните на этотъ же самый городъ въ настоящее время. Въ 1744 году, по случаю выздоровленія короля, де Монтиньи, братъ президента де Бурбоннь, пригласилъ къ себѣ ужинать всѣхъ своихъ рабочихъ, купцовъ и ремесленниковъ, которые у него работали, числомъ до восьмидесяти человѣкъ, а второй столъ устроилъ для своихъ приказчиковъ, секретарей, врачей, хирурговъ, прокуроровъ и нотаріусовъ. Процессія всѣхъ приглашенныхъ собралась около триумфальной арки, на которой красовались пастухи, пастушки и разныя сельскія божества въ оперныхъ костюмахъ и изъ фонтановъ лилось вино, „какъ будто вода“, а послѣ ужина, всѣ оставшіяся сласти выбрасывались въ окно. Кромѣ этого члена парламента и другіе имѣютъ каждый, „свой маленькій Версаль. въ видѣ большого отеля, построеннаго между дворомъ и садомъ“. Городъ, такой тихій теперь, тогда былъ полонъ грохота прекрасныхъ экипажей. Изобиліе стола просто изумительно, „не только въ праздничные дни, но и во время ужиновъ, которые даются еженедѣльно,—я бы сказалъ даже ежедневно“. — И среди всѣхъ этихъ устроителей празднествъ, выдѣляется самый знаменитый изъ всѣхъ президентъ де Броссъ, такой важный и степенный, когда онъ возсѣдаетъ на своемъ председательскомъ креслѣ, такой безстрашный, когда онъ высказываетъ свои предостереженія, такой трудолюбивый и ученый, и въ тоже время такой весельчакъ,—истинный галль, блестящій остроуміемъ и неистощимый по части пикантныхъ шуточекъ. Оставаясь съ друзьями, онъ снимаетъ свой парикъ, свою су-

дейскую мантию, а нерѣдко и еще кое-что. Но никто не скандализируется этимъ; никто не считаетъ, что мундиръ долженъ играть роль гасильника веселья и это относится ко всякаго рода мундирамъ и, въ особенности, къ судейской мантии. „Когда я вступилъ въ свѣтъ, въ 1785 г.—пишетъ одинъ изъ членовъ парламента,—то я былъ представленъ одновременно женамъ и любовницамъ друзей моей семьи и проводилъ вечера, по понедѣльникамъ, у которойнибудь изъ женъ, а по вторникамъ,—у которойнибудь изъ любовницъ. А мнѣ еще не было и восемнадцати лѣтъ тогда! И я происходилъ изъ семьи судебного сословія“.—Въ Бавиллѣ, у Ламуаньона, во время вакацій, на Троицу, и осенью, ежедневно за столъ садятся по тридцати человѣкъ; охотятся три—четыре раза въ недѣлю, а самые знаменитые изъ судей того времени, Ламуаньонъ, Паские, Розамбо, г. и г-жа д'Агессо, играютъ въ „Севильскомъ цирюльникѣ“ на сценѣ домашняго театра въ замкѣ.

Что касается священнической одежды то, и она пользовалась такою же свободой, какъ и судейская мантия. Въ Савернѣ, въ Клерво, Мань и др. мѣстахъ прелаты носятъ свою сутану также непринужденно, какъ и судейскіе свою мантию. Чтобы плотнѣе приклеить ее къ тѣлу, понадобилась революціонная буря, а затѣмъ враждебный надзоръ организованной партіи и угрозы постоянной опасности. Но до 1789 года, небо было слишкомъ ясно, воздухъ слишкомъ тепелъ и поэтому трудно было рѣшаться застегивать сутану до самаго горла. „Свобода и снисходительность,—помните это, господинъ аббатъ, говорилъ кардиналъ де-Роганъ своему секретарю;—безъ нихъ около насъ будетъ пустыня!“—Почтенный кардиналъ больше всего боялся именно такой пустыни. Поэтому-то онъ и превратилъ Саверну въ какой-то очарованный мірокъ въ стилѣ Ватто или „отплытія въ Цитеру“. Шестисотъ крестьянъ и сторожей, становясь въ рядъ, образуютъ утромъ цѣпь длиною въ одну милю и загоняютъ дичь, а въ это время охотники, мужчины и женщины, разставляются по мѣстамъ. „Изъ опасенія, чтобы дамы не пугались, оставаясь однѣ, при нихъ всегда оставляли мужчинъ, которые были имъ пріятнѣе другихъ“. Мужчина

долженъ былъ успокаивать даму, а такъ какъ запрещено было покидать свои мѣста раньше поданнаго сигнала, то „можно было не опасаться быть застигнутымъ врасплохъ“.—Около часа пополудни, „все общество собирается подъ сѣнью великолѣпной палатки, на берегу ручейка или въ какомъ нибудь другомъ восхитительномъ мѣстѣ, и такъ какъ надо было, чтобы и всѣ остальные люди чувствовали себя счастливыми въ такое время, то каждому крестьянину выдавалось по фунту мяса, по два фунта хлѣба и по полбутылки вина. Конечно, никто не желалъ ничего лучшаго, какъ только повторенія такой охоты и съ этимъ соглашались также и дамы“. Щекотливымъ людямъ этотъ любезный прелатъ навѣрное отвѣтилъ бы, вмѣстѣ съ Вольтеромъ, что „въ хорошемъ обществѣ никогда не бываетъ ничего дурного!“ И въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ и сказалъ однажды, и даже въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, одной дамѣ пріѣхавшей къ нему съ визитомъ, въ сопровожденіи молодого офицера и когда онъ сталъ оставлять ихъ ночевать, то его камердинеръ „доложилъ ему потихоньку, что въ домѣ нѣтъ больше мѣста“.—Развѣ и помѣщеніе для ваннъ тоже полно?—Нѣтъ, монсиньоръ, отвѣчалъ камердинеръ.—Развѣ тамъ нѣтъ двухъ постелей?—Да, монсиньоръ, но кровати стоятъ въ одной комнатѣ, этотъ офицеръ...—Ну чтожъ! развѣ они не пріѣхали вмѣстѣ? Ограниченные люди, подобные вамъ, видятъ вездѣ худое. Вы увидите, что они отлично устроятся, тутъ задумываться нечего.—Дѣйствительно, повидимому, никто и не задумывался надъ этимъ, ни дама, ни ея кавалеръ. Въ Гранзельвѣ, въ Гардѣ, бернадинцы были еще болѣе гостепріимны; къ нимъ пріѣзжали за пятнадцать или двадцать лье, на праздникъ св. Бернарда, который длился двѣ недѣли. Въ теченіе всего этого времени танцовали, охотились, представляли комедіи;— „столы же оставались накрытыми во всякое время“. Дамское отдѣленіе снабжено было всѣмъ, что только нужно для дамскаго туалета; недостатка не было ни въ чемъ и говорятъ даже, что ни одной изъ нихъ не нужно было приводить съ собою кавалера.

Я могу назвать еще по крайней мѣрѣ двадцать прелатовъ, не менѣе любезныхъ. Лицемѣріе тутъ совершен-

но отсутствуетъ: у Трюдена четыре аббата смотрятъ на представленіе пьесы Колле „Приключенія или Аббаты“, сюжетъ которой, по словамъ самого же автора, былъ настолько рискованный, что онъ даже не рѣшился напечатать ее вмѣстѣ со своими другими пьесами. Нѣсколько позднѣе, Бомарше, читая у маршалши де Ришелье свою „Свадьбу Фигаро“, не очищенную отъ грубостей, и гораздо болѣе рѣзкую и прямую, чѣмъ та, которая извѣстна намъ теперь, имѣлъ въ числѣ своихъ слушателей епископовъ и архіепископовъ. И эти послѣдніе, какъ онъ самъ рассказываетъ, „очень забавлялись и затѣмъ стали увѣрять его, что охотно напечатали бы эту пьесу, такъ какъ въ ней нѣтъ ни одного слова, которое могло бы оскорбить добрые нравы“.—Такимъ образомъ, пьеса эта прошла, не взирая на государственныя соображенія и даже противъ желанія короля, но благодаря сообщничеству всѣхъ и даже тѣхъ, кто всего больше долженъ бы настаивать на ея запрещеніи. „Есть нѣчто еще болѣе безумное, чѣмъ моя пьеса,—говорилъ самъ авторъ—это ея успѣхъ“. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ; люди, гонящіеся за удовольствіями, не могли отказаться отъ самой веселой комедіи вѣка. И вотъ они являлись аплодировать сатирѣ на самихъ себя, и даже мало того—сами играли въ ней. Когда въ обществѣ возникаетъ пристрастіе къ чему нибудь, то оно, какъ и сильная страсть, приводитъ къ крайностямъ, которыя тоже равняются безумію и требуютъ удовлетворенія во что бы то ни стало. Добиваясь его, общество становится похожимъ на ребенка, который видитъ плодъ и хочетъ овладѣть имъ. Общество дѣлаетъ это, не взирая на опасность, о которой онъ забываетъ и приличія, которыя оно же само придумало.

VI.

Развлекаться—это значитъ отвлекать себя отъ собственной своей личности, уйти отъ самого себя. Но чтобы хорошенько уйти отъ самого себя, надо переселиться въ другого, стать на его мѣсто, надѣть на себя его маску и играть его роль. Вотъ почему, самымъ лучшимъ развлеченіемъ служить комедія, въ которой онъ самъ исполняетъ роль актера. Такъ поступаютъ именно дѣти, играющіе по цѣлымъ днямъ

роль авторовъ, актеровъ, зрителей, импровизирующихъ и представляющихъ цѣлыя маленькія сценки. Тоже самое находимъ мы и у народовъ, политическій режимъ которыхъ отнимаетъ у нихъ всякія мужественныя заботы и они начинаютъ забавляться жизнью точно дѣти. Въ Венеціи, въ восемнадцатомъ вѣкѣ, карнаваль длился полгода; во Франціи, онъ хотя и въ другой формѣ, продолжался, въ сущности, весь годъ. Не такой простой и не такой живописный—какъ въ Венеціи, но болѣе утонченный и элегантный карнаваль этотъ покинулъ площади, такъ какъ одного только солнечнаго свѣта ему было уже недостаточно и онъ заперся въ салонахъ, гдѣ люстры лучше подходили для него. Отъ всего этого великаго народнаго маскарада сохранили только остатокъ—балъ парижской оперы, отличавшійся великолѣпіемъ и посѣщаемый не только принцами и принцессами, но даже королевой. Однако этотъ лоскутокъ, какъ онъ ни блестящъ, все-таки недостаточенъ и поэтому во всѣхъ замкахъ и отеляхъ, въ Парижѣ и въ провинціи, устраиваются свѣтскіе маскарады и разыгрываются комедіи на домашнемъ театрѣ.—Для приѣма какаго нибудь важнаго лица, для празднованія именинъ хозяина или хозяйки дома, обыкновенно гости или приглашенные устраиваютъ спектакль, разыгрываютъ какую нибудь импровизированную оперетку, какую нибудь остроумную и хвалебную пастораль, переодѣваясь для этого, то богами и божествами греческой мифологіи, то наряжаясь турками, лапландцами, поляками и напоминая собою тѣ фигуры, которыми украшаютъ заголовки книгъ. Появляясь то въ костюмѣ крестьянъ, то въ образѣ учителя, ярмарочнаго купца, молочницы и т. д., они изображали обыкновенно такихъ благовоспитанныхъ поселянъ, которыхъ, сообразно со вкусами общества, всегда представляли въ то время на сценѣ театровъ. Эти поселяне танцуютъ, поютъ и поочередно декламируютъ небольшіе стишки, подходящіе для даннаго случая и представляющіе ни что иное, какъ искусно построенные комплименты.—На праздникъ въ Шантильи, „молодая и прелестная герцогиня де Бурбонъ, является въ видѣ сладострастной наяды, которую графъ дю-Нордъ перевозитъ въ золоченой

лодкѣ, черезъ большой каналъ, къ острову любви. Съ своей стороны и принцъ Конти также служитъ лоцманомъ великой герцогинѣ, а другіе знатные господа и дамы, всѣ въ аллегорическихъ костюмахъ, составляютъ экипажъ судовъ, образующихъ блестящій, веселый кортежъ въ этомъ новомъ саду Алкиноя, который кажется волшебною сценой изъ произведеній Тассо.

Въ Водрейлѣ дамы, узнавъ что ихъ хотятъ похитить для серала, одѣваются весталками и главный жрецъ богини, распѣвая хорошенькіе куплеты, принимаетъ ихъ въ своемъ храмѣ посреди парка. Но являются турки, болѣе трехсотъ человекъ, прорываются черезъ ограду при звукахъ музыки и уносятъ дамъ въ паланкинахъ черезъ роскошно иллюминированные сады. Въ маленькомъ Трианонѣ, паркъ представляетъ ярмарку, гдѣ придворныя дамы играютъ роль торговокъ, даже „королева, въ качествѣ продавщицы лимонада возсѣдаетъ въ кофейнѣ“; всюду устроены театры, вездѣ идетъ представленіе. Праздникъ этотъ, какъ говорятъ, обошелся въ 400,000 ливровъ и долженъ былъ возобновиться въ Шуази, въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ.

На ряду съ этими переодѣваніями которыя ограничиваются только костюмомъ и занимаютъ не болѣе часа, временно существуетъ еще другое, болѣе продолжительное развлеченіе, это любительскій театръ, который совершенно преобразовываетъ человека и въ теченіе шести недѣль, или даже трехъ мѣсяцевъ, всецѣло поглощаетъ его время, занимая его репетиціями. Около 1770 г. „страсть къ театральнымъ представленіямъ достигаетъ невѣроятныхъ размѣровъ и нѣтъ ни одного прокурора“, который бы не мечталъ объ устройствѣ въ своемъ загородномъ домѣ подмостокъ и труппы актеровъ.—Одинъ бернардинецъ, живущій въ Брессѣ, среди лѣсовъ, написалъ Колле, что онъ собирается играть со своими братьями „Охотничью прогулку Генриха IX“ и намѣревается построить для этой цѣли маленькій театръ втихомолку „отъ святошъ и ограниченныхъ людей“. Реформаторы и моралисты, вводятъ театральное искусство даже въ дѣтское воспитаніе. Г-жа де-Жанлисъ составляетъ для нихъ комедіи и находитъ

такія упражненія въ высшей степени полезными для выработки хорошаго произношенія, умѣнья держать себя и хорошихъ манеръ. Дѣйствительно, театръ въ тѣ времена подготавливалъ человѣка для свѣта, совершенно также какъ свѣтъ подготавливалъ его для театра, и въ томъ, и другомъ случаѣ человѣкъ находился на виду и какъ его манеры, такъ и тонъ его голоса выработывались соотвѣтствующимъ образомъ. Всѣ играли роль и сцена, и салонъ одинаково служили подмостками. Къ концу XVIII вѣка всѣ становятся актерами, потому что всѣ были ими уже раньше. „Только было и разговоровъ, что о маленькихъ театрахъ устраиваемыхъ въ провинціи, вокругъ Парижа. „Примѣръ давно уже былъ поданъ самыми знатными лицами. При Людовикѣ XV, герцогъ Орлеанскій вмѣстѣ съ другими и съ г-жею де Помпадуръ составляетъ труппу для „маленькихъ кабинетовъ“. Герцогъ де ля Валльеръ состоитъ ея режиссеромъ и когда въ пьесѣ заключается балетъ, то главными танцовщицами являются маркизъ де Куртанво, Герцогъ де-Бевронъ, графы де Мельфоръ и де-Ланжеронъ.—Тѣ, кто хорошо знакомъ съ устройствомъ такихъ спектаклей,—пишетъ благоразумный и благочестивый герцогъ де Люинъ—признаютъ, что даже профессиональные актеры не могли бы сыграть лучше и съ большимъ разумѣніемъ“.— Въ концѣ концовъ увлеченіе идетъ дальше и захватываетъ даже королевскую семью. Въ Трианонѣ, сперва въ присутствіи сорока человѣкъ, а затѣмъ и передъ болѣе обширною публикой, королева играетъ Колетту въ „Деревенскомъ Колдунѣ“, Готту въ „Непредвидѣнномъ Закладѣ“, Розину въ „Севильскомъ Цирюльникѣ“ и Пьеретту въ пьесѣ „Охотникъ и молочница“. Другіе актеры—все также придворные вельможи. Старшій братъ короля также имѣетъ свой собственный театръ; а у графа д'Артуа ихъ два.

„Большее десятка дамъ большого свѣта, пишетъ принцъ де Линъ, играютъ и поютъ лучше, чѣмъ кто бы то ни было изъ профессиональныхъ актеровъ всѣхъ нашихъ театровъ.“—По ихъ таланту судите объ ихъ ученіи, прилежаніи и усердіи. Несомнѣнно, что для большинства это составляло главное занятіе, бывали и такіе замки, напр. Сентъ-Обенъ, гдѣ хозяйка дома,

для пополненія своей труппы включила въ нее своихъ четырехъ горничныхъ и заставляла играть свою десятилѣтнюю дочку, устраивая спектакли непрерывно въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати мѣсяцевъ. Послѣ своего банкротства принцесса Геменэ, отправляясь въ изгнаніе, прежде всего, позаботилась о томъ, чтобы пригласить обойщиковъ и заставить ихъ сдѣлать сцену для домашняго театра. Словомъ, какъ въ Венеціи никто уже не выходилъ иначе какъ въ маскѣ, такъ и здѣсь никто не могъ представить себѣ жизнь иначе, какъ съ переодѣваніями, всякого рода превращеніями, выходами и успѣхомъ настоящаго актера.

Еще больше характерную для всего этого общества черту, представляли шутки и фарсы.

Въ самомъ дѣлѣ, для этого прекраснаго міра жизнь была настоящимъ карнаваломъ, столь же вольнымъ, столь же распущеннымъ, какъ въ Венеціи. Обыкновенно спектакль кончался какою-нибудь шуткой или фарсомъ, заимствованнымъ изъ сказокъ Лафонтена или изъ итальянскихъ буффонадъ и отличающимся не только веселостью, но и чрезмѣрною разнузданностью, достигающею подчасъ такихъ размѣровъ, что исполнять такіе фарсы можно было развѣ „только въ присутствіи принцевъ или публичныхъ женщинъ“. Вѣдь притупившійся вкусъ не довольствуется уже оршадомъ и требуетъ крѣпкаго напитка.—На одинъ фарсъ, не лишенный соли, приходится по крайней мѣрѣ десятокъ пересыпанныхъ самымъ крупнымъ перцемъ“. Въ Брюнуа, у старшаго брата короля, эти представленія были такъ непристойны, что король даже раскаялся въ томъ, что пріѣхалъ.—Трудно даже представить себѣ подобную распущенность. Двѣ дамы, находившіяся въ залѣ, вынуждены были бѣжать. Но что всего чудовищнѣе — на этотъ спектакль осмѣлились пригласить королеву! — Веселье является чѣмъ—то въ родѣ опьяненія, требующаго, чтобы бочка была осушена до дна, такъ что послѣ вина начинаютъ уже пить дрожжи и не только на маленькихъ ужинахъ съ публичными женщинами, но и въ большемъ свѣтѣ, въ присутствіи дамъ, совершаются непристойныя шалости. Это настоящіе повѣсы, не отступающіе ни передъ словомъ, ни передъ

дѣломъ. — Вотъ уже пять или шесть мѣсяцевъ — пишетъ одна дама въ 1782 г. — какъ ужины сопровождаются игрою въ жмурки или чѣмъ-то въ родѣ балета и кончаются „всеобщимъ повѣсничаньемъ“. — На эти ужины приглашаютъ людей недѣли за двѣ. — На этотъ разъ распалившееся общество перевернуло столы, мебель и вылило въ комнатѣ двадцать графиновъ воды. Наконецъ, я ушла въ половинѣ второго ночи, изнемогая отъ усталости и отъ полученныхъ ударовъ, носовыми платками. Я оставила г-жу де-Кларансъ, совершенно лишившуюся голоса, въ платьѣ, изодранномъ на тысячу кусковъ, съ царапинами на рукахъ и синяками на головѣ, но въ восторгѣ отъ того, что ея ужинъ отличился такою веселостью и похвалявшеюся тѣмъ, что на завтра она устроить такое же веселье. — Вотъ куда приводитъ потребность забавляться! Подъ ея давленіемъ, какъ подъ пальцами какого-нибудь скульптора, измѣняется постепенно наружность вѣка и незамѣтно теряетъ серьезность. Сдержанное лицо придворнаго превращается сначала въ веселую физиономію свѣтскаго человѣка, а затѣмъ, на улыбающихся устахъ, чертанія которыхъ постепенно мѣняются, появляется уже безстыдный и разнузданный смѣхъ парижскаго повѣсы.

Глава третья.

Неудобства салонной жизни. — Эта жизнь отличается искусственностью. — Возвращеніе къ природѣ и чувству. — Заключительная черта, дополняющая физиономію вѣка, салонная чувствительность. — Время ея появленія. — Ея признаки въ искусствѣ и въ литературѣ. — Ея вліяніе въ частной жизни. — Аффектація. — Искренность этой чувствительности. — Ея деликатность. — Недостатки характера, формирующагося при такихъ условіяхъ. — Приспособленны къ однимъ извѣстнымъ условіямъ характеръ этотъ уже не годится для противоположныхъ условій. — Пробѣлы въ умственной сферѣ. — Недостатки воли. — Такой характеръ заранѣе обезоруженъ, благодаря своей свѣтскости.

I.

Въ концѣ-концовъ всякое удовольствіе уже перестаетъ плѣнять и какъ ни пріятна салонная жизнь, но она начинаетъ казаться пустою. Чего-то недостаетъ въ ней, хотя никто еще не въ состояніи ясно опредѣлить чего именно. Душа, однако, испытываетъ какое-то смутное безпокойство и наконецъ, мало-по-малу, при помощи

писателей и художниковъ открываетъ причины непріятнаго чувства, испытываемаго ею, и узнаетъ предметъ своихъ тайныхъ желаній. Искусственность и сухость — вотъ двѣ главныя черты свѣтскаго общества, выступающія тѣмъ рѣзче, чѣмъ оно совершеннѣе. А въ тогдашнемъ свѣтѣ эти черты были доведены до крайности, потому что онъ достигъ высшей утонченности. Прежде всего, изъ этого свѣта было исключено все естественное; тамъ все было заранѣе обдуманно, заранѣе подготовлено, вся внѣшняя обстановка, костюмъ, поза, звукъ голоса, слова, идеи и даже чувства. — Рѣдкость истиннаго чувства такъ велика, говоритъ г. В., что когда я возвращаюсь изъ Версаля, то порою останавливаюсь на улицѣ, чтобы посмотрѣть, какъ собака гложетъ кость. — Человѣкъ, всецѣло отдавшій свѣту, не оставилъ для себя ни одной частицы собственной личности, а свѣтскія приличія опутываютъ, словно лианы, все его существо, не давая ему свободно двигаться. — Тогда существовала особая манера ходить, садиться, кланяться, поднимать перчатку, держать вилку, подавать что-нибудь — говоритъ одна особа, получившая такое свѣтское воспитаніе; — однимъ словомъ, эта была цѣлая система мимики, которой приходилось обучать дѣтей съ ранняго возраста для того, чтобы они могли усвоить это себѣ окончательно такъ, чтобы это сдѣлалось для нихъ привычкой и стало второй натурой. Вся эта условность имѣла такое большое значеніе въ жизни стариннаго большаго свѣта, что актеры въ настоящее время, несмотря на тщательное изученіе тогдашнихъ нравовъ, все-таки не въ состояніи дать намъ полное представленіе о нихъ. — Не только внѣшняя жизнь, но и внутренняя подчинялась условности; надо было чувствовать, думать, жить и умирать согласно извѣстнымъ обязательнымъ правиламъ. Невозможно было заговорить съ мужчиной иначе, какъ представивъ себя въ его распоряженіе, а къ женщинѣ нельзя было обратиться, не объявивъ ей предварительно, что находишься у ея ногъ. Хорошій тонъ устанавливалъ заранѣе всѣ эти мелкія и крупныя подробности: какъ объявляться въ любви или разрывать съ женщиной, вызывать на дуэль и вести себя во время поединка, какъ обра-

щаться съ равнымъ, съ подчиненнымъ и высшимъ. Если человекъ не исполнялъ предписанныхъ этимъ всеобщимъ кодексомъ правилъ, то онъ вызывалъ къ себѣ презрѣніе, былъ „жалокъ“. Такой умный и талантливый человекъ, какъ д'Аржансонъ, получилъ прозвище „животнаго“ потому, что его оригинальность выходила изъ условныхъ рамокъ. — Этому нѣтъ имени, это ни на что не похоже — таково было самое сильное порицаніе, высказываемое въ то время. Какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ все, что удалялось отъ извѣстнаго образца — немилосердно отвергалось. Число дозволенныхъ дѣйствій было также ограничено, какъ и число дозволенныхъ словъ. Утонченный вкусъ содѣйствовалъ обѣдненію личной инициативы, также какъ и обѣдненію языка и всѣ поступали также, какъ и писали, согласно заученнымъ формамъ и вращаясь въ ограниченномъ кругѣ установленныхъ идей. Ни въ какомъ случаѣ не допускалась эксцентричность; все непредвидѣнное и всякій живой порывъ были нарушеніемъ приличій. Изъ двадцати примѣровъ, которые приходятъ мнѣ въ голову, я выбираю самый ничтожный, такъ какъ тутъ дѣло идетъ о простомъ жестѣ, но именно поэтому ничтожному примѣру можно судить о другихъ: *M-elle de...*, благодаря протекціи своей семьи, добилась назначенія пенсій для тогдашняго знаменитаго учителя танцевъ, Марселя. Получивъ патентъ для него, она радостно побѣждала къ нему и подала ему бумагу. Марсель взялъ ее и бросилъ ее на землю: — Развѣ я такъ училъ васъ подавать чтонибудь? Поднимите бумагу и подайте ее мнѣ снова, какъ должно, сказалъ онъ. — Дѣвушка подняла бумагу и подала ее ему съ предписанной граціей. — „Хорошо, *Mademoiselle*, замѣтилъ Марсель. — Я принимаю эту бумагу, хотя вы недостаточно округлили локоть, подавая ее, и благодарю васъ“. Такое изобиліе граціи подъ конецъ становится утомительнымъ и человекъ, питавшійся въ теченіе столькихъ лѣтъ изысканной кухни, начинаетъ уже требовать простой пищи, молока и чернаго хлѣба.

Изъ всѣхъ свѣтскихъ приправъ, одной злоупотребляютъ въ особенности. Примѣшиваемая ко всему и постоянно, она придаетъ всѣмъ предметамъ пи-

кантность, но также сообщаетъ имъ и холодность: я говорю о шутливомъ тонѣ. Свѣтъ не допускаетъ страсти и въ этомъ, конечно, онъ правъ. Нельзя быть въ обществѣ и оставаться мрачнымъ и раздражительнымъ: сосредоточенный или сдержанный видъ вноситъ бы дисгармонію. Хозяйка дома имѣетъ право замѣтить человеку, который становится молчаливымъ подъ вліяніемъ сдерживаемаго внутренняго волненія: „Милостивый Государь, вы сегодня не любезны.“ — Надо, слѣдовательно, быть любезнымъ всегда и, подъ вліяніемъ этихъ стараній, чувствительность, раздѣлившаяся на тысячу мелкихъ каналовъ, не можетъ уже болѣе изливаться широкимъ потокомъ“. У каждаго были сотни друзей и изъ этихъ ста друзей — двое или трое, ежедневно испытывали какоенибудь сильное огорченіе. Но нельзя было долго соболѣзновать имъ, такъ какъ это было бы невниманіемъ къ остальнымъ девяносто семи“. Нѣсколько вздоховъ сочувствія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ этихъ девяносто семи друзей и это было все, что требовалось. Г-жа дю-Деффанъ, потерявшая своего самага стариннаго друга, президента Гэно, въ тотъ же день ужинала въ большой компаніи. „Увы! говорила она. — Онъ умеръ сегодня вечеромъ въ шесть часовъ; безъ этого вы бы не увидѣли меня здѣсь“. — При такомъ режимѣ, состоящемъ изъ развлеченій и забавы, для глубокихъ чувствъ нѣтъ мѣста; у людей остается только способность къ ощущеніямъ и даже любовь сводится къ простому „обмѣну двухъ фантазій“. И такъ какъ паденіе всегда совершается въ сторону уклона, то легкость нравовъ становится преднамѣренною и считается признакомъ изысканности. Сердечная безчувственность входитъ въ моду и человекъ стыдится выказать себя дѣйствительно разстроганнымъ. Мужчины похваляются игрою въ любовь и тѣмъ, что на женщину они смотрятъ, какъ на механическую игрушку, въ которой они затрагиваютъ то одну, то другую пружину, для того, чтобы вызывать по желанію нѣжность или гнѣвъ. Что бы ни дѣлала женщина, мужчина никогда не переходитъ за предѣлы самой оскорбительной вѣжливости и самая преувеличенность ложнаго уваженія, которымъ ее осыпаютъ, является ироніей,

такъ какъ она только подчеркиваетъ отдаленіе отъ нея мужчины. Но въ этомъ отношеніи заходятъ еще дальше и у нѣкоторыхъ людей, съ глубоко черствою душою, волокитство является уже злою игрою. Скуки ради и чувствуя потребность въ возбужденіи, изъ тщеславіи или чтобы доказать свою ловкость, они мучаютъ женщину, заставляютъ ее плакать, обезчещиваютъ ее и медленно убиваютъ. Въ концѣ концовъ, такъ какъ человѣческое самолюбіе представляетъ бездонную пропасть, то нѣтъ такой „низости“, на которую эти изысканные палачи не были бы способны, такъ что дѣйствующія лица Лякло были списаны имъ съ живыхъ людей.—Безъ сомнѣнія, такія чудовища рѣдки; но нѣтъ надобности обращаться къ нимъ, чтобы видѣть сколько эгоизма заключается въ свѣтскомъ волокитствѣ. Женщины, которыя превратили въ обязательство такое волокитство, сами же, первыя, почувствовали всю его лживость и начали сожалѣть, среди окружающаго ихъ изобилія холоднаго вниманія, о заразительной теплотѣ истиннаго, сильнаго чувства. Тогда характеръ вѣка получилъ свою заключительную черту и появился „чувствительный человѣкъ“.

П.

Однако, сущность нравовъ не измѣняется отъ этого, все же они остаются свѣтскими и безпутными до конца. Но мода начинаетъ допускать новыя проявленія: душевныя изліянія, мечтательность, нѣжность, которыя до сихъ поръ не были извѣстны. Требуется возвращеніе къ природѣ, восхищеніе деревней, любовь къ простотѣ сельскихъ нравовъ, интересъ къ крестьянамъ, гуманность, сердечность, вкусъ къ простымъ и естественнымъ привязанностямъ— словомъ, мужчина долженъ былъ стать мужемъ и отцомъ, обладать душою, быть добродѣтельнымъ и религіознымъ, вѣрить въ Провидѣніе и безсмертіе души и быть способнымъ къ энтузіазму. Всякій уже хочетъ быть такимъ человѣкомъ или, по крайней мѣрѣ, имѣть стремленіе выказать себя такимъ. Но во всякомъ случаѣ, если у кого нибудь возникло такое желаніе, то все же при этомъ обычныя условія жизни не нарушались и новыя ощущенія не отнимали ничего

отъ наслажденій прежняго образа жизни. Такимъ образомъ, начинающаяся восторженность души превращалась въ чисто мировой продуктъ и идиллія, почти цѣликомъ, разыгрывалась только въ салонахъ. Литература, театръ, живопись и всѣ искусства, вступившія на сантиментальную дорогу доставляли разгоряченному воображенію поддѣльную пищу. Руссо проповѣдуетъ въ избранныхъ выраженіяхъ прелести дикой жизни и свѣтскіе щеголи, въ промежуткѣ между двумя мадригалами, мечтаютъ о блаженствѣ лежать нагими въ дѣвственномъ лѣсу. Любовники въ „Новой Элоизѣ“ обмѣниваются, въ четырехъ томахъ образчиками стиля и это вызываетъ у г-жи де Бло, „у женщины, не только сдержанной, но и осторожной“, восклицаніе, въ салонѣ герцогини Шартрской, что, „истинно чувствительная женщина не въ состояніи была бы ни въ чемъ отказать страсти Руссо, если только она не обладаетъ высшею добродѣтелью“.

На картинной выставкѣ происходитъ настоящая давка около картинъ Греза, изображающихъ сельскія и домашнія идилліи. Оттѣнокъ сладострастія на фонѣ вызывающей чувственности, который проглядываетъ сквозь хрупкую наивность, изображаемыхъ имъ простушекъ, представляетъ настоящее лакомство для распутныхъ вкусовъ, продолжающихъ держаться подъ личиною нравственныхъ стремленій. Послѣ него: Дюсизъ, Тома, Парни, Колардо, Руше, Делилль, Берпарденъ де Сень-Шьерръ, Мармонтель, Флоріанъ,—весь сонмъ ораторовъ, писателей и политиковъ, мизантропъ Шамфоръ, резонеръ Лагарпъ, министръ Неккеръ, кропатели маленькихъ стишковъ, подражатели Гесанеру и Юнгу, Беркенъ, Битобе, всѣ приглаженные и разодѣтые, съ вышитыми платками въ рукахъ, чтобы вытирать слезы, продолжаютъ руководить этой всеобщей эглогой вплоть до самой революціи.

Напыщенная чувствительность постепенно проникаетъ и во всѣ мелочи частной жизни. Въ паркѣ воздвигается маленькій храмъ дружбы, а въ кабинетѣ устраивается алтарь благотворительности. Платья носятъ во вкусѣ Руссо и „соотвѣтствующія принципамъ этого писателя“. Для своихъ

куафюръ женщины выбираютъ „чувствительный пуфъ“, куда вставляютъ портреты своей дочери, своей матери, своей канарейки, своей собаки, перевитые волосами отца или друга сердца“. Къ нѣкоторымъ подругамъ „питаютъ такое нѣжное и сильное чувство, что оно почти граничитъ со страстью“ и это заставляетъ ихъ видѣться другъ съ другомъ по крайней мѣрѣ три раза въ день. „Каждый разъ, когда такія подруги начинаютъ говорить другъ другу *чувствительныя* вещи, то онѣ должны внезапно измѣнять тонъ и говорить тонкимъ, протяжнымъ голосомъ, нѣжно поглядывая другъ на друга, склонивъ головку и часто обнимаясь“, — что не мѣшаетъ имъ зѣвать изподтишка и даже засыпать въ объятіяхъ другъ друга, потому что имъ больше не о чемъ говорить, но энтузіазмъ обязателенъ. При возобновленіи пьесы „Отецъ семейства“, всѣ зрители вооружились носовыми платками, а женщины падали въ обморокъ. „Въ обществѣ было принято, чтобы женщины, въ особенности молодыя, волновались, блѣднѣли, умилялись и даже вообще чувствовали себя дурно при видѣ Вольтера. Онѣ бросались въ его объятія, что-то лепетали, плакали и находились въ состояніи сильнѣйшаго волненія, которое было похоже на самую страстную любовь“. Когда какой нибудь великосвѣтскій авторъ читалъ въ салонѣ свое произведеніе, то обычай требовалъ, чтобы всѣ при этомъ ахали, издавали восклицанія и чтобы непременно которая нибудь изъ красавицъ упала въ обморокъ и ее пришлось бы расшнуровывать. Г-жа де-Жанлисъ, осмѣивающая такую аффектацію, сама заражена была ею не менѣе другихъ. Она напр., говоритъ одной молодой сироткѣ, которую вывозитъ въ общество: „Памела, представь Элоизу!“ И Памела, распустивъ волосы, падаетъ на колѣни и, принимая вдохновенный видъ, возводитъ глаза къ небу, при громкихъ рукоплесканіяхъ зрителей. — Чувствительность становится закономъ. Также самая г-жа де-Жанлисъ основываетъ орденъ постоянства, куда вскорѣ поступаютъ „до 90 кавалеровъ, принадлежащихъ къ самому высшему свѣту.“ Чтобы быть принятымъ въ этотъ орденъ, надо было разгадать загадку, отвѣтить на прав-

ственный вопросъ и сказать рѣчь въ честь какой нибудь добродѣтели. Каждая дама и кавалеръ, которымъ удается открыть и указать три добродѣтельныхъ поступка, вполне установленныхъ“, получаютъ золотую медаль. Каждый кавалеръ имѣетъ своего „брата по оружію“, каждая дама — свою подругу, каждый членъ ордена имѣетъ свой девизъ и каждый изъ этихъ девизовъ, вставленный въ рамку, хранится въ „храмѣ чести“, представляющемъ родъ палатки, очень элегантно разукрашенной и поставленной г. де Лозенъ посреди одного изъ своихъ садовъ. Сантиментальное шутовство достигаетъ полного совершенства и даже такое возстановленное рыцарство представляетъ ничто иное, какъ салонный маскарадъ.

Однако этотъ энтузіазмъ и разныя громкія слова, бьющія пѣной на поверхности, оставляютъ все-таки на днѣ сердце осадокъ дѣятельной доброты, довѣрчиваго благожелательства и даже счастья и, во всякомъ случаѣ, приводятъ къ большей общительности. Жены въ первый разъ изъявляютъ готовность сопровождать своихъ мужей въ гарнизоны, а матери хотятъ сами кормить грудью своихъ младенцевъ, отцы же начинаютъ интересоваться воспитаніемъ своихъ дѣтей. Въ манерахъ появляется простота. Мальчиковъ перестаютъ пудрить и многіе изъ вельможъ перестаютъ носить галуны, потомъ вышивки, красные каблуки и даже шпагу, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда одѣваются въ парадную форму. На улицахъ можно уже встрѣтить нѣкоторыхъ изъ нихъ, одѣтыми въ платье изъ грубаго сукна, „съ сучковатою палкою въ рукахъ и въ толстыхъ башмакахъ“. Вкусъ мѣняется и каскады, статуи и пышныя и искусственныя декораціи уже перестаютъ нравиться, а въ моду входятъ англійскіе сады. Королева устраиваетъ себѣ деревню въ Трианонѣ, гдѣ она, одѣтая „въ бѣлое ситцевое платье съ газовой косынкою на плечахъ, и въ соломенной шляпѣ“, ловитъ рыбу въ озерѣ или смотритъ, какъ доятъ ея коровы. Этикетъ мало-по-малу отпадаетъ кусками, точно растрескавшаяся косметика, и на лицѣ появляется живая окраска, вызываемая естественными душевными волненіями. Принцесса Аделаида, за отсутствіемъ деревенскаго скрипача, сама беретъ скрипку

и играетъ для крестьянокъ, чтобы онѣ могли поплясать. Герцогиня Бурбонская выходитъ рано утромъ инкогнито, чтобы раздавать милостыню и „отыскивать бѣдняковъ на ихъ чердакахъ“. Супруга дофина выскакиваетъ изъ коляски, чтобы подать помощь раненому почтальону или крестьянину, опрокинутому оленемъ. Король и графъ д'Артуа помогаютъ извозчику вытаскать завязшій возъ. Никто уже не помышляетъ болѣе о сохраненіи важнаго, сдержаннаго вида и собственнаго достоинства при всякихъ обстоятельствахъ жизни, подчиняя слабости своей человѣческой природы требованіямъ своего ранга. Когда умеръ первый дофинъ, то прислуга бросалась на встрѣчу королю, чтобы не допустить его войти, а королева упала передъ нимъ на колѣни. Онъ закричалъ ей, заливаясь слезами: „Ахъ, моя дорогая жена, значитъ нашъ милый мальчикъ умеръ, если меня не пускаютъ къ нему“.—И рассказчикъ прибавляетъ съ восхищеніемъ: „Мнѣ кажется, что я вижу передъ собою почтеннаго земледѣльца и его достойную подругу, которые предаются самому ужасному отчаянію по случаю потери своего любимаго сына“. Никто уже не скрываетъ болѣе своихъ слезъ и считаетъ за честь выказывать себя человѣкомъ; люди сдѣлались болѣе гуманными и стали запросто обращаться съ низшими. Одинъ изъ принцевъ, производя смотръ войску, сказалъ солдатамъ, представляя имъ принцессу: „Ребята, вотъ моя жена!“ Возникло желаніе дѣлать людей счастливыми и потомъ наслаждаться ихъ признательностью. Быть добрымъ, быть любимымъ—вотъ къ чему началъ стремиться глава государства и вообще всякій человѣкъ, занимающій видное положеніе. Это начало заходитъ такъ далеко, что люди даже стали создавать себѣ представленіе о Богѣ по этому же образцу“. Гармонія природы „истолковывается какъ любезное вниманіе Провидѣнія и предполагается, что учреждая сыновнюю любовь, Создатель „соблаговолилъ избрать для насъ первую добродѣтелью то, что составляетъ одно изъ нашихъ самыхъ сладостныхъ наслажденій“.

Той идилліи, которую люди рисуютъ себѣ на небѣ, соотвѣтствуетъ идиллія, которую они стараются осуществить на землѣ. Между публикой и принцами

происходитъ постоянный обмѣнъ любезностей и нѣжностей въ прозѣ, въ стихахъ, въ торжественныхъ привѣтствіяхъ на празднествахъ и въ официальныхъ отвѣтахъ на нихъ, начиная отъ слога королевскихъ эдиктовъ и кончая пѣсенками рыночныхъ торговокъ. Въ театрѣ раздаются громкія рукоплесканія, когда въ какихънибудь стихахъ дѣлаются намеки на добродѣтель принцевъ, но когда вслѣдъ затѣмъ, въ слѣдующей тирадѣ восхваляются достоинства народа, принцы отплачиваютъ публикѣ такую же любезностью и, въ свою очередь, громко аплодируютъ.—Со всѣхъ сторонъ, какъ разъ въ то время, когда близится конецъ этого блестящаго міра, проносится, словно влажное и теплое дуновеніе осени, стремленіе къ взаимной услужливости и ласковой кротости, растворяющее жесткость и сухость свѣта и обволакивающее ароматомъ умирающихъ розъ его послѣднія мгновенія, проникнутыя изяществомъ. При этомъ встрѣчаются и слова и дѣйствія, столь необычайно граціозныя, что они являются единственными въ своемъ родѣ, словно очаровательныя, крошечныя фигурки изъ стариннаго севрскаго фарфора. Однажды, когда графиня Амели де Буффлеръ отозвалась нѣсколько легко о своемъ мужѣ, то ея свекровь замѣтила ей: „Вы забываете, что говорите о моемъ сынѣ“.—„Это правда, мама. Я думала, что говорю только о вашемъ зятѣ“,—отвѣчала она. Эта же самая молодая женщина во время игры въ „лодку, когда ей пришлось дѣлать выборъ между своею матерью, которую она едва знала и своею свекровью, которую она очень любила, отвѣтила: „Я спасу свою мать и утоплюсь вмѣстѣ съ моею свекровью“. Герцогиня де Шуазель и другія являются столь же очаровательными миниатюрами. Когда утонченность сердца и утонченность ума соединяются вмѣстѣ, то создаются образцовыя произведенія, обладающія также какъ искусство, вѣжливость и общество, окружающія ихъ, обаятельною прелестью, которую ничто не можетъ превзойти, кромѣ развѣ только хрупкости этихъ самыхъ произведеній.

III.

Чѣмъ болѣе люди приспособлялись къ одному извѣстному положенію, тѣмъ менѣе они подготовлены къ

другому, противоположному. Привычки и способности, полезные имъ въ прежнемъ состояніи, въ новомъ положеніи только вредятъ имъ. Приобрѣтая таланты, которые пригодны для спокойныхъ временъ, люди лишились тѣхъ способностей, которыя могли бы имъ пригодиться въ смутныя времена. Достигнувъ крайней общежительности они въ тоже время достигли и крайнихъ предѣловъ слабости. Чѣмъ утонченнѣе становится какая нибудь аристократія, тѣмъ болѣе она дѣлается безоружной и когда она приобрѣтеть всѣ качества, привлекающія къ ней сердца, то силъ для борьбы у нея уже не остается больше. Между тѣмъ, въ этомъ мірѣ необходимо бороться, если желаешь жить. Власть принадлежитъ силѣ, какъ среди человѣчества, такъ и въ природѣ. Всякое существо, потерявшее способность и энергію самозащиты, становится добычею другихъ, тѣмъ болѣе вѣрно, что блестящая внѣшность, неосторожность и привлекательность заранѣе обрекаютъ его на жертву грубымъ аппетитамъ, окружающихъ его. Откуда можетъ взяться сила сопротивленія въ характерахъ, образованныхъ подъ вліяніемъ только что описанныхъ нравовъ? Прежде всего, для самозащиты необходимо осматриваться кругомъ, надо все видѣть и предвидѣть и приготовиться къ опасности. Но развѣ могутъ это сдѣлать люди, живущіе такимъ образомъ? Ихъ кругъ слишкомъ узокъ и слишкомъ замкнутъ. Запертые въ своихъ замкахъ и въ своихъ дворцахъ они видятъ только людей своего міра, слышатъ только отголоски своихъ же собственныхъ идей и ничего не представляютъ себѣ внѣ этого; какихъ нибудь двѣсти человѣкъ составляютъ для нихъ все общество. Притомъ же въ салонѣ не допускаются никакія непріятныя истины, въ особенностяхъ же тѣ, которыя носятъ личный характеръ. Химера становится догматомъ, потому что она отвѣчаетъ господствующей условности. Обманутые узостью своего горизонта, они еще болѣе укрѣпляются въ своемъ заблужденіи, благодаря заблужденіямъ всѣхъ другихъ членовъ своего же общества. Они ничего не знаютъ о томъ обширномъ мірѣ, который окружаетъ ихъ маленькій мірокъ. Они не въ состояніи понять чувствъ буржуа или крестьянина и воображаютъ себѣ

сельскаго жителя не такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, а какимъ они желали бы его видѣть. Такъ какъ идиллія въ модѣ, то никто не смѣетъ ей противорѣчить; всякое же другое предположеніе или взглядъ считается ложными и ихъ отвергаютъ, потому что они были бы непріятны—ужь если салоны рѣшили, что все пойдетъ хорошо, то такъ и будетъ! Никогда еще ослѣпленіе не достигало такихъ размѣровъ и не было болѣе добровольнымъ. Герцогъ Орлеанскій предлагалъ пари на сто луидоровъ, что генеральные штаты разойдутся, не сдѣлавъ ничего, даже не отмѣнивъ „lettres de cachet“ *). Но даже когда началось разрушеніе стараго зданія или—еще лучше—когда оно уже почти совершилось, эти люди все-таки не стали иначе разсуждать. Они не имѣютъ никакого понятія о соціальной архитектурѣ, не знаютъ какіе нужны матеріалы, и каковы должны быть размѣры и устойчивость соціальнаго зданія. Они не участвовали въ его постройкѣ и поэтому у нихъ нѣтъ никакой опытности въ этомъ отношеніи. Имъ совершенно неизвѣстно строеніе того стараго зданія, верхній этажъ котораго они занимаютъ. Они не умѣютъ разсчитать ни силу сопротивленія его стѣнъ, ни силу давленія его сводовъ. Въ концѣ концовъ они приходятъ къ заключенію, что самое лучшее—это предоставить разрушенію закончить свое дѣло, въ полной увѣренности, что потомъ зданіе снова отстроится для нихъ и они опять вернутся въ свои салоны, заново отдѣланные и раззолоченные, нарочно для нихъ, чтобы тамъ снова начать пріятную бесѣду, прерванную несчастнымъ случаемъ, уличнымъ шумомъ и беспорядками. Столь проницательные во всемъ, что касается ихъ собственнаго міра, они ничего не видятъ въ политикѣ. Они все разсматриваютъ при искусственномъ свѣтѣ свѣчей и яркій блескъ дневного свѣта ослѣпляетъ ихъ и приводитъ ихъ въ смущеніе. Привычка къ иному освѣщенію слишкомъ ужь стара и сильна у нихъ. Органъ, привыкшій такъ долго изопрятаться только

*) Бланки съ королевскою печатью, которые получали должностныя и вліятельныя лица и которыми они часто пользовались для ареста непріятныхъ для нихъ людей. Это порождало, конечно, массу злоупотребленій и произволь.

въ различеніи мельчайшихъ подробностей и тонкостей свѣтской жизни, не можетъ уже сразу охватить обширной массы народной жизни и внезапно очутившись въ новой средѣ, перестаетъ воспринимать ощущенія, такъ что самая тонкость его развитія влечетъ за собою его ослѣпленіе.

Однако дѣйствовать было нужно, потому что опасность приближалась и хватала ихъ за горло. Но эта опасность была такого неблагогоднаго рода, что противъ нея, ихъ воспитаніе не давало имъ никакого подходящаго оружія. Они обучались фехтованію, но не кулачному бою. Они все еще оставались потомками тѣхъ, которые въ Фонтенуа, вмѣсто того, чтобы начинать стрѣльбу, снявъ шляпу, любезно говорили англичанамъ: „Нѣтъ, господа, стрѣляйте сначала вы“.—Покорные приличіямъ, они были стѣснены во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Множество дѣйствій, подчасъ даже самыхъ необходимыхъ, казались имъ слишкомъ грубыми и рѣзкими, и по ихъ мнѣнію, не соответствовали тому уваженію, съ которымъ каждый благовоспитанный человѣкъ обязанъ относиться къ другимъ и, во всякомъ случаѣ, къ самому себѣ. Они не позволяютъ себѣ такихъ дѣйствій и имъ не приходитъ въ голову, что они могутъ прибѣгнуть къ нимъ, и чѣмъ выше они поставлены тѣмъ болѣе они считаютъ себя связанными своимъ положеніемъ. При отъѣздѣ королевской семьи въ Вареннъ, именно безчисленные промедленія, явившіяся результатомъ этикета, погубили ее. Г-жа де-Турзель потребовала для себя мѣста въ каретѣ, на которое она имѣла право, какъ гувернантка „дѣтей Франціи“. Король, желавшій по прибытіи въ Вареннъ наградить г. де Булле маршалскимъ жезломъ, рассылалъ людей въ разныя мѣста, чтобы найти такой жезлъ и послѣ безплодныхъ поисковъ долженъ былъ взять его на время у герцога де-Шуазель. Королева не могла обойтись безъ дорожнаго несесера и пришлось изготовить для нея громаднѣйшій несесерь, содержащій всевозможную утварь, начиная отъ ванны до серебряной миски. Кромѣ того, она захватила съ собою множество сундуковъ и полное приданое для себя и дѣтей, какъ будто въ Брюсселѣ нельзя было найти даже рубашекъ. Узкое благочестіе,

гуманность *во чтобы то ни стало*, легкомысліе литературнаго ума, изысканная учтивость, глубокое невѣжество, ничтожество и неподвижность мысли и воли еще болѣе рѣзко были выражены у принцевъ, нежели вообще у дворянъ. Противъ дикаго и бурнаго мятежа всѣ оказались безсильными. У нихъ не было превосходства физической силы, которое могло бы обуздать мятежъ или грубаго шарлатанства, чтобы очаровать бунтовщиковъ. Они не въ состояніи были прибѣгать къ продѣлкамъ Скапэна, сбивавшимъ съ толку, не имѣли ни бычачьяго лба, ни жестовъ лодочника, ни могучаго голоса—однимъ словомъ, у нихъ не было ресурсовъ энергическаго темперамента и хитрости животнаго, которые одни только могли бы отвратить ярость сорвавшася съ цѣпи звѣря. Чтобы найти годныхъ для этой цѣли борцовъ, они отыскиваютъ людей другой породы или иного воспитанія изъ тѣхъ, которые также сами потерпѣли напр. „грубаго плебея, какъ аббатъ Мори, колоссальнаго и грязнаго сатира, какъ Мирабо или смѣлаго и рѣшительнаго авантюриста, какъ Дюмурье, который, находясь въ Шербургѣ, когда слабость герцога де Бевронъ привела къ потерѣ хлѣбныхъ складовъ и вызвала мятежъ, не взирая на толпу, вопившую и готовую растерзать его на куски, закричалъ народу, увидѣвъ въ рукахъ одного голландскаго матроса ключи отъ хлѣбныхъ складовъ, что „ему измѣнили и что иностранецъ похитилъ ключи“. Затѣмъ, спрыгнувъ съ крыльца, онъ моментально схватилъ матроса за горло и вырвавъ у него ключи, отдалъ ихъ одному изъ офицеровъ гвардіи, сказавъ народу: „Я вашъ отецъ и я отвѣчаю вамъ за эти склады“.

Сблизиться съ носильщиками и уличными торговками, хватать другъ друга за шиворотъ въ клубахъ, импровизировать рѣчи на перекресткахъ, драть горло громче присяжныхъ крикуновъ, работать кулаками и палками, какъ это дѣлала въ послѣдствіи золотая молодежь, пуская ихъ въ ходъ противъ безумцевъ и грубіяновъ,—которые сами не употребляютъ другихъ средствъ убѣжденія, и которымъ, слѣдовательно, надо отвѣчать аргументами такого же сорта,—стоять на стражѣ вокругъ національнаго собранія, превратиться въ добровольныхъ

полицейскихъ, не щадя ни своей, ни чужой шкуры, быть народомъ передъ лицомъ народа—вотъ простыя и дѣйствительныя средства имѣть успѣхъ! Но грубость этихъ средствъ кажется имъ отвратительной. Имъ даже въ голову не приходитъ прибѣгнуть къ нимъ; они не умѣютъ и не хотятъ пользоваться своими руками, особенно для такого дѣла. Эти руки упражнялись вѣдь только на дуэли, но грубость общественнаго мнѣнія тотчасъ же, путемъ насилія, положила конецъ такимъ вѣжливымъ способамъ битвы и ихъ оружіемъ противъ разъяреннаго народнаго быка остаются салонныя шутки, эпиграммы, остроты, пѣсенки, пародіи и другіе подобные же булавочныя уколы. Въ характерѣ ихъ недостаетъ основныхъ качествъ и ресурсовъ для борьбы; стремясь къ наибольшей утонченности, они зачали и природа, истощенная культурой, сдѣлалась неспособной къ тѣмъ превращеніямъ, посредствомъ которыхъ совершается обновленіе и пріобрѣтается жизнеспособность. Всемогущее воспитаніе подавило, смягчило и даже совсѣмъ уничтожило инстинктъ самосохраненія. Передъ лицомъ смерти, они не испытываютъ даже взрыва гнѣва и кровь у нихъ не закипаетъ отъ негодованія; у нихъ не является всеобщаго и внезапнаго пробужденія силъ, приступа бѣшеной ярости и непреодолимой и слѣпой потребности нанести ударъ тѣмъ, кто ихъ убиваетъ. Ни разу не случилось, чтобы дворянинъ, арестованный якобинцемъ, расшибъ бы ему голову. Поэтому они покорно отправляются въ тюрьму, когда приходятъ за ними; поднимать шумъ было бы признакомъ дурного воспитанія, а они, прежде всего, хотятъ оставаться благовоспитанными людьми! Въ тюрьмѣ мужчины и женщины будутъ одѣваться также тщательно, дѣлать другъ другу визиты, устраивать салонъ, и хотя этотъ салонъ будетъ находиться въ концѣ корридора и освѣщаться только четырьмя сальными свѣчками, но въ немъ будутъ раздаваться шутки, придумываться мадригалы и пѣсенки и каждый будетъ стараться изо всѣхъ силъ быть такимъ же любезнымъ и такимъ же изящнымъ, какъ въ настоящемъ салонѣ. Развѣ можно сдѣлаться угрюмымъ и дурновоспитаннымъ только отъ того, что несчастный

случай вынудилъ находиться въ плохой гостиницѣ? — Передъ лицомъ судей и на повозкѣ, которая повезетъ ихъ на гильотину, они будутъ неизмѣнно сохранять свое достоинство и свою улыбку и женщины, въ особенности, взойдутъ на эшафотъ съ такою же непринужденностью и съ такимъ же спокойствіемъ, какое онѣ сохраняли на вечерахъ, въ обществѣ. Это высшее выраженіе свѣтской благовоспитанности, возведенной на степень единственнаго долга и ставшей второю натурой для всей аристократіи, встрѣчается одинаково, какъ въ ея качествахъ, такъ и недостаткахъ, въ ея способностяхъ, также какъ и въ ея безсиліи, въ ея процвѣтаніи и въ ея паденіи, украшая ее даже въ самый моментъ смерти, къ которой оно ее неминуемо приводитъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Духъ вѣка и его ученіе.

Глава первая.

Составъ революціоннаго духа.—Первый элементъ.—научныя пріобрѣтенія.—Накопленіе и прогрессъ открытій въ области естествознанія.—Эти открытія служатъ исходною точкой для новыхъ философовъ.—Перемѣна точки зрѣнія въ наукѣ о человѣкѣ.—Эта точка зрѣнія отдѣляется отъ теологій и сливается съ естествознаніемъ, становясь его непосредственнымъ продолженіемъ.—Преобразование исторіи.—Вольтеръ. Критика и общіе взгляды.—Монтескье.—Обзоръ социальныхъ законовъ.—Преобразование психологій.—Кондильякъ.—Теорія ощущеній и знаковъ.—Аналитическій методъ.—Его принципъ.—Необходимыя условія для плодотворности этого метода. Этихъ условій не хватаетъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ или они недостаточны.—Истина, заключающаяся въ этомъ принципѣ и его переживаніе.

Когда мы видимъ, что человѣкъ нѣсколько слабого тѣлосложенія, но съ виду здоровый и обладающій мирными привычками, съ жадностью начинаетъ пить какую-то неизвѣстную жидкость и потомъ вдругъ падаетъ на землю, съ пѣною у рта, бредитъ и корчится въ судорогахъ, то мы догадываемся, что въ напитокѣ, который показался ему такимъ пріятнымъ, заключалось вредное вещество. Но чтобы выдѣлить ядъ изъ этого напитка и разложить его, нуженъ тонкій анализъ. Такой именно ядъ заключается въ философіи XVIII вѣка и притомъ онъ не только очень силенъ, но и совсѣмъ особаго рода. Онъ представляетъ собою не только продуктъ дол-

гой исторической обработки, окончательной и сгущенный экстрактъ, въ которомъ сосредоточивается мысль вѣка, но, кромѣ того, его два главные ингредиента имѣютъ ту особенность, что, взятые порознь, они полезны и и только вмѣстѣ они составляютъ ядовитый продуктъ.

Первый ингредиентъ—научныя пріобрѣтенія,—во всѣхъ отношеніяхъ превосходятъ и благодотворенъ по своей природѣ. Онъ состоитъ изъ скопища истинъ, медленно подготовлявшихся и затѣмъ собранныхъ сразу или въ извѣстной послѣдовательности. Въ первый разъ въ исторіи человѣчества науки, расширяясь и укрѣпляясь, перестаютъ носить характеръ частичной постройки или временнаго сооруженія, какъ это было при Галилеѣ или Декартѣ, а представляютъ стройную, окончательную и доказанную систему міра, какова система Ньютона. Около этой капитальной истины группируются почти всѣ открытія вѣка, составляя какъ бы ея дополненіе и продолженіе. Въ чистой математикѣ Лейбницъ и Ньютонъ одновременно изобрѣтаютъ исчисленія бесконечно малыхъ величинъ, механика сводится д'Аламберомъ къ одной единственной теоремѣ, а великолѣпное цѣлое, образуемое теоріями, выработанными Бернулли, Эйлеромъ, Клеро, д'Аламберомъ, Тэйлоромъ и Маклореномъ, получаетъ въ концѣ вѣка окончательную обработку въ рукахъ Монжа, Лагранжа и Лапласа. Въ астрономіи вычисления и наблюденія, производимыя отъ Ньютона до Лапласа, превращаютъ эту науку въ проблему механики, разъясняя и предсказывая всѣ движенія планетъ и ихъ спутниковъ и указывая способъ происхожденія и образованія нашей солнечной системы; въ открытіяхъ же Гершеля эта наука заходитъ еще дальше, давая намъ возможность уяснить себѣ до нѣкоторой степени распредѣленіе звѣздныхъ архипелаговъ и въ общихъ чертахъ линіи небесной архитектуры. Въ физикѣ Ньютономъ были открыты: разложеніе свѣтовыхъ лучей и принципы оптики, скорость звука и формы звуковыхъ волнъ, а со временъ Совера до Хладни и Ньютона, Бернулли и Лагранжа были установлены: экспериментальные законы и главные теоремы акустики, первые законы лучистой теплоты, данные Ньютономъ, Краф-

томъ, и Ламбертомъ теорія скрытой теплоты Блека, измѣреніе теплоемкости, сдѣланное Лавуазье и Лапласомъ, первыя вѣрныя идеи насчетъ сущности огня и теплоты, и произведены были первые опыты, а также открыты законы и машины, съ помощью которыхъ Дюфэ, Нолле, Франклинъ и, въ особенности, Кулонъ, впервые объяснили электричество и указали на возможность его примѣненія. Въ химіи установлены были всѣ главныя основанія науки, кислородъ, азотъ и водородъ получены въ отдѣльномъ состояніи, опредѣленъ составъ воды, установлена теорія сгорания, изобрѣтена химическая номенклатура, количественный анализъ, доказана неразрушаемость матеріи и вѣса,—словомъ, тутъ мы имѣемъ всѣ открытія Шееле, Пристлея, Кавендиша и Сталля, увѣнчанныя теоріей и окончательными заключеніями Лавуазье. Въ минералогіи, гониометръ, постоянство угловъ, и первые законы производныхъ формъ, открытые Роме-де-Лилемъ, завершаются открытіемъ типичныхъ формъ и математическими выводами вторичныхъ формъ, сдѣланными Гайю. Въ геологіи производится провѣрка теоріи Ньютона и она продолжается далѣе, опредѣляется истинная форма земли, сплющиваніе у полюсовъ и расширеніе у экватора, отыскиваются причины и законы морскихъ приливовъ, устанавливается первоначальное жидкое состояніе нашей планеты, сохраненіе центральнаго жара, и затѣмъ, трудами Бюффона, Демаре, Хуттона и Вернера указывается водное или огненное происхожденіе скалъ, слоистость почвы, составъ ея пластовъ и содержащихся въ нихъ ископаемыхъ, продолжительное и повторное пребываніе моря на материкахъ, медленное отложеніе животныхъ и растительныхъ остатковъ, чрезвычайная древность жизни на землѣ, размывы, изломы и постепенное измѣненіе земного рельефа и, наконецъ, въ заключеніе, мы имѣемъ грандіозную картину, набросанную Бюффономъ, въ которой онъ, въ приблизительныхъ чертахъ, изображаетъ всю исторію нашего земного шара съ того момента, когда онъ представлялъ изъ себя ничто иное, какъ массу расплавленной лавы, до той эпохи, когда на немъ уже появляется человѣкъ послѣ многихъ другихъ исчезнувшихъ или выжившихъ видовъ.

На этой наукѣ о мертвой матеріи начинается воздвигаться въ то же время и другая наука—о матеріи организованной. Грю, а потомъ Вальянъ, доказываютъ существованіе пола въ растительномъ царствѣ и описываютъ оплодотвореніе у растений. Линней изобрѣтаетъ ботаническую номенклатуру и первую полную классификацію растений. Жюлье открываетъ взаимное соотношеніе признаковъ и естественную классификацію. Реомюръ и Спалланцани разъясняютъ процессы дыханія, Лавуазье-пищеваренія; Прохаска изслѣдуетъ механизмъ рефлекторныхъ дѣйствій; Галлеръ и Спалланцани производятъ опыты надъ размноженіемъ и описываютъ условія и различныя фазы этого процесса. Ученые проникаютъ въ самую глубь животнаго царства. Реомюръ публикуетъ свои изумительныя наблюденія надъ насѣкомыми, а Ліонне употребляетъ двадцать лѣтъ на всестороннее изслѣдованіе гусеницы ивы. Спалланцани воскрешаетъ своихъ клоуатовъ, Трамбле разрѣзаетъ на части прѣсноводнаго полипа, Нидгамъ выводитъ на сцену инфузоріи. Изъ всѣхъ этихъ изслѣдованій выдѣляется постепенно экспериментальное понятіе о жизни. Уже Бюффонъ и въ особенности Ламаркъ, грандіозными, хотя и не полными штрихами, набросали съ изумительною прозорливостью главнѣйшія черты современной фізіологіи и зоологіи. Они указываютъ на органическія молекулы, вездѣ распространенныя или вездѣ зарождающіяся, представляющія родъ шариковъ, находящихся въ состояніи постояннаго измѣненія, потери и восстановленія своего вещества, которыя, путемъ слѣпного и самопроизвольнаго развитія, преобразуются, размножаются и соединяются вмѣстѣ и безъ всякаго посторонняго руководства, безъ заранѣе предвзятой цѣли, въ силу только одного своего строенія и окружающей среды, слагаются другъ съ другомъ въ извѣстномъ порядкѣ, для образованія тѣхъ удивительныхъ построений, которыя мы называемъ животными и растениями. Вначалѣ появляются только самыя простыя формы, затѣмъ организація медленно усложняется и совершенствуется, привычки, потребности и среда создаютъ извѣстные органы, наслѣдственность же передаетъ потомству приобрѣтен-

ныя измѣненія. Тутъ имѣются уже, хотя пока только въ формѣ догадокъ и предположеній, целлюлярная теорія нашихъ современныхъ фізіологовъ и теорія Дарвина. Въ той картинѣ природы, которую начерталъ себѣ человѣческій умъ, наука восемнадцатаго вѣка нарисовала общіе контуры, внутренній порядокъ, расположеніе и очертаніе частей и притомъ сдѣлала это съ такою вѣрностью, что всѣ крупныя линіи до сихъ поръ остаются нетронутыми, за исключеніемъ нѣсколькихъ частныхъ поправокъ, въ этомъ рисункѣ измѣнять ничего не пришлось.

Этотъ-то обширный запасъ истинъ, достовѣрныхъ или только вѣроятныхъ, доказанныхъ или предчувствуемыхъ, и послужилъ духу вѣка пищи, придавъ ему въ то же время содержательность и силу. Взгляните на вождей общественнаго мнѣнія, на провозвѣстниковъ новой філософіи; они всѣ, хотя и въ различной степени, изучали фізику и естествознаніе. Имъ не только были знакомы теоріи и книги, но, кромѣ того, они изслѣдовали самыя факты и изучали самую науку. Вольтеръ не только былъ однимъ изъ первыхъ, изложившихъ оптику и астрономію Ньютона, но онъ также производилъ вычисленія и дѣлалъ опыты. Онъ представилъ въ академіи наукъ свои записки „объ измѣненіи двигательной силы“ о „свойствахъ и распространеніи теплоты“. Онъ работалъ съ термометромъ Реомюра, призмой Ньютона, пирометромъ Мушенброка. Въ его лабораторіи, въ Сире, можно было найти всѣ извѣстные въ то время аппараты фізики и химіи. Онъ собственными руками производилъ опыты надъ отраженіемъ свѣта въ пустотѣ, надъ увеличеніемъ вѣса прокаливаемыхъ металловъ, надъ возрожденіемъ отрѣзанныхъ частей у нѣкоторыхъ животныхъ, и все это онъ продѣлывалъ какъ настоящій ученый, съ упорствомъ и настойчивостью, повторяя опыты по нѣскольку разъ, такъ что въ одномъ случаѣ, чтобы провѣрить показанія Спалланцани, онъ отрѣзалъ голову сорока улиткамъ и слизнякамъ. Такая же любознательность и такая же подготовка встрѣчаются у всѣхъ остальныхъ, проникнутыхъ такимъ же духомъ. Въ другомъ лагерѣ, среди картезіан-

цевъ, приближающихся къ своему концу, мы находимъ превосходнаго математика Фонтенелля, компетентнаго біографа всѣхъ знаменитыхъ ученыхъ, уполномоченнаго секретаря и настоящаго представителя академіи наукъ.

Въ другомъ мѣстѣ, а именно въ бордосской академіи, Монтеस्कье проноситъ рѣчи о механизмѣ эхо и объ отправленіи почекъ. Онъ разсвѣкаетъ лягушекъ, испытываетъ вліяніе тепла и холода на живыя ткани и печатаетъ наблюденія надъ растеніями и насѣкомыми. — Руссо, наименѣе ученый изъ всѣхъ, слушаетъ курсъ химика Руэлля, гербаризируетъ и запасается всѣми необходимыми познаніями для того, чтобы написать своего Эмиля. — Дидеро преподавалъ математику и жадно поглощалъ всякую науку, всякое искусство, вплоть до техническихъ пріемовъ промышленнаго производства. Д'Аламберъ занимаетъ первое мѣсто среди математиковъ. Бюффонъ перевелъ теорію Ньютона и статику растеній Гальса; онъ былъ поочередно металлургомъ, оптикомъ, географомъ, геологомъ и, подъ конецъ, анатомомъ. Кондиллякъ, чтобы пояснить употребленіе знаковъ и филиацію идей, составилъ краткій курсъ ариѳметики, алгебры, механики и астрономіи.

Мопертюи, Кондорсе и Лаландъ — это математики, физики и астрономы, а Гольбахъ, Ляметтри и Кабанисъ — химики, натуралисты, фізіологи и врачи. Великіе и малые пророки, учителя или ученики, специалисты ученые или простые любители — они всѣ черпаютъ, прямо или косвенно, изъ живого источника, который открылся передъ ними. Они исходятъ изъ него, поучая человѣка и указывая ему, что онъ такое, откуда онъ явился и куда онъ идетъ, чѣмъ онъ можетъ сдѣлаться и чѣмъ онъ долженъ быть. Но всякая новая точка отправленія всегда приводитъ къ новой точкѣ зрѣнія; вотъ почему установившаяся идея о человѣкѣ должна была вскорѣ подвергнуться коренному измѣненію.

II.

Представьте себѣ умъ человѣка, проникнутый этими новыми истинами за предположеніе, что онъ наблюдаетъ міръ съ орбиты Сатурна. Какою маленькою ничтожною песчинкой долж-

на казаться ему земля среди неизмѣримыхъ пространствъ и миллионовъ звѣздныхъ архипелаговъ! Какое безконечное количество міровъ находится внѣ нашего земного шара и если тамъ встрѣчается жизнь, то какое множество комбинацій, отличающихся отъ тѣхъ, послѣдствіемъ которыхъ мы явились, возможно въ этихъ мірахъ! Что такое жизнь, что такое организованная субстанція въ этой чудовищной вселенной, какъ не простая, преходящая случайность, ничтожная величина, не стоящая вниманія плѣсень, скопившаяся на поверхности? И если такова жизнь, то что же представляетъ человѣчество, являющееся лишь ея крошечною частицей?

Вотъ какое мѣсто занимаетъ человекъ въ природѣ; это атомъ, эфемера! Не будемъ же забывать этого въ тѣхъ системахъ, которыя мы составляемъ относительно его происхожденія, его значенія и его судьбы. Вѣдь клещъ былъ бы смѣшонъ, еслибы онъ вдругъ вообразилъ себя центромъ вселенной и „безконечно малое насѣкомое не должно выказывать безконечно великой гордости“. Какъ поздно появился человѣкъ даже на этомъ самомъ земномъ шарѣ! Сколько мириадовъ вѣковъ протекло отъ начала охлажденія земной коры до появленія на ней первыхъ признаковъ жизни! Какое значеніе можетъ имѣть суета нашего муравейника рядомъ съ этою минеральною трагедіей, при которой мы не присутствовали, рядомъ съ этою борьбой воды и огня, наступающимъ утолщеніемъ земной коры, образованіемъ всемірнаго океана и возникновеніемъ и отдѣленіемъ материковъ? Какая длинная растительная и животная исторія предшествовала нашей исторіи, какъ много миновало флоры и фауны и поколѣній различныхъ морскихъ животныхъ, потребовавшихся для образованія слоевъ осадочной почвы! Какъ много понадобилось растительныхъ поколѣній для образованія залежи каменнаго угля! Какія измѣненія должны были произойти въ климатѣ, чтобы прогнать отъ полюсовъ громадныхъ толстокожихъ! Наконецъ, появился человѣкъ, — этотъ послѣдній пришелецъ, распустившійся точно конечная почка на верхушкѣ древняго великаго дерева, чтобы просуществовать въ теченіе нѣкотораго періода времени и затѣмъ погибнуть, также

какъ и все дерево, когда все возрастающее и предвидимое охлажденіе, которое раньше вызвало дерево къ жизни, наконецъ принудить его умереть! Но эта почка не единственная на этомъ деревѣ. Ниже ея, вокругъ нея и почти рядомъ съ нею находятся другія почки, порожденныя тѣми же соками. Пусть же человѣкъ не забываетъ, если только онъ хочетъ понять свое бытіе, что онъ долженъ принимать во вниманіе, одновременно съ собою, и всѣхъ другихъ живущихъ, своихъ сосѣдей выходящихъ изъ того же ствола и послѣдовательно восходящихъ до него. Если онъ и стоитъ теперь внѣ общаго ряда, то, во всякомъ случаѣ, онъ не находится внѣ общей рамки, онъ тоже—животное, среди другихъ животныхъ; субстанція его тѣла, его организація, рожденіе, формированіе, постоянное возобновленіе, функціи его органовъ, его чувства, и его похоти, таковы же какъ и у нихъ и его высшій разумъ, также какъ и ихъ зачаточный умъ, непремѣнно сосредоточивается въ нервномъ веществѣ, составляющемъ органъ ума, строеніе котораго такое же у животныхъ, какъ и у человѣка. Но можно ли предположить, что человѣкъ, окруженный природой, производимый и поддерживаемый ею, представляетъ въ этой природѣ, какъ бы государство въ государствѣ? Нѣтъ, онъ только частица одного цѣлаго, и какъ физическое тѣло, и какъ сложное химическое вещество, и какъ живое существо, общественное животное, среди множества другихъ тѣлъ, другихъ химическихъ веществъ, другихъ общественныхъ животныхъ, вполне аналогичныхъ и поэтому, также какъ онъ, подчиненныхъ извѣстнымъ законамъ. Но хотя мы и не знаемъ основнаго принципа природы и ведемъ споры о томъ, имѣетъ ли онъ внутренній или внѣшній характеръ, мы все же съ увѣренностью можемъ опредѣлить способы его дѣйствія, которыя управляются общими и постоянными законами. Всякое явленіе, каково бы оно ни было, непремѣнно сопровождается извѣстными условіями и если эти условія существуютъ, то явленіе это неизбежно. Изъ двухъ колець, составляющихъ цѣпь, одно всегда увлекаетъ за собою другое. Существуютъ такіе же законы для чиселъ и для фигуръ, для движеній и обращенія планетъ,

для паденія тѣлъ, распространенія свѣта и лучеиспусканія теплоты, для электрическаго притяженія и отталкиванія, для химическихъ комбинацій, для зарожденія живыхъ существъ, поддержанія равновѣсія и распадения организованныхъ тѣлъ. И для зарожденія, поддержанія, и развитія человѣческихъ обществъ, также какъ и для образованія, борьбы и направленія идей, чувствъ и желаній въ отдѣльномъ человѣческомъ индивидѣ, тоже существуютъ законы. Во всемъ этомъ человѣкъ только продолжаетъ природу, изъ чего слѣдуетъ, что для познанія человѣка надо наблюдать его въ природѣ послѣ природы или точно также какъ природу, съ такою же независимостью, такими же предосторожностями и въ такомъ же духѣ, какъ мы изслѣдуемъ природу. Одно это замѣчаніе уже опредѣляетъ, каковъ долженъ быть методъ нравственныхъ наукъ. Въ исторіи, психологіи, нравственности и политикѣ, мыслители предшествующаго вѣка, Паскаль, Боссюэтъ, Декартъ, Фенелонъ, Мальбраншъ, Ля-Брюйеръ исходили изъ догмата и каждый, кто умѣетъ ихъ читать, сразу долженъ видѣть, что ихъ рѣшенія уже опредѣлены заранее. Религія доставляла имъ вполне законченную теорію нравственнаго міра. Согласно этой скрытой или предвзятой теоріи, они и описывали человѣка, приспособляя свои наблюденія къ заранее составленному себѣ понятію о типѣ. Писатели же восемнадцатаго вѣка перевернули этотъ методъ, они брали своею исходною точкою человѣка,—того человѣка, который доступенъ наблюденію—и окружающую его среду. По ихъ мнѣнію всѣ выводы, касающіеся души человѣка, ея происхожденія, ея судьбы, должны слѣдовать потомъ, такъ какъ они находятся всецѣло въ зависимости не отъ откровенія, а отъ тѣхъ данныхъ, которыя добыты наблюденіемъ. Нравственныя науки, такимъ образомъ, отдѣлились отъ богословія и явились какъ бы продолженіемъ физическихъ наукъ.

III.

Вслѣдствіе такого перемѣщенія и сліянія съ естествознаніемъ, нравственныя науки сдѣлались дѣйствительно науками. Всѣ тѣ основы, на которыхъ мы строимъ теперь свои вы-

воды въ исторіи, были заложены уже въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Сравните только „Слово о всеобщей исторіи“ Боссюэта съ „Опытомъ о нравахъ Вольтера“ и вы увидите тотчасъ же какъ новы и глубоки были эти основы. Критика сразу нашла основной принципъ: принимая во вниманіе, что законы природы всеобщы и неизблемы, она вывела заключеніе, что и въ нравственномъ мірѣ, какъ и въ физическомъ, ничто не отступаетъ отъ этихъ законовъ и что никакое произвольное и постороннее вмѣшательство не можетъ нарушить правильнаго теченія вещей. Это—то и доставляетъ намъ вѣрный способъ различить миѣ отъ истины и отсюда же возникаетъ толкованіе Библии, не только то, которое даетъ намъ Вольтеръ, но и то, которое явилось послѣ него. Между тѣмъ, Вольтеръ просматриваетъ лѣтописи всѣхъ народовъ и въ качествѣ скептика слегка урѣзываетъ въ нихъ кое-что. Иногда дѣйствуя слишкомъ поспѣшно, онъ заходитъ даже слишкомъ далеко, въ особенности когда дѣло идетъ о древнихъ. Но это происходитъ отъ того, что его экскурсіи въ область исторіи представляютъ не болѣе какъ рекогносцировку, хотя при этомъ онъ обнаруживаетъ, все-таки, такую вѣрность взгляда, что даже теперь мы еще можемъ пользоваться всѣми главными контурами его наскоро набросанной карты. Первобытный человѣкъ вовсе не былъ высшимъ существомъ, просвѣщеннымъ свыше; это былъ грубый дикарь, ходившій нагимъ, несчастный, медленно развивающійся физически и такой же запоздалый въ умственномъ развитіи, самый беззащитный и самый нуждающійся изъ всѣхъ животныхъ, но, по этой причинѣ, онъ былъ и самымъ общежительнымъ изъ нихъ, рождаясь, подобно пчелѣ и бобру, съ инстинктивною склонностью жить въ стадѣ. Кромѣ того, онъ былъ одаренъ инстинктомъ подражанія, какъ обезьяна; но только, будучи умнѣе ее, онъ оказался способнымъ перейти постепенно отъ языка жестовъ къ членораздѣльному языку и начавъ съ самыхъ односложныхъ выраженій, мало-по-малу изобрѣтаетъ языкъ, который, все болѣе и болѣе развиваясь, становился богаче, точнѣе и способнѣе выражать самые разнообразныя и тонкіе оттѣнки. Но сколько должно было пройти вѣковъ,

прежде чѣмъ человѣкъ дошелъ до изобрѣтенія самаго первобытнаго языка! И сколько еще понадобилось вѣковъ для изобрѣтенія самыхъ необходимыхъ искусствъ, для открытія способа добыванія огня, способовъ выдѣлки „топоровъ изъ кремня и нефрита“, плавки и очищенія металловъ, прирученія животныхъ, воздѣлыванія и улучшенія съѣдобныхъ растений, а также для учрежденія первыхъ прочныхъ и благоустроенныхъ обществъ, открытія письма, цифръ и астрономическихъ періодовъ. Только тогда, по прошествіи этихъ сумерекъ человѣчества, неизмѣримо долгихъ и обширныхъ, начинается въ Халдеѣ и Китаѣ исторія съ точнымъ указаніемъ событій. Существуетъ пять или шесть такихъ крупныхъ и независимыхъ центровъ самостоятельной цивилизаціи: Китай, Вавилонія, древняя Персія, Индія, Египетъ, Финикія и двѣ американскія имперіи. Соберемъ же ихъ останки, прочитаемъ тѣ изъ ихъ книгъ, которыя сохранились и добыты путешественниками: пять китайскихъ книгъ династій Кингъ, индусскія Веды, Зендъ Авесту древнихъ персовъ, и мы найдемъ въ нихъ религіозныя и нравственныя системы, философію и учрежденія, достойныя такого же вниманія, какъ и наши. Еще и въ настоящее время три изъ этихъ кодексовъ: индусскій, китайскій и мусульманскій управляютъ странами, столь же обширными, какъ и наша Европа и народами, которые во всякомъ случаѣ достойны насъ. Не будемъ, какъ Боссюэтъ, „забывать вселенную во всемирной исторіи“, и подчинять весь человѣческій родъ маленькому народу, замкнутому въ каменистомъ уголкѣ, возлѣ Мертваго моря. Человѣческая исторія столь же естественная вещь, какъ и все остальное на свѣтѣ; ея направленіе зависитъ отъ входящихъ въ нее элементовъ и нѣтъ такой внѣшней силы, которая бы руководила ею, а есть только внутреннія силы, которыя образуютъ ее. Исторія не стремится ни къ какой цѣли, а только достигаетъ извѣстныхъ результатовъ. И главнымъ результатомъ тутъ является прогрессъ человѣческаго духа.— Посреди всѣхъ этихъ избіеній и разрушеній, мы все-таки замѣчаемъ, что человѣческій родъ втайнѣ воодушевленъ любовью къ порядку, которая предохранила его отъ окончательной гибели. Эта любовь

представляет одну изъ тѣхъ пружинъ, посредствомъ которыхъ природа постоянно возобновляетъ свои силы. Это она создала международное право и благодаря ей, повсюду, на островѣ Формозѣ, также какъ и въ Римѣ, почитаютъ законы и ихъ исполнителей. Такимъ образомъ въ самомъ человѣкѣ заложены „принципъ разсудка“, т. е. „механическій инстинктъ“, который внушаетъ ему полезныя идеи, и инстинктъ справедливости, внушающій ему нравственныя идеи. Эти оба инстинкта составляютъ часть его организаціи; онъ имѣетъ ихъ отъ рожденія, какъ птицы свои перья или медвѣдь свой мѣхъ. „Вотъ почему онъ и способенъ къ совершенствованію уже отъ природы и улучшая свой умъ и свое положеніе онъ только подчиняется ея законамъ. Дикарь, „бразилецъ — это животное, еще не достигшее совершенства, къ которому способенъ его видъ; это куколка гусеницы, еще заключенная въ свою оболочку, которая превратится въ бабочку только черезъ нѣсколько вѣковъ“. Продолжайте эту мысль далѣе, вмѣстѣ съ Тюрго и Кондорсе и вы увидите, что, несмотря на всѣ преувеличенія, все-таки, къ концу вѣка, выдѣляется постепенно наша современная теорія прогресса, та, на которой мы основываемъ всѣ наши надежды на безконечное развитіе наукъ, на возрастаніе благосостоянія, которое вноситъ въ человѣческую жизнь постоянное приложеніе научныхъ открытій и на возрастаніе здраваго смысла, благодаря медленному воздѣйствію на человѣческій умъ популяризаціи научныхъ открытій.

Остается еще установить второй принципъ и тогда основаніе исторіи будетъ закончено. Открытый Монтескье, этотъ принципъ и до сихъ поръ еще служитъ намъ точкою опоры при нашихъ построеніяхъ и если мы вынуждены дѣлать перестройку въ зданіи учителя, то лишь потому, что увеличеніе эрудиціи доставило намъ болѣе прочныя и болѣе многочисленные матеріалы. Въ человѣческомъ обществѣ всѣ части тѣсно связаны между собой; нельзя измѣнить ни одной изъ нихъ, безъ того, чтобы не вызвать соотвѣтствующихъ измѣненій въ другихъ. Учрежденія, законы, нравы, вовсе не свалены вмѣстѣ, какъ въ какой нибудь кучѣ, бла-

годаря случайности или капризу, но связаны между собой извѣстными условіями или необходимостью, какъ звуки въ концертѣ. Смотри по тому, будетъ ли власть находиться въ рукахъ всѣхъ или въ рукахъ только одного, признаетъ или не признаетъ какой-нибудь государь существованіе надъ собою нѣкоторыхъ незыблемыхъ законовъ, а подъ собою нѣкоторыхъ посредствующихъ властей — условія мѣняются или же стремятся измѣниться въ извѣстномъ заранѣе опредѣленномъ направленіи и въ опредѣленной степени. Общественный духъ, воспитаніе, форма судопроизводства, видъ и степень наказаній, положеніе женщинъ, военныя учрежденія, форма и размѣры налоговъ — все это претерпѣваетъ измѣненія. Отъ главнаго центральнаго колеса зависитъ множество другихъ второстепенныхъ колесъ. Вѣдь если часы ходятъ, то лишь благодаря извѣстному согласованію своихъ частицъ и если только нарушается это согласованіе, то часы портятся. Но кромѣ главной пружины существуетъ много другихъ, которыя дѣйствуя на эту пружину или же комбинируя свою дѣятельность съ ея дѣйствіемъ, придаютъ каждому часамъ свой особый видъ и особый ходъ. Таково, прежде всего, вліяніе климата, т. е. степени холода и тепла, сухости и влажности воздуха, и безконечныя послѣдствія этого вліянія, отражающіяся на нравственной и физической природѣ человѣка, а слѣдовательно и на его положеніи, на его политическомъ, гражданскомъ и домашнемъ рабствѣ или свободѣ. Таково также вліяніе мѣстности, т. е. степени ея плодородія, положенія и величины и вліяніе условій жизни, смотря потому, занимается ли народъ земледѣліемъ, скотоводствомъ или охотой. Таково также вліяніе плодovitости расы, а слѣдовательно, медленнаго или быстрого возрастанія населенія и перевѣса рождаемости то мужскаго, то женскаго поколѣнія. И наконецъ, таково же вліяніе національнаго характера и религіи. Всѣ эти причины, слагаясь вмѣстѣ или ограничивая одна другую содѣйствуютъ образованію конечнаго результата, которымъ является общество. Простое или сложное, постоянное или измѣнчивое, варварское или цивилизованное — это общество всегда содер-

жить въ самомъ себѣ причины своего существованія и мы всегда можемъ объяснить его устройство, какимъ бы страннымъ оно ни казалось намъ и его учрежденія, какими бы они ни казались противорѣчивыми. Ни благосостояніе, ни упадокъ, ни деспотизмъ, ни свобода не представляютъ собою случайности, подобной расположенію костей при ихъ бросаніи и не вызываются произволомъ одного человѣка. Они подчиняются извѣстнымъ условіямъ, отъ которыхъ не могутъ освободиться. Во всякомъ случаѣ намъ полезно знать эти условія, отчасти для того, чтобы мы могли улучшить наше положеніе или запасть терпѣніемъ, а также и для того, чтобы своевременно произвести нужныя реформы или же отказаться отъ неосуществимыхъ реформъ, приобрести ловкость, необходимую для успѣха или выработать осторожность, для того, чтобы умѣть воздержаться, когда этого потребуетъ необходимость.

IV.

Мы дошли, такимъ образомъ, до самого центра нравственныхъ наукъ, такъ какъ дѣло идетъ теперь о человѣкѣ вообще. Намъ надо создать естественную исторію души и мы достигнемъ этого такимъ же точно способомъ, т. е. устраняя предрассудки и придерживаясь только фактовъ, руководствуясь аналогіей и начиная всегда съ самаго начала, а затѣмъ слѣдя шагъ за шагомъ за тѣмъ развитіемъ, которое превращаетъ постепенно ребенка, дикаря, необразованнаго и первобытнаго человѣка въ человѣка культурнаго и разсудительнаго. Обратимъ вниманіе на начала жизни, на животное, находящееся на самой низшей ступени и на человѣка, въ моментъ, слѣдующій за его рожденіемъ. Мы находимъ у него, прежде всего, способность ощущеній, пріятныхъ или непріятныхъ, затѣмъ потребность, стремленіе или желаніе и наконецъ, благодаря устройству его фізіологическаго механизма, рядъ движеній, произвольныхъ или непроизвольныхъ, болѣе или менѣе точно или болѣе или менѣе быстро приспособленныхъ и координированныхъ. Этотъ элементарный фактъ не только носитъ первичный характеръ; онъ встрѣчается постоянно и неизмѣнно вездѣ, такъ какъ его можно

наблюдать во всякій моментъ, въ каждой жизни, какъ самой сложной, такъ и самой простой. Поищемъ теперь, не составляетъ ли онъ той самой нити, изъ которой соткана наша душевная ткань и не приводитъ ли самопроизвольное развертываніе и образованіе изъ нея петель, связанныхъ между собою, къ фабрикаціи всей сѣти нашихъ мыслей и страстей? Основываясь на этой идеѣ, Кондильякъ, этотъ необычайно точный и ясный умъ, даетъ отвѣты почти на всѣ великіе вопросы, и хотя эти отвѣты были дискредитированы у насъ въ началѣ девятнадцатаго вѣка, благодаря возрожденію теологическихъ предрассудковъ и занесенію къ намъ нѣмецкой метафизики, но возобновленіе наблюденій, возникновеніе душевной паталогіи и многочисленныхъ вивисекцій, подтвердили и дополнили ихъ и снова выдвинули на сцену. Уже Локкъ говорилъ, что первоначальный источникъ нашихъ идей имѣетъ своимъ источникомъ внѣшній или внутренній опытъ. Кондильякъ указываетъ, кромѣ того, что всякое воспріятіе, воспоминаніе, мысль, воображеніе, сужденіе, разсужденіе и знаніе основываются на ощущеніяхъ въ прямомъ смыслѣ этого слова или на воспроизведеніи этихъ ощущеній, что и составляетъ *дѣятельные элементы*. Наши высшія идеи не имѣютъ другихъ матеріаловъ, такъ какъ всѣ онѣ сводятся къ знакамъ, которыя, сами по себѣ представляютъ ничто иное какъ ощущенія особаго рода. Такимъ образомъ ощущенія являются субстанціей, какъ человѣческаго ума, такъ и ума животныхъ, но первый безконечно превосходитъ второй въ томъ отношеніи, что посредствомъ изобрѣтенія знаковъ, онъ въ состояніи изолировать, извлекать и отмѣчать отдѣльныя части своихъ ощущеній, т. е. составлять, комбинировать и пускать въ дѣло общія понятія. Установивъ такое положеніе, мы въ состояніи провѣрить всѣ наши идеи, потому что мы всегда можемъ ихъ передѣлать и перестроить, при помощи разсужденія то, что было слѣдано безъ него. Въ началѣ не существуетъ никакихъ отвлеченныхъ опредѣленій; отвлеченіе является потомъ и представляетъ производный продуктъ. Во главѣ каждой науки надо поставить примѣры, опытъ и осяза-

тельные факты, откуда и извлекается впоследствии общая идея. Точно также, изъ нѣсколькихъ общихъ идей того же порядка, мы извлекаемъ другую, еще болѣе общую и т. д. Мы идемъ шагъ за шагомъ, всегда слѣдуя естественному порядку и постоянно анализируя, мы прибѣгаемъ затѣмъ къ выразительнымъ обозначеніямъ, по примѣру математиковъ, переходящихъ отъ счисленія по пальцамъ къ счисленію посредствомъ буквъ, которыя призвавъ глаза на помощь разуму, изображаютъ внутреннюю аналогію количествъ посредствомъ внѣшней аналогіи символовъ. Такимъ путемъ совершенная наука должна будетъ закончиться образованіемъ и совершеннаго языка. Благодаря такой перемѣнѣ обычнаго приема, мы сразу прекращаемъ всякіе споры о словахъ, мы избѣгаемъ заблужденій человѣческаго слова, мы упрощаемъ изслѣдованіе, передѣлываемъ обученіе, обезпечиваемъ открытія, подвергаемъ провѣркѣ всякое утвержденіе и дѣлаемъ всякую истину доступной всякому уму.

V.

Такъ именно нужно поступать во всѣхъ наукахъ и въ особенности, въ наукахъ нравственныхъ и политическихъ. Надо поочередно разсмотрѣть каждую отдѣльную область человѣческой дѣятельности, разложить основныя понятія, подъ которыми мы представляемъ себѣ эту дѣятельность, понятія о религіи, объ обществѣ и правительствѣ, о пользѣ, богатствѣ и обмѣнѣ, о правосудіи, правахъ и долгѣ, и, добравшись до самыхъ первыхъ опытовъ, до простѣйшихъ явленій, заключающихъ въ себѣ элементы такихъ понятій, осторожно выбрать драгоцѣнныя нити, изъ которыхъ слагаются эти понятія, не перепутавъ ихъ и не пропустивъ ни одной, и сызнова составить изъ нихъ тѣ же самыя понятія, чтобы точнѣе установить ихъ смыслъ и опредѣлить ихъ значеніе. Затѣмъ, нужно замѣнить смутную и общераспространенную идею, послужившую исходною точкой, научнымъ и болѣе точнымъ опредѣленіемъ, которое уже

добыто нами и, такимъ образомъ, вмѣсто неочищеннаго металла, полученнаго нами первоначально, представить металлъ, очищенный отъ всякихъ примѣсей. Вотъ тотъ общій методъ, которому учатъ философы подъ именемъ анализа и который резюмируетъ весь прогрессъ вѣка. До этого пункта они правы, но не далѣе; истина, и притомъ вся цѣликомъ, заключается въ вещахъ, подлежащихъ наблюденію и только оттуда она можетъ быть извлечена. Нѣтъ другого пути, который бы могъ привести къ открытіямъ. Безъ сомнѣнія, эта операція можетъ быть плодотворной лишь въ томъ случаѣ, если руда окажется богатой и мы будемъ владѣть искусствомъ извлеченія изъ нея очищеннаго металла. Чтобы составить себѣ правильное понятіе о государствѣ, религіи, правѣ, богатствѣ, надо быть предварительно историкомъ, правовѣдомъ, экономистомъ, собрать мириады фактовъ и обладать, кромѣ обширной эрудиціи, еще и большою и специальною наблюдательностью. Безъ сомнѣнія также, если не всѣ эти условія будутъ одинаково удовлетворены, операція дастъ лишь несовершенные результаты или принесетъ продукты подозрительнаго свойства въ родѣ какихъ-то набросковъ науки, зачатковъ педагогики, какъ у Руссо, политической экономіи—какъ у Кэпе, Смита и Тюрго, лингвистики—какъ у президента де Бросса, нравственной ариеметики уголовного законодательства,—какъ у Бэнтама. Наконецъ, несомнѣнно и то, что когда ни одно изъ этихъ условій не выполнено и когда таже самая операція производится кабинетными мыслителями, салонными любителями и шарлатанами площадей,—то она приводитъ лишь къ вреднымъ смѣсямъ и убійственнымъ взрывамъ.

Но хорошее правило остается хорошимъ даже и послѣ того, какъ невѣжество и поспѣшность сдѣлали изъ него дурное употребленіе и если теперь мы сызнова принимаемся за то самое дѣло, которое неудалось въ восемнадцатомъ вѣкѣ, то, во всякомъ случаѣ, мы дѣлаемъ его въ тѣхъ самыхъ рамкахъ, которыя были переданы намъ этимъ вѣкомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Второй элементъ классическаго духа.—Его признаки, продолжительность и могущество. —Его происхожденіе и его публика.—Его словарь, грамматика и стиль.—Его приемы, достоинства и недостатки. Его прирожденный недостатокъ.—Признаки этого недостатка въ семнадцатомъ вѣкѣ.—Онъ усиливается съ теченіемъ времени и по мѣрѣ развитія успѣховъ.—Доказательства этого усиленія въ семнадцатомъ вѣкѣ.—Серьезныя поэмы, театр, исторія, романы. — Уменьшенное представленіе о человѣкѣ и человѣческой жизни.—Соображеніе съ этими понятіями философскаго метода.—Идеалогія.—Злоупотребленіе математическими методами.—Кондильякъ, Руссо, Мабли, Кондорсе, Вольей, Сійэсъ, Кабанисъ, Траси.—Преувеличенность упрощеній и смѣлость построеній.

Это большое и великолѣпное зданіе, составленное изъ новыхъ истинъ, напоминаетъ башню, первый этажъ которой, внезапно законченный, вдругъ сдѣлался доступенъ публикѣ. Публика вступаетъ въ него и строители приглашаютъ ее смотрѣть не на небо или въ пространство, а передъ собою, вокругъ себя и на землю, для того чтобы узнать наконецъ ту страну, въ которой она обитаетъ. Конечно, видъ изъ башни хорошъ и совѣтъ строителей благоразуменъ, но было бы ошибочно думать, что публика можетъ увидѣть оттуда все въ настоящемъ видѣ. Надо прежде всего изслѣдовать все-таки состояніе ея глазъ, узнать не страдаетъ ли она слишкомъ большою дальноркостью и не отличается ли ея сѣтчатка, отъ природы или вслѣдствіе привычки, отсутствіемъ воспріятія нѣкоторыхъ цвѣтовъ. Подобнымъ же образомъ мы должны изслѣдовать и французовъ восемнадцатаго вѣка, познакомиться съ устройствомъ ихъ внутренняго зрѣнія или—говоря иначе—съ тою установленною формою мышленія, которую они, сами того не зная и не желая, приносятъ съ собою, входя на свою новую башню.

I.

Эта установленная форма мышленія и есть тотъ классическій духъ, который, примѣненный къ научнымъ пріобрѣтеніямъ того времени, и произвелъ всю философію вѣка и доктрины революціи. Его присутствіе узнается по различнымъ признакамъ, а именно: по господству ораторскаго стиля, правильнаго, безукоризненнаго и построеннаго цѣликомъ изъ общихъ

выраженій и связанныхъ между собою идей.

Этотъ духъ властвуетъ два вѣка, отъ Малерба и Бальзака до Делилля и Фонтаня и въ теченіе всего этого, столь длиннаго періода, ни одинъ умъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ, не смѣетъ и не можетъ высвободиться изъ подъ его власти. Далеко не кончаясь вмѣстѣ со старымъ режимомъ, онъ и послѣ паденія этого режима, служитъ тою формою, откуда получаютъ всѣ рѣчи, всѣ писанія и даже самыя фразы и словарь революціи. А вѣдь, что можетъ быть дѣйствительнѣе такой, заранѣе существующей формы, которая насильственно навязывается каждому и безропотно принимается имъ и въ которую замыкается, въ силу естественныхъ наклонностей, традицій и воспитанія, каждый умъ, для того чтобы мыслить? Такая форма представляетъ собою историческую силу и притомъ силу перворазрядную. Чтобы хорошенько узнать ее, надо видѣть какъ она образовалась.—Она устанавливается одновременно съ монархіей и со свѣтскою бесѣдой и сопровождаетъ ихъ не случайно, а въ силу природы вещей. Вѣдь она является дѣломъ той новой публики, которую создаетъ новый режимъ и новые нравы—другими словами: она представляетъ продуктъ аристократіи, осужденной на бездѣлье захватами монархической власти, являясь произведеніемъ людей хорошаго происхожденія и хорошо воспитанныхъ, которые, будучи устранены отъ всякой дѣятельности, набрасываются на разговоръ и свое свободное время употребляютъ на то, чтобы наслаждаться всѣми серьезными или утонченными удовольствіями ума. Въ концѣ концовъ у нихъ уже не остается ни другихъ занятій, ни другого интереса, какъ говорить, слушать и непринужденно и весело бесѣдовать другъ съ другомъ о разныхъ предметахъ серьезныхъ или легкомысленныхъ, которые только и могутъ занимать мужчинъ и свѣтскихъ женщинъ. Подъ конецъ въ этомъ только и будетъ состоять ихъ главное дѣло. Въ семнадцатомъ вѣкѣ ихъ называютъ „порядочными людьми и къ нимъ-то и обращается всякій писатель, даже самый отвлеченный“. „Порядочный человѣкъ—говоритъ Декартъ—не имѣетъ нужды

читать всѣ книги или тщательно изучать все то, что преподается въ школахъ“. Онъ озаглавливаетъ свой послѣдній трактатъ слѣдующимъ образомъ: „Исслѣдованіе истины съ помощью естественнаго свѣта, опредѣляющаго безъ помощи религіи и философіи тѣ мнѣнія, которыя долженъ имѣть каждый *порядочный человекъ*, относительно всѣхъ вещей, долженствующихъ стать предметомъ его мыслей“. Въ самомъ дѣлѣ, съ начала и до конца своей философіи, онъ не требуетъ подготовки, кромѣ „природнаго здраваго смысла“, въ связи съ тою ходячею опытностью, которая дается свѣтскою жизнью.—Такъ какъ они составляютъ аудиторію, то они являются и судьями. „Надо стараться изучать вкусъ двора,—говоритъ Мольеръ. Нѣтъ мѣста, гдѣ бы сужденія были бы настолько справедливы... Простой, естественный здравый смыслъ и общеніе со всѣмъ этимъ прекраснымъ міромъ создаютъ тотъ особенный складъ ума, который судитъ обо всемъ несравненно умнѣе и тоньше, чѣмъ все заржавѣлое знаніе педантовъ“.—Начиная съ этого момента можно сказать, что судьей относительно истины и вкуса является уже не ученый, въ родѣ Скаллигера, какъ прежде, но свѣтскій человекъ, какъ Ларошфуко или Тревилль. Педантъ, а за нимъ и ученый, специалистъ, со всѣмъ устраняются. „Истинно порядочные люди, говоритъ Николь, со словъ Паскаля, не желаютъ носить на себѣ вывѣску. Распознать ихъ сразу трудно, потому что они говорятъ обыкновенно о тѣхъ же самыхъ вещахъ, о которыхъ шла рѣчь, когда они вошли. Ихъ не называютъ ни поэтами, ни геометрами, но они судятъ обо всемъ этомъ. „Въ восемнадцатомъ вѣкѣ ихъ авторитетъ былъ господствующимъ“.—Среди большой толпы, состоящей изъ „глупцовъ“ и пересыпанной педантами, всегда найдется маленькое отдѣльное стадо,—говоритъ Вольтеръ—которое называется „*хорошимъ обществомъ*“. Это маленькое стадо, будучи богатымъ, хорошо воспитаннымъ, образованнымъ и учтивымъ представляетъ какъ бы, цвѣтъ человѣческаго рода. Для него трудились величайшіе люди и оно создаетъ извѣстность“.—Восхищеніе, милости и значеніе принадлежитъ не тѣмъ, кто этого заслуживаетъ, а тѣмъ

кто обращается къ этому стаду. „Въ 1789 году—говоритъ аббатъ Мори,—французская академія была единственною во Франціи, пользовавшеюся уваженіемъ и только она одна дѣйствительно, могла создать человѣку положеніе. Академія же наукъ ровно ничего не значила въ общественномъ мнѣніи, также какъ и академія надписей... Языки—это наука глупцовъ“. Д’Аламберъ стыдится того, что онъ былъ членомъ академіи наукъ. Математика, химика и др. специалиста слушаетъ только небольшая горсточка людей; писатель же и ораторъ обращаются ко всей вселенной. Само собою разумѣется, что, находясь подъ такимъ сильнымъ давленіемъ, духъ вѣка непременно долженъ былъ принять ораторскій и литературный отпечатокъ и приспособиться, такимъ образомъ, къ требованіямъ, приличіямъ, вкусамъ, степени образованности и культурности своей публики. Отсюда и произошла классическая форма; она возникла вслѣдствіе привычки говорить, писать и думать, имѣя постоянно въ виду салонную аудиторію.

Что касается языка и стиля, то эта форма сразу бросается въ глаза. Французскій классическій языкъ возникаетъ и заканчивается въ промежутокъ времени между Амю, Раблэ, Монтанемъ—съ одной стороны и Шатобрианомъ, Викторомъ Гюго и Гоноре Бальзакомъ—съ другой. Съ самаго начала его возникновенія ему уже дано имя: это языкъ порядочныхъ людей. Онъ не только созданъ для нихъ, но они же сами были его изобрѣтателями. Вожела, ихъ секретарь, въ теченіе тридцати лѣтъ только и дѣлалъ, что записывалъ рѣшенія „хорошаго вкуса“. Вотъ почему во всѣхъ своихъ частяхъ, какъ относительно словъ, такъ и относительно грамматики, языкъ этотъ постепенно преобразуется и притомъ, это преобразование совершается по образцу ума этихъ людей, представляющаго господствующій умъ той эпохи. Прежде всего словарь освобождается отъ излишней тяжести. Изъ рѣчи исключается большинство словъ, которыя относятся къ специальной эрудиціи и техническимъ наукамъ, а также всѣ выраженія черезъ чуръ классическія, греческія или латинскія, школьные термины и термины науки, ремесла

и хозяйства и все, что слишком сильно отзывается какимъ либо особеннымъ занятіемъ или профессіей и не у мѣста въ общемъ разговорѣ. Изъ него выкидываются также множество картинныхъ и выразительныхъ словъ: всѣ грубыя, галльскія и наивныя выраженія, всѣ слова мѣстнаго, провинціального происхожденія и ходячія и простонародныя поговорки, множество оборотовъ, отличающихся фамильярностью, рѣзкостью и откровенностью, всѣ рискованныя и ѣдкія метафоры и вообще такіе обороты рѣчи, которые вдругъ приходятъ въ голову и, подобно молніи, освѣщаютъ внезапнымъ свѣтомъ и вызываютъ въ воображеніи яркое, точное и полное представленіе о вещахъ, но въ тоже время производятъ и слишкомъ сильное сотрясеніе, которое могло бы шокировать приличія свѣтской бесѣды. „Достаточно одного неловкаго слова, говоритъ Вожеда, чтобы вызвать къ себѣ презрѣніе хорошаго общества“, и даже наканунѣ революціи одного такого слова, которое было подхвачено г-жею де Люксамбургъ, оказалось достаточно, чтобы человѣкъ былъ зачисленъ въ разрядъ вульгарныхъ людей, такъ какъ хорошій языкъ считался необходимою принадлежностью хорошихъ манеръ.

Путемъ такой постоянной чистки и соскабливанія, языкъ постепенно сократился и обезцвѣтился. По мнѣнію Вожеда, добрая половина словъ, встрѣчавшихся у Амю, уже выкинута. За исключеніемъ Лафонтена, этого самороднаго и стоящаго особнякомъ генія, открывающаго старинные источники, да Лябрюйера—смѣлаго изслѣдователя, отыскавшаго новый родникъ и Вольтера—этого воплощеннаго демона, который, въ своихъ произведеніяхъ, анонимныхъ и псевдонимныхъ, даетъ полную волю своей рѣзости и грубости своего вдохновенія, никто уже не употребляетъ прямыхъ выраженій. Однажды Грессе въ своей рѣчи въ академіи, осмѣлился употребить пять или шесть такихъ выраженій; дѣло шло, мнѣ кажется, о каретахъ и прическахъ. Тотчасъ же послышался ропотъ и было высказано мнѣніе, что, во время своего продолжительнаго отсутствія, Грессе сдѣлался провинціаломъ и потерялъ хорошій тонъ. Мало по малу всѣ рѣчи начали составлять только изъ однѣхъ

„общихъ выраженій“. Даже, по совѣту Бюффона, такія же общія выраженія стали употребляться и для обозначенія особенныхъ вещей. Это, конечно, болѣе подходило къ требованіямъ свѣтской учтивости, сглаживающей, смягчающей и избѣгающей всѣхъ рѣзкихъ и слишкомъ простыхъ выраженій, для которой многія идеи показались бы слишкомъ грубыми или тривиальными, если бы ихъ не прикрывали болѣе или менѣе прозрачною вуалью. Да такъ было удобнѣе и для лѣниваго вниманія, потому что вѣдь только общія фразы въ разговорѣ могутъ мгновенно вызывать общія и ходячія понятія, доступныя каждому человѣку уже только потому, что онъ принадлежитъ къ салону, тогда какъ спеціальныя, особенныя термины потребовали бы отъ него извѣстныхъ усилій памяти и воображенія. Если, напр. говоря о дикаряхъ или древнихъ франкахъ, я скажу „военный топоръ“, то всѣ поймутъ меня сразу. Если же я употреблю слова: „томагаукъ“ или „бердышъ“, то у многихъ явится, пожалуй, подозрѣніе, что я говорю потевтонски или по-ирокезски. Въ этомъ отношеніи, чѣмъ возвышеннѣе литературный слогъ, тѣмъ больше къ нему предъявляется требованій, такъ что изъ поэзіи уже изгоняются всѣ слова, называющія вещи собственными именами и если встрѣчается необходимость употребить такое слово, то все-таки стараются какъ нибудь уклониться отъ этого и замѣнить его перифразой. Поэтъ восемнадцатаго вѣка имѣлъ въ своемъ распоряженіи не болѣе трети словаря и поэтической языкъ, въ концѣ концовъ, сдѣлался настолько ограниченнымъ, что, когда человѣку понадобилось высказываться, то онъ уже не могъ сдѣлать этого въ стихахъ.

Но зато, наоборотъ, чѣмъ больше расчищается лѣсъ, тѣмъ свѣтлѣе становится въ немъ. Вынужденный пользоваться только избраннымъ словаремъ, французскій языкъ могъ высказать меньше, но уже то, что высказывалось, было выражено болѣе красиво и болѣе вѣрно. „Учтивость и точность, — эти слова, народившіяся одновременно съ французскою академіей, выражаютъ вкратцѣ ту реформу, органомъ которой служила академія и которую салоны навязы-

вали публикѣ, черезъ посредство академіи и вмѣстѣ съ нею. Вельможи, удаленные отъ дѣла, знатныя дамы, проводящія время въ праздности, употребляли свой досугъ на то, чтобы отыскивать оттѣнки между различными выраженіями и составлять изрѣченія, опредѣленія и эскизы. Съ изумительною щепетильностью и необычайно тонкимъ тактомъ, писатели и свѣтскіе люди взвѣшивали каждое слово и каждое выраженіе, чтобы точнѣе установить его смыслъ и соразмѣрить его силу и значеніе, опредѣлить его сродство съ другими словами, его употребленіе и связь, которая можетъ быть допущена или существуетъ между этимъ выраженіемъ и другими. Такая мелочная работа въ опредѣленіи деталей продолжается, начиная отъ первыхъ академикомъ, Вожепа, Шаплена и Конрара, до конца классическаго вѣка.

Никогда еще ни одинъ архитекторъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи для постройки только камни уличной мостовой, не былъ такъ основательно знакомъ съ каждымъ изъ этихъ камней, съ его размѣрами, формою, прочностью, съ тѣмъ, куда его надо положить и чѣмъ онъ будетъ держаться. Когда все это извѣстно, то надо только заботиться о томъ, какъ бы построить съ наименьшею затратою труда, съ наибольшею прочностью, какая только возможна — и грамматика, такимъ образомъ, преобразовывается вмѣстѣ со словаремъ и въ томъ же направленіи. Она не допускаетъ, чтобы слова слѣдовали согласно измѣнчивому порядку впечатлѣній и ощущеній, а правильно и строго располагаетъ ихъ, согласно незыблемому порядку идей. Писатель теряетъ право ставить во главѣ и выставлять на видъ тотъ предметъ или ту черту, которая наиболѣе сильно и раньше всего поразила его воображеніе; рамка для писателя уже готова и всѣ мѣста въ ней опредѣлены заранѣе. Каждой части рѣчи отведено извѣстное мѣсто и запрещено выпустить или переставить хотя бы одну изъ нихъ, какъ это зачастую дѣлалось въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Все должно быть на своемъ мѣстѣ: сначала подлежащее, со всѣми добавочными словами, затѣмъ глаголь, прямое дополненіе и наконецъ косвенное дополненіе. Составленная такимъ образомъ фраза

представляетъ постепенное сооруженіе, въ которомъ умъ, прежде всего, кладетъ сущность, потомъ ея качество и наконецъ свойства этого качества, поступая какъ хорошій архитекторъ, который сначала закладываетъ фундаментъ, потомъ возводитъ на немъ постройку и, наконецъ, строитъ всѣ аксессуары къ ней, постоянно имѣя въ виду экономію и осторожную предусмотрительность, вслѣдствіе чего онъ и подготавливаетъ въ каждой новой части своего зданія поддержку для слѣдующей за нею части. Нельзя найти такой фразы, которая требовала бы меньшей затраты вниманія, ни такой, въ которой можно было бы съ увѣренностью констатировать на каждомъ шагу присутствіе или отсутствіе связи между ея отдѣльными частями. Тотъ самый методъ, который указываетъ, какъ надо составлять простую фразу, руководитъ также и въ постройкѣ цѣлаго періода, параграфа или цѣлой серіи параграфовъ; онъ создаетъ стиль также, какъ создалъ синтаксисъ. Въ общемъ большомъ зданіи имѣется особое мѣсто для каждаго маленькаго отдѣльнаго зданія, причѣмъ такое мѣсто бываетъ только одно. Каждое такое мѣсто заполняется поочередно, по мѣрѣ того какъ рѣчь подвигается впередъ, не раньше, не позже, и никогда не вводится ни одинъ паразитный членъ и ни одинъ законный членъ не нарушаетъ правъ своего сосѣда. Всѣ эти члены связаны между собою своимъ положеніемъ и должны всѣми своими силами сообща стремиться къ достиженію одной и той же цѣли. Такимъ путемъ, въ первый разъ, получается наконецъ такое литературное произведеніе, которое состоитъ изъ естественныхъ, но отдѣляющихся другъ отъ друга группъ, изъ замкнутыхъ и совершенныхъ частей, изъ которыхъ ни одна не вторгается въ чужую область и, въ свою очередь, не допускаетъ такихъ вторженій въ свои предѣлы. Не дозволяется писать какъ попало, повинуваясь капризу вдохновенія, бросать горстями свои идеи, прерывать свое изложеніе скобками и нанизывать безконечный рядъ цитатъ и перечисленій. Всегда бываетъ дана какая нибудь цѣль: надо либо доказать какую нибудь истину, найти извѣстное опредѣленіе, либо надо убѣдить въ чемъ нибудь и поэтому

необходимо постоянно двигаться вперед и всегда прямо. Правильность, последовательность, постоянное движение вперед, осторожные переходы, непрерывное развитие—вотъ характерныя черты этого стиля. Это заходитъ такъ далеко, что вначалѣ даже дружескія письма, романы, свѣтскія шутивыя посланія и любезности представляли такіе образчики методическаго краснорѣчія. Салонныя любезности приобрѣтаютъ характеръ длинныхъ фразъ, составленныхъ точь-въ-точь, какъ какая нибудь академическая диссертація. Этотъ едва успѣвшій образоваться новый стиль быстро выказалъ на что онъ годенъ, и для всѣхъ было ясно, что онъ служитъ для того, чтобы объяснять, доказывать, убѣждать и популяризировать. Спустя сто лѣтъ, Кондильякъ съ полнымъ правомъ будетъ говорить, что этотъ стиль, самъ по себѣ уже представляетъ систематическій способъ разложенія и составленія вновь,—научный методъ, аналогичный арифметическому и алгебраическому методу. Во всякомъ случаѣ онъ представляетъ ту неоспоримую выгоду, что, исходя отъ нѣсколькихъ общеупотребительныхъ выводовъ, онъ легко и быстро приводитъ читателя, черезъ рядъ простыхъ комбинацій къ комбинаціямъ самаго высшаго порядка. На этомъ основаніи, французскій языкъ, въ 1789-году считается первымъ изъ всѣхъ; берлинская академія даже предлагаетъ конкурсъ и назначаетъ премію для объясненія его превосходства. Во всей Европѣ говорятъ по французски. Дипломатія не употребляетъ никакого другого языка, кромѣ французскаго, который становится международнымъ, какъ нѣкогда латинскій языкъ и французскому языку, повидимому, предназначено сдѣлаться, предпочтительно передъ другими, органомъ разума.

Но языкъ этотъ представляетъ лишь органъ разума извѣстнаго рода, а именно—резонирующаго разума, такого, который желаетъ мыслить съ наименьшею подготовкою и съ наибольшими удобствами, какія только возможны. Этотъ разумъ вполне удовлетворяется имѣющимся у него запасомъ свѣдѣній и не помышляетъ ни о пополненіи, ни о возобновленіи этого запаса, не желая или не умѣя обнять всей полноты и сложности

реальныхъ вещей. Вслѣдствіе своего пуризма, презрѣнія къ простымъ выраженіямъ и живымъ оборотамъ рѣчи, вслѣдствіе своей мелочной правильности въ детальномъ развитіи каждой мысли, классическій стиль оказывается совершенно неспособнымъ изображать съ полнотою и регистрировать безконечныя и случайныя детали опыта. Онъ отказывается выражать физическую внѣшность вещей, передавать непосредственное ощущеніе зрителей, высшія и низшія крайности выраженія страстей и абсолютно личную и сложную фізіономію живого индивида—словомъ, онъ рѣшительно не въ состояніи изобразить это единственное въ своемъ родѣ соединеніе безчисленныхъ, подвижныхъ и необычайно сложныхъ чертъ, которыя составляютъ характеръ не всего челоувѣчества вообще, а лишь данной личности и изображеніе которыхъ не было бы возможно даже для Сень-Симона, Бальзака и Шекспира, еслибъ богатый языкъ, которымъ они пользуются, обогащая его еще собственными смѣлыми нововведеніями, не доставлялъ имъ разнообразныхъ отѣнковъ, для выраженія многочисленныхъ подробностей ихъ собственныхъ наблюденій.—Классическимъ стилемъ нельзя было бы перевести ни Библии, ни Гомера, ни Данте, ни Шекспира.

Прочтите монологъ Гамлета у Вольтера и вы увидите, что отъ него осталось,—ничего, кромѣ отвлеченной декламации, т. е. почти столько же, сколько осталось у него отъ Отелло, въ его Оросманѣ. Просмотрите описаніе острова Калипсо у Гомера и у Фенелона. Скалистый, дикій островъ, гдѣ гнѣзятся „чайки и другія морскія птицы съ длинными крыльями“, превращается прекрасною французскою прозою въ какой-то благоустроенный паркъ, имѣющій цѣлью „тѣшить взоръ“. Въ XVIII вѣкѣ, современные иностранные романисты, тоже принадлежащіе къ классическому вѣку, Фильдингъ, Свифтъ, Дефоэ, Стернъ, Ричардсонъ, допускаются во Францію лишь съ урѣзками и смягченіями. Они употребляютъ слишкомъ откровенныя выраженія, рисуютъ слишкомъ сильныя сцены; ихъ фамильярный и грубый языкъ, ихъ странныя выраженія, явились бы рѣзкимъ пятномъ и поэтому переводчикъ урѣзываетъ и смягчаетъ ихъ выраженія, а иногда онъ

считаетъ даже нужнымъ извиняться за то, что имъ оставлено. Во французскомъ языкѣ существуетъ мѣсто только для частицы истины, очень ограниченной и которая притомъ съуживается еще больше, посредствомъ постоянныхъ стараній очистить языкъ отъ черезъ чуръ рѣзкихъ выраженій: рассматриваемый самъ по себѣ классическій стиль постоянно подвергается риску пользоваться, какъ матеріаломъ, лишь общими мѣстами скудными и безсодержательными. Онъ вытягиваетъ эти общія мѣста въ длину переплетаетъ ихъ между собою и образуетъ изъ нихъ ткань. Но изъ всѣхъ его логическихъ сплетеній получается лишь крупная, филиграновая работа. Можно, разумѣется, хвалить изящество и искусство этой работы, но на практикѣ она имѣетъ мало или даже совсѣмъ не имѣетъ, никакого примѣненія.

По этимъ чертамъ стиля можно судить объ отличительныхъ чертахъ ума, его создавшаго. Работа человеческого ума слагается изъ двухъ главныхъ операций. Въ присутствіи внѣшнихъ вещей умъ нашъ получаетъ отъ нихъ болѣе или менѣе точное, полное и глубокое впечатлѣніе. Затѣмъ, отходя отъ этихъ вещей, мысль наша разлагаетъ полученныя впечатлѣнія, классифицируетъ, распредѣляетъ и выражаетъ съ большимъ или меньшимъ искусствомъ идеи, извлеченныя ею такимъ путемъ. Во второй изъ этихъ операций классическій умъ занимаетъ первое мѣсто. Вынужденный приспособляться къ своей аудитории, т. е. къ свѣтскимъ людямъ, чуждымъ всякой спеціальности и очень разборчивымъ, классическій умъ долженъ былъ довести до высокой степени совершенства искусство заставить себя слушать и понимать, т. е. искусство сочинять и писать. Съ утонченнымъ искусствомъ и безчисленными предосторожностями, онъ ведетъ своихъ читателей, по прямой и пологой лѣстницѣ идей со ступеньки на ступеньку, не пропуская ни одной изъ нихъ, начиная съ самой нижней и до самой верхней, такъ что читатели могутъ постоянно идти впередъ ровными и послѣдовательными шагами, съ тою увѣренностью и удовольствіемъ, которыя испытываются ими при обыкновенной прогулкѣ. Никакіе перерывы и никакія отклоненія невоз-

можны; съ обѣихъ сторонъ дорога ограждается перилами и одна мысль переходитъ въ другую, слѣдующую за ней, такимъ незамѣтнымъ образомъ, что вы невольно подвигаетесь впередъ, не останавливаясь и не уклоняясь въ сторону, пока не достигнете заключительной истины, гдѣ полагается присѣсть и отдохнуть. Вся классическая литература носитъ на себѣ отпечатокъ такого таланта и нѣтъ такого рода литературы, куда бы не проникали или не были бы введены качества хорошей рѣчи. Этотъ талантъ господствуетъ даже въ такихъ произведеніяхъ, которыя сами по себѣ не могутъ считаться литературными, но благодаря ему, становятся ими, такъ какъ онъ превращаетъ въ прекрасные образцы литературнаго искусства такія сочиненія, которыя, по ихъ содержанию, слѣдовало бы отнести къ научнымъ книгамъ, помѣстить среди дѣловыхъ актовъ, историческихъ документовъ, филисофскихъ трактатовъ изложеній, какого нибудь ученія, проповѣдей, полемическихъ сочиненій, диссертаций и разсужденій и даже словарей, какъ это мы видимъ во всѣхъ произведеніяхъ, начиная отъ Декарта до Кондильяка, отъ Бассюэта и до Бюффона и Вольтера, и отъ Паскаля до Руссо и Бомарше—словомъ, вся тогдашняя проза состояла изъ такихъ образцовыхъ произведеній искусства. Даже официальные депеши и дипломатическая переписка не составляли исключенія; не говоря уже о частной перепискѣ между близкими и друзьями. Множество писемъ, представляющихъ образцовыя произведенія литературнаго слога, были произведеніемъ пера женщинъ, не подозревавшихъ этого. Хорошая рѣчь господствуетъ и въ литературѣ, которой она придаетъ ораторскій характеръ. Драматическимъ же произведеніямъ она не только навязываетъ болѣе точный планъ, правильное распредѣленіе, опредѣленные размѣры, купюры и связность, послѣдовательность и непрерывное развитіе, какъ это наблюдается въ произведеніяхъ ораторскаго искусства, но требуетъ, кромѣ того, чтобы рѣчи дѣйствующихъ лицъ были совершенными образцами этого искусства. Нѣтъ ни одного дѣйствующаго лица, который бы не былъ въ то же время вполне законченнымъ ораторомъ. У Корнея, Расина и да-

же у Мольера, каждый наперсникъ, каждый король—варваръ, молодой кавалеръ, салонная кокетка, слуга— всѣ оказываются величайшими мастерами въ искусствѣ владѣть словомъ. Никогда еще ни одинъ діалогъ не подходилъ до такой степени на ораторскій турниръ. Всѣ рассказы, всѣ эскизы, всѣ дѣловыя изложенія могли бы быть извлечены оттуда и представлены въ школѣ, какъ образцы ораторскаго искусства вмѣстѣ съ образцами древняго ораторскаго краснорѣчія. Наклонность къ краснорѣчію такъ велика, что даже въ послѣднюю минуту, въ минуту высшихъ страданій, человѣкъ, оставаясь наединѣ и безъ свидѣтелей, все таки находилъ возможнымъ разглагольствовать о своихъ мукахъ и умираетъ среди потоковъ своего собственного краснорѣчія.

II.

Такое чрезмѣрное увлеченіе въ одномъ направленіи указываетъ на нѣкоторый недостатокъ. Изъ двухъ основныхъ операцій, образующихъ человѣческое мышленіе, классическій умъ лучше исполняетъ вторую, нежели первую. Въ самомъ дѣлѣ, вторая операція мѣшаетъ первой и обязанность говорить всегда красиво, мѣшаетъ говорить все, что было бы нужно. Тутъ красота формы превосходитъ богатство содержанія и первоначальное впечатлѣніе, являющееся живымъ источникомъ мысли, теряетъ въ тѣхъ правильныхъ каналахъ, куда его запираютъ, свою силу, свою глубину и свою кипучесть. Поэзія, въ истинномъ смыслѣ этого слова, та, которая зависитъ отъ мечтаній и видѣній, тутъ зародиться не могла. Лирическая поэма является какимъ-то недоноскомъ, также какъ и эпическая поэма. Ничто тутъ не возноситъ человѣка къ тѣмъ отдаленнымъ и возвышеннымъ предѣламъ, гдѣ слово соприкасается съ музыкой и живописью. Ни разу не раздастся здѣсь произвольнаго крика живого ощущенія, признанія одинокой и черезъ-чуръ переполненной души, которая прибѣгаетъ къ словамъ, для того, чтобы облегчить себя и излить накопившіяся чувства. Если дѣло идетъ о созданіи дѣйствующихъ лицъ, какъ въ драматической поэмѣ, то классическая форма оказывается способной фабриковать личностей только одного сорта; это

все люди, которые по своему рожденію, воспитанію или изъ подражанія, всегда говорятъ хорошимъ языкомъ, словомъ—это все свѣтскіе люди. Другихъ людей мы не видимъ, ни въ театрѣ, ни въ другихъ произведеніяхъ, начиная отъ Корнеля и Расина, до Мариво и Бомарше. Отпечатокъ свѣтскости такъ глубокъ, что распространяется даже на животныхъ Лафонтена, на служанокъ и лакеевъ Мольера и вплоть до персіанъ Монтескье и вавилонянъ, индѣйцевъ и микромегасовъ Вольтера. Надо прибавить, къ тому же, что эти личности реальны только на половину. Во всякомъ живомъ характерѣ существуетъ два рода чертъ: первыя, немногочисленныя, у него такія же, какъ и у всѣхъ личностей его класса и каждый зритель или читатель можетъ легко различить ихъ; вторыя же, очень многочисленныя, принадлежатъ только ему одному и могутъ быть схвачены лишь съ нѣкоторымъ трудомъ. Классическое искусство занимается только первыми и намѣренно пренебрегаетъ вторыми, сглаживая ихъ или подчиняя ихъ первымъ. Оно не создаетъ настоящихъ индивидуальностей, а только общіе характеры, короля, королевы, юнаго принца, юную принцессу, наперсника, первосвященника, начальника, тѣлохранителей, надѣляя ихъ какими-нибудь общечеловѣческими страстями, привычками или общими склонностями, любовью, честолюбіемъ, вѣрностью или вѣроломствомъ, деспотическимъ или угодливымъ нравомъ и врожденною добротою или злобой. Что же касается обстоятельствъ времени и мѣста, которыя оказываютъ наибольшее могущественное вліяніе на человѣка, вызывая разнообразіе характеровъ, то классическое искусство едва о нихъ упоминаетъ; оно ихъ игнорируетъ. По правдѣ сказать, въ трагедіи дѣйствіе одинаково можетъ происходить вездѣ и во всякомъ вѣкѣ и можно было бы даже сказать, что оно не происходитъ ни въ какомъ вѣкѣ и нигдѣ. Сцена изображаетъ просто какой-нибудь дворецъ или храмъ, и для того, чтобы уничтожить всякій историческій и личный отпечатокъ, классическая однообразная условность внесла туда нравы и костюмы, которые нельзя назвать ни французскими, ни иностранными, ни древними, ни новыми. Въ этомъ отвлеченномъ мірѣ всѣ го-

ворять другъ другу „вы“, называютъ „Seigneur“, „Madame“ и облагороженный стиль набрасываетъ одну и ту же драпировку на самые противоположные характеры. Если у Корнеля и Расина сквозъ напыщенность и утонченность ихъ стиховъ, сквозятъ все-таки фигуры ихъ современниковъ, то это дѣлается безъ ихъ вѣдома; они, вѣдь, воображали, что изображаютъ человѣка вообще! Если же мы, въ настоящее время узнаемъ въ изображенныхъ ими лицахъ то кавалеровъ, дуэлистовъ, буяновъ, политиковъ и героинь Фронды, то придворныхъ, принцевъ, епископовъ, статсъ-дамъ и пѣстуновъ установленной монархіи, то это происходитъ лишь потому, что ихъ кисть, невольно обмакиваемая ими въ ихъ жизненный опытъ, нечаянно роняла капли краски на тотъ идеальный и голый контуръ, который они только и хотѣли нарисовать. Они желали начертить только контуръ, только одинъ общій очеркъ, который ихъ необыкновенно правильный языкъ, наполнилъ бы однообразнымъ сѣрымъ цвѣтомъ. Даже въ комедіи, которая намѣренно рисуетъ окружающіе нравы, даже у Мольера, столь откровеннаго и смѣлаго, изображеніе личностей несовершенно; индивидуальныя особенности уничтожаются и человѣческое лицо по временамъ превращается въ театральную маску. Дѣйствующее лицо, въ особенности тогда, когда оно говоритъ стихами, перестаетъ иногда жить, превращаясь лишь въ рупоръ, черезъ который передается какая нибудь тирада или высказывается какое нибудь разсужденіе. Иногда даже забывается указать званіе, положеніе и состояніе дѣйствующаго лица, такъ что неизвѣстно, дворянинъ ли онъ или купецъ, провинціалъ или парижанинъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ дается понятіе, какъ у Шекспира, о физическихъ особенностяхъ дѣйствующаго лица, его темпераментъ, состояніи его нервовъ, манерѣ говорить протяжно или быстро, сдержанности и порывистости его движеній, толщинѣ или худобѣ. Часто авторъ даже не даетъ себѣ труда придумать фамилію для своихъ дѣйствующихъ лицъ; они называются просто Кризалій, Оргонъ, Дамись, Дорантъ, Валерій. Имя дѣйствующаго лица тутъ ничего не означаетъ, кромѣ простаго качества, которое можетъ принадле-

жать кому угодно, отцу или сыну, молодому человѣку, лакею, старому ворчуну, волокитѣ, и это имя, какъ самая обыкновенная фуфайка, одинаково годится для всякаго человѣка, сколько нибудь подходящаго роста, и такимъ образомъ переходитъ изъ гардероба Мольера въ гардеробъ Реньяра, Лесажа, Детуша и Мариво. Дѣйствующимъ лицамъ не хватаетъ личнаго ярлыка; у нихъ нѣтъ подлиннаго, принадлежащаго только имъ названія, составляющаго первое отличіе каждой индивидуальной личности. Всѣ эти подробности, всѣ эти обстоятельства, опора и дополненіе личности, находятся внѣ классической рамки. Чтобы ввести въ нее, хотя бы нѣкоторыя изъ этихъ дополненій, нуженъ былъ геній Мольера, полнота его творчества, богатство его наблюденій и чрезвычайная свобода его пера. Правда, что и онъ часто пропускаетъ ихъ или же вводитъ лишь въ небольшомъ числѣ, такъ какъ избѣгаетъ придавать своимъ общимъ характерамъ такое богатство и сложность индивидуальной личности, которая бы затруднила сценическое дѣйствіе. Чѣмъ проще тема, тѣмъ яснѣе ея развитіе, а во всей этой литературѣ первая обязанность автора заключалась въ томъ, чтобы какъ можно яснѣе развитъ тему, которую онъ себѣ избралъ.

Итакъ, въ классическомъ умѣ есть одинъ первоначальный недостатокъ, зависящій отъ его качествъ и который, сдерживаемый въ началѣ въ должныхъ границахъ, помогаетъ ему въ созданіи его чистѣйшихъ образцовъ, но, повинуваясь общему правилу, этотъ недостатокъ все усиливается и превращается, наконецъ, въ настоящій порокъ, вслѣдствіе естественнаго вліянія времени, упражненія и успѣха. Классическій духъ былъ узокъ въ самомъ началѣ, но со временемъ онъ дѣлается еще болѣе узкимъ. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ онъ уже не въ состояніи изобразить живую личность, реальнаго индивида въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ природѣ и въ исторіи т. е. какъ неопредѣленное соединеніе или же сложное сплетеніе, какъ цѣлый организмъ, образующійся изъ всевозможныхъ чертъ и особенностей, противоположныхъ, но тѣсно сплетенныхъ другъ съ другомъ и координированныхъ между собой. У него нѣтъ способно-

сти воспринимать и удерживать всѣ эти признаки. Онъ устраняетъ ихъ, насколько это возможно, такъ что, въ концѣ концовъ, онъ сохраняетъ отъ нихъ только незначительный экстрактъ, одинъ выпаренный осадокъ, пустое имя или, короче говоря, безсодержательную абстракцію. Въ литературѣ 18 вѣка живые образы встрѣчаются только въ небольшихъ эскизахъ, набросанныхъ мимоходомъ и какъ бы контрабанднымъ образомъ, Вольтеромъ, это: баронъ Тундертен-трукъ, милордъ Уаттенъ, мелкія фигурки въ его сказкахъ, да еще пять или шесть портретовъ, остающихся на второмъ планѣ: Тюркаре, Жиль Блазъ, Марианна, Манонъ Леско, племянникъ Рамо, Фигаро ихъ можно найти впрочемъ еще въ двухъ или трехъ очеркахъ Кребиллона—сына и Колле, — произведеніяхъ, которымъ простота вернула жизненные соки и которыя можно сравнить съ произведеніями свѣтскихъ художниковъ: Ватто, Фрагонара, Сентъ-Обена, Доро, Ланкре, Патера и Бодуэна. Попавшія съ затрудненіемъ или только случайно въ офиціальныя салоны, эти произведенія будутъ существовать и тогда, когда великія картины серьезнаго содержанія покроются плѣсенью, подъ вліяніемъ скуки, исходящей отъ нихъ. Вездѣ, въ другихъ произведеніяхъ, этотъ жизненный сокъ уже изсякъ и вмѣсто настоящихъ цвѣтущихъ растений, мы видимъ только цвѣты изъ раскрашенной бумаги. Всѣ эти серьезные поэмы, что же это такое, какъ не отрывки реторики, украшенные приемами? Просмотрите безчисленныя трагедіи и комедіи, посмертный списокъ которыхъ сдѣланъ для насъ Гриммомъ и Колле, проглядите даже хорошія пьесы Вольтера и Кребиллона и затѣмъ, позднѣе, тѣ пьесы, которыя были написаны наиболѣе модными авторами—Беллуа, Лагарпомъ, Дюси и Мари Шенъ—краснорѣчіе, искусство, удачныя положенія, хорошіе стихи, все тутъ есть, за исключеніемъ живыхъ людей! Дѣйствующія лица—это просто ученые манекены, или же скорѣе—разговорныя трубы, посредствомъ которыхъ авторъ передаетъ публикѣ свои декламации. Греки, римляне, средне-вѣковые рыцари, турки, арабы, перуанцы, гебры, византійцы, которыхъ они изображаютъ, всѣ представляютъ

ничто иное какъ механизмъ для произнесенія тирадъ. И публика нисколько этому не удивляется, такъ какъ она лишена историческаго чувства; она полагаетъ, что человѣкъ одинаковъ повсюду и поэтому она аплодируетъ Инкамъ Мармонтеля, восхищается повѣстями Флоріана и всѣми крестьянами, ремесленниками, неграми, бразильцами, парсами и малабарцами, которые выступаютъ, чтобы пронести передъ нею свои напыщенные рѣчи.

Въ человѣкѣ признается только резонирующій разумъ, одинаковый для всѣхъ временъ и для всѣхъ мѣстъ. Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ награждаетъ имъ своего Парія, а Дидро своихъ Отаитянъ. Всѣ исходятъ изъ того принципа, что всякій человѣческій умъ, естественнымъ образомъ, долженъ говорить и думать какъ книга. Но зато какъ велики недостатки ихъ историческихъ сочиненій! За исключеніемъ Карла XII, этого современника, оживленнаго Вольтеромъ, благодаря рассказамъ очевидцевъ, да еще за исключеніемъ живыхъ очерковъ, легкихъ эскизовъ, изображающихъ англичанъ, французовъ, испанцевъ, итальянцевъ и нѣмцевъ, которые онъ, мимоходомъ, разсѣиваетъ въ своихъ сказкахъ, мы совсѣмъ не видимъ живыхъ людей въ произведеніяхъ этихъ писателей.

Эрудиція, критика, здравый смыслъ, точное изложеніе догматовъ и учрежденій, философскіе взгляды на взаимную связь фактовъ и общее теченіе вещей,—во всемъ этомъ нѣтъ недостатка и не хватаетъ только живыхъ человѣческихъ душъ. Кажется, будто климаты, учрежденія, цивилизація, на самомъ дѣлѣ такъ глубоко преобразующія человѣческій умъ, представляютъ лишь простую внѣшность, случайную оболочку, которая не проникаетъ вглубь и только едва затрагиваетъ поверхность человѣческой души. Поразительная разница, существующая между людьми разныхъ вѣковъ и разныхъ расъ, какъ то ускользаетъ отъ нихъ. Древній грекъ, христіанинъ первыхъ вѣковъ, германскій завоеватель, феодалъ, арабъ магометанинъ, нѣмецъ, англичанинъ времени Возрожденія и пуританинъ, — всѣ они появляются въ ихъ книгахъ, совершенно также, какъ и въ эстампахъ и на заглавныхъ ли-

стахъ, лишь съ нѣкоторыми различіями въ костюмахъ, но съ одинаковою фигурой, одними и тѣми же лицами и [выраженіемъ, сглаженнымъ, обезцвѣченнымъ и приличнымъ, какъ этого требуетъ благопристойность.

Симпатизирующее воображеніе, дающее возможность писателю переселиться мысленно въ другого человѣка и воспроизвести въ себѣ всю систему привычекъ и страстей, совершенно противоположныхъ его собственнымъ—это такой талантъ, котораго всего болѣе не хватаетъ восемнадцатому вѣку. Во второй половинѣ этого вѣка, за исключеніемъ Дидро, который лишь случайнымъ образомъ, да и то очень искусно употребляетъ его, этотъ талантъ совершенно исчезаетъ. Обратите вниманіе поочередно, во Франціи и въ Англіи, на тотъ родъ литературы, въ которомъ этотъ талантъ находитъ наибольшее примѣненіе, а именно—на романъ, представляющій родъ подвижного зеркала, который можно переносить всюду и который всего болѣе способенъ отражать въ себѣ всѣ стороны природы и жизни. Прочтя всю серію англійскихъ романистовъ, Дефоза, Ричардсона, Фильдинга, Смоллетта, Стерна и Гольдсмита, вплоть до миссъ Берней и миссъ Аустинъ, я уже могу считать себя знакомымъ съ Англіей восемнадцатаго вѣка.

Передъ моими взорами прошли ея духовныя лица, сельскіе дворяне, фермеры, трактирщики, моряки, люди всѣхъ состояній высшихъ и низшихъ; мнѣ извѣстны подробности ихъ карьеры, ихъ богатства, я знаю, что получается и что тратится, какъ они путешествуютъ и какъ ѣдятъ и пьютъ. У меня находится въ рукахъ цѣлый рядъ подробныхъ и точныхъ біографій, полная картина цѣлаго общества, составленная изъ тысячи различныхъ сценъ, и самыя обширныя свѣдѣнія, которыми бы я могъ руководствоваться, если бы мнѣ вздумалось написать исторію всего этого исчезнуваемаго міра. Если же я обращусь къ соответствующему ряду французскихъ романистовъ, Кребильону—сыну, Руссо, Мармонтелю, Лякло, Ретифъ-де-ля-Бретоннь, Лувэ, М-те Сталь, М-те Жанлисъ и къ остальнымъ, включая Мерсье и вплоть до г-жи Коттенъ, то мнѣ почти не придется дѣлать замѣтокъ. Мелкіе положительные и поучитель-

ные факты всегда ими пропускаются, я вижу однѣ только любезности, учтивость, ухаживанія, шутки, салонныя разсужденія и ничего больше. Авторы избѣгаютъ говорить о деньгахъ, не сообщаютъ цифръ, не говорятъ ни о бракахъ, ни о судебныхъ процессахъ, ни объ администраціи помѣстій, положеніе священника, сельскаго владѣльца, пріора-резидента, управителя, интенданта, мнѣ неизвѣстно. Все, что касается провинціи, деревни, буржуазіи и лавки, арміи и солдатъ, духовенства и монастырей, правосудія и полиціи, торговли и домашняго хозяйства, представлено очень смутно или въ ложномъ свѣтѣ. Чтобы разобратъ тутъ что нибудь, опять таки приходится прибѣгнуть къ этому изумительному Вольтеру, который когда сбрасываетъ свой парадный классическій мундиръ, то пріобрѣтаетъ свободу дѣйствій и говоритъ все. Насчетъ жизненныхъ органовъ общества, правилъ и привычекъ, которыя вызвали революцію, насчетъ феодальныхъ правъ, владѣльческаго правосудія, способовъ пополненія монастырей и ихъ внутренней жизни, насчетъ провинціальнаго таможенъ, цѣховъ, барщины и десятины, литература почти ничего не сообщаетъ мнѣ. Для нея, какъ будто, не существуетъ ничего, кромѣ салоновъ и литераторовъ, все остальное не стоитъ вниманія и за предѣлами свѣтскаго, разговаривающаго общества Франція ей кажется пустой. Когда придетъ революція, то замкнутость выразится еще сильнѣе. Просмотрите рѣчи, произносившіяся съ трибунъ и въ клубахъ, доклады, мотивировки къ законамъ, памфлеты и множество другихъ письменныхъ документовъ, написанныхъ подъ вліяніемъ жгучихъ событій минуты, нигдѣ вы не найдете ни малѣйшаго понятія о томъ человѣческомъ существѣ, которое находится у васъ передъ глазами, въ полѣ и на улицѣ. Его представляютъ себѣ какимъ-то автоматомъ, механизмъ котораго хорошо извѣстенъ. Для писателей онъ служилъ органчикомъ для выкрикиванія фразъ, а для политиковъ онъ становится такимъ же органчикомъ, но только для подачи голоса, такъ что стоитъ лишь приронуться пальцемъ къ соответствующему мѣсту, чтобы получить нужный отвѣтъ. Никогда вы тутъ не найдете

фактовъ, ничего кромѣ отвлеченности и цѣлаго ряда изрѣченій о природѣ, разумѣ, о народѣ, тиранахъ и свободѣ, и всякихъ разсужденій, которыя подобно наполненнымъ шарамъ, бесполезно носятся въ пространствѣ, сталкиваясь другъ съ другомъ. Если бы мы не знали, что все это ведетъ къ практическимъ и страшнымъ результатамъ, то можно было бы подумать, что это просто игра въ логику, школьныя упражненія, академическія игры и идеологическія комбинаціи. Въ самомъ дѣлѣ, идеологія—этотъ послѣдній продуктъ вѣка вскорѣ должна будетъ дать классическому духу окончательную формулу и сказать за него послѣднее слово.

III.

Слѣдовать во всякихъ изысканіяхъ математическому методу съ полнымъ довѣріемъ безъ малѣйшаго колебанія и безъ всякихъ предосторожностей, извлекать, ограничивать и изолировать нѣсколько очень простыхъ и очень общихъ понятій, а затѣмъ, оставивъ въ сторонѣ опытъ, сравнивать и комбинировать ихъ между собой и изъ полученнаго, такимъ образомъ, искусственнаго соединенія, выводить, путемъ чистаго разсужденія, всѣ тѣ слѣдствія, которыя онъ въ себѣ заключаетъ—вотъ естественныя приемы классическаго ума. Эти приемы до такой степени укоренились въ немъ, что они одинаково встрѣчаются въ теченіи обоихъ вѣковъ, какъ у Декарта, Мальбранша и приверженцевъ чистыхъ идей, такъ и у приверженцевъ ощущенія, физической потребности и первичнаго инстинкта, у Кондильяка, Руссо, Гельвеціуса и позднѣе у Кондорсе, Вольнея, Сійеса, Кабаниса и Дестута де Траси. Эти послѣдніе могутъ выдавать себя за послѣдователей Бэкона и отвергать врожденныя идеи, но тѣмъ не менѣе они идутъ по тому же пути, хотя и исходятъ изъ другой точки отправленія, нежели картезианцы, но также, послѣ легкаго позаимствованія, отбрасываютъ опытъ. Въ этомъ громадномъ мірѣ, нравственномъ и социальномъ, представляющемъ человѣческое дерево съ безчисленными вѣтвями и корнями, они отдѣляютъ только видимую, поверхностную кору и не могутъ ни захватить, ни проникнуть глубже. Ихъ руки не въ состояніи были бы захва-

титъ больше, да къ тому же они даже и не подозреваютъ, что есть нѣчто большее, такъ какъ классическій умъ не захватываетъ далеко и пониманіе его ограничено. Для нихъ кора представляетъ все дерево и, ободравъ ее, они удаляются, захвативъ съ собою сухую, мертвую оболочку и болѣе уже не возвращаются къ стволу ободраннаго дерева. Вслѣдствіе недостаточности классическаго ума и вслѣдствіе литературнаго самолюбія, они опускаютъ наиболѣе характерную подробность,—живой фактъ, обстоятельный примѣръ, многозначительный и доказательный. Нельзя найти почти ни одного примѣра ни въ *Логикѣ*, ни въ *Трактатѣ объ ощущеніяхъ* Кондильяка, ни въ идеологіи Дестюта де Траси, ни въ *Отношеніяхъ физическаго міра къ нравственному* Кабаниса. Никогда, съ этими людьми, мы не вступаемъ на осязательную и прочную почву личныхъ и передаваемыхъ наблюденій, но всегда висимъ въ воздухѣ, въ пустой области чистыхъ обобщеній. Кондильякъ заявляетъ, что арифметическій методъ годится и для психологіи и что можно разобратъ въ элементахъ нашего мышленія посредствомъ операци аналогичной „тройному правилу“. Сійесъ питаетъ самое глубокое презрѣніе къ исторіи и „политика представляетъ для него науку, которую онъ уже постигъ“, какъ онъ полагаетъ, сразу, однимъ усиленіемъ ума, по образцу Декарта, открывшаго такимъ способомъ аналитическую геометрію. Дестутъ де Траси, принимаясь комментировать Монтескье, открываетъ, что великій историкъ слишкомъ рабски придерживался исторіи, а поэтому онъ передѣлываетъ его трудъ и строитъ общество такъ, какъ ему слѣдовало быть, вмѣсто того, чтобы разсматривать общество въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ. Никогда еще никто не воздвигалъ такихъ правильныхъ и такихъ правдоподобныхъ сооружений, при помощи столь ничтожнаго извлеченія изъ человѣческой природы. Кондильякъ при помощи ощущенія оживляетъ статую и затѣмъ посредствомъ чистыхъ разсужденій и слѣдя поочередно за дѣйствіями этого предполагаемаго ощущенія въ области обонянія, вкуса, слуха, зрѣнія и осязанія, онъ строитъ изъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ частей человѣческую душу. При помощи про-

стого договора Руссо создаетъ политическую ассоціацію и только изъ этихъ данныхъ онъ выводитъ конституцію, правительство и законы, которые должны управлять всякимъ обществомъ, построеннымъ на справедливости. Въ своемъ сочиненіи, представляющемъ какъ бы философское завѣщаніе вѣка, Кондорсе заявляетъ, что этотъ методъ есть „последній шагъ философіи“, той, которая воздвигла нѣчто въ родѣ вѣчной преграды между человѣческимъ родомъ и старинными заблужденіями его дѣтства“,—примѣняя этотъ методъ къ нравственности, политикѣ, политической экономіи, удалось достигнуть почти такого же увѣреннаго движенія впередъ, какъ и въ естественныхъ наукахъ. Этотъ именно методъ далъ возможность открыть права человѣка. Эти права были выведены, какъ это дѣлается въ математикѣ, изъ одного первоначальнаго опредѣленія,—опредѣленіе это, подобное основнымъ математическимъ истинамъ, представляетъ фактъ нашего ежедневнаго опыта, констатируемый всѣми и очевидный самъ по себѣ. Такая школа должна держаться и она остается во время революціи и имперіи, вплоть до реставраціи, вмѣстѣ съ классическою трагедіей, сестрой которой ее можно назвать и классическимъ духомъ, представляющимъ ихъ общаго отца, первичную и верховную силу, настолько же опасную, насколько и полезную, настолько же разрушительную, насколько и созидательную, и столько же способную къ распространенію заблужденія, какъ и распространенію истины, столь же изумительную по суровости своего кодекса, по узкости своего ярма и по однообразію своихъ произведеній, какъ и по продолжительности своего царствованія и всеобщему распространенію своего вліянія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Комбинація двухъ элементовъ. — Ученіе вѣка, его притязанія и его характеръ.—Новая власть—власть разума, въ управленіи человѣческими дѣлами. — До сихъ поръ это управленіе принадлежало традиціи.—Происхожденіе, природа и значеніе наследственнаго предразсудка.—Въ какомъ отношеніи обычай, религія и государство могутъ считаться законными.—Классическій умъ не можетъ стать на эту точку зрѣнія.—Отвергаются прошедшія и настоящія права традиціи.—Разумъ берется уничтожить ее.—Двѣ стадіи этой операціи, предпринятой разумомъ.—Первая стадія: Воль-

теръ, Монтескье, деисты и реформаторы.—Что они разрушаютъ и къ чему выказываютъ почтеніе.—Вторая стадія: возвращеніе къ природѣ.—Дидро, Гольбахъ и материалисты.—Теорія живой матеріи и самопроизвольной организаціи.—Нравственность животнаго инстинкта и правильно понятой выгоды. Руссо и спиритуалисты.—Первоначальная доброта человѣка.—Заблужденія цивилизаціи.—Несправедливость собственности и общества.—Передовые философской партіи.—Нэжонъ, Сильвенъ, Марешаль, Мабли, Морелли.—Полный упадокъ традиціи въ общественномъ мнѣніи и всѣхъ происходящихъ изъ нея учрежденій.

I.

Изъ научныхъ пріобрѣтеній, которыя были обработаны подъ вліяніемъ только что описаннаго духа вѣка, родилось ученіе, показавшееся сначала откровеніемъ и заявившее, на этомъ основаніи, притязаніе управлять человѣческими дѣлами.

Передъ наступленіемъ 1789 г. всѣми признается, что этотъ вѣкъ является „вѣкомъ просвѣщенія“, „вѣкомъ разума“ и что раньше человѣческій родъ находился въ періодѣ дѣтства, а теперь онъ сталъ „совершеннолѣтнимъ“. Наконецъ—то истина заявила о себѣ и теперь, въ первый разъ, мы должны были увидѣть ея господство на землѣ! Ея права верховны, потому что она есть истина. Она должна повелѣвать всѣми, потому что, по самой своей природѣ, она всемірна. Благодаря этимъ двумъ вѣрованіямъ, философія восемнадцатаго вѣка напоминаетъ религію, пуританизмъ семнадцатаго вѣка и магометанство седьмого. Тѣ же порывы вѣры, надежды и энтузіазма, тотъ же духъ пропаганды и господства, та же неподвижность и та же нетерпимость, то же честолюбивое стремленіе передѣлать человѣка и перестроить всю человѣческую жизнь по предвзятому типу. Новое ученіе должно было имѣть и своихъ учителей, и свои догматы, свой популярный катехизисъ, своихъ фанатиковъ, своихъ инквизиторовъ и своихъ мучениковъ. Оно должно было говорить такъ же громко, какъ и предшествующія ученія, высказываться какъ законный владыка, которому диктатура принадлежитъ отъ рожденія и всякое возмущеніе противъ котораго является преступленіемъ или безуміемъ. Но отъ всѣхъ предшествующихъ ученій оно отличается тѣмъ, что свою власть навязываетъ во имя разума, а не во имя Божіе, какъ они.

Въ самомъ дѣлѣ, власть эта была совершенно новой. До этихъ поръ, въ управленіи человѣческими дѣйствіями и мнѣніями разумъ прицималъ лишь незначительное участіе и игралъ подчиненную роль. Пружина, приводящая въ дѣйствіе, также какъ и управленіе человѣческими дѣлами, исходили изъ другого мѣста; вѣра и повиновеніе были наслѣдственными, человѣкъ былъ христіаниномъ и подданнымъ, потому что онъ рождался христіаниномъ и подданнымъ. Около зарождающейся философіи и разума, предпринимающаго свои великія изслѣдованія, стоятъ на стражѣ законы, признанная власть и господствующая религія; въ этомъ зданіи всѣ камни держатся одинъ на другомъ и каждый этажъ опирается на предыдущій. Но какой цементъ скрѣпляетъ всю эту постройку и гдѣ заложенъ ея основной фундаментъ?— Всѣ эти гражданскія правила, которымъ подчиняются браки, завѣщанія, наслѣдства, договоры, собственность и отдѣльныя личности, эти странныя и подчасъ противорѣчивыя постановленія, что даетъ имъ силу и кто утверждаетъ ихъ? Прежде всего тутъ дѣйствуетъ незапамятный обычай, различный въ различныхъ провинціяхъ, смотря по связанному съ землею титулу, званію и общественнымъ условіямъ личности, а также согласно волѣ короля, который велѣлъ записать и установилъ этотъ обычай. Но кто же утверждаетъ эту волю короля, верховную власть принца, эту первую изъ общественныхъ властей? Во первыхъ, она устанавливается восьми-вѣковымъ владѣніемъ, наслѣдственнымъ правомъ, аналогичнымъ тому праву, въ силу котораго каждый владѣетъ своею вотчиной или своимъ полемъ, составляющимъ собственность укрѣпившуюся за извѣстною семьей и переходящую отъ отца къ старшему сыну, отъ перваго основателя государства до его послѣдняго живущаго преемника. Затѣмъ религія приказываетъ людямъ повиноваться властямъ предержащимъ. Но кто же утверждаетъ власть этой религіи? Во первыхъ—восемнадцативѣковое преданіе, безконечный рядъ предшествовавшихъ и согласующихся между собою свидѣтельствъ, непрерывающаяся вѣра шестидесяти предшествующихъ поколѣній, затѣмъ, съ самага нача-

ла,—пребываніе на землѣ и поученія Христа, а еще ранѣе этого, со временъ происхожденія міра, повелѣнія и слово Божіе. Такимъ образомъ, во всякомъ общественномъ и нравственномъ порядкѣ, прошедшее всегда оправдываетъ настоящее, древность подтверждаетъ право и если подъ всѣми этими устоями, скрѣпленными вѣками, мы станемъ искать, въ подземной глубинѣ, первичную скалу, на которой все это покоится, то найдемъ ее въ божественной волѣ. Эта теорія продолжаетъ держаться въ глубинахъ души въ продолженіи всего семнадцатаго вѣка, выражаясь подъ видомъ прочно установленной привычки и врожденнаго уваженія, и ее не подвергаютъ никакому анализу. Она является, какъ бы, живымъ сердцемъ человѣческаго организма и никто не рѣшается поднять на нее руку, смутно чувствуя, что если прикоснуться къ этому живому сердцу, то оно, быть можетъ, перестанетъ биться.

Самые независимые, съ Декартомъ во главѣ, „были бы очень огорчены“, если бы ихъ смѣшали съ тѣми химерическими мыслителями, которые, вмѣсто того, чтобы слѣдовать по большой дорогѣ, проложенной обычаемъ, слѣпо бросаются по прямой линіи, „черезъ горы и пропасти“. Не только тогда, когда они подвергаютъ методическому сомнѣнію свои вѣрованія, они исключаютъ отсюда и ставятъ отдѣльно, какъ бы въ особомъ святилищѣ, всѣ „истины вѣры“, но догматъ, который они считаютъ удаленнымъ изъ своего ума, продолжаетъ все-таки существовать, и въ скрытомъ, но дѣятельномъ состояніи, руководитъ ими помимо ихъ вѣдома и дѣлаетъ изъ ихъ философіи подготовительную ступень или подкрѣпленіе христіанству.—Въ сущности, въ семнадцатомъ вѣкѣ, всѣ основныя идеи, доставляются вѣрой, практикой и религіозными и политическими учрежденіями. Признаетъ ли это разумъ или же онъ остается относительно этого въ невѣдѣніи, онъ все-таки исполняетъ только подчиненную роль, роль оратора, роль простого исполнителя, котораго религія и монархія заставляютъ для себя работать. За исключеніемъ Лафонтена, стоящаго, какъ мнѣ кажется, отдѣльно, и въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, самые великіе и самые независимые

мыслители, какъ Паскаль, Декартъ, Боссюэтъ, Лябрюйеръ, заимствуютъ все же у установленнаго режима свои первичныя понятія о природѣ, о человѣкѣ, о обществѣ, о правѣ и правительствѣ. До тѣхъ поръ, пока дѣло разума сводится къ такой должности, онъ остается въ роли совѣтника государства, экстраординарнаго проповѣдника, отправленнаго своимъ начальствомъ съ извѣстною миссіей въ область философіи и литературы. Онъ не только не разрушаетъ основъ, но, наоборотъ, еще укрѣпляетъ ихъ и дѣйствительно, вплоть до временъ Регентства, главное занятіе разума состояло въ образованіи добрыхъ христіанъ и вѣрныхъ подданныхъ.

Но вотъ роли мѣняются: преданіе, занимавшее первое мѣсто, спускается на второе, а разумъ возвышается на первое.—Съ одной стороны религія и монархія, вслѣдствіе своихъ излишествъ и своихъ злоупотребленій при Людовикѣ XIV, своего ослабленія и своей неудовлетворительности при Людовикѣ XV, разрушаютъ камень за камнемъ фундаментъ наслѣдственнаго уваженія и сыновняго почтенія, на которомъ онъ такъ долго держались, стоя на вершинѣ, недосягаемая для изслѣдованія и оспариванія. Власть преданія незамѣтно ослабѣваетъ и исчезаетъ. Съ другой стороны наука, благодаря своимъ грандіознымъ и многочисленнымъ открытіямъ, строитъ себѣ постепенно тѣ устои, состоящія изъ довѣрія и всеобщаго уваженія, которые возвышаютъ ее на степень общественной власти, тогда какъ прежде она служила только для удовлетворенія любопытства. Такимъ образомъ, мало по малу, авторитетъ разума растетъ и занимаетъ все мѣсто. Наступаетъ наконецъ такой моментъ, когда этотъ авторитетъ совершенно вытѣсняетъ первый изъ занятаго имъ мѣста и основныя идеи, присвоенныя себѣ преданіемъ падаютъ, подъ ударами разума. Изслѣдованіе прокладываетъ себѣ дорогу въ запретное святилище. вмѣсто того чтобы преклоняться, начинаютъ провѣрять и религія, государство, законъ, обычай—словомъ всѣ органы нравственной и практической жизни, подвергаются анализу и либо сохраняются въ неприкосновенности, либо исправляются или замѣняются другими, смотря по предписаніямъ новаго ученія.

II.

Это было бы превосходно, если бы новое ученіе было совершеннымъ и если бы разумъ, наученный исторіей и научившійся критиковать, былъ бы въ состояніи понять своего соперника, мѣсто котораго онъ занялъ. Тогда, вмѣсто того, чтобы видѣть въ немъ узурпатора, котораго надо изгнать, онъ призналъ бы въ немъ старшаго брата которому надо предоставить его часть. Наслѣдственный предразсудокъ тоже есть родъ разума, но только такого, который самъ не сознаетъ себя. Онъ имѣетъ свои права, какъ и настоящій разумъ, но онъ не умѣетъ ихъ найти и вмѣсто истинныхъ правъ выставляетъ подложныя. Его архивы глубоко погребены въ землѣ и, чтобы открыть ихъ, нужны изслѣдованія, къ которымъ онъ не способенъ. Между тѣмъ эти архивы существуютъ и исторія, въ настоящее время, извлекаетъ ихъ на свѣтъ. Всмотриваясь въ него поближе можно убѣдиться, что этотъ наслѣдственный предразсудокъ, какъ и наука, имѣетъ своимъ источникомъ долгія накопленія опыта. Люди, послѣ множества исканій ощупью и многихъ пробъ, наконецъ почувствовали, что именно такой способъ жить или мыслить—единственный, пригодный для нихъ въ ихъ положеніи, наиболее практичный изъ всѣхъ и наиболее благотворный. Режимъ и догматъ, которые кажутся намъ теперь результатомъ какого-то произвольнаго соглашенія, въ началѣ были признаннымъ средствомъ общественнаго спасенія. Часто даже теперь они служатъ такимъ же средствомъ. Во всякомъ случаѣ, въ общихъ чертахъ, они необходимы и можно сказать, что если бы, въ какомъ нибудь обществѣ, исчезли сразу главные предразсудки, то человѣкъ, лишившись драгоценнаго наслѣдія, завѣщаннаго ему мудростью вѣковъ, вернулся бы тотчасъ же къ дикому состоянію и снова сдѣлался бы тѣмъ же, чѣмъ былъ раньше, т. е. безпокойнымъ, голоднымъ волкомъ, постоянно рыскающимъ и преслѣдуемымъ. Было время, когда этого наслѣдія еще не существовало, да и теперь еще есть народцы, у которыхъ оно отсутствуетъ совершенно. Не ѣсть человѣческаго мяса, не убивать бесполезныхъ или докучливыхъ стариковъ, не выбрасывать, не убивать и не продавать дѣтей, которыя не

нужны, быть единственнымъ мужемъ единственной жены, питать отвращеніе къ кровосмѣшенію и къ противуестественнымъ порокамъ, быть единственнымъ и признаннымъ владѣльцемъ отдѣльнаго поля, прислушиваться къ высшему голосу стыда, чести и совѣсти—все это правила, когда-то совершенно неизвѣстныя и установившіяся лишь медленнымъ путемъ, но они собственно и составляютъ цивилизацію душъ. Они не становятся менѣ священными отъ того только, что мы ихъ принимаемъ на вѣру и не сдѣлаются болѣе священными, когда, подвергшись изслѣдованію, будутъ прослѣжены черезъ всю исторію и явятся передъ нами въ видѣ той тайной силы, которая превратила стадо дикихъ звѣрей въ человѣческое общество. Вообще, чѣмъ распространеннѣе и древнѣе какой нибудь обычай, тѣмъ болѣе онъ основанъ на какихъ нибудь глубокихъ мотивахъ, гигиеническихъ, фізіологическихъ или такихъ, которые проистекаютъ изъ соціальной предусмотрительности. То этотъ обычай имѣлъ въ виду, какъ напр. въ раздѣленіи кастъ, сохраненіе чистоты героической и мыслящей расы, предупреждая смѣшенія, посредствомъ которыхъ кровь низшаго качества могла бы внести въ нее элементы умственной слабости и низшіе инстинкты. То, какъ это было относительно запрещенія мяса и спиртныхъ напитковъ, онъ вызванъ былъ необходимостью приспособленія къ извѣстному климату, предписывающему растительный режимъ или темпераменту расы, для которой употребленіе крѣпкихъ напитковъ могло бы имѣть пагубныя послѣдствія. То, какъ въ учрежденіи права старшинства, понадобилось воспитать и указать заранѣе военначальника, которому должна была повиноваться вся шайка или гражданскаго вождя, который заботился бы о сохраненіи земельного владѣнія, руководилъ бы его обработкой и поддерживалъ бы семью. Если же можно привести уважительныя причины для узаконенія какого нибудь обычая, то тѣмъ болѣе высшіе доводы можно найти для освященія религіи. Разсматривайте же ее не вообще и не на основаніи смутнаго понятія, но какъ живую форму, при самомъ ея возникновеніи, изучайте

ее въ священныхъ текстахъ, взявъ за образецъ одну изъ тѣхъ религій, которыя и до сихъ поръ властвуютъ надъ міромъ т. е. христіанство, браманизмъ, законы Магомета или Будды. Въ извѣстные критическіе моменты исторіи люди, выйдя изъ рамокъ своей узкой, будничной и рутинной жизни, охватываютъ вдругъ однимъ общимъ взглядомъ всю безконечную вселенную, передъ ними какъ будто поднимается покрывало, до сихъ поръ скрывавшее отъ ихъ взоровъ величественный ликъ природы. Въ состояніи того великаго душевнаго волненія, которое они внезапно испытываютъ, они думаютъ, что познали ея первоначальный принципъ, или, по крайней мѣрѣ, подмѣтили нѣкоторыя ея черты. По странному совпаденію это и были какъ разъ именно тѣ самыя черты, которыя только и могли быть поняты ихъ вѣкомъ, расой, группой расъ или же данною частицею человечества. Ихъ точка зрѣнія была единственною, на которую могли стать массы, расположившіяся на ступеняхъ подъ ними. Для миліоновъ людей, для цѣлыхъ сотенъ поколѣній, доступъ къ божественнымъ вещамъ возможенъ былъ только черезъ ихъ посредство. Они произнесли то единственное слово, героическое или нѣжное, восторженное или усыпляющее, которое такъ жаждали услышать сердца и умы людей, толпившихся около нихъ и сердца слѣдующихъ поколѣній. Это было единственное слово, которое отвѣчало глубокимъ потребностямъ, накопившимся стремленіямъ и наслѣдственнымъ способностямъ, вообще всему умственному и нравственному строю тогдашняго человечества, индусовъ или монголовъ, семитовъ или европейцевъ и подходило въ самой Европѣ къ различному характеру ея народовъ, германцевъ, латинянъ или славянъ, такъ что противорѣчія въ религіи, порождаемыя этимъ, не только не послужили къ ея осужденію, но наоборотъ, оправдывали ее, такъ какъ именно изъ ея разнообразія и способности приспособленія проистекали всѣ ея благодѣянія.

Однако это слово не представляетъ голой формулы. Такое грандіозное чувство, столь глубокое и столь понятное каждому проричаніе, та мысль, посредствомъ которой человѣкъ мо-

жетъ охватить всю обширность и глубину вещей, далеко переходить за предѣлы того, что доступно для обыкновеннаго смертнаго и кажется поэтому откровениемъ. Она легко переходитъ въ видѣніе, всегда бываетъ близка къ экстазу и не можетъ выражаться иначе какъ символами, что и приводитъ къ созданію божественныхъ образовъ. Религія, уже по самой своей природѣ, представляетъ метафизическую поэму, сопровождаемую вѣрованіемъ. Только это и дѣлаетъ ее дѣйствительной и популярной, такъ какъ, за исключеніемъ лишь очень незначительной части избранныхъ, одна только чистая идея представляетъ слово, лишнее значенія, и истина, чтобы стать осязательной для всѣхъ, вынуждена облечься въ плоть и кровь. Людямъ нуженъ культъ, нужна легенда, религіозныя церемоніи для того, чтобы они дѣйствовали на народъ, женщинъ и дѣтей, на всѣхъ простодушныхъ людей, и говорили душѣ человѣка, поглощеннаго практической жизнью и человѣческому уму, мысли котораго невольно выражаются въ образахъ. Благодаря этой осязательной формѣ, она можетъ положить свой огромный вѣсъ на чашку вѣсовъ человѣческой совѣсти, уравновѣситься естественный эгоизмъ, удержать безумный импульсъ животныхъ страстей, направить волю въ сторону самоотреченія и самоотверженія, оторвать человѣка отъ самого себя и цѣликомъ отдать его на службу истинѣ или на службу ближнимъ, сдѣлавъ изъ него аскета и мученика, сестру милосердія или миссіонера. Такимъ образомъ, религія въ каждомъ обществѣ, играетъ роль драгоценнаго и вполне естественнаго органа. Съ одной стороны, она нужна людямъ, чтобы думать о безконечномъ и вести хорошую жизнь. Если бы она вдругъ исчезла, то въ душѣ человѣка образовалась бы огромная и болѣзненная пустота и люди причинили бы еще больше зла другъ другу. Съ другой стороны, было бы напрасно стараться ее вырвать. Руки, которыя посягнули бы на нее, коснулись бы только ея оболочки; она выросла бы снова послѣ этой кровавой операціи, такъ какъ ея сѣмена слишкомъ глубоки, чтобы ихъ можно было вырвать.

Если же, наконецъ, послѣ религіи и обычая, мы рассмотримъ такимъ же

точно образомъ государство, т. е. вооруженную власть, на сторонѣ которой находится какъ физическая сила, такъ и нравственный авторитетъ, то мы найдемъ, что и оно имѣетъ почти такой же благородный источникъ. Въ Европѣ, по крайней мѣрѣ, начиная отъ Россіи до Португаліи и отъ Норвегіи до обѣихъ Сицилій, государство, и по своему происхожденію и по своей сущности, является военнымъ учрежденіемъ, въ которомъ героизмъ сдѣлался охранителемъ права. То здѣсь, то тамъ, въ хаосѣ смѣшивающихся расъ и разрушающихся обществъ, появлялся человѣкъ, который, пользуясь своимъ вліяніемъ и превосходствомъ надъ другими, собиралъ около себя толпу своихъ приверженцевъ и изгонялъ чужестранцевъ, укрощалъ разбойниковъ, водворялъ безопасность, снова возстановивалъ земледѣліе и, такимъ образомъ, основывалъ отечество, передавая, какъ свою собственность, своимъ потомкамъ свое право верховнаго судьи и прирожденнаго военначальника. Вслѣдствіе такой установившейся передачи, главная общественная должность оказывается поставленной внѣ какихъ либо соревнованій и соперничества, такъ какъ она укрѣплена за извѣстною семьей и помѣщается въ надежныхъ рукахъ. Съ этихъ поръ нація имѣетъ уже живой центръ и всякое право находить себѣ виднаго покровителя. Если государь не переступаетъ своихъ правъ и удерживается отъ вступленія на наклонную плоскость произвола, если онъ не впадаетъ въ эгоизмъ, то онъ можетъ доставить своей странѣ лучшее правительство, какое бываетъ въ мірѣ, не только наиболѣе жизнеспособное, но и такое, которое болѣе всего въ состояніи удержать вмѣстѣ двадцать или тридцать милліоновъ людей и притомъ наиболѣе прекрасное, такъ какъ преданность тутъ одинаково облагораживаетъ и повелѣваніе и подчиненіе, а вслѣдствіе распространенія военной традиціи, вѣрность и чувства привязываютъ одинаково, на всѣхъ ступеняхъ іерархіи, какъ начальника къ своему долгу, такъ и солдата къ своему начальнику. — Таковы весьма дѣйствительныя права наслѣдственнаго предразсудка и видно, что и онъ, подобно инстинкту, представляетъ слѣпую форму разума. Окончательно узакон-

ниваетъ его то, что для большей дѣйствительности и разумъ самъ заимствуетъ у него свою форму. Ученіе становится дѣйствительнымъ только тогда, когда оно превращается въ слѣпую силу. Чтобы перейти въ практику, чтобы получить власть надъ душами и превратиться въ дѣйствующую пружину, ученіе должно отлагаться въ умахъ въ видѣ уже готоваго вѣрованія, усвоенной привычки, установленной склонности или домашняго преданія. Для этого было нужно, чтобы, спустившись съ вѣчно волнующихся высотъ человѣческой мысли, ученіе это вѣзлось бы въ неподвижное дно человѣческой воли. Только тогда оно превращается въ составную часть характера и становится соціальною силой. Но одновременно съ этимъ ученіе перестаетъ быть критическимъ и проникательнымъ; оно не терпитъ ни противорѣчій, ни сомнѣній и не допускаетъ никакихъ ограниченій и отѣнковъ; оно уже не знаетъ болѣе своихъ доказательствъ или же плохо ихъ оцѣниваетъ. Мы, напр., вѣримъ теперь въ безконечный прогрессъ подобно тому, какъ вѣрили прежде въ первородный грѣхъ. До сихъ поръ, мы все еще получаемъ наши мнѣнія сверху, совсѣмъ готовыми и Академія наукъ, во многихъ отношеніяхъ, занимаетъ мѣсто прежнихъ вселенскихъ соборовъ. Всегда, за исключеніемъ только нѣсколькихъ специальныхъ ученыхъ, вѣрованіе и послушаніе бываютъ необдуманнми у всѣхъ и разумъ напрасно негодуетъ на то, что предразсудокъ руководитъ человѣческими дѣлами, такъ какъ для того, чтобы руководить ими, разумъ самъ долженъ стать предразсудкомъ.

III.

Къ несчастью, въ восемнадцатомъ вѣкѣ, разумъ имѣлъ строго классическій характеръ, и ему не доставало ни способностей, ни документовъ, чтобы понять преданіе. Прежде всего исторія была неизвѣстна тогда; эрудиція отвергала ее, потому что она казалась скучной и тяжеловѣсной. Ученныя компіляціи, большіе сборники текстовъ, медленная работа критики, находились тогда въ пренебреженіи. Вольтеръ насмѣхался надъ бенедиктинцами. Монтескье, чтобы заставить принять свое сочиненіе „Духъ законовъ“, изошрялъ свое остроуміе

надъ законами. Рейналь, для того, чтобы обезпечить успѣхъ исторіи торговли въ Индіи, ухитрился приклеить къ ней декламации Дидро. Аббатъ Бартелеми долженъ былъ прикрыть истину о греческихъ нравахъ однообразнымъ слоємъ своего литературнаго лака. Наука обязана была имѣть эпиграмматическій или ораторскій характеръ; техническія или грубыя подробности не понравились бы свѣтской публикѣ. Хорошій стиль требовалъ, чтобы пропускались или же искажались мелкіе, но знаменательные факты, придававшіе характеру древнихъ ихъ своеобразность и оригинальный складъ. Но даже если-бы и осмѣлились упомянуть о нихъ, то все же, ихъ смыслъ и значеніе, остались бы скрыты для публики. Этой публикѣ недоставало сочувствующаго воображенія; никто не умѣлъ отрѣшиться отъ самого себя, перенестись на отдаленныя точки зрѣнія и представить себѣ бурное и странное состояніе человѣческаго ума, тѣ рѣшительныя и плодотворныя моменты его жизни, когда онъ дастъ начало новому живому творенію религіи, предназначенной къ царствованію надъ міромъ и государству, которое должно существовать долго. Человѣкъ ничего не можетъ вообразить себѣ иначе, какъ при помощи опыта, но въ какой же части своего опыта эти люди могли бы найти тѣ матеріалы, при помощи которыхъ они могли бы вообразить себѣ муки и судороги такихъ родовъ? Какъ могутъ такіе отполированные и преисполненные свѣтской любезности умы понять чувства апостола, монаха, варвара, основывающаго государство или феодала? Развѣ они въ состояніи представить себѣ ихъ въ той средѣ, которая объясняетъ и оправдываетъ ихъ дѣйствія, воспроизвести въ своемъ воображеніи окружающую толпу, души впавшія въ отчаяніе и одержимыя мистическими грезами и пылкія, дикія и буйныя, подчиняющіяся инстинкту и образамъ, мыслящія полувидѣніями, и у которыхъ воля была замѣнена неудержимыми импульсами? Резонирующій разумъ не могъ представить себѣ подобныхъ фигуръ и, чтобы вмѣстить ихъ въ свою прямолинейную рамку, онъ долженъ былъ уменьшить и передѣлать ихъ. Макбетъ Шекспира превращался въ Макбета Дюси, Магометъ Корана въ Ма-

гомета Вольтера. Само собою разумѣется, что не понимая человѣческихъ душъ, нельзя было понять и учреждений. Никто не думалъ, что истина не могла выразиться иначе, какъ въ формѣ легенды, что правосудіе могло установиться только посредствомъ силы, что религія должна была облечься въ форму жречества, а государство должно было принять военную форму и готическое зданіе, также какъ какъ и всякое другое, имѣло свою собственную архитектуру, свои особые размѣры частей, свое равновѣсіе, свою полезность и даже свою красоту. Кромѣ того, не понимая прошедшаго, не понимали и настоящаго. Они не имѣли сколько нибудь вѣрнаго представленія ни о крестьянинѣ, ни о рабочемъ, ни о провинціальномъ буржуа, ни даже о мелкомъ сельскомъ дворянинѣ; всѣхъ ихъ видѣли только издали, да и то неясно, такъ какъ философская теорія и туманъ сентиментальности заслоняли ихъ настоящей образъ и измѣняли его. „Двѣ или три тысячи“ свѣтскихъ и образованныхъ людей составляли такъ называемое порядочное общество и никогда не выходили за предѣлы своего круга. Если иной разъ, изъ оконъ своего замка или во время путешествія они и видали народъ, то всегда мимоходомъ, также какъ почтовыхъ лошадей или домашній скотъ на своихъ фермахъ. Конечно, они смотрѣли на него съ состраданіемъ, но не могли угадать ни его смутныхъ мыслей, ни его темныхъ инстинктовъ. Они не могли вообразить себѣ ни устройства его еще первобытнаго ума, ни скудости и упорства его мыслей, ни узости его рутиннаго, машинальнаго существованія, всецѣло отданнаго ручному труду, поглощеннаго заботами о насущномъ хлѣбѣ и ограниченнаго предѣлами видимаго горизонта. Имъ не понятна была его привязанность къ мѣстному святому, къ обрядамъ и къ священнику, его глубокое озлобленіе, закоренѣлая недовѣрчивость, легковѣріе, основанное на воображеніи, неспособность понять отвлеченное право и общественныя событія и та глухая работа, которая совершалась въ его умѣ, и посредствомъ которой политическія извѣстія преобразовались въ его головѣ въ страшныя и нелѣпыя сказки. Имъ непонятна была также его склонность къ пани-

ческому заразительному страху, напоминающему тотъ, который охватываетъ иногда стадо барановъ, и его слѣпая ярость, похожая на бѣшенство разъяреннаго быка—словомъ, всѣ тѣ черты характера, которыя революція вывела на свѣтъ. Двадцать милліоновъ человѣкъ, и даже болѣе, едва вышли изъ средневѣковаго умственнаго состоянія и поэтому общественное зданіе, въ которомъ они могли обитать, должно было въ главныхъ чертахъ носить средневѣковой характеръ. Надо было оздоровить и очистить это зданіе, продѣлать въ немъ окна, сломать ограду, но сохранить все-таки его фундаментъ, капитальныя стѣны и распределеніе частей. Безъ этого обитатели этого зданія, разрушивъ его и проживъ десять лѣтъ подъ открытымъ небомъ, на манеръ дикарей, волей не волей должны были бы снова отстроить его, почти по тому же самому плану.

Для некультурныхъ душъ, не достигшихъ еще способности размышленія, вѣра связуется только съ тѣлеснымъ символомъ и повиновеніе достигается только при помощи физическаго принужденія. Для нихъ нѣтъ другой религіи, кромѣ той, которая воплощается въ священникѣ и другого государства, кромѣ того, которое воплощается въ жандармѣ. Только единственный писатель—Монтескье, самый образованный, самый проникательный и наиболѣе уравновѣшенный изъ всѣхъ умовъ того вѣка, различалъ эти истины и это потому, что онъ былъ, въ одно и то же время, ученый, наблюдатель, историкъ и юрисконсультъ. Но онъ говорилъ, какъ оракулъ, сентенціями и загадками и всякій разъ, когда онъ касался дѣлъ своей собственной страны и своего времени, то онъ пускался бѣжать, словно ступая по горячимъ углямъ. Вотъ почему, хотя его и уважали, но онъ оставался одинокимъ и несмотря на свою извѣстность, не пользовался вліяніемъ. Классическій умъ отказывался заходить такъ далеко и изучать древняго и современнаго человѣка. Онъ находилъ болѣе удобнымъ и болѣе скорымъ для себя слѣдовать своему естественному влеченію и закрывать глаза на дѣйствительнаго человѣка, удаляясь въ свой складъ ходячихъ понятій, для того чтобы оттуда извлекать понятіе о че-

ловѣкъ вообще и строить на этомъ понятіи свое зданіе, висящее въ пространствѣ. Вслѣдствіе такого естественнаго и рѣшительнаго ослѣпленія, классическій умъ перестаетъ видѣть древніе и живые корни современныхъ учрежденій и не замѣчая ихъ, онъ ихъ отвергаетъ. Для него наслѣдственный предразсудокъ превращается въ обыкновенный, чистый предразсудокъ, традиція теряетъ свои права и власть ея является простою узурпаціей. И съ этого времени разумъ ополчается на свою предшественницу—традицію и стремится вырвать у нея управленіе душами и замѣнить царство лжи царствомъ правды.

IV.

Въ этомъ великомъ походѣ, принятомъ разумомъ, существуютъ двѣ стадіи. Здравый смыслъ или робость заставляють однихъ останавливаться на полпути, другіе же подъ вліяніемъ логики или страсти идутъ до конца. Первая кампанія отнимаетъ у непріятеля его внѣшнія укрѣпленія и пограничныя крѣпости. Тутъ Вольтеръ руководитъ философскою арміей. Чтобы побороть наслѣдственный предразсудокъ, ему противопоставляютъ другіе, власть которыхъ также обширна и авторитетъ которыхъ также всѣми признается. Монтескье разсматриваетъ Францію глазами персіянина, а Вольтеръ, вернувшись изъ Англии, описываетъ англичанъ, представляющихъ еще неизвѣстный видъ чело-вѣка. Передъ лицомъ господствующаго догмата и культа, эти писатели излагають, съ явною или скрытою ироніей, догматы другихъ христіанскихъ сектъ, англиканской, квакерской, пресвитеріанской, социніанской, ученія древнихъ или отдаленныхъ народовъ, грековъ, римлянъ, египтянъ, магометанъ, гебровъ, поклонниковъ Брамы, китайцевъ и простыхъ идолопоклонниковъ.

Въ присутствіи положительнаго закона и установленныхъ обычаевъ, они развиваютъ съ явными намѣреніями другія государственныя устройства и другіе нравы; они говорятъ о деспотизмѣ, объ ограниченной монархіи, республикѣ, о церкви, подчиненной государству—въ одномъ мѣстѣ и церкви, отдѣленной отъ государства—въ другомъ, о кастахъ въ одной странѣ, о полигаміи—въ другой, и

такимъ образомъ, переходя отъ одной страны къ другой, изъ вѣка въ вѣкъ, они указываютъ на разнообразіе, противорѣчіе и антогонизмъ основныхъ обычаевъ. которые вездѣ въ своей странѣ одинаково освящены преданіемъ и образуютъ законное общественное право. Съ этого момента очарованіе исчезаетъ. Древнія учрежденія теряють свой прежній божественный характеръ и свое обаяніе, становясь просто дѣломъ рукъ чело-вѣческихъ, продуктомъ времени и мѣста, порожденнымъ извѣстными условіями и по взаимному соглашенію. Скептицизмъ врывается черезъ всѣ сдѣланныя бреши. По отношенію къ христіанству онъ сразу принимаетъ характеръ прямо враждебный и переходитъ въ продолжительную и ожесточенную полемику, такъ какъ, въ силу своего положенія какъ государственной религіи, христіанство заполняетъ все мѣсто, стѣсняетъ свободную мысль, сжигаетъ ея произведенія, отправляетъ въ ссылку, заключаетъ въ тюрьму и не даетъ покоя авторамъ этихъ произведеній, вездѣ являясь естественнымъ и официальнымъ противникомъ новыхъ идей. Кромѣ того, въ качествѣ аскетической религіи, онъ осуждаетъ, не только веселые и распущенные нравы, допускаемые новою философіей, но даже естественныя склонности, разрѣшаемыя ею и тѣ обѣщанія земного счастья, которыми она старается ослѣпить взоры. Такимъ образомъ, сердце и умъ дѣйствуютъ согласно въ своей враждѣ къ христіанству. Вольтеръ, вооружившись священными текстами, съ неумолимою враждебностью и энергіей преслѣдуетъ его на протяжении всей его исторіи, начиная отъ первыхъ библейскихъ повѣствованій и кончая послѣдними папскими буллами, онъ нападаетъ на него то какъ критикъ, историкъ, географъ, то какъ логическій мыслитель и моралистъ, провѣряя всѣ источники, сопоставляя свидѣтельства и вонзая насмѣшку, точно копье, во всѣ его слабыя мѣста, гдѣ возмущенный истинкѣ бьется о стѣны своей мистической темницы, такъ и во всѣ сомнительныя мѣста, гдѣ позднѣйшія надстройки исказили характеръ первоначальнаго зданія.—Но Вольтеръ все же относится съ почтеніемъ къ его первому фундаменту и всѣ величайшіе писатели вѣка

поступаютъ также какъ онъ, въ этомъ отношеніи. Въ основѣ положительныхъ религій, которыя ложны, всегда заключается естественная религія, которая истинна. Она представляетъ подлинный и простой текстъ, тогда какъ другія являются только искаженными и напыщенными переводами этого текста. Отнимите всѣ эти позднѣйшія и разногласныя приставки и тогда останется оригиналь, и тотъ общій экстрактъ, въ которомъ соединяются всѣ копии, будетъ деизмъ.

Таже операція продѣлывается и надъ гражданскими и политическими законами. Во Франціи, гдѣ столько учрежденій переживаютъ свою полезность, гдѣ привилегіи уже не оправдываются болѣе исполняемою за нихъ службою, гдѣ права превратились въ злоупотребленія—какое нѣжное архитектурное сооруженіе представляетъ изъ себя древнее готическое зданіе! Какъ оно плохо приспособлено для современнаго народа! Къ чему, на примѣръ, въ однородномъ и объединенномъ государствѣ всѣ эти феодальныя перегородки, раздѣляющія между собою сословія, корпораціи и провинціи? Архіепископъ, сюзеренный владѣлецъ поль-провинціи, капитуль, имѣющій двѣнадцать тысячъ крѣпостныхъ, салонный аббатъ, получающій хорошую ренту съ монастыря, котораго онъ никогда и въ глаза не видалъ, вельможа, пользующійся крупной пенсіей за то только, что онъ торчитъ въ королевской пріемной, судья, купившій права совершать правосудіе, полковникъ выпущенный изъ школы лишь для того, чтобы командовать своимъ наслѣдственнымъ полкомъ, парижскій негоціантъ, теряющій право собственности и личную свободу только потому, что онъ нанялъ на годъ домъ въ Франшконтэ—какая масса живыхъ парадоксовъ! И такіе парадоксы встрѣчаются во всей Европѣ. Самое лучшее, что только можно сказать въ пользу „цивилизованной націи“, это то, что ея обычаи, законы и нравы состоятъ „наполовину изъ злоупотребленій и наполовину изъ терпимыхъ обычаевъ. Но подъ этими положительными законодательствами, которыя всѣ сами себѣ противорѣчатъ, всегда лежитъ нѣкоторый естественный законъ, который подразумѣвается всѣми кодексами, примѣняется въ нравахъ и записанъ въ сердцахъ.

„Развѣ есть такая страна, гдѣ бы считалось честнымъ похищать у меня плоды моихъ трудовъ, нарушать обѣщаніе, лгать съ намѣреніемъ повредить, клеветать, убивать, отравлять, быть неблагодарнымъ въ отношеніи своего благодѣтеля, бить своего отца и свою мать, когда они подають вамъ пищу. То что справедливо или несправедливо считается таковымъ во всей вселенной“, и въ самомъ худшемъ обществѣ, сила все же находится на службѣ права, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, точно также какъ и въ самой худшей религіи, самый нелѣпый догмагъ, все же признаетъ, такъ или иначе, высшаго создателя“. Такимъ образомъ, религіи и общества, растворенныя изслѣдованіемъ, всегда оставляють на днѣ тигля, однѣ—осадокъ истины, другія—осадокъ справедливости. Этотъ маленькій, но драгоцѣнный осадокъ представляетъ родъ золотого слитка, сохраняемаго преданіемъ и очищаемаго разсудкомъ, который, мало по малу освобожденный отъ примѣсей, обработанный и годный для всякаго употребленія, долженъ составить всю сущность религіи и образовывать всѣ нити, связующія общество.

V.

Тутъ начинается второй философскій походъ. Въ немъ участвуютъ двѣ арміи. Первая—армія энциклопедистовъ скептиковъ, подобныхъ д'Аламберу, полупантеистовъ, какъ Дидро и Ламаркъ, откровенныхъ атеистовъ и сухихъ матеріалистовъ, какъ Гольбахъ, Ламеттри, Гельвеціусъ и позднѣе Кондорсе, Лаландъ и Вольней, столь различныхъ и независимыхъ другъ отъ друга, но вполне согласныхъ въ одномъ, что преданіе—это врагъ. Таковы послѣдствія продолжительной вражды. Съ теченіемъ времени война все болѣе ожесточается, является стремленіе все захватить, довести своего противника до крайности и выгнать его изъ всѣхъ его постовъ. Никто не хочетъ допустить, чтобы разумъ и преданіе могли сообща защищать одну и ту же крѣпость. Если кто нибудь изъ нихъ вступаетъ въ нее, то другой долженъ немедленно выйти и съ той поры, противъ одного предразсудка устанавливается другой. Въ самомъ дѣлѣ, Вольтеръ, этотъ „патріотъ новаго ученія, не хочетъ

отказаться от своего Бога, „вознаграждающаго и мстителя“. Будемъ же терпимы къ этому остатку суевѣрія, въ воспоминаніе объ его великихъ заслугахъ, но взглянемъ глазами взрослога на тотъ призракъ, на который Вольтеръ смотритъ глазами ребенка. Этотъ призракъ проникъ въ нашъ умъ посредствомъ вѣры, а вѣра всегда бываетъ подозрительна. Онъ былъ созданъ невѣжествомъ, страхомъ, воображеніемъ, а это все обманчивыя силы. Вначалѣ это былъ только фетишъ дикаря, который мы напрасно старались очистить и увеличить—его происхождение все-таки даетъ себя чувствовать. Его исторія—это исторія наслѣдственнаго сновидѣнія, которое, зародившись въ обезумѣвшемъ, грубомъ мозгу передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе и продолжаетъ гнѣздиться до сихъ поръ въ культурномъ и здравомыслящемъ мозгу. Вольтеръ же хочетъ, чтобы этотъ сонъ былъ истиннымъ, потому что онъ не можетъ иначе объяснить себѣ прекрасное устройство міра и еще потому, что существованіе часовъ непременно предполагаетъ и существованіе часовщика. Однако, прежде всего, надо было бы показать, что міръ—это часы и поискать, нельзя ли объяснить его устройство, такое, какое оно есть—несовершенное,—гораздо лучше при помощи болѣе простаго и болѣе согласующагося съ опытомъ предположенія, а именно—вѣчною матеріей, находящеюся въ вѣчномъ движеніи. Подвижныя и движущіяся частицы различнаго рода и въ различномъ состояніи равновѣсія—это минералы, неодушевленная субстанція, мраморъ, известъ, воздухъ, вода, уголь. Я приготавливаю черноземъ, „сѣю на немъ горохъ, бобы, капусту“; растенія питаются черноземомъ, „а я питаюсь растеніями“. Послѣ каждой моей ѣды, во мнѣ, и черезъ мое посредство, неодушевленная матерія становится живой, „я дѣлаю изъ нея свою плоть, я одушевляю ее, я ее дѣлаю чувствительной“. Въ ней уже была скрытая чувствительность, несовершенная, которая теперь совершенствуется и становится явной. Организациа—это причина, жизнь и ощущенія только ея слѣдствія. Я не нуждаюсь въ духовной монадѣ для объясненія этихъ слѣдствій, такъ какъ у меня въ рукахъ причина. „Посмотрите на это

яйцо; вотъ чѣмъ можно опрокинуть всѣ теологическія школы и всѣ храмы на землѣ. Но что такое это яйцо? Нечувствительная масса, пока въ нее не попадетъ зародышъ. Но и послѣ того, какъ зародышъ проникъ въ него, во что превращается это яйцо? оно остается такою же безчувственною массой, „инертною“ жидкостью. Но прибавьте сюда теплоты, поддержите яйцо въ теплой печкѣ, дайте совершиться необходимому процессу и вы получите цыпленка, т. е. „чувствительность, жизнь, память, сознаніе, страсти, мысль. То, что вы называете душой, не болѣе какъ нервный центръ, къ которому сходятся всѣ чувствительныя нити. Вибраціи, которыя онѣ передаютъ ему, образуютъ ощущенія. Пробудившееся или возраждающееся ощущеніе является уже воспоминаніемъ ощущенія же, воспоминанія и знаки образуютъ всѣ наши идеи. Итакъ не умъ производитъ матерію, а матерія, располагаясь извѣстнымъ образомъ, производитъ умъ. Помѣстимъ же умъ туда, гдѣ онъ дѣйствительно находится,—въ организованное тѣло. Не будемъ отдѣлять его отъ его подставки, чтобы вознести его на небо и водворить на воображаемомъ тронѣ. Этотъ несоразмѣрный гость, разъ забравшись въ нашъ духъ, кончаетъ тѣмъ, что рассматриваетъ естественную игру нашихъ чувствъ и какъ чудовищный паразитъ, привлекаетъ къ себѣ всю нашу субстанцію. Первою заботой cadaго здравомыслящаго человѣка должно быть освобожденіе отъ него, изгнаніе всякаго суевѣрія, всякой „боязни невидимыхъ силъ“. Только тогда онъ можетъ основать нравственность и распознать „естественный законъ“. Такъ какъ небо пусто, то намъ нѣтъ основаній искать эту нравственность въ повелѣніяхъ свыше. Посмотримъ внизъ, на землю; взглянемъ на человѣка, такого, какимъ онъ представляется глазамъ натуралиста, т. е. какъ на организованное тѣло, какъ на чувствительное животное, со всѣми его потребностями, его аппетитами и инстинктами. Не только они всѣ неистребимы въ немъ, но они къ тому же вполне законны. Откроемъ темницу, куда замыкаетъ ихъ предрасудокъ; дадимъ имъ свободное пространство и свѣжій воздухъ, чтобы они могли развернуть свои силы и все будетъ

хорошо. Согласно Дидро, брак на всю жизнь—это злоупотребление, это „тиранія мужчины, который обратилъ въ право собственности обладаніе женщиной“. Стыдь, какъ и одежды, являются выдумкою и условностью. Нѣтъ счастья и нѣтъ добрыхъ правъ только въ такой странѣ, гдѣ законъ покровительствуетъ инстинкту напимѣръ въ Отаити, гдѣ бракъ продолжается мѣсяць, чаще день, а иной разъ только четверть часа и гдѣ сходятся и расходятся по произволу, гдѣ по долгу гостепрїимства, гостю предлагаютъ вечеромъ своихъ дочерей, свою жену, гдѣ сынъ женится изъ вѣжливости на своей матери и гдѣ союзъ половъ представляетъ религіозное торжество, справляемое публично. И логическій мыслитель, доводя до конца свою послѣдовательность и свои выводы, завершаетъ свои разсужденія пятью или шестью страницами такого рода, что волосы становятся дыбомъ, сознаваясь притомъ самъ, что его ученіе „не годится проповѣдывать, ни дѣтямъ, ни взрослымъ“.—У Дидро, по крайней мѣрѣ, эти парадоксы смягчены. Когда онъ рисуетъ современные нравы, то дѣлаетъ это какъ моралистъ. Ему не только извѣстны всѣ струны человѣческой клавиатуры, но онъ ихъ умѣлъ поставить каждую на соотвѣтствующее ей мѣсто. Онъ любитъ прекрасные и чистые звуки, онъ полонъ восторженнаго энтузіазма къ благородной гармоніи, у него столько же сердечности, сколько и генія. Мало того, когда дѣло заходитъ о разьясненіи первичныхъ импульсовъ то онъ сохраняетъ, рядомъ съ самолюбіемъ, высшее и независимое мѣсто для состраданія, сочувствія, доброжелательства, „благотворительности“ и для всѣхъ великодушныхъ побужденій сердца, которое отдаетъ себя другимъ и жертвуетъ собою безъ всякаго разсчета и колебанія. Но, рядомъ съ нимъ, появляются другіе, мыслители холодные и ограниченные, которые, слѣдуя математическому методу идеологовъ, строятъ нравственность на манеръ Гоббса. Они признаютъ только одинъ двигатель, самый простой и самый осязательный и грубый, почти механической и опирающийся на фізіологическій принципъ—это естественное стремленіе, побуждающее каждое животное избѣгать боли и искать наслажденія. „Страданіе и

наслажденіе, говоритъ Гельвеціусъ,— вотъ единственные пружины управляющія нравственнымъ міромъ и чувство любви къ самому себѣ представляетъ единственную основу, на которой можетъ быть заложенъ фундаментъ полезной нравственности... Какой же другой мотивъ, кромѣ личнаго интереса могъ бы побудить человѣка къ великодушнымъ поступкамъ? Ему также невозможно любить добро для добра, какъ и любить зло для зла“.—„Принципы естественнаго закона, говорятъ его ученики, сводятся къ одному основному и единственному принципу—чувству само-сохраненія“.—„Сохранить самого себя и получить наслажденіе“—это инстинктъ, право и долгъ. „О вы,—говоритъ природа,—всѣ, повинующіеся побужденію, вложенному мною, стремитесь къ счастью во всякую минуту вашего существованія, не противьтесь моему верховному закону, трудитесь для собственнаго счастья, наслаждайтесь безъ боязни будьте счастливы“.— Но, чтобы быть счастливыми, содѣйствуйте счастью другихъ. Если вы хотите, чтобы они были вамъ полезны, будьте имъ полезны; вашъ собственный интересъ, правильно понятый, требуетъ, чтобы вы служили другимъ. „Съ момента своего рожденія и до самой своей смерти, каждый человекъ нуждается въ другихъ людяхъ“. „Живите же для нихъ, чтобы заставить ихъ жить для васъ“.—„Будьте добры, потому что доброта привязываетъ всѣ сердца: будьте кротки, потому что кротость вызываетъ привязанность, будьте скромны, потому что гордость возмущаетъ существа, преисполненные собой... Будьте гражданами, потому что отечество необходимо для вашей безопасности и для вашего существованія. Защищайте свою страну, потому что она дѣлаетъ васъ счастливымъ и въ ней заключаются всѣ ваши блага“.—Съ этой точки зрѣнія добродѣтель—это ничто иное какъ эгоизмъ, обладающій дальновидностью. Человѣкъ не имѣетъ другихъ причинъ поступать хорошо, кромѣ опасенія причинить себѣ зло и когда онъ жертвуетъ собою, то дѣлаетъ это лишь въ собственныхъ интересахъ. По этой наклонной плоскости можно идти быстро и далеко. Какъ только единственнымъ правиломъ для каждаго признается стремленіе къ

счастью, то каждый пожелаетъ достигнуть его поскорѣе и быть счастливымъ на свой образецъ. Стадо выпущенныхъ на свободу похотей, устремляется впередъ и прежде всего опрокидываетъ всѣ перегородки, — вѣдь ему доказали, что всякая перегородка вредна и что она придумана хитрыми и злонамѣрными поступками, только для того, чтобы они могли лучше доить и стричь свое стадо! — „Состояніе общества — это состояніе постоянной войны, которую ведетъ государь противъ всѣхъ и каждый изъ членовъ общества другъ противъ друга... На всемъ земномъ шарѣ мы не видимъ другихъ государей, кромѣ несправедливыхъ, неспособныхъ, изнѣженныхъ роскошью, испорченныхъ лестью, развращенныхъ распущенностью и безнаказанностью, лишенныхъ талантовъ, добродѣтелей и нравственности... Человѣкъ золь, не потому, чтобы онъ былъ золь отъ природы, а потому, что его сдѣлали такимъ.

„Хотите ли узнать вкратцѣ всю исторію нашихъ бѣдствій? говоритъ Дидро. — Вотъ она: былъ нѣкогда естественный человѣкъ, человѣкъ природы. Въ него вложили искусственнаго человѣка, и вотъ въ его логовищѣ возникла междуусобная война, которая длится всю жизнь... Если вы хотите стать тираномъ человѣка... отравите его, насколько вы въ состояніи это сдѣлать, нравственностью, противною его природѣ, соорудите для него всякаго рода помѣхи, стѣсните его движенія тысячами препятствій, привяжите къ нему такіе призраки, которые бы его пугали... Хотите вы, чтобы онъ былъ счастливъ и свободенъ — не мѣшайте въ его дѣла... И будьте всегда увѣрены, что не для васъ, а для самихъ себя эти мудрые законодатели выльпили и сформировали васъ такимъ, каковъ вы есть. Я ссылаюсь на всѣ политическія, гражданскія и религіозныя учрежденія; изслѣдуйте ихъ поглубже и, либо я сильно ошибаюсь, либо вы непременно найдете, что человѣчeskій родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, сгибался подъ ярмомъ, который позволила себѣ наложить на него горсть плутовъ... Не довѣряйте тому, кто желаетъ водворить порядокъ; это всегда означаетъ стремленіе сдѣлаться господиномъ другихъ, чтобы ихъ стѣснить“. Долой стѣсненія; страсти хороши и если

голодное стадо захочетъ наконецъ поѣсть до сыта, то оно первымъ дѣломъ, должно сбросить подъ свои копыта всѣхъ митроносныхъ и коронованныхъ животныхъ, которые окружили его загородкой, чтобы удобнѣе его эксплуатировать.

VI.

Возвращеніе къ природѣ, т. е. отмѣна общества — таковъ военный крикъ всего батальона энциклопедистовъ. Но вотъ и съ другой стороны поднимается такой же крикъ — это батальонъ Руссо и социалистовъ, которые, въ свою очередь, также являются, чтобы нанести ударъ установленному режиму. Подкопъ, устраиваемый ими у подножія стѣны, кажется болѣе ограниченнымъ, но зато по этой причинѣ онъ еще болѣе дѣйствителенъ, и разрушительная машина, которую они употребляютъ, заключается также въ новой идеѣ человѣческой природы. Эту идею Руссо извлекъ цѣликомъ изъ своего собственнаго сердца. Станный и оригинальный человѣкъ, онъ былъ выше другихъ, но съ дѣтства носилъ въ себѣ зародышъ помѣшательства и подъ конецъ совсѣмъ сошелъ съ ума. Онъ обладалъ изумительнымъ, но плохо уравновѣшаннымъ умомъ, въ которомъ ощущенія, эмоціи и образы были слишкомъ сильны. Онъ былъ, въ одно и то же время и слѣпъ и проницателенъ; онъ былъ истиннымъ и больнымъ поэтомъ, который вмѣсто дѣйствительныхъ предметовъ, видѣлъ собственныя грезы, жилъ въ созданномъ своимъ воображеніемъ романѣ и умеръ подъ давленіемъ созданнаго имъ же самимъ кошмара. Неспособный сдерживать себя и владѣть собою, онъ принималъ свои рѣшенія за дѣйствія, свои слабыя хотѣнія за рѣшенія, а роль, которую онъ самъ давалъ себѣ, за свой дѣйствительный характеръ. Несоразмѣрный во всемъ и по отношенію къ современному ходу вещей, онъ постоянно натыкался, ранилъ себя и пачкался о всѣ придорожные столбы. Ему случалось совершать безумства, низости и преступленія, и тѣмъ не менѣе, онъ, до конца, сохранилъ тонкую, и глубокую чувствительность, гуманность, нѣжность, способность плакать и способность любить. Онъ обладалъ страстнымъ чувствомъ справедливости, религіознымъ чувствомъ и энтузіазмомъ и всѣ эти чувства походили на жи-

вучіе корни, сохраняющіе еще здоровые и сильные соки, въ то время, какъ стволъ и вѣтви уже завяли, искривились или недоразвились подъ вліаніемъ непогоды. Какъ объяснить подобный контрастъ? Какъ самъ Руссо объясняетъ его? Критикъ, психологъ, увидѣлъ бы тутъ лишь особенный случай, послѣдствіе необыкновеннаго и нестройнаго душевнаго склада, аналогичнаго тому, который наблюдается у Гамлета, Чаттертона, Рене и Вертера,—годнаго для поэзіи, но не пригоднаго для дѣйствительной жизни. Руссо, однако, все обобщаетъ. Занятый собою до степени маіи и не видя никого въ свѣтѣ, кромѣ себя, онъ воображаетъ себѣ челоуѣка похожимъ на себя и „описываетъ его такимъ, какимъ онъ себя чувствуетъ“. Впрочемъ это, въ тоже время, льститъ его самолюбію. Пріятно вѣдь сознавать себя типомъ челоуѣка; воздвигаемая себѣ самому статуя получаетъ отъ этого еще больше важности и челоуѣкъ невольно поднимается въ своихъ собственныхъ глазахъ, когда исповѣдуя себя самого, онъ думаетъ, что исповѣдуетъ весь челоуѣческій родъ. Руссо созываетъ трубными звуками, какъ на страшный судъ, всѣ поколѣнія и смѣло является передъ глазами людей въ ролѣ Верховнаго Судіи: „Пусть хоть одинъ изъ этихъ людей скажетъ тебѣ, если посмѣетъ: „Я былъ лучше этого челоуѣка“! Всѣ грязныя пятна, которыя имѣются на немъ, получены имъ извнѣ. Его низости и его пороки надо приписать обстоятельствамъ: „Если бы я попалъ въ руки лучшаго учителя... я былъ бы добрымъ христіаниномъ, хорошимъ отцомъ семейства, хорошимъ другомъ, хорошимъ работникомъ и вообще хорошимъ челоуѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ“. Итакъ, во всемъ виновато только общество. Также точно и у челоуѣка вообще, натура всегда хороша. „Его первыя побужденія всегда бываютъ правильны... Основной принципъ всякой нравственности, который я обсуждалъ въ своихъ сочиненіяхъ, заключается въ томъ, что челоуѣкъ отъ природы—существо доброе, любящее справедливость и порядокъ... Эмиль, въ особенности, представляетъ ничто иное какъ трактатъ о первоначальной добротѣ челоуѣка, предназначенный доказать, какъ порокъ и заблужденіе, чуждые природѣ челоуѣка, вводятся въ него

извнѣ и незамѣтно измѣняютъ его... Природа сдѣлала челоуѣка добрымъ и счастливымъ, общество же его развращаетъ и дѣлаетъ несчастнымъ. Освободите его мысленно отъ привитыхъ ему искусственныхъ привычекъ, отъ добавочныхъ потребностей, отъ ложныхъ предразсудковъ; отбросьте выдуманная системы, вернитесь къ своему собственному сердцу, прислушайтесь къ внутреннему чувству, предоставьте руководить собою свѣту вашего инстинкта и совѣсти и вы найдете снова первобытнаго Адама, похожаго на статую, сдѣланную изъ мрамора, не подвергающагося порчѣ, которая, свалившись въ болото, давно исчезла подъ корою плѣсени и тины, но теперь, освобожденная отъ грязной оболочки, можетъ снова вернуться на свой пьедесталь, сверкая, попрежнему, совершенствомъ своей формы и сіяніемъ своей бѣлизны.

Около этой центральной идеи доктрина спиритуалистовъ подвергается реформѣ. Такое благородное существо не можетъ вѣдь быть простымъ собраніемъ органовъ. Въ немъ есть нѣчто большее, нежели простая матерія. Впечатлѣнія, которыя онъ получаетъ черезъ посредство внѣшнихъ чувствъ, не составляютъ въ немъ всего. „Я не только чувствительное и пассивное существо, я также существо активное и разумное и, чтобы ни говорила философія, я осмѣливаюсь претендовать на честь быть мыслящимъ существомъ“,—говоритъ Руссо въ своихъ сочиненіяхъ. Мало того: это мыслящее начало, по крайней мѣрѣ у челоуѣка, принадлежитъ къ числу началъ высшаго порядка.

„Пусть мнѣ укажутъ другое животное на землѣ, восклицаетъ онъ, которое бы умѣло добывать огонь и въ состояніи было бы восхищаться солнцемъ. Какъ! я могу наблюдать, могу узнавать другія существа и ихъ взаимныя отношенія, могу чувствовать красоту, порядокъ, добродѣтель, могу созерцать вселенную и возвыситься до той руки, которая ею управляетъ! Я могу любить добро, творить его и послѣ всею этого я буду сравнивать себя съ животными?“ Челоуѣкъ свободенъ; онъ можетъ выбирать между двумя дѣйствіями и самъ создаетъ свои поступки. Онъ, слѣдовательно, является первоначальною и основною причиною ихъ, и въ немъ существуетъ

„нематеріальная субстанція“, отличная отъ тѣла,—душа, которую стѣсняетъ тѣло и которая можетъ пережить его. —Эта бессмертная душа, заключенная въ тѣлесную оболочку и имѣетъ своимъ голосомъ совѣсть. „Совѣсть! Божественный инстинктъ, бессмертный и небесный голосъ, вѣрный путеводитель для невѣжественнаго и ограниченнаго, но также разумнаго и свободнаго существа, непогрѣшимый судья хорошаго и дурнаго, дѣлающій человѣка подобнымъ Богу—это ты составляешь превосходство его природы“. Рядомъ съ самолюбіемъ, которое заставляетъ насъ подчинять себѣ все, существуетъ еще любовь къ порядку, побуждающая насъ подчинять себя всему. Рядомъ съ эгоизмомъ, заставляющимъ человѣка стремиться къ своему счастью даже въ ущербъ другимъ, существуетъ симпатія, которая побуждаетъ его добиваться счастья другихъ, даже въ ущербъ своему. Личнаго наслажденія ему недостаточно: ему нужно еще, кромѣ того, спокойствіе собственной совѣсти и сердечныя изліянія.—Вотъ человѣкъ, такой, какимъ сдѣлалъ его Богъ и какимъ онъ хотѣлъ его сдѣлать. Нѣтъ ни малѣйшаго недостатка въ его строеніи. Низшія части его устройства также полезны, какъ и высшія; всѣ одинаково необходимы, одинаково соразмѣрны и находятся каждая на своемъ мѣстѣ, не только сердце, совѣсть, разумъ и способности, посредствомъ которыхъ мы возвышаемся надъ животными, но и тѣ наклонности, которыя у насъ общи съ животными, инстинктъ самосохраненія и самозащиты, потребность физическаго движенія, половое стремленіе и остатокъ примитивныхъ побужденій, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ у ребенка, у дикаря и у некультурнаго человѣка. Ни одно изъ этихъ побужденій, взятое само по себѣ, не можетъ быть названо ни порочнымъ, ни вреднымъ. Ни одно изъ нихъ не можетъ назваться слишкомъ сильнымъ, даже любовь къ себѣ. Ни одно не начинаетъ дѣйствовать преждевременно. Еслибъ мы не вмѣшивались, не налагали на нихъ стѣсненій, еслибъ мы предоставляли всѣмъ этимъ живымъ источникамъ течь по ихъ естественному склону и не заключали бы ихъ въ искусственные и грязные каналы, то мы бы никогда не увидѣли

на нихъ пѣны или мути. Мы удивляемся ихъ нечистотамъ и производимымъ ими опустошеніямъ и забываемъ, что въ началѣ они были безвредны и чисты. Вина тутъ наша; это мы настроили социальныя перегородки, грязные и строгоразмѣренные каналы и отклоняя ихъ съ пути, заставляемъ ихъ сворачивать въ разныя стороны и то застаиваться и покрываться плѣсенью, то разливаться бѣшенымъ потокомъ. „Это ваши же правительства создаютъ зло, которое вы предполагаете исцѣлить съ ихъ помощью... Желѣзные скипетры! Безсмысленные законы! Это васъ мы упрекаемъ въ томъ что мы не могли выполнить своихъ обязанностей на землѣ!“ Снимите же эти плотины—созданія тирани и рутины; тогда освобожденная природа тотчасъ же приметъ свое прямое и здоровое теченіе и человѣкъ, безъ всякихъ усилій, не только сдѣлается счастливымъ, но и добродѣтельнымъ.

На этомъ - то принципѣ и основывается первая атака на существующій строй и ни одно изъ нападеній не заходило такъ далеко и не было проведено съ такою рѣзкою враждебностью. До этой минуты господствующія учрежденія обвиняли только въ томъ, что они были стѣснительными и нелѣпыми; съ этого же времени ихъ стали обвинять въ томъ, что они были несправедливы и что они развращали людей. Ранѣе, противъ этихъ учреждений возмущались только разумъ и вожделѣнія, теперь же къ числу возставшихъ, старались привлечь совѣсть и гордость. Съ Вольтеромъ и Монтескье я могъ надѣяться только на нѣкоторое уменьшеніе золь. Дидро же и Гольбахъ рисуютъ для меня на горизонтѣ блестящее Эльдorado или удобный островъ Цитеры. Но съ Руссо Эдемъ находится у меня подъ рукой и я сразу нахожу въ немъ то благородство, которое неразлучно съ моимъ счастьемъ, и я имѣю право на это счастье; природа и Провидѣніе призываютъ меня къ нему, оно—мое наслѣдіе. Только одни произвольныя учрежденія въ обществѣ удаляютъ меня отъ него и создаютъ мои пороки, въ тоже время какъ и мое несчастье. Съ какимъ гнѣвомъ и съ какимъ воодушевленіемъ долженъ буду я броситься на приступъ старыхъ стѣнъ! — Это гнѣвъ и во-

одушевление замѣчаются въ рѣзкомъ тонѣ, въ язвительномъ стилѣ и мрачномъ краснорѣчии новаго ученія. Тутъ уже больше не шутятъ и не повѣсничаютъ, вездѣ царитъ серьезность, слышится негодование и могущественный голосъ, который возвышается, проникаетъ черезъ стѣны салоновъ къ страдающей и грубой толпѣ, къ которой до сихъ поръ еще никто не обращался и глухое раздраженіе которой теперь, въ первый разъ, находитъ своего выразителя, разрушительные инстинкты этой толпы скоро должны будутъ всколыхнуться и откликнуться на призывъ своего герольда.

Руссо принадлежалъ къ народу, а не къ свѣтскому обществу. Въ салонѣ онъ чувствуетъ себя стѣсненнымъ, онъ не умѣетъ ни бесѣдовать, ни быть любезнымъ, удачныя выраженія приходятъ ему въ голову только потомъ, когда онъ уже вышелъ на лѣстницу. Онъ молчитъ съ угрюмымъ видомъ или говоритъ нелѣпости и сдѣланную неловкость не умѣетъ исправить иначе, какъ мужицкой грубой выходкой или сентенціей педанта. Изящество ему не нравится, роскошь его стѣсняетъ, вѣжливость ему кажется ложью, разговоръ болтовней, хорошій тонъ гримасничаньемъ, веселость притворствомъ, остроуміе желаніемъ похвастаться умомъ, наука шарлатанствомъ, философія аффектаціей, а нравы испорченностью. Все, въ свѣтѣ казалось ему фальшивымъ, ложнымъ и вреднымъ, начиная съ косметическихъ притираний, туалетовъ и красоты женщинъ и кончая воздухомъ комнатъ и обѣденными соусами, чувствами и удовольствіями, литературой и музыкой, правительствомъ и религіей. Эта цивилизація, которая сама восхищается своимъ блескомъ, въ сущности есть ничто иное, какъ кривлянье возбужденныхъ и раболѣпныхъ обезьянъ, подражающихъ другъ другу, и развращающихъ другъ друга, но въ сущности, путемъ утонченности, достигающихъ только скуки и тягостнаго чувства. Такимъ образомъ, сама по себѣ, человѣческая культура дурна и плоды, которые она производитъ, ничто иное, какъ болѣзненные наросты или язвы.—Къ чему науки? Невѣрныя и бесполезныя, онѣ служатъ только для спорщиковъ и праздныхъ людей. „Кто захотѣлъ бы проводить жизнь въ без-

плодныхъ созерцаніяхъ, если бы каждый, руководствовался только обязанностями человека и потребностями своей природы и имѣлъ бы время только для отечества, для несчастныхъ и для своихъ друзей“.—Къ чему изящныя искусства? Онѣ только являются публичною лестью господствующимъ страстямъ. „Чѣмъ пріятнѣе и чѣмъ совершеннѣе комедія, тѣмъ болѣе пагубно ея дѣйствіе“ и театръ, даже у Мольера, служитъ только школой дурныхъ нравовъ, „потому что онъ побуждаетъ коварныхъ людей наказывать, подъ „именемъ глупости, простодушіе честныхъ людей“. Трагедія, которую называютъ нравственной расходуетъ на ложныя изліянія то небольшое количество добродѣтели которое у насъ еще остается. „Когда человекъ идетъ въ театръ, чтобы восхищаться прекрасными поступками въ какихъ нибудь сказкахъ, то что же можно требовать отъ него? Развѣ онъ не расквитался съ добродѣтелью воздавая ей ту честь, которая ей принадлежитъ? Чего же большаго желали бы вы отъ него потребовать? Чтобы онъ самъ былъ добродѣтельнымъ? Но вѣдь онъ не играетъ роли, онъ не актеръ“.

Науки, изящныя искусства и ремесла, философія, литература — все это годно лишь для того, чтобы изложить и разсѣять душу. Все это дѣлается только для маленькаго роя блестящихъ и шумныхъ насѣкомыхъ, которыя жужжатъ на вершинѣ общества и высасываютъ весь общественный сокъ. Что касается наукъ, то только одна необходима, это — наука о нашихъ обязанностяхъ и для этого не нужно ни столько тонкостей, ни столько изученія, такъ какъ одного внутренняго чувства достаточно, чтобы намъ ее преподать.—Что касается искусства, то только могутъ быть терпимы тѣ, которыя удовлетворяютъ нашимъ первымъ потребностямъ, доставляютъ намъ хлѣбъ для нашего питанія, кровлю для укрытія отъ непогоды, одежду для нашего прикрытія и оружіе для защиты. Что же касается образа жизни, то вѣдь существуетъ только одна здоровая жизнь,—та которую ведутъ среди полей, безъ принужденности, безъ блеска, въ занятіяхъ земледѣліемъ, существуя на тѣ запасы, которые доставляетъ земля и находясь среди сосѣдей, съ которыми

обращаются какъ съ равными и среди слугъ, съ которыми обращаются какъ съ друзьями. Изъ классовъ общества заслуживаетъ почтенія только одинъ—классъ трудящихся людей и въ особенности тѣхъ, которые трудятся своими руками, ремесленниковъ, рабочихъ, единственныхъ, которые дѣйствительно приносятъ пользу и единственныхъ, которые, стоя по своему положенію ближе къ естественному состоянію, сохраняютъ, подъ суровой оболочкой, теплоту, доброту, и прямоту первобытныхъ инстинктовъ. — Назовите же настоящимъ именемъ это изящество, эту роскошь, эту вѣжливость, литературную утонченность, философское безпутство, которыми такъ восхищается предразсудокъ видя въ этомъ цвѣтъ человѣческой жизни. Въ сущности, все это пахнетъ только плѣсенью. Точно также постарайтесь оцѣнить должнымъ образомъ тотъ рой, который питается этою плѣсенью, я говорю о празднои аристократіи, объ изящномъ свѣтѣ и обо всѣхъ этихъ привилегированныхъ людяхъ, которые только повелѣваютъ, да занимаются представительствомъ, о салонныхъ бездѣльникахъ, которые разговариваютъ, наслаждаются и считаютъ себя избранною частью человѣчества, тогда какъ они — просто паразиты. Паразиты и плѣсень — одно привлекаетъ другое и дерево не будетъ здорово до тѣхъ поръ, пока мы не избавимъ его отъ обоихъ.

Если цивилизація плоха, то общество—еще хуже, потому что оно установилось только путемъ разрушенія первоначальнаго равенства и его два главныхъ учрежденія,—собственность и правительство — являются узурпаціей. „Тотъ, кто первый отгородилъ клочекъ земли и рѣшилъ сказать другимъ: *это мое*, и притомъ встрѣтилъ достаточное число простодушныхъ людей, которые ему повѣрили—тотъ и былъ истиннымъ основателемъ гражданскаго общества. Сколько преступленій, войнъ, убійствъ, сколько несчастій и ужасовъ могъ бы предупредить и избавить отъ нихъ человѣческій родъ тотъ, кто, вырвавъ столбы и наполнивъ ровъ, крикнулъ бы другимъ: „Остерегайтесь слушать этого обманщика. Вы погибли, если вы забудете, что плоды принадлежатъ всѣмъ, а земля не принадлежитъ никому!“ Первая собственность была

воровствомъ, посредствомъ котораго человѣкъ отнялъ у общины часть общественнаго достоянія, ничто не оправдывало его покушенія, ни его искусство, ни его трудъ, ни увеличеніе цѣнности земли, благодаря его усиліямъ. Онъ могъ говорить:—Эта стѣна построена мною; я приобрѣлъ эту землю цѣною моего труда.—А кто вамъ отмежевалъ ее?—Можно было бы отвѣтить ему,—и на какомъ основаніи вы претендуете на уплату за трудъ, который никто вамъ не навязывалъ? Развѣ вы не знаете, что множество вашихъ братьевъ гибнетъ или страдаетъ, терпя нужду въ томъ, чего у васъ слишкомъ много, и что поэтому то вамъ слѣдовало бы получить специальное и единодушное согласіе всего человѣческаго рода, чтобы имѣть право присвоить себѣ изъ общаго достоянія то, что превышаетъ ваши потребности? — Во всей этой теоріи можно различить личный отголосокъ, гнѣвный голосъ бѣдняка плебея, озлобленнаго нуждой, который, вступивъ въ міръ, нашелъ всѣ мѣста занятыми и не сумѣлъ добыть для себя мѣстечка. Онъ отмѣчаетъ въ своей исповѣди тотъ день, когда онъ пересталъ голодать и, за неимѣніемъ лучшаго, вступаетъ въ связь со своей служанкой, а затѣмъ, поочередно, отправляетъ своихъ пятерыхъ дѣтей въ воспитательный домъ. Онъ былъ лакеемъ, приказчикомъ, бродягой, учителемъ, писцомъ, постоянно отыскивая способы поддержать свою независимость и возмущаясь контрастомъ между условіями своего существованія и тѣми душевными порывами, которые онъ въ себѣ ощущалъ, спасаясь отъ зависти только путемъ презрѣнія и храня въ глубинѣ сердца старинное раздраженіе—противъ богачей и счастливецевъ сего міра, какъ будто бы они были счастливы въ ущербъ ему и какъ будто ихъ предполагаемое счастье было узурпировано ими у него.— Но собственность не только несправедлива по самому своему происхожденію: она несправедлива еще и потому, что привлекаетъ къ себѣ власть, а ея зловерное вліяніе возрастаетъ, точно язва, вслѣдствіе пристрастія закона.

„Развѣ всѣ льготы и преимущества въ обществѣ не существуютъ исключительно только для сильныхъ и богатыхъ? Развѣ не они занимаютъ всѣ

выгодная должность? И развѣ общественная власть не на ихъ сторонѣ? Когда какой-нибудь человѣкъ, занимающій видное мѣсто въ обществѣ, обкрадываетъ своихъ кредиторовъ и совершаетъ другія мошенничества, то развѣ онъ не бываетъ увѣренъ въ безнаказанности? Палочные удары, которые онъ распредѣляетъ, насилія, которыя онъ совершаетъ, убійства и избіенія, въ которыхъ онъ бываетъ виновенъ—развѣ все это не составляетъ такихъ дѣлъ, которыя всегда стараются затушить, такъ что черезъ полгода о нихъ никто даже не вспоминаетъ? Но пусть только обокрадутъ этого человѣка—вся полиція тотчасъ же приходитъ въ движеніе и горе невиннымъ, которыхъ онъ подозрѣваетъ!—Если ему надо проѣзжать по опаснымъ мѣстамъ, то его непременно сопровождаетъ конвой. Если сломается ось у его коляски, то всѣ сбѣгаются къ нему на помощь. Если шумъ у его дверей беспокоитъ его, то стоитъ ему сказать слово, чтобы все немедленно смолкло. Если толпа мѣшаетъ ему, то онъ дѣлаетъ знакъ и она разступается. Если на пути его встрѣтится ломовой извозчикъ, преграждающій ему дорогу, то его люди готовы бываютъ избить его и вообще, скорѣе будутъ раздавлены пятьдесятъ честныхъ пѣшеходовъ, нежели будетъ задержанъ хоть одинъ бездѣльникъ, ѣдущій въ своемъ экипажѣ. Но всѣ эти знаки вниманія не стоятъ ему ни гроша, такъ какъ они составляютъ право богатаго человѣка, а вовсе не цѣну его богатства.—Какъ, однако, различна картина, которую представляетъ положеніе бѣдняка! Чѣмъ болѣе ему обязано человѣчестно, тѣмъ въ большемъ ему отказываетъ общество. Всѣ двери закрываются передъ нимъ, хотя бы онъ даже имѣлъ право открывать ихъ и если ему удастся иногда добиваться справедливости, то это стоитъ ему большихъ усилій, нежели другому добиться милостей. Если надо отбыть какуюнибудь повинность или отправляться на службу въ милицію, то въ этомъ отношеніи бѣдняку всегда отдается предпочтеніе. Кромѣ собственнаго бремени онъ всегда несетъ на себѣ еще и бремя своего сосѣда, болѣе богатаго и поэтому имѣющаго возможность избавить себя отъ этихъ тягостей. Если съ бѣднякомъ приключится какая ни-

будь бѣда, то всѣ спѣшатъ отъ него удалиться. Пусть перевернется его убогая повозка, и я сочту его особенно счастливымъ, если онъ избѣгнетъ при этомъ оскорбленій веселой свиты какогонибудь молодого герцога. Словомъ, въ нуждѣ онъ не можетъ рассчитывать ни на чью даровую поддержку, именно потому, что ему нечѣмъ заплатить за нее. Но я считаю его погибшимъ человѣкомъ, если онъ имѣетъ несчастье обладать честной душой, хорошенькою дочерью и могущественнымъ сосѣдомъ. Резюмируемъ же въ четырехъ словахъ общественный договоръ, существующій между этими двумя сословіями: *Вы имѣете нужду во мнѣ, потому что я богатъ, а вы бѣдны; заключимъ же соглашеніе другъ съ другомъ. Я разрываю вамъ честь служить мнѣ, съ условіемъ, что вы отдадите мнѣ то немногое, что у васъ есть въ награду за тотъ трудъ, который я беру на себя, чтобы повѣлывать вами*“.

Это указываетъ намъ на духъ, цѣли и послѣдствія политическаго общества. Въ самомъ своемъ началѣ, по словамъ Руссо, оно уже было несправедливымъ договоромъ, заключеннымъ между ловкимъ, богатымъ и сильнымъ и одураченнымъ имъ, болѣе слабымъ человѣкомъ. Этотъ договоръ „создалъ новыя стѣсненія для слабаго и придалъ еще болѣе силъ богатому“ и, подъ видомъ законной собственности, освятилъ узурпацію земли. Въ настоящее время, этотъ договоръ сталъ еще болѣе несправедливымъ, такъ какъ, „благодаря ему, ребенокъ командуетъ надъ старикомъ, дуракъ управляетъ умными людьми, небольшая горсть людей наслаждается избыткомъ, тогда какъ голодное большинство нуждается въ самомъ необходимомъ. „Въ самой природѣ неравенства заключается особое свойство, позволяющее ему постоянно увеличиваться, вотъ почему власть однихъ такъ быстро возростала одновременно съ подчиненіемъ другихъ, и наконецъ, какъ то, такъ и другое положеніе достигло своихъ крайнихъ предѣловъ, такъ что наслѣдственное и вѣчное порабощеніе народа стало казаться такимъ же результатомъ божественнаго права, какъ и наслѣдственный и вѣчный деспотизмъ короля. Вотъ каково нынѣшнее положеніе вещей и если оно измѣ-

нится, то только къ худшему; „потому что все занятіе королей и тѣхъ, которымъ они поручаютъ нѣкоторыя изъ своихъ функцій, заключается только въ двухъ вещахъ: въ расширеніи своихъ владѣній извнѣ и въ усиленіи абсолютной власти внутри государства“. — Когда они выставляютъ другія цѣли, то это бываетъ не болѣе какъ предлогомъ. „Слова, общественное благо, благосостояніе народа, слава націи, употребляемая съ такимъ подчеркиваніемъ въ публикуемыхъ указахъ, ничего другого не заключаютъ въ себѣ, кромѣ пагубныхъ приказаній и народъ заранѣе стонетъ, когда его повелители начинаютъ говорить ему о своихъ отеческихъ попеченіяхъ. Но, достигнувъ этого рокового предѣла, „правительственный договоръ теряетъ свою силу, деспотъ остается господиномъ лишь до тѣхъ поръ, пока на его сторонѣ находится сила и какъ только его можно бываетъ изгнать, то онъ уже не имѣетъ болѣе права жаловаться на насиліе. — Право вѣдь устанавливается только взаимнымъ соглашеніемъ, а между рабомъ и господиномъ не можетъ быть такого соглашенія и не можетъ быть поэтому рѣчи о правѣ. — „Будетъ ли говорить одинъ человѣкъ другому или же онъ будетъ обращаться къ цѣлому народу со словами: *я заключаю съ тобою договоръ, который весь цѣликомъ составленъ въ ущербъ тебѣ и къ моей выгодѣ и который я буду соблюдать до тѣхъ поръ, пока мнѣ этого хочется, а ты будешь соблюдать до тѣхъ поръ я этого желаю*“. — Сколько безумцевъ подписываютъ такой договоръ и, такъ какъ они безумцы, то въ сущности не имѣютъ права заключать никакого договора и ихъ подпись не должна бы считаться дѣйствительной. Сколько побѣжденныхъ, поверженныхъ на землю и захваченныхъ за горло вынуждены были принять такія условія! Но такъ какъ согласіе ихъ было вынуждено, то ихъ обѣщаніе ничего не значитъ. Сколько побѣжденныхъ или безумцевъ, тысячу лѣтъ тому назадъ, связали такимъ обѣщаніемъ всѣ послѣдующія поколѣнія! Но если можно заключать договоръ за несовершеннолѣтняго, то все же нельзя заключать его за взрослого человѣка, и когда ребенокъ вырастетъ и достигнетъ разумаго возраста, то онъ уже не при-

надлежитъ болѣе никому, а только самому себѣ. Наконецъ и мы стали взрослыми и намъ остается только совершить разумный поступокъ и понизить до настоящей цѣны всѣ притязанія власти, которая называетъ себя законной. На ея сторонѣ только сила и больше ничего. Но вѣдь, „пистолетъ въ рукахъ разбойника тоже представляетъ силу“. Однако, вы вѣдь не можете сказать, что я сознательно обязанъ отдавать ему свой кошелекъ? Я повинуюсь только силѣ и сейчасъ же отниму у него мой кошелекъ, какъ только въ состояніи буду вырвать у него изъ рукъ пистолетъ.

VII.

Однако остановимся на этомъ мѣстѣ. Не стоитъ слѣдить за застрѣльщиками этой партіи, такими какъ Нэжонъ, Сильвенъ, Марешаль, Мабли и Морелли, — фанатиками, воздвигающими атеизмъ въ обязательный догматъ и высшую обязанность и социалистами, которые, чтобы подавить эгоизмъ, предлагаютъ общность имущества и основываютъ республику, въ которой всякій человѣкъ, пожелавшій возстановить „ненавистную собственность“, былъ бы объявленъ врагомъ человѣчества, „бѣшеннымъ безумцемъ“ и посаженъ въ вѣчное заключеніе. Для насъ достаточно, если мы прослѣдимъ главные корпуса дѣйствующей арміи и великія осады. Не смотря на различныя орудія и совершенно противоположныя тактическіе приемы, эти нападенія, однако, привели къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Всѣ учрежденія были подрывы въ самыхъ своихъ основаніяхъ. Господствующая философія лишила всякого авторитета обычай, религію и государство. Не только сама по себѣ традиція была признана ложной, но къ тому же ее объявили вредной по ея послѣдствіямъ, такъ какъ она приноситъ зло, создавая несправедливость, опирающуюся на заблужденія, и ослѣпляя человѣка, приводитъ его къ притѣсненіямъ. Съ этого момента традиція изгоняется. „Раздавимъ негодную“ и веѣхъ ея виновниковъ! Она составляетъ зло человѣческаго рода и когда зло будетъ уничтожено, то останется только добро“. Онъ наступитъ, наконецъ, этотъ моментъ, говоритъ Кондорсе, когда солнце будетъ освѣщать на землѣ только свободныхъ

людей, не признающихъ другого господина, кромѣ собственнаго разума, когда тираны и рабы, священники и ихъ нелѣпые или лицемѣрные приемы будутъ существовать только въ теоріи, да на подмосткахъ, когда ими будутъ заниматься только для того, чтобы жалѣть объ ихъ жертвахъ и обманутыхъ ими и, вспоминая объ ихъ ужасахъ, поддерживать полезную бдительность, а также и съ тою цѣлью, чтобы узнавать и заглушать подъ давленіемъ разума, первые зачатки суевѣрія и тираніи, если только они когда нибудь посмѣли бы появиться вновь".—Открывается новое тысячелѣтіе и оно должно быть построено только разумомъ. Итакъ, мы будемъ обязаны только его спасительному авторитету, какъ основаніемъ новаго порядка, такъ и уничтоженіемъ стараго.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Построеніе будущаго общества.—Математическій методъ.—Опредѣленіе абстрактнаго человѣка.—Общественный договоръ.—Независимость и равенство договаривающихся сторонъ.—Всѣ будутъ равны передъ закономъ и каждый будетъ имѣть свою долю въ верховной власти.—Первыя послѣдствія.—Примѣненіе этой теоріи не встрѣчаетъ затрудненій.—Мотивы довѣрія и убѣжденіе, что человѣкъ отъ природы разуменъ и добръ.—Недостаточность и хрупкость разума у человѣка.—Недостаточность и рѣдкость существованія разума въ человѣчествѣ.—Подчиненная роль разума въ поведеніи человѣка.—Грубые и опасныя силы.—Природа и полезность правительства.—По новой теоріи правительство становится невозможнымъ.—Вторичныя послѣдствія.—По новой теоріи государство является деспотомъ.—Прецеденты этой теоріи.—Административная централизація.—Утопія экономистовъ.—Никакое предшествовавшее право не считается дѣйствительнымъ.—Никакая побочная ассоціація не допускается.—Полное отчужденіе правъ личности въ пользу общины.—Права государства на собственность, воспитаніе и религію.—Государство становится спартанскимъ монастыремъ.—Полный триумфъ и послѣднія крайности классическаго духа.—Какимъ образомъ онъ превращается въ мономанію.—Почему его дѣло нежизнеспособно.

I.

Посмотрите же на будущее общество, въ томъ видѣ, въ какомъ оно рисуется нашимъ кабинетнымъ законодателямъ и вспомните, что оно также рисовалось и законодателямъ національнаго собранія.—Они думали, что рѣшительный моментъ уже наступилъ и съ этой минуты стали существовать уже двѣ исторіи, одна—исторія прошлаго, другая—исторія

будущаго. Первая была исторіей человѣка еще лишеннаго разума, вторая—исторіей разумнаго человѣка. Наконецъ-то должно было наступить царство права! Изъ всего того, что было основано и передано прошлымъ ничто уже не считается законнымъ. Надъ естественнымъ человѣкомъ это прошлое создало и поставило искусственнаго человѣка, свѣтскаго или духовнаго, благороднаго или простолюдина, собственника или пролетарія, невежду или ученаго, крестьянина или горожанина, раба или господина—словомъ, оно создало искусственныя различія, которыя не слѣдуетъ принимать во вниманіе, такъ какъ ихъ происхожденіе запятнано насиліемъ или обманомъ. Снимемъ же эти лишніе, добавочныя покровы; возьмемъ человѣка такимъ, каковъ онъ есть самъ по себѣ, во всѣхъ положеніяхъ, при всякихъ условіяхъ, во всѣхъ странахъ и во всѣхъ вѣкахъ и поищемъ какой родъ ассоціаціи наиболѣе пригоденъ для него. При поставленной такимъ образомъ задачѣ, все остальное явится само собой.—Согласно привычкамъ классическаго духа и предписаніямъ господствующей идеологіи, политика строится по образцу математики. Прежде всего выдѣляютъ простыя данныя, которыя должны быть очень общими, очень доступными наблюденію, очень извѣстными каждому и которыя легко могъ бы усвоить себѣ самый невнимательный и самый невѣжественный школьникъ. Отбросьте всѣ различія, которыя раздѣляютъ одного человѣка отъ другихъ; оставьте только ту часть, которая у него общая съ другими,—вотъ такой остатокъ и будетъ человѣкомъ вообще, другими словами—„это будетъ чувствительное и разумное существо, избѣгающее страданія и ищущее удовольствія“, и слѣдовательно, стремящееся „къ счастью, т. е. къ такому состоянію равновѣсія въ которомъ испытывается больше удовольствій, нежели страданій“. Или иначе: „это—чувствительное существо, способное выводить умозаключенія и составлять нравственныя идеи“. Первый встрѣчный можетъ извлечь это понятіе изъ своего опыта и тотчасъ же провѣрить его. Такова социальная единица. Соединимъ же нѣсколько такихъ единицъ, тысячу, сто тысячъ, милліонъ, двадцать шесть милліоновъ

и получится французскій народъ. Людей представляютъ себѣ родившимися двадцати одного года, безъ родителей, безъ прошедшаго, безъ преданій, безъ всякихъ обязательствъ, безъ отечества, и собравшимися впервые, для того чтобы въ первый разъ заключить между собою договоръ. При такихъ условіяхъ, люди, въ моментъ заключенія этого договора, всѣ равны, такъ какъ уже раньше мы устранили всѣ внѣшнія и поддѣльные качества, которыя, одни только, заставляли ихъ отличаться другъ отъ друга. Всѣ свободны, потому что, по состоявшемуся опредѣленію, мы отмѣнили всѣ несправедливыя подчиненія, которыя были какъ навязаны грубою силой и наслѣдственнымъ предразсудкомъ. Но если они всѣ равны, то имъ нѣтъ никакого основанія доставлять, въ своемъ договорѣ, особенныя выгоды однимъ, предпочтительно передъ другими. Поэтому всѣ будемъ равны передъ закономъ; ни одно лицо, семья или классъ не будутъ пользоваться особенными привилегіями. Ни одинъ не будетъ имѣть права требовать для себя то, чего лишены другой. Ни одинъ не будетъ нести на себѣ бремени, отъ котораго былъ бы освобожденъ другой. Съ другой стороны, такъ какъ всѣ свободны, то каждый входитъ вмѣстѣ съ собственною волей въ ту связку волей, которая собственно и составляетъ новое общество, и слѣдовательно долженъ вмѣшиваться ради себя, во всѣ общія рѣшенія. Онъ только на этомъ условіи и связалъ себя договоромъ. Онъ обязанъ уважать законы, но только потому, что самъ помогаль составлять ихъ и повиноваться властямъ, потому что самъ принималъ участіе въ ихъ избраніи. Въ основѣ каждой законной власти непременно должно лежать его согласіе или его голосъ и поэтому, самыя высшія общественныя власти должны признавать въ самомъ смиренномъ гражданинѣ частицу верховной власти. Никто не имѣетъ права отчуждать и не можетъ потерять эту частицу власти; она нераздѣльна съ его личностью и даже въ такихъ случаяхъ, когда онъ передаетъ кому либо пользование этой частицей, она остается, все-таки, его собственностью. Свобода, равенство и верховныя права народа—это первыя статьи общественнаго договора. Они

были выведены самымъ строжайшимъ образомъ изъ первоначальнаго опредѣленія изъ нихъ будутъ выведены, не менѣе строжайшимъ образомъ, и всѣ другія права гражданина, общія черты государственнаго устройства, главные политическіе или гражданскіе законы, словомъ—форма, порядокъ и духъ новаго государства.

II.

Отсюда вытекаютъ два слѣдствія. Во первыхъ — общество, построенное такимъ образомъ, признается единственно справедливымъ, такъ какъ, въ противоположность всѣмъ другимъ, оно не представляетъ слѣплого подчиненія преданію, а является результатомъ договора, заключеннаго между равными, разсмотрѣннаго при яркомъ свѣтѣ и основаннаго на вполнѣ свободномъ взаимномъ согласіи. Составленный изъ доказанныхъ теоремъ, общественный договоръ обладаетъ такою же авторитетностью, какъ и геометрія. Вотъ почему онъ также годится, какъ и она, для всякаго времени, для всякаго мѣста и для всякаго народа. Его учрежденіе, слѣдовательно, вполнѣ правильно и каждый, кто будетъ противиться этому, долженъ считаться врагомъ человѣческаго рода. Правительство, аристократія, духовенство, кто бы тамъ ни былъ, должны быть уничтожены. Возмущеніе противъ нихъ—это только законная самозащита. Когда мы себя вырываемъ изъ ихъ рукъ, то лишь отнимаемъ отъ нихъ то, чѣмъ они неправильно завладѣли и что законно принадлежитъ намъ.

Во вторыхъ—общественный уставъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ, можетъ быть примѣненъ послѣ своего провозглашенія, безъ всякихъ недоумѣній и безъ всякаго сопротивленія, такъ какъ онъ представляетъ родъ нравственной геометріи, еще болѣе простой, чѣмъ обыкновенная геометрія, сведенной къ самымъ первымъ элементамъ и основанной притомъ на самомъ ясномъ и общеизвѣстномъ понятіи, быстро приводящемъ къ самымъ капитальнымъ истинамъ. Чтобы понимать и прилагать эти истины, нѣтъ надобности ни въ предварительной учености, ни въ глубокихъ размышленіяхъ, достаточно для этого простаго здраваго смысла или даже обыкновеннаго пониманія вещей

Предразсудокъ и интересъ — только одни могли бы затемнить очевидность, но отъ здоровой головы и прямого сердца эта очевидность никогда не можетъ ускользнуть. Объясните рабочему, крестьянину, права человѣка и онъ тотчасъ же сдѣлается хорошимъ политикомъ. Заставьте дѣтей учиться катехизису гражданина, и выйдя изъ школы, они будутъ знать свои обязанности и права также хорошо, какъ четыре правила ариѳметики.—И вотъ надежда широко распускаетъ свои крылья на основаніи такого убѣжденія и всѣ препятствія кажутся устраненными. Принято думать, что теорія, сама по себѣ и своею собственной силой, порождаетъ практику и что людямъ достаточно лишь провозгласить или признать общественный договоръ, для того чтобы сразу приобрести и способность его пониманія и волю для его исполненія. Это изумительное довѣріе, необъяснимое съ перваго взгляда, основывается на такомъ мнѣніи о человѣкѣ, какого у насъ уже не существуетъ болѣе. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ считается разсудительнымъ отъ природы и добрымъ—разсудительнымъ, т. е. способнымъ признать вполне ясный принципъ, слѣдить послѣдовательно за всѣми дальнѣйшими его обсужденіями и понять, и принять конечный выводъ, чтобы уже самому, при случаѣ, извлекать изъ него всѣ тѣ послѣдствія, которыя въ немъ заключаются. Такимъ считали обыкновеннаго человѣка всѣ писатели того времени, и это потому, что они судили о немъ по себѣ. Для нихъ человѣческій умъ—это былъ ихъ собственный умъ, классическій умъ. Въ теченіе полутора столѣтій этотъ умъ господствовалъ въ литературѣ, философій, наукъ, въ воспитаніи и въ разговорѣ и царствовалъ въ силу традиціи, привычки и хорошаго вкуса. Другой складъ ума не допускается, да и самое его существованіе не считается возможнымъ и если въ этотъ замкнутый кругъ попадаетъ иностранецъ, то его принимаютъ лишь подъ условіемъ, чтобы онъ употреблялъ тѣ же самые ораторскіе приемы, которые резонирующий разумъ навязываетъ всѣмъ своимъ гостямъ: грекамъ, англичанамъ, варварамъ, крестьянамъ и дикарямъ, какъ бы ни отличались они другъ отъ друга и какъ бы ни отличались отъ него самого. У Бюффона первый человѣкъ

разсказывая первые часы своей жизни, анализируетъ свои ощущенія, свои эмоціи и свои побужденія съ такою же тонкостью, какъ это сдѣлалъ бы самъ Кондильякъ. У Дидро,—Таитянинъ Оту, у Бернарденъ-де-Сень-Пьера—полудикарь индусъ и старый колонистъ Иль де Франса, а у Руссо—деревенскій священникъ, садовникъ, фигляръ—все это краснобаи и моралисты перваго сорта. У Мармонтеля, Флоріана и во всей мелкой литературѣ, которая предшествуетъ или сопровождаетъ революцію, въ театрѣ, какъ трагическомъ, такъ и комическомъ, кто бы ни было изображаемое лицо, необразованный ли крестьянинъ, татуированный ли варваръ или нагой дикарь,—каждый изъ нихъ одинаково обладаетъ талантомъ объясняться и резонировать и слѣдить съ умомъ и вниманіемъ за развитіемъ обстрактной рѣчи или же идти по пятамъ за своимъ руководителемъ, по прямолинейной тропинкѣ общихъ идей. Такимъ образомъ, зрители восемнадцатаго вѣка встрѣчаютъ разумъ вездѣ и только онъ одинъ господствуетъ во всемъ мірѣ. Эта распространенная форма ума, выражающаяся въ стилѣ, конечно должна имъ казаться вполне естественной; они напоминаютъ въ этомъ случаѣ людей, которые, зная только одинъ языкъ и всегда говоря на немъ съ большою легкостью, не могутъ никакъ понять, что можно говорить и на другомъ языкѣ и что около нихъ могутъ быть глухіе и нѣмые. Такой предразсудокъ тѣмъ понятнѣе, что въ ихъ глазахъ онъ поддерживается теоріей. Согласно новой идеологіи, каждый умъ можетъ усвоить себѣ истину. Если же онъ не можетъ охватить ее, то это наша вина—значитъ мы плохо его подготовили. Но онъ все-таки усвоитъ ее, если мы потрудимся привести его къ этому; вѣдь онъ обладаетъ такими же чувствами, какъ и мы, нашихъ же ощущеній и воспоминаній о нихъ, комбинированныхъ и отмѣченныхъ разными знаками, вполне достаточно для образованія „не только всѣхъ нашихъ идей, но и всѣхъ нашихъ способностей“. Самая точная и непрерывная связь существуетъ между нашими самыми простыми воспріятіями и нашими самыми сложными науками и отъ низшихъ ступеней до самыхъ высшихъ всегда можно установить лѣстницу. Если ученикъ оста-

навливается на полдорогѣ, то это означаетъ, что мы оставили слишкомъ большое разстояніе между двумя ступенями; но если мы не будемъ пропускать никакихъ промежуточныхъ переходовъ, то онъ поднимется по этой лѣстницѣ до самой вершины.—Къ этому высокому понятію о способностяхъ человѣка присоединяется еще и не менѣе возвышенное понятіе о его сердцѣ. Руссо заявилъ, что человѣкъ добрѣ и все свѣтское общество ухватилось за это вѣрованіе со всѣми преувеличеніями, свойственными модѣ и сантиментальностью, свойственною салонамъ. Всѣ держались того убѣжденія, что человѣкъ, въ особенности же человѣкъ изъ народа, отъ природы чувствителенъ и способенъ питать привязанность и поэтому, онъ не только бываетъ тронутъ всякимъ благодѣяніемъ и склоненъ къ признательности, но даже малѣйшій знакъ вниманія вызываетъ въ немъ чувство благодарности и онъ способенъ выражать ее самымъ утонченнымъ образомъ. Тогдашніе эстампы изображаютъ, напр., полуразрушенную избушку и въ ней двоихъ дѣтей, одного пяти, другого трехъ лѣтъ, вмѣстѣ съ ихъ старою больною бабушкой. Одинъ поддерживаетъ ей голову, другой даетъ ей пить. Отецъ и мать входятъ и видятъ это трогательное зрѣлище и „эти добрые люди чувствуютъ себя такими счастливыми, что имѣютъ такихъ дѣтей, что даже забываютъ о своей бѣдности“.—„О мой отецъ, восклицаетъ молодой Пиринейскій пастухъ, примите эту вѣрную собаку, которая служила мнѣ въ теченіе семи лѣтъ. Пусть она въ будущемъ васъ сопровождаетъ и защищаетъ—это будетъ самая полезная служба, какую только она въ состояніи сослужить мнѣ“.—Было бы слишкомъ долго приводить здѣсь безконечныя повторенія всѣхъ этихъ приторностей и сладостей, которыхъ такъ много въ литературѣ конца XVIII вѣка. Эта иллюзія охватываетъ даже государственныхъ людей. — „Сэръ, — говоритъ Тюрго, представляя королю планъ политическаго воспитанія, — смѣю васъ увѣрить, что черезъ десять лѣтъ ваша нація будетъ неузнаваема и что по своимъ познаніямъ, чистотѣ своихъ нравовъ и по своему просвѣщенному усердію въ дѣлѣ служенія вамъ и отечеству, она будетъ стоять выше всѣхъ другихъ націй. Дѣти,

находящіяся теперь въ десятилѣтнемъ возрастѣ, сдѣлаются тогда взрослыми людьми, подготовленными для служенія государству, привязанными къ своей странѣ и покорными властямъ, не изъ страха, а вслѣдствіе разсужденія, заботящимися о своихъ согражданахъ и привыкшими признавать и уважать справедливость“.

Въ январѣ 1789 года, Неккеръ, которому Булье указывалъ на неминуемую опасности и посягательства со стороны третьяго сословія, „холодно отвѣчалъ, возводя глаза къ небу, что нужно все же рассчитывать на нравственные добродѣтели людей“. Въ сущности, когда всѣ эти люди хотѣли представить себѣ основы человѣческаго общества, то они смутно воображали себѣ сцену полу-буколическаго, полу-театральнаго характера, похожую на ту, которая изображается на заголовкахъ иллюстрированныхъ сочиненій о нравственности и политикѣ. Полунагіе люди или же одѣтые въ звѣринныя шкуры собрались подъ сѣнью огромнаго дуба. Среди нихъ находится почтенный старецъ; онъ поднимается и обращается къ нимъ съ рѣчью. Онъ говоритъ съ ними „языкомъ природы и разума“ и предлагаетъ имъ соединиться, объясняя имъ къ чему ихъ обязываетъ такое взаимное соглашеніе. Онъ указываетъ имъ какъ тѣсно соприкасаются общественные интересы съ частными и кончаетъ тѣмъ, что заставляетъ ихъ почувствовать всю красоту добродѣтели. Всѣ тотчасъ же испускаютъ крики радости, обнимаютъ другъ друга и, окруживъ его, выбираютъ его своимъ судьей. Вездѣ танцуютъ подъ сѣнью вязовъ и съ этого момента счастье прочно утверждается на землѣ.—Я не преувеличиваю. Обращенія національнаго собранія къ націи были рѣчами, составленными именно въ такомъ стилѣ. Въ теченіе многихъ лѣтъ, правительство постоянно обращалось къ народу, точно къ какомунибудь Геснеровскому пастушку. Крестьянъ просили не жечь замковъ, такъ какъ это огорчаетъ ихъ добраго короля. Ихъ приглашали „удивлять короля своими добродѣтелями, чтобы онъ самъ могъ получить поскорѣе награду за свои собственные добродѣтели“. Въ самый разгаръ Жакеріи, мудрецы того времени все-таки воображали, что они живутъ среди пол-

нѣйшей эклоги, и что имъ удастся игрою на свирѣли снова загнать въ овчарню завывающую стаю животныхъ яростей и разнузданныхъ аппетитовъ.

III.

Очень печально, заснувъ наканунѣ въ овчарнѣ, увидѣть при своемъ пробужденіи, что овцы превратились въ волковъ! А между тѣмъ, во время революціи, именно къ этому надо быть готовымъ. То, что мы называемъ у человѣка разумомъ вовсе не представляетъ врожденнаго, первичнаго и прочнаго дара природы: это только позднѣйшее приобрѣтеніе и притомъ весьма хрупкаго свойства. Достаточно имѣть весьма небольшія познанія по физиологіи, чтобы убѣдиться въ томъ, что это—состояніе неустойчиваго равновѣсія, зависящее отъ не менѣе неустойчиваго состоянія мозга, нервовъ, крови и желудка. Соберите-ка вмѣстѣ нѣсколько тысячъ голодныхъ женщинъ и выпившихъ мужчинъ, и предоставьте имъ разгорячиться подъ вліяніемъ собственныхъ криковъ, ожиданія и заразительности все возрастающаго душевнаго волненія, и черезъ нѣсколько часовъ передъ вами будетъ толпа опасныхъ безумцевъ. Это подтвердилось, начиная съ 1789 года и даже больше, чѣмъ нужно.—Теперь обратимся къ психологіи, самая простая умственная операція—чувственное воспріятіе, воспоминаніе, обозначеніе вещи ея именемъ и самое обыкновенное сужденіе, все это является результатомъ дѣятельности весьма сложнаго механизма, послѣдствіемъ общей и окончательной работы нѣсколькихъ милліоновъ колесъ, которыя, подобно часовому механизму, тянутъ и толкаютъ впередъ, совершенно слѣпо, при этомъ каждое само за себя и увлекаемое собственной силой, но каждое удерживается на своемъ мѣстѣ посредствомъ уравновѣживаній и противовѣсовъ. Если же часовая стрѣлка указываетъ время болѣе или менѣе вѣрно, то это лишь дѣло случая, еще болѣе изумительнаго, чтобы не сказать чудеснаго. Галлюцинаціи, бредъ, монomanіи, всегда стоятъ у нашихъ дверей, всегда готовы ворваться въ нашу душу. Собственно говоря, человѣкъ отъ природы безуменъ, также какъ и его тѣло, одержимое болѣзнями отъ природы. Здоровье нашего ума, также какъ и здоровье нашихъ

органовъ представляетъ, хотя и частую, но все-жъ таки счастливую случайность, не болѣе. Если таковы шансы для грубой ткани и канвы и для грубыхъ болѣе или менѣе крѣпкихъ нитей нашего ума, то каковы же должны быть случайности, которыя угрожаютъ цѣлости позднѣйшей и поверхностной вышивкѣ по этой канвѣ, тонкой и сложной сѣти, которая собственно и составляетъ разумъ и сама состоитъ изъ общихъ идей? Образованная при помощи медленнаго и тонкаго плетенія и при посредствѣ продолжительнаго примѣненія знаковъ, среди всяческихъ безпокойствъ, доставляемыхъ гордостью, энтузіазмомъ и догматическимъ упрямствомъ, эта тонкая сѣть идей имѣетъ много шансовъ на то, что даже и въ лучшей головѣ она будетъ плохо соответствовать дѣйствительнымъ вещамъ. Достаточно взглянуть на ту идиллію, которую создаютъ себѣ умы нашихъ философовъ и политиковъ, чтобы судить объ этомъ. Если таковы высшіе умы, то что же можно сказать о толпѣ, о народѣ, о грубыхъ и полукультурныхъ умахъ? Насколько хромаетъ разумъ въ человѣкѣ, настолько же онъ рѣдокъ въ человѣчествѣ. Общія идеи и послѣдовательность въ разсужденіяхъ встрѣчаются только у небольшого количества избранныхъ людей. Чтобы приобрѣсти способность понимать абстрактныя выраженія и привычку къ послѣдовательнымъ выводамъ, необходима предварительная специальная подготовка, продолжительное упражненіе, давнишняя практика и, кромѣ того, если дѣло касается политика, необходимо хладнокровіе, предоставляющее дѣйствовать разсужденію и дающее возможность человѣку на время отрѣшиться отъ самого себя, чтобы взглянуть на свои интересы глазами безпристрастнаго наблюдателя. Если же недостаетъ хотя бы только одного изъ этихъ условій, то нѣтъ и разума, въ особенности же политической разумъ тогда отсутствуетъ. У крестьянина же, у поселанина и человѣка, съ дѣтства занятаго ручнымъ трудомъ, не только не хватаетъ сѣти высшихъ представленій, но у него еще не образовались тѣ внутренніе инструменты, при помощи которыхъ можетъ быть сплетена эта сѣть. Если такой человѣкъ, привыкшій къ свѣжему воздуху, къ

постоянному упражненію своихъ членовъ, вынуждается къ неподвижности, то уже, спустя четверть часа, его вниманіе ослабѣваетъ. Общія фразы достигаютъ его какъ отдаленный шумъ и тѣ умственные комбинаціи, которыя онѣ должны были бы вызвать, уже не могутъ образоваться. Онѣ начинаютъ дремать, если только звучный и выразительный голосъ не разбудитъ въ немъ, посредствомъ своей заразительной силы, инстинктовъ плоти и крови, личной алчности и глухого негодованія, сдерживаемыхъ до сихъ поръ внѣшнею дисциплиной, но готовыхъ всегда сбросить съ себя узду.

У полуобразованныхъ людей, даже у человѣка, считающаго себя культурнымъ и читающаго газеты, принципы почти всегда являются несоотвѣтствующими гостями; они превосходятъ его пониманіе и напрасно онѣ будутъ повторять догматы — онѣ не можетъ понять ихъ значенія и измѣрить ихъ силу, не можетъ сообразить ихъ предѣлы, забываетъ объ ихъ ограниченіяхъ и искажаетъ ихъ приложеніе. Все это сложные лабораторные составы, которые безвредны въ кабинетѣ и подъ рукою химика, но становятся страшными на улицѣ и подъ ногами у прохожихъ. Это сдѣлается слишкомъ хорошо извѣстно въ тотъ моментъ, когда со всѣхъ сторонъ начнутъ раздаваться взрывы, распространяясь по всей территоріи и когда, во имя верховныхъ правъ народа, каждая община, каждое сборище, будутъ считать себя націей и дѣйствовать какъ таковая и когда разумъ, въ рукахъ своихъ новыхъ истолкователей, учредить постоянный бунтъ на городскихъ улицахъ и непрерывающуюся жакерію въ городахъ.

Это произошло потому, что философы восемнадцатаго вѣка сдѣлали двоякую ошибку по отношенію къ разуму. Разумъ не только нельзя считать отъ природы присущимъ человѣку и всеобщимъ въ человѣчествѣ, но, кромѣ того, его вліяніе на поведеніе человѣка и человѣчества вообще очень мало. За исключеніемъ нѣсколькихъ холодныхъ и ясныхъ умовъ, гдѣ разумъ можетъ царствовать, потому что не встрѣчаетъ соперниковъ, онѣ далеко не играетъ первой роли. Эта роль принадлежитъ другимъ силамъ, рожденнымъ вмѣстѣ съ нами, кото-

рыя, по праву первоприбывшихъ, остаются господами жилища. Мѣсто, отведенное разуму, такимъ образомъ, всегда бываетъ не велико и должность, которая достается ему, часто бываетъ второстепенной. Открыто или тайно, но разумъ тутъ представляетъ лишь удобнаго подчиненнаго, домашняго адвоката, постоянно подкупаемаго, которому собственники жилища поручаютъ ходатайство по своимъ дѣламъ. Если въ публикѣ они и уступаютъ ему первое мѣсто, то это дѣлается лишь ради приличія. Они могутъ даже объявлять его законнымъ властителемъ, — это не мѣшаетъ имъ предоставлять ему лишь временную власть надъ собою и номинальное управленіе, въ сущности же они все-таки остаются господами дома.

Эти властители человѣка — это его физическій темпераментъ, его тѣлесныя нужды, животный инстинктъ, наследственный предразсудокъ, воображеніе и господствующая страсть вообще, а въ частности — личный интересъ или интересъ семьи, касты, партіи. Мы очень ошибемся, если вообразимъ, что эти властители человѣка отъ природы добры, великодушны, симпатичны или, по крайней мѣрѣ, кротки, податливы и готовы подчинить себя социальнымъ интересамъ или интересу ближняго. Очень многіе изъ нихъ, и притомъ самые сильные еслибъ были предоставлены себѣ, то надѣлали бы не мало опустошеній?! — Во первыхъ, если и нельзя быть увѣреннымъ, что человѣкъ приходится сродни обезьянѣ, то все же, можно сказать навѣрное, что по своему строенію онѣ близко къ ней подходит; онѣ обладаетъ клыками и, будучи отъ природы плотояднымъ и хищнымъ животнымъ, онѣ раньше сдѣлался каннибаломъ и лишь потомъ сдѣлался охотникомъ и воиномъ. Отъ этого въ немъ и сохраняется постоянный запасъ звѣрства, свирѣпости, разрушительныхъ инстинктовъ и склонности къ насилію, къ которымъ присоединяется еще, если онѣ — французъ, веселость, смѣхъ, и особенно странная потребность прыгать и повѣсничать среди всѣхъ производимыхъ имъ опустошеній. Мы скоро увидимъ это животное на дѣлѣ. Во вторыхъ — съ самаго начала человѣкъ былъ брошенъ, голый и беззащитный на скудную землю, гдѣ существовать

трудно и, подъ страхомъ смерти, онъ долженъ былъ дѣлать запасы и сбереженія. Этимъ объясняется его постоянная забота и постоянная мысль о приобретѣнн, о накопленн, объ обладанн и алчность и скупость, въ особенности характеризующія тотъ классъ, который, будучи прикрѣпленъ къ землѣ, постится въ теченіе шестидесяти поколѣній, для того чтобы прокармливать другіе классы, и крючкватыя руки котораго постоянно протягиваются къ этой землѣ, гдѣ при помощи этихъ рукъ онъ заставляеть произростать всякіе плоды. Мы скоро увидимъ этотъ классъ на дѣлѣ.—Накопецъ и то надо принять во вниманіе, что болѣе тонкая душевная организація человѣка сдѣлала изъ него, съ первыхъ же дней, существо, обладающее пылкимъ воображеніемъ, въ мозгу котораго толпятся грезы и сами собою развиваются въ чудовищныя химеры, чтобы увеличить до предѣловъ возможности его страхи, его надежды и его желанія. Отъ этого у него и развивается избытокъ чувствительности, возникаютъ внезапныя приливы волненія, образуются заразительныя увлеченія неудержимыя порывы страстей, эпидеміи легковѣрія и подозрительности, словомъ, происходитъ быстрая смѣна энтузіазма и паники. Если это французъ, т. е. легко возбудимое и сообщительное существо, то онъ безъ труда выбрасывается изъ своей тарелки и быстро поддается постороннимъ импульсамъ, такъ какъ не обладаетъ естественнымъ баластомъ, которымъ служить у его сосѣдей, германскихъ и латинскихъ народовъ, флегматическій темпераментъ и способность сосредоточенія. Все это мы скоро увидимъ на дѣлѣ.

Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ грубыхъ силъ, которыя управляютъ человѣческою жизнью. Въ обыкновенное время мы ихъ не замѣчаемъ, и такъ какъ онѣ сдерживаются, то и не кажутся намъ опасными. Мы предполагаемъ, что онѣ усмирены, подавлены. Мы хотимъ вѣрить, что дисциплина которую мы имъ навязали, сдѣлалась для нихъ естественной уздой и что, протекая между плотинами, онѣ наконецъ усвоиваютъ себѣ привычку не выходить изъ своего русла. Истина заключается въ томъ, что какъ всѣ грубыя силы, какъ рѣка или потокъ, онѣ сдерживаются только

принужденіемъ. Это плотина своимъ сопротивленіемъ понуждаетъ ихъ къ умѣренности. Чтобы противодействовать ихъ опустошеніямъ и ихъ разливамъ пришлось установить противъ нихъ силу, равную ихъ собственной, соразмѣренную со степенью ихъ натиска и тѣмъ болѣе непреклонную, чѣмъ сильнѣе ей угрожаютъ. Эта сила выставляетъ, въ случаѣ нужды, свой деспотизмъ противъ ихъ деспотизма и во всякомъ случаѣ обуздываетъ и дѣйствуетъ принудительнымъ образомъ. Въ началѣ эта сила воплощалась въ предводителя шайки, затѣмъ въ главнокомандующаго арміи, но во всѣхъ случаяхъ, онъ былъ выбранный или наслѣдственный жандармъ, съ бдительнымъ взоромъ и грубыми руками, которой умѣлъ внушить страхъ своею расправой и посредствомъ этого страха поддерживалъ порядокъ. Чтобы направлять и ограничивать его удары пускаются въ ходъ различные механизмы; предварительная конституція, раздѣленіе властей, уставы, трибуналы и законныя формы. Однако среди всей этой системы колесъ всегда можно увидѣть конечную пружину и единственное дѣйствительное орудіе, т. е. жандарма, вооруженнаго противъ разбойника, дикаря и сумасшедшаго, скрывающагося въ каждомъ изъ насъ, въ нѣдрахъ нашего сердца, дремлющаго или скованнаго цѣпями, но все же живого.

Въ новой теоріи, наоборотъ, именно противъ этого-то жандарма и провозглашаются всѣ принципы, принимаются всѣ предосторожности и возбуждается недовѣріе. Во имя верховныхъ правъ народа у правительства отнимается всякая власть, всякія прерогативы, всякая инициатива, прочность и сила. Народъ—это верховный владыка, а правительство не болѣе какъ его приказчикъ, даже менѣе того—его слуга. Между ними не можетъ существовать „никакого договора“, на неопредѣленное или даже болѣе или менѣе продолжительное время, который — „можетъ быть нарушенъ только со взаимнаго согласія сторонъ или вслѣдствіе невѣрности одной изъ нихъ“.—Это и противно самой природѣ политическаго организма, чтобы монархъ налагалъ на себя такой законъ, который онъ не могъ бы никогда нарушить.—Нѣтъ такой священной и

ненарушимой хартии, „которая приковывала бы народъ къ разъ установленнымъ формамъ государственнаго устройства“. — „Право измѣнять эти формы является первѣйшею гарантіею всѣхъ другихъ правъ“. — „Нѣтъ и не можетъ быть никакого основнаго обязательнаго закона для всего народа, даже общественный договоръ не можетъ быть таковымъ“.

Только путемъ узурпаціи и обмана какой нибудь принцъ, народное собраніе или магистратъ выдаютъ себя за представителей народа. „Верховныя права народа не могутъ быть представлены никѣмъ, уже по той простой причинѣ, что они не могутъ быть отчуждаемы... Съ того момента какъ народъ назначаетъ для себя представителей, онъ уже перестаетъ быть свободнымъ, онъ уже болѣе не свободенъ... Англійскій народъ воображаетъ себя свободнымъ, но онъ очень ошибается; онъ свободенъ только во время выборовъ членовъ парламента, но какъ только они избраны, то онъ превращается въ раба, онъ—ничто!... Народные депутаты — вовсе не его представители и не могутъ ими быть; они только его комиссары и поэтому ничего не могутъ рѣшать окончательнымъ образомъ. Никакой законъ, если онъ не утвержденъ самимъ народомъ, не имѣетъ значенія—это не законъ. — „Недостаточно, говоритъ Руссо, чтобы народъ, собравшись, установилъ однажды государственное устройство и далъ свою санкцію извѣстнымъ законамъ. Необходимо, чтобы происходили постоянныя, періодическія народныя собранія, которыя ничто не могло бы ни отмѣнить, ни отерочить, и чтобы въ опредѣленный день народъ считалъ себя законно призваннымъ на собраніе, безъ какого бы то ни было другого формальнаго созыва.... Какъ только народъ соберется такимъ образомъ, то всякая правительственная юрисдикція тотчасъ же прекращается и исполнительная власть временно отмѣняется, „общество какъ бы начинается сызнова и граждане вернувшіеся къ своей первоначальной независимости, передѣлываютъ по своему желанію и на извѣстный срокъ прежній временный договоръ, который былъ также заключенъ ими на извѣстный періодъ времени. „Открытие этихъ собраній, единственная цѣль которыхъ — поддержаніе обществен-

наго договора, должно всегда начинаться внесеніемъ двухъ предложеній, которыя нельзя отмѣнять и которыя должны быть поставлены на голоса порознь: первое—*желаетъ ли народъ сохранить существующую форму правленія?* второе—*желаетъ ли народъ оставить администрацію въ рукахъ тѣхъ лицъ, которыя завѣдуютъ ею въ настоящее время?* Такимъ образомъ, тотъ „актъ, посредствомъ котораго народъ подчиняетъ себя начальникамъ, представляетъ ничто иное, какъ возложеніе на этихъ лицъ извѣстнаго порученія, должности, занимая которую, эти лица являются какъ бы довѣренными верховнаго властителя—народа и отъ его имени пользуются властью, которую онъ возложилъ на нихъ, но которую онъ можетъ, во всякое время, ограничить или совсѣмъ отнять у нихъ, если ему вздумается. Онъ не только всегда сохраняетъ, и только для себя одного, законодательную власть, которая принадлежитъ ему и не можетъ принадлежать никому другому, но, кромѣ того, онъ всегда удерживаетъ за собою право по своему желанію возлагать на кого нибудь или отнимать исполнительную власть. Тѣ лица, которымъ онъ даетъ эту власть—его служащіе не больше; „онъ можетъ назначать и смѣщать ихъ по своему усмотрѣнію“. По отношенію къ нему у нихъ нѣтъ никакихъ правъ. „Тутъ не можетъ быть вопроса о договорѣ, а только о повиновеніи; они не могутъ ставить ему никакихъ „условія“ и не вправе требовать отъ него какихъ либо обязательствъ. — Не говорите, однако, что на такихъ условіяхъ ни одинъ, сколько нибудь гордый и хорошо образованный человекъ, не захочетъ занять ни одной изъ должностей и поэтому, наши начальники должны всегда обладать лакейскимъ характеромъ. Но вѣдь имъ не представляется свободы принимать должность или отказываться отъ нея; она возлагается на нихъ народною властью. „Во всякой истинной демократіи магистратура не представляетъ никакихъ выгодъ; наоборотъ,—это тяжелая повинность и поэтому ее нельзя возлагать на одно частное лицо предпочтительнѣе передъ другимъ“. Мы налагаемъ руку на нашихъ чиновниковъ; мы хватаемъ ихъ за воротъ и насильственно усаживаемъ ихъ на мѣста. Добровольно или нѣтъ, но

они все-таки являются крѣпостными государства, находящимися въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ нежели какой нибудь лакей или рабочій, такъ какъ рабочій трудится на условіяхъ, установленныхъ путемъ взаимнаго соглашенія, а прогнанный съ мѣста лакей можетъ требовать уплаты своего недѣльнаго жалованья. Какъ только правительство выходитъ за предѣлы своей смиренной роли, то оно становится узурпаторомъ и конституціи могутъ провозгласить, что въ этомъ случаѣ возстаніе является не только самымъ священнымъ правомъ, но и первѣйшею обязанностью. Когда же на этихъ основаніяхъ теорія начала примѣняться къ практикѣ, то ученіе о самодержавіи народа, истолкованное толпой, произвело полнѣйшую анархію, продолжавшуюся до того момента, когда въ истолкованіи вождей, это же ученіе породило совершеннѣйшій деспотизмъ.

IV.

Это произошло оттого, что теорія имѣетъ двѣ стороны; и если, въ одномъ отношеніи, она ведетъ къ постоянному разрушенію правительства, то въ другомъ,—она приводитъ къ безграничной диктатурѣ государства. Новый договоръ вовсе не носитъ характера историческаго договора, вродѣ англійской деклараціи правъ 1688 года или же голландской федераціи 1579 года, заключенныхъ между реальными, живыми людьми, признававшими, какъ пріобрѣтенныя положенія, такъ и образовавшіяся группы и установившіяся учрежденія. Такіе договоры были составлены именно для того, чтобы подтвердить, опредѣлить точнѣе, гарантировать и дополнить раньше существовавшія права; въ противоположность общественному договору, который не признаетъ, чтобы ранѣе могло существовать какое нибудь истинное право, такъ какъ истинное право устанавливается только общественнымъ договоромъ, единственнымъ имѣющимъ значеніе, потому что только этотъ договоръ заключается совершенно равными и совершенно свободными существами, абстрактными и представляющими нѣчто, вродѣ математическихъ единицъ, равной цѣнности и играющихъ совершенно одинаковую роль, такъ что никакое неравенство, никакое принужденіе не

можетъ повліять на соглашеніе. Вотъ почему въ тотъ моментъ, когда заключается этотъ договоръ, всѣ другія соглашенія теряютъ силу. Собственность, семья, церковь — ни одно изъ древнихъ учрежденій не можетъ выдвигать своихъ правъ противъ новаго государства. Мѣсто, гдѣ сооружается новое зданіе, считается какъ бы совершенно пустымъ. Если же мы и оставляемъ часть прежнихъ сооружений, то дѣлаемъ это во имя новаго государства и ради его выгоды, съ цѣлью заключить ихъ въ его ограду и приспособить ихъ къ его потребностямъ, такъ какъ вся человѣческая почва принадлежитъ ему.

Съ другой стороны, такое государство не представляетъ,—согласно американской доктринѣ,—общества взаимнаго страхованія, похожаго на всѣ другія подобныя же общества, ограниченнаго, какъ въ отношеніи своихъ цѣлей, такъ и въ отношеніи своихъ обязанностей и власти и служащаго для людей, входящихъ въ его составъ и сохраняющихъ большую и лучшую часть своей личности и своего имущества, средствомъ въ складчину содержать армію, суды, дороги, школы, словомъ всѣ главнѣйшія учрежденія общественной безопасности и пользы, предоставляя въ тоже время отдѣльныя мѣстныя и общія службы, духовныя и матеріальныя, частной инициативѣ и произвольнымъ ассоціямъ, которыя могутъ возникать по мѣрѣ надобности и сообразно потребностямъ. Наше государство вовсе не такая простая, утилитарная машина, удобное орудіе для рукъ, которымъ рабочій пользуется, не отказываясь, однако, ни отъ простаго независимаго употребленія своей руки, тоже какъ орудія, ни отъ одновременнаго употребленія другихъ орудій; какъ перворожденный, единственный сынъ и единственный представитель разума, — такое государство, чтобы утвердить господство разума, должно все подчинить его вліянію. Въ этомъ отношеніи старый режимъ самъ приводитъ къ новому и установившаяся практика заранѣе склоняетъ умы къ новой, нарождающейся теоріи. Уже съ давнихъ поръ административная централизація привела къ тому, что государство вмѣшивается во все. — „Знайте, говоритъ Лоу маркизу д'Аржансонъ, что это фран-

пузское королевство управляется тридцатью интендантами. У васъ нѣтъ ни парламентовъ, ни штатовъ, ни губернаторовъ; у васъ имѣются только тридцать чиновниковъ, распределенныхъ по провинціямъ, отъ которыхъ зависитъ счастье или несчастье этихъ провинцій, ихъ благосостояніе или ихъ оскудѣніе“. Въ самомъ дѣлѣ, король, этотъ верховный повелитель, отецъ и всеобщій опекунъ, управляетъ посредствомъ своихъ делегатовъ мѣстными дѣлами и вмѣшивается своими „lettres de cachet“ или своими милостями даже въ частныя дѣла. Именно въ этомъ-то направленіи и подъ вліяніемъ такого примѣра постоянно возбуждается воображеніе людей уже въ теченіе полвѣка. Ничего не можетъ быть удобнѣе подобнаго орудія для произведенія реформъ сразу и въ крупныхъ размѣрахъ. Вотъ почему экономисты не только не стремились ограничить центральную власть, но наоборотъ, старались ее расширить и вмѣсто того, чтобы противопоставлять ей новыя плотины, они подумывали объ уничтоженіи тѣхъ остатковъ старыхъ плотинъ, которыя все-таки ее стѣсняли. „Въ дѣлѣ правительства, говоритъ Кэне и его послѣдователи, система контрфорсовъ представляетъ пагубную идею... Тѣ разсужденія, на основаніи которыхъ выдумали систему противовѣсовъ, просто химеричны... Пусть только государство хорошенько пойметъ свои обязанности и тогда пусть предоставитъ ему свободу... Необходимо, чтобы государство управляло согласно правиламъ общественнаго порядка и когда дѣло обстоитъ такимъ образомъ, то необходимо, чтобы государство было всемогущимъ“. — Съ приближеніемъ революціи это ученіе снова выдвигается на сцену и только одно имя замѣняется другимъ. Верховную власть короля общественный договоръ замѣняетъ верховною властью народа, но вторая еще болѣе абсолютна, нежели первая и въ демократическомъ монастырѣ, который Руссо строитъ по образцу Рима или Спарты, государство составляетъ все, а личность — ничто.

Дѣйствительно, „всѣ параграфы общественнаго договора сводятся къ одному, а именно, — къ полному поглощенію общиной каждаго отдѣльнаго члена ассоціаціи со всѣми его права-

ми“. Каждый отдается общинѣ, весь цѣликомъ, „въ тѣхъ условіяхъ дѣйствительности какія существуютъ въ этотъ моментъ, со всѣми своими силами, причемъ имущество его составляетъ часть этихъ силъ“. — Никакихъ исключеній, никакихъ оговорокъ тутъ не допускается, ничто изъ того, чѣмъ онъ былъ раньше и чѣмъ онъ владѣлъ, не принадлежитъ ему больше. Все, чѣмъ онъ будетъ впредь и что составитъ его собственность, можетъ быть пожаловано ему только обществомъ, которое одно только является собственникомъ всего и абсолютнымъ властителемъ. Необходимо, чтобы государство имѣло всѣ права, а частныя лица не имѣли бы никакихъ, иначе между ними и государствомъ будутъ происходить тяжбы и такъ какъ нѣтъ „никакой высшей власти, которая могла бы постановить свое рѣшеніе“, то такія тяжбы будутъ тянуться безъ конца. Наоборотъ, если каждый членъ отдаетъ себя совсѣмъ обществу, то „союзъ становится настолько совершеннымъ, насколько это возможно, такъ какъ, отказываясь отъ всего и даже отъ себя самого, „членъ общества уже не можетъ предъявлять болѣе никакихъ требованій“.

Установивъ это, посмотримъ на вытекающія отсюда послѣдствія. Прежде всего я перестаю быть собственникомъ своего имущества и владѣю имъ уже только изъ снисхожденія и, такъ сказать, изъ вторыхъ рукъ — я самъ отказался отъ него посредствомъ общественнаго договора, и „оно составляетъ теперь уже часть общественнаго имущества“; если же, въ данный моментъ, я и сохраняю пользованіе имъ, то лишь въ силу уступки государству, которое сдѣлало меня его „храпителемъ“. Но не говорите, что эта милость является лишь возвращеніемъ отнятого. „Общество вовсе не обираетъ частныхъ лицъ, принимая ихъ имущество, а только превращаетъ прежнюю узурпацію въ истинное право и прежнее пользованіе въ настоящую собственность“. До заключенія общественнаго договора я былъ владѣльцемъ своей собственности не по праву, а фактически и было бы даже несправедливо, если бы моя часть была велика, ибо „каждый человѣкъ имѣетъ естественнымъ образомъ право на все, что ему необходимо“, и я обкрадывалъ такимъ путемъ другихъ людей,

какъ разъ на всю ту часть моего имущества, которая превышала безусловно необходимое для моего существованія. Вотъ почему государство не только мнѣ ничѣмъ не обязано, но, наоборотъ, я его должникъ, такъ какъ оно вовсе не возвращаетъ мнѣ моего прежняго имущества, а отдаетъ мнѣ часть своего собственнаго. Изъ этого слѣдуетъ, что, дѣлая мнѣ подарокъ, оно можетъ обставлять извѣстными условіями употребленіе этого подарка и ограничить и подчинить извѣстнымъ правиламъ мое право отдавать другимъ или завѣщать этотъ даръ. „Согласно природѣ вещей, право собственности не простирается за предѣлы жизни собственника; съ момента смерти человѣка его имущество не принадлежитъ болѣе ему. Итакъ, предписываніе ему условій, на которыхъ онъ можетъ располагать своимъ имуществомъ, это въ сущности не столько уменьшаетъ его права по внѣшнему виду, сколько въ дѣйствительности расширяетъ ихъ. „Но во всякомъ случаѣ, такъ какъ мое право является слѣдствіемъ общественнаго договора, то оно также временно и непрочно, какъ и этотъ договоръ; достаточно новаго постановленія, чтобы ограничить или уничтожить его. „Верховный властитель можетъ на законномъ основаніи завладѣть имуществомъ всѣхъ, какъ это и было въ Спартѣ во времена Ликурга. „Въ нашемъ же свѣтскомъ монастырѣ все, чѣмъ владѣетъ монахъ, составляетъ только даръ монастыря, который можетъ быть отнятъ во всякое время.

Затѣмъ монастырь этотъ является въ тоже время и семинаріей. Я не имѣю права воспитывать дѣтей у себя дома и такъ, какъ мнѣ это кажется лучше. „Если не считается возможнымъ предоставить разуму каждаго отдѣльнаго человѣка быть единственнымъ судьбою его обязанностей, то тѣмъ менѣе возможно предоставить уму и предразсудкамъ отцовъ воспитаніе дѣтей, которое имѣетъ для государства еще большее значеніе, нежели для отцовъ“. — „Если же общественная власть, заступая мѣсто отцовъ и принимая на себя выполненіе ихъ важной функціи, пріобрѣтаетъ и ихъ права, исполняя ихъ обязанности, то они тѣмъ менѣе могутъ жаловаться, такъ какъ въ этомъ отношеніи

они, въ сущности, перемѣняютъ только названіе и сообщая, подъ именемъ гражданъ, будутъ пользоваться такою же точно властью надъ своими дѣтьми, какую они пользовались раньше подъ именемъ *отцовъ*. „Другими словами, вы перестаете быть отцомъ, но, взамѣнъ, вы становитесь инспекторомъ школь; одно вѣдь стоитъ другого, такъ на что же вы жалуетесь? Такъ именно происходило въ той постоянной арміи, которая именовалась Спартой. Тамъ всѣ дѣти были настоящими дѣтьми войска и повиновались одинаково всѣмъ взрослымъ людямъ. „Такимъ образомъ, общественное воспитаніе, обусловленное правилами, предписанными правительствомъ и находящееся подъ надзоромъ лицъ, назначенныхъ верховною властью, является однимъ изъ основныхъ принциповъ народнаго или законнаго правительства“. — Только путемъ такого воспитанія можно заранѣе образовать гражданина. „Только оно можетъ дать душамъ національную форму. Народы, въ концѣ концовъ, становятся тѣмъ, чѣмъ желаетъ ихъ сдѣлать государство: воинами, гражданами, людьми, — если оно пожелаетъ этого, — чернью и сволочью, если оно этого захочетъ“ и именно путемъ воспитанія оно и придаетъ ему ту или иную форму. „Желаете ли вы получить нѣкоторое понятіе объ общественномъ воспитаніи? Почитайте республику Платона... Хорошія общественныя учрежденія это тѣ, которыя умѣютъ лучше всего передѣлывать человѣка, отнимать у него его абсолютное существованіе и взамѣнъ давать ему относительное, превращая его я въ коллективную единицу, такъ что отдѣльная личность уже перестаетъ себя считать единицей, а становится только частицею коллективной единицы и проявляетъ чувствительность только какъ таковая. Ребенокъ, впервые открывая свои глаза, долженъ уже видѣть передъ собою отечество и до самой смерти видѣть только его!.. Надо пріучать его уже съ малыхъ лѣтъ не иначе разсматривать свою личность, какъ въ ея отношеніяхъ къ государству“. Таковы были правила въ Спартѣ и такова была единственная цѣль, которую преслѣдовалъ „Великій Ликургъ“. — „Всѣ, будучи равными на основаніи конституціи, должны и воспитываться вмѣстѣ и одинаковымъ образомъ“. —

„Законъ“ устанавливаетъ, какъ самый предметъ занятій, такъ и ихъ порядокъ и форму“. Само собою разумѣется, что всѣ должны принимать участіе въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ лошадиныхъ скачкахъ, въ играхъ, развивающихъ силу и ловкость и „установленныхъ съ тою цѣлью, чтобы приучить къ соблюденію правилъ, къ равенству, братству, къ конкуренціи“ и научить въ то же время, „жить на глазахъ у всѣхъ согражданъ и желать общественнаго одобренія“. Посредствомъ этихъ-то игръ они становятся демократами уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ, такъ какъ награды присуждаются имъ не по произволу ихъ наставниковъ, а вслѣдствіе единодушнаго одобренія зрителей. Такимъ образомъ, они приучаются признавать ту верховную законную власть, которую представляетъ рѣшеніе собравшагося народа. Главнѣйшимъ интересомъ государства всегда будетъ образованіе тѣхъ волей, посредствомъ которыхъ оно держится, подготовленіе голосованій, которыя будутъ его поддерживать, искорененіе чувствъ и страстей, могущихъ ему повредить и, наоборотъ, насажденіе такихъ, которыя могутъ ему благоприятствовать, а также тѣхъ чувствъ и предразсудковъ, въ которыхъ ему можетъ встрѣтиться надобность. Если государство не будетъ держать въ своихъ рукахъ дѣтей, то и взрослые не будутъ ему принадлежать. Въ монастырѣ надо воспитывать въ извѣстномъ направленіи молодыхъ послушниковъ, чтобы изъ нихъ вышли монахи, иначе, когда они выростутъ, то монастырь перестанетъ существовать.

Кромѣ того, нашъ свѣтскій монастырь тоже имѣетъ свою религію — свѣтскую религію. Если я исповѣдую другую религію, то лишь съ его согласія и подчиняясь извѣстнымъ ограниченіямъ. По природѣ уже этотъ монастырь враждебенъ всѣмъ другимъ ассоціаціямъ; всѣ такія ассоціаціи являются его соперницами, стѣсняють его, овладѣваютъ волей и вліяють на подачу голоса своихъ членовъ. — Чтобы дѣйствительно имѣть заявленіе общей воли, необходимо не допускать никакихъ другихъ частныхъ обществъ въ государствѣ и чтобы каждый гражданинъ подавалъ голосъ лишь по своему усмотрѣнію. — Все, что на-

рушаетъ социальное единство, не годится никуда — и для государства было бы лучше, если бы не существовало никакой церкви. — Не только всякая церковь кажется подозрительной, но если я христіанинъ, то государство относится неблагоклонно къ моему вѣрованію. Согласно новому законодательству „ничто такъ не противорѣчитъ социальному духу, какъ христіанство“... Общество истинныхъ христіанъ уже не было бы больше человѣческимъ обществомъ, ибо „отечество христіанина не отъ міра сего“. Христіанинъ не можетъ ревностно поддерживать государство и сознательно долженъ переносить тирановъ. Его законъ проповѣдуетъ только „рабство и подчиненіе... онъ созданъ для того, чтобы быть рабомъ“, а изъ раба вѣдь никогда не сдѣлаешь гражданина. „Христіанская республика — эти два слова взаимно исключаютъ другъ друга“. Итакъ, если будущая республика позволяетъ мнѣ быть христіаниномъ, то лишь на томъ условіи, которое подразумѣвается, что моя доктрина будетъ заключена въ моемъ умѣ и никогда не спустится въ мое сердце. — Если я католикъ (а изъ двадцати шести милліоновъ французовъ двадцать находятся въ моемъ положеніи), то условія моего положенія будутъ еще хуже. Ибо социальный договоръ не можетъ терпѣть нетерпимой религіи — секта, проклинаящая другія секты дѣлается врагомъ общества! „Тотъ, кто осмѣлится сказать: *внѣ церкви нѣтъ спасенія*, долженъ быть изгнанъ изъ государства“. — Если я свободный мыслитель, позитивистъ или скептикъ, то мое положеніе тоже не будетъ лучше. „Существуетъ гражданская религія, катехизисъ“, такое исповѣданіе вѣры, статьи котораго должны быть составлены и утверждены верховною властью, но не въ видѣ религіозныхъ догматовъ, какъ выраженія чувствъ общительности, безъ которыхъ невозможно быть ни хорошимъ гражданиномъ, ни вѣрнымъ подданнымъ“. — Эти статьи подразумѣваютъ: „существованіе могущественнаго, разумнаго, благожелательнаго, предусмотрительнаго и попечительнаго божества, будущую жизнь, счастье праведныхъ, наказаніе злыхъ и святость общественнаго договора и законовъ. Не обязывая никого вѣрить этимъ догма-

тамъ, надо все же изгонять изъ государства тѣхъ, кто имъ не вѣритъ. Надо изгонять ихъ, но не какъ невѣрующихъ, а какъ людей, неспособныхъ къ общительности и къ искренней любви къ законамъ, справедливости и къ тому, чтобы въ случаѣ нужды, принести свою жизнь въ жертву своему долгу. — Берегитесь, однако, чтобы это исповѣданіе вѣры не превратилось бы въ пустую церемонію и поэтому новая инквизиція будетъ наблюдать за его искренностью. „Если кто нибудь, послѣ того какъ онъ публично призналъ эти догматы, будетъ вести себя такъ, какъ будто онъ въ нихъ не вѣритъ, то пусть онъ будетъ казненъ смертью; онъ совершилъ величайшее изъ всѣхъ преступленій, онъ солгалъ передъ законами!“

Я говорилъ вѣдь, что мы находимся въ монастырѣ.

V.

Всѣ эти статьи являются неперемѣннымъ слѣдствіемъ общественнаго договора. Съ того момента, какъ я, вступая въ какую нибудь корпорацію, не оставляю себѣ ничего изъ своей собственной личности, то я этимъ самымъ отказываюсь и отъ своего имущества, отъ своихъ дѣтей, отъ своей церкви, отъ своихъ мнѣній. Я перестаю быть собственникомъ, отцомъ, христіаниномъ, философомъ; государство замѣняетъ меня во всѣхъ этихъ функціяхъ. вмѣсто моей воли впредь будетъ дѣйствовать общественная воля, т. е., измѣнчивый произволъ большинства, считаемаго по числу головъ и фактически — суровый произволъ собранія, фракціи или личности, которая держитъ въ рукахъ своихъ общественную власть.

Пристрастіе и слѣпое увлеченіе этимъ принципомъ переходитъ въ послѣдствіи всѣ границы. Въ первый же годъ существованія Учредительнаго Собранія Грегуаръ сказалъ съ трибуны: „Мы могли бы, если бы захотѣли, измѣнить религію, но мы этого не хотимъ“. Впрочемъ позднѣе они этого захотятъ и это будетъ сдѣ-

лано и будетъ введена сначала религія Гольбаха, затѣмъ религія Руссо, а смѣлость заведетъ ихъ еще дальше. Во имя разума, истолкователемъ и представителемъ котораго является только государство, будутъ предприняты разрушеніе и передѣлка, — сообразуясь съ разумомъ и только съ нимъ однимъ, — всѣхъ обычаевъ, празднествъ, церемоній, костюмовъ, лѣтосчисленія, календаря, мѣръ и вѣсовъ, названій времени года, мѣсяцевъ, дней, мѣстностей и памятниковъ, фамилій и собственныхъ именъ, формъ вѣжливости, тона рѣчей, способовъ кланяться, обращаться другъ къ другу, писать и говорить, такъ что каждый французъ, подвергшійся передѣлкѣ до самой глубины своего внутренняго существа, будетъ, подобно прежнимъ квакерамъ и пуританамъ, проявлять въ мельчайшихъ подробностяхъ своихъ дѣйствій и во всей своей внѣшности, господство того всемогущаго принципа, который вызвалъ его обновленіе и той непреклонной логики, которая имъ управляетъ. Это будетъ окончательнымъ дѣломъ и полнымъ торжествомъ классическаго разума. Утвердившись въ узкихъ мозгахъ, которые были не въ состояніи вмѣстить двухъ идей одновременно, онъ превратился въ холодную или бѣшеную мономанію, яростно стремящуюся уничтожить прошедшее, которое она прокликаетъ и установить милленіумъ. И все это дѣлается во имя воображаемаго договора, анархическаго и деспотическаго въ одно и тоже время, который развиваетъ возмущеніе и оправдываетъ диктатуру. Но въ концѣ концовъ, это приводитъ къ общественному порядку, полному противорѣчій, который бываетъ похожъ то на вакханалію бѣсноватыхъ, то на спартанскій монастырь. И все это дѣлается только для того, чтобы замѣпить живого стойкаго человѣка, медленно созданнаго исторіей, импровизированнымъ автоматомъ, который тотчасъ же падаетъ, какъ только внѣшняя и механическая сила, поставившая на ноги его, перестаетъ его поддерживать.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Распространеніе ученія.

Глава первая.

Успѣхъ этой философіи во Франціи. — Не-
успѣхъ той же самой философіи въ Англіи. —
Причины этого различія. — Искусство писать,
развитое во Франціи. — Въ эту эпоху оно до-
стигаетъ совершенства. — Оно служитъ сред-
ствомъ для распространенія новыхъ идей. —
Книги пишутся для свѣтскихъ людей. — Фи-
лософы прежде всего свѣтскіе люди и потомъ
уже писатели. Вотъ почему философія спу-
скается въ салоны. — Благодаря своему ме-
тоду, она становится популярной. — Благодаря
своему стилю, она становится пріятной. — Двѣ
особенныя приправы, свойственныя XVIII
вѣку: непристойность и шутка. — IV. Искус-
ство и приемы главныхъ учителей. — Мон-
тескье. — Вольтеръ. — Дидро. — Руссо. — „Свадь-
ба Фигаро“.

Подобныя теоріи много разъ уже
овладѣвали воображеніемъ людей и
это повторится, конечно, еще не одинъ
разъ. Во всѣ времена и во всякой
странѣ, достаточно было, чтобы про-
изошли болѣе или менѣе значитель-
ныя перемѣны въ понятіяхъ о чело-
вѣческой природѣ и тотчасъ же онѣ
вызывали появленіе утопій и разныхъ
новыхъ открытій въ области политики
и религіи. — Но этого все же бываетъ
недостаточно для распространенія но-
ваго ученія и въ особенности недо-
статочно для того, чтобы оно изъ
области разсужденій перешло въ об-
ласть практическаго приложенія. За-
родившись въ Англіи, философія
XVIII вѣка однако не могла тамъ
развиться. Лихорадочное стремленіе
къ разрушенію и перестройкѣ оста-
валось тамъ поверхностнымъ и ско-
ропреходящимъ. Деизмъ, атеизмъ, ма-
теріализмъ, скептицизмъ, идеологія,
теорія обращенія къ природѣ, провоз-
глашеніе правъ челоука, всѣ дерзкія
выходки Боллибдронка, Коллинса, То-
ланда, Тиндаля и Мандевилля, всѣ
смѣлыя идеи Юма, Гартлея, Джемса
Милля и Бентама, — всѣ революціон-
ныя ученія были тамъ лишь теплич-
ными растеніями, которыя распуска-
лись кое гдѣ, въ уединенныхъ каби-
нетахъ нѣкоторыхъ мыслителей. На
открытомъ воздухѣ эти растенія по-
гибали послѣ короткаго періода
цвѣтенія, заглушенныя вскорѣ дре-
внею растительностью, которая давно
уже завладѣла всей почвой.

Во Франціи же, наоборотъ, сѣмя за-
везенное изъ Англіи, разрослось и
размножилось съ необычайною силой.
Со временъ Регентства оно уже нахо-
дилось въ полномъ цвѣту. Вслѣдствіе
благопріятныхъ условій климата и
почвы, этотъ видъ растительности за-
владѣлъ всей мѣстностью, захватилъ
для себя одного весь воздухъ и свѣтъ,
съ трудомъ допуская подъ своею
тѣнью существованіе нѣсколькихъ не-
доносковъ враждебнаго вида, вродѣ
такого пережитка старинной флоры,
какимъ былъ Ролленъ или такого
образчика чуждой растительности,
какъ Сенъ-Мартенъ. Посредствомъ
своихъ большихъ деревьевъ, своихъ
густыхъ зарослей, своей безчисленной
арміи кустарниковъ и травъ, своими:
Вольтеромъ, Монтескье, Руссо, Дидро,
д'Аламберомъ и Бюффономъ, Дюкло,
Мабли, Кондильякомъ, Тюрго, Бо-
марше, Бернардень-де-Сенъ-Пьеромъ,
Бартеlemi и Томасомъ, толпою сво-
ихъ журналистовъ, компиляторовъ и
болтуновъ, избранниками и чернью
философіи, науки и литературы, ра-
стительность эта заплонила академію,
театръ, салоны и завладѣла разгово-
ромъ. Всѣ лучшіе умы вѣка были ея
отпрыски, поднявшіеся высоко и нѣ-
которые изъ этихъ умовъ принадле-
жали къ числу самыхъ высокихъ, ка-
кіе только существовали въ челоу-
чествѣ. Все это произошло оттого, что
сѣмя упало на подходящую для него
почву, т. е. я хочу сказать, на родину
классическаго ума. Въ этой странѣ
резонирующаго разума новыя сѣмена
не встрѣчаютъ болѣе тѣхъ соперни-
ковъ, которые заглушили ихъ ростки
и не дали имъ развиваться по ту сто-
рону Ламанца и поэтому они сейчасъ
же приобрѣли не только силы жиз-
ненныхъ соковъ, но и тѣ органы рас-
пространенія, которыхъ имъ не доста-
вало.

I.

Такимъ органомъ служить „искус-
ство говорить, краснорѣчіе, примѣ-
няемое къ самымъ серьезнымъ пред-
метамъ и талантъ уясненія всего“.—
„Хорошіе писатели этой націи, гово-
рять ихъ великій противникъ,—умѣ-
ютъ лучше выразить вещи, чѣмъ пи-
сатели всякой другой націи“...— „На-
стоящіе ученые не многому научатся
изъ ихъ книгъ“, но „господство надъ
людьми достигается посредствомъ ис-

кустства владѣть словомъ“ и „масса людей постоянно отталкиваемая отъ святилища наукъ жесткимъ слогомъ и отвратительнымъ вкусомъ другихъ научныхъ работъ, не въ состояніи противиться соблазнамъ французскаго стиля и французскаго метода“. Такимъ образомъ, классическій духъ, доставляющій идеи, доставляетъ также и средство для ихъ распространенія, и теоріи восемнадцатаго вѣка похожи на тѣ сѣмена, снабженныя крыльями, которыя разносятся сами по всѣмъ направленіямъ. Нѣтъ ни одной книги, которая не была бы написана для свѣтскихъ людей и даже для свѣтскихъ дамъ. Въ бесѣдахъ Фонтенеля о *Множественности міровъ* центральное дѣйствующее лицо маркизь. Вольтеръ пишетъ свою *Метафизику* и свой *Опытъ о нравахъ* для г-жи дю Шателе, а Руссо сочиняетъ своего *Эмиля* для г-жи д'Эпинае. Кондильякъ написалъ свой *Трактатъ объ ощущеніяхъ*, слѣдуя идеямъ М-ле Ферранъ и даетъ совѣты молодымъ дѣвушкамъ насчетъ того, какъ надо читать его *Логикю*. Бодо обращается къ одной дамѣ и объясняетъ ей свою *Экономическую таблицу*. Самое глубокое изъ всѣхъ сочиненій Дидро написано имъ въ видѣ разговора М-ле де-Л'Эспинасъ съ д'Аламберомъ и Борде. Монтескье вставилъ обращеніе къ музамъ посрединѣ своего *Духа законовъ*. Почти всѣ сочиненія тогдашней эпохи исходятъ изъ какого нибудь салона и всегда салонъ, раньше публики, знакомятся съ ихъ содержаніемъ. Въ этомъ отношеніи привычка такъ велика, что она длится даже до конца 1789 г.; смѣлыя рѣчи, которыя собираются произнести въ національномъ собраніи, прочитываются предварительно на вечерѣ въ присутствіи дамъ, въ какомъ нибудь салонѣ. Американскій посланникъ, человекъ практической, съ оттѣнкомъ серьезной ироніи рассказываетъ Вашингтону о красивомъ академическомъ и литературномъ парадѣ, который предшествуетъ обыкновенно публичному политическому турниру. „Рѣчи прочитываются заранѣе въ маленькомъ кругу молодыхъ людей и дамъ, въ числѣ которыхъ находится обыкновенно и прекрасная подруга оратора или же та красавица, которую онъ желалъ бы сдѣлать своею подругой. Общество это очень вѣжливо даетъ свое одобреніе оратору, если

только дама, задающая тонъ маленькому кружку, не находитъ чего нибудь достойнаго порицанія, что разумѣется побуждаетъ автора передѣлать свой трудъ. Но я не говорю, чтобы это вело къ его улучшенію“.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что при существованіи такихъ нравовъ философы по профессіи становятся свѣтскими людьми. Никогда и нигдѣ они не бывали ими въ такой степени и столь обычнымъ образомъ. „Главное удовольствіе всякаго ученаго и геніальнаго человека здѣсь, говоритъ одинъ англійскій путешественникъ,—это царить въ блестящемъ кругу свѣтскихъ людей“. Между тѣмъ, какъ въ Англии, такіе люди угрюмо зарываются въ свои книги, живутъ только въ своемъ кругу и появляются въ обществѣ лишь для „отбытія политической повинности“, въ качествѣ журналиста или памфлетиста, служащаго партіи, во Франціи они каждый вечеръ ужинаютъ въ гостяхъ и служатъ украшеніемъ и развлеченіемъ для тѣхъ салоновъ, куда они приходятъ, чтобы побесѣдовать. Изъ домовъ, гдѣ устраиваются парадные обѣды, нѣтъ ни одного, который бы не имѣлъ своего постояннаго философа, а позднѣе своего экономиста и своего ученаго. Можно прослѣдить шагъ за шагомъ, просматривая переписку и мемуары, за всѣми этими философами, которые появляются то въ одномъ, то въ другомъ салонѣ, то въ одномъ, то въ другомъ замкѣ. Мы встрѣчаемъ Вольтера въ Сирэ у г-жи дю-Шателе, затѣмъ у него самого въ Фернэ, гдѣ онъ устроилъ театръ и гдѣ онъ принимаетъ всю Европу; Руссо—у г-жи д'Эпинае, у г. де Люксамбургъ, аббата Бартелеми—у герцогини де Шуазель; Томаса, Мармонтеля и Гиббона—у г-жи Неккеръ, энциклопедистовъ—на роскошныхъ обѣдахъ Гольбаха, на благо-разумныхъ и скромныхъ обѣдахъ г-жи Жоффренъ, въ маленькомъ салонѣ М-ле де Леспинасъ, всѣхъ—въ большомъ офиціальномъ и центральномъ салонѣ,—я подразумеваю французскую академію,—гдѣ каждый новоизбранный членъ обязанъ былъ въ полномъ блескѣ выказать свой стиль и добиться отъ изящнаго свѣтскаго общества признанія своего искусства владѣть словомъ.—Подобная публика, конечно, вмѣняетъ въ обязанность автору быть изящнымъ писате-

лемъ еще въ большей степени, нежели философъ. Мыслитель принуждается къ отдѣлкѣ своихъ фразъ и долженъ заниматься этимъ не менѣе нежели своими идеями. Ему не дозволяется быть только кабинетнымъ ученымъ. Онъ не можетъ быть просто эрудистомъ, погруженнымъ въ свои фоліанты, по образцу нѣмецкихъ ученыхъ, метафизикомъ, погруженнымъ въ свои размышленія и имѣющимъ своей аудиторіей учениковъ, которые дѣлаютъ замѣтки, читателями же людей, занимающихся наукой и готовыхъ потрудиться, чтобы понять его. Это не Кантъ, создающій свой отдѣльный языкъ и ожидающій, чтобы публика научилась ему, никогда не выходящій изъ своего кабинета и только посѣщающій ту залу, въ которой онъ читаетъ свои лекціи. Во Франціи, наоборотъ, каждый можетъ считаться экспертомъ и даже мастеромъ въ дѣлѣ словеснаго искусства. Математикъ д'Аламберъ пишетъ небольшіе трактаты о слогѣ; натуралистъ Бюффонъ произноситъ рѣчь о стилѣ; законовѣдъ Монтескье пишетъ опытъ о вкусѣ; психологъ Кондильякъ составляетъ цѣлый томъ объ искусствѣ писать. Въ этомъ заключается ихъ величайшая слава и философія имъ обязана своимъ вступленіемъ въ свѣтъ. Они извлекли ее изъ кабинета, изъ тѣснаго кружка посвященныхъ и изъ школы, и ввели въ общество и въ свѣтскую бесѣду.

II.

„Госпожа маршальша — говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ у Дидро, — я долженъ начать издалика“. — „Начинайте откуда вамъ угодно, но лишь бы я могла васъ понять“. — „Если вы меня не поймете, то это уже будетъ моя вина“. — „Это очень любезно съ вашей стороны, но я должна васъ предупредить, что никогда не читала ничего, кромѣ своего молитвенника“.

Это оказалось ничуть не важно и хорошенькая женщина, руководимая искусной рукой, начинаетъ философствовать сама того не замѣчая и находить, безъ всякихъ усилій, опредѣленіе добра и зла, понимаетъ и обсуждаетъ самыя высокія доктрины нравственности и религіи. Таково было искусство восемнадцатаго вѣка и таково было умѣнье писать. Писатели

того времени обращаются къ людямъ, которые отлично знаютъ жизнь, но которые чаще всего совсѣмъ не знаютъ правописанія и однако хотѣли бы знать все, но не подготовлены ни къ чему. Необходимо было, слѣдовательно, низвести истину до уровня ихъ пониманія. На этомъ основаніи научные или слишкомъ отвлеченные термины подвергаются изгнанію и допускается лишь обыкновенный разговорный языкъ. И это вовсе не служить препятствіемъ; на этомъ языкѣ даже легче говорить о философіи, нежели о правилахъ приличія и тряпкахъ, потому что въ каждомъ общемъ вопросѣ всегда заключается какое нибудь главное и простое понятіе, изъ котораго вытекаетъ все остальное. Такъ въ математикѣ мы имѣемъ понятіе объ единицѣ, о мѣрѣ, о массѣ и о движеніи; въ физиологіи — понятіе объ органѣ, его отправленияхъ и жизни; въ психологіи — понятіе объ ощущеніи, страданіи, наслажденіи, желаніи; понятія о полезности, о договорѣ и законѣ — въ политикѣ и нравственности, о ссудѣ, производительности, обмѣнѣ — въ политической экономіи, и такъ во всѣхъ другихъ наукахъ. Всѣ такія понятія извлекаются изъ повседневнаго опыта, изъ чего слѣдуетъ, что обратившись къ этому обыденному опыту и подкрѣпляя свои ссылки на него какими-нибудь общественными примѣрами, при помощи рассказовъ, анекдотовъ и небольшихъ повѣствованій, которыя могутъ показаться забавными, можно передѣлать всѣ эти понятія и утвердить ихъ. Когда это достигнуто, то почти все уже сдѣлано и остается только вести слушателя шагъ за шагомъ вверхъ, по ступенькамъ, до самыхъ послѣднихъ выводовъ. — „Будетъ ли г-жа маршальша помнить свое собственное опредѣленіе?“ — „Я его не забуду; вы называете это *опредѣленіемъ*?“ — „Да.“ — „Значитъ это философія?“ — „Да, и притомъ очень хорошая.“ — „Такъ значитъ я философствовала!“ — „Да, и вы это дѣлали также, какъ говорите прозой, т. е. сами того не замѣчая.“

Все остальное является уже только дѣломъ разсужденія, т. е. руководства, правильнаго порядка въ вопросахъ и прогрессивнаго развитія анализа. Это обновленное и исправленное понятіе должно служить точкою отпра-

вления, откуда надо было вывести ближайшую истину, затѣмъ слѣдующую за ней и такъ до конца, безъ всякой другой обязанности, кромѣ заботы о томъ, чтобы подвигаться впередъ шагъ за шагомъ и не упускать ни одной промежуточной ступени.— При помощи такого метода можно все объяснить, даже женщинамъ и даже свѣтскимъ дамамъ. Этотъ именно методъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ и составляетъ всю сущность талантовъ, всю основу мастерскихъ произведеній, всю ясность, всю популярность и весь авторитетъ философіи. Наконецъ, этотъ же самый методъ возводится Кондильякомъ въ теорію, которая, подъ именемъ идеологіи, пріобрѣтаетъ вскорѣ значеніе догмата, и резюмируетъ, какъ это казалось тогда, всѣ другіе методы. Во всякомъ случаѣ, она соединяла въ себѣ способы и приемы, посредствомъ которыхъ философы вѣка пріобрѣли слушателей, распространили свое ученіе и достигли успѣха.

III.

Благодаря этому методу, писатель достигаетъ того, что его понимаютъ, но чтобы пріобрѣсти читателей надо еще кое что другое. Я сравниваю восемнадцатый вѣкъ съ обществомъ людей, сидящихъ за столомъ. Недостаточно, чтобы передъ ними находилась пища, приготовленная и поданная такъ, что ее легко взять, съѣсть и переварить; имъ нужно, чтобы это были кушанья, соблазняющія аппетитъ или лучше — чтобы это были лакомства. Но умъ также можетъ быть лакомкой. Подадимъ же ему вкусныя, тонкія блюда, приспособленныя къ его вкусу — онъ будетъ поглощать ихъ съ тѣмъ большею охотой, чѣмъ сильнѣе будетъ разыгрываться его аппетитъ подъ вліяніемъ чувственного наслажденія. Двѣ приправы въ особенности составляютъ принадлежность кухни того вѣка и смотря по тому, кто ими пользуется онъ ощущаются то рѣзче, то слабѣе, во всѣхъ литературныхъ кушаньяхъ того времени. Въ эпикурейскомъ обществѣ, которому проповѣдуется возвращеніе къ природѣ и права инстинкта, сладострастные образы и идеи напращиваются сами собой; это ящикъ съ пряными и возбуждающими приправами. Каждый беретъ изъ него сколь-

ко ему вздумается и даже злоупотребляетъ этими приправами, а нѣкоторые прямо высыпаютъ весь ящикъ къ себѣ на тарелку. Притомъ я не говорю о секретной литературѣ, о необыкновенныхъ книгахъ, которыя читаетъ г-жа д'Андло, старшая воспитательница дѣтей короля и которыя попадаютъ иногда въ руки къ дочерямъ Людовика XV, ни о другихъ сочиненіяхъ, еще болѣе странныхъ, гдѣ философскія разсужденія являются чѣмъ то вродѣ промежуточнаго звена между грязью и игривостью, которыя можно было найти на туалетномъ столикѣ каждой придворной дамы, и которыя носятъ общее заглавіе *Парижскаго часослова*. Тутъ я говорю лишь о великихъ людяхъ, о признанныхъ учителяхъ общественнаго духа. За исключеніемъ Бюффона, всѣ непременно приправляютъ свой соусъ пряностями, т. е. непристойностями и игривыми сценами. Это можно найти даже въ *Духъ законовъ*, а въ *Персидскихъ письмахъ* встрѣчаются даже прямо чудовищныя вещи, но отличающіяся обдуманностью и рассчитанностью.

Въ своихъ двухъ большихъ романахъ Дидро бросаетъ ихъ прямо пригоршнями, какъ въ день оргіи. На каждой страницѣ у Вольтера онѣ хрустятъ на зубахъ, точно зерна перца. Ихъ можно найти у Руссо и въ *Новой Элоизѣ*, въ *Эмиль* и въ *Исповѣди*. Таковъ былъ современный вкусъ; г. де Мальзербъ, такой честный и серьезный, зналъ наизусть и декламировалъ „Rucelle“. Самый сумрачный изъ всѣхъ Монтаньяровъ, Сень-Жюсть былъ авторомъ такой же сладострастной поэмы, какъ и поэма Вольтера, а самая благородная изъ Жирондистовъ, г-жа Роланъ, оставила послѣ себя исповѣдь, заключающую въ себѣ столь же рискованныя подробности, какія встрѣчаются и у Руссо. Съ другой стороны тутъ имѣется еще и другой ящикъ съ приправами, тотъ, который наполненъ старинною гальскою солью, т. е. шутками и насмѣшками. Этотъ ящикъ цѣликомъ раскрывается философіей, провозгласившей верховную власть разума, потому что все, что противно разуму, считается нелѣпымъ и поэтому смѣшнымъ.

Какъ только какой нибудь ловкій жестъ внезапно сбрасываетъ наследственную и торжественную маску,

прикрывающую глупость, то мы всё испытываемъ странное, конвульсивное раздвиганіе угловъ рта и сильное сотрясеніе груди, доставляющее намъ чувство внезапнаго и неожиданнаго облегченія и освобожденія отъ какого то стѣсненія. Мы испытываемъ при этомъ чувство какого-то вновь приобрѣтеннаго нами превосходства, удовлетворенной мести и выполненнаго правосудія. Но, смотря по тому, какимъ способомъ была сорвана маска, смѣхъ можетъ быть то легкимъ, то шумнымъ, то сдержаннымъ, то разнузданнымъ, то любезнымъ и веселымъ, то горькимъ и сардоническимъ. Шутка допускаетъ всё оттѣнки, начиная отъ шутовства и кончая негодованіемъ. Нѣтъ такой литературной приправы, въ которой могло бы заключаться столько разнообразія и различныхъ смѣсей и которая могла бы такъ хорошо комбинироваться съ предыдущей приправой! Со времени среднихъ вѣковъ, обѣ эти приправы вмѣстѣ были главными ингредиентами французской кухни, изъ которыхъ она и составляла всё свои лучшія лакомства: басни, сказки, остроты, шуточки и лукавыя насмѣшки. Это было вѣчнымъ наслѣдіемъ гривуазной и насмѣшливой расы, которое сохранено Лафонтеномъ среди всей напыщенности и серьезности семнадцатаго вѣка, и которое въ восемнадцатомъ вѣкѣ стало повсюду появляться на философскомъ пиршествѣ. Такой хорошо сервированный столъ обладаетъ большою привлекательностью для блестящаго общества, главное занятіе котораго составляютъ удовольствія и развлечения. Тотъ столъ представляется тѣмъ болѣе заманчивымъ, что тутъ временная склонность присоединяется къ наслѣдственному инстинкту и современный вкусъ только подкрѣпляетъ національный вкусъ. Прибавьте къ этому еще необыкновенное искусство поваровъ, ихъ талантъ смѣшивать, соразмѣрять и замаскировывать употребляемая ими приправы, ихъ умѣнье разнообразить и подавать кушанья, увѣренность ихъ руки, тонкую чувствительность ихъ нѣба, ихъ опытность во всѣхъ кулинарныхъ приемахъ, ихъ традиціи и практику, сдѣлавшія изъ французской прозы самое утонченное блюдо для человѣческаго ума. Ничего нѣтъ удивительнаго, слѣдовательно, что эти люди умѣютъ искус-

но обращаться съ человѣческимъ словомъ, выжимать изъ него весь сокъ и извлекать изъ него всю, заключающуюся въ немъ пріятность.

IV.

Въ этомъ отношеніи четверо изъ писателей стоятъ выше всѣхъ другихъ: Монтескье, Вольтеръ, Дидро и Руссо. Кажется достаточно только назвать ихъ.—Современная Европа вѣдь не имѣетъ болѣе великихъ писателей. Между тѣмъ все же необходимо ближе рассмотреть ихъ талантъ, чтобы хорошенько понять изъ значеніе, что касается тона и манеры писать, то Монтескье долженъ быть поставленъ на первое мѣсто. Нѣтъ писателя, который бы умѣлъ лучше владѣть собой, болѣе спокойнаго по внѣшности и обладающаго большею увѣренностью въ словахъ. Никогда его голосъ не возвышается до вспышки; онъ сохраняетъ мѣру, даже говоря очень сильныя вещи. Никакихъ жестовъ, восклицанія, увлеченія порывомъ вдохновенія, ничего такого, что было бы противно приличіямъ; его тактъ, сдержанность, гордость, не допускаютъ этого. Онъ какъ будто всегда говоритъ передъ маленькимъ избраннымъ кругомъ очень умныхъ людей и притомъ такъ, чтобы постоянно доставлять имъ возможность самимъ сознавать свой умъ. Не можетъ быть болѣе тонкой лести и мы невольно чувствуемъ къ нему благодарность за то, что онъ доставляетъ намъ случай быть довольными нашимъ умомъ. Но дѣйствительно надо обладать умомъ, чтобы читать его сочиненія, такъ какъ онъ сокращаетъ развитіе мысли, пропускаетъ переходы и поэтому намъ самимъ надо дополнять ихъ и понимать то, что онъ подразумеваетъ подъ своими словами. Онъ соблюдаетъ очень строгій порядокъ въ своемъ изложеніи, но этотъ порядокъ у него скрытъ и его фразы слѣдуютъ совершенно независимо другъ отъ друга, каждая отдѣльно, точно ларчики или футляры, заключающіе въ себѣ драгоценности, но скрывающіе ихъ, и порою имѣющіе простой, неказистый видъ, порою же великолѣпно разукрашенные и убранные тонкою рѣзбой, но всегда, одинаково богатые содержаніемъ. Откройте ихъ и вы убѣдитесь, что въ каждомъ заключается сокровище. Этимъ сокровищемъ является

цѣлая куча размышлений, чувствъ и открытій, сосредоточенныхъ на такомъ узкомъ пространствѣ, что мы можемъ все это охватить въ одну минуту. Разумѣется удовольствіе, которое мы испытываемъ при этомъ будетъ тѣмъ сильнѣе, такъ какъ всѣ эти сокровища легко умѣщаются на одной нашей ладони. „Отличіе великой мысли, говоритъ онъ самъ, состоитъ именно въ томъ, что въ ней одной заключается множество другихъ мыслей и она сразу раскрываетъ передъ нами то, чего мы могли надѣяться достигнуть лишь послѣ продолжительнаго чтенія. „Въ самомъ дѣлѣ, его манера такова и его мысли являются чѣмъ то вродѣ резюме; напр. въ одной главѣ, состоящей изъ трехъ строкъ, онъ изображаетъ всю сущность деспотизма. Иногда это представляется загадкой и мы испытываемъ двойное удовольствіе, такъ какъ къ удовлетворенію, доставляемому пониманіемъ, примѣшивается еще удовлетвореніе, доставляемое разгадкой загадки. Но чего бы онъ ни касался въ своихъ писаніяхъ, онъ всегда сохраняетъ величайшую скромность и выказываетъ умѣнье, не подчеркивая его, заставить васъ обратить вниманіе, причемъ онъ умалчиваетъ о многомъ и никогда не доводитъ свою улыбку до смѣха. „Въ моей „Защитѣ духа законовъ“, говорилъ онъ, мнѣ нравится не то, что почтенные богословы повергнуты во прахъ, а то, что они сами полегоньку соскользнули туда. Онъ достигаетъ совершенства въ спокойной ироніи, вѣжливомъ презрѣннѣи, въ замаскированномъ сарказмѣ. Его персіане судятъ о Франціи по-персидски и мы смѣемся надъ ихъ промахами. Къ несчастью, надо смѣяться не надъ ними, а надъ нами, потому что ихъ ошибки—это истина. Иное письмо, написанное въ очень серьезномъ тонѣ, кажется какъ бы насмѣшкой надъ ними, совершенно не касающейся насъ, такъ какъ оно переполнено магометанскими предразсудками и восточнымъ самомнѣніемъ. Но поразмыслите немного надъ этимъ и вы увидите, что наше самомнѣніе ничуть не меньше. Онъ наноситъ мимоходомъ и какъ бы не думая объ этомъ, очень сильные удары всѣмъ господствующимъ учрежденіямъ: испорченному католицизму, который, „при существующихъ въ Европѣ условіяхъ, не можетъ продержаться пять

вѣковъ“ и порочной монархіи, которая заставляетъ голодать полезныхъ гражданъ, для того, чтобы откармливать придворныхъ паразитовъ. Вся новая философія развертывается подъ его руками, появляясь передъ нами съ невиннымъ видомъ, то въ какомънибудь пастушескомъ романѣ, то въ какой-нибудь наивной просьбѣ или въ простодушномъ письмѣ. Въ этомъ стилѣ нѣтъ недостатка въ качествахъ, которыя производятъ сильное впечатлѣніе и приковываютъ вниманіе; нѣтъ недостатка ни въ грандіозномъ полетѣ воображенія, ни въ глубинѣ чувства, въ живости и тонкости отѣнковъ, въ мѣткой силѣ, игривой граціи и забавныхъ неожиданностяхъ, ни въ разнообразіи сценической обстановки. Но тонъ автора остается безукоризненнымъ среди всѣхъ этихъ остроумныхъ выходокъ, басенъ, сказокъ, портретовъ, діалоговъ, какъ тогда, когда онъ говоритъ серьезно, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ прибѣгаетъ къ маскараду. Если же онъ говоритъ парадоксы, то дѣлаетъ это съ почти англійскою важностью, а если раскрываетъ неприличіе вещей, то всегда соблюдаетъ при этомъ приличіе въ словахъ. Въ самомъ разгарѣ шутки или вольностей, онъ все-таки остается всегда человѣкомъ хорошаго общества, рожденнымъ и воспитаннымъ въ аристократическомъ кругу, гдѣ царствуетъ полнѣйшая свобода, но гдѣ умѣнье держать себя доведено до высокой степени совершенства, гдѣ дозволена всякая мысль, но гдѣ въ тоже время взвѣшивается каждое слово и каждый имѣетъ право говорить все, но съ условіемъ никогда не забываться.

Подобный кругъ, конечно, долженъ быть тѣсенъ и допускаетъ къ себѣ лишь немногихъ избранниковъ. Чтобы быть понятымъ толпой, надо говорить другимъ тономъ. Философія нуждается въ такомъ писателѣ, который бы считалъ своею первою обязанностью заботу о ея распространеніи, который бы не могъ ее удерживать въ самомъ себѣ, а изливалъ бы ее черезъ край и точно переполненный фонтанъ снабжалъ бы ею всѣхъ, ежедневно и во всякой формѣ, выбрасывая ее то широкими потоками, то мелкими капельками, никогда не оскудѣвая и не замедляя своей струи, пробиваясь черезъ всѣ отверстія, черезъ всѣ ка-

налы, черезъ прозу, поэзію, крупныя и мелкія стихотворенія, театръ, исторію, романы, памфлеты, рѣчи, трактаты, брошюры, словари и переписку, явно и тайно проникая на всякую глубину и во всякую почву. Такимъ именно писателемъ былъ Вольтеръ.— „Я сдѣлалъ болѣе въ свое время, говоритъ онъ гдѣ-то,—чѣмъ Лютеръ и Кальвинъ“, но въ этомъ онъ ошибается. Но правда то, что и онъ былъ проникнутъ отчасти такимъ же духомъ. Также какъ и они, онъ хотѣлъ измѣнить господствующую религію; онъ велъ себя какъ основатель секты, вербуя прозелитовъ и стараясь сплотить ихъ, писалъ посланія, полныя увѣщаній, наставленій и проповѣди, сочинялъ общій пароль и давалъ „братьямъ“ девизъ. Его страстность въ этомъ отношеніи напоминала рвеніе апостола и пророка.—Такой умъ неспособенъ къ сдержанности; онъ, по самой природѣ своей, воинствующій и запальчивый. Вотъ почему онъ бранится, оскорбляетъ, импровизируетъ, пишетъ подъ диктовку свои впечатлѣнія и позволяетъ себѣ слова, въ случаѣ надобности, даже самыя грубыя. Онъ мыслить вспышками, его чувства—это взрывы, его образы—это искорки, онъ отдается весь и передаетъ себя читателю, вотъ почему и овладѣваетъ имъ. Противостоятъ ему невозможно и заразительность его елишкомъ сильна. Созданный изъ воздуха и пламени, онъ представляетъ самое раздражительное существо, какое только когда либо существовало на свѣтѣ, сотканное изъ болѣе эфирныхъ и сильнѣе вибрирующихъ атомовъ, чѣмъ всѣ другіе люди, среди которыхъ не найдется ни одного человѣка съ болѣе тонкою структурой души и съ болѣе неустойчивымъ и въ тоже время болѣе вѣрнымъ духовнымъ равновѣсіемъ. Его можно сравнить съ такими необычайно точными вѣсами, которые приходятъ въ разстройство отъ малѣйшаго дуновения воздуха и передъ которыми всѣ другіе измѣрительные приборы кажутся невѣрными и грубыми.— На эти чувствительныя вѣсы можно класть только очень легкія вещи, маленькіе образцы чегонибудь и только при этомъ условіи можно получить самый точный вѣсъ всякаго вещества. Такъ именно поступаетъ Вольтеръ; онъ дѣлаетъ это невольно, въ силу потреб-

ности своего ума и столько же для себя самого, сколько и для своихъ читателей. Цѣлая философія, теологія, изложенная въ десяти томахъ, абстрактная наука, специальная бібліотека и цѣлая обширная отрасль человѣческаго знанія, эрудиціи и опыта или изобрѣтательности, сводится у него къ одной какойнибудь фразѣ или къ одной строчкѣ стиховъ. Изъ громадной массы грубаго, шероховатаго шлага, онъ извлекаетъ самую сущность, золотое зерно или мѣдь, служащая, впрочемъ, только образчикомъ, и подноситъ ихъ въ самой удобной и легко усваиваемой формѣ, въ формѣ сравненія, метафоры или эпиграммы, которая становится пословицей. Въ этомъ отношеніи ни одинъ писатель, древній или новый, не можетъ приблизиться къ нему и по части упрощенія и популяризаціи онъ не имѣетъ себѣ равныхъ. Не оставляя ни на мгновеніе обыкновеннаго разговорнаго тона и точно играя, онъ вкладываетъ въ маленькія удобныя фразы величайшія открытія и величайшія гипотезы, созданныя человѣческимъ умомъ; теорія Декарта, Мальбранша, Лейбница, Локка, Ньютона, различныя религіи древнихъ и новыхъ временъ, всѣ извѣстныя системы физики, фізіологіи, геологіи, нравственности, естественнаго права и политической экономіи—словомъ, всѣ общія понятія, которыхъ достигъ человѣчскій родъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ, во всѣхъ областяхъ знанія. Его склонность въ этомъ направленіи была такъ велика, что она заводила его иной разъ слишкомъ далеко: онъ умалялъ великія вещи, стараясь сдѣлать ихъ общедоступными. Но нельзя же размѣнивать на мелкую ходячую монету религію, легенду, древнюю народную поэзію, самобытныя созданія инстинкта и полувидѣнія первобытныхъ вѣковъ; это не можетъ служить предметомъ живого и забавнаго разговора. Пикантное слово не можетъ выразить всего этого и будетъ только пародіей. Но зато, какую привлекательность это имѣетъ для французовъ, для всѣхъ свѣтскихъ людей, и какой читатель удержится отъ книги, въ которой собрано все человѣческое знаніе въ пикантныхъ выраженіяхъ? Ибо тутъ дѣйствительно собрано все человѣческое знаніе и я не знаю какой важной идеи не доставало бы чело-

вѣку, имѣющему свою настольную книгу, *Диалоги*, *Словарь* и *Романы* Вольтера. Перечитайте ихъ пять или шесть разъ и тогда только вы въ состояніи будете дать себѣ отчетъ относительно всего, что въ нихъ заключается. Тамъ изобилуютъ не только общіе философскіе взгляды на міръ и человѣка, но и вообще всякія общія идеи, разныя положительныя и даже техническія свѣдѣнія, мелкіе факты, разсѣянные тысячами, всевозможныя подробности, относящіяся къ астрономіи, физикѣ, географіи, физиологіи, статистикѣ, исторіи всѣхъ народовъ, а также безчисленные и лично произведенные опыты человѣка, который самъ читалъ тексты, самъ дѣйствовалъ инструментами, посѣщалъ разныя страны, прикасался ко всѣмъ ремесламъ, обращался съ разными людьми, и вслѣдствіе необыкновенной ясности своей памяти и живости своего пламеннаго воображенія, можетъ воспроизводить передъ своими умственными очами всѣ эти вещи, по мѣрѣ того, какъ говорить о нихъ. Это талантъ — единственный въ своемъ родѣ и наиболѣе рѣдкій въ классическомъ вѣкѣ, наиболѣе драгоценный изъ всѣхъ, такъ какъ онъ даетъ возможность представлять себѣ всѣ существа не сквозь сѣроватую дымку общихъ фразъ, а такими, каковы они сами по себѣ, въ природѣ, въ исторіи, въ ихъ естественной окраскѣ, въ ихъ обязательной формѣ и со всѣми, присущими имъ индивидуальными выпуклостями и рельефами, съ ихъ средою и со всѣми ихъ аксессуарами во времени и пространствѣ. Благодаря этому таланту, онъ могъ представить себѣ крестьянина за сохой, квакера среди его конгрегации, гермапскаго барона въ его замкѣ, голландцевъ, англичанъ, испанцевъ, итальянцевъ и французовъ у себя дома, могъ ясно воспроизвести въ своемъ воображеніи знатную даму, интригантку, провинціаловъ, солдатъ, публичныхъ женщинъ и весь остальной человѣческій сбродъ, на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, причемъ cadaго представлялъ себѣ въ сокращенномъ видѣ и точно освѣщеннаго внезапною вспышкою молніи.

Самою выдающеюся чертою этого стиля является именно изумительная быстрота,—это ослѣпительное и голо-

вокружительное дефилированіе всегда новыхъ вещей, идей, образовъ, событий, пейзажей, разсказовъ, діалоговъ, маленькихъ сокращенныхъ картинокъ, которыя слѣдуютъ одна за другой, точно въ волшебномъ фонарѣ, только что вложенныя и уже тотчасъ же вынутыя рукою нетерпѣливаго фокусника, который, въ одно мгновеніе, заставляеть васъ совершить кругосвѣтное путешествіе и нагромождая одну на другую, исторію, басню, истину, фантазію, настоящее и прошедшее, вставляетъ все это въ рамку шутовскаго разсказа, такого же нелѣпаго, какъ ярмарочное представленіе, или въ рамку фееріи, превосходящей своимъ великолѣпіемъ тѣ, которыя даются въ парижской оперѣ. Забавлять и забавляться,—„провести свою душу черезъ всѣ возможные состоянія“ точно пылающій очагъ, на который брошены послѣдовательно самыя разнообразныя вещества, чтобы окрасить пламя въ разные цвѣта и сообщить ему всѣ переливы, всѣ благоуханія. Вотъ его первѣйшій инстинктъ“. Жизнь, говоритъ онъ,—это дитя, которое нужно ублаживать, пока оно не заснетъ“. Не было на свѣтѣ смертнаго созданія, болѣе возбужденнаго и болѣе возбуждающаго, болѣе неспособнаго къ молчанію и болѣе враждебнаго скукѣ, болѣе одареннаго способностью разговора, которому ясно было предназначено господствовать въ такомъ общежительномъ вѣкѣ, гдѣ при помощи нѣсколькихъ хорошихъ сказочекъ и нѣкотораго свѣтскаго навыка, человѣкъ пріобрѣталъ свой свѣтскій паспортъ и увѣренность въ томъ, что онъ будетъ хорошо принятъ повсюду. Не было никогда писателя, который бы въ такой большой степени обладалъ всѣми качествами человѣка, умѣющаго разговаривать, искусствомъ оживлять слово и дѣлать его занимательнымъ, и талантомъ нравиться свѣтскимъ людямъ. Когда хотѣлъ, онъ сохранялъ наилучшій тонъ, замыкаясь, безъ всякаго принужденія, въ рамки самыхъ строгихъ приличій, и отличаясь утонченною вѣжливостью и изысканною любезностью. Онъ былъ почтителенъ безъ подобострастія, ласковъ безъ слащавости, и всегда сохранялъ непринужденность манеръ. Достаточно было ему очутиться въ обществѣ, чтобы сейчасъ же найти подходящій тонъ, сдержанность манеръ и привѣтли-

вую усмѣшку хорошо воспитаннаго человѣка, который, вводя читателей въ кругъ своихъ мыслей, играетъ роль любезнаго хозяина дома. Если вы близко знакомы съ нимъ и принадлежите къ тому тѣсному кругу, въ которомъ онъ даетъ себѣ волю при закрытыхъ дверяхъ, то вы не перестанете смѣяться. Внезапно, какъ будто даже не прикасаясь къ ней, онъ подымаетъ увѣренной рукой завѣсу, прикрывающую какое нибудь злоупотребленіе, какой нибудь предразсудокъ, глупость, словомъ, какой нибудь изъ человѣческихъ идоловъ. При этомъ внезапномъ освѣщеніи, все является передъ нами въ своемъ истинномъ видѣ, съ уродливою, отвратительною или пошлою внѣшностью, и мы пожимаемъ плечами. Это смѣхъ разума, проворнаго и побѣдоноснаго. Но есть еще другой смѣхъ, — смѣхъ веселаго темперамента, импровизатора шутовскихъ выходокъ человѣка, остающагося вѣчно молодымъ, ребенкомъ, шалуномъ, до самой послѣдней минуты и „дѣлающимъ веселые прыжки даже на собственной могилѣ“. Онъ любитъ каррикатуры, поэтому онъ преувеличиваетъ характерныя черты разныхъ лицъ, выводитъ на сцену смѣшныя фигуры и прогуливаетъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ, точно маріонетокъ. Онъ никогда не устаеетъ заниматься ими и заставляеетъ ихъ танцовать въ новыхъ костюмахъ. Въ самый разгаръ своей философіи, своей пропаганды и полемики, онъ вытаскиваетъ свой карманный театръ и своихъ фантошей, которые начинаютъ передъ нами прыгать и жестикулировать, наряженные въ одежду арлекиновъ и скомороховъ. Когда талантъ подшучиванія присоединяется къ потребности истины, то шутка становится всемогущей, потому что она даетъ удовлетвореніе всеобщимъ и глубокимъ инстинктамъ человѣческой природы, злорадному любопытству, духу осужденія, отвращенію къ стѣсненіямъ и тому запасу дурнаго настроенія, который накапливается въ насъ путемъ условности, этикета и обязательства передъ обществомъ носить тяжелый плащъ приличія и почтенія. Бываютъ моменты въ жизни, когда даже самый разумный человѣкъ не прочь былъ бы сбросить этотъ плащъ совсѣмъ или только на половину.

То рѣзкимъ движеніемъ смѣлаго

натуралиста, то быстрымъ жестомъ шаловливой обезьяны, Вольтеръ на каждой страницѣ отдергиваетъ завѣсу серьезности и торжественности и показываетъ намъ человѣка, — бѣдное двурукое существо, и въ какихъ только положеніяхъ! Только одинъ Свифтъ отваживался показывать подобныя картины. Какая физиологическая грубость заключается въ началѣ и въ концѣ всѣхъ нашихъ возвышенныхъ чувствъ! Какая несоразмѣрность между нашимъ разумомъ, столь слабымъ и нашими инстинктами, столь сильными! Въ какомъ далекомъ углу своего гардероба политика и религія прячутъ свое грязное бѣлье! — Надо смѣяться надъ всѣмъ этимъ, чтобы не плакать, да и то подъ этимъ смѣхомъ слышатся слезы. Такой смѣхъ обыкновенно кончается издѣвательствомъ и прикрываетъ собою глубокую грусть, болѣзненную жалость. Достигнувъ такой степени и въ отношеніи такихъ предметовъ, онъ уже является результатомъ привычки и умысла, чѣмъ-то вродѣ маніи вдохновенія и выражаетъ собою постоянное состояніе первнаго механизма, устремляющагося черезъ всѣ препятствія и не знающаго никакого удержу.

Однако, будемъ все же остерегаться его. Веселость — это одна изъ пружинъ, а во Франціи — это послѣдняя пружина, которая поддерживаетъ человѣка въ стоячемъ положеніи, и лучше всѣхъ сохраняетъ душѣ ея тонъ, ея сопротивленіе и ея силу и остается неприкосновенною въ такомъ вѣкѣ, когда мужчины и женщины считали себя обязанными умирать, какъ люди хорошаго общества, съ улыбкою и острымъ замѣчаніемъ на устахъ.

Когда талантъ писателя встрѣчается такимъ образомъ съ наклонностями публики, то его уклоненія и соскальзыванія не имѣютъ большого значенія, такъ какъ онъ скользитъ по общему склону. Онъ можетъ заблуждаться и даже грязнить себя, но такъ онъ еще лучше подходитъ къ своей аудиторіи и его недостатки оказываютъ ему такую же службу, какъ и его качества. Послѣ перваго поколѣнія здравомыслящихъ умовъ появляется второе съ нѣсколькими нарушеннымъ умственнымъ равновѣсіемъ. Дидро, говоритъ Вольтеръ, это — „слишкомъ горячая печь, которая не печетъ, а сжигаетъ все, что

поставятъ въ нее“. Или скорѣе:— это вулканъ во время изверженія, который, въ теченіи сорока лѣтъ, выбрасываетъ идеи всякаго рода и во всякомъ порядкѣ, находящіяся въ состояніи непрерывнаго кипѣнія и представляющія смѣсь грубыхъ шлаковъ, драгоценныхъ металловъ и вонючей грязи. Непрерывный потокъ выливается изъ жерла вулкана по всѣмъ направленіямъ, смотря по случайнымъ условіямъ, но всегда онъ сопровождается багровымъ сіяніемъ и ѣдкимъ дымомъ пылающей лавы. Не онъ владѣетъ своими идеями, а идеи владѣютъ имъ; онъ только покоряется имъ. Онъ не можетъ бороться съ ихъ бѣшеннымъ пыломъ и опустошеніями, потому что у него нѣтъ прочнаго фундамента, состоящаго изъ практическаго здраваго смысла, этой внутренней плотины общественнаго благоразумія, которая у Монтескье, и даже у Вольтера, заграждаетъ путь опустошительнымъ разливамъ. Все переливается черезъ край у него; все стремится вылиться изъ черезъ чуръ переполненнаго жерла, безъ всякаго разбора, черезъ первую попавшуюся трещину или расщелину, смотря по случайнымъ обстоятельствамъ: вслѣдствіе чтенія письма, разговора, импровизаціи и притомъ все это выливается не мелкими, частыми струями, какъ у Вольтера, а широкими потоками, которые слѣпо устремляются по самому крутому склону вѣка. Дидро спускается, такимъ образомъ, не только до самаго дна антирелигіознаго и антисоціальнаго ученія, со всею своею непреклонною логикою и парадоксальностью, но, кромѣ того, онъ падаетъ и растягивается въ грязи вѣка, въ его неблагопристойностяхъ и на его избитой дорогѣ, представляющей страсть къ декламации. Въ своихъ большихъ романахъ онъ продолжительно останавливается на какойнибудь сладострастной сценѣ и развиваетъ грязную двусмысленность. Грубость не смягчается у него ни остроуміемъ, ни изяществомъ. Онъ не отличается ни тонкостью ума, ни пикантною и не умѣетъ, какъ Кребильонъ—сынъ, рисовать милыхъ повѣсь. Онъ кажется какимъ-то пришельцемъ среди свѣтскихъ людей; вы видите въ немъ плебея, могучаго мыслителя, неутомимаго работника и великаго артиста, который, благодаря

нравамъ того времени, попалъ на ужинъ свѣтскихъ кутилъ. Онъ завладѣлъ тамъ разговоромъ, руководить оргіей и вслѣдствіе заразительности обстановки отпускаетъ одинъ гораздо больше вольностей и сальностей, нежели всѣ его остальные собутыльники. Точно также и въ своихъ драмахъ, въ своихъ *Опытахъ о Клавдіи и Неронѣ*, въ своихъ *Комментаріяхъ къ Сенецкѣ*, въ своихъ прибавленіяхъ къ *Исторіи философіи Рейналя*, онъ также усиливаетъ общій тонъ, тотъ самый, который въ силу классическаго духа и благодаря новой модѣ, заключался въ сантиментальной риторикѣ. Дидро доводитъ этотъ тонъ до крайности, до слезливой или яростной напыщенности, выражающейся въ восклицаніяхъ, брани, въ нѣжностяхъ, рѣзкостяхъ, негодованіи и въ восторженныхъ тирадахъ, въ которыхъ вся пылкость его мозга находитъ исходъ и занятіе. Но зато, среди множества выдающихся писателей, онъ все-таки единственный, котораго можно назвать истиннымъ художникомъ, творецъ душъ и такой умъ, въ которомъ предметы, событія и лица зарождаются сами собой и организуются собственными силами, вслѣдствіе присущихъ имъ естественныхъ склонностей, произвольно и безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, и независимо отъ какихъ либо расчетовъ и внѣ всякихъ соображеній автора.

Какъ ни подвижны и блестящи дѣйствующія лица у Вольтера, они все же представляются манекенами; ихъ движенія заимствованы и мы всегда видимъ позади нихъ руку автора, держащаго за веревочку. У Дидро же эта веревочка обрѣзана; онъ вовсе не говоритъ устами своихъ дѣйствующихъ лицъ и они не служатъ ему только рупоромъ, черезъ который передаются его слова, или комическими картонными плясунами,—это вполнѣ независимыя и раздѣльные существа, которыя распоряжаются своими дѣйствіями, имѣютъ собственный голосъ, собственный темпераментъ, страсти, идеи, философію, стиль и даже порою душу, какъ у *Племянника Рамо*, отличающуюся такою оригинальностью, сложностью, полнотою, живостью и такою уродливостью, что въ естественной исторіи человѣка она становится образчикомъ уродства и безсмертнымъ документомъ. Дидро сказалъ все о

природѣ, искусствѣ, нравственности и жизни, въ двухъ небольшихъ томикахъ, которые можно читать двадцать разъ подрядъ и они все-таки не теряютъ своей привлекательности и смыслъ ихъ не будетъ исчерпанъ. Найдите, если можете, кого либо другого, кто могъ бы совершить подобный подвигъ и написать подобное же мастерское произведение? „Нѣтъ ничего болѣе глубокаго и болѣе безумнаго. „Вотъ преимущества геніевъ, не имѣющихъ власти надъ собой; имъ не хватаетъ разсудительности, но зато у нихъ есть вдохновеніе, по этому то изъ двадцати грязныхъ произведеній, безобразныхъ и нездоровыхъ, вы всегда найдете у нихъ одно, являющееся настоящимъ продуктомъ творчества, истиннымъ созданіемъ духа, живымъ и жизнеспособнымъ существомъ, годнымъ для самостоятельной жизни, передъ которымъ созданія другихъ, только умныхъ людей, являются какими-то разряженными манекенами. Вотъ почему Дидро — такой великій рассказчикъ, такой мастеръ въ діалогахъ, равный Вольтеру въ этомъ отношеніи, но вслѣдствіе противоположности своего таланта, вѣряющій самъ всему тому, что онъ говоритъ въ тотъ моментъ, забывающій о себѣ, увлекаемый собственнымъ разсказомъ и прислушивающійся къ внутреннимъ голосамъ, самъ удивляющійся репликамъ, которыя являются неизвѣстно откуда. Онъ слѣдуетъ по теченію какой-то невѣдомой рѣки, руководимый развитіемъ дѣйствія, извилинами разговора, развивающагося помимо его вѣдома, поднимаемый приливомъ идей и взбрасываемый случайной войной иногда на совершенно неожиданную высоту, до самыхъ неожиданныхъ образовъ, порою самыхъ шутовскихъ, порою же самыхъ великолѣпныхъ, онъ то впадаетъ въ лиризмъ до созданія поэтическихъ строфъ, изъ которыхъ одна цѣликомъ встрѣчается у Мюссе, то переходитъ въ шутовство и гаерничество, но съ такими искорками, какихъ не было видно со временъ Рабле, но всегда сохраняетъ искренность и всегда находится во власти своего сюжета, своего изобрѣтенія и своихъ чувствъ. Онъ былъ самымъ естественнымъ писателемъ этого вѣка искусственной литературы, похожимъ на чужеземное дерево, перенесенное въ цвѣтникъ

той эпохи, часть ствола которой выпячивается и гніетъ, тогда какъ изъ другой части выходятъ пять или шесть вѣтвей, широко раскинувшихся подъ вліяніемъ свѣта и превосходящихъ всѣ сосѣднія поросли свѣжестію своихъ соковъ и крѣпостію своихъ отпрысковъ.

Руссо также ремесленникъ и человекъ изъ народа, плохо приспособленный къ элегантному и деликатному свѣтскому обществу—онъ не у мѣста въ салонѣ! Кромѣ того онъ дурного происхожденія, дурно воспитанъ и загрязненъ своею гадкою и скороспѣлою опытностію; онъ обладаетъ слишкомъ возбужденной и непріятной чувственностію, больной духомъ и тѣломъ, терзаемый дисгармоніей своихъ выдающихся способностей, лишенный такта и вносящій грязь своего воображенія, своего темперамента и своего прошлаго даже въ свою самую строгую мораль и въ свои самыя чистыя идилліи. Руссо лишенъ вдохновенія, составляя въ этомъ отношеніи полную противоположность Дидро, и самъ признается, что „его идеи укладываются въ его головѣ съ невѣроятными трудностями и что онъ мысленно въ теченіе пяти или шести ночей передѣлываетъ нѣкоторые изъ своихъ періодовъ по нѣскольку разъ, прежде чѣмъ перенесетъ ихъ на бумагу. „Онъ сознавался, что даже „простое письмо о самыхъ пустыхъ предметахъ стоитъ ему часы утомительныхъ усилій“, и что онъ не въ состояніи усвоить себѣ легкаго и пріятнаго тона и можетъ имѣть успѣхъ только „въ такихъ трудахъ, которые требуютъ настойчивой работы“.—За то, наоборотъ, въ этомъ пылающемъ горнѣ, подъ вліяніемъ продолжительной и напряженной работы мысли, стиль, безпрестанно передѣлываемый и перековываемый, пріобрѣтаетъ такую прочность и такой закалъ, какого мы не находимъ больше нигдѣ. Со времени Лабрюйера не встрѣчалось такихъ полныхъ, такихъ мужественныхъ фразъ, гдѣ бы гнѣвъ, восхищеніе, негодованіе, страсть сконцентрированные и обдуманые, выступали бы съ болѣе рельефностію и съ болѣе строгою опредѣленностію. Онъ почти равенъ Лабрюйеру по части расположенія эффектовъ, расчитаннаго искусства въ ихъ развитіи, по краткости своихъ рѣзкихъ выводовъ, по убійственной непреклон-

ности своих неожиданных отвѣтовъ, по безчисленности своихъ литературныхъ успѣховъ и въ отношеніи выполненія смѣлыхъ вещей, портретовъ, описаній, параллелей, порицаній, гдѣ точно въ музыкальномъ *crescendo* какой нибудь бравурной аріи, развивается одна и таже идея, но постоянно измѣняемая подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе сильныхъ выраженій и достигающая, или даже превосходящая въ заключительной нотѣ, всю ту энергію и всю ту силу, какія только въ ней содержатся. У Руссо есть то, чего не хватаетъ Лабрюйеру: у него есть связь между отдѣльными отрывками. Онъ пишетъ не только страницы, но и цѣлыя книги и нѣтъ другого, болѣе сжатаго и строгаго логика! Его доказательства связываются между собой, въ теченіе двухъ или трехъ томовъ, точно петли громадной сѣти, въ которой нѣтъ выхода и въ которую вы поневолѣ закрутываетесь. Это — систематикъ, погруженный въ самого себя, который упрямо устремилъ взоры на свою мечту или на свой принципъ и погружаясь въ нихъ все болѣе и болѣе, съ каждымъ днемъ тщательно разматываетъ одно за другимъ всѣ послѣдствія, постоянно держа въ рукѣ всю свою сѣть. Не притрогивайтесь къ ней! Подобно одинокому и пугливому пауку, онъ соткалъ всю эту сѣть изъ собственнаго тѣла, изъ самыхъ дорогихъ убѣжденій своего ума и самыхъ сокровенныхъ чувствъ своего сердца. При малѣйшемъ толчкѣ онъ уже дрожитъ и въ своей защитѣ становится ужасенъ, выходя изъ себя, и дѣлаясь даже ядовитымъ, вслѣдствіи своей сдержанной злобы и пораненной чувствительности. Онъ съ остервенѣніемъ бросается на своего противника и душитъ его въ многочисленныхъ и крѣпкихъ нитяхъ своей паутины. Но еще болѣе опасный для самого себя, нежели для своихъ враговъ, онъ скоро запутывается въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ, убѣжденный что Франція и весь міръ, составили заговоръ противъ него. Онъ выводитъ съ изумительною утонченностью всѣ доказательства этого воображаемаго заговора и, наконецъ, придя въ отчаяніе, подъ впечатлѣніемъ придуманнаго имъ, слишкомъ правдоподобнаго романа, задыхается самъ въ удивительныхъ силкахъ, созданныхъ силою его воображенія и логики.

Владѣя подобнымъ оружіемъ, человѣкъ, конечно, рискуетъ убить самого себя, но все же онъ становится могущественнымъ. Руссо былъ имъ, въ такой мѣрѣ, какъ и Вольтеръ, и можно сказать, что вторая половина вѣка ему принадлежитъ. Иностранецъ, протестантъ, человѣкъ оригинальнаго темперамента, воспитанія, сердца, ума и нравственности, онъ былъ, въ одно и тоже время, филантропомъ и мизантропомъ, обитателемъ идеальнаго міра, построеннаго имъ въ противоположность реальному и оказался стоящимъ на совершенно новой точки зрѣнія.

Нѣтъ никого, кто былъ бы такъ чувствителенъ къ порокамъ и бѣдствіямъ существующаго общества. Нѣтъ никого, кого бы трогали такъ сильно счастье и добродѣтели будущаго общества. Вотъ почему онъ съ двухъ сторонъ овладѣваетъ общественнымъ умомъ: посредствомъ сатиры и посредствомъ идилліи. Безъ сомнѣнія, въ настоящее время онъ уже не такъ дѣйствуетъ на читающую публику; его сатира и идиллія не находятъ прежней пищи и мы уже не представляемъ той аудиторіи, къ которой онъ обращался раньше. Знаменитыя рѣчи о вліяніи изящной литературы и о происхожденіи неравенства кажутся намъ напыщенными школьными рѣчами. Надо сдѣлать надъ собою усиліе воли, чтобы прочесть *Новую Элоизу*. Авторъ отталкиваетъ насъ непрерывностью своего озлобленія и преувеличеніемъ своего энтузіазма. Онъ всегда вдается въ крайности и то съ угрюмымъ видомъ наморщиваетъ брови, то со слезами на глазахъ воздѣваетъ руки къ небу. Гипербола, прозопопея и другія литературныя махинаціи играютъ у него слишкомъ большую роль и выдвигаются слишкомъ намѣренно. Мы склонны видѣть въ немъ то софиста, прибѣгающаго къ ухищреніямъ, то насаживающагося ритора, то проповѣдника, который горячится, т. е. во всѣхъ случаяхъ, мы видимъ въ немъ актера, который защищаетъ извѣстный тезисъ и принимаетъ для этого различныя позы, отыскивая, въ тоже время различныя эффе́кты. Такъ, за исключеніемъ исповѣди, его стиль всюду насъ быстро утомляетъ; онъ слишкомъ изученъ и постоянно натянутъ. Авторъ всегда остается авторомъ и сообщаетъ свои недостатки

своимъ дѣйствующимъ лицамъ. Его Юлія разсуждаетъ и ораторствуетъ на протяженіи двадцати страницъ кряду о дуэли, о любви, о долгѣ, съ такою логикою и талантомъ, что ея фразы сдѣлали бы честь любому академику моралисту. Всюду встрѣчаются общія мѣста, общія темы, нагроможденія сентенцій и отвлеченныхъ разсужденій, т. е. всѣхъ, болѣе или менѣе пустыхъ истинъ и болѣе или менѣе безсодержательныхъ парадоксовъ. Самый маленькій фактъ, сообщаемый со всѣми подробностями, анекдоты, черты нравовъ, пришлось бы намъ гораздо болѣе по вкусу, потому что теперь мы предпочитаемъ точное краснорѣчіе вещей расплывчатому краснорѣчію словъ. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ дѣло, однако, стояло иначе и для всякаго писателя такой ораторскій стиль былъ обязательнымъ параднымъ костюмомъ, тѣмъ платьемъ, которое необходимо было надѣвать на себя, для того чтобы быть принятымъ въ общество порядочныхъ людей. То, что намъ теперь кажется принужденностью, тогда считалось лишь хорошими манерами, — въ классическомъ вѣкѣ, изящно отдѣланные періоды и послѣдовательное развитіе основной идеи относились къ области приличій и поэтому были обязательными. — Замѣтьте, къ тому же, что эта литературная драпировка, которая скрываетъ отъ насъ истину въ настоящее время, не скрывала ее отъ современниковъ; они видѣли за нею точныя очертанія и тѣ осязательныя подробности, которыхъ мы не видимъ больше. Всѣ эти злоупотребленія, пороки, крайности утонченности и культуры, всѣ эти социальныя и нравственныя болѣзни, которыя Руссо бичевалъ своими фразами, какъ авторъ, находились тутъ передъ его глазами, въ ихъ сердцахъ, видимые и ясные каждому и выражающіеся въ тысячахъ ежедневныхъ и домашнихъ примѣровъ. Чтобы найти приложеніе для его сатиры надо было только осмотрѣться кругомъ и вспомнить. Собственный опытъ дополнялъ книгу и авторъ, при содѣйствіи своихъ читателей, получалъ ту силу и власть, которыхъ ему недостаетъ въ настоящее время. Поставимъ себя на мѣсто этихъ читателей и мы получимъ тѣ же впечатлѣнія. Его выходки, его сарказмы, всякаго рода грубости, которыя онъ адресуетъ великимъ міра сего, моднымъ

франтамъ и свѣтскимъ дамамъ, его рѣзкій и прямой тонъ должны были задѣвать и вызывать скандалъ, но онъ не вызывалъ неудовольствія. Наоборотъ, послѣ столькихъ комплиментовъ, пошлостей, приторныхъ стишковъ, такія выходки дѣйствовали возбуждающимъ образомъ на притупленный вкусъ. Онъ вызывали такое же ощущеніе, какое вызываетъ простое, крѣпкое вино, послѣ долгаго употребленія оршадовъ и лимонадовъ. Поэтому-то его первая рѣчь противъ искусства и изящной словесности была превознесена „до облаковъ“. Но его идиллія трогаетъ сердца еще сильнѣе, нежели его сатира. Если ужъ люди слушаютъ моралиста, который бранить ихъ, то, разумѣется, они, съ еще съ большимъ увлеченіемъ, устремятся вслѣдъ за волшебникомъ, который ихъ очаровываетъ. Въ особенности же женщины и молодые люди всегда отдаются всецѣло тому, кто покажетъ имъ обѣтованную землю. Все накопившееся недовольство, утомленіе настоящимъ, скука, смутное отвращеніе и множество погребенныхъ въ себѣ желаній, вырываются наружу, подобно подземнымъ водамъ, подъ ударомъ бури, впервые зовущаго ихъ на свѣтъ. Такой именно ударъ былъ нанесенъ Руссо очень вѣрно и очень глубоко, благодаря случайности и генію. Въ этомъ совершенно искусственномъ обществѣ, гдѣ люди являются салонными куклами, а жизнь состоитъ въ исполненіи какого-то парада, съ надлежащею граціей, и по опредѣленному образцу, Руссо проповѣдывалъ возвращеніе къ природѣ, независимость, серьезность, страсти, изліянія, мужественную, дѣятельную, счастливую и свободную жизнь на открытомъ воздухѣ и подъ солнечными лучами. Какой исходъ для всѣхъ подавленныхъ способностей, для богатаго и широкаго источника, который всегда течетъ въ глубинѣ человѣческой души и которому весь этотъ міръ не оставляетъ выхода! — Придворная дама видала до сихъ поръ любовь только такую, какая господствовала въ обществѣ; это было простое влеченіе, часто одно только простое времяпрепровожденіе, или даже одна только любезность, причемъ изысканная вѣжливость плохо скрывала слабость и холодность чувства, или подчасъ злую шутку — словомъ, все

это были однѣ похождения и забавы, и дѣйствующія лица напоминали тѣ, которыя были описаны Кребиллономъ-сыномъ. Но вотъ однажды, передъ своимъ отправленіемъ на балъ Оперы, эта придворная дама находитъ на своемъ туалетѣ *Новую Элоизу*. Я не удивлюсь, если она заставитъ ждать своихъ лошадей и людей у подъѣзда подрядъ нѣскольکو часовъ и, наконецъ, въ четыре часа утра, прикажетъ распрягать лошадей и проведетъ остальную часть ночи за книгой, заглушая свои слезы. Вѣдь въ первый разъ она увидѣла чело-вѣка, который любитъ.

Точно также, если вы захотите понять успѣхъ Эмиля, то вспомните дѣтей, которыхъ мы описали, этихъ малень-кихъ господчиковъ, разряженныхъ, расшитыхъ золотомъ, напудренныхъ, со шпагою и бантомъ у бедра, со шля-пою подъ мышкой, дѣлающихъ реве-рансы, предлагающихъ руку, изучаю-щихъ передъ зеркаломъ красивыя позы, повторяющихъ заученные ком-плименты и представляющихъ изъ себя красивыхъ куколъ, въ которыхъ все, отъ головы до пятокъ, было дѣ-ломъ портного, парикмахера, учителя и танцмейстера. Рядомъ съ ними пред-ставьте себѣ маленькихъ, шестилѣт-нихъ дамъ, отличающихся еще боль-шею искусственностью, затянутыхъ въ корсетъ, наряженныхъ въ тяже-лая фижмы изъ конскаго волоса и окруженныхъ желѣзными обручами, отягощенныхъ прическами въ два фу-та вышины, словомъ, настоящихъ ку-колъ, которымъ подрумяниваютъ щеки и съ которыми мать забавляется чет-верть часа каждое утро, предоставляя ихъ потомъ горничнымъ на все осталь-ное время. Но вотъ эта мать прочла *Эмиля*; что-жъ удивительнаго, что послѣ этого она начинаетъ сама раз-дѣвать свою бѣдную крошку и даже проектируетъ въ будущемъ сама кор-мить своего ребенка. Именно такіе контрасты и составили силу Руссо. Онъ показалъ восходъ солнца людямъ, которые привыкли вставать только въ полдень; онъ показалъ сельскій ланд-шафтъ такимъ взорамъ, которые до сихъ поръ видѣли только салоны и дворцы; онъ показалъ настоящій садъ тѣмъ, кто до сихъ поръ прогули-вался только по аллеямъ изъ под-стриженныхъ грабовъ и среди прямо-линейныхъ цвѣтниковъ; показалъ де-

ревню, уединеніе, семью, народъ, про-стыя и задушевныя удовольствія всѣмъ этимъ городскимъ жителямъ, утомленнымъ сухостью свѣта, изли-шествами и усложненіями роскоши и однообразною комедіей, которую имъ приходилось разыгрывать каждый ве-черъ, при свѣтѣ сотенъ свѣчей, то у себя, то у другихъ. Слушатели, нахо-дящіеся въ подобномъ настроеніи, не могутъ ясно отличить напыщенности отъ искренности и истинной чувстви-тельности отъ притворной. Они слѣ-дуютъ за авторомъ, какъ за чело-вѣкомъ, принесшимъ имъ откровеніе, какъ за пророкомъ, и идутъ за нимъ до самаго конца его идеальнаго міра, еще болѣе увлекаемые его преувели-ченіями, нежели его настоящими от-крытіями, заходя одинаково далеко, какъ по пути заблужденія, такъ и по пути истины.

Все это великія литературныя силы вѣка. Но тѣ самые элементы, которые образовали главные таланты, образо-вали также и второстепенные таланты. Ниже Руссо стоитъ цѣлый рядъ чув-ствительныхъ и краснорѣчивыхъ пи-сателей: Бернарденъ-де-Сенъ-Пьерръ, Райналь, Тома, Мармонтель, Мабли, Флоріанъ, Дюпати, Мерсье, г-жа де Сталь; ниже Вольтера—рядъ остроум-ныхъ и язвительныхъ умовъ: Дюкло, Пиронъ, Гальяни, президентъ де-Броссъ, Ривароль, Шамфоръ и — вы-ражаясь точнѣе—всѣ остальные. Вся-кій разъ, когда изъ земли начинаетъ бить какая нибудь струйка таланта, то какъ бы она ни была мала, она все таки служитъ для пропаганды и даль-нѣйшаго распространенія новаго уче-нія. Съ трудомъ можно найти какихъ нибудь два или три маленькихъ ру-чейка, которые текутъ въ противо-положномъ направленіи. Новая фило-софія проникаетъ всюду, черезъ всѣ каналы тайные и явные, то при по-средствѣ руководствъ къ нечестію, *карманныхъ теологій* и похотливыхъ романовъ, которые прячутся подъ по-лой, то при помощи мелкихъ шалов-ливыхъ стихотвореній, эпиграммъ и пѣсенокъ, составляющихъ новость каж-дое утро, то въ формѣ балаганныхъ представлений, академическихъ рѣчей, трагедіи и оперы. Это тянется отъ на-чала вѣка до конца его. Кажется, какъ будто на свѣтѣ не существуетъ болѣе ничего другого, кромѣ этой философіи: во всякомъ случаѣ она

встрѣчается повсюду и переполняетъ собою всѣ роды литературы. Никто, однако, не заботится о томъ, что она ихъ обезображиваетъ; достаточно того что они служатъ для нея проводникомъ. Въ 1763 г., въ трагедіи Манко Капакъ, „главная роль, по словамъ одного современника, принадлежитъ дикарю, который въ стихахъ рассказываетъ все то, что мы читали раньше, въ разныхъ мѣстахъ, въ *Эмиль* и въ *Общественномъ договорѣ*, насчетъ королей, свободы, правъ человѣка и неравенства условий“. Этотъ добродѣтельный дикарь спасаетъ сына короля, надъ которымъ великій жрецъ уже занесъ кинжалъ, и указывая поочередно то на великаго жреца, то на самого себя, восклицаетъ: „Вотъ цивилизованный человѣкъ, а вотъ дикарь!“ Эти стихи вызвали оглушительные аплодисменты и имѣли огромный успѣхъ, такъ что пьесу потребовали въ Версаль и она была играна въ присутствіи двора.

Оставалось только выразить тоже самое, но уже въ болѣе искусной блестящей, веселой, живой и скандальной формѣ и это было сдѣлано въ *Свадьбѣ Фигаро*. Никогда еще мысль вѣка не появлялась въ болѣе прозрачномъ и въ болѣе привлекательномъ костюмѣ. Заглавіе этой пьесы „День безумствъ“ и дѣйствительно она изображаетъ вечеръ всякаго рода безумствъ, послѣужинныя забавы, такія, которыя были тогда въ модѣ въ великосвѣтскомъ кругу. Это—французскій маскарадъ въ испанскихъ костюмахъ, съ цѣлою вереницей разныхъ одѣяній, измѣнчивыхъ декорацій, куплетовъ и танцевъ, балетомъ, танцующей и поющей деревней и пестрою толпою всевозможныхъ лицъ,—дворянъ, слугъ, дуэній, судей, стряпчихъ, адвокатовъ, учителей музыки, садовниковъ, пастуховъ и т. д. Словомъ, это было интересное зрѣлище для глазъ и ушей представлявшее полную противоположность комедіи, господствовавшей до сихъ поръ, въ которой обыкновенно трое картонныхъ дѣйствующихъ лицъ, возсѣдая на классическихъ креслахъ, въ какой-то абстрактной гостиной обмѣнивались между собою дидактическими разсужденіями. Но что еще лучше: это была путаница избыливающая дѣйствіемъ, среди интригъ, которыя скрещиваются, завязываются и развязываются снова, среди сумя-

тицы разныхъ переодѣваній, неожиданностей сюрпризовъ, ошибокъ, прыжковъ изъ окна, враждебныхъ схватокъ и пощечинъ. Все это было выражено яркимъ, сверкающимъ слогомъ, гдѣ каждая фраза блеститъ всѣми своими гранями и гдѣ реплики какъ будто отдѣланы рукою ювелира. Глаза охотно остановились бы на блестящихъ и разнообразныхъ красотахъ языка, если-бы умъ не былъ увлеченъ быстротою діалога и кипучестью дѣйствія. Но тутъ есть еще другая привлекательность, самая неотразимая для всего этого свѣтскаго міра, который восторгался Парни. По словамъ графа д'Артуа, которыя я не осмѣливаюсь повторить здѣсь, вся сила и соль этой пьесы заключается въ воззваніи къ чувствамъ, въ пробужденіи чувственности. Зрѣющій и сочный плодъ, висящій на вѣткѣ, не падаетъ, но кажется готовымъ упасть. Всѣ руки протягиваются къ нему, чтобы сорвать его и сладострастіе хотя и прикрытое немного вуалью, но ставшее отъ этого еще болѣе вызывающимъ, проглядываетъ въ каждой сценѣ, въ волокитствѣ графа, въ смущеніи графини, въ наивности Фаншетты, въ веселыхъ выходкахъ Фигаро, въ вольностяхъ Сусанны и заканчивается раннею скороспѣлостью Шерюбена. Прибавьте къ этому постоянную двусмысленность, заключенную въ каждомъ словѣ автора, прячущагося за своими дѣйствующими лицами, и истину, влагаемую имъ въ ихъ уста. Сдѣлавъ это, вы поймете, какимъ образомъ Бомарше могъ вывести на сцену старый режимъ передъ людьми, являющимися высшими представителями этого режима, могъ поставить передъ ними политическую и социальную сатиру и публично приклеить къ каждому злоупотребленію какой нибудь ярлыкъ,—такое слово которое становится пословицей и производитъ шумъ разрывающейся петарды. Онъ могъ, въ нѣсколькихъ чертахъ изобразить всю полемику философовъ противъ государственныхъ тюремъ, противъ цензуры произведений печати, противъ продажности и покупки должностей, противъ привилегіи рожденія, противъ произвола министровъ, противъ неспособности людей, занимающихъ государственныхъ должности, и—мало того—могъ резюмировать въ одномъ единствен-

номъ лицѣ всѣ общественныя требованія и дать эту первую роль плебею, незаконнорожденному, бродягѣ и лакею, который, въ силу своей ловкости, мужества и веселаго нрава, держится на поверхности воды, плыветъ противъ теченія и пробираясь впередъ на своей маленькой лодочкѣ, избѣгаетъ столкновений съ большими судами и даже опережаетъ судно своего господина, разбрасывая съ каждымъ ударомъ весель цѣлый дождь остротъ на всѣхъ своихъ соперниковъ.—Въ концѣ концовъ, остроуміе—это большая сила, по крайней мѣрѣ во Франціи. Достаточно было для обезпеченія успѣха философіи, чтобы литература предложила ей свои услуги. Передъ такимъ сообщничествомъ публика уже не въ состояній была сопротивляться и барыня уже безъ труда убѣждаетъ тѣхъ, которыхъ раньше соблазнила ея же служанка.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Публика во Франціи.—I. Аристократія.—Аристократія всегда противится нововведеніямъ.—Чѣмъ обуславливается это.—Примѣры этого въ Англіи.—II. Во Франціи встрѣчаются совершенно противоположныя условія.—Бездѣятельность высшаго класса.—Философія представляется просто упражненіемъ ума.—Она служитъ, кромѣ того, пищей для разговора.—Философскіе разговоры въ XVIII вѣкѣ.—Превосходство этихъ разговоровъ и ихъ прелесть.—Привлекательность, которой они обладают.—III. Другія послѣдствія бездѣятельности.—Духъ скептицизма, распушенности и фронтёрства.—Старинная озлобленность и новое недовольство на существующій порядокъ.—Симпатіи, возбуждаемыя теоріями, которыя нападаютъ на этотъ порядокъ.—Въ какой мѣрѣ усваиваются эти теоріи.—IV. Распространеніе ихъ въ высшихъ классахъ.—Успѣхи невѣрія въ религію.—Происхождение этого невѣрія.—Оно прорывается наружу при Регентствѣ.—Возрастающее возбужденіе противъ духовенства.—Материализмъ салоновъ.—Возвышеніе науки.—Окончательное мнѣніе о религіи.—Скептицизмъ высшаго духовенства.—V. Прогрессъ оппозиціи въ политикѣ.—Его происхождение.—Экономисты и парламентаристы.—Они расчищаютъ дорогу философамъ.—Фронтъ въ салонахъ.—Либерализмъ женщинъ.—VI. Безконечныя и неопредѣленныя надежды.—Великодушныя чувства и поведенія.—Кротость и добрыя намѣренія правительства.—Ослѣпленіе и оптимизмъ.

I.

Однако, нужно все-таки, чтобы публика пожелала, чтобы ее убѣждали и соблазняли. Публика вѣритъ только тогда, когда она расположена къ этому и что касается успѣха книгъ, то

она зачастую участвуетъ въ этомъ больше самого автора. Когда вы заговариваете съ людьми о религіи или политикѣ, то вамъ, почти всегда, приходится убѣждаться, что у нихъ существуетъ уже готовое мнѣніе на этотъ счетъ; ихъ предразсудки, интересы и положеніе заранѣе уже опредѣлили ихъ образъ мыслей въ этомъ отношеніи и они будутъ слушать васъ лишь въ томъ случаѣ, если вы станете имъ говорить громко то, что они думаютъ про себя. Попробуйте-ка предложить имъ разрушить великое социальное зданіе, чтобы снова выстроить его, но уже по совершенно противоположному плану, и вы увидите, что слушать васъ будутъ только люди, живущіе въ очень плохихъ условіяхъ или совсѣмъ не имѣющіе пристанища, тѣ, которые обитаютъ на чердакахъ и въ подвалахъ, или же спятъ подъ открытымъ небомъ, гдѣ нибудь около домовъ и на незастроенныхъ мѣстахъ. Что же касается большинства жильцовъ, ютящихся въ тѣсныхъ, но все-таки сносныхъ помѣщеніяхъ, то они боятся всякихъ переѣздовъ и крѣпко держатся за старыя привычки. Но съ высшимъ классомъ, занимающимъ всѣ лучшія помѣщенія, сладить еще труднѣе; для того, чтобы этотъ классъ согласился принять вашъ проэктъ, необходимо, чтобы его ослѣпленіе или безкорыстіе дошли до крайнихъ предѣловъ. Въ Англіи этотъ классъ очень скоро замѣтилъ грозящую ему опасность, несмотря на то, что философія тамъ возникла раньше и представляла чисто мѣстный продуктъ, но она не могла тамъ акклиматизироваться. Въ 1729 году Монтескье писалъ въ своей памятной книжкѣ, во время поѣздки въ Англію: „Въ Англіи нѣтъ религіи. На богослуженіи и проповѣди въ палатѣ присутствуютъ не болѣе четырехъ или пяти членовъ палаты общинъ. Если кто нибудь заговоритъ о религіи, то всѣ начинаютъ смѣяться... Человѣкъ, сказавшій при мнѣ: я вѣрю въ это, какъ въ символъ вѣры, вызвалъ всеобщій смѣхъ... Существуетъ комитетъ, обязанный заботиться о положеніи религіи въ странѣ, но его считаютъ нелѣпымъ учрежденіемъ“... Однако, черезъ пятьдесятъ лѣтъ въ общественномъ мнѣніи произошла перемѣна и всѣ тѣ, „кто имѣетъ надъ своею головою прочную крышу, а на своихъ плечахъ хорошую

одежду“ говорить Маколей, повидимому узрѣли ясно, куда ведетъ новое ученіе. Во всякомъ случаѣ, они поняли, что кабинетныя умозаключенія нельзя дѣлать предметомъ уличныхъ проповѣдей. Невѣріе имъ уже кажется нескромностью и на религію они начинаютъ смотрѣть какъ на цементъ, поддерживающій общественный порядокъ. И это оттого, что сами они— общественные дѣятели, участвующіе въ управленіи страной и наученные личнымъ и ежедневнымъ опытомъ, практика жизни предостерегаетъ ихъ отъ увлеченія камерами теоретиковъ; они, вѣдь, лично испытали, какъ трудно сдерживать людей и руководить ими. Они сами управляли государственною машиною и знаютъ, какъ она дѣйствуетъ, на что она годна и чего она стоитъ и поэтому у нихъ не можетъ явиться искушенія бросить ее въ кучу стараго хлама, чтобы испробовать другую машину, которую предлагаютъ имъ, какъ болѣе совершенную, но которая на самомъ дѣлѣ существуетъ только на бумагѣ. Баронетъ или эсквайръ, исправляющій должность судьи въ своихъ владѣніяхъ, безъ труда видитъ въ священникѣ своего прихода своего неизбѣжнаго сотрудника и естественнаго союзника. Герцогъ или маркизь, засѣдающій въ Верхней Палатѣ, рядомъ съ епископами, нуждается въ ихъ голосахъ, чтобы провести свой законопроектъ и въ ихъ помощи, чтобы привлечь на сторону своей партіи пятнадцать тысячъ священниковъ, располагающихъ сельскими голосами. Такимъ образомъ, каждый держитъ въ своихъ рукахъ которыйнибудь изъ общественныхъ приборовъ, большой или маленькій, главный или второстепенный, и это обстоятельство заставляетъ относиться серьезно и предусмотрительно къ такимъ вопросамъ и рѣшать ихъ на основаніи здраваго смысла. Когда приходится имѣть дѣло съ реальными вещами, то не можетъ явиться желанія витать въ воображаемомъ мірѣ. Ужъ одна такая работа на твердой почвѣ заставляетъ человѣка питать отвращеніе къ порханію въ пустомъ, воздушномъ пространствѣ. Чѣмъ болѣе человѣкъ занятъ, тѣмъ менѣе онъ склоненъ къ мечтательности и геометрія общественнаго договора (Contrat Social) представляется дѣловому человѣку только игрою ума, не больше.

П.

Во Франціи было наоборотъ. „Я пріѣхалъ въ 1774 году“, говоритъ одинъ англійскій джентльменъ, прямо изъ дома отца, который никогда не возвращался изъ парламента раньше трехъ часовъ ночи и котораго я видѣлъ занятымъ все утро корректурую своихъ рѣчей для газетъ. Поцѣловавъ насъ второпяхъ и съ разсѣяннымъ видомъ, онъ отправлялся на какойнибудь политическій обѣдъ... Во Франціи я встрѣчалъ людей самаго высокаго происхожденія, которые наслаждались весьма пріятнымъ досугомъ. Если они и видѣлись съ министрами, то лишь для того, чтобы наговорить имъ любезностей и въ свою очередь, услышать отъ нихъ заявленія почтенія, что же касается дѣлъ Франціи, то они оставались имъ также чужды, какъ и дѣла Японіи“. Но еще болѣе чужды были имъ мѣстныя дѣла, такъ какъ крестьянъ они знали только по отчетамъ своихъ управляющихъ. Если ктонибудь изъ нихъ и отправлялся въ провинцію, получивъ титулъ губернатора, то дѣлалъ это обыкновенно только для вида. Всѣ дѣла и все управленіе всецѣло лежали на интендантѣ, онъ же самъ былъ только представителемъ и устраивалъ великолѣпные и пышные пріемы и обѣды. Принимать гостей, задавать блестящіе обѣды, занимать приглашенныхъ— вотъ въ чемъ заключались занятія вельможъ; поэтому, какъ управленіе дѣлами, такъ и религія, служили для нихъ только предметами разговора. Къ тому же они вели разговоръ только съ равными и поэтому имѣли право все говорить, находясь въ такомъ хорошемъ обществѣ. Прибавьте къ этому, что социальный механизмъ вертится самъ собой, подобно солнечной системѣ, съ незапамятныхъ временъ и собственными силами, — такъ могутъ ли разстроить его движенія какіянибудь слова, сказанныя въ салонѣ? Во всякомъ случаѣ, аристократъ не управляетъ государственнымъ механизмомъ и поэтому не можетъ нести на себѣ отвѣтственность за его дѣйствія. Къ чему же онъ сталъ бы тревожить себя какиминибудь мыслями или угрюмыми заботами! Легко и смѣло идетъ онъ по стопамъ философовъ, не соприкасаясь съ реальными вещами, вслѣдствіе чего онъ и можетъ всецѣло отдаваться идеямъ, вродѣ

юноши изъ хорошей семьи, который, только что выйдя изъ школы, усваиваетъ себѣ какой нибудь принципъ и затѣмъ уже выводитъ изъ него всѣ послѣдствія и строить даже цѣлую систему, нисколько не заботясь о ея приложеніи.

Ничего не можетъ быть пріятнѣе такихъ порывовъ мысли. Умъ возносится на вершины и паритъ, какъ будто у него есть крылья. Однимъ взглядомъ онъ охватываетъ самые широкіе горизонты, всю человѣческую жизнь, всю экономію міра, принципъ вселенной, религіи, общества. Да и кромѣ того, какая уже можетъ быть бесѣда безъ философіи? Какой же это будетъ высшій кругъ если въ него не будутъ допущены разсужденія о высшей политикѣ и высшая критика? И что же другое можетъ объединять умныхъ людей, какъ не это желаніе сообща обсуждать важные вопросы?

Въ теченіе уже двухъ вѣковъ, во Франціи, разговоръ постоянно касается этого; оттого онъ и обладаетъ такою привлекательностью. Иностранцы не въ силахъ противостоятъ его обаянію; дома у нихъ, вѣдь, нѣтъ ничего подобнаго! Лордъ Честерфильдъ выставляетъ этотъ разговоръ какъ образецъ умной бесѣды. „Разговоръ постоянно вращается, говоритъ онъ, около какихъ нибудь вопросовъ исторіи, критики, и даже философіи, что, разумѣется, болѣе приличествуетъ разумнымъ существамъ, нежели всѣ наши англійскія разсужденія о погодѣ и вистѣ“. — Руссо, такой ворчунъ, и тотъ признаетъ, что какой нибудь „вопросъ нравственности нисколько не лучше обсуждается въ обществѣ философовъ, нежели въ обществѣ какой либо хорошенькой женщины, въ Парижѣ“. Безъ сомнѣнія, тамъ бываетъ много болтовни, но если какой нибудь „человѣкъ съ вѣсомъ“, заговоритъ о чемъ нибудь важномъ или возбудитъ какой нибудь серьезный вопросъ, то, даже въ самый разгаръ болтовни, общее вниманіе тотчасъ же сосредочивается на новомъ предметѣ. Мужчины, женщины, старики, молодые люди—всѣ тотчасъ же начинаютъ разматривать этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ и надо удивляться разумнымъ заключеніямъ и здравому смыслу, который обнаруживаютъ всѣ эти „вѣтренныя головы“. Въ самомъ дѣлѣ, на этомъ вѣчномъ

праздникѣ, который устраиваетъ себѣ блестящее общество, философія является главною приманкой. Безъ философіи обыкновенная болтовня была бы слишкомъ безцвѣтной и пошлой. Философія же является чѣмъ-то вродѣ высшаго театральнаго представленія, въ которомъ проходятъ передъ глазами, то слѣдуя одна за другой, то сталкиваясь другъ съ другомъ, наряженные въ степенные или въ комическіе костюмы, всѣ великія идеи, какія только могутъ заинтересовать мыслящую голову. Трагедія того времени почти не отличается отъ этого представленія, за исключеніемъ того только, что она всегда сохраняетъ торжественную форму и что ее играютъ въ театрѣ, тогда какъ упомянутое представленіе принимаетъ самый разнообразный обликъ и разыгрывается вездѣ, потому что разговоръ ведутъ вездѣ. Нѣтъ ни одного обѣда и ни одного ужина, гдѣ бы не велось такихъ разговоровъ за столомъ, среди самой утонченной роскоши, среди улыбающихся и разряженныхъ женщинъ, умныхъ и любезныхъ мужчинъ, въ избранномъ обществѣ, гдѣ умъ схватываетъ быстро слова и гдѣ отношенія прочно установлены, уже за вторымъ блюдомъ собесѣдники воодушевляются, остроумныя замѣчанія такъ и сыплются со всѣхъ сторонъ, а умы сверкаютъ и искрятся. Что жъ удивительнаго, что за десертомъ даже самыя важныя вещи дѣлаются предметомъ остроумныхъ шутокъ? И вотъ когда подають кофе, то выдвигается на сцену вопросъ о безсмертіи души и о существованіи Бога.

Чтобы яснѣе представить себѣ эту смѣлую и чарующую бесѣду, необходимо пересмотрѣть переписку, маленькіе трактаты и діалоги Дидро и Вольтера, самое живое, самое остроумное, самое пикантное и самое глубокое, что только существуетъ въ литературѣ того вѣка. Но вѣдь и это представляетъ только осадокъ живой бесѣды, ея мертвые остатки. Вся эта написанная философія была когда-то высказана на словахъ и высказана съ удареніемъ, увлеченіемъ, съ неподражаемою естественностью импровизаціи, совсѣми жестами и измѣнчивостью выраженія лица, проникнутаго то ѣдкой насмѣшкой, то энтузіазмомъ. И теперь еще эта бесѣда, хотя уже давно остывшая и изложенная на бумагѣ, все-

таки соблазняетъ и увлекаетъ васъ, что же было тогда, когда эта бесѣда лилась, вся трепещущая жизнью, изъ устъ Вольтера и Дидро? Въ Парижѣ ежедневно бывали такіе ужины, какіе описываетъ Вольтеръ, гдѣ два философа, три умныя дамы, знаменитый еврей Пинто, пасторъ реформатской церкви батавскаго посольства, секретарь князя Голицына, греческаго вѣроисповѣданія и швейцарскій капитанъ“, собравшись вокругъ стола, обмѣнивались, въ теченіи четырехъ часовъ кряду, анекдотами, остротами, всякими замѣчаніями и сужденіями объ всѣхъ „предметахъ любознательности, науки и вкуса“. Къ барону Гольбаху прѣзжали по очереди всѣ самые образованные и выдающіеся иностранцы: Юмъ, Уильксъ, Стернъ, Беккариа, Верри, аббатъ Галиани, Гарриксъ, Франклинъ, Пристлей, лордъ Шельбурнъ, графъ Крейцъ и принцъ Брауншвейгскій, будущій Майнцскій курфирсть. Основою же круга барона были Дидро, Руссо, Гельвецій, Дюкло, Рейналь, Сюаръ, Мармонтель, Буланже, кавалеръ де-Шастеллюксъ, путешественникъ Ля-Кондаминъ, врачъ Бартець и химикъ Руэлль. Два раза въ недѣлю, по воскресеньямъ и четвергамъ, — „впрочемъ не исключая и другихъ дней“, — у него устраивались обѣды въ два часа пополудни, какъ это было тогда въ обычаѣ, имѣющемъ немало важное значеніе, потому что такимъ образомъ, для бесѣды и веселья, берегались лучшіе часы дня и силы человѣка. Въ тѣ времена бесѣда не откладывалась до поздняго, ночного часа. Не было надобности, какъ теперь откладывать ее ради труда, добыванія денегъ, или занятій въ палатѣ и на биржѣ — бесѣда была важнѣйшимъ занятіемъ жизни. — „Пробывъ въ два часа, говоритъ Морелли, мы оставались почти всѣ до шести или семи часовъ вечера... Вотъ гдѣ можно было услышать самый свободный, самый оживленный и самый поучительный разговоръ, какой только могъ существовать... Не было ни одного смѣлаго политическаго или религіознаго вопроса, который бы не былъ выдвинутъ и не обсуждался бы pro и contra... Часто одинъ кто нибудь требовалъ слова и спокойно излагалъ свою теорію, не прерываемый никѣмъ. Въ другіе разы возникалъ настоящій словесный поединокъ во всей формѣ,

а остальное общество было спокойнымъ слушателемъ. Тамъ именно я слышалъ Ру и Дарсе, которые излагали свою теорію земли, а Мармонтель — свои превосходные принципы, собранные имъ въ послѣдствіи подъ именемъ *Элементовъ литературы*. Рейналь вычислялъ намъ въ ливрахъ, су и денье размѣры испанской торговли въ Веракруцѣ и англійской, — въ ея колоніяхъ. „Дидро импровизировалъ объ искусствѣ, нравственности и метафизикѣ съ неподражаемымъ пыломъ, съ тѣмъ богатствомъ выраженія, преизобиліемъ образовъ и логики, съ тѣми находками стилиа и мимикой, которыя принадлежали только ему и блѣдное изображеніе которыхъ сохранилось лишь въ трехъ или четырехъ изъ его произведеній. Среди этого общества, секретарь неаполитанскаго посольства, хорошенькій, геніальный карликъ, нѣчто вродѣ „Платона или Маккиавелли, съ жестами и пылкостью арлекина“, неистощимый рассказчикъ, превосходный шутъ, самый совершенный скептикъ, „не вѣрящій ни чему и ни во что“, даже въ новую философію, вдругъ бросаетъ вызовъ салоннымъ атеистамъ и побиваетъ ихъ дифирамбы своими каламбурами. Взобравшись на кресло съ обѣими ногами, онъ сидитъ на корточкахъ, скрестивъ ноги, и держа свой парикъ въ рукахъ, доказываетъ въ комической баснѣ своимъ собесѣдникамъ, что они „резонируютъ или резонируютъ“ (*raisonnent ou résonnent*) точно *кувшины (cruches)* или по крайней мѣрѣ какъ колокола (*cloche*)*), но во всякомъ случаѣ также плохо разсуждаютъ, какъ теологи. „Это была самая пикантная сцена на свѣтѣ, говоритъ одинъ изъ присутствовавшихъ; — она была интереснѣе самаго лучшаго театральнаго представленія и лучше самой веселой забавы.

Могли ли дворяне, проводящіе свою жизнь въ разговорахъ, удержаться отъ того, чтобы не искать общества людей, которые говорятъ такъ хорошо! Для нихъ это было также трудно, какъ было бы трудно предписать ихъ женамъ, ежедневно отправляющимся въ театръ и устраивающимъ домашніе спектакли, не приглашать къ себѣ знаменитыхъ актеровъ и пѣвцовъ,

*) Игра словъ: *cruche* означаетъ *кувшинъ* и *болванъ*, *cloche* означаетъ *колоколъ* и *хромой*.

Желиотта, Сенвалля, Превиля и молодого Моле, который, заболѣвъ однажды и нуждаясь въ укрѣпляющихъ напиткахъ, „получилъ сразу болѣе двухъ тысячъ бутылокъ всевозможныхъ винъ отъ разныхъ придворныхъ дамъ“, а также дѣвицу Клеронъ, которая, заключенная по приказу короля въ Форъ-л'Эвекъ, привлекла туда „необычайное стеченіе каретъ“ и царила среди избраннаго общества, въ самомъ лучшемъ помѣщеніи тюрьмы. Когда на жизнь смотрятъ съ точки зрѣнія развлеченія, то философъ со всѣми своими идеями становится столь же необходимъ въ салонѣ, какъ и люстра со всѣми своими свѣчами. Онъ становится какъ бы частицею новой роскоши и даже служитъ предметомъ вывоза за-границу. Монархи, среди своего великолѣпія и на вершинѣ своихъ успѣховъ, призываютъ ихъ къ себѣ, чтобы вкусить, хоть одинъ разъ въ своей жизни, все удовольствіе свободной и прекрасной бесѣды. Когда Вольтеръ пріѣхалъ въ Пруссію, то Фридрихъ II непременно хотѣлъ поцѣловать ему руку, ухаживалъ за нимъ, точно за своею любовницею, и даже позднѣе, послѣ столькихъ взаимныхъ колкостей, онъ все-таки не могъ обойтись безъ письменной бесѣды съ нимъ. Екатерина II призываетъ къ себѣ Дидро и каждый день, въ теченіе двухъ или трехъ часовъ, изощряется съ нимъ въ остроуміи. Густавъ III, во время пребыванія во Франціи, былъ близокъ съ Мормонтелемъ и считалъ за величайшую честь посѣщеніе Руссо. О Вольтерѣ справедливо говорятъ, что онъ держалъ въ рукахъ цѣлую „игру четырехъ королей“, Пруссіи, Швеціи, Даніи и Россіи, не считая второстепенныхъ картъ — принцевъ, принцессъ, великихъ герцоговъ или маркграфовъ. Очевидно, въ томъ свѣтскомъ кругу первая роль принадлежала писателямъ; въ обществѣ только и говорили, что про ихъ дѣла и поступки и не уставали оказывать имъ всякое вниманіе. „Здѣсь, пишетъ Юмъ Робертсону, я питаюсь только амброзіей, пью только нектаръ, вдыхаю только одни эміамы и ступаю только по цвѣтамъ. Всякій мужчина, котораго я встрѣчаю въ обществѣ и тѣмъ болѣе всякая дама, считала бы это нарушеніемъ своей первѣйшей обязанности, если бы она не обрати-

лась ко мнѣ съ длинною и остроумною рѣчью, прославляющею меня“. Когда его представили ко двору, въ Версалѣ, то будущій Людовикъ XVI, тогда десятилѣтній мальчикъ, будущій Людовикъ XVIII—тогда восьмилѣтній и будущій Карлъ X—четырехлѣтній ребенокъ, сказали ему каждый по комплименту по поводу его книги. —Мнѣ незачѣмъ описывать здѣсь возвращеніе Вольтера, его триумфальный въѣздъ въ Парижъ и то, что академія въ полномъ своемъ составѣ выходила встрѣчать его, что его коляска была остановлена толпою, а всѣ улицы, по пути запружены народомъ, окна же, балконы и лѣстницы были переполнены его восторженными поклонниками. Нечего рассказывать, какъ въ театрѣ зрители, опьянѣвшіе отъ восторга не переставали ему аплодировать, какъ снаружи весь народъ ожидалъ его и провожалъ къ дому шумными криками, какъ въ его салонахъ, точно въ пріемной короля, постоянно толпились посѣтители, — вельможи, которые, прижатые толпою къ двери, вытягивались, чтобы поймать хоть одно его слово, а знатныя дамы становились на ципочки, чтобы удобнѣе слѣдить за малѣйшимъ его жестомъ. „Для того, чтобы постичь то, что я испытывалъ, говоритъ одинъ изъ присутствовавшихъ, — надо было подышать тою атмосферою, которою я дышалъ тогда; это была атмосфера энтузіазма“. — „Я говорилъ съ нимъ!“ — достаточно было одной этой фразы, чтобы превратить перваго встрѣчнаго въ важную особу. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь значитъ такой человекъ говорилъ съ замѣчательнѣйшимъ капельмейстеромъ па свѣтѣ, руководящимъ вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ баломъ, на которомъ въ вихрѣ носятся серьезныя идеи и шаловливыя мысли, одѣтыя въ хорошенькія юбочки. Этотъ капельмейстеръ былъ признаннымъ руководителемъ всеобщей бесѣды; онъ доставлялъ темы, давалъ тонъ, выбиралъ тактъ, сообщалъ воодушевленіе и первый ударялъ смычкомъ.

III.

Замѣтьте, какими криками привѣтствовали Вольтера. Ему кричали: „Да здравствуетъ авторъ Генріады, защитникъ Калласовъ, авторъ „Pucelle“! Никто, въ настоящее время, не испустилъ бы, ни перваго ни втораго изъ

этихъ восклицаній. Однако это указываетъ намъ главную склонность вѣка; отъ писателей требовались тогда не просто идеи, а идеи оппозиціоннаго характера. Лишить дѣятельности аристократіи—значить вселить въ нее духъ фронтдерства; вѣдь человекъ охотно подчиняется правиламъ только тогда, когда онъ помогаетъ ихъ приложенію. Хотите вы привлечь его на сторону правительства? — Устройте же такъ, чтобы онъ участвовалъ въ управленіи дѣлами страны. Если же вы этого не сдѣлаете, то оставшись простымъ зрителемъ, онъ будетъ подмѣчать всюду только однѣ ошибки, будетъ чувствовать только однѣ стѣсненія и поэтому будетъ расположенъ только критиковать и свистать. Дѣйствительно, въ этомъ случаѣ онъ, какъ будто, находится въ театрѣ, ну а въ театрѣ идутъ, вѣдь, забавляться и прежде всего не желаютъ испытывать тамъ никакихъ стѣсненій. Но какъ много стѣсненій заключается въ существующемъ порядкѣ и даже во всякомъ установленномъ порядкѣ! Прежде всего такимъ стѣсненіемъ является религія! Для милыхъ „бездѣльниковъ“, описанныхъ Вольтеромъ, для сотни тысячъ человекъ, не имѣющихъ никакого другого дѣла, кромѣ игры и развлеченій, религія является весьма стѣснительнымъ педагогомъ, всегда ворчливымъ, враждебно относящимся къ чувственнымъ удовольствіямъ, къ свободнымъ разсужденіямъ, который сжигаетъ интересныя книги, и навязываетъ непонятныя догматы. Говоря по правдѣ, такой педагогъ—ненавистное чудовище и всякій, кто посылаетъ въ него стрѣлу, вызываетъ только благодарность остальныхъ.

Другая цѣль — это половая нравственность. Она кажется особенно тяжелою всѣмъ этимъ людямъ, ищущимъ только наслажденій, этимъ товарищамъ Ришелье, Лозена и Тилли, этимъ героямъ Кребильона — сына и всему этому веселому и распутному міру, для котораго всякая неправильность сдѣлалась правиломъ. Разумѣется, всѣ эти модные франты безъ затрудненія готовы будутъ принять такую теорію, которая оправдываетъ ихъ практику. Они будутъ очень рады узнать, что бракъ—это чистая условность и предразсудокъ. Они будутъ апплодировать Сенъ-Ламберу, когда онъ, подниметъ за ужиномъ бокаль съ шам-

панскимъ и провозгласитъ тостъ за возвращеніе къ природѣ и отаитскимъ нравамъ.

Послѣднею помѣхой и самою стѣснительною изъ всѣхъ, было правительство. Эта цѣпь была тяжелѣе всѣхъ остальныхъ, потому что она могла пользоваться всѣми другими цѣпями и давить на человека не только одною своею тяжестью, но и совокупностью всѣхъ остальныхъ. Правительство, абсолютное и централизованное, для успѣшнаго воздѣйствія должно было пускаться въ ходъ милости. Но оно отстало отъ вѣка, дѣлало ошибки и испытывало неудачи. Сколько въ этихъ немногихъ словахъ заключалось причинъ къ неудовольствію! Противъ правительства было смутное и глухое недовольство прежнихъ властей, которыхъ оно лишило прежняго могущества: провинціальныхъ штатовъ, парламентовъ, важныхъ провинціальныхъ лицъ, стариннаго дворянства, сохранявшаго, какъ Мирабо, прежній феодальный духъ. Оно вызывало также раздраженіе всѣхъ тѣхъ, которые считали себя обиженными при распредѣленіи должностей и милостей, и къ этому числу принадлежало не только провинціальное дворянство, остающееся за дверью въ то время, какъ придворное дворянство участвовало въ королевскихъ пиршествахъ, но и то огромное число придворныхъ, которые вынуждены были довольствоваться остатками этихъ пиршествъ, въ то время, какъ любимцы, принадлежащіе къ маленькому интимному кругу короля, пожирали всѣ лучшіе куски. Противъ правительства высказывается также и недовольство управляемыхъ, которые, видя, что оно беретъ на себя роль провидѣнія и берется рѣшительно за все, также начинаютъ все на него взваливать и обвинять его какъ за дороговизну хлѣба, такъ и за порчу дорогъ. Противъ него возстаютъ и новыя идеи гуманности, и въ самыхъ элегантныхъ салонахъ его обвиняютъ въ томъ, что оно поддерживаетъ устарѣвшіе остатки варварской эпохи, дурную систему налоговъ, неправильно распредѣленныхъ и плохо взимаемыхъ, кровожадные законы, слѣпую судебную процедуру, жестокія пытки, преслѣдованіе протестантовъ, арестные бланки и государственныя тюрьмы. Я еще не касаюсь тутъ всѣхъ изли-

шествъ и скандаловъ, въ которыхъ оказывалось виновнымъ правительство; всѣхъ его неудачъ и позорныхъ дѣлъ. Отвращеніе къ нему возникаетъ оттого, что рѣшительно все идетъ плохо. И зрители этой пьесы начинаютъ говорить другъ другу, что не только пьеса плоха, но и самый театръ плохо построенъ, неудобенъ, узокъ и душенъ до такой степени, что для того, чтобы расположиться въ немъ удобнѣе, необходимо его разрушить и вновь перестроить, съ самаго верха до самаго низа.

Въ этотъ только моментъ являются новые архитекторы со своими спеціальными выкладками и готовыми планами, доказывая при этомъ, что всѣ великія общественныя зданія, — религіи, нравственность, общества, — представляютъ изъ себя грубыя и нездоровыя постройки, такъ какъ до сихъ поръ они строились изъ отдѣльныхъ кусковъ, по мѣрѣ надобности, и очень часто эту постройку соорудили безумцы и варвары, и ужъ во всякомъ случаѣ ее строили не настоящіе архитекторы, а простые каменщики, дѣйствовавшіе всегда случайно и ошупью, безъ всякихъ принциповъ. Но себя они считаютъ настоящими архитекторами. У нихъ есть принципы: разумъ, природа, права человѣка — принципы простые и плодотворные, понятные каждому и достаточно только извлечь изъ нихъ все самое главное, чтобы замѣнить безформенныя строенія прошедшаго великолѣпнымъ зданіемъ будущаго.

Искушеніе было велико для невольныхъ, неособенно благочестивыхъ, для всѣхъ этихъ эпикурейцевъ и филантроповъ. Они охотно усваиваютъ себѣ правила, которыя кажутся отвѣчающими ихъ тайнымъ желаніямъ; по крайней мѣрѣ они принимаютъ ихъ въ теоріи и на словахъ. Великія слова: свобода, справедливость, общественное благо, достоинство человѣка, — такъ прекрасны и въ тоже время такъ неопредѣленны! Какое сердце можетъ удержаться отъ любви къ нимъ и какой умъ въ состояніи предвидѣть всѣ ихъ приложенія? И это тѣмъ болѣе, что до самаго послѣдняго момента теорія не спускается со своихъ вершинъ, оставаясь въ предѣлахъ отвлеченій и продолжая походить на академическія разсужденія, какъ какъ тутъ дѣло шло о человѣ-

кѣ, самомъ по себѣ, объ общественномъ договорѣ и воображаемомъ, совершенномъ государствѣ. Найдется ли въ Версалѣ хоть одинъ придворный, который отказался бы декретировать равенство въ такомъ мифическомъ городѣ? Между двумя этажами человѣческаго ума, верхнемъ — гдѣ ткутся чистѣйшія абстрактныя разсужденія, и нижнемъ — гдѣ заключаются вѣрованія, сообщеніе далеко не совершенно и происходитъ далеко не быстро. Множество принциповъ такъ и не выходятъ никогда изъ верхняго этажа, оставаясь тамъ въ видѣ курьезовъ; это все тонкіе, остроумныя механизмы которые охотно выставляются на показъ, но никогда почти не употребляются въ дѣло. Если иной разъ владѣлецъ дома и переноситъ ихъ изъ верхняго этажа въ нижній, то все же онъ пользуется ими лишь на половину; установленныя привычки, интересы или инстинкты, болѣе ранніе и поэтому болѣе сильныя, ограничиваютъ ихъ употребленіе. Но въ этомъ отношеніи его нельзя упрекнуть въ недобросовѣстности; вѣдь каждый изъ насъ исповѣдуетъ истины, которыя онъ не прилагаетъ на практикѣ! Однажды вечеромъ, когда неуклюжій адвокатъ Тарже взялъ шепотку табаку изъ табакерки маршалши Бово, то маршалша чуть не задохлась отъ негодованія на такую фамиллярность, хотя ея салонъ былъ просто маленькимъ демократическимъ клубомъ. Мирабо, вернувшись домой изъ засѣданія, въ которомъ онъ во-тировалъ уничтоженіе всѣхъ дворянскихъ титуловъ, смѣясь взялъ за ухо своего лакея, вышедшаго къ нему на встрѣчу, и прокричалъ своимъ громовымъ голосомъ: „Ага, плуть! надѣюсь, что для тебя-то я все-таки остаюсь господиномъ графомъ?“ Это указываетъ въ какой степени аристократическая голова вмѣщаетъ новыя теоріи. Онѣ занимаютъ верхній этажъ и тамъ онѣ ткутъ, съ шумнымъ весельемъ безконечную пряжу свѣтской бесѣды. Жужжаніе этого тканья не прерывается въ теченіе всего вѣка. Никогда еще въ салонахъ не сыпались въ такомъ изобиліи общія фразы и прекрасныя слова! Кое что изъ всего этого попадало и въ нижній этажъ, хотя это и была только пыль, надежды и довѣріе къ будущему, къ разуму, вѣра въ истину, добрая воля,

великодушное благожелательство и энтузіазмъ, который проходит скоро, но который может иногда возвыситься до степени самоотреченія и жертвъ.

IV.

Прослѣдимъ теперь успѣхи филозофіи въ высшихъ классахъ. На долю религіи выпадаютъ первыя и самыя тяжкіе удары и маленькая группа скептиковъ, едва замѣтная при Людовикѣ XIV, подъ шумокъ увеличиваетъ свои ряды. Въ 1698 г., пфальцграфиня, мать регента, пишетъ, что во Франціи нельзя найти ни одного молодого человѣка, который бы не пожелалъ быть атеистомъ. Съ наступленіемъ регенства „невѣріе уже болѣе не скрывается“. — „Я не думаю, — говоритъ таже пфальцграфиня, — бы въ Парижѣ можно было найти, какъ среди духовныхъ, такъ и среди свѣтскихъ, сто человѣкъ, которые бы дѣйствительно вѣрили, или, по крайней мѣрѣ, вѣрили бы въ Господа Бога. Эта мысль заставляетъ содрогаться...“ — Въ свѣтѣ роль духовныхъ лицъ также становится затруднительной и повидимому они либо дѣлаются посмѣшищами, либо исполняютъ роль фигляровъ. — „Какъ только мы появляемся — говоритъ одинъ изъ нихъ, — то насъ тотчасъ же заставляютъ спорить. Насъ заставляютъ, напримѣръ, доказывать полезность молитвы такому человѣку, который не вѣритъ въ Бога, или необходимость поста такому, который всю жизнь свою отрицалъ безсмертіе души. Такая задача довольно затруднительна и насмѣшники, само собою разумѣется, находятъ не на нашей сторонѣ“. — Вскорѣ, однако, скандальная продажа исповѣдныхъ свидѣтельствъ и упорное сопротивленіе епископовъ, не допускающихъ никакого обложенія налогами церковныхъ имуществъ, начинаетъ возбуждать общественное мнѣніе противъ духовенства, а впоследствии и противъ религіи. „Слѣдуетъ опасаться, говоритъ Барбье въ 1751 г., чтобы это не кончилось серьезно. Въ этой странѣ еще можетъ произойти революція ради одного только перехода въ протестанскую религію.“ — „Ненависть къ священникамъ, пишетъ д'Аржансонъ въ 1753 г., доходитъ до послѣдней степени. Они почти не могутъ показываться на улицахъ безъ того, чтобы не быть осви-

станными... Такъ какъ наша нація и нашъ вѣкъ иначе просвѣщены“, чѣмъ во времена Лютера, „то мы дойдемъ до крайности и тогда будутъ изгнаны всѣ священники, всякое священнодѣйствіе, всякое откровеніе и всякая тайна...“

Въ хорошемъ обществѣ никто уже больше не рѣшается говорить въ пользу духовенства; это считается позоромъ и вызываетъ обвиненіе въ сочувствіи къ инквизиціи... Священники замѣтили въ этомъ году уменьшеніе числа своихъ причастниковъ болѣе чѣмъ на треть. Коллегія іезуитовъ пустѣетъ; сто двадцать пенсіонеровъ были взяты отъ этихъ, теперь заклейменныхъ монаховъ... Замѣчено также, во время парижскаго карнавала, что никогда еще не бывало такого количества масокъ въ костюмахъ, изображающихъ духовенство, епископовъ, аббатовъ, монаховъ и монахинь...“ Антипатія такъ велика, что даже самыя посредственныя книги производятъ фуроръ, если только онѣ проникнуты антихристіанскимъ направленіемъ и поэтому подвергаются преслѣдованію. Въ 1748 году, сочиненіе Туссена въ пользу естественной религіи, озаглавленное *Нравы*, получаетъ вдругъ такую распространенность, что въ извѣстномъ кругу, говоритъ Барбье, не найдется пожалуй ни одного человѣка, мужчины или женщины, причисляющихъ себя къ умнымъ людямъ, которые бы не пожелали его прочесть. При встрѣчѣ на прогулкѣ обыкновенно спрашивали другъ друга: „читали ли вы *Нравы*?“ — Черезъ десять лѣтъ деизмъ уже былъ оставленъ позади. „Материализмъ, говоритъ опять таки Барбье, — вотъ наше горе...“ — „Почти всѣ люди занимающіеся наукой или обладающіе блестящимъ умомъ, — пишетъ д'Аржансонъ — обрушиваются на нашу святую религію... Ее распатываютъ со всѣхъ сторонъ и усилія ханжей заставить вѣрить еще болѣе воодушляютъ невѣрующихъ. Эти святоши пишутъ книги, которыхъ никто не читаетъ. Никто уже больше не споритъ и только надо всѣмъ смѣются упорствуя въ своемъ материализмѣ“. Горасъ Вальполь, возвратившійся во Францію въ 1765 году и, благодаря своему здравому смыслу, понявшій опасность, которая грозитъ ей, изумляется такой неосторожности: „Я обѣдалъ сегодня, говоритъ онъ, — въ об-

шесть дюжины ученых, и хотя все слуги присутствовали тут же, прислуживая за столом, тем не менее разговор был настолько свободен, даже когда дело касалось Ветхаго Завѣта, что я бы не потерпѣлъ этого за своим собственным столомъ въ Англіи, если бы даже тутъ никого не было, кромѣ одного лакея“. Вездѣ занимаются опасными умствованіями. „Смѣхъ совершенно вышелъ изъ моды, какъ и всякія игрушки. У нашихъ почтенныхъ людей нѣтъ времени веселиться; у нихъ слишкомъ много дѣла. Прежде всего имъ надо свергнуть Бога и короля, и надъ этимъ трудятся самымъ добросовѣстнымъ образомъ все и каждый, мужчины и женщины. Въ ихъ глазахъ я измѣнникъ, потому что я сохранилъ еще кое-какія вѣрованія“. — „Знаете ли вы, что представляютъ изъ себя философы, и что означаетъ здѣсь это слово? Во-первыхъ, къ нимъ причисляются рѣшительно все, а затѣмъ этимъ словомъ обозначаютъ людей, которые объявляютъ себя врагами папизма, но которые въ большинствѣ случаевъ стремятся только къ испроверженію всякой религіи.“ — „Эти ученые, — прошу у нихъ прощенія, — эти философы — просто невыносимы; они поверхностны, надменны и фанатичны. Они постоянно проповѣдуютъ и такъ свободно, что вѣрится съ трудомъ. Ученіе же ихъ, по собственному ихъ признанію, это — атеизмъ.... Даже Вольтеръ больше не удовлетворяютъ ихъ и одна изъ дамъ, прозелитокъ новаго ученія, говорила мнѣ о немъ: „Онъ — ханжа; вѣдь онъ деистъ“.

Это уже достаточно сильно, но мы все еще не дошли до конца, такъ какъ невѣріе пока не столько было дѣломъ убѣжденія, сколько моды. Такой хорошей наблюдатель, какъ Вальполь, не могъ не замѣтить этого. „Изъ того, что я вамъ сказалъ по поводу ихъ религіозныхъ или, вѣрнѣе, антирелигіозныхъ взглядовъ, — пишетъ онъ — не слѣдуетъ выводить заключенія, что знатные люди, по крайней мѣрѣ мужчины, были бы дѣйствительно атеистами. Къ счастью для нихъ, этихъ бѣднягъ, они неспособны заходить такъ далеко въ своихъ разсужденіяхъ, но соглашаются со многими чудовищными вещами, потому что такова мода и потому что они не

знаютъ, какъ возражать на нихъ.“ — Въ настоящее время, когда „франты уже вышли изъ моды“, и когда все „считаютъ себя философами“, необходимо быть такими, какъ все. Если что и приходится имъ по вкусу въ новомъ материализмѣ, такъ это пикантность парадокса и свобода наслажденія. Это просто школьники изъ хорошей семьи, устраивающіе разныя штуки своему духовному учителю. Они заимствуютъ изъ научныхъ теорій то, изъ чего могутъ соорудить для философа ослиный колпакъ и ихъ собственныя проказы темъ болѣе забавляютъ ихъ самихъ, чѣмъ сильнѣе они приправлены невѣріемъ. Одинъ придворный вельможа, увидѣвъ картину Дуайена „Святая Женевьева среди зачумленныхъ“, пригласилъ на другой же день этого художника въ свой загородный домъ, къ своей любовницѣ, и сказалъ ему: „я бы хотѣлъ, чтобы вы нарисовали эту даму на качеляхъ, которыя раскачиваетъ епископъ, а меня вы должны помѣстить на картинѣ такимъ образомъ, чтобы я могъ видѣть ноги этого прекраснаго ребенка, а пожалуй и еще что-нибудь получше, если только вы желаете сдѣлать вашу картину еще занимательнѣе“.

Пѣсенка „Marotte“, очень непристойная, имѣла чудовищный успѣхъ. „Черезъ двѣ недѣли, послѣ того, какъ я ее написалъ, говоритъ Колле, я не могъ встрѣтить ни одного человѣка, у котораго бы не было копіи этой пѣсни. А между темъ успѣхъ ея заключается только въ водевилѣ, т. е. я хочу сказать — въ собраніи духовенства“. — Чѣмъ болѣе антирелигіозна книга непристойнаго содержанія, темъ болѣе она нравится. Если ее нельзя напечатать, то ее списываютъ. Колле насчитываетъ пожалуй около двухъ тысячъ рукописныхъ экземпляровъ „Rucelle“, которые въ одинъ мѣсяць распространились по всему Парижу. Сами судьи сжигаютъ такія книги только для формы. „Не думайте, чтобы господину палачу было дѣйствительно позволено бросать въ огонь книги, заглавія которыхъ фигурируютъ въ судебномъ приговорѣ. Господамъ судьямъ было бы слишкомъ досадно лишать свои библіотеки этихъ сочиненій, принадлежащихъ имъ по праву и потому судебный приставъ подмѣниваетъ рукописи какими ни-

будь свертками кляузныхъ бумагъ, въ которыхъ у него никогда не бываетъ недостатка“.

Но, по мѣрѣ того, какъ вѣкъ подвигается впередъ, невѣріе становится менѣ шумнымъ, но за то болѣе твердымъ. Оно получаетъ подкрѣпленіе въ самихъ источникахъ; женщины, и тѣ пристращаются къ наукамъ. Въ 1782 г. одно изъ дѣйствующихъ лицъ г-жи де-Жанлисъ пишетъ: „Пять лѣтъ тому назадъ я оставила ихъ думающими только о своихъ нарядахъ да объ обстановкѣ своихъ ужиновъ, а теперь я нахожу ихъ всѣхъ учеными и остроумными“. Въ кабинетѣ какойнибудь модной дамы того времени можно было пайти рядомъ съ маленькимъ алтаремъ, посвященнымъ благотворительности и дружбѣ, словарь по естествознанію и трактаты физики и химіи. Женщина заставляетъ рисовать себя уже не въ видѣ богини на облакѣ, но сидящей въ лабораторіи среди разныхъ приборовъ и телескоповъ. Маркиза де-Несль, графиня де-Бранкасъ, графиня де-Понъ, маркиза де-Полиньякъ отправляются къ Руэллю, когда онъ предпринимаетъ свои опыты надъ алмазами, которые онъ собираетъ расплавить и заставить улетучиться. Въ салонахъ организуются общества въ двадцать—двадцать пять человѣкъ для слушанія курса физики или прикладной химіи, минералогіи или ботаники. На публичномъ засѣданіи академіи надписей свѣтскія дамы аплодируютъ разсужденіямъ о быкѣ Аписѣ и взаимныхъ отношеніяхъ языковъ египетскаго, финикійскаго и греческаго. Наконецъ, въ 1786 году, онѣ заставляютъ открыть себѣ двери французской коллегіи. Ничто ихъ болѣе не отталкиваетъ. Многія изъ нихъ умѣютъ уже обращаться съ ланцетомъ и даже со скальпелемъ. Маркиза де-Буайе присутствуетъ на вскрытіяхъ, а молодая графиня де-Куаньи вскрываетъ трупы собственными руками.

На этомъ фундаментѣ, составляющемъ основу господствующей философіи, свѣтское невѣріе находитъ новую точку опоры. Къ концу вѣка можно видѣть молодыхъ людей, которые, побывавъ въ свѣтѣ шесть или семь лѣтъ, начинаютъ открыто хвастаться своимъ невѣріемъ, полагая, что оно можетъ замѣнить умъ и что „быть атеистомъ значитъ быть философомъ“.—Конечно, деистовъ остается

еще много, особенно со времени Руссо, но я не думаю, все-таки, чтобы на сто свѣтскихъ людей въ Парижѣ приходилось бы, хотя бы только десять христіанъ или христіанокъ. „Вотъ уже десять лѣтъ—говоритъ Мерсье, какъ свѣтское общество не посѣщаетъ обѣдни. Въ церковь ходятъ только по воскреснымъ днямъ и то лишь для того, чтобы не вводить въ соблазнъ лакеевъ, хотя эти послѣдніе отлично понимаютъ, что это дѣлается для нихъ“.—Герцогъ де-Куанъ, въ своемъ помѣстьи близъ Амьена, не дозволяетъ молиться за себя въ церкви и угрожаетъ священнику, что онъ будетъ сброшенъ съ кафедры, если позволить себѣ такую вольность. Когда его сынъ заболѣлъ, то онъ запретилъ священнику являться къ нему со Св. Дарами, а когда сынъ умеръ, то онъ не позволилъ хоронить его по церковному обряду и велѣлъ закопать его тѣло въ своемъ саду. Заболѣвъ самъ, онъ не пустилъ къ себѣ епископа Амьенскаго, являвшагося къ нему двѣнадцать разъ, чтобы повидаться съ нимъ, и умеръ такъ, какъ жилъ. Конечно, такой скандальный фактъ не можетъ пройти незамѣченнымъ и на него обращаютъ вниманіе, потому что онъ рѣдокъ, всѣ же остальные „соблюдаютъ приличіе формъ, соединяя его съ независимымъ образомъ мыслей“. Если горничная докладываетъ: „Герцогиня, Св. Дары здѣсь; можно ли впустить священника? Онъ бы желалъ имѣть честь причастить васъ“,—то соблюдаются внѣшнія приличія и непрошеннаго гостя вводятъ и обращаются съ нимъ вѣжливо. Если и выпроваживаютъ его, то не иначе, какъ подъ какимънибудь благовиднымъ предлогомъ; если же соглашаются исполнить его желаніе, то и это дѣлается только ради соблюденія приличій—„вѣдь въ каждой странѣ есть свои обычаи и напр. въ Суратѣ, умирающій долженъ держать коровій хвостъ въ рукѣ“! Никогда еще ни одно общество не удалялось такъ отъ христіанской религіи. Въ его глазахъ, положительная религія есть ничто иное, какъ народное суевѣріе, годное для дѣтей и простонародья, а никакъ не для „порядочныхъ людей“ и не для взрослыхъ. Вы должны приподнять шляпу, когда мимо васъ проходитъ церковная процессія, но болѣе ничего вы не обязаны дѣлать.

Послѣдній симптомъ и наиболѣе

серьезный изъ всѣхъ, это слѣдующій: если священники, трудящіеся и сами вышедшіе изъ народа, сохраняютъ народную вѣру, то прелаты, принадлежащіе къ свѣтскому обществу и ведущіе свѣтскіе разговоры, должны раздѣлять взгляды свѣта. И я не говорю здѣсь только о салонныхъ аббатахъ, домашнихъ царедворцахъ, разносителяхъ новостей, сочинителяхъ мелкихъ стишковъ, будуарныхъ угодикахъ, которые въ обществѣ служатъ эхомъ, а между салонами служатъ рупоромъ. Но вѣдь и эхо, и рупоръ только повторяютъ фразы, которыя въ нихъ бросаютъ, не разбирая выражаютъ ли онѣ скептицизмъ или нѣтъ. И это касается церковныхъ іерарховъ, насчетъ чего всѣ свидѣтельскія показанія сходятся. Въ Августѣ 1767 г., аббатъ Боссинэ, главный викарій въ Кагорѣ, произнося въ Луврской часовнѣ панегирикъ Людовику Святому, „отмѣнилъ все, до крестнаго знамени включительно. Онъ не привелъ ни одного текста, ни одной цитаты изъ священнаго писанія, ни одного слова о Богѣ и о святыхъ. Онъ разсматривалъ Людовика IX лишь со стороны его политическихъ, военныхъ и нравственныхъ добродѣтелей. Онъ порицалъ крестовыя походы, указывая на ихъ нелѣпость, жестокость и даже несправедливость. Онъ прямо нападалъ на римскій дворъ безъ всякой пощады“. — Другіе прелаты „избѣгаютъ упоминать съ кафедры имя Иисуса Христа и говорятъ лишь о законодателѣ христіанъ“. Одинъ тонкій наблюдатель слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ различія ранговъ и отѣнки поведенія, устанавливаемые для духовенства общественнымъ мнѣніемъ и социальными приличіями; „Простой священникъ, кюрэ, долженъ немного вѣрить, иначе онъ будетъ считаться лицомъромъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не долженъ быть убѣжденъ въ истинѣ своихъ вѣрованій, такъ какъ иначе его будутъ считать нетерпимымъ. Наоборотъ, старшій викарій можетъ улыбнуться, услышавъ шутку противъ религіи, епископъ же имѣетъ право хохотать по этому поводу, а кардиналъ прибавитъ еще свое слово“. — „Нѣсколько времени тому назадъ — говорится въ хроникѣ — одному изъ самыхъ почтенныхъ священниковъ Парижа было сказано: „ду-

маете ли вы, что епископы, постоянно выдвигающіе религію на первый планъ, дѣйствительно ее имѣютъ? — Добрый пастырь, поколебавшись съ минуту, отвѣтилъ: „пожалуй найдутся еще четверо или пятеро такихъ, которые еще сохранили вѣру“. — Для того, кому извѣстно ихъ происхожденіе, ихъ общество, ихъ привычки и ихъ вкусы, въ этихъ словахъ не заключается ничего невѣроятнаго. „Домъ Каллиньонъ, представитель аббатства Меттлахъ, верховный судья и священникъ Вальмюнстера“, красавецъ собой, отличный рассказчикъ и любезный хозяинъ, въ избѣжаніе скандала, обѣдаютъ со своими двумя любовницами лишь во тѣсномъ кругу знакомыхъ. Онъ такъ мало набоженъ, какъ только возможно, еще меньше того Савоярскаго викарія, „который видитъ зло только въ несправедливости и въ недостаткѣ милосердія; „религію же онъ считаетъ только политическимъ учрежденіемъ и нравственною уздой. Я бы могъ привести много другихъ, подобныхъ же викаріевъ, напр. Гримальди, молодого и любезнаго епископа города Мансъ, который назначилъ главными викаріями всѣхъ своихъ товарищей по классу и превратилъ свой загородный домъ въ Куланъ въ сборный пунктъ хорошенькихъ дамъ. По этимъ нравамъ можно судить о вѣрованіяхъ.

Въ другихъ случаяхъ выводы также напрашиваются сами собой. Кардиналъ де-Роганъ, архіепископъ Сенса де-Бриеннъ, епископъ Отенаде-Таллейранъ, аббатъ Мори, защитникъ духовенства, никто изъ нихъ не скрываетъ своего скептицизма. Ривароль, самъ такой же скептикъ, заявляетъ, что „просвѣщенные взгляды духовенства равнялись взглядамъ философовъ“ ко времени наступленія революціи. — „Кто повѣритъ, говоритъ Мерсье, что изъ всѣхъ сословій, духовенство наименѣе заражено предразсудками! Архіепископъ Нарбонскій, объясняя сопротивленіе высшаго духовенства въ 1791 г., приписываетъ его вовсе не вѣрѣ, а чувству сословной чести. „Мы поступали тогда какъ настоящіе джентельмены, потому что про большинство изъ насъ нельзя было сказать, чтобы его поступками двигала религія“.

V.

Отъ алтаря до трона разстояніе короткое, но тѣмъ не менѣе общественному мнѣнію понадобилось тридцать лѣтъ, чтобы пройти его. Въ теченіи первой половины вѣка еще нѣтъ ни политической, ни соціальной фронтды. Иронія *Персидскихъ писемъ*, столь же умѣренна, какъ и деликатна, а „*Духъ законовъ*“ написанъ даже въ консервативномъ духѣ. Что же касается аббата Сень-Пьеръ, то его фантазіи вызывали улыбку, а академія тотчасъ же вычеркнула его изъ своего списка, какъ только онъ осмѣлился высказать порицаніе Людовику XIV. Наконецъ экономисты съ одной стороны, а парламентаристы—съ другой подають сигналъ. „Около 1750 года, говоритъ Вольтеръ, нація, пресыщенная стихами, трагедіями, комедіями, романами, операми, романическими исторіями, нравственными размышленіями еще болѣе романическаго характера и спорами о граціи и волненіяхъ, принялась разсуждать о хлѣбѣ“. Почему хлѣбъ такъ дорогъ? Отчего земледѣлецъ находится въ такомъ жалкомъ положеніи? Въ чемъ заключается сущность и граница налоговъ? Не должна ли платить налогъ всякая земля и можетъ ли она платить больше того, что производитъ? Вотъ вопросы, которые попадаютъ въ салоны, являясь туда подъ покровительствомъ самого короля и черезъ посредство Кэне, его врача, „его мыслителя“, основателя новой системы, расширяющей права государя, чтобы облегчить народъ и умножающій число плательщиковъ налога для облегченія его бремени. — Въ то же время, черезъ противоположную дверь вступаютъ другіе вопросы, не менѣе новые. „Что представляетъ изъ себя Франція? Есть ли это ограниченная и представительная монархія или же правительство, вродѣ турецкаго? Живемъ ли мы подъ властью неограниченнаго повелителя, или же нами управляетъ ограниченная власть, состоящая подъ контролемъ?“ — „Изгнанные парламентаристы... принялись изучать общественное право у самыхъ источниковъ и разсуждать о немъ, точно въ академіи. Вслѣдствіе ихъ изслѣдованій въ обществѣ установилось мнѣніе, что нація выше короля, также какъ всемірная церковь выше папы“. — Пере-

мѣна разительная и наступаетъ она почти внезапно. „Не далѣе какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, говоритъ д'Аржансонъ, публика еще нисколько не интересовалась государственными новостями. Теперь же каждый читаетъ свою газету, даже въ провинціяхъ. О политикѣ разсуждаютъ вкривь и вкось, но все же ею занимаются“. — Разъ ухватившись за эту новую идею, разговоръ уже болѣе не покидаетъ ее и салоны открываютъ сначала свои двери политической философіи, затѣмъ соціальному договору, энциклопедіи, проповѣдямъ Руссо, Мабли, Гольбаха, Райналя и Дидро. Въ 1759 году д'Аржансонъ, разгорячившись, уже считаетъ себя близкимъ къ конечному моменту. „Вѣтъ философскимъ вѣтромъ свободаго и антимонархическаго правительства; онъ проникаетъ въ умы и возможно, что въ головахъ уже сложилось такое правительство и оно будетъ осуществлено при первомъ же представившемся случаѣ. Можетъ быть революція совершится и будетъ оспариваться меньше, чѣмъ мы думаемъ; она будетъ принята „единогласно“.

Но это произойдетъ не такъ еще скоро, какъ онъ полагаетъ, хотя сѣмена уже пускають ростки. Башомонъ, въ 1762 г., отмѣчаетъ цѣлый потокъ всякихъ памфлетовъ, брошюръ и политическихъ разсужденій и указываетъ на страсть къ разсужденію о финансахъ, о правительствѣ“. Въ 1765 г. Вальполь замѣчаетъ, что атеисты, которые руководятъ въ то время разговоромъ, обрушиваются съ такою же страстью на королей, какъ и на священниковъ. Опасное слово—*гражданинъ*, введенное Руссо, вошло въ обыденный разговоръ и, что особенно важно, — женщины украшаются имъ, точно кокардой. „Вы знаете, насколько я гражданка, пишетъ одна молодая дѣвушка своей подругѣ.—Какъ гражданка и какъ другъ, я не могла получить болѣе пріятной вѣсти, какъ вѣсть о здоровьи моей крошки и о мирѣ?“ — Другое слово, не менѣе знаменательное, это *энергія*, которое нѣкогда считалось смѣшнымъ, но теперь становится моднымъ и употребляется кстати и не кстати.—Вмѣстѣ съ языкомъ мѣняются и чувства и самыя знатныя дамы переходятъ въ оппозицію. Въ 1771 г. — говоритъ насмѣшникъ Безанваль, послѣ высылки парла-

мента, „всѣ общественныя увеселительныя собранія превращаются въ генеральныя штаты въ миниатюрѣ, гдѣ женщины, превратившись въ законодателей, устанавливаютъ первыя посылки и съ увѣренностью развиваютъ основныя положенія государственнаго права“. Графиня д'Эгмонтъ, состоявшая въ перепискѣ со шведскимъ королемъ, отправила ему меморію объ основныхъ законахъ Франціи, составленную въ пользу парламента,—этого послѣдняго защитника національныхъ вольностей, противъ посягательствъ канцлера Мопу. „Г. канцлеръ, пишетъ она — въ теченіи шести мѣсяцевъ заставилъ такихъ людей изучать исторію, которые такъ бы и умерли не зная ее“. — „Я не сомнѣваюсь, прибавляетъ она, что вы не станете злоупотреблять властью, которую опьянѣвшій народъ предоставляетъ вамъ безъ всякихъ ограниченій... Пусть ваше царствованіе сдѣлается эпохою свободнаго и независимаго правительства и никогда не будетъ источникомъ абсолютной власти“. Множество другихъ женщинъ, принадлежащихъ къ высшему, кругу г-жи де-ля-Маркъ, де-Буффлеръ, де-Бриеннь, де-Месмъ, де-Люксембургъ, де-Круа, думаютъ и пишутъ точно также. „Абсолютная власть, говоритъ одна изъ нихъ,—это смертельная болѣзнь, которая нечувствительнымъ образомъ подтачиваетъ нравственныя силы и кончаетъ тѣмъ, что разрушаетъ государство... Дѣйствія государей подлежатъ цензурѣ своихъ собственныхъ подданныхъ, какъ и всего остального міра... Франція погибнетъ, если будетъ продолжаться теперешнее управленіе“. — Когда при Людовикѣ XVI, новая администрація то выказываетъ поползновеніе къ реформамъ, то снова обращается вспять, дамы продолжаютъ критиковать ея дѣйствія. „Ребачество, слабость, постоянная непослѣдовательность, пишетъ другая,—вѣчныя перемѣны, которыя приводятъ только къ худшему. Старшій изъ братьевъ короля и графъ д'Артуа только что вернулись изъ путешествія по нашимъ провинціямъ. Но эти господа путешествуютъ, дѣлая чудовищныя расходы, производя опустошеніе на всемъ своемъ пути и не извлекаютъ изъ такой поѣздки ничего иного, кромѣ поразительнаго ожирѣнія. Принцъ растолстѣлъ какъ бочка; что же касается

графа д'Артуа, то его ожирѣнію препятствуетъ только жизнь, которую онъ ведетъ“.

Вмѣстѣ съ духомъ свободы проникаетъ въ женскія сердца и вѣяніе гуманности. Они начинаютъ интересоваться бѣдняками, низшими, народомъ. Г-жа д'Эгмонтъ совѣтуетъ Густаву III засадить Далекарлію картофелемъ. Когда былъ изданъ эстампъ въ пользу семьи — Каласа, то „вся Франція, и даже вся Европа поспѣшила подписаться на него и русская императрица внесла 5,000 ливровъ“. — „Земледѣліе, экономія, реформы, философія, пишетъ Вальполь—стали темою для разговоровъ хорошаго тона, даже при дворѣ“. — Когда президентъ Дюпати издалъ записку о трехъ невинныхъ, приговоренныхъ къ колесованію, то „въ свѣтѣ только и говорили, что объ этомъ“. „Эти разговоры въ обществѣ, говоритъ одна изъ корреспондентокъ Густава III,—нельзя считать праздными, потому что, благодаря имъ, формируется общественное мнѣніе. Слова превратились въ дѣйствія и всѣ чувствительныя сердца съ восторгомъ расхваливаютъ записку, проникнутую гуманнымъ чувствомъ, и которая кажется талантливой только потому, что она полна души“. — Когда Латюдъ вышелъ изъ тюрьмы, то г-жи Люксембургъ, де-Буффлеръ и Сталь, непременно захотѣли пообѣдать съ бакалейщицей г-жею Легро, которая „въ теченіи трехъ лѣтъ поставила верхъ дномъ небо и землю“, добиваясь освобожденія узника. Только благодаря женщинамъ, ихъ чувствительности, энергіи, ихъ разговорамъ и симпатіямъ, Лалли удалось реабилитировать своего отца. Когда женщины увлекаются чѣмънибудь, то дѣлаютъ это беззаветно. Г-жа де-Лозенъ, всегда такая робкая, дошла до того, что публично наговорила дерзостей человѣку, который осмѣлился дурно отзываться о Неккерѣ. — Не забудьте, что въ этомъ вѣкѣ женщины были царицами, онѣ устанавливали моду, руководили разговоромъ, слѣдовательно руководили и идеями, а поэтому и общественнымъ мнѣніемъ.

Но, если мы находимъ ихъ впереди, на политической аренѣ, то можемъ быть увѣрены все-таки, что за ними слѣдуютъ и мужчины. Каждая изъ нихъ увлекаетъ за собою весь свой салонъ.

VI.

Аристократія, пропитанная гуманитарными и радикальными принципами, придворные, враждебно относящіеся ко двору, привилегированные, помогающие подкапываться под свои привилегіи, — все это представляет странное зрѣлище, которое надо видѣть въ описаніяхъ очевидцевъ того времени. „Принципъ, требующій, чтобы все было измѣнено и перевернуто уже установленъ“ — пишетъ одинъ изъ современниковъ.

Вверху, какъ и внизу, въ собраніяхъ, въ общественныхъ мѣстахъ, среди привилегированныхъ встрѣчаются только люди оппозиціи и реформаторы. „Въ 1787 г., почти всѣ выдающіеся представители перства высказались въ парламентѣ въ пользу сопротивленія... Я слышалъ на обѣдахъ, которые соединяли насъ, почти всѣ тѣ идеи, которыя вскорѣ должны были выдвинутыя съ такимъ шумомъ. „Уже въ 1774 г., г. де-Вобланъ, отправляясь въ Мецъ, встрѣтился въ дилижансѣ съ однимъ духовнымъ лицомъ и однимъ графомъ, гусарскимъ полковникомъ, которые все время разговаривали о политической экономіи.

Тогда это было въ модѣ; всѣ были экономистами. Разговаривали только о философіи, политической экономіи и въ особенности о гуманности и способахъ облегчить положеніе народа. Эти послѣдніе два слова были у всѣхъ на устахъ“.

Прибавьте къ этому еще третье слово—равенство. Тома, въ своемъ похвальномъ словѣ маршалу де-Саксъ, сказалъ: „я не могу этого скрыть, въ его жилахъ текла кровь королей“ — и этой фразой всѣ восхищались. — Только въ нѣсколькихъ парламентскихъ или владѣльческихъ семьяхъ, глава сохранялъ еще старинный дворянскій и монархическій духъ; все же новое поколѣніе было совершенно во власти новыхъ идей. „Что касается насъ, французской дворянской молодежи, говоритъ одинъ изъ нихъ, — не сожалѣющихъ о прошломъ и не беспокоящихся о будущемъ, то мы весело шествовали по ковру изъ цвѣтовъ, скрывающему отъ насъ бездну. Мы насмѣхались надъ старинными модами, надъ феодальною гордостью нашихъ отцовъ, надъ ихъ серьезнымъ отношеніемъ къ этикету и все ста-

ринное казалось намъ стѣснительнымъ и смѣшнымъ. Важность старинныхъ доктринъ давила насъ, веселая же философія Вольтера насъ увлекала и забавляла. Не углубляясь въ философію болѣе серьезныхъ писателей, мы восхищались въ ней ея мужествомъ и сопротивленіемъ власти произвола... Свобода, какимъ бы языкомъ она ни выражалась, намъ нравилась своимъ мужествомъ; равенство—своими удобствами. Спускаться доставляетъ удовольствіе, когда знаешь, что можешь подняться опять во всякое время, если захочетъ. И мы, не думая о дальнѣйшемъ, наслаждались въ одно и тоже время, преимуществами патриціата и прелестями плейбейской философіи. И такъ, хотя это и были наши привилегіи, остатки нашего прежняго могущества, которое подрывали подъ нашими ногами, но эта маленькая война намъ нравилась. Мы еще не чувствовали ея ударовъ и только наслаждались ея зрѣлищемъ. Пока это были только сраженія на словахъ и перомъ, и они, какъ намъ казалось, не могли нанести никакого ущерба привилегированному существованію, которымъ мы наслаждались и которое мы считали незыблемымъ вслѣдствіе многовѣкового пользованія. Такъ какъ наружныя формы зданія оставались нетронутыми, то мы и не замѣчали, что его подкапывали изнутри. Мы смѣялись надъ серьезною тревогой стариннаго двора и духовенства, громившаго весь этотъ духъ нововведеній. Мы аплодировали въ нашихъ театрахъ республиканскимъ сценамъ, въ академіяхъ—философскимъ рѣчамъ и смѣлымъ произведеніямъ въ нашей литературѣ. Если неравенство еще и продолжало существовать въ распредѣленіи должностей и мѣстъ, то „въ обществѣ уже начинало царствовать равенство. Во многихъ случаяхъ литературное званіе давало преимущество надъ дворянскими титулами.

Придворные, всегдашніе слуги моды, ухаживали за Мармонтелемъ, д'Аламберомъ и Райналемъ. Въ свѣтѣ часто можно было встрѣтить второстепенныхъ и третьестепенныхъ литераторовъ, которымъ оказывали также вниманіе, какого не удостоивались провинціальныя дворяне... Учрежденія оставались монархическими, но нравы сдѣлались республиканскими. Мы пред-

почитали похвалу Дидро, д'Аламбера самому явному благоволенію какого-нибудь принца... Невозможно было проводить вечеръ у д'Аламбера, посѣщать отель Ла-Рошфуко, друзей Тюрго, присутствовать на завтракѣ аббата Райналя, быть допущеннымъ въ общество и семью г. де Мальзербъ, и видѣть вблизи самую любезную изъ королевъ и самого любезнаго изъ королей безъ того, чтобы въ душѣ не возникла увѣренность, что мы находимся у преддверія золотого вѣка, о которомъ предшествующіе вѣка намъ не могутъ дать никакого понятія...— Мы были ослѣплены призмой новыхъ идей и ученій, сіяли надеждой, пылали горячею любовью ко всякой славѣ, съ восторгомъ поклонялись всякому таланту и убаюкивали себя соблазнительными мечтами новой философіи, стремившейся обезпечить счастье человѣческаго рода. Мы были далеки отъ того, чтобы предвидѣть несчастье, крайности, преступленія, ниспроверженіе троновъ и принциповъ, и видѣли въ будущемъ только тѣ блага, которыя могли быть обезпечены человѣчеству царствомъ разума. Свобода была предоставлена всѣмъ сочиненіямъ реформаторовъ, всѣмъ проэкамъ обновленія, самымъ либеральнымъ мыслямъ и самымъ смѣлымъ системамъ. Каждый думалъ, что онъ подвигается къ совершенству, не смущаясь препятствіями и не опасаясь ихъ. Мы гордились тѣмъ, что мы французы и еще болѣе тѣмъ, что мы французы XVIII вѣка... Никогда еще такому ужасному пробужденію не предшествовалъ столь упоительный сонъ, сопровождаемый такими прекрасными сновидѣніями“.

Но они не ограничились только сновидѣніями, простыми желаніями и пассивными надеждами. Они дѣйствовали и въ самомъ дѣлѣ проявляли великодушіе. Достаточно было, чтобы какое-нибудь дѣло дѣйствительно было хорошимъ, чтобы сочувствіе ихъ уже было обезпечено. При первомъ извѣстіи объ американскомъ возстаніи, маркизъ Лафайетъ, покинувъ молодую, беременную жену, бѣжалъ, пренебрегая запрещеніями двора. Онъ купилъ фрегатъ, переѣхалъ океанъ и отправился сражаться рядомъ съ Вашингтономъ. „Какъ только я узналъ объ этомъ столкновеніи, говоритъ онъ, —то сердце мое уже было завербова-

но и я только и помышлялъ о томъ, какъ бы присоединиться къ моимъ знаменамъ“. Множество дворянъ послѣдовали за нимъ. Безъ сомнѣнія, они любятъ опасность и „возможность обмѣняться ружейными выстрѣлами слишкомъ соблазняла ихъ, чтобы они могли ею пренебречь“. Но, кромѣ того, тутъ дѣло шло и объ освобожденіи угнетенныхъ „мы могли показать себя философами, только какъ паладины, говоритъ одинъ изъ нихъ, и такимъ образомъ рыцарскій духъ поступаетъ тутъ на службу къ свободѣ.—Однако и другія обязанности, требующія большей усидчивости и менѣе блестящія, встрѣчаютъ съ ихъ стороны не меньшее рвеніе. На провинціальныхъ собраніяхъ, самые знатные люди въ провинціи, епископы, архіепископы, аббаты, герцоги, графы, маркизы, присоединившись къ наиболѣе именитымъ, зажиточнымъ и наиболѣе образованнымъ представителямъ третьяго сословія,—въ общемъ около тысячи человѣкъ, образующихъ избранное общество, т. е. весь его высшій классъ, созванный королемъ, — устанавливаютъ бюджетъ, защищаютъ плательщиковъ податей противъ фиска, составляютъ кадастръ, уравниваютъ подати, измѣняютъ повинности, заботятся о путяхъ сообщенія, умножаютъ число благотворительныхъ учрежденій, заботятся о просвѣщеніи земледѣльцевъ и предлагаютъ, поощряютъ и направляютъ всѣ реформы.

Я пересмотрѣлъ двадцать томовъ ихъ протоколовъ. Трудно найти лучшихъ гражданъ, болѣе неподкупныхъ и болѣе усердныхъ администраторовъ, которые бы потратили столько дарового труда, не имѣя въ виду никакой другой цѣли, кромѣ общественнаго блага. Ихъ доброе желаніе не подлежитъ сомнѣнію. Никогда еще аристократія не заслуживала до такой степени своей власти, какъ въ тотъ моментъ, когда она уже готова была ее потерять. Привилегированные, вырванные изъ своего бездѣйствія, снова сдѣлались общественными дѣятелями и вернувшись къ своей прежней роли, возвратились и къ своимъ обязанностямъ. Въ 1778 г., въ первомъ беррійскомъ собраніи, аббатъ де-Сегиранъ, докладчикъ, осмѣлился заявить, что распредѣленіе налоговъ должно быть братскимъ раздѣленіемъ общественныхъ тягостей“.

Въ 1780 г., аббаты, пріоры и капитулы той же провинціи предлагаютъ 60,000 ливровъ своихъ денегъ и нѣсколько дворянъ, менѣе чѣмъ въ сутки, прибавляютъ къ этой суммѣ еще 17,000 ливровъ. Въ 1787 году, въ Алансонскомъ собраніи, дворянство и духовенство даютъ въ складчину 30,000 ливровъ, чтобы облегчить неимущихъ плательщиковъ въ каждомъ приходѣ. Въ Апрѣлѣ 1787 года, король заявилъ въ собраніи нотаблей о „поспѣшности, съ которою архіепископы объявили о томъ, что они не претендуютъ ни на какое изъятіе въ дѣлѣ участія въ общественныхъ тягостяхъ“. Въ Маѣ, 1789 г., какъ только открылись окружныя собранія, то все духовенство, почти все дворянство, словомъ, весь классъ привилегированныхъ добровольно отказался отъ своихъ привилегій по отношенію къ налогамъ. Жертва эта была вотирована единогласно и привилегированные сами предложили ее третьему сословію. Надо видѣть въ рукописныхъ протоколахъ въ какихъ великодушныхъ и сочувственныхъ выраженіяхъ была предложена ими эта жертва. „Дворянство турскаго округа, говоритъ маркизъ де Лузиньянъ, принимая во вниманіе, что его члены прежде всего люди и граждане и потомъ уже дворяне, не находятъ другого способа болѣе соответствующаго вдохновляющему его духу справедливости и патриотизма, вознаградить себя за то долгое молчаніе, на которое оно было осуждено злоупотребленіемъ министерской власти какъ заявленіе своимъ согражданамъ, что оно не намѣрено далѣе пользоваться ни одною изъ денежныхъ привилегій, утвержденныхъ за нимъ старинными обычаями и что оно единогласно выражаетъ торжественное желаніе нести въ будущемъ съ полнымъ равенствомъ, и сообразно состоянію cadaго, всѣ тѣ налоги и общіе сборы, которые будутъ установлены съ согласія націи.—„Повторяю вамъ, говоритъ графъ де-Бюзансуа третьему сословію въ Берри,—мы все братья и мы хотимъ раздѣлить съ вами ваши тягости... Мы желаемъ внести въ собраніе штатовъ только единогласное требованіе и этимъ доказать что въ этомъ собраніи должно господствовать единеніе и гармонія. Я уполномоченъ предложить вамъ присое-

диниться къ намъ, чтобы составить только одну общую инструкцію“.— „Депутату необходимы три качества, —говоритъ маркизъ де-Барбансонъ, отъ имени дворянства Шатору,—честность, твердость и знаніе. Два первыя качества одинаково встрѣчаются у депутатовъ всѣхъ трехъ разрядовъ, но знаніе вообще болѣе распространено въ третьемъ сословіи, умъ котораго болѣе упражнялся въ дѣлахъ“.— „Новый порядокъ вещей развертывается передъ нашими глазами, говоритъ аббатъ Легранъ отъ имени духовенства Шатору.—Завѣса предразсудковъ уже разорвана и разумъ занялъ ея мѣсто. Онъ завладѣваетъ всѣми французскими сердцами, подкапывается подъ то, что держится лишь въ силу старинныхъ мнѣній и извлекаетъ свою собственную силу изъ самого себя“.— „Привилегированные не только дѣлаютъ сами первые шаги къ сближенію, но поступаютъ такъ даже безъ всякихъ усилій надъ собой. Они говорятъ такимъ же языкомъ, какъ и третье сословіе, они—ученики однихъ и тѣхъ же философовъ и повидимому исходятъ изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ. Дворянство Клермона, въ Бовуази, приказываетъ своимъ депутатамъ „потребовать прежде всего яснаго провозглашенія правъ, принадлежащихъ всѣмъ людямъ“.— „Дворянство Манта и Мелана высказало мнѣніе, что „принципы политики столь же абсолютны, какъ и принципы морали, такъ какъ и тѣ и другіе имѣютъ своимъ общимъ основаніемъ разумъ. —Дворянство Реймса требуетъ, „чтобы умоляли короля соблаговолить отъдать приказаніе разрушить Бастилію. —„Множество разъ, послѣ того какъ были высказаны подобныя пожеланія и требованія, собранія третьяго сословія встрѣчали делегатовъ дворянства и духовенства рукоплесканіями и выраженіями живѣйшаго восторга, со слезами на глазахъ. Видя такія изліянія, какъ было не повѣрить въ прочность взаимнаго согласія? И развѣ можно было предвидѣть, что эти самые люди передерутся другъ съ другомъ на первомъ же поворотѣ дороги, на которую они теперь вступили такъ по братски, идя рука въ руку?

Но у нихъ не было этого печальнаго опыта. Они признавали въ принципѣ, что человѣкъ, въ особенности человѣкъ изъ народа, долженъ быть

добръ отъ природы и поэтому, съ какой стати они бы стали предполагать, что онъ пожелаетъ зла тѣмъ, кто желаетъ ему добра? Они сознавали свою доброжелательность и свои симпатіи къ народу и не только говорили о своихъ чувствахъ, но и дѣйствительно испытывали ихъ. Въ этотъ моментъ, говоритъ одинъ современникъ „самое дѣйственное состраданіе наполняло всѣ души и люди богатые больше всего боялись прослыть безчувственными“. Парижскій архіепископъ, котораго преслѣдовали потомъ градомъ каменьею, далъ сто тысячъ экю на улучшение больницы. Интендантъ Бертье, который былъ потомъ убитъ, произвелъ расцѣнку земель Иль-де-Франса, чтобы уравнивать налогъ и это дало ему возможность понизить размѣръ подати сначала на одну восьмую, а потомъ и на четверть. Финансистъ Божонъ выстроилъ госпиталь. Неккеръ отказался отъ своего жалованія и далъ казначейству взаимны два милліона, чтобы возстановить кредитъ. Герцогъ де-Шаро отмѣнилъ съ 1770 г. барщину въ своихъ владѣніяхъ и основалъ больницу въ своемъ Мейльянскомъ помѣстьи. Принцъ де-Бюффемонъ, президенты Везе, де-Шамолль, де-Шаильо и множество другихъ владѣльцевъ во Франшъ-Конте освободили своихъ крѣпостныхъ по примѣру короля. Епископъ Сенъ-Клода потребовалъ, вопреки капитулу, освобожденія своихъ крѣпостныхъ. Маркизь де-Мирабо учредилъ въ своемъ Лимузенскомъ помѣстьи даровое бюро, имѣющее цѣлью улаживаніе тяжбъ, и, кромѣ того, ежедневно, изготовлялъ во Флѣри девятьсотъ фунтовъ экономическаго хлѣба „для бѣднаго народа, который дерется другъ съ другомъ изъ-за него“. — Епископъ кастрскій, де-Барраль, предписываетъ всѣмъ своимъ священникамъ, чтобы они проповѣдывали и старались бы распространять культуру картофеля. Маркизь де-Герши влѣзаетъ, вмѣстѣ съ Артуромъ Юнгомъ, на кучу сѣна, чтобы научить какъ складывать хорошій стогъ. Графъ де-Ластейри вводитъ во Франціи литографію. Множество вельможъ и прелатовъ вступаютъ въ земледѣльческія общества, пицуютъ или переводятъ полезныя книги, слѣдятъ за примѣненіемъ наукъ, изучаютъ политическую экономію,

знакомятся съ промышленностью и интересуются въ качествѣ любителей и покровителей, всѣми общественными улучшениями. „Никогда, говоритъ Лакретель — французы такъ не сплочивались для борьбы со всѣми бѣдствіями; которыя заставляютъ насъ терпѣть природа и съ тѣмъ зломъ, которое тысячами путей проникаетъ въ соціальныя учрежденія“. Можно ли было допустить, чтобы столько доброй воли и добрыхъ намѣреній, соединенныхъ вмѣстѣ, привели бы только къ разрушенію всего? Всѣ успокоиваются, какъ правительство, такъ и высшій классъ, думая о томъ добрѣ, которое они уже сдѣлали или желали сдѣлать. Король припоминаетъ, что онъ вернулъ гражданскіе права протестантамъ, отмѣнилъ пытку на предварительномъ допросѣ, уничтожилъ натуральныя повинности, установилъ свободную торговлю зерновымъ хлѣбомъ, учредилъ провинціальныя собранія, поднялъ флотъ, помогъ американцамъ, освободилъ своихъ собственныхъ крѣпостныхъ, уменьшилъ расходы по содержанию своего штата, призвалъ Мальзерба, Тюрго и Неккера, освободилъ печать и прислушивался къ общественному мнѣнію. Никакое правительство не выказывало большей мягкости; 14 Іюля 1789 года въ Бастиліи было только семь узниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ идиотъ, другой былъ заключенъ по требованію своей семьи и четверо обвинялись въ подлогѣ. Ни одинъ государь не былъ болѣе гуманнымъ, болѣе сострадательнымъ и болѣе занятымъ судьбою несчастныхъ. Въ 1784 году, въ годъ наводненій и эпидемій, онъ роздалъ на три милліона пособій. Къ нему обращались даже тогда, когда несчастье случалось съ частными лицами; 8 Іюня 1785 года, онъ послалъ двѣсти ливровъ женѣ одного бретонскаго рабочаго, которая, имѣя уже двоихъ дѣтей, родила еще тройню. Во время одной очень суровой зимы, онъ дозволилъ бѣднякамъ ежедневно приходиться въ его кухню. Очень вѣроятно, что онъ любилъ народъ, больше чѣмъ кто бы то ни было изъ его современниковъ, за исключеніемъ Тюрго. Стоящіе ниже его, его делегаты, сообразовались съ его взглядами; я прочелъ множество писемъ интендантовъ, которые, видимо старались изобразить изъ себя маленькихъ Тюр-

го. „Одинъ строить госпиталь, другой учреждаетъ премію для сельскихъ рабочихъ, третій приглашаетъ „къ своему столу ремесленниковъ“, четвертый предпринимаетъ осушку болотъ. Де-ля-Туръ въ Провансѣ сдѣлалъ столько добра въ теченіи сорока лѣтъ, что третье сословіе, помимо его желанія, вотировало ему золотую медаль. — Одинъ изъ губернаторовъ читаетъ лекціи объ экономическомъ способѣ приготовленія хлѣба. — Какая же опасность можетъ угрожать подобнымъ пастырямъ среди ихъ собственнаго стада? Когда король созвалъ генеральные штаты, то никто не отнесся „съ недоувѣріемъ“ къ этому дѣлу и не испугался за будущее. — „Говорили о введеніи новаго государственнаго устройства, какъ о самомъ обыкновенномъ событіи и вполнѣ легкомъ дѣлѣ.“ — „Самые лучшие и самые добродѣтельные люди видѣли тутъ начало новой счастливой эры, какъ для Франціи, такъ и для всего цивилизованнаго міра. Честолюбцы радовались широкой карьерѣ, которая открывалась для ихъ надеждъ. И нигдѣ не находилось ни одного человѣка, даже самого угрюмаго, или самаго восторженнаго и самаго робкаго, который бы могъ предугадать хотя бы только одно изъ необыкновенныхъ событій, явившихся послѣдствіемъ собранія штатовъ“.

Глава третья.

Средній классъ. — Старый духъ третьяго сословія. — Государственные дѣла касались одного только короля. — Границы янсенистской и парламентской оппозиціи. — II. Измѣненія въ условіяхъ положенія буржуазіи. — Буржуазія становится богатой. — Буржуазія даетъ займы государству. — Опасность, грозящая ея деньгамъ. — Она пачинаетъ интересоваться общественными дѣлами. — III. Она поднимается по общественной лѣстницѣ. — Дворянинъ приближается къ буржуазіи. — Буржуазія сближается съ дворянствомъ. — Она получаетъ образованіе. — Она принадлежитъ къ свѣту. — Она чувствуетъ себя равной дворянству. — Она чувствуетъ неудобство привилегій. — IV. Вліяніе философіи на умы, подготовленные такимъ образомъ. — Въ этотъ моментъ господствуетъ философія Руссо. — Согласованіе этой философіи съ новыми потребностями. — Она принята третьимъ сословіемъ. — V. Дѣйствіе, произведенное ею на это сословіе. — Зарожденіе революціонныхъ страстей. — Инстинкты уравненія. — Потребность господства. — Третье сословіе рѣшаетъ, что оно-то и составляетъ націю. — Химеры, невѣжество, экзальтація. — VI. Заключение.

I.

Новая философія, замкнутая въ избранномъ кругу, въ теченіи долгаго времени составляла лишь предметъ роскоши, допущенный въ хорошемъ обществѣ. Негоціанты, фабриканты и лавочники, адвокаты, стряпчіе и врачи, актеры, учителя и священники, чиновники, конторщики и приказчики, словомъ, весь средній классъ занимался только собственнымъ дѣломъ. Горизонтъ каждаго былъ ограниченъ предѣлами той профессіи или ремесла, которыми онъ занимался, тою корпораціей, въ которой онъ находился и тѣмъ городомъ, гдѣ онъ родился или, самое большее, провинціей, гдѣ онъ жилъ. Скудость идей и скромность сердца удерживали буржуа внутри его наследственной загородки. Его взоры не осмѣливались проникать за ея предѣлы, въ запрещенную и опасную область государственныхъ дѣлъ и развѣ только изрѣдка онъ осмѣливался заглянуть туда украдкой, такъ какъ государственныя дѣла были только „дѣлами короля“. Тогда еще не было фронды нигдѣ, кромѣ адвокатуры, этого обязательнаго спутника парламента, увлеченнаго имъ въ свою орбиту. Въ 1718 г., когда послѣ одного судебного засѣданія парижскіе адвокаты устроили стачку, то регентъ воскликнулъ, съ удивленіемъ и гнѣвомъ: „Какъ! И эти плуты мѣшаются въ это дѣло!“ Надо замѣтить, впрочемъ, что чаще всего большинство изъ нихъ держалось самымъ смиреннымъ образомъ. „Мой отецъ и я, — пишетъ нѣсколько позднѣе адвокатъ Барбье, — мы не вмѣшивались въ эту сумятицу, существовавшую между язвительными и пылкими умами.“ — И онъ прибавляетъ къ этому еще слѣдующее изложеніе своихъ взглядовъ: „Я думаю, что надо исполнять съ честью свои обязанности, не вмѣшиваясь въ государственныя дѣла, на что у насъ нѣтъ ни власти, ни полномочій.“ — Впродолженіи всей первой половины XVIII вѣка, въ третьемъ сословіи существуетъ только одинъ очагъ оппозиціи — это парламентъ, около котораго для раздуванія огня сосредоточился старый галликанскій или янсенистскій духъ. „Нашъ добрый городъ Парижъ — янсенистъ съ головы до пятъ, пишетъ Барбье въ 1733 году — и не только судьи, адво-

каты, учителя, весь избранный кругъ буржуазіи, „но и вся масса парижскаго населенія, мужчины, женщины, дѣти, держатся этого ученія, не зная хорошенько въ чемъ оно заключается, не понимая ни одного слова въ его различіяхъ и толкованіяхъ и присоединяясь къ нему только изъ ненависти къ Риму и іезуитамъ“. Пожилыя женщины, молодыя бабенки и даже горничныя готовы были бы дать себя искрошить ради него... Численность этой партіи увеличилась, благодаря вступленію въ нее всѣхъ честныхъ людей королевства, ненавидящихъ преслѣдованія и несправедливость. И поэтому, когда всѣ судебныя палаты, вмѣстѣ съ адвокатами, подали въ отставку и дефилировали выйдя изъ дворца, „посреди безчисленной толпы, то въ публикѣ о нихъ говорили: *„Вотъ настоящіе римляне, настоящіе отцы отечества“*. Обоихъ совѣтниковъ, Пюсселля и Менгюи, встрѣчали аплодисментами и бросали имъ вѣнки. „Безпрестанно разжигаемая распря между парламентомъ и дворомъ будетъ одною изъ тѣхъ искръ, которыя вызовутъ конечный великій взрывъ, а янсенистскія головы, тлѣющія подъ пепломъ, найдутъ для себя употребленіе въ 1791 г., при нападеніи на зданіе церковнаго устройства“.

Но въ этомъ древнемъ очагѣ не могло заключаться ничего, кромѣ горячаго пепла и скрывающихся подъ нимъ головешекъ. Иногда въ немъ раздавался трескъ и вспыхивала солома, но самъ по себѣ, въ одиночку, онъ не могъ бы произвести пожара. Самое строеніе этого очага было таково, что пламя не выходило за его предѣлы, а топливо, питающее его, не давало большой теплоты. Янсенистъ былъ слишкомъ вѣрнымъ христианиномъ, чтобы не почитать властей, установленныхъ свыше. Парламентаристъ же, консерваторъ по своему положенію, пришелъ бы въ ужасъ отъ попытки испровергнуть установленный строй. Оба, такимъ образомъ, борются за традиціи и противъ нововведеній, вотъ почему, защищая сначала прошлое отъ власти произвола, они потомъ станутъ защищать его противъ революціоннаго натиска и тогда падутъ сами, причемъ одинъ сдѣлается совершенно безсильнымъ, другой же будетъ преданъ забвенію.

II.

Точно также и въ среднемъ классѣ воспламененіе совершилось поздно, и для того, чтобы распространился пожаръ, необходимо было, чтобы огнеупорные матеріалы, изъ которыхъ онъ составленъ, предварительно превратились бы постепенно въ горючія вещества. Великія перемѣны совершились въ восемнадцатомъ вѣкѣ въ положеніи третьяго сословія. Буржуа работалъ, фабриковалъ, торговалъ, пріобрѣталъ и сберегалъ и отъ этого онъ съ каждымъ днемъ богатѣлъ все больше. Начало этого великаго оживленія предприимчивости, торговли и спекулятивнаго духа надо считать со времени Лоу; задержанная войной, эта промышленная дѣятельность снова восстанавливается во время каждаго мирнаго промежутка съ новою энергіей и силой: послѣ Ахенскаго договора въ 1748 г., послѣ парижскаго договора въ 1763 г. и въ особенности со времени вступленія на престолъ Людовика XVI. Французскій вывозъ, доходившій въ 1720 г. до 106 милліоновъ, въ 1735—до 124, а въ 1748 г. до 192, возросъ до 257 милліоновъ въ 1755 г., до 309—въ 1776 и до 354 въ 1788 году. Въ 1786 г. только изъ одного Санъ-Доминго вывезено въ Метрополию продуктовъ на 131 милліонъ и получено отъ нея товаровъ на 44 милліона. Въ виду такого торговаго обмѣна въ Нантѣ и въ Бордо возникли колоссальныя торговыя фирмы. „Я считаю Бордо болѣе богатымъ и болѣе коммерческимъ городомъ, нежели какой бы то ни было городъ въ Англіи, за исключеніемъ Лондона.... Въ послѣднія времена прогрессъ морской торговли во Франціи развивался быстрѣе нежели даже въ Англіи“. Согласно мнѣнію одного изъ тогдашнихъ администраторовъ, если налоги на потребленіе приносятъ больше съ каждымъ днемъ, то это означаетъ, что, съ 1774 года, различные роды промышленности также развиваются съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. И такой прогрессъ носитъ правильный и постоянный характеръ. „Надо считать, говоритъ Неккеръ въ 1781 году,—что доходъ, доставляемый налогами на потребленіе возрастаетъ на два милліона ежегодно“. Въ этомъ великомъ усиліи изобрѣтательности, труда и генія, Парижъ, все возрастаю-

щій въ своихъ размѣрахъ, является центральной мастерской. Въ то время даже гораздо больше чѣмъ теперь, именно Парижу принадлежала монополія на изготовленіе всѣхъ произведеній ума и вкуса, книгъ, картинъ, эстамповъ, статуй, ювелирныхъ издѣлій, уборовъ, нарядовъ, экипажей, мебели, разныхъ рѣдкостей и модныхъ вещей, служащихъ для украшенія и комфорта элегантнои свѣтской жизни. Въ 1774 г. еѳо книжная торговля опредѣлялась въ 45 милліоновъ, тогда какъ лондонская равнялась только четверти этой суммы. Изъ этихъ торговыхъ прибылей начали слагаться крупныя состоянія и еще большее число среднихъ состояній. Образовавшіеся же такимъ путемъ капиталы стали искать примѣненія. И вотъ къ этимъ-то капиталамъ протягиваются самыя благородныя руки королевства: дворяне, принцы крови, провинціальныя штаты, собранія духовенства и на первомъ планѣ самъ король, который, нуждаясь болѣе другихъ, занимаетъ изъ десяти процентовъ и вѣчно находится въ поискахъ новыхъ кредиторовъ. Уже при Флери государственный долгъ возросъ до 18 милліоновъ, а во время семилѣтней войны до 34 милліоновъ. При Людовикѣ XVI Неккеръ сдѣлалъ заемъ въ 530 милліоновъ, Жоли-де-Флери—въ 300 милліоновъ, де-Калоннъ въ 800 милліоновъ; въ общемъ было взято 1,630 милліоновъ въ теченіи десяти лѣтъ. Проценты долга, равнявшіеся въ 1755 году только 45 милліонамъ, повысились до 106 милліоновъ въ 1776 и возрасли до 206 милліоновъ въ 1789. Какое множество кредиторовъ указываютъ эти немногія цифры! И замѣтите, что всѣ эти кредиторы принадлежатъ къ третьему сословію, такъ какъ это единственное сословіе, которое пріобрѣтаетъ и берегаетъ. Прибавьте къ этимъ кредиторамъ еще тысячи другихъ, прежде всего финансистовъ, которые даютъ правительству впередъ значительныя суммы, что для этого послѣдняго безусловно необходимо, такъ какъ, уже съ незапамятныхъ временъ, правительство привыкло сѣдять свой хлѣбъ на корню и расходы текущаго года всегда заранѣе поглощали у него доходы послѣдующихъ лѣтъ. Въ 1759 г. было взято такимъ образомъ 80 милліоновъ, а въ 1783—170 милліоновъ. Затѣмъ,

сюда же надо причислить множество поставщиковъ, крупныхъ и мелкихъ, которые на всѣхъ пунктахъ территоріи имѣютъ за государствомъ счета и государство остается имъ должнымъ за произведенныя ими работы и поставки. Это настоящая армія, постоянно возрастающая, особенно съ тѣхъ поръ, какъ правительство, увлеченное централизацией, взяло на себя одного всѣхъ предпріятія и, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, постоянно увеличивало число разныхъ полезныхъ для общества предпріятій. Такъ, напр., при Людовикѣ XV государство построило шесть тысячъ лье дорогъ, а при Людовикѣ XVI, въ 1788 году, чтобы предотвратить голодъ, оно скупило на сорокъ милліоновъ зернового хлѣба.

Посредствомъ такого расширенія своей дѣятельности и отдачи въ ссуду капиталовъ третье сословіе становится всеобщимъ кредиторомъ и съ этого момента государственный дѣла перестаютъ быть въ еѳо глазахъ только дѣлами короля. Еѳо кредиторы беспокоятся по поводу еѳо издержекъ, такъ какъ онъ расточаетъ ихъ деньги и если еѳо управленіе будетъ дурно, то они будутъ раззорены. Поэтому-то они хотятъ знать еѳо бюджетъ, провѣрить еѳо прихода-расходныя книги—вѣдь кредиторъ имѣетъ право наблюдать за цѣлостью своего залога. И вотъ буржуазія поднимаетъ голову и начинаетъ присматриваться къ великой машинѣ, дѣйствию которой скрывалось отъ непосвященныхъ и считалось до этого времени почти государственною тайною. Буржуа становится политикомъ и тотчасъ же попадаетъ въ ряды недовольныхъ. И дѣйствительно, нельзя отрицать, что дѣла, въ которыхъ онъ такъ сильно заинтересованъ, идутъ плохо; сынъ, который велъ бы свои дѣла подобнымъ образомъ, заслуживалъ бы отдачи подъ опеку. Въ государственномъ управленіи расходы постоянно превышаютъ доходы и согласно официальному признанію ежегодный дефицитъ, равнявшійся семидесяти милліонамъ въ 1770 году, возросъ въ 1783 г. до 80 милліоновъ и когда еѳо попытались сократить, то вызвали банкротство, при чемъ одно банкротство, въ концѣ царствованія Людовика XIV, было на два милліарда, другое, почти натакую же сумму, произошло во времена Лоу, а

третье, во времена Терре, вызвало потерю на всѣхъ государственныхъ бумагахъ трети или половины доходовъ, не считая мелкихъ утаекъ, сокращеній, неопредѣленныхъ отсрочекъ платежа и всѣхъ подобныхъ уловокъ и насильственныхъ и мошенническихъ приемовъ, къ которымъ безнаказанно прибѣгаетъ могущественный должникъ, чтобы воздѣйствовать на слабаго кредитора. „Насчитываютъ пятьдесятъ шесть нарушеній общественнаго довѣрія со временъ Генриха IV и отъ министерства Ломени включительно“, а на горизонтѣ виднѣется уже новое, еще болѣе ужасное банкротство. Безанваль, Лингэ и многіе другіе, открыто совѣтуютъ прибѣгнуть къ банкротству, какъ къ необходимой и полезной ампутации. Не только существуютъ прецеденты подобнаго рода, но правительство, поступая такъ, будетъ слѣдовать только своему же собственному примѣру, такъ какъ это всегда было его повседневымъ правиломъ. Живя изо дня въ день, при помощи разныхъ уловокъ и отсрочекъ, правительство выкапывало одну яму, чтобы заполнить другую и спасалось отъ объявленія себя несостоятельнымъ, только благодаря насильственному долготерпѣнію, къ которому оно принуждало своихъ кредиторовъ. Съ такимъ правительствомъ—говорить одинъ изъ современниковъ—нельзя было быть увѣреннымъ ни въ чемъ и приходилось постоянно ждать. „Помѣщали ли кредиторы свои капиталы въ его займы, они никогда не могли рассчитывать на уплату процентовъ въ опредѣленный срокъ. Строили ли они для него корабли, исправляли ли дороги, одѣвали ли его солдатъ—они не получали никакого обезпеченія уплаты за это. Никакихъ опредѣленныхъ сроковъ для взноса не было установлено и заключая договоръ съ министрами, они имѣли такіе же шансы получить установленное вознагражденіе какъ и тогда, когда помѣщали свои деньги въ рискованный заемъ“. Правительство платило лишь тогда, когда могло платить, хотя бы дѣло шло о служащихъ въ его придворномъ штатѣ, о поставщикахъ королевскаго стола и личныхъ королевскихъ слугъ. Въ 1753 г. слуги Людовика XV ничего не получали уже въ теченіи трехъ лѣтъ. Его конюховъ видали ночью на улицахъ Версаля, когда они просили мило-

стыню, а его поставщики „прятались“. При Людовикѣ XVI, въ 1778 году, долгъ виноторговцу достигалъ 792,620 фр., а поставщику мяса и рыбы—3,467,980 фр.—Въ 1788 году нужда въ деньгахъ достигла такой степени, что министръ Ломени взялъ и израсходовалъ фонды, собранные по подпискѣ частными лицами на устройство больницы. Въ моментъ его ухода въ государственнымъ казначействѣ оставалось только 400,000 франковъ, изъ которыхъ онъ положилъ въ свой карманъ половину. Какова администрація!—Весьма естественно, что люди, заинтересованные близкимъ или отдаленнымъ образомъ въ дѣлахъ этого должника, явно дѣлающагося несостоятельнымъ, съ тревогою совѣщались между собой о положеніи дѣлъ. И такимъ людямъ нѣтъ числа; тутъ есть и банкиры, и негоціанты, фабриканты и чиновники,—словомъ, тутъ встрѣчаются кредиторы всякаго рода и всякой степени. На первомъ мѣстѣ тутъ стоятъ, конечно, люди, живущіе на проценты, получаемые съ государственныхъ бумагъ и обратившіе все свое состояніе въ пожизненную государственную ренту; они должны будутъ идти по міру, если государство не будетъ уплачивать имъ ежегодно 44 милліона, которые оно должно имъ. Затѣмъ идутъ промышленники и купцы, ввѣрившіе государству свою коммерческую честь и ужасающіеся мысли, что банкротство государства приведетъ къ ихъ собственному банкротству. За ними стоятъ ихъ собственные кредиторы, ихъ приказчики, рабочіе и близкіе, словомъ, наибольшая часть трудящагося и мирнаго класса, который до сихъ поръ повиновался безъ малѣйшаго ропота и даже не помышлялъ о томъ, чтобы контролировать установленный режимъ. Но теперь этотъ классъ поневолѣ начнетъ наблюдать съ напряженнымъ вниманіемъ за всѣми дѣлами и контролировать установленный порядокъ съ недовѣріемъ и гнѣвомъ. Горе тѣмъ, кого оно найдетъ виновнымъ, такъ какъ онъ уже сознаетъ, что разоряя государство, они разоряютъ и его самого!

III.

Одновременно съ этимъ третье сословіе поднялось по общественной лѣстницѣ и посредствомъ своихъ лучшихъ людей присоединилось къ

наиболѣе высоко поставленному кругу. Нѣкогда разстояніе между Дорантомъ и Журденомъ, между донъ Жуаномъ и Диманшемъ и даже между Сотавиллемъ и Жоржемъ Данденомъ было громадно; одежда, жилище, характеръ, понятіе о чести, идеи, языкъ — все раздѣляло ихъ. Теперь же это разстояніе стало почти нечувствительнымъ. Съ одной стороны, дворяне приблизились къ третьему сословію, съ другой же и третье сословіе само приблизилось къ дворянству, такъ что фактическое равенство предшествовало равенству по праву. Около 1789 года, ихъ уже нельзя было различить на улицѣ. Дворяне перестали носить шпагу въ городѣ; они отказались отъ вышивокъ и галуновъ и разгуливали въ одноцвѣтныхъ фракахъ или же ѣздили въ кабриолетахъ, которыми сами правили. „Простота англійскихъ обычаевъ“ и обычаи третьяго сословія показали имъ болѣе удобными въ частной жизни. Блескъ началъ стѣснять ихъ и вѣчное представительство утомило ихъ. Съ этого момента они согласны были допускать фамиллярность, для того чтобы не испытывать стѣсненій и радовались, что могли „смѣшиваться безъ всякой пышности и безъ помѣхи со всѣми своими согражданами“.

Безъ сомнѣнія это былъ важный симптомъ и старыя феодальныя души имѣли основаніе ворчать на это. Маркизь Мирабо, узнавъ, что его сынъ собирается выступить своимъ собственнымъ адвокатомъ, утѣшился только увидѣвъ, что другіе, еще болѣе знатные чѣмъ онъ, дѣлали еще худшія вещи. „Хотя мнѣ было трудно переварить мысль, что внукъ нашего дѣда, — передъ которымъ нѣкогда вся толпа мелкаго и крупнаго люда еще издали снимала шапки, когда онъ показывался, — займетъ теперь мѣсто у рѣшетки суда, оспаривая судебную практику у разныхъ крикуновъ, служащихъ ябедѣ, но я затѣмъ сказалъ себѣ, что, конечно, Людовикъ XIV былъ бы, пожалуй, еще болѣе удивленъ, увидѣвъ, что жена его послѣдующаго преемника, одѣтая въ крестьянскій костюмъ и въ передникъ, безъ всякой свиты, безъ пажей и кого бы то ни было изъ провожатыхъ, бѣгаетъ по дворцу и террасамъ и обращается къ первому встрѣчному повѣсѣ во фракъ съ просьбою дать ей

руку, чтобы помочь ей, пока она спускается съ лѣстницы“. — Въ самомъ дѣлѣ, такая нивелировка внѣшности и манеръ является выраженіемъ другой нивелировки, которая произошла въ умахъ и душахъ людей. Если старинная внѣшность исчезла, то это произошло лишь потому, что исчезли чувства, которыя ее поддерживали. Эта внѣшность выражала серьезность, собственное достоинство, привычку сдерживаться и всегда находиться на виду у публики, а также власть и привычку повелѣвать. Это былъ пышный и суровый парадъ, которому долженъ былъ подчиняться главный штабъ общества. Теперь этотъ парадъ прекратился, потому что главный штабъ уже распался. Если дворяне одѣваются какъ буржуа, то это потому, что они сами стали буржуа, т.-е. праздными людьми, которые удалившись отъ дѣлъ, занимаются только разговорами и забавляются. Конечно, они забавляются все-таки, какъ люди со вкусомъ и разговариваютъ, какъ люди хорошаго общества. Но сравняться съ ними въ этомъ отношеніи не такъ уже трудно. Съ тѣхъ поръ, какъ третье сословіе разбогатѣло, многіе изъ разночинцевъ превратились въ свѣтскихъ людей. Премники Самюэля Бернара уже не называются болѣе Тюркаре, но именуютъ себя Пари—Дюверне, Сень-Джемсами и Лябордами; все это люди, обладающіе утонченными манерами и тактомъ, съ развитымъ умомъ и сердцемъ и литературнымъ, и философскимъ образованіемъ. Они занимаются благотворительностью и умѣютъ устраивать празднества и приемы. За небольшими исключеніями у нихъ можно найти тоже самое общество, какъ у какого нибудь крупнаго магната, тѣ же самыя идеи и тотъ же тонъ. Ихъ сыновья, де-Вильмюръ, де-Франкейлъ, д'Эпинэ швыряютъ деньгами съ такимъ же изяществомъ, какъ и молодые герцоги, у которыхъ они ужинаютъ. Съ деньгами и умомъ всякій выскочка скоро пріобрѣтаетъ необходимый лоскъ, и если не онъ самъ, то его сынъ, во всякомъ случаѣ, попадаетъ въ заповѣдный кругъ. Нѣсколько лѣтъ упражненія въ академіи нѣсколько уроковъ у танцовальнаго учителя, да одна изъ тѣхъ четырехъ тысячъ должностей, которыя даютъ дворянское званіе, доставляютъ все

то, чего имъ не хватаетъ во внѣшнемъ отношеніи. А въ тѣ времена, если только человѣкъ умѣлъ соблюдать приличія, кланяться и разговаривать, то онъ получалъ доступъ всюду. Одинъ англичанинъ замѣчаетъ, что „желая похвалить когонибудь, прежде всего говорятъ про него, что онъ умѣетъ хорошо представиться“. Маршальша де-Люксамбургъ, такая высококомѣрная, все-таки неизмѣнно выбирала своимъ кавалеромъ Лагарпа—„вѣдь онъ такъ умѣетъ вести подъ руку!“ — Но плебей не только допускается въ салонъ, если онъ обладаетъ хорошими манерами и умѣетъ держать себя, а онъ, кромѣ того, и царствуетъ въ немъ, если обладаетъ талантомъ. Первое мѣсто въ разговорѣ и въ движеніи общества принадлежитъ Вольтеру, сыну нотариуса, Дидро, сыну ножевщика, Руссо, сыну часовщика, д'Аламберу, найденышу, воспитанному стекольщикомъ, и когда послѣ смерти великихъ людей, остаются только второразрядные писатели, то самыя первыя герцогини королевства все-таки бываютъ очень довольны, если за ихъ столомъ появляется Шамфоръ, также найденышъ, Бомарше, также сынъ часовщика, Лагарпъ, вскормленный и воспитанный благотворительностью, Мармонтель, сынъ деревенскаго портного и множество другихъ, менѣе извѣстныхъ, словомъ, людей выбившихся на дорогу лишь при помощи своего ума.

Чтобы доканать себя, дворянство заимствовало у нихъ перо и начало жаждать ихъ успѣховъ. „Мы уже отказались, говорить принцъ де-Гененъ, — отъ этихъ готическихъ и нелѣпыхъ предразсудковъ насчетъ занятія литературой. Что касается меня, то я завтра бы написалъ комедію, если бы у меня былъ талантъ, а если бы меня немного разсердили, то я бы даже сыгралъ ее.“ И въ самомъ дѣлѣ, „виконтъ де-Сегюръ, сынъ военнаго министра, сыгралъ роль любовника въ комедіи „Нина“, въ театрѣ М-ле Гимаръ, вмѣстѣ со всѣми актерами итальянской комедіи. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ у г-жи де-Жаплисъ, вернувшись въ Парижъ послѣ пятилѣтняго отсутствія говорить, что „онъ, увѣзая, оставилъ мужчинъ, занятыхъ игрой, охотой да своими загородными домами, а вернувшись нашелъ ихъ всѣмъ автора-

ми“. Они носятъ изъ салона въ салонъ свои трагедіи, комедіи, романы, элоги, свои диссертаци и разсужденія всякаго рода. Они хлопчутъ о томъ, чтобы пьесы ихъ были поставлены на сцену, отдають ихъ на предварительный судъ актеровъ, выпрашиваютъ имъ похвальный отзывъ въ газетѣ „Mercure“ и читають басни на засѣданіяхъ академіи. Они ввязываются въ дразги, въ борьбу и соперничество и вообще во всѣ мелочи литературной, или—что еще хуже,—театральной жизни, такъ какъ они состоятъ актерами въ домашнихъ театрахъ и играютъ вмѣстѣ съ настоящими актерами. Прибавьте къ этому, если хотите, еще другіе мелкіе любительскіе таланты, умѣнье рисовать гуашью, сочинять пѣсенки и играть на флейтѣ. Послѣ такого смѣшенія классовъ и перемѣны ролей, какое же превосходство можетъ оставаться на сторонѣ дворянства? Какое же специальное достоинство или какія особенныя способности могутъ вызывать почтеніе къ нему со стороны третьяго сословія? За исключеніемъ незначительнаго превосходства въ отношеніи хорошаго тона и нѣкоторой свѣтской утонченности, чѣмъ же другимъ отличается дворянство отъ третьяго сословія? Какое высшее воспитаніе, привычку къ дѣламъ, опытность въ управленіи или политическое образованіе, мѣстное вліяніе и нравственный авторитетъ, могло бы выставить дворянство въ оправданіе своихъ притязаній на первое мѣсто? На практикѣ третье сословіе давно уже все дѣлаетъ и доставляетъ всѣхъ специалистовъ, интендантовъ, главныхъ чиновниковъ министерства, свѣтскихъ и духовныхъ администраторовъ и вообще всѣхъ дѣйствительныхъ работниковъ всякаго рода и всѣхъ степеней. Вспомните этого маркиза, о которомъ мы только что говорили, этого бывшаго капитана французской гвардіи, обладающаго благороднымъ сердцемъ, который признался, на выборахъ 1789 года, что существенныя познанія, необходимыя депутату, скорѣе можно встрѣтить среди третьяго сословія, „умъ котораго больше упражнялся въ дѣлахъ“. Что-же касается теоріи, то простолюдинъ знаетъ въ ней столько же, сколько и дворянинъ, но думаетъ, что знаетъ больше, потому что прочитавъ тѣ же самыя книги и про-

никнувшись тѣми же самыми принципами, онъ не останавливается на полдорогѣ, на наклонной плоскости, ведущей къ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ, а бросается головою впередъ и ныряетъ до самого дна новаго ученія, убѣжденный, что его логика — это пронизательность и что человѣкъ тѣмъ просвѣщеннѣе, чѣмъ меньше у него предразсудковъ. — Взгляните на молодыхъ людей, достигшихъ двадцатилѣтняго возраста около 1780 года, родившихся въ трудолюбивой семьѣ, привыкшихъ къ усилю и способныхъ работать по двѣнадцати часовъ въ сутки. Какойнибудь Барнавъ, Карно, Редереръ, Мерленъ-де-Тювилль, Робеспьеръ, — все это представители энергической расы, чувствующей свою силу, которая составляетъ себѣ сужденіе о своихъ соперникахъ, знаетъ ихъ слабость и сравниваетъ свое прилежаніе и свое образованіе съ ихъ легкомысліемъ и ихъ недостаточною подготовкой, и которая, въ тотъ моментъ, когда въ душѣ ея кипитъ честолюбіе молодости, заранѣе уже видитъ себя исключенною изъ ряда тѣхъ, кто занимаетъ высшія мѣста и обреченнаго вѣчно занимать только второстепенныя должности, причѣмъ ее всегда опережаютъ люди болѣе высокаго происхожденія, въ которыхъ она не соглашается даже признать своихъ равныхъ. На артиллерійскихъ экзаменахъ, гдѣ генеалогъ Шеренъ устраняетъ всѣхъ простолюдиновъ, а аббатъ Боссю, математикъ, устраняетъ всѣхъ невѣждъ, въ концѣ концовъ оказывается, что благороднымъ воспитанникамъ недостаетъ способностей, а способнымъ воспитанникамъ недостаетъ благородства происхожденія. Повидимому, благородство происхожденія и образованность представляютъ такія два качества, которыя взаимно исключаютъ другъ друга. На сто воспитанниковъ только четверо или пятеро соединяютъ эти оба условія; теперь же, когда общество такъ перемѣшалось, подобныя доказательства стали многочисленнѣе и ихъ легче было указать. Человѣкъ третьяго сословія, адвокатъ, врачъ, литераторъ, разговаривающій запросто съ герцогомъ и путешествующій въ дилижансѣ рядомъ съ графомъ, гусарскимъ полковникомъ, легко можетъ оцѣнить своего собесѣдника или своего сосѣда, счесть его идеи, провѣрить его достоинство и

сдѣлать ему должную оцѣнку. Я увѣренъ, что онъ не оцѣнитъ его выше, чѣмъ слѣдуетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ дворянство утратило свои спеціальныя способности, а третье сословіе приобрѣло общія способности, такъ что въ отношеніи воспитанія и этихъ способностей они оказываются теперь на одномъ уровнѣ, то неравенство, существовавшее между ними стало оскорбительнымъ, такъ какъ оно стало бесполезнымъ. Установленное обычаемъ, это неравенство уже не оправдывалось болѣе сознаниемъ, и третье сословіе, по справедливости могло раздражаться противъ привилегій, которыя не находили себѣ оправданія ни въ способностяхъ дворянина, ни въ неспособностяхъ буржуа.

IV.

Недовѣріе и гнѣвъ по отношенію къ правительству, подвергающему опасности всѣ частныя состоянія, озлобленіе и вражда по отношенію къ дворянству, которое загораживаетъ всѣ дороги къ успѣху въ жизни — вотъ чувства, возрастающія въ среднихъ классахъ, по мѣрѣ ихъ обогащенія и образованности. Можно заранѣе предугадать, какое дѣйствіе должна будетъ оказать новая философія на расположенный такимъ образомъ матеріалъ. Замкнутое сначала въ аристократическомъ резервуарѣ, новое ученіе начинаетъ просачиваться черезъ щели и словно вода разливается нечувствительнымъ образомъ по всему нижнему этажу. — Уже въ 1727 г. Барбье, буржуа стараго закала, знающій только по имени философію и философовъ, пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Отъ многихъ сотенъ бѣдныхъ семействъ отнимаютъ пожизненныя ренты, на которыя существовали эти бѣдняки и которыя были приобретены ими посредствомъ покупки государственныхъ долговыхъ обязательствъ, гдѣ должникомъ является самъ король, и фондъ которыхъ уже погашенъ. А между тѣмъ, это не мѣшаетъ назначать по пятидесяти шести тысячъ ливровъ пенсіи людямъ, которые занимали высокіе посты, гдѣ они нажили себѣ большія состоянія, — разумѣется всегда на счетъ народа, — и это дѣлается только для того, чтобы эти люди могли отдыхать и ничего не дѣлать...“

Одна за другой, эти идеи реформы

проникаютъ въ кабинетъ консультирующаго адвоката; достаточно простого разговора для ихъ распространенія и грубый, здравый смысл простолюдина не нуждается въ философіи, чтобы усвоить ихъ. „Налогъ на имущество—говоритъ Барбье въ 1750 году—долженъ быть пропорціональнымъ и равномерно распредѣляться на всѣхъ подданныхъ короля и членовъ государства, сообразно съ имуществомъ, которымъ каждый въ дѣйствительности владѣетъ въ предѣлахъ королевства; въ Англии вѣдь не дѣлаютъ различія между землями дворянъ, духовенства и третьяго сословія и всѣ платятъ одинаково, что вполне справедливо“.

Въ слѣдующее за этимъ десятилѣтіе волна недовольства все растетъ. О правительствѣ начинаютъ говорить дурно даже въ кофейняхъ и во время общественныхъ гуляній, полиція же не рѣшается арестовать такихъ фронтеровъ, потому что „тогда пришлось бы арестовать всѣхъ“. Нерасположеніе къ правительству все возрастаетъ до самаго конца царствованія. „Въ 1744 году—говоритъ книгопродавецъ Гарди,—во время болѣзни короля въ Мецѣ, частными лицами было заказано на свой счетъ, въ соборѣ Парижской Богоматери, шесть тысячъ обѣднъ за его выздоровленіе. Въ 1757 г., послѣ покушенія Дамьена, число такихъ обѣднъ равнялось уже только шестистамъ, а въ 1774 г., во время болѣзни, отъ которой онъ умеръ, было отслужено уже только три обѣдни по частному заказу“.—Полная потеря довѣрія къ правительству и громадный успѣхъ Руссо—вотъ два событія, происшедшія одновременно, отъ которыхъ надо вести начало обращенія третьяго сословія къ философіи.

Одинъ путешественникъ, вернувшійся въ началѣ царствованія Людовика XVI домой, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія и спрошенный какія перемѣны онъ нашелъ въ націи, отвѣчалъ: „ничего другого, кромѣ развѣ того, что тѣ вещи, которыя прежде говорились только въ салонахъ, теперь повторяются на улицахъ“. А на улицахъ повторялось только ученіе Руссо, его *Речи о неравенствѣ* его *Общественный договоръ*, популяризированный и повторяемый его учениками на всѣ лады и во всѣхъ формахъ. Что же можетъ быть соб-

лазнительнѣе этого для третьяго сословія?—Эта теорія не только вошла въ моду, но она прежде всего попадаетъ на глаза третьему сословію въ тотъ рѣшительный моментъ, когда его взоры, впервые, обратились къ общимъ идеямъ. Кромѣ того эта теорія доставляетъ ему въ руки оружіе и къ тому же болѣе острое, чѣмъ ему требуется, противъ соціальнаго неравенства и политическаго произвола. Для людей, желающихъ контролировать власть и уничтожить привилегіи, трудно было бы найти болѣе подходящаго учителя, чѣмъ этотъ гениальный писатель, этотъ страстный ораторъ, устанавливающий естественное право и отрицающій историческое, провозглашающій равенство людей, требующій возвращенія народу верховной власти и на каждой страницѣ своихъ произведеній разоблачающій узурпацію, пороки, бесполезность и вредъ вельможъ и королей! Я пропустилъ тутъ тѣ черты, которыя дѣлаютъ его особенно пріятнымъ всѣмъ этимъ сынамъ трудолюбивой и строгой буржуазіи, этимъ новымъ людямъ, возвышающимся своимъ трудомъ, а именно: его постоянную серьезность, его горькій и суровый тонъ и его восхваленіе простыхъ нравовъ, домашнихъ добродѣтелей, личныхъ достоинствъ и мужественной энергіи. Это плебей, который обращается къ плебейамъ. Что-жъ удивительнаго, что они берутъ его своимъ руководителемъ и что его ученіе принимается ими съ тою страстною вѣрою, которая всегда сопровождаетъ первую идею и первую любовь.

Одинъ изъ очевидцевъ, Малле дю Панъ, котораго можно назвать компетентнымъ судьей, пишетъ въ 1799 г. „Въ среднихъ и низшихъ классахъ Руссо имѣлъ во сто разъ больше читателей, нежели Вольтеръ. Это онъ привилъ французамъ доктрину главенства народа со всѣми ея самыми крайними послѣдствіями. Мнѣ трудно было бы указать хотя бы только одного революціонера, который бы не былъ увлеченъ этими анархическими теоріями и не сгоралъ бы желаніемъ осуществить ихъ на дѣлѣ.“

Этотъ самый „Общественный договоръ“, который разрушалъ общество, служилъ кораномъ какъ для жеманныхъ болтуновъ 1789 года, такъ и для якобинцевъ 1790 года, республиканцевъ 1791 года и всѣхъ самыхъ

неистовыхъ, дошедшихъ до изступленія людей... Я слышалъ Марата въ 1788 году, какъ онъ читалъ и комментировалъ *Общественный договоръ* на публичныхъ гуляньяхъ и при аплодисментахъ восторженной толпы". — Въ томъ же году, въ громадной толпѣ, наполнявшей большую залу суда, Лакретелль также слышалъ ссылки на эту же книгу и цитированіе ея догматовъ. „Людьми, принадлежащими къ судебному сословію, писцами, молодыми адвокатами, всѣмъ этимъ мелкимъ читающимъ людомъ, который изобилуетъ публицистами новой формации". — Сотни мелочей указываютъ, что эта книга находится въ рукахъ у всѣхъ, какъ катехизисъ. Въ 1784 году, на первомъ же урокъ права, который явились брать сыновья судей у одного адъюнкта-профессора Сареста, этотъ послѣдній вручилъ имъ, въ качествѣ руководства, *Общественный договоръ*. Тѣ, которые находятъ слишкомъ трудной новую политическую геометрію, выучиваютъ, по крайней мѣрѣ, ея аксіомы, но если и это ихъ пугаетъ, то они находятъ всѣ осязательныя слѣдствія, удобный эквивалентъ въ модной литературѣ того времени, въ театрахъ, въ историческихъ произведеніяхъ и романахъ, гдѣ это же самое ученіе преподносится уже размѣненное на мелкую ходячую монету. Посредствомъ *Похвалъ* Тома, пасторалей Бернардень де-Сень-Пьера, компиляцій Райналя, комедій Бомарше и даже *Молодого Анахарсиса* и новой моды на греческую и римскую древность, догматы равенства и братства просачиваются и проникаютъ всюду, гдѣ только умѣютъ читать. „На послѣднихъ дняхъ, говорить Метра, — былъ обѣдъ у священника въ д'Оранжи, въ пяти миляхъ отъ Парижа, для сорока сельскихъ священниковъ. За десертомъ, когда вино развязало имъ языки, они всѣ сознались, что пріѣхали въ Парижъ, для того чтобы видѣть *Свадьбу Фигаро*... Повидимому до сихъ поръ, авторы комическихъ пьесъ всегда имѣли намѣреніе дать знатнымъ людямъ возможность посмѣяться надъ мелкимъ людомъ; здѣсь же, наоборотъ, мелкій людъ смѣется надъ знатью". Этимъ и объясняется громадный успѣхъ пьесы. Какойнибудь зритель замка, найдя сочиненія Райналя въ библиотекѣ, приходитъ до такой степени въ восторгъ отъ его неистовыхъ декларацій, что

даже спустя тридцать лѣтъ можетъ повторить ихъ безъ заминки. А какойнибудь сержантъ французской гвардіи проводитъ ночи за вышиваніемъ жилетовъ, чтобы добыть деньги на покупку новыхъ книгъ. Послѣ легкой будуарной живописи появляется строгая патріотическая живопись; *Велизарій* и *Горацій* Давида указываютъ рожденіе новаго теченія въ публикѣ и въ мастерскихъ. Это духъ Руссо, — „республиканскій духъ"; онъ овладѣлъ всѣмъ среднимъ классомъ, художниками, чиновниками, священниками, врачами, прокурорами, адвокатами, журналистами и всей читающей публикой и пищей ему служатъ, какъ самыя худшія, такъ и самыя лучшія страсти; честолюбіе, зависть, потребность свободы, рвеніе къ общественному благу и зознаніе правды.

V.

Всѣ эти страсти разгораются одна за другой. Ничто не можетъ сильнѣе разжечь чувства справедливости, какъ правонарушеніе. Ничто не усиливаетъ такъ горечи, вызываемой правонарушеніемъ, какъ чувство справедливости. Поэтому-то третье сословіе, считая себя лишеннымъ мѣста, принадлежащаго ему по праву, чувствуетъ себя очень плохо на томъ мѣстѣ, которое ему приходится занимать въ жизни и страдаетъ отъ множества мелкихъ толчковъ, которыхъ оно прежде даже бы не почувствовало. Когда чувствуешь себя гражданиномъ, то невольно раздражаешься, если съ тобою обращаются какъ съ подданнымъ и никто не согласится быть поставленнымъ ниже того, кого онъ считаетъ себѣ равнымъ. Вотъ почему, какія бы ни произошли облегченія въ старомъ режимѣ за послѣдніе двадцать лѣтъ, онъ все-таки кажется тяжелѣе и его уколы раздражаютъ какъ настоящія раны. Можно привести по крайней мѣрѣ двадцать примѣровъ такого отношенія къ старому режиму на одинъ случай прежняго отношенія къ нему. Однажды Барнавъ, будучи ребенкомъ, находился съ матерью въ ложѣ театра въ Греноблѣ, которую герцогъ де-Тонерръ, губернаторъ провинціи, предназначалъ для одного изъ своихъ угодниковъ. Директоръ театра, а за нимъ и гвардейскій офицеръ, явились къ г-жѣ Барнавъ и просили ее удалиться, но она отка-

залась и тогда, по приказанію губернатора, были посланы къ ней четверо солдатъ, чтобы принудить ее уйти изъ ложи. Партеръ началъ волноваться, такъ что могли пожалуй произойти безпорядки и насилія, но самъ Барнавъ, предупрежденный объ обидѣ, нанесенной его женѣ, пришелъ за нею и увелъ ее, заявивъ громогласно: „Я ухожу отсюда по приказанію губернатора“.

Негодующая на это буржуазія, составлявшая публику, рѣшила не возвращаться болѣе въ театръ, пока не будетъ дано удовлетвореніе и въ самомъ дѣлѣ театръ оставался пустымъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, до тѣхъ пока г-жа Барнавъ не согласилась снова появиться въ немъ. Будущій депутатъ вспомнилъ потомъ объ этомъ оскорбленіи и съ тѣхъ поръ поклялся „поднять касту, къ которой принадлежалъ и избавить ее впредь отъ униженій, на которыя она, казалось, была осуждена общественными нравами“. — Точно такой же случай былъ съ Лакруа, будущимъ членомъ конвента. Его толкнулъ, при выходѣ изъ театра, какой-то дворянинъ, шедшей подъ руку съ хорошенькой женщиной и когда Лакруа громко выразилъ свое неудовольствіе, то дворянинъ спросилъ: „Кто вы такой?“ — Лакруа, какъ провинціалъ, началъ добродушно перечислять ему по порядку свое имя, фамилію, званіе и занятія. — „Ну что-жъ, сказалъ дворянинъ, — это очень хорошо для васъ, что вы имѣете такое званіе, ну а я графъ де-Шабаннь и я очень спѣшу.“ — Съ этими словами, „расхохотавшись во все горло“, онъ сѣлъ въ свой экипажъ. — „Ахъ, милостивый государь, воскликнулъ Лакруа, еще не остывшій отъ своего злоключенія, — какъ ужасно разстояніе, которое создаютъ между людьми гордость и предразсудки!“ — Можно съ увѣренностью сказать, что у Марата, состоявшаго хирургомъ при конюшняхъ графа д'Артуа, у Робеспьера, находившагося подъ покровительствомъ епископа д'Арраса, у Дантона, мелкаго адвоката, „обремененнаго долгами“, у всѣхъ другихъ, самолюбіе не разъ бывало уязвлено подобнымъ же образомъ. Концентрированная горечь, которою проникнуты мемуары г-жи Роланъ, не имѣетъ другой причины: „Она не прощала обществу того, что такъ долго занимала въ

немъ низкое мѣсто“. Благодаря Руссо, тщеславіе, столь естественное въ каждомъ человѣкѣ, и столь чувствительное у француза, стало еще чувствительнѣе. Малѣйшій отгѣнокъ въ обращеніи и въ тонѣ кажется уже знаками пренебреженія. Однажды, когда въ присутствіи военнаго министра, заговорили объ одномъ генералѣ, который достигъ этого чина единственно только благодаря своимъ заслугамъ, то министръ сказалъ: „Ахъ да, это генералъ *по случаю!*“ — Эти слова разнеслись повсюду, вызвали толки и причинили много зла.

Сколько бы знатные люди ни старались снисходить къ ниже стоящимъ и обращаться съ одинаковою мягкостью и добротой со всѣми, кто былъ имъ представленъ, это не помогало. — „У герцога де-Пентьевръ только дворяне обѣдали за однимъ столомъ съ хозяиномъ, а люди не дворянскаго происхожденія обѣдали за столомъ его перваго камергера и являлись въ гостинную только къ кофе. Тамъ они находили другихъ, которые имѣли честь обѣдать съ его высочествомъ и поэтому чувствовали себя въ силѣ и говорили высокомернымъ тономъ, „не упуская случая дать это почувствовать вновь прибывшимъ, съ которыми они раскланивались съ любезнымъ видомъ, преисполненнымъ покровительства“. Этого достаточно. Бенъо, обыкновенно столь уступчивый, больше не имѣетъ желанія вернуться въ этотъ салонъ. На дворянъ досадуютъ не только за ихъ собственные, слишкомъ короткіе поклонны, но и за слишкомъ низкіе реверансы, которые имъ дѣлаютъ другіе. Шамфоръ съ горечью рассказываетъ, что д'Алаамберъ, находясь уже на вершинѣ своей славы, былъ въ гостяхъ у г-жи дю-Деффанъ вмѣстѣ съ президентомъ Гэно и Понъ-де-Вейлемъ. Вдругъ входитъ одинъ врачъ, по имени Фурнье, и обращается къ г-жѣ дю-Деффанъ со словами: „Madame, имѣю честь засвидѣтельствовать вамъ мое всенижайшее почтеніе“. — Затѣмъ, повернувшись къ президенту Гэно, онъ говоритъ: „Monsieur, имѣю честь кланяться“, а Понъ-де-Вейлю: „Вашъ покорнѣйшій слуга“; д'Алаамберу же онъ сказалъ просто: Здравствуйте, милостивый государь!“ Когда сердце возмущено, то всякій пустякъ служитъ поводомъ къ раздраженію. Третье

сословіе, подобно Руссо, негодуетъ на дворянъ за все, что они дѣлаютъ, или, лучше, за все, что они представляютъ собою, за ихъ роскошь, изящество, болтовню, за ихъ утонченныя и блестящія манеры. Шамфора сердятъ любезности, которыя ему расточаютъ. Сійесь негодуетъ на нихъ за то аббатство, которое ему посулили, но котораго онъ не получилъ. Каждый, кромѣ общей досады на нихъ, чувствуетъ еще другую, личную досаду. Ихъ холодность, какъ и ихъ фамиллярность, ихъ вниманіе, также какъ и невниманіе, одинаково принимаются за оскорбленіе, и подъ вліяніемъ этихъ милліоновъ булавочныхъ уколовъ, дѣйствительныхъ или воображаемыхъ, у человѣка третьяго сословія накапливается желчь.

Въ 1789 г. чаша переполена черезъ край. Самымъ почетнымъ преимуществомъ для французскаго дворянства, пишетъ Шамфоръ, считалось непосредственное происхожденіе отъ какихъ нибудь тридцати тысячъ человѣкъ въ племахъ, въ латахъ, въ наручникахъ и набедренникахъ, которые, сидя на высокихъ, закованныхъ въ желѣзо лошадяхъ, попирали ногами восемь или десять милліоновъ людей, бывшихъ предками теперешней французской націи. Не правда-ли, какое основательное право на уваженіе и любовь, которыя должны къ нимъ чувствовать потомки этихъ милліоновъ? А чтобы окончательно установить свое право на уваженіе, ряды дворянства постоянно пополняются людьми, которые увеличили свое состояніе, ограбивъ хижины бѣдняковъ, не имѣющихъ средствъ платить возложенныхъ на нихъ налоговъ. — „Отчего это третье сословіе—говоритъ Сійесь,—не отправить назадъ, въ лѣса Франконіи, всѣ эти семьи, сохраняющія безумное притязаніе на то, что они происходятъ отъ расы завоевателей и поэтому должны наследовать ихъ права. Если-бы Картушъ, вслѣдствіе недостатка полиціи, успѣлъ бы болѣе прочно на большой дорогѣ, то развѣ это давало бы ему дѣйствительное право на взиманіе дорожныхъ пошлинъ? И развѣ, если-бы онъ успѣлъ продать этотъ родъ монополіи, прежде очень распространенный, какому нибудь обыкновенному покупщику, добросовѣстно полагающему, что онъ можетъ купить такое право,—это право сдѣлалось бы

почетнѣе въ рукахъ этого покупщика? Всякая привилегія, уже по самой своей природѣ, несправедлива, отвратительна и противорѣчитъ социальному договору. Кровь кипитъ при одной только мысли, что въ концѣ восемнадцатаго вѣка оказывается возможнымъ освящать закономъ отвратительные плоды отвратительнаго феодализма... Дворянская каста дѣйствительно представляетъ какой-то отдѣльный народъ, но народъ не настоящій, такъ какъ, за отсутствіемъ полезныхъ органовъ, онъ не можетъ существовать самъ по себѣ и поэтому присасывается къ настоящей націи, подобно разнымъ растительнымъ наростамъ, не могущимъ существовать иначе, какъ посредствомъ сока растений, которыхъ они изнуряютъ такимъ образомъ и вызываютъ ихъ засыханіе“.

Они высасываютъ все, и все въ государствѣ существуетъ только для нихъ. — „Всѣ отрасли исполнительной власти также достались этой кастѣ, которая уже наполняетъ собою церковное, судебное и военное вѣдомства. Между дворянами существуетъ нѣчто вродѣ братства или кумовства, что и является причиной того, что они предпочитаютъ другъ друга всей остальной націи, когда дѣло идетъ о занятіи должностей... Царствовалъ дворъ, а не монархъ. Это дворъ создавалъ и раздавалъ мѣста. А что же такое представляетъ изъ себя дворъ, какъ не главу обширной и громадной аристократіи, которая покрываетъ собою всѣ части Франціи и посредствомъ своихъ членовъ всего достигаетъ и захватываетъ въ свои руки все, что есть существеннаго во всѣхъ областяхъ общественной власти!“ — Положимъ же конецъ этому „социальному преступленію; этому долгому отцеубійству, которое ежедневно совершается однимъ классомъ, гордящимся своимъ преступленіемъ... Не спрашивайте больше, какое мѣсто должны занимать привилегированные въ общественномъ строѣ; вѣдь это было бы все равно, что спрашивать, какое мѣсто на тѣлѣ больного слѣдуетъ отвести злокачественнымъ сокамъ, которые подрываютъ его здоровье и мучаютъ его... той ужасной болѣзни, которая разрушаетъ его живое тѣло. — Выводъ отсюда ясенъ: надо удалить язву или, по крайней

мѣрѣ, удалить пожирающихъ наше тѣло паразитовъ. Третье сословіе само по себѣ и въ одиночку, представляетъ „цѣльную“ націю, у которой всѣ органы на лицо и которая не нуждается ни въ чьей помощи для своего существованія или руководства и скоро вернетъ свое здоровье, какъ только стряхнетъ съ себя паразитовъ, внѣдрившихся въ ея кожу.

„Что такое третье сословіе? Все. Чѣмъ оно было до сихъ поръ въ политическомъ строѣ? Ничѣмъ. Чего оно требуетъ? Сдѣлаться чѣмъ нибудь въ этомъ строѣ“. — Нѣтъ, не чѣмъ нибудь, а всѣмъ! Его политическое честолюбіе также велико, какъ и социальное и оно стремится къ власти, также какъ и къ равенству. Если привилегіи вообще плохи, то привилегія государя хуже всѣхъ, такъ какъ она громаднѣе всѣхъ и человѣческое достоинство, оскорбляемое прерогативами дворянъ, окончательно погибаетъ тутъ подъ давленіемъ произвола короля. Что нужды, что король почти не пользуется такою властью и что его правительство, послушное общественному мнѣнію, является въ роли нерѣшительнаго и снисходительнаго отца! Освобожденное отъ дѣйствительнаго деспотизма, третье сословіе не годуетъ на самую возможность деспотизма и сочло бы себя рабомъ, если бы согласилось оставаться подданнымъ.

Страдающая гордость этого сословія подняла голову, выпрямилась и, чтобы лучше обезпечить свое право, требуетъ для себя всѣхъ правъ. Такъ пріятно и такъ соблазнительно для челоѣка, съ древнихъ временъ переносившаго тиранію господъ, имѣть возможность теперь поставить ихъ на свое мѣсто, сказать себѣ, что они только его уполномоченные и слуги и вообразить себя однимъ изъ членовъ верховнаго властителя, настоящимъ королемъ Франціи въ предѣлахъ своей доли участія въ управленіи, и явиться единственнымъ законнымъ источникомъ всякой власти и всякаго права!

Опираясь на ученіе Руссо, инструкціи третьяго сословія единогласно заявляютъ, что необходимо дать конституцію Франціи.

Франція ее не имѣетъ или, по крайней мѣрѣ, та которая у нея есть, не дѣйствительна. До сихъ поръ „усло-

вія общественнаго соглашенія были неизвѣстны“, теперь же, когда ихъ открыли, они должны быть написаны. Это неправда, что конституція уже существуетъ, какъ это увѣряютъ дворяне, вслѣдъ за Монтескье, утверждающіе также что не слѣдуетъ измѣнять ея крупныхъ чертъ, такъ какъ дѣло идетъ лишь объ уничтоженіи злоупотребленій и что генеральные штаты пользуются лишь ограниченою властью и не могутъ замѣнить монархію другимъ государственнымъ устройствомъ. Безмолвно, но съ твердостью, третье сословіе отказывается ограничить свои полномочія и не допускаетъ, чтобы ему ставили какія либо преграды. Вслѣдствіе этого, оно единогласно требуетъ, чтобы депутаты вотировали „не по разрядамъ, а поголовно и вмѣстѣ“. — „Въ случаѣ, еслибы депутаты духовенства и дворянства отказались бы отъ совмѣстной и поголовной подачи голосовъ, то депутаты третьяго сословія, представляющіе 24 милліона челоѣкъ и могущіе поэтому назвать себя Национальнымъ Собраніемъ, несмотря на отпаденіе представителей 400,000 челоѣкъ, предлсжатъ королю, вмѣстѣ съ тѣми депутатами духовенства и дворянства, которые захотятъ присоединиться къ нимъ, свою помощь въ дѣлѣ удовлетворенія государственныхъ нуждъ и установленные такимъ образомъ налоги будутъ разложены на всѣхъ подданныхъ короля безъ всякаго различія“. — „Третье сословіе, говорится въ другихъ инструкціяхъ, — составляя 99 процентовъ всей націи не можетъ считаться только сословіемъ. Съ этихъ поръ, вмѣстѣ съ привилегированными или безъ нихъ, оно уже будетъ именоваться народомъ или націей“. — Не пробуйте возражать на это, что искалѣченный такимъ образомъ народъ является просто толпою, что начальники не создаются по произволу и что безъ естественныхъ руководителей трудно обходиться, что во всякомъ случаѣ, это дворянство и это духовенство представляютъ избранную часть націи и въ ихъ рукахъ еще находятся двѣ пятыхъ всѣхъ земель, и что по крайней мѣрѣ половина интеллигентныхъ и образованныхъ людей также находится въ ихъ рядахъ. Не говорите, что ихъ доброжелательство велико, и что эти старинныя историческія корпораціи всегда доставляли либераль-

нымъ конституціямъ ихъ лучшую опору. Согласно принципу Руссо, людей надо не оцѣнивать, а только считать.

Въ политикѣ заслуживаетъ вниманія только число; ни рожденіе, ни состояніе, ни дѣятельность, ни способности не даютъ никакихъ правъ. Знатный или простолюдинъ, невѣжда или ученый, генераль, солдатъ или обозный служитель, каждый индивидъ представляетъ собою не болѣе какъ единицу въ общественной арміи, обладающую только правомъ голоса и гдѣ вы находите большинство такихъ единицъ, тамъ и есть право.

Вотъ почему третье сословіе считаетъ свое право неоспоримымъ и въ свою очередь говоритъ, какъ Людовикъ XIV, „государство это я“.

Разъ если основной принципъ будетъ принятъ или же навязанъ, то все пойдетъ хорошо — таково было убѣжденіе. „Казалось, говоритъ одинъ очевидецъ того времени, — что должно было начаться управленіе людей золотого вѣка. Казалось, что этотъ свободный, справедливый и разумный народъ, всегда согласный самъ съ собой, всегда свѣдущій въ выборѣ своихъ министровъ и умѣренный въ употребленіи своей силы и своего могущества, никогда не будетъ введенъ въ заблужденіе, не будетъ обманутъ и никогда не подпадетъ ни подъ чье господство и не будетъ поработенъ тою властью, которую онъ самъ ввѣряетъ своимъ избранникамъ. Его желанія будутъ законами и эти законы составятъ его счастье“. — *Нація возродится* — эта фраза встрѣчается во всѣхъ произведеніяхъ пера и у всѣхъ на устахъ. Въ Нанжи, какъ говоритъ Артуръ Юнгъ, эта фраза составляетъ основаніе всякой политической бесѣды. У полкового капеллана, сосѣдняго священника, эта фраза не сходится съ языкомъ. Что же касается того, что онъ понимаетъ подъ этою фразой, то это другой вопросъ. Въ его объясненіяхъ ничего нельзя разобрать, за исключеніемъ развѣ того, что должно установиться „теоретически совершенное правленіе, сомнительное по своему исходному пункту, рискованное въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи и химеричное относительно своихъ конечныхъ цѣлей“. Когда англичанинъ предлагаетъ какъ образецъ англійскую конституцію, то къ ней относятся съ

пренебреженіемъ и насмѣшливо улыбаются надъ тѣмъ, что она даетъ, считая это малымъ — вѣдь эта конституція не даетъ достаточно свободы и, главное, она не согласуется съ принципами, — замѣтте, однако, что тутъ мы находимся у вельможи, въ кругу просвѣщенныхъ людей. Въ Ріомѣ, на избирательныхъ собраніяхъ Малуэ видитъ „мелкихъ буржуа, стряпчихъ и адвокатовъ, совершенно несвѣдущихъ въ государственныхъ дѣлахъ, которые цитируютъ „Общественный договоръ“ — и съ жаромъ произносятъ рѣчи противъ тираніи, предлагая каждый свою конституцію“. Большинство изъ нихъ ничего не знаютъ — это просто какіе-то торгаши ябедой, а самые образованные обладаютъ въ политическомъ отношеніи идеями школьниковъ, не болѣе. Въ университетскихъ коллегіяхъ совсѣмъ не преподаютъ исторіи. „Имя Генриха IV не было произнесено передъ нами ни разу за всѣ восемь лѣтъ моего ученія и въ семнадцать лѣтъ я еще не зналъ, когда и какъ домъ Бурбоновъ утвердился на французскомъ престолѣ“. — Весь ихъ научный багажъ заключается, какъ у Камилла Демулена, въ обрывкахъ латыни и они вступаютъ въ свѣтъ, начиненные „республиканскими принципами“, разгоряченные воспоминаніями о Римѣ и Спартѣ и „проникнутые глубокимъ презрѣніемъ къ монархическимъ правительствамъ“. Затѣмъ въ юридической школѣ они знакомятся только съ отвлеченнымъ правомъ и не научаются ровно ничему. На лекціяхъ, въ Парижѣ, совсѣмъ нѣтъ слушателей; профессоръ читаетъ свои лекціи передъ скорописцами, которые затѣмъ продаютъ свои записки. Студентъ, который посѣщаль бы лекціи и самъ составлялъ бы записки, вызвалъ бы осужденіе; его обвинили бы въ томъ, что онъ отбиваетъ хлѣбъ у писцовъ. Понятно, что дипломъ не имѣетъ никакого значенія; въ Буржѣ его можно получить въ шесть мѣсяцевъ и если молодой человекъ въ концѣ концовъ и становится свѣдущимъ въ законахъ, то эти свѣдѣнія онъ прибрѣтаетъ все-таки позднѣе путемъ практики и опыта. Что же касается иностранныхъ законовъ и конституцій, то объ этомъ у нихъ нѣтъ никакихъ понятій или же очень смутныя и невѣрныя. Даже самъ Малуэ не имѣетъ настоящаго

представленія объ англійскомъ парламентѣ и многіе, на основаніи одинаковаго названія, полагаютъ, что онъ такой же, какъ и французскій. Что же касается механизма свободныхъ конституцій и условій дѣйствительной свободы, то это черезъ чуръ сложно для нихъ. Монтескье считается уже устарѣлымъ и за послѣднія двадцать лѣтъ его еще признаютъ только въ самыхъ знатныхъ фамиліяхъ судебного вѣдомства. Къ чему изучать древнюю Францію? „Что же вышло въ концѣ концовъ изъ всѣхъ этихъ глубокихъ изслѣдованій? Догадки, явившіяся результатомъ большихъ трудовъ, да поводы къ сомнѣніямъ“. Гораздо легче и удобнѣе взять исходною точкою права человѣка и отсюда уже выводить всѣ слѣдствія. Для этого достаточно одной только школьной логики, а гимназическая риторика доставитъ всѣ другія нужныя тирады.—Неопредѣленные слова: свобода, равенство, верховенство народа, горячія фразы Руссо и его преемниковъ, всѣ новыя аксіомы пылаютъ въ этой великой пустотѣ, господствующей въ умахъ, словно зажженные уголья, отдѣляя горячій дымъ и опьяняющіе пары. Гигантское и смутное слово становится между умомъ и дѣйствительными предметами, влѣдствіе чего всѣ очертанія какъ-то расплываются, и начинается головокруженіе. Никогда еще люди не теряли до такой степени сознанія реальныхъ вещей. Никогда еще они не были такъ слѣпы и такъ химеричны. Никогда еще ихъ помутившееся зрѣніе не скрывало отъ нихъ до такой степени дѣйствительной опасности и они не были такъ встревожены мнимою опасностью. Иностранцы, обладающіе хладнокровіемъ и присутствующіе при этомъ зрѣлищѣ, какъ напр. Малле-дю-Панъ, Дюмонъ изъ Женевы, Артуръ Юнгъ, Джефферсонъ, губернаторъ Моррисъ, — пишутъ, что у французовъ помутился умъ. Среди этого всеобщаго умопомраченія, Моррисъ можетъ указать Вашингтону только на одну здравую голову — на Мармонтеля, а Мармонтель говоритъ тоже самое, что и Моррисъ. Въ подготовительныхъ клубахъ и собраніяхъ избирателей только оцъ одинъ возстаетъ противъ безразсудныхъ предложеній. Вокругъ него нѣтъ никого, кромѣ разгоряченныхъ людей, приходящихъ въ сильнѣйшее возбужденіе

по поводу всякаго пустяка и доходящихъ въ этомъ отношеніи до смѣшного. Во всякомъ обычаѣ установленнаго режима, во всякомъ административномъ мѣропріятіи“, во всѣхъ полицейскихъ правилахъ, въ финансовыхъ распоряженіяхъ, въ постепенной іерархіи властей, на которой зиждется общественный порядокъ и спокойствіе, словомъ, во всемъ они находили тиранической характеръ... Наружныя стѣны и заставы Парижа были въ ихъ глазахъ загородкою для дикихъ звѣрей, слишкомъ оскорбительною для людей“. — „Подумайте только! говорить одинъ изъ ораторовъ, — я видѣлъ на одномъ изъ рѣзныхъ столбовъ заставы Сенъ - Викторъ, чудовищную голову льва, съ разинутою пастью, изрыгающей цѣпи, которыми она угрожаетъ прохожимъ! Можно-ли вообразить себѣ болѣе ужасающую эмблему деспотизма и рабства?—Ораторъ самъ, при этомъ, подражалъ „рыканію льва“. Вся аудиторія была взволнована, а я, которому такъ часто приходилось проходить черезъ эту заставу, удивлялся въ душѣ, какъ это до сихъ поръ я не замѣтилъ этого ужаснаго образа? Въ этотъ же самый день, проходя черезъ заставу, я постарался обратить на нее особенное вниманіе и увидѣлъ, на одномъ изъ пилястровъ, щитъ, въ видѣ украшенія привѣщанный на тоненькой цѣпочкѣ, прикрѣпленной скульпторомъ къ маленькой львиной мордѣ, вродѣ тѣхъ которыя можно видѣть на дверныхъ молоткахъ или на отверстіяхъ фонтановъ“.

Такое извращеніе ощущеній, такой горячечный бредъ, въ глазахъ каждаго врача были бы симптомомъ душевнаго разстройства. А вѣдь мы находимся еще только въ первыхъ мѣсяцахъ 1789 года!—Въ такихъ легко возбудимыхъ головахъ, уже находящихся въ состояніи чрезмѣрнаго возбужденія, магическая власть словъ должна скоро создать призраки, одни изъ нихъ отвратительные — это аристократъ и тиранъ, другіе — обольстительные — это другъ народа и неподкупный патріотъ и эти несоразмѣрные, созданные фантазіей, образы займутъ мѣсто дѣйствительныхъ образовъ, которые будутъ подвергаться бѣшенному преслѣдованію или же будутъ осыпаны знаками поклоненія со стороны этихъ обморочныхъ людей.

VI.

Такъ спускается внизъ и распространяется философія XVIII вѣка. — Въ первомъ этажѣ дома, въ прекрасныхъ раззолоченныхъ апартаментахъ, идеи были только вечернею иллюминаціей, салоннымъ фейерверкомъ, забавными бенгальскими огнями; ими забавлялись, и, смѣясь, бросали ихъ пригоршнями въ окна. — Подобранные жильцами антресолей и подвальныхъ этажей, занесенныя въ лавки, въ магазины, въ конторы, онѣ нашли тамъ много горючихъ матеріаловъ, цѣлыя горы сухихъ дровъ, накопленныя съ давнихъ поръ и вотъ запылалъ большой огонь. Какъ будто уже начинается пожаръ, потому что печныя трубы загудѣли и окна озаряются краснымъ пламенемъ. — „Нѣтъ, возражаютъ на это люди, живущіе въ верхнемъ этажѣ. — Они не станутъ поджигать домъ, вѣдь они тоже живутъ въ немъ, какъ и мы. Они просто жгутъ солому или же это выбросило огонь въ трубу. Достаточно одного ведра холодной воды, чтобы потушить это. Къ тому же эти маленькія происшествія даже приносятъ пользу; они очищаютъ трубы отъ накопившейся въ нихъ за долгое время сажи.“

Пусть такъ, но берегитесь! Въ подвалахъ дома, подъ обширными и глубокими сводами, которые его поддерживаютъ, находится пороховой погребъ...

КНИГА ПЯТАЯ.

Народъ.

Глава первая.

Нищета. — При Людовикѣ XIV. — При Людовикѣ XV. — При Людовикѣ XVI. — П. Положеніе крестьянина за послѣдніе тридцать лѣтъ стараго порядка. — До какой степени было необезпечено его пропитаніе. — Состояніе земледѣлія. — Невоздѣланныя земли. — Дурная обработка почвы. — Недостаточность заработной платы. — Отсутствие благосостоянія. — Ш. Внѣшній видъ деревни и крестьянина. — IV. Какимъ образомъ крестьянинъ сдѣлался землевладѣльцемъ. — Отъ этого ему не стало лучше. — Увеличеніе его тягостей. — Въ старомъ порядкѣ онъ играетъ роль «мула».

Лабрюйеръ писалъ ровно за сто лѣтъ до 1789 года: „Какіе-то свирѣпыя животныя, самцы и самки, раз-

сѣяны по нашимъ полямъ; смуглые, съ синеватобагровыми лицами и сожженыя солнцемъ, они словно прикрѣплены къ землѣ, которую роютъ и переворачиваютъ съ непобѣдимымъ упорствомъ. У нихъ есть, какъ будто, членораздѣльный голосъ и когда они поднимаются на ноги, то показываютъ человѣческое лицо; и въ самомъ дѣлѣ это—люди. На ночь они прячутся въ свои логовища, гдѣ питаются чернымъ хлѣбомъ, водою и кореньями. Они избавляютъ другихъ людей отъ труда засѣвать и воздѣлывать землю и собирать ея урожай для того, чтобы жить и, конечно, заслуживаютъ того, чтобы не терпѣть самимъ недостатка въ томъ хлѣбѣ, который они же посѣяли“. — Но они постоянно нуждаются въ этомъ хлѣбѣ въ продолженіи слѣдующихъ двадцати пяти лѣтъ и умираютъ цѣлыми стадами. Я считаю, что въ 1715 году погибло около трети, почти шесть милліоновъ, отъ нищеты и голода. Краски на этой картинѣ вовсе не сгущены; напротивъ, онѣ даже слабы для первой четверти вѣка, предшествовавшаго революціи. Мы увидимъ, что въ теченіе полувѣка и болѣе, до самой смерти Людовика XV, такая картина оставалась вѣрной дѣйствительности и пожалуй даже слѣдовало бы скорѣе сгустить ея тѣни, нежели смягчать ихъ.

Въ 1725 году, говоритъ Сенъ-Симонъ, „на ряду съ изобиліемъ, существующимъ въ Страсбургѣ и въ Шантильи, мы видимъ населеніе Нормандіи, питающееся только полевыми травами. Первый король въ Европѣ не можетъ считаться великимъ королемъ коль скоро онъ является королемъ нищихъ всякаго званія и коль скоро его королевство превращается въ обширную больницу умирающихъ, у которыхъ отбираютъ все во время полнаго мира“. — Въ самое лучшее время управленія Флери и въ лучшей области Франціи, крестьянинъ прячетъ „свое вино изъ-за акциза, а свой хлѣбъ изъ-за налога“, увѣренный въ томъ, что „онъ—погибшій человѣкъ, если только возникнетъ сомнѣніе, въ томъ что онъ не умираетъ съ голоду“. — Въ 1739 году д'Аржансонъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Голодъ вызвалъ недавно три возстанія въ провинціяхъ, въ Рюффекъ, въ Каенъ и въ Шинонъ. На большой дорогѣ убивали женщинъ, которыя несли хлѣбъ... Герцогъ Орлеан-

скій принесъ на дняхъ въ королевскій совѣтъ кусокъ хлѣба и, положивъ его на столъ передъ королемъ, сказалъ: „государь, вотъ какимъ хлѣбомъ питаются въ настоящее время ваши подданные“... Въ моемъ Туренскомъ округѣ люди уже болѣе года питаются травой“.— „Со всѣхъ сторонъ надвигается нищета и въ Версали говорятъ объ этомъ болѣе, чѣмъ когда либо“. Когда король спросилъ епископа Шартрскаго о положеніи населенія въ его епархіи, то онъ отвѣчалъ, что „голодъ и смертность тамъ дошли до такихъ размѣровъ, что люди ѣдятъ траву, словно овцы и мрутъ, какъ мухи. Въ 1740 г. Массильонъ, епископъ Клермонъ-Феррана, пишетъ Флери: „Населеніе нашихъ деревень живетъ въ страшной нищетѣ, безъ кроватей, безъ мебели. Большинство даже терпитъ недостатокъ въ ячменномъ и овсяномъ хлѣбѣ въ теченіе доброй половины года, а между тѣмъ этотъ хлѣбъ составляетъ ихъ единственную пищу, которую они вынуждены вырывать изо рта своихъ собственныхъ дѣтей и у себя, чтобы уплатить налоги. Я испытываю огорченіе ежегодно видѣть это грустное зрѣлище передъ своими глазами, во время моихъ посѣщеній епархіи. Бѣдствіе ихъ такъ велико, что даже негры на нашихъ островахъ безконечно счастливѣе ихъ, такъ какъ за свою работу они имѣютъ все таки пищу и одежду, вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми. Наши же крестьяне, даже самые трудолюбивые во всемъ королевствѣ, не могутъ, не смотря на самый тяжелый и упорный трудъ, имѣть достаточно хлѣба для себя и своей семьи и для уплаты налоговъ“.—

Въ 1740 г., въ Лиллѣ, народъ взбунтовался по случаю вывоза зернового хлѣба. „Одинъ интендантъ пишетъ мнѣ, что нужда растетъ съ каждымъ часомъ; малѣйшій рискъ относительно урожая приводитъ за послѣдніе три года неизбѣжно къ такимъ тяжелымъ послѣдствіямъ. Фландрія, въ особенности, находится въ такомъ трудномъ положеніи. Нѣтъ хлѣба, чтобы подождать до жатвы, которая должна произойти черезъ два мѣсяца. Наболѣе плодородныя провинціи не въ состояніи все-таки снабдить хлѣбомъ остальные. Въ каждомъ городѣ предписывается каждому буржуа кормить одного или двухъ бѣдняковъ и

давать имъ четырнадцать фунтовъ хлѣба въ недѣлю. Въ одномъ только маленькомъ городкѣ Шателлеро (имѣющемъ всего четыре тысячи жителей), въ эту зиму тысяча восемьсотъ чело-вѣкъ находились въ этомъ положеніи...— Число нищихъ превышаетъ число такихъ людей, которые могутъ просуществовать не прося милостыни... а, между тѣмъ, собраніе податей производится съ безпримѣрною строгостью; съ бѣдняковъ снимаютъ одежду, забираютъ ихъ послѣднюю мѣрку пшеницы, дверные замки и т. п... Аббатисса Жуарская сказала мнѣ вчера, что въ ея округѣ, въ Бри, нечѣмъ было засѣять большинство полей“.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что голодъ добирается и до Парижа. „Опасаются за будущую среду... Въ Парижѣ нѣтъ больше хлѣба, ничего, кромѣ испорченной муки, которую подвозятъ, но которая подгораетъ (въ печи). Въ Белльвилѣ работаютъ день и ночь на мельницахъ надъ перемалываніемъ старой испорченной муки. Народъ совершенно готовъ для возмущенія. Хлѣбъ дорожаетъ ежедневно на одинъ су, но ни одинъ торговецъ не рѣшается и не желаетъ привезти сюда свой хлѣбъ. Въ среду, на рынкѣ, чуть не произошелъ бунтъ, такъ какъ уже съ семи часовъ утра не было хлѣба... Бѣднякамъ, сидящимъ въ Бисетрѣ, сократили продовольствіе, такъ что вмѣсто трехъ четвертей дурного хлѣба имъ давали только полфунта. Всѣ они взбунтовались, прогнали стражу и многіе разбѣжались; теперь они, конечно, разойдутся по всему Парижу. Противъ нихъ была созвана вся конная и пѣшая полиція изъ окрестностей города и съ этими несчастными бѣдняками завязалась настоящая битва, при помощи ружей штыковъ и сабель. Насчитываютъ отъ сорока до пятидесяти оставшихся на мѣстѣ; бунтъ, однако, не былъ еще оконченъ вчера утромъ“.

Десять лѣтъ спустя зло приняло еще худшіе размѣры. „Въ своей деревнѣ, въ десяти лье отъ Парижа, я нашелъ, что нищета еще увеличилась и жалобы возросли. Что же происходитъ въ нашихъ бѣдныхъ провинціяхъ, внутри королевства?... Мой священникъ рассказалъ мнѣ, что восемь семействъ, которые жили своимъ трудомъ до моего отъѣзда, теперь вы-

нуждены просить милостыню. Работы не находится. Богатые также сокращают свои издержки, какъ и бѣдные. Но, несмотря на это, подати собираютъ съ чисто военною строгостью. Сборщики, вмѣстѣ съ приставами и въ сопровожденіи слесарей, отпираютъ двери, выносятъ мебель и продаютъ все за четверть стоимости, причемъ издержки этой процедуры даже превышаютъ самый налогъ... — „Я нахожусь въ данный моментъ въ Турени, въ моемъ имѣніи. Я не вижу кругомъ себя ничего, кромѣ ужасающей нищеты.

Бѣдные жители не только находятъся подъ гнетомъ печальнаго сознанія этой нищеты, но они охвачены отчаяніемъ, желаютъ только смерти и избѣгаютъ размножаться... Вычислано, что въ теченіи года четверть рабочихъ дней поденщика уходитъ на барщину, во время которой онъ долженъ кормиться, но чѣмъ?... Я вижу, какъ бѣдняки гибнутъ отъ нищеты. Имъ платятъ по пятнадцати су за то, что по настоящему стоитъ экю. Вездѣ можно видѣть только разрушенныя или уничтоженныя деревни, но нигдѣ не видно домовъ, которые бы исправлялись... Судя по тому, что мнѣ говорили мои сосѣди, населеніе уменьшилось болѣе, чѣмъ на треть... Всѣ поденщики рѣшаютъ лучше идти искать спасенія въ маленькихъ городахъ и можно найти много деревень совершенно покинутыхъ своими жителями. У меня есть нѣсколько приходовъ, гдѣ недоимка равняется трехлѣтней суммѣ податей, не измѣняются только притѣсненія, которыя идутъ всегда своимъ порядкомъ... Сборщики податей и фискальныхъ налоговъ ежегодно выводятъ на издержки по этому дѣлу сумму, равную половинѣ сборовъ... Одинъ изъ этихъ господъ явился въ деревню, гдѣ находится мой загородный домъ и сказалъ, что въ этомъ году подать съ этого прихода должна быть увеличена, такъ какъ онъ замѣтилъ, что крестьяне жирнѣе, чѣмъ гдѣ либо, а на порогѣ нѣкоторыхъ домовъ онъ даже видѣлъ перья домашней птицы, — слѣдовательно тутъ ѣдятъ хорошо, значитъ это зажиточный народъ и т. п. Вотъ что лишаетъ мужества крестьянъ и вотъ что служитъ причиною бѣдствій королевства“. — „Въ деревнѣ, гдѣ я нахожусь теперь, я слышу со всѣхъ

сторонъ, что бракъ и размноженіе исчезаютъ вездѣ. Въ моемъ приходѣ, гдѣ мало дворовъ, имѣется, однако, около тридцати дѣвушекъ и парней, давно уже перешедшихъ брачный возрастъ; но браковъ не заключается и между молодыми людьми даже нѣтъ объ этомъ рѣчи. Если ихъ побуждаютъ къ этому, то они всѣ отвѣчаютъ одно и тоже, что не стоитъ умножать число такихъ же несчастныхъ какъ они. Я самъ пытался выдать замужъ нѣсколькихъ дѣвушекъ, оказывая имъ поддержку и каждая изъ нихъ рассуждала точно также, словно онѣ всѣ сговорились между собой“. „Одинъ изъ моихъ священниковъ пишетъ мнѣ, говоритъ д'Аржансонъ, что хотя онъ самый старшій изъ всѣхъ въ Туреньской провинціи, видывалъ виды на своемъ вѣку и переживалъ большія дороговизны хлѣба, но онъ не помнитъ такой страшной нищеты, (даже въ 1709 году), какую ему приходится наблюдать теперь... Туреньскіе землевладѣльцы рассказывали мнѣ, что они хотѣли дать занятіе мѣстнымъ жителямъ и нанимали ихъ по-денно для сельскихъ работъ, но жители оказались такими слабыми и ихъ являлось такъ мало на работы, что ничего изъ этого не вышло“.

Тѣ, которые могутъ уйти, покидаютъ свои провинціи. „Мнѣ сообщаютъ изъ Лангедока, что множество крестьянъ дезертируютъ оттуда и отправляются въ Пьемонтъ, въ Савойю, въ Испанію, напуганные и замученные преслѣдованіями сборщиковъ десятины... Эти грабители продаютъ все, забираютъ все, словно гусары во время войны и даже съ еще большею алчностью и злобой, думая только о своей наживѣ“. — „Я видѣлъ интенданта одной изъ лучшихъ провинцій королевства, который сказалъ мнѣ, что въ этой провинціи уже болѣе нѣтъ фермеровъ, такъ какъ отцы предпочитаютъ отправлять своихъ дѣтей въ города, вслѣдствіе того, что жизнь въ деревнѣ становится съ каждымъ днемъ все болѣе невыносимой для жителей... Одинъ господинъ, очень свѣдущій въ финансовыхъ дѣлахъ, сказалъ мнѣ, что въ Нормандіи выселилось болѣе двухсотъ семействъ, изъ опасенія сборовъ въ деревняхъ“. — „Парижъ кишитъ нищетою; нельзя остановиться ни у одной двери, чтобы десятокъ оборванцевъ не окружилъ васъ тотчасъ же,

выпрашивая милостыню. Говорятъ, что все это деревенскіе жители, бѣжавшіе отъ всевозможныхъ притѣсненій и вымогательствъ въ городъ... предпочитая выпрашиваніе милостыни труду“.

Но и городскіе жители ничуть не могутъ назваться болѣе счастливыми. „Одинъ офицеръ, отрядъ котораго стоитъ гарнизономъ въ Мезьерѣ, сказалъ мнѣ, что народъ въ этомъ городѣ ужасно бѣдствуетъ, и что неразъ онъ бросался и грабилъ обѣдъ, приготовленный въ трактирѣ для офицеровъ“.—„Въ Руанѣ насчитывается болѣе двадцати тысячъ нищихъ рабочихъ и столько же въ Турѣ и др. мѣстахъ. Въ Лионѣ болѣе двадцати тысячъ рабочихъ по шелковому производству находятся подъ запрещеніемъ переступать городскую черту; за ними слѣдятъ, чтобы они не убѣжали за границу“.—„Въ Руанѣ и въ Нормандіи, наиболѣе зажиточные съ трудомъ могутъ добыть хлѣба для своего пропитанія, простой же народъ совершенно не имѣетъ этой возможности и вынужденъ, чтобы не умереть съ голоду, составлять для себя такую пищу, которая должна внушать отвращеніе человѣчеству“.—„Даже въ Парижѣ,—пишетъ д'Аржансонъ—болѣе двухъ тысячъ женщинъ, какъ мнѣ рассказывали, собрались у моста Турнелль, когда черезъ него проѣзжали дофинъ со своею супругой, отправляющіеся въ соборъ Парижской Богоматери, и кричали имъ: „Дайте намъ хлѣба, а то мы умремъ съ голоду“!—„Одинъ изъ викаріевъ прихода св. Маргариты увѣряетъ, что въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи погибло отъ крайней нужды болѣе восьмисотъ человѣкъ; бѣдные люди умирали отъ холода и голода на своихъ чердакахъ и священники, явившіеся слишкомъ поздно, когда уже не было средствъ помочь имъ, только присутствовали при ихъ послѣднихъ минутахъ“.—„Если-бы я вздумалъ пересчитывать всѣ эти сборища голодныхъ людей, ограбленія складовъ, голодные бунты, я бы никогда не кончилъ. Все это судорожныя схватки изнуреннаго существа, которое голодало столько времени, насколько хватило у него силъ, но, подъ конецъ, инстинктъ самосохраненія возмутился.“—„Въ 1747 г. значительные мятежи изъ-за хлѣба происходили въ Тулузѣ; въ Гюйеннѣ

они бываютъ въ каждый базарный день“. Въ 1750 г. въ Беарнѣ, отъ шести до семи тысячъ человѣкъ собрались за рѣкой, оказывая сопротивление властямъ; двѣ роты полка графа д'Артуа стрѣляли въ бунтовщиковъ и убили около дюжины человѣкъ. Въ 1752 г. бунтъ въ Руанѣ и его окрестностяхъ продолжался три дня; въ Дофинѣ и въ Оверни крестьяне, собравшись толпой, разбили хлѣбные амбары и забрали хлѣбъ по цѣнѣ, назначенной ими самими. Въ томъ же году, въ Арлѣ, двѣ тысячи вооруженныхъ крестьянъ собрались у городской ратуши, требуя хлѣба, но солдаты разогнали ихъ. Въ одной только Нормандіи бунты происходили въ 1725, 1739, 1752, 1764, 1765, 1766, 1767, 1768 годахъ и всегда они бывали изъ-за хлѣба. „Цѣлыя деревни, сообщаетъ парламентъ—нуждаются въ самомъ необходимомъ для жизни и нуждою доведены до такого состоянія, что должны питаться какъ животныя... Еще два дня и Руанъ очутится безъ провизіи, безъ зерна и безъ хлѣба“. Послѣдній бунтъ, поэтому былъ ужасенъ и чернъ, завладевъ городомъ, въ теченіи трехъ дней грабила всѣ общественные хлѣбные амбары и магазины разныхъ общинъ. Подобные взрывы наблюдаются до самаго конца стараго порядка и даже далѣе, въ 1770 году въ Реймсѣ, въ 1775 въ Дижонѣ, Версали, Сентъ-Жерменѣ, Понтуазѣ и Парижѣ, въ 1782 г. въ Пуатье, въ 1785 въ Э (въ Провансѣ), въ 1788 и 1789 гг. въ Парижѣ и во всей Франціи. Безъ сомнѣнія правительство становится мягче при Людовикѣ XVI, интенданты становятся человѣчнѣе, администрація улучшается, подать становится болѣе равномерной, натуральныя повинности облегчаются, измѣнивъ свою форму, словомъ, бѣдствіе становится меньше. Но оно все-таки больше того, что въ состояніи вынести человѣческая природа!

Просмотрите административную переписку за послѣднія тридцать лѣтъ, которые предшествовали революціи. Сотни признаковъ укажутъ вамъ на избытокъ страданій народа, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не доходило до взрывовъ бѣшеной ярости. Очевидно, что для человѣка изъ народа, крестьянина, ремесленника, рабочаго, снискивающаго себѣ пропи-

таніе ручнымъ трудомъ, жизнь была крайне не обезпечена. У него было ровно столько, чтобы не умереть съ голоду, но иногда и этого малаго ему не хватало. Въ Нормандіи, въ четырехъ округахъ, „населеніе питается только гречихой“, и такъ какъ въ теченіи пяти лѣтъ былъ неурожай яблокъ, то у нихъ нѣтъ другого напитка, кромѣ воды. „Тамъ“, въ странѣ виноградниковъ, большинство винодѣловъ ежегодно вынуждено просить милостыню во время глухой поры для винодѣлія. Въ другихъ мѣстахъ рабочіе, поденщики и ремесленники поумирали отъ холода, такъ какъ вынуждены были распродать свою утварь и одежду. Недостаточная и нездоровая пища породила множество болѣзней и въ двухъ округахъ насчитывается тридцать пять тысячъ человѣкъ, живущихъ подаемъ. Въ одномъ отдаленномъ округѣ крестьяне срѣзаютъ хлѣбъ еще зеленымъ, и сушатъ его въ печи, потому что голодъ не позволяетъ имъ ждать, пока онъ созрѣетъ. Интендантъ Пуатье пишетъ, что „какъ только открываются благотворительныя мастерскія, то немедленно туда устремляется громадное количество бѣдняковъ, какія бы не были приняты мѣры, чтобы допускать къ этой работѣ только самыхъ нуждающихся, и какъ бы ни была уменьшена заработная плата“. Интендантъ Буржа говоритъ, что значительное число мызниковъ распродало свою утварь и „цѣлыя семьи оставались дня по два безъ всякой пищи“. Во многихъ приходяхъ голодающіе остаются въ постели большую часть дня, чтобы меньше страдать отъ голода. Интендантъ Орлеана сообщаетъ, что въ „Солоньи бѣдныя вдовы, чтобы защититъ себя отъ холода сожгли свои кровати, другія же сожгли свои фруктовыя деревья“. Онъ прибавляетъ къ своему разсказу: „Въ этой картинѣ нѣтъ никакихъ преувеличеній. Крикъ нужды не можетъ быть переданъ словами. Надо видѣть вблизи бѣдствія деревенскаго населенія для того, чтобы составить себѣ понятіе объ этомъ“. Интенданты изъ Ріома, Ля-Рошелля, Лиможа, Ліона, Моцтобана, Кана, Алансона, Фландріи, Мулена и др. мѣстъ сообщаютъ тоже самое. Это напоминаетъ похоронный звонъ, который прекращается на время, чтобы начаться сызнова. Даже въ

такой годъ, который не можетъ назваться бѣдственнымъ, этотъ звонъ раздастся отовсюду. Въ Бургони, близъ Шатильона на Сенъ, „налоги, владѣльческіе сборы, десятины и расходы на обработку почвы поглощаютъ всѣ доходы съ произведеній земли и ничего не оставляютъ несчастнымъ земледѣльцамъ, которые покинули бы свои поля, если-бъ не явились два предпринимателя, швейцарцы, фабриканты набойки, которые и доставляютъ странѣ ежегодно до сорока тысячъ франковъ наличными деньгами.

Въ Оверни деревни пустѣютъ съ каждымъ днемъ. Многія изъ нихъ потеряли, съ начала столѣтія, болѣе трети своихъ обитателей. „Если не будетъ поскорѣе облегчено бремя, которое давитъ на несчастный народъ, говоритъ въ 1787 году провинціальное собраніе,—то Овернь потеряетъ навсегда свое населеніе и свою культуру“.—Въ Комменжъ, въ моментъ революціи, общины угрожаютъ бросить свои земли, если съ нихъ не будутъ сняты повинности. „Всякому извѣстно, говоритъ провинціальное собраніе Верхней Гюйенни въ 1789 г., что участь сельскихъ общинъ, обложенныхъ большими налогами такъ тяжела, что собственники, какъ это не разъ случалось наблюдать, покидали свою землю. Кто не помнитъ того, что обитатели Сенъ-Сернена разъ десять бросали свои земли и угрожали снова прибѣгнуть къ этому прискорбному рѣшенію, когда обратились въ послѣдній разъ къ администраціи! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ общинѣ Буассъ, населеніе покинуло земли, стоворившись съ владѣльцемъ и лицомъ, которому принадлежало право сбора десятины. Въ Суассоннѣ, по отчетамъ провинціального собранія, „нищета достигла крайнихъ размѣровъ“. Въ Гаскони, „народныя бѣдствія представляютъ раздирающее зрѣлище“.

Въ окрестностяхъ Туля, земледѣлецъ, уплативъ налогъ, десятину и оброки, остается съ пустыми руками. „Земледѣліе стало источникомъ постоянныхъ тяжелыхъ заботъ и лишеній и въ такомъ состояніи вынуждены прозябать тысячи людей. Въ нормандскихъ деревняхъ почти всѣ обитатели, не исключая фермеровъ и владѣльцевъ, ѣдятъ только ячменный хлѣбъ, пьютъ только воду и живутъ какъ самые несчастные изъ людей, для того только, что-

бы имѣть возможность уплатить налоги, подѣ тяжестью которыхъ они изнемогаютъ“. Въ той же самой провинціи, въ Форжѣ, „множество несчастныхъ питаются овсянымъ хлѣбомъ, а нѣкоторые только мочеными отрубями, что уже было причиною смерти многихъ дѣтей“. Ясно, что народъ, живущій такъ изо дня въ день, долженъ нуждаться въ хлѣбѣ, когда урожай плохъ. Но если случится морозъ, градъ, наводненіе, то цѣлая провинція не будетъ знать, что ей дѣлать и какъ просуществовать до слѣдующаго года. Во многихъ мѣстностяхъ достаточно бываетъ одной зимы, чтобы наступило тяжелое бѣдствіе. Со всѣхъ сторонъ можно видѣть руки, протягивающіяся къ королю, который является всеобщимъ раздавателемъ милостыни. Народъ похожъ на челобѣца, идущаго черезъ прудъ, гдѣ вода достигаетъ ему до самаго рта; достаточно малѣйшаго пониженія дна, малѣйшей волны, чтобы онъ потерялъ почву подъ своими ногами, началъ тонуть и захлебываться. Тщетно старинная благотворительность и новая гуманность стараются помочь ему—вода слишкомъ высока! Необходимо, чтобы уровень ея понизился и чтобы прудъ могъ найти себѣ какой нибудь широкой стокъ. До тѣхъ же поръ несчастный будетъ захлебываться, рискуя утонуть каждую минуту.

II.

Это случилось между 1750 и 1760 годами. Праздные люди, задающіе другъ другу ужины, начали съ состраданіемъ и тревогой смотрѣть на рабочихъ, которымъ даже не на что обѣдать. Отчего это они такъ бѣдны и вслѣдствіе какой случайности на такой плодородной почвѣ, какая существуетъ во Франціи, не хватаетъ хлѣба какъ разъ тѣмъ, кто воздѣлываетъ землю? Прежде всего, много земель остаются необработанными и, что еще хуже,—брошенными совсѣмъ. По свидѣтельству лучшихъ наблюдателей „четверть почвы лежитъ подѣ паромъ... Невоздѣланные пустоши и мѣста поросшія верескомъ, простираются на сотни и тысячи десятинъ“. — „Прогуляйтесь по Анжу, Мэнъ, Бретани, Пуату, Лимузенъ, Ля Маршъ, Берри, Нивернэ, Бурбоннэ и Оверни, и вы увидите, что половина этихъ провинцій представляетъ пространства, поросшія ве-

рескомъ, и образуетъ громадныя равнины, которыя, однако, могли бы быть обработаны. Въ Турени, въ Пуату, въ Берри—это пустыни, занимающія пространство въ тридцать тысячъ десятинъ. Въ одномъ округѣ, близъ Прейльи, верескъ покрываетъ сорокъ тысячъ десятинъ хорошей земли. Земледѣльческое общество въ Реннѣ заявляетъ, что двѣ трети земель въ Бретани лежитъ подѣ паромъ. Это не безплодіе, а упадокъ. Режимъ, изобрѣтенный Людовикомъ XIV, сдѣлалъ свое дѣло и въ теченіе послѣдняго вѣка земля возвратилась къ дикому состоянію.— „Ничего иного не видно, кромѣ покинутыхъ и пришедшихъ въ разрушеніе замковъ; всѣ главныя резиденціи феодальныхъ удѣловъ, гдѣ нѣкогда обитало обеспеченное дворянство, заняты теперь бѣдными мызниками пастухами, слабый трудъ которыхъ едва можетъ доставить столько, сколько имъ нужно для собственнаго пропитанія и уплаты налога, готоваго исчезнуть совсѣмъ „вслѣдствіе раззоренія собственниковъ и бѣгства поселенцевъ“. Въ округѣ Конфоланъ, участокъ земли, продававшійся за 2956 ливровъ въ 1665 году, отдается въ 1747 году только за 900 ливровъ. На границѣ Ля Маршъ и Берри, такой участокъ, который въ 1660 году могъ прокормить приличнымъ образомъ двѣ владѣльческія семьи, превратился въ небольшую и непроизводительную ферму; „можетъ замѣтить еще слѣды тѣхъ бороздъ, которыя дѣлалъ плугъ въ порослей верескомъ почвѣ всѣхъ окрестностей“. — Солонь, прежде цвѣтущая провинція, теперь превратилась въ болото, поросшее лѣсомъ, между тѣмъ какъ сто лѣтъ тому назадъ она производила втрое больше хлѣба, чѣмъ теперь. Двѣ трети ея мельницъ исчезли, а отъ виноградниковъ не осталось и слѣда— „верескъ занялъ мѣсто винограда“. Итакъ, покинутая заступомъ и плугомъ, огромная часть почвы перестала кормить людей; остальная же ея часть, дурно обработанная, доставляетъ имъ едва столько, сколько имъ нужно для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей.

Однако, въ случаѣ неурожая, и эта часть земли остается невоздѣланной, такъ какъ земледѣлецъ слишкомъ бѣденъ, чтобы покупать сѣмена и интендантамъ много разъ приходится раздавать сѣмена, въ противномъ слу-

чаѣ, къ бѣдствіямъ текущаго года прибавилось бы еще и безплодіе слѣдующаго года. Въ эти времена всякое бѣдствіе тяготѣетъ не только надъ настоящимъ, но и надъ будущимъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, въ 1784 и въ 1785 г., въ Тулузенѣ, засуха погубила вьючный скотъ и поэтому множество землепашцевъ вынуждены были оставить свои поля невоздѣланными. Кромѣ того, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда земледѣльцы воздѣлываютъ свои поля, они пользуются для этого средневѣковыми способами. Артуръ Юнгъ высказываетъ въ 1789 году мнѣніе, что „земледѣліе во Франціи еще находится въ періодѣ десятаго вѣка. За исключеніемъ Фландріи да Эльзасской равнины, поля оставляются подъ паромъ черезъ каждые два года или даже черезъ годъ. Земледѣльческія орудія плохи, желѣзныхъ плуговъ совсѣмъ нѣтъ и во многихъ мѣстахъ еще придерживаются плуга Виргилія. Оси телѣгъ и ободы колесъ деревянные и во многихъ случаяхъ бороною служатъ лѣсенка телѣги. Скота мало, а потому мало и навоза. Капиталь, вкладываемый въ культуру земли, втрое меньше того, который вкладывается теперь. Производительность земли не велика. „Наши обыкновенныя земли, говоритъ одинъ хорошій наблюдатель, приносятъ приблизительно вшестеро больше того, что посѣяно“. Въ 1787 году, въ богатой мѣстности, окружающей Тулузу, хлѣбъ родится самъ— пять, тогда какъ въ настоящее время онъ тамъ родится самъ— восемь и даже болѣе. Артуръ Юнгъ вычисляетъ, что въ его время англійскій акръ приносилъ двадцать восемь четвериковъ хлѣба, французскій же только восемнадцать, и одинаковый участокъ земли приносить въ Англій тридцать шесть фунтовъ стерлинговъ дохода, во Франціи же только двадцать пять.— Въ виду того, что проселочныя дороги очень плохи и провозъ по нимъ часто бываетъ невозможенъ, то ясно, что въ отдаленныхъ и мало плодородныхъ округахъ, гдѣ урожай едва бываетъ самъ— третей, зачастую нечего ѣсть. Какъ прожить до слѣдующей жатвы? Такова постоянная забота населенія, какъ до революціи, такъ и во время нея. Я нашелъ въ рукописной перепискѣ вычисленія мѣровъ и синдиговъ въ деревняхъ, которые рассчитываютъ шансы пропитанія жителей. Они пере-

числяютъ, что у нихъ имѣется столько-то четвериковъ хлѣба въ амбарахъ, столько-то сноповъ въ ригахъ, столько-то людей имъ надо прокормить, столько-то дней осталось до новаго урожая въ августѣ, и въ концѣ концовъ приходятъ къ заключенію, что имъ не хватитъ имѣющихся запасовъ на два, на три, а иногда даже и на четыре мѣсяца. Плохое состояніе путей сообщенія и земледѣлія осуждаетъ страну на періодическія голодовки и я смѣю утверждать, что кромѣ оспы, на долю которой приходится одна смерть изъ восьми, существуетъ еще другая эпидемическая болѣзнь во Франціи, столь же распространенная и столь же убійственная, это— голодь!

Само собою разумѣется, что отъ этой болѣзни больше всего страдаетъ народъ и въ особенности крестьянинъ. Какъ только повышается цѣна на хлѣбъ, то онъ уже становится для него недоступнымъ, но даже и безъ такого повышенія цѣна эта бываетъ едва доступна для него. Пшеничный хлѣбъ стоилъ, какъ и теперь, отъ трехъ до четырехъ су за фунтъ, но средняя плата поденщику составляла только девятнадцать су, а не сорокъ какъ теперь, такъ что, при такомъ же трудѣ, поденщикъ могъ покупать себѣ только полъ-хлѣба. Принявъ все это въ соображеніе и сведя заработную плату къ цѣнамъ на хлѣбъ, мы находимъ, что годовой трудъ сельскаго рабочаго могъ доставить ему тогда только девятьсотъ пятьдесятъ девять литровъ зернового хлѣба, тогда какъ теперь рабочій можетъ получить тысячу восемьсотъ пятьдесятъ одинъ литръ, слѣдовательно его благосостояніе увеличилось на 93 процента. Заработокъ старшаго сельскаго приказчика увеличился на 70 процентовъ, а винодѣла на 125. Этого достаточно, чтобы показать до какой степени ихъ положеніе было труднымъ тогда. И такія стѣсненныя условія положенія были свойственны именно Франціи. Посредствомъ такихъ же наблюденій и вычисленій Артуръ Юнгъ указываетъ, что во Франціи, „благосостояніе людей, живущихъ сельскимъ трудомъ— а такіе составляютъ большинство— на 76 процентовъ ниже, чѣмъ въ Англій, они на 76 процентовъ хуже питаются, хуже одѣваются и пользуются худшимъ уходомъ, какъ здоровые, такъ и больные“.— Поэтому

семь восьмыхъ королевства остаются безъ фермеровъ и тамъ имѣются только мызники. Крестьянинъ слишкомъ бѣденъ и не можетъ сдѣлаться предпринимателемъ въ сельскомъ хозяйствѣ; на это у него не достаетъ земледѣльческаго капитала. „Собственникъ, желающій получить доходъ со своей земли, не находитъ для ея обработки никого, кромѣ бѣдняковъ, у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ собственныхъ рукъ; поэтому ему приходится давать имъ впередъ на обработку земли, покупку скота, орудій, сѣмянъ и даже дать имъ столько, сколько нужно для того, чтобы прокормиться до первой жатвы“. — „Въ Ватанѣ, напимѣръ, въ беррійской провинціи, мызники почти каждый годъ берутъ займы хлѣбъ у помѣщика, чтобы имѣть возможность существовать до жатвы“. — „Лишь очень рѣдко можно встрѣтить такихъ, которые не оказываются въ долгу у своего господина къ концу года по крайней мѣрѣ на сто ливровъ“. — Много разъ случалось, что владѣлецъ предлагалъ оставить имъ всю жатву съ условіемъ, что они ничего не будутъ спрашивать у него въ теченіи года, но „несчастные“ отказывались, ибо они не были увѣрены, что въ состояніи будутъ прожить весь годъ, предоставленные собственнымъ силамъ. — Въ Лимузенѣ и въ Ангумуа бѣдность ихъ такъ велика, что за вычетомъ платежей, лежащихъ на нихъ, имъ остается отъ двадцати пяти до тридцати ливровъ въ годъ на каждого человѣка и притомъ не наличными деньгами, а считая все, что они тратятъ натурой изъ того, что ими получается отъ земли. Часто имъ остается еще меньше и когда они совершенно уже не въ состояніи существовать, то господинъ волей — неволей приходитъ къ нимъ на помощь. Мызникъ всегда имѣетъ лишь столько, сколько нужно чтобы окончательно не умереть съ голоду“. — Что касается мелкаго собственника, крестьянина, который самъ воздѣлываетъ свое собственное поле, то его положеніе ничуть не лучше. „Земледѣліе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ у крестьянъ, представляетъ настоящую каторгу, они умираютъ тысячами въ дѣтствѣ, а въ юношескомъ возрастѣ они стараются помѣститься гдѣнибудь въ другомъ мѣстѣ, только не

томъ, гдѣ бы имъ слѣдовало быть“. — Въ 1783 г., повсюду въ Тулузенской равнинѣ, они питаются только маисомъ, смѣшанной мукой и употребляютъ лишь очень мало ржи и пшеницы; жители же горныхъ округовъ въ теченіи полгода питаются каштанами. Картофель почти неизвѣстенъ и, по словамъ Артура Юнга, изъ ста крестьянъ 99 отказались бы ѣсть его. Согласно донесеніямъ интендантовъ основу питанія въ Нормандіи составляетъ овесъ, въ округѣ Труа — гречиха, въ Ля Маршѣ и Лимузенѣ — гречиха, каштаны и рѣпа, въ Оверни — гречиха, каштаны, кислое молоко и немного соленого козьяго мяса, въ Босъ — смѣсь ячменя съ рожью, а въ Берри — смѣсь ячменя и овса. Крестьянинъ потребляетъ муку только низшаго сорта, такъ какъ онъ не можетъ платить за свой хлѣбъ больше двухъ су за фунтъ. Говядины онъ никогда не видитъ, если зарѣжетъ для себя одну свинью въ годъ, то и это уже много. Его домъ построенъ изъ битой глины, покрытъ соломой, безъ оконъ и съ землянымъ поломъ. Даже когда въ данной мѣстности имѣются строительные матеріалы, камень, шиферъ и черепица, окна крестьянскихъ жилищъ все-таки не имѣютъ стеколъ. Въ одномъ нормандскомъ приходѣ, въ 1789 году, „большинство хижинъ было выстроено на четырехъ столбахъ“; зачастую же это бываетъ просто стойло или гумно, въ которомъ соорудили изъ жердей и земли нѣчто вродѣ печи. Въмѣсто одежды одни лохмотья и часто даже зимой крестьяне вынуждены носить холщевыя рубища. Въ Керси и др. мѣстахъ крестьяне не носятъ ни чулокъ, ни башмаковъ, даже деревянныхъ башмаковъ у нихъ не имѣется. „Англійское воображеніе, говоритъ Юнгъ, — не въ состояніи представить себѣ животныхъ, которыя прислуживали намъ въ Сульякѣ, въ гостинницѣ „Chapeau rouge“. Это были существа, которыхъ мѣстные жители изъ вѣжливости называли женщинами, хотя на самомъ дѣлѣ это были просто только ходячія кучи навоза. Впрочемъ, мы напрасно вздумали бы искать во Франціи чисто одѣтую трактирную служанку“. — Прочтите описанія, сдѣланныя на мѣстѣ, и вы увидите, что во Франціи внѣшній видъ крестьянъ и деревни былъ

таковъ же, какъ и въ Ирландіи, по крайней мѣрѣ въ главныхъ своихъ чертахъ.

III.

Даже въ самыхъ плодородныхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Лимани, лачуги и лица крестьянъ указывали на нищету и страданія. — „Большинство крестьянъ слабые, имѣютъ изнуренный видъ и малорослы. Почти всѣ они разводятъ на своихъ наслѣдственныхъ участкахъ хлѣбъ и виноградъ, но вынуждены продавать продукты своихъ трудовъ для уплаты разныхъ повинностей и налоговъ. Они питаются только чернымъ хлѣбомъ, приготовленнымъ изъ смѣси ржи съ ячменемъ, а питьемъ имъ служитъ вода, настоящая на виноградныхъ выжимкахъ. Англичанинъ, ни разу не покидавшій своего отечества, не можетъ даже вообразить себѣ внѣшняго вида большинства французскихъ крестьянокъ. Артуръ Юнгъ, разговаривавшій съ одною изъ нихъ въ Шампани, говоритъ, что, даже вблизи ей можно было дать лѣтъ шестьдесятъ—семьдесятъ, до такой степени она была сгорблена и лицо ея сморщилось и загрубѣло; а между тѣмъ она сказала, что ей было только двадцать восемь лѣтъ. Эта женщина, ея мужъ и ея хозяйство представляютъ довольно точный образчикъ положенія мелкаго земледѣльца—собственника. Все ихъ имущество заключается въ маленькомъ клочкѣ земли, въ одной коровѣ и маленькой несчастной лошади. У нихъ семеро дѣтей, которыя и поглощаютъ все молоко, даваемое коровой. Они обязаны уплачивать одному владѣльцу одинъ франшаръ (42 фунта) пшеницы и трехъ цыплятъ, а другому три франшара овса, одного цыпленка и одно су. Къ этому надо еще прибавить личныя и поземельныя подати и другіе налоги. „Одна только надежда у насъ на Бога, говорила она, потому что налоги и подати насъ окончательно раздавливаютъ!“—Что же въ такомъ случаѣ представляютъ изъ себя мѣстности, гдѣ земля плохого качества?“—Отъ Ормо (близъ Шателлеро) до Пуатье, пишетъ одна дама, есть много земель, не приносящихъ никакого дохода, а отъ Пуатье до моего имѣнія (въ Лимузени) двадцать пять тысячъ десятинъ земли представляютъ лишь бесплодную степь

поросшую тростникомъ. Крестьяне питаются тамъ рожью, но не отдѣляютъ отъ муки отрубей, и хлѣбъ, который они готовятъ, черенъ и тяжелъ, какъ свинецъ.—Въ Пуату и здѣсь вспахиваютъ только самый верхній слой земли при помощи маленькаго, дрянного плуга безъ колесъ... Отъ Пуатье до Монморильона разстояние всего девять лье, которыя стоятъ пятнадцати парижскихъ лье и я васъ увѣряю, что на всемъ этомъ протяженіи я видѣла только четырехъ человѣкъ, изъ нихъ трое между Монморильономъ и моимъ имѣніемъ, которое находится на разстояніи четырехъ лье. Да и этихъ людей мы видѣли только издали, такъ какъ на большой дорогѣ мы не встрѣтили ни одного человѣка. Въ такой странѣ удивляться этому нечего... Здѣсь стараются женить парней въ молодомъ возрастѣ, также какъ и у вельможъ, — (вѣроятно изъ опасенія забора въ милицію). Но страна не становится населеннѣе отъ этого, потому что всѣ дѣти умираютъ. Такъ какъ у женщинъ не хватаетъ молока, то годовалыя дѣти ѣдятъ тотъ самый хлѣбъ, о которомъ я вамъ говорила, поэтому у четырехлѣтнихъ дѣвочекъ животъ бываетъ такъ великъ, какъ у беременной женщины... Въ этомъ году рожь была побита морозомъ, который случился въ первый день Пасхи. Пшеницы также уродилось мало. Изъ двѣнадцати мѣстъ, принадлежащихъ моей матери, пшеницы найдется развѣ только въ четырехъ. Съ самой Пасхи не было дождя; нѣтъ ни сѣна, ни пастбищъ, ни овощей, ни фруктовъ. Вотъ въ какомъ положеніи находится бѣдный крестьянинъ; у него нѣтъ скота и, слѣдовательно, нѣтъ навоза... У моей матери, у которой житницы всегда были полны хлѣба, теперь нѣтъ ни зерна, такъ какъ уже въ теченіи двухъ лѣтъ она кормитъ всѣхъ своихъ мызниковъ и бѣдняковъ. — „Крестьянину стараются помочь, говоритъ помѣщикъ изъ той же провинціи, — ему оказываютъ покровительство, его обижаютъ рѣдко, но его презираютъ. Его порабащаютъ, если онъ добръ и послушенъ, но если онъ золъ, то его раздражаютъ и озлобляютъ еще больше... Люди, которыхъ менѣе всего можно упрекнуть въ отсутствіи гуманности, удерживаютъ крестьянина въ нищетѣ и униженіи

только вслѣдствіе одного предразсудка, что крестьяне принадлежать къ совсѣмъ другой породѣ людей, чѣмъ они... Владѣлецъ извлекаетъ изъ него все, что можетъ и во всѣхъ случаяхъ смотритъ на него и на его быковъ, какъ на свой домашній скотъ. Онъ пользуется имъ для своихъ путешествій, для перевозки своихъ продуктовъ и т. п. во всякое время. Съ своей стороны мызникъ думаетъ только о томъ, какъ-бы прожить съ наименьшею затратою труда и какъ-бы ему обратить побольше земли подъ пастбища и выгоны, въ виду того, что доходъ, получаемый имъ отъ прироста скота, не стоитъ ему никакого труда. Если онъ и обрабатываетъ небольшое количество земли, то лишь для того, чтобы засѣять его хлѣбами низшаго качества, гречихой, ячменемъ, рѣпой и т. п. Единственное его удовольствіе составляетъ лѣдность и праздность, единственную его надежду—хорошій урожай на каштаны, а всѣ его добровольныя занятія заключаются въ произведеніи на свѣтъ дѣтей“. — Работники, имѣющіе какое-нибудь маленькое поле, „живутъ все-таки, главнымъ образомъ, тѣмъ, что земля родитъ произвольно. Иногда они имѣютъ козъ, которыя постоянно дѣлаютъ потравы“. „Впрочемъ очень часто этихъ козъ убиваютъ полевые сторожа по приказанію парламента. Женщина съ двумя маленькими дѣтьми безъ капли молока, чтобы кормить ихъ и „безъ единого клочка земли“, у которой убили, такимъ образомъ, ея двухъ козъ, ея единственное средство къ пропитанію, отправляется, вмѣстѣ съ другою женщиной, у которой убили ея единственную козу и которая вынуждена со своимъ сыномъ просить милостыню,—къ воротамъ замка жаловаться на свою горькую участь. Одной даютъ двѣнадцать ливровъ, другая же принята служанкой въ замокъ и съ той поры „вся деревня начинаетъ низко кланяться владѣльцамъ, пріятно улыбаясь имъ при встрѣчѣ“.

Въ самомъ дѣлѣ крестьяне не привыкли къ благодѣяніямъ, страданіе—таковъ удѣлъ всѣхъ этихъ бѣдныхъ людей. Они считаютъ неизбѣжнымъ, какъ дождь или градъ, чтобы ихъ притѣсняли болѣе сильные, болѣе богатые, болѣе искусные, болѣе влія-

тельные и это обстоятельство именно и придаетъ имъ характеръ какихъ-то горемыкъ, привыкшихъ къ своему подневольному и горькому положенію.

Въ Оверни, этой феодальной странѣ, покрытой сплошь крупными церковными и свѣтскими помѣстьями, нужда не менѣе велика. Въ Клермонъ-Феранѣ, „есть улицы, которыя по своему цвѣту, грязи и отвратительному запаху могутъ быть сравнены развѣ только съ траншеями, прорытыми въ навозной кучѣ“.—Въ трактирахъ даже большихъ мѣстечекъ господствуетъ „грязь, тѣснота, бѣдность и мракъ“. Гостиница въ Праделлѣ „одна изъ худшихъ во Франціи“, а въ Обенасѣ, говоритъ Юнгъ—„она бы показалась чистилищемъ даже для моихъ свиней“. Въ самомъ дѣлѣ, у нихъ всѣ чувства притуплены; вѣдь первобытному человѣку ничего иного не нужно, какъ только утолить свой голодъ и спать. И онъ утоляетъ его, но какую пищей! Чтобы переносить это плохо перевариваемое мѣсиво, надо, чтобы крестьянинъ обладалъ желудкомъ еще болѣе крѣпкимъ, нежели въ Лимузенѣ“. Въ той самой деревнѣ, въ которой, спустя десять лѣтъ, будутъ убивать ежегодно по двадцати пяти свиней, теперь съѣдаютъ не болѣе двухъ—трехъ свиней въ годъ. Когда присматриваешься къ грубости характера этихъ людей, нетронутыхъ никакимъ смягчающимъ вліяніемъ и, кромѣ того, озлобленныхъ постояннымъ страданіемъ, то невольно испытываешь вѣкторый ужасъ. Маркизь Мирабо описываетъ намъ „празднество въ Монъ-Дорѣ, устроенное по обѣту мѣстными жителями“. Онъ говоритъ, что „толпы дикарей спускаются потокомъ съ горъ, а площадь охраняется священникомъ въ облаченіи, судьей въ парикѣ и стражниками съ обнаженными саблями въ рукахъ. Когда же волынки получаютъ разрѣшеніе играть, то танцы черезъ четверть часа прерываются дракой, причѣмъ крики и свистъ дѣтей, тщедушныхъ людей и разныхъ другихъ зрителей, подзадориваютъ дерущихся, какъ это обыкновенно дѣлаетъ чернь, когда грызутся собаки“. Онъ рисуетъ намъ этихъ „ужасныхъ людей или скорѣе—дикихъ звѣрей, покрытыхъ плащами изъ грубой шерсти, съ широкими кожаными поясами, утыканными мѣдными гвоздями, гигантскаго роста, который еще

кажется выше отъ высокихъ деревянныхъ башмаковъ, поднимающихся на ципочки, чтобы лучше видѣть побоище, топаящихъ ногами отъ удовольствія и потирающихъ себѣ бока своими локтями, когда драка разгорается сильнѣе. Истощенные лица этихъ людей, покрытыхъ длинными, жирными волосами, блѣднѣютъ, а уста раздвигаются, чтобы издать свирѣпый смѣхъ или же какое-нибудь восклицаніе звѣрскаго нетерпѣнія.—И эти-то люди платятъ подати, да еще у нихъ же хотятъ отнять соль! Правительство не знаетъ, кого оно грабитъ, кѣмъ оно думаетъ управлять и кого оно считаетъ возможнымъ такъ постоянно и безнаказанно морить съ голоду, при помощи трусливаго и небрежнаго рочерка пера, пока наконецъ не наступаетъ катастрофа! Бѣдный Жанъ-Жакъ, говорилъ я себѣ, — тотъ, кто отправилъ бы тебя и твою систему сюда къ этимъ людямъ, чтобы съ нихъ рисовать твою картину, очень жестоко отвѣтилъ бы тебѣ на твои проповѣди“.

Въ этихъ словахъ заключается пророческое предостереженіе и удивительное предвидѣніе. Вразумленный своимъ феодальнымъ и сельскимъ инстинктомъ, этотъ старый дворянинъ, которому чрезмѣрное развитіе зла не мѣшаетъ видѣть вредъ лекарства, предложеннаго для его исправленія, беспощадно судитъ одновременно и правительство, и философовъ и старый порядокъ, и революцію.

VI.

Когда человекъ несчастенъ, то онъ озлобляется, а когда онъ, въ одно и тоже время, собственникъ и нищій, то онъ озлобляется еще больше. Онъ могъ покориться нуждѣ, но не станетъ покоряться грабежу, а таково именно и было положеніе крестьянина въ 1789 году, такъ какъ, въ теченіи всего восемнадцатаго вѣка, онъ прибрѣталъ землю. Какъ это удавалось ему, при его нищетѣ? Фактъ этотъ кажется маловѣроятнымъ, но онъ все же вполне достоверенъ и можетъ быть объясненъ только характеромъ французскаго крестьянина, его воздержанностью, упорствомъ, суровымъ отношеніемъ къ самому себѣ, скрытностью и наследственной страстью къ собственности и къ землѣ. Онъ переносилъ лишения, откладывая по сантимамъ;

ежегодно нѣсколько серебряныхъ монетъ присоединялись къ небольшой кучкѣ экую, зарытыхъ въ самомъ потаенномъ уголку его погреба. Конечно, крестьянинъ Руссо, прятавшій свой хлѣбъ и свое вино въ яму, имѣлъ другой еще болѣе скрытый тайникъ, куда онъ пряталъ свои деньги. Немножко денегъ, запрятанныхъ въ шерстяной чулокъ, или въ горшокъ вѣрнѣе могутъ избѣжать опасности быть открытыми инквизиторскими взорами чиновниковъ. Въ лохмотьяхъ, босой, питаюсь только чернымъ хлѣбомъ, крестьянинъ бережетъ у сердца свое маленькое сокровище, на которомъ онъ основываетъ столько надеждъ, и сторожитъ случай, который и представляется ему рано или поздно. „Несмотря на всѣ свои привилегіи, пишетъ одинъ дворянинъ въ 1755 году, дворянство разоряется и исчезаетъ, третье же сословіе завладѣваетъ его состояніями“. Много владѣній переходятъ, путемъ вынужденной или добровольной продажи въ руки финансистовъ, писателей, негоціантовъ, крупныхъ буржуа. Но, конечно, прежде чѣмъ окончательно разстаться со своимъ владѣніемъ, помѣщикъ, обремененный долгами, распродалъ его по частямъ. Крестьянинъ, подмазавшій управляющаго, тотчасъ же является со своею кубышкой. „Плохая земля, господинъ, и стоитъ она вамъ дороже того, что приносить“, — говоритъ онъ. Дѣло тутъ идетъ обыкновенно о какомъ-нибудь отдаленномъ участкѣ, о клочкѣ поля или луга, иногда о фермѣ, арендаторъ которой пересталъ платить, но чаще о мызѣ, находящейся въ рукахъ бѣдныхъ и притомъ лѣнивыхъ мызниковъ, которые ежегодно попадаютъ на иждивеніе своего господина. Владѣлецъ всегда можетъ утѣшать себя тѣмъ, что отчужденный имъ участокъ не потерянъ для него окончательно, потому что на основаніи права выкупа, онъ можетъ получить его обратно, а пока онъ будетъ пользоваться доходами съ него, получаютъ поземельную подать, оброкъ и пошлины, въ случаѣ перехода этого участка въ другія руки. При томъ, въ его владѣніяхъ и около него, имѣется множество большихъ пустошей, заброшенныхъ вслѣдствіе упадка земледѣлія и обезлюденія мѣстности. Чтобы снова придать имъ цѣну, надо

было отдать ихъ въ собственность земледѣльцу, такъ какъ это единственный способъ прикрѣпить человека къ землѣ. Само правительство помогаетъ этой операціи. Не получая ничего съ заброшенныхъ земель, оно соглашается временно снять съ нихъ руку, слишкомъ давящую на нихъ, и поэтому эдиктомъ 1766 года было объявлено, что всякая, вновь распаханная земля, освобождается отъ подати за обработку въ теченіи пятнадцати лѣтъ. Послѣдствіемъ этого эдикта было то, что послѣ его обнародованія, было вновь распаханно въ двадцати восьми провинціяхъ четыреста тысячъ десятинъ въ теченіи трехъ лѣтъ.

Вотъ какимъ образомъ владѣльческія помѣстья постепенно раздробляются и уменьшаются. Къ концу вѣка во многихъ мѣстахъ у владѣльца остаются только его феодальныя права, замокъ, да небольшая, смежная ферма, приносящая двѣ или три тысячи франковъ въ годъ. Уже около 1750 г., Форбоннэ отмѣчаетъ, что многіе старинные и новопожалованные дворяне, „доведенные до крайней бѣдности, несмотря на свои феодальныя права надъ обширными территоріями“ пораспродали свои земли мелкимъ земледѣльцамъ по самой низкой цѣнѣ и зачастую только за сумму, причитающейся съ этого участка подати. Около 1760 года, четверть всѣхъ земель перешла уже въ руки рабочихъ хлѣбопашцевъ. Въ 1772 году, когда зашелъ вопросъ о „двадцатинѣ“, взимаемой съ чистаго дохода недвижимыхъ имуществъ, канскій интендантъ составилъ списокъ плательщиковъ этого налога и оказалось, что на полтора-раста тысячъ землевладѣльцевъ, найдется, пожалуй, пятьдесятъ тысячъ такихъ, которые уплачиваютъ не болѣе двадцати су этого налога“. — Наблюденія современниковъ подтверждаютъ эту страсть крестьянина къ пріобрѣтенію земельной собственности. „Всѣ сбереженія низшихъ классовъ, которые въ другихъ мѣстахъ помѣщаются частными собственниками въ государственныя фонды, во Франціи идутъ на покупку земельныхъ участковъ.

Поэтому число мелкихъ землевладѣній во Франціи постоянно растетъ. Неккеръ говоритъ, что число это „громадно“. Артуръ Юнгъ удивляется поразительному умноженію этихъ вла-

дѣній и „склоняется къ мысли, что они составляютъ треть королевства“. Это уже представляетъ современную цифру, выражающую отношеніе мелкаго землевладѣнія ко всему пространству государства, и такую же цифру мы находимъ, опредѣляя отношеніе числа собственниковъ къ общему числу жителей.

Но, пріобрѣтая землю, мелкій земледѣлецъ беретъ на себя и всѣ, лежащія на ней повинности. Пока онъ былъ простымъ поденщикомъ и не имѣлъ ничего, кромѣ своихъ рукъ, то налогъ только наполовину давилъ на него, — „гдѣ нѣтъ ничего, тамъ король теряетъ свои права“. Но теперь, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, на самомъ дѣлѣ или выдавалъ себя за такового, фискъ не обращаетъ на это вниманія и давитъ на него на всемъ пространствѣ его новой собственности. Сборщики податей, такіе же крестьяне, какъ и онъ, и притомъ завидующіе ему, въ качествѣ сосѣдей, отлично знаютъ, что приносить ему его клочекъ земли и поэтому отъ него отбирается все, что только можетъ быть отобрано. Напрасно онъ трудится съ удвоеннымъ стараніемъ; его руки остаются пустыми попрежнему и къ концу года онъ убѣждается, что его поле не принесло ему ничего. Чѣмъ болѣе онъ пріобрѣтаетъ и производитъ, тѣмъ тяжелѣе становятся поборы. Въ 1715 году, поземельныя и личныя подати, которыя приходилось уплачивать такимъ собственникамъ, составляли сумму въ 66 милліоновъ; въ 1759 г. они уже доходили до 93 милліоновъ, въ 1789 — до 110. Въ 1757 году налогъ равнялся 283.156.000 ливрамъ; въ 1789—476.294.000.

Конечно, въ теоріи и изъ чувства гуманности и на основаніи разсужденія, крестьянъ жалѣли и хотѣли облегчить ихъ. Но на практикѣ, въ силу необходимости и вслѣдствіе рутины, съ ними обращались, по рецепту кардинала Ришелье, какъ съ выучными животными, которымъ даютъ овесъ лишь въ умѣренномъ количествѣ, изъ опасенія какъ бы онѣ не стали черезъ чуръ сильными и не вздумали бы брыкаться, „подобно мулу, который, привыкнувъ къ тяжести, становится гораздо болѣе упрямымъ послѣ долгаго отдыха, нежели вслѣдствіе работы“.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Главная причина нищеты: налогъ. — Прямые налоги. — Положеніе различныхъ владѣній къ концу царствованія Людовика XV. — Предварительный вычетъ въ пользу получающаго десятину и фиска. — Что остается владѣльцу. — Положеніе различныхъ провинцій въ моментъ революціи. — Налогъ, добавочный, подушная подать, двадцатины, налогъ натуральныхъ повинностей. — Какая сумма взимается каждымъ изъ этихъ налоговъ изъ дохода? — Громадность общей суммы этихъ вычетовъ. — Четыре прямыхъ налога, которые несутъ лица податнаго сословія, не имѣющія ничего, кромѣ собственныхъ рукъ — Сборъ податей и захватъ имущества недоимщиковъ. — Косвенные налоги. — Соляной акцизъ и питейный акцизъ. — Почему налогъ кажется такимъ тяжелымъ. — Изъятія и привилегіи. — Городскія пошлины. — Бремя этихъ пошлинъ повсюду падаетъ на бѣднѣйшіе классы. — Жалобы, заключающіяся въ наказахъ генеральныхъ штатовъ.

I.

Разсмотримъ ближе тѣ вымогательства, отъ которыхъ страдаетъ крестьянинъ. Вымогательства эти громадны и превышаютъ все, что только мы можемъ вообразить. Давно уже экономисты составили бюджетъ сельскаго хозяйства и доказали цифрами чрезмѣрность тѣхъ повинностей, которыя несетъ на себѣ земледѣлецъ. — Если желаютъ, чтобы онъ продолжалъ воздѣлывать землю, то должны обезпечить ему часть урожая такъ, чтобы эта часть не могла бы быть отнята у него ни при какихъ условіяхъ, часть эта должна составлять половину валового дохода, изъ которой ничего не можетъ быть взято, такъ какъ иначе это повлечетъ за собою раззореніе земледѣльца. Дѣйствительно, эта часть представляетъ какъ разъ и притомъ безъ единого су больше: проценты съ основнаго капитала, вложеннаго имъ въ свое предпріятіе, въ видѣ скота, утвари, земледѣльческихъ орудій, затѣмъ, ежегодное пополненіе этого капитала, уменьшающагося отъ времени и употребленія, и, наконецъ, затраты, сдѣланныя земледѣльцемъ въ текущемъ году, на сѣмена, на плату работникамъ и на прокормъ животныхъ и людей. Кромѣ того сюда же надо включить и вознагражденіе земледѣльца за его рискъ и потери. Вотъ тотъ главный вексель, по которому должно быть уплачено прежде всего, раньше долга владѣльцу, дециматору (получающему церковную десятину)

и даже королю, такъ какъ это — долгъ самой землѣ. Только уплативъ по этому обязательству можно прикоснуться къ остальному, представляющему настоящій барышъ или *чистый доходъ*. Но при томъ положеніи, въ которомъ находится земледѣліе, дециматоръ и король забираютъ половину этого дохода, если земля велика и весь доходъ, если земля мала. Большая ферма въ Пикардіи, стоящая 3600 ливровъ своему владѣльцу, уплачиваетъ 1800 ливровъ королю и 1311 ливровъ дециматору. Другая ферма, въ Суассоннѣ, арендованная за 4500 ливровъ, уплачиваетъ 2200 ливровъ налога и больше тысячи эку десятины. Средняя мыза, близъ Невера, приноситъ 138 ливровъ казнѣ, 121 церкви и 114 своему владѣльцу. Съ другой мызы, въ Пуату, фискъ взимаетъ 348 ливровъ, а владѣлецъ получаетъ только 238. Въ общемъ, въ областяхъ, гдѣ много крупныхъ фермъ, собственникъ получаетъ по 10 ливровъ съ десятины, если обработка земли очень хороша и по три ливра, если обработка земли обыкновенная. Въ мѣстностяхъ же, гдѣ преобладаютъ маленькія фермы или мызы, владѣлецъ получаетъ по 15, 8 и даже 6 су съ десятины. И это потому, что вся чистая прибыль идетъ духовенству и казнѣ.

А, между тѣмъ, хлѣбопашцы, обрабатывающіе землю, ничего не стоятъ собственнику. На мызѣ въ Пуату приносящей 8 су съ десятины, 36 земледѣльцевъ ежегодно потребляютъ каждый на 26 франковъ ржи, на 2 франка овощей, растительнаго масла и молока и на два франка 10 су свинины, а всего каждый изъ нихъ издерживаетъ въ годъ 16 фунтовъ мяса и 36 франковъ на все остальное. И, дѣйствительно, они пьютъ только воду: на освѣщеніе и подправку супа они употребляютъ сурьпное масло, коровьяго же масла они никогда не видятъ. Одежду свою они приготовляютъ изъ шерсти своихъ овецъ и изъ воздѣлываемой ими же самими конопли; ничего никогда не покупаютъ и платятъ деньги только ткачамъ, приготовляющимъ холстъ и грубую шерстяную матерію изъ поставляемаго имъ матеріала. — На другой мызѣ, находящейся на границѣ Ламарша и Берри, земледѣльцы расходуютъ еще меньше, такъ какъ каждый изъ нихъ

потребляетъ не болѣе какъ на 25 франковъ въ годъ. Судите же по-этому, какую непомѣрную долю присвоиваютъ себѣ церковь и государство, когда даже при такихъ ничтожныхъ издержкахъ на производство, землевладѣльцу остается въ концѣ года, шесть—восемь су съ десятины, изъ которыхъ, если только онъ не дворянинъ, ему еще надо уплатить подать своему владѣльцу, внести известную долю въ общинную кассу на милицію, купить обязательное для него количество соли, выполнить всѣ, лежащія на немъ натуральныя повинности и т. п. Къ концу царствованія Людовика XV, въ Лимузенѣ, только король, по словамъ Тюрго, „извлекаетъ изъ земли столько, сколько и ея владѣлецъ“. Есть такіе округа, напримеръ Тюльскій, гдѣ онъ беретъ 56½ процентовъ съ получаемыхъ продуктовъ, такъ что землевладѣльцу остается только 43½, вслѣдствіе чего „множество помѣстій покинуты своими владѣльцами“. Но не думайте, что съ теченіемъ времени бремя этихъ налоговъ становится меньше или же, что въ другихъ провинціяхъ съ земледѣльцемъ лучше обращаются! На этотъ счетъ имѣются самые достовѣрные документы, доходящіе почти до послѣднихъ минутъ стараго порядка. Достаточно для этого просмотрѣть протоколы провинціальныхъ собраній, засѣдавшихъ въ 1787 году, и указывающихъ въ официальныхъ цифрахъ до какой степени казна можетъ притѣснять трудящихся людей, вырывая у нихъ изо рта кусокъ хлѣба, добытый ими въ потѣ лица.

II.

Тутъ дѣло идетъ только о прямомъ налогѣ и о податяхъ, добавочныхъ налогахъ, подушной подати, двадцатинахъ и денежномъ сборѣ, взамѣнъ натуральныхъ повинностей. Въ Шампани, на сто ливровъ дохода плательщикъ податей обыкновенно уплачиваетъ 54 ливра 15 су, а въ нѣкоторыхъ приходяхъ—71 ливровъ 13 су. Въ Иль-де-Франсѣ, „одинъ сельскій житель, принадлежащій къ податному сословію, владѣлецъ двадцати десятинъ земли, которая онъ самъ же обрабатываетъ, и которые оцѣниваются въ десять ливровъ дохода съ десятины, — причемъ предполагается также, что онъ владѣетъ и домомъ,

въ которомъ живетъ и наемная плата котораго оцѣнивается въ сорокъ ливровъ въ годъ—такой сельскій землевладѣлецъ платитъ: имущественной, личной и промысловой подати 36 ливровъ 14 су, добавочной подати — 17 ливровъ 17 су, подушной—21 ливръ 8 су, двадцатинъ — 24 ливра 4 су, всего: 99 ливровъ 3 су. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить около пяти ливровъ, взамѣнъ натуральныхъ повинностей, что вмѣстѣ составитъ 104 ливра налоговъ казнѣ за такой участокъ, который владѣлецъ могъ бы сдать въ аренду за 240 ливровъ, такъ что онъ платитъ за него, слѣдовательно, болѣе пяти двѣнадцатыхъ своего дохода. Въ бѣдныхъ округахъ положеніе дѣлъ еще хуже. — Въ верхней Гюйенни, „всѣ земли обложены податью, добавочными налогами и двадцатинами, что составляетъ вмѣстѣ четверть получаемаго съ нихъ дохода; отсюда исключаются издержки на обработку, съ домовъ же взимается треть дохода, за вычетомъ издержекъ на содержаніе и ремонтъ. Къ этому надо прибавить: подушную подать, которая беретъ около одной десятой дохода, десятину, поглощающую одну седьмую долю дохода, владѣльческіе оброки, берущіе другую его седьмую, налогъ взамѣнъ натуральныхъ повинностей, возмѣщеніе расходовъ по принудительному взиманію, по наложенію запрещенія и ареста на имущество и другія судебныя процедуры и, наконецъ, разные обыкновенные и чрезвычайные сборы на мѣстныя нужды. Вычтя всѣ эти налоги, мы увидимъ, что въ общинахъ, обложенныхъ умѣреннымъ образомъ, не остается въ пользу владѣльца и трети дохода, въ другихъ же, которымъ, при раскладкѣ налоговъ, былъ причиненъ ущербъ, землевладѣльцы низведены до положенія простыхъ фермеровъ, которые едва въ состояніи получить столько, чтобы возмѣстить издержки по обработкѣ“. — Въ Оверни, налогъ доходитъ до 4 су съ cadaго ливра чистаго дохода. Добавочные сборы и подушная подать забираютъ еще четыре су и три денье, двадцатинны—2 су и 3 денье, а шоссейный сборъ, добровольный даръ, мѣстные сборы и издержки по взиманію налоговъ, извлекаютъ еще 1 су и 1 денье. Такимъ образомъ, съ cadaго ливра дохода взимается 11 су и

7 денье, не считая оброковъ въ пользу владѣльца и десятины. „Мало того, податное бюро признало съ огорченіемъ, что многіе округа платятъ по 17—16 су, а наиболѣе умѣренно обложенные по 14 су (съ одного ливра). Доказательства этого имѣются въ бюро; это зарегистрировано акцизною палатой и окружными канцеляріями. Еще большія доказательства можно найти въ приходскихъ спискахъ, гдѣ заключается безконечное множество сборовъ съ покинутыхъ владѣльцами участковъ, и отданныхъ въ аренду сборщиками податей, причѣмъ часто дохода съ такого участка не хватаетъ даже для уплаты налога.

Такого рода цифры конечно въ высшей степени краснорѣчивы и я полагаю, что ихъ можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: если взять вмѣстѣ Нормандію, Орлеанъ, Суассонъ, Шампань, Иль-де-Франсъ, Берри, Пуату, Овернь, Ліоннъ, Гасконъ и Верхнюю Гюеннъ, — словомъ, главныя провинціи безъ мѣстнаго самоуправленія, то можно убѣдиться, что тамъ, на 100 фр. чистаго дохода, причиталось прямого налога 53 фр., слѣдовательно, у земледѣльца отнималось болѣе половины его дохода. Это почти въ пять разъ больше, чѣмъ теперь.

III.

Но казна, накладывая свою руку на землевладѣльца изъ податнаго сословія, не оставляетъ и тѣхъ, — у кого нѣтъ никакой собственности. За неимѣніемъ земли, она обрушивается на самого плательщика. За отсутствіемъ наличности дохода съ земли, облагаетъ налогомъ заработную плату. За исключеніемъ двадцатинъ всѣ именованные налоги касаются не только тѣхъ, кто владѣетъ чѣмъ нибудь, но и совершенно неимущихъ. Въ Тулузенѣ, въ Сенъ-Пьеръ де-Бажурвилль, самый ничтожный поденщикъ, не имѣющій для своего пропитанія ничего, кромѣ собственныхъ рукъ и зарабатывающій десять су въ день, платитъ восемь, девять, десять ливровъ подушной подати. „Въ Бургони, на каждомъ шагу встрѣчаются несчастные поденщики, не имѣющіе никакой собственности, но которые, тѣмъ не менѣе уплачиваютъ отъ 18 до 20 ливровъ налога и подушной подати“. — Въ Лимузенѣ, всѣ деньги, которыя каменщики приносятъ зимой, ухо-

дятъ на уплату налоговъ, причитающихся за ихъ семьями. Что касается сельскихъ поденщиковъ и мызниковъ, то собственникъ, даже изъ привилегированныхъ, вынужденъ все-таки брать на себя уплату части налога, приходящагося на ихъ долю, такъ какъ иначе имъ не хватитъ на пропитаніе и они не въ состояніи будутъ работать.

Вѣдь это даже въ интересахъ господина, чтобы его рабочіе получали ежедневно свою порцію хлѣба, также какъ и его быки свою порцію сѣна. „Въ Бретани всѣмъ извѣстно, что девять десятыхъ ремесленниковъ, несмотря на то, что они плохо питаются и плохо одѣваются, все-таки не имѣютъ къ концу года ни одного эку, свободаго отъ долговъ“. Подушная же подать отнимаетъ у нихъ и остальное. Въ Парижѣ, „торговецъ золой, битымъ стекломъ, тряпичникъ, продавецъ разнаго старья и торговецъ старымъ желѣзомъ“, если только у него есть постоянное жилище, платитъ поголовнаго налога три ливра и десять су. Для большей вѣрности уплаты этого налога, за него отвѣчаетъ хозяинъ квартиры, пускающій къ себѣ такихъ жильцовъ. Кромѣ того, въ случаѣ замедленія уплаты, къ нимъ ставятъ на постой „голубого человѣка“, — экзекуціоннаго сыщика, который поселяется въ ихъ жилищѣ и которому они обязаны платить по-денно. Мерсье рассказываетъ про одного рабочаго, по имени Катрмень, у котораго было четверо дѣтей. Этотъ рабочій жилъ въ шестомъ этажѣ и въ своей каморкѣ устроилъ изъ камина нѣчто вродѣ алькова, въ которомъ спалъ, вмѣстѣ со своею семьей. „Однажды я отворилъ его дверь, заперавшуюся только на щиколду. Въ комнатѣ были только голыя стѣны и стоялъ слесарный станокъ. Рабочій вылѣзъ ко мнѣ, полубольной изъ своего помѣщенія въ каминъ и сказалъ: „А я думалъ, что это постой, присланный для взиманія съ меня подушной подати“. — Такимъ образомъ, каково бы ни было положеніе человѣка изъ податнаго сословія, какъ бы онъ ни былъ нищъ и голъ, за-гребистая рука казны все-таки опускается на его плечи. И тутъ не можетъ быть никакого заблужденія съ его стороны; онъ видитъ, кто давитъ на него. Эта рука не прячется, не

скрывается подъ другими формами, а въ назначенный день она прямо и грубо хватаетъ его за шиворотъ. Чердакъ, лачуга, изба мызника, ферма, домъ мелкаго землевладѣльца, всѣ испытываютъ на себѣ это давленіе и всѣмъ знакомы посѣщенія сборщика, пристава и постой экзекуціонера. Никакая лачужка не ускользаетъ отъ этого гнуснаго племени. Для нихъ сѣютъ и жнутъ, трудятся и терпятъ лишенія и отказываютъ себѣ во всемъ, чтобы питать это племя и если накопленные цѣною тяжкихъ лишеній гроши обращаются въ концѣ концовъ въ серебрянную монету, то эта монета опять таки попадаетъ въ мѣшокъ все того же алчнаго племени.

IV.

Но надо видѣть эту систему въ дѣйстви. Въ сущности—это машина для стрижки овецъ и притомъ очень грубая, плохо приспособленная, приносящая столько же зла своимъ способомъ дѣйствія, сколько и своею цѣлью. Всего хуже въ ней то, что въ этомъ скрипучемъ собраніи колесъ податное сословіе употребляется какъ инструментъ и вынуждено само стричь себя и сдирать съ себя кожу.

Въ каждомъ приходѣ имѣются два, три, пять, семь человѣкъ, которые, подъ именемъ сборщиковъ и состоя подъ начальствомъ особаго чиновника, вынуждены распредѣлять и взимать налоги. „Нѣтъ болѣе тяжелой обязанности“; каждый старается избавиться отъ нея посредствомъ протекціи или привилегіи. Общины постоянно жалуются на уклоняющихся отъ этихъ обязанностей и чтобы никто не могъ сослаться на свое невѣдѣніе, то они заранѣе, на десять—пятнадцать лѣтъ впередъ, составляютъ списокъ будущихъ сборщиковъ. Въ приходахъ второго разряда сборщиками назначаются „мелкіе собственники и каждый изъ нихъ проходитъ черезъ эту должность, назначаясь на нее почти черезъ каждые шесть лѣтъ“. Во многихъ деревняхъ сборщиками служатъ ремесленники, поденщики, мызники, которымъ, однако, нужно было бы располагать всѣмъ своимъ временемъ, чтобы пропитать себя. Въ Оверни, откуда зимою уходятъ всѣ здоровые мужчины на заработки въ другія мѣста, сборщиками назначаютъ женщинъ.

Въ округѣ Сень - Флуръ есть деревня, гдѣ всѣ четыре сборщика-женщины.—Сборщики отвѣчаютъ за порученныя имъ взысканія всѣмъ своимъ имуществомъ, своею утварью и даже своею личностью, а до Тюрго каждый изъ нихъ отвѣчалъ и за своего товарища. Можете судить поэтому о трудностяхъ и рискѣ, которымъ они постоянно подвергались. Въ 1785 г., въ одномъ только округѣ, въ Шампани, посажены были въ тюрьму 95 сборщиковъ и ежегодно, по крайней мѣрѣ, двѣсти тысячъ человѣкъ, рискуютъ попасть туда. „Сборщикъ,—говоритъ беррійское провинціальное собраніе—обыкновенно въ продолженіи двухъ лѣтъ, ежедневно проводитъ полдня въ томъ, что бѣгаетъ отъ одной двери къ другой, побуждая недоимщиковъ къ уплатѣ“.—„Эта должность, пишетъ Тюрго, — доводитъ до отчаянія и, почти всегда, до раззоренія тѣхъ, на кого она возлагается и, такимъ образомъ, всѣ зажиточныя семьи деревни послѣдовательно доводятся до нищеты“.—Въ самомъ дѣлѣ, не найдется ни одного сборщика, который бы не принуждался насильственнымъ образомъ къ этимъ обязанностямъ и который бы не получалъ, ежегодно, „восемь или десять приказовъ о принудительныхъ мѣрахъ. Иногда его сажаютъ въ тюрьму на счетъ прихода, порою же дѣйствуютъ противъ него и противъ неплательщиковъ тѣмъ, что посылаютъ постой, налагаютъ запрещеніе на имущество, продаютъ движимость“.

„Въ одномъ округѣ Вилль-Франшъ, —говоритъ провинціальное собраніе Верхней Гюенни, — насчитываютъ сто шесть приставовъ и другихъ лицъ, которые постоянно заняты выполненіемъ принудительныхъ мѣръ.“

Все это вошло уже въ обыкновеніе и каждому приходу извѣстно, что избѣжать этого онъ не можетъ. „Близъ Орильяка, — говоритъ маркизъ Мирабо, — мѣстное населеніе отличается и промышленнымъ духомъ, и трудолюбіемъ, и экономіей и, тѣмъ не менѣе, тамъ нѣтъ ничего, кромѣ бѣдности и нищеты. Народъ состоитъ наполовину изъ недоимщиковъ и наполовину изъ богачей, притворяющихся бѣдняками, изъ опасенія добавочнаго налога. Какъ только кончается раскладка податей, то всѣ начинаютъ охать и жаловаться, но никто платить не хочетъ. Сроку

истекаетъ и тогда, въ назначенный часъ и въ назначенную минуту, выступаютъ на сцену принудительныя мѣры, но сборщики податей, хотя бы они и были зажиточными людьми, остерегаются платить недоимку и отсылать обратно гарнизонъ, содержаніе котораго, однако, стоитъ имъ довольно дорого. Впрочемъ, такого рода расходы имъ привычны и они готовятся къ нимъ. Они опасаются быть слишкомъ аккуратными въ уплатѣ, такъ какъ это можетъ повлечь за собою еще болѣе тяжелое обложеніе въ слѣдующемъ году.—Притомъ же мѣстный начальникъ сборовъ, уплачивающій экзекуціонеру по франку въ день, взимаетъ за это по два франка въ день и разницу кладетъ себѣ въ карманъ. Вотъ почему, „если какой нибудь приходъ становится черезчуръ аккуратнымъ и платитъ не дожидаясь принужденія, то начальникъ сборовъ, изъ рукъ котораго ускользаетъ такимъ образомъ одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ его дохода, бываетъ очень недоволенъ и тогда между нимъ и другими чиновниками сборовъ, субделегатомъ и еще нѣкоторыми стригунами подобнаго же рода, происходитъ соглашеніе насчетъ того, чтобы этотъ черезчуръ аккуратный приходъ былъ обложенъ двойными тягостями въ будущемъ и это бы научило его умѣнью жить“.—Такимъ образомъ, цѣлое племя административныхъ пѣвковъ живетъ насчетъ крестьянина. „Недавно, говоритъ одинъ интендантъ,—въ Роморантенскомъ округѣ, при распродажѣ имущества недоимщиковъ, ровно ничего не досталось сборщикамъ, такъ какъ вся вырученная сумма, шестьсотъ ливровъ, пошла на уплату издержекъ по взиманію. Въ Шатоденскомъ округѣ произошло то же самое при распродажѣ имущества на сумму въ 900 ливровъ. Но, какъ ни вопіющи всѣ такія дѣла, они все же мало извѣстны“.—Впрочемъ, и казна также не имѣетъ никакого состраданія къ недоимщику. Тотъ же самый интендантъ пишетъ въ 1784 году, во время голода: „Съ ужасомъ видѣли, какъ сборщикъ податей оспаривалъ у отцовъ семействъ право на получение денегъ отъ продажи ихъ имущества, которыя они предназначали на покупку хлѣба для утоленія голода своихъ дѣтей“.—Но еслибъ сбор-

щики не налагали рукъ на имущество недоимщиковъ, то имъ пришлось бы заплатить собственнымъ имуществомъ. Притѣсняемые начальниками сборовъ, они, какъ это можно видѣть изъ документовъ, преслѣдуютъ недоимщиковъ и тягнутся съ ними. Каждое воскресенье и каждый праздникъ они становятся у выхода изъ церкви и напоминаютъ недоимщикамъ объ уплатѣ. Затѣмъ, въ теченіи недѣли, они ходятъ отъ хижины къ хижинѣ и собираютъ долги. „Въ большинствѣ случаевъ они не умѣютъ писать и поэтому водятъ съ собою писаря“. Изъ шестисотъ шести сборщиковъ, бѣгающихъ по округу Сенъ-Флуръ, не найдется и десяти, которые сумѣли бы прочесть официальную бумагу или написать росписку въ полученіи денегъ, откуда и происходятъ безчисленныя ошибки и мошенничества всякаго рода. Кромѣ писаря, они водятъ съ собою и экзекуціонеровъ, людей самаго низшаго разбора, плохихъ рабочихъ, не имѣющихъ работы, ненавидимыхъ всѣми и сознающихъ это, а поэтому и поступающихъ соотвѣтственнымъ образомъ. „Не смотря на самыя строгія запрещенія „братъ у жителей что либо, кормиться у нихъ или посѣщать вмѣстѣ со сборщиками кабаки“,—все таки нѣтъ никакой возможности прекратить эти злоупотребленія. Но какъ ни тяжелы для населенія экзекуціонеры все-таки ихъ не стараются избѣжать. Въ этомъ отношеніи огрубѣлость населенія поразительна“, говоритъ одинъ интендантъ.—„Ни одинъ человѣкъ—доносить одинъ начальникъ сборовъ—не заплатитъ сборщику, пока не будетъ присланъ постой“.

Крестьянинъ походитъ въ данномъ случаѣ на своего осла, который ни за что не тронется съ мѣста, пока его не побьютъ и съ этой стороны, онъ поступаетъ политично, хотя и кажется глупымъ. Сборщикъ, несущій на себѣ отвѣтственность за неплатежъ податей, „естественно склоненъ увеличивать доли аккуратныхъ плательщиковъ въ пользу неаккуратныхъ. Вотъ почему аккуратный плательщикъ въ свою очередь становится небрежнымъ плательщикомъ и допускаетъ чтобы его преслѣдовали судебнымъ порядкомъ даже тогда, когда у него деньги припрятаны въ сундукѣ“.—Разсчитавъ все, онъ приходитъ

къ заключенію, что судебная процедура, даже самая дорогостоящая, обойдется ему все-таки дешевле, чѣмъ увеличеніе налога и поэтому онъ выбираетъ изъ двухъ золъ меньшее. Противъ же сборщика и начальника сборовъ у него нѣтъ другого средства защиты, кромѣ своей дѣйствительной или произвольной, вольной или невольной бѣдности. „Всякій человѣкъ, принадлежащій къ податному сословію, — говоритъ беррійское провинціальное собраніе, — опасается обнаружить то, что онъ имѣетъ на самомъ дѣлѣ; съ этою цѣлью онъ отказывается себѣ въ мебелировкѣ, въ одеждѣ, въ пищѣ и во всемъ, что можетъ быть подмѣчено постороннимъ взоромъ“. — Когда Шуазель Гуфье захотѣлъ было на свой счетъ перестроить крыши крестьянскихъ домовъ и покрыть ихъ черепицей, на случай пожара, то крестьяне поблагодарили его за доброту, но попросили оставить дома въ ихъ прежнемъ видѣ, говоря, что еслибы они были крыты черепицей, вмѣсто соломы, то субделегаты, тотчасъ же увеличили бы подать“. — „Люди трудятся, но только ради удовлетворенія первѣйшихъ потребностей... Боязнь заплатить лишнее экую заставляеть большинство людей сторониться такихъ предпріятій, которыя могли бы имъ принести вчетверо больше“. — „Отъ этого у нихъ нѣтъ ни хорошаго скота, ни хорошихъ орудій; оттого и поля у нихъ плохо унавожены, даже у такихъ земледѣльцевъ, которые могли бы имѣть больше“.

„Если я стану добывать больше, то это пойдетъ не мнѣ, а сборщику“ говорилъ одинъ крестьянинъ. — Неограниченный и ежегодный грабежъ „отнимаетъ у нихъ даже самое желаніе быть зажиточными“. Большинство крестьянъ своею трусливостью, недоувѣрчивостью, своею „приниженностью и неподвижностью“ мало чѣмъ отличается отъ древнихъ рабовъ, и напоминаетъ египетскихъ феллаховъ или земледѣльцевъ Индостана. И дѣйствительно, вслѣдствіе произвольности и чрезмѣрности своихъ притязаній, казна лишаетъ обезпеченности всякое владѣніе, всякое новое пріобрѣтеніе становится ненужнымъ и всякое сбереженіе смѣшнымъ. На самомъ дѣлѣ крестьянинъ можетъ считать своимъ только то, что ему удастся утаить отъ казны.

V.

Во всякомъ государствѣ фискъ имѣетъ двѣ руки, одну явную, которою онъ непосредственно шаритъ въ сундукахъ плательщиковъ, другую же скрытую, такъ какъ вмѣсто нея, онъ обыкновенно употребляетъ руку какого нибудь посредника, чтобы не возбуждать къ себѣ отвращенія за новое вымогательство. Но тутъ не приняты такія предосторожности и вторая заgreбистая лапа также видима, какъ и первая. Я почти склоненъ думать, что они даже хуже первой и тиски ея чувствительнѣе, судя по ея устройству и возбуждаемымъ ея дѣйствіями жалобамъ. — Во первыхъ, винный акцизъ, соляной налогъ и торговья пошлины отданы на откупъ и ежегодно съ публичнаго торгова присуждаются тому, кто больше дастъ. Само собою разумѣется, что откупщики стараются извлечь какъ можно больше выгодъ изъ заключенной ими сдѣлки. По отношенію къ плательщикамъ податей они представляютъ собою никакъ не администраторовъ, а просто на просто эксплуататоровъ, купившихъ это право. По условіямъ заключеннаго ими договора съ казною, плательщикъ принадлежитъ имъ и они уже сумѣютъ выжать изъ него, не только свои задатки и проценты на эти задатки, но и возможную сумму барышей. Одного этого уже достаточно чтобы указать, какимъ путемъ взимаются косвенные налоги. Затѣмъ, что касается виннаго акциза и солянаго налога, то они создаютъ инквизицію, которая вторгается въ каждое хозяйство. Въ областяхъ, гдѣ соляной налогъ очень высокъ, въ Иль-де-Франсѣ, Менѣ, въ Анжу, Турени, Орлеанѣ, Берри, Бурбоннѣ, Бургони, Шампани, Першѣ, Норманди и Пикарди, соль стоитъ тринадцать су за фунтъ, — вчетверо дороже, а если принять во вниманіе разницу въ стоимости тогдашнихъ и нынѣшнихъ денегъ, то въ восемь разъ дороже, чѣмъ теперь. Мало того: въ силу ордонанса 1680 года, каждое лицо старше семи лѣтъ обязано ежегодно покупать по семи фунтовъ соли; это составляетъ новый прямой налогъ, который, также какъ и подати, служитъ для казны средствомъ засовывать свою руку въ карманъ плательщиковъ, вынуждая ихъ, также какъ и

подати, взаимно терзать другъ друга. Дѣйствительно, многіе изъ нихъ назначаются официально для распредѣленія этого обязательнаго количества соли между семействами и, подобно сборщикамъ податей „несутъ на себѣ отвѣтственность за полученіе денегъ, причитающихся за эту соль“. Кромѣ нихъ, также какъ и въ дѣлѣ податей, другія лица несутъ на себѣ отвѣтственность. Послѣ того какъ первые уже заплатились за недоимку своимъ имуществомъ и своею личностью, откупщикъ имѣетъ право начать дѣйствія и противъ главныхъ обитателей прихода“. Мы уже описывали способы, къ которымъ прибѣгаютъ въ такихъ случаяхъ; тутъ повторяется тоже самое, какъ и при взиманіи прямыхъ налоговъ, такъ что „въ Нормандіи—какъ говоритъ руанскій парламентъ ежедневно конфискують, описываютъ и продаютъ за непокупку соли имущество бѣдняковъ, у которыхъ нѣтъ хлѣба“.

Но если строгость взиманія въ данномъ случаѣ также велика, какъ и въ дѣлѣ податей, то все же притѣсненій и прижимокъ тутъ вдесятеро больше, такъ какъ онѣ носятъ домашній, мелочной характеръ. Запрещено употреблять, хотя бы только одинъ унцъ изъ этихъ обязательныхъ семи фунтовъ, для какихъ либо цѣлей, кромѣ какъ для варки пици (горшка и солонки) и если-бы какой нибудь крестьянинъ вздумалъ посолить этою солью свинину для зимняго запаса, то ему пришлось бы дорого заплатить за это. Сейчасъ же являются къ нему пристава, конфискують свинину, а его присуждаютъ къ штрафу въ 300 ливровъ. Человѣкъ, желающій посолить мясо, долженъ явиться въ складъ, купить для этого другой соли, сдѣлать заявленіе и получить удостовѣреніе, которое онъ и долженъ предъявлять при каждомъ посѣщеніи соляныхъ досмотрщиковъ. Тѣмъ хуже для него, если у него нѣтъ денегъ, чтобы заплатить за эту добавочную соль. Пусть онъ продаетъ свою скотину и воздерживается отъ мяса до самого Рождества. Обыкновенно такъ и бываетъ и я осмѣлюсь утверждать, что мызники, живущіе на 25 франковъ въ годъ, вынуждены всегда поступать подобнымъ образомъ.—Затѣмъ, запрещено употреблять „для горшка и солонки“ какую нибудь

другую соль, кромѣ обязательныхъ семи фунтовъ. „Я могу указать,—говоритъ Летронъ,—на двухъ сестеръ, жившихъ на разстояніи лье отъ городка, гдѣ соляной складъ открывался только по субботамъ. Запасъ соли у нихъ кончился. Чтобы пробиться какъ нибудь три или четыре дня, которые оставались до субботы, они выпарили остатки рассола и получили нѣсколько унцій соли. Въ результатѣ: посѣщеніе соляныхъ приставовъ и протоколъ. Благодаря друзьямъ и протекціи имъ удалось отдѣлаться только 48 ливрами“.—Запрещено черпать воду изъ моря или изъ солянаго источника подъ угрозою штрафа въ 20 и 40 ливровъ.—Запрещено водить скотъ въ солончаки, или въ такія мѣста, гдѣ есть соль, а также поить его морскою водой, подъ страхомъ конфискации и 300 ливровъ штрафа.—Запрещено рыбакамъ класть соль въ разрѣзанное брюшко макрелей, по возвращеніи съ рыбной ловли, или же пересыпать солью ряды пойманной рыбы. Согласно спеціальному приказанію нельзя употреблять болѣе полутора фунтовъ соли на каждый боченокъ рыбы. По другому приказу должна ежегодно истребляться природная соль, которая образуется въ нѣкоторыхъ округахъ Прованса. Судьямъ воспрещено уменьшать или сокращать штрафы, налагаемые за нарушеніе солянаго устава, такъ какъ въ противномъ случаѣ, имъ грозитъ отвѣтственность и удаленіе отъ должности.—Я пропускаю еще множество другихъ запрещеній и приказаній, которыя насчитываются сотнями. Это законодательство опутываетъ плательщиковъ словно сѣтъ, состоящая изъ тысячи мелкихъ петель, а забрасывающій эту сѣтъ приставъ заинтересованъ въ томъ, чтобы уличить виновныхъ въ нарушеніи устава. Поэтому вы можете представить себѣ рыбака, вынужденнаго открывать свой боченокъ съ рыбой по требованію пристава, хозяйку, разыскивающую удостовѣреніе на посоленный ею окорокъ и „солянаго пристава“, обыскивающего буфетъ, провѣряющаго крепость рассола, пробующаго соль въ солонкѣ и заявляющаго, если соль эта слишкомъ хорошаго качества, что она контрабанднаго происхожденія, такъ какъ откупная соль,—единственно законная,—обыкновенно бываетъ

испорченная и смѣшанная съ пескомъ.

Между тѣмъ другіе пристава, акцизные досмотрщики, спускаются въ погребъ. Нѣтъ болѣе опасныхъ фискальныхъ сборщиковъ, съ такимъ рвеніемъ отыскивающихъ малѣйшую тѣнь нарушенія устава. „Пусть какой-нибудь сострадательный гражданинъ дастъ бутылку укрѣпляющаго напитка истощенному бѣдняку,—онъ тотчасъ же попадаетъ подъ судъ и присуждается къ непомѣрному штрафу... Несчастный больной, возбудившій состраданіе въ священникѣ и выпросившій у него бутылку вина, подвергается опасности судебного процесса, который въ состояніи разорить не только его, но и благодѣтеля, давашаго ему вино. И это вовсе не выдумка!“ Въ силу закона, акцизные пристава могутъ явиться въ любой моментъ, даже къ владѣльцу виноградника и провѣрить у него наличность вина, опредѣлить, сколько онъ можетъ выпить изъ этого вина, обложить налогомъ все остальное вино, а также и все то, что онъ выпьетъ сверхъ положенной мѣры, такъ какъ откупъ считается товарищемъ винодѣла и имѣетъ свою долю въ урожаѣ винограда.—Въ одномъ виноградникѣ въ Эпернѣ, откупъ вѣзметъ съ четырехъ бочекъ вина, составляющихъ въ среднемъ продуктъ одной десятины виноградника и стоящихъ 600 франковъ, сначала 30 франковъ, а затѣмъ, когда эти бочки будутъ проданы, то еще другіе 75 франковъ. Само собою разумѣется, что жители прибѣгаютъ „къ самымъ замысловатымъ и самымъ сложнымъ уловкамъ“, чтобы уклониться отъ такого высокаго акциза. Но и пристава не дремлютъ; они расторопны, подозрительны, освѣдомлены и налетаютъ врасплохъ на каждый домъ, внушающій имъ подозрѣніе. Въ ихъ инструкціяхъ сказано, что они должны учащать свои визиты и имѣть всегда точные списки „для того, чтобы сразу видѣть состояніе погреба каждаго жителя“. Послѣ того, какъ винодѣль уже заплатилъ все, что слѣдуетъ, наступаетъ очередь виноторговца. Этотъ послѣдній долженъ уплатить откупу еще 75 франковъ, чтобы отправить потребителю четыре бочки вина. Вино отправляется, но при этомъ оно должно быть отправлено по извѣстной до-

рогъ, указанной откупомъ, и если уклонится отъ нея въ сторону, то будетъ конфисковано. Кромѣ того, по пути, оно должно платить на каждомъ шагу. „Судно съ виномъ изъ Лангедока, Дофинѣ или Руссильона, поднимающееся по Ронѣ или спускающееся по Луарѣ, чтобы отправиться въ Парижъ по Бриарскому каналу, платитъ, кромѣ пошлинъ на Ронѣ, еще отъ тридцати пяти до сорока всевозможныхъ другихъ пошлинъ, не считая заставныхъ пошлинъ въ Парижѣ“. Оно ихъ платитъ въ „пятнадцати или шестнадцати мѣстахъ и по этой причинѣ на путешествіе тратится двѣнадцатью или пятнадцатью днями больше, чѣмъ это бы понадобилось, еслибъ всѣ уплаты производились сразу въ одной конторѣ“.—Водные пути особенно сильно обременены всякаго рода пошлинами. „Отъ Понтарлье до Ліона существуетъ двадцать пять или тридцать заставъ; отъ Ліона до Эгъ-Морта еще больше, такъ что то, что стоитъ 10 су въ Бургони, въ Ліонѣ уже стоитъ 15 и 18 су, а въ Эгъ-Мортъ болѣе двадцати пяти“.—Наконецъ, вино достигаетъ воротъ того города, гдѣ оно должно быть выпито. Тамъ оно платитъ городскую заставную пошлину, которая для Парижа установлена въ 97 франковъ съ бочки. Вступивъ въ городъ, вино отправляется въ погребъ кабатчика или трактирщика и тутъ снова уплачивается отъ 30 до 40 франковъ за право розничной продажи. Въ Ретель эта пошлина выше:—отъ 50 до 60 франковъ съ указной реймской бочки. Общая сумма всѣхъ этихъ платежей громадна. Въ Реннѣ, съ одного боченка вина уплачивается больше 72-хъ ливровъ налога, пятипроцентнаго сбора съ основного налога, пошлины за право розничной продажи, налога въ 8 су съ каждаго ливра стоимости вина и городскихъ заставныхъ пошлинъ, не считая при этомъ покупной цѣны вина, къ этому слѣдуетъ еще прибавить расходы и пошлины, уплаченныя реннскимъ купцомъ впередъ и которыя онъ долженъ возмѣстить съ покупателя, а именно: пошлину за выпускъ вина изъ Бордо, фрахтъ, страховку, шлюзные пошлины, городскія заставныя пошлины, заставную пошлину въ пользу больницы, пошлину за провѣрку вмѣстимости бочекъ, куртажъ въ пользу ни-

тейныхъ досмотрщиковъ—итого, каждый кабатчикъ долженъ уплатить по крайней мѣрѣ 200 ливровъ, чтобы получить право продать одну бочку вина.—Можно заключить изъ этого, что цѣна вина становится недоступной для народа въ Реннѣ и онъ не можетъ пить его, а это, въ свою очередь, отражается и на винодѣлѣ, такъ какъ если потребители не покупаютъ вина, то онъ не можетъ продать его.

Вотъ почему, изъ всѣхъ мелкихъ землевладѣльцевъ винодѣлѣ заслуживаетъ наибольшей жалости. По словамъ Артура Юнга, „винодѣлѣ“ и „несчастнѣй“—это два однозначущихъ термина. Винодѣлѣ часто страдаетъ отъ неурожаѣ; зависимость же отъ случайнаго урожая всегда бываетъ пагубна для человѣка, „не имѣющаго запаснаго капитала“. Въ Бургони, въ Берри, въ Суассоннѣ, въ округѣ Трехъ Епископствъ и въ Шампани, отовсюду приходятъ вѣсти, что винодѣлѣ постоянно нуждается въ хлѣбѣ и вынужденъ просить милостыню. Въ Шампани, синдикъ въ Баръ-сюръ-Объ сообщаетъ, что обитатели Ла-Ферте много разъ спускали въ рѣку свое вино, чтобы избѣжать уплаты пошлинъ. Правинціальное же собраніе заявляетъ, что „въ большей части провинціи достаточно незначительнаго увеличенія пошлинъ, чтобы всѣ земледѣльцы побросали свои земли“.

Такова исторія вина при старомъ режимѣ. Начиная отъ винодѣла, производящаго вино и кончая кабатчикомъ, продающимъ его, сколько людей подвергаются притѣсненіямъ и вымогательствамъ! Что же касается солянаго налога, то по собственному признанію генеральнаго контролера, онъ влечетъ за собою ежегодно 4,000 описей имущества, 3,400 заключеній въ тюрьму, 500 приговоровъ къ наказанію плетью, къ изгнанію и къ галерамъ.

Если существовали когда либо такіе налоги, которые словно нарочно были придуманы, не только для разоренія крестьянъ, бѣдняковъ и народа вообще, но и для того, чтобы раздражать ихъ какъ можно больше—это были именно акцизный и соляной налогъ.

VI.

Итакъ ясно, что главную причину бѣдности народа составляетъ тяжесть налоговъ, въ народѣ накапливается мало-по-малу глубокая ненависть къ фиску и его агентамъ, начальникамъ сборовъ, завѣдующимъ складами служащимъ акциза, заставъ, таможенъ и др. Но отчего же налогъ до такой степени тяжелъ? Отвѣтъ ясенъ и множество общинъ ежегодно выражающихъ требованіе, чтобы тѣ или другія лица были подвергнуты взысканію податей, очень подробно излагаютъ это въ своихъ ходатайствахъ. Бремя сдѣлалось невыносимымъ именно потому, что самымъ сильнымъ людямъ наиболѣе способнымъ нести его на своихъ плечахъ, удалось избавиться отъ него и свалить его на другія плечи, такъ что нищета главнымъ образомъ вызывается обширностью всякихъ изъятій отъ платежа налоговъ.

Прослѣдимъ эти льготы по всѣмъ налогамъ. — Прежде всего дворянство и духовенство освобождены отъ личной или подушной подати, а также отъ имущественной и поземельной за право обрабатывать землю въ тѣхъ помѣстьяхъ, которыя они самолично эксплуатируютъ или черезъ посредство своихъ управляющихъ. Въ Оверни, въ одномъ только Клермонтскомъ округѣ, насчитывается пятьдесятъ приходовъ, гдѣ, благодаря такому распоряженію, всѣ земли привилегированныхъ освобождены отъ налоговъ, такъ что вся тяжесть податныхъ сборовъ падаетъ на податное сословіе. Притомъ же этимъ привилегированнымъ достаточно бываетъ заявить, что ихъ фермеры—вовсе не ихъ арендаторы, а только управляющіе, чтобы ихъ участокъ былъ избавленъ отъ платежа. Субделегатъ и чиновникъ не рѣшаются слишкомъ подробно вникать въ это дѣло. Такимъ путемъ владѣлецъ избавляетъ отъ налога себя самого и все свое имущество, включая сюда и фермы. Все возрастающій налогъ служитъ, при посредствѣ специальныхъ назначеній, для удовлетворенія разныхъ новыхъ общественныхъ нуждъ. Достаточно пробѣжать исторію его періодическихъ нарастаній, чтобы доказать человѣку третьяго

сословія, что онъ одинъ, или почти одинъ, платилъ и продолжаетъ платить за постройку мостовъ, дорогъ, каналовъ и дворцовъ правосудія, за выкупъ должностей, учрежденіе и поддержку пріютовъ и богадѣленъ, воспитательныхъ заведеній, почтовыхъ станцій и школъ фехтованія и верховой ѣзды, за устройство мостовыхъ и очистку парижскихъ улицъ; онъ же платитъ жалованье генералъ-лейтенантамъ, губернаторамъ и комендантамъ различныхъ провинцій, предсѣдателямъ судовъ, окружнымъ судьямъ и ихъ помощникамъ, уплачиваетъ содержаніе финансовыхъ канцелярій, окружныхъ бюро и комиссаровъ, посылаемыхъ въ провинціи и кромѣ того жалованье пѣшимъ и коннымъ стражникамъ и еще многое другое! Въ провинціяхъ, гдѣ существуетъ самоуправленіе и поэтому раскладка податей должна была бы быть болѣе равномерной, наблюдается такое же неравенство. Въ Бургони всѣ расходы на конную и пѣшую стражу, на конскіе заводы и общественныя празднества, всѣ суммы, предназначенныя на устройство курсовъ химіи, ботаники, анатоміи и акушерства, на поощреніе искусствъ, на пособіе почтѣ, выкупъ нѣкоторыхъ должностей, награды старшимъ и младшимъ чиновникамъ комендантскаго управленія, жалованіе должностнымъ лицамъ штатовъ, секретарямъ министра, на издержки по взиманію налоговъ и даже на раздачу милостыни—словомъ 1.700.000 ливровъ, расходуемыхъ на общественныя службы, всецѣло ложатся на плечи третьяго сословія и два первыхъ класса не даютъ для этого ни одного су.

Затѣмъ, что касается поголовнаго налога, который первоначально распредѣлялся на двадцать два разряда и долженъ былъ равномерно ложиться на всѣхъ, сообразно состоянію каждаго, то извѣстно, что духовенство съ самаго начала освободилось отъ него посредствомъ выкупа, а дворяне дѣйствовали такъ искусно, что ихъ доля налога все больше и больше сокращалась по мѣрѣ того, какъ возрастало бремя налоговъ третьяго сословія. Какой нибудь графъ или маркизь, интендантъ или докладчикъ по приему прошеній, получающіе до 40.000 ливровъ годового дохода, должны были бы платить по разверсткѣ

1695 года отъ 1.700 до 2.500 ливровъ налога, на самомъ же дѣлѣ они платятъ только 400, а какой нибудь буржуа, имѣющій всего 6.000 дохода, который долженъ былъ бы платить на основаніи прежняго тарифа, всего 70 ливровъ, платитъ 720. Такимъ образомъ, поголовный налогъ для привилегированнаго сословія уменьшился на три четверти или на пять шестыхъ, а для податного увеличился вдесятеро. Въ Иль-де-Франсѣ этотъ налогъ беретъ съ каждаго 240 ливровъ годового дохода у податного сословія 21 ливръ 8 су, а у дворянина только 3 ливра. Самъ же интендантъ заявляетъ при этомъ, что онъ облагаетъ дворянъ налогомъ, равняющимся лишь одной восьмидесятой ихъ дохода. Интендантъ Орлеана еще уменьшаетъ этотъ налогъ до одной сотой дохода, зато податное сословіе платитъ одиннадцатую часть съ суммы своего дохода. — Если къ дворянамъ мы прибавимъ еще другихъ привилегированныхъ чиновниковъ судебного вѣдомства, акцизныхъ служащихъ и города, откупившіеся отъ нѣкоторыхъ повинностей, то получится группа, которая включаетъ въ себѣ почти всѣхъ богатыхъ и зажиточныхъ людей королевства, доходъ которыхъ, конечно, значительно превышаетъ всю сумму дохода, получаемаго податнымъ сословіемъ. Мы можемъ видѣть изъ бюджетовъ провинціальныхъ собраній сколько беретъ поголовный налогъ у каждой изъ этихъ группъ; такъ напр. въ Лионнѣ онъ беретъ у податнаго сословія 898.000 ливровъ, у привилегированныхъ же 190.000; въ Иль-де-Франсѣ: у податнаго сословія—2.689.000 ливровъ, у привилегированныхъ—232.000; въ Алансонскомъ округѣ: у податнаго сословія—1.067.000 ливровъ, а у привилегированныхъ—122.000; въ Шампани: у податнаго сословія—1.377.000 ливровъ, у привилегированныхъ—199.000; въ Верхней Гюйеннѣ: у податнаго сословія—1.268.000 ливровъ, у привилегированныхъ—61.000; въ округѣ д'Ошъ: у податнаго сословія—797.000 ливровъ, у привилегированныхъ—21.000; въ Оверни: у податнаго сословія—1.753.000 ливровъ, у привилегированныхъ—86.000; словомъ, если мы подведемъ итогъ для десяти провинцій, то окажется, что группа бѣдняковъ вынуждена давать

11.636.000 ливровъ, а группа богачей — 1.450.000 ливровъ; слѣдовательно, въ восемь разъ меньше того, что она должна была бы платить.

Что касается двадцатинъ, то тутъ непропорціональность не такъ велика, но мы не имѣемъ точныхъ цифръ; тѣмъ не менѣе и тутъ можно быть увѣреннымъ, что привилегированные платятъ половину того, что должны были бы платить. Въ 1772 году, какъ говоритъ Калоннъ, было дознано, что двадцатины взымались ниже того, что слѣдовало. Ложныя заявленія, фальшивые договоры и слишкомъ снисходительное отношеніе почти ко всѣмъ богатымъ собственникамъ, привело къ неравенству распредѣленія этого налога и къ безчисленнымъ ошибкамъ... Проверка 4.902 приходовъ показала, что сборъ двухъ двадцатинъ, дающій 54 милліона, въ дѣйствительности долженъ бы давать 81 милліонъ". Иное дворянское помѣстье, которое должно было бы платить 2.400 ливровъ, судя по получаемому его владѣльцемъ доходу, на самомъ дѣлѣ платитъ только 1.216. Что касается принцевъ крови, то тутъ дѣло обстоитъ еще хуже, такъ какъ ихъ владѣнія платятъ заранѣе опредѣленную сумму: 188.000 вмѣсто 2.400.000. При такой системѣ, которая ложится особенною тяжестью на слабыхъ и, наоборотъ, облегчаетъ сильныхъ, чѣмъ больше человекъ можетъ платить, тѣмъ меньше онъ платитъ на самомъ дѣлѣ. То же самое происходитъ и съ четвертымъ и послѣднимъ прямымъ налогомъ, а именно — налогомъ для замѣны натуральныхъ повинностей. Этотъ налогъ прежде соединенъ былъ съ двадцатинами и поэтому ложился одинаково на всѣхъ землевладѣльцевъ; но потомъ, постановленіемъ государственнаго совѣта, онъ былъ присоединенъ къ подати и слѣдовательно опять таки всецѣло обрушился на обремененное сословіе. При томъ же этотъ налогъ составляетъ далеко не маленькую прибавку, такъ какъ онъ равняется цѣлой четверти всей суммы основной подати. Для примѣра укажемъ Шампань, гдѣ этотъ налогъ беретъ у человека, принадлежащаго къ податному сословію, шесть ливровъ пять су со ста ливровъ дохода. „Такимъ образомъ, говоритъ одно провинціальное собраніе, дороги, которыя портятся вслѣдствіе

дѣятельныхъ торговыхъ сношеній и частыхъ разъѣздовъ богачей, исправляются только на деньги, получаемыя съ бѣдныхъ". По мѣрѣ того, какъ всѣ эти цифры развертываются передъ нашими глазами, мы невольно вспоминаемъ двѣ фигуры басни: коня и мула, которые идутъ вмѣстѣ по дорогѣ. Коню предоставляется право гарцовать, сколько ему вздумается и даже, чтобъ облегчить его съ него снимаютъ всю тяжесть и взваливаютъ ее на мула, такъ что подъ конецъ вьючное животное не выдерживаетъ и падаетъ подъ тяжестью своего бремени.

Но не только одни привилегированные, среди плательщиковъ государственныхъ налоговъ, облегчены въ ущербъ податному сословію; среди податного сословія, точно также, богатые облегчены въ ущербъ бѣднымъ, такъ что въ концѣ концовъ главное бремя налоговъ падаетъ все-таки на самый бѣдный и на самый трудолюбивый классъ, на мелкаго землевладѣльца, который обрабатываетъ свое собственное поле, легкаго ремесленника, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ собственныхъ рукъ и орудій труда и вообще на сельскаго жителя. Изъ городовъ же многіе или откупились отъ налоговъ, или вступили въ сдѣлку съ правительствомъ, чтобы платить опредѣленную сумму. Такъ примѣръ, Компьень, имѣя 1671 дворъ, платитъ только 8,000 фр., тогда какъ деревушка Канли, въ которой находится 148 дворовъ, платитъ 4,475 франковъ. Что же касается поголовной подати, то Версаль, Сень-Жермень, Бобэ, Этанъ, Понтуазъ, Сень-Дени, Компьень, Фонтенебло, платятъ сообща 169,000 ливровъ поголовнаго налога, но на двѣ трети они освобождены отъ него и платятъ только одинъ франкъ, вмѣсто 3 франковъ 10 су съ головы каждаго жителя. Версаль платитъ еще меньше, такъ какъ при 70,000 жителей вносятъ только 51,600 франковъ. Кромѣ того, во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о распредѣленіи какого нибудь налога, городской буржуа отдастъ себѣ предпочтеніе передъ своими смиренными сосѣдями, деревенскими жителями, а поэтому „обитатели деревень, зависящіе отъ города и внесенные въ его податные списки, несутъ на своихъ плечахъ такую тя-

жесть, о которой трудно составить себѣ даже приблизительное понятіе... Благодаря своему вліянію, города постоянно стараются сбросить на нихъ бремя, отъ котораго они желаютъ освободить свои плечи и поэтому наиболѣе богатые граждане города платятъ меньше податей, нежели самый бѣдный поселянинъ. Вотъ почему „страхъ, внушаемый податью, заставляетъ населеніе деревень покидать ихъ и сосредоточиваетъ въ городахъ всѣ таланты и всѣ капиталы“.

Такое же неравенство въ распределеніи налоговъ существуетъ и внѣ городовъ. Каждый годъ, начальники и ихъ сборщики, снабженные произвольною властью, опредѣляютъ размѣръ налога, платимаго приходомъ и каждымъ обитателемъ въ отдѣльности. Разумѣется, такіе невѣжественные и пристрастные люди далеко не руководствуются справедливостью при раскладкѣ, а на первомъ планѣ у нихъ стоятъ частные интересы, мѣстная вражда, желаніе мстить, желаніе щадить друга, родственника, сосѣда, покровителя или хозяина, вліятельнаго или опаснаго человѣка. Муленскій интендантъ, пріѣхавъ въ свой округъ нашель, что „люди вліятельные не платятъ ничего, тогда какъ бѣдняки обременены свыше силъ“. Дижанскій интендантъ пишетъ, что „основы распределенія налоговъ до такой степени неправильны, что оставляютъ долѣе населеніе провинцій стонать подъ игомъ подобной несправедливости уже невозможно“. Въ округѣ Руана „нѣкоторые приходы платятъ болѣе четырехъ су съ одного ливра, а другіе едва только одинъ су“. „Съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ деревнѣ, вотъ уже три года,—пишетъ одна дама изъ той же мѣстности,—я замѣтила, что большинство богатыхъ собственниковъ менѣе всего обременены податями. Это они призываются участвовать въ раскладкѣ платежей, простой же народъ всегда подвергается угнетенію“.—„Я живу въ мѣстности, въ десяти лье отъ Парижа,—пишетъ д'Аржансонъ,—гдѣ сначала хотѣли ввести налогъ пропорціональный имуществу, но въ результатѣ получилась только несправедливость, такъ какъ владѣльцы пустили въ ходъ все свое вліяніе, чтобы облегчить бремя для своихъ фермеров“. Кромѣ тѣхъ,

которые, благодаря протекціи, платятъ меньше, есть другіе, которые за деньги совершенно освобождаются отъ уплаты налога. Одинъ интендантъ, посѣтившій субъ-делегатство Баръ-сюръ-Сень, замѣчаетъ, что „богатые землевладѣльцы всегда добываютъ для себя какія нибудь коронныя должности, сопряженныя съ извѣстными привилегіями, вслѣдствіе чего вся тяжесть налога ложится на другихъ“.—„Одна изъ главныхъ причинъ чрезмѣрной высоты налоговъ,—говоритъ провинціальное собраніе Оверни,—заключается въ непомѣрномъ количествѣ привилегированныхъ, которое еще увеличивается съ каждымъ днемъ вслѣдствіе продажи и отдачи въ аренду разныхъ должностей. Есть такія должности, которыя, менѣе чѣмъ въ двадцать лѣтъ, возвели въ дворянское достоинство шесть семействъ. „Если такія злоупотребленія будутъ продолжаться, то, въ концѣ концовъ, всѣ тѣ плательщики, которые въ состояніи нести на себѣ тяжесть налоговъ станутъ дворянами и прекратятъ платежи“. Замѣтите притомъ, что существуетъ еще много такихъ мѣстъ и должностей, которыя, хотя и не доставляютъ дворянскаго званія лицамъ, занимающимъ ихъ, тѣмъ не менѣе все же избавляютъ ихъ отъ личной подати, а поголовный налогъ сокращаютъ до $\frac{1}{40}$ ихъ годового дохода. Всѣ общественныя, административныя или судебныя должности, затѣмъ всѣ должности по акцизу, таможенѣ, удѣльному вѣдомству, на почтѣ, въ удѣлахъ и въ управленіи акцизными сборами, даютъ льготы подобнаго рода. „Найдется очень мало такихъ приходовъ, пишетъ одинъ интендантъ,—гдѣ бы не оказалось такихъ чиновниковъ, и въ нѣкоторыхъ приходахъ ихъ бываетъ даже двое или трое“. Начальникъ почты, напримѣръ, избавляется отъ налога не только самъ, но и все его имущество и даже фермы на пространныхъ ста десятинъ. Ангулемскіе нотаріусы освобождены отъ натуральныхъ повинностей, отъ обязанности служить сборщиками податей и отъ постоя и ни сыновья ихъ, ни даже первые клерки, не обязаны служить въ милиціи. Разсматривая ближе, въ административной перепискѣ того времени, обширную фискальную сѣть, можно всегда, замѣтить въ ней такія петли, черезъ которыя, при неболь-

шомъ искусствѣ и усилии, всегда можетъ проскользнуть крупная и средняя рыба, такъ что на днѣ сѣти остается только мелочь, напримѣръ: хирургъ, но не аптекарь, единственный сынъ въ семьѣ, уже достигшій 45-ти лѣтняго возраста, купецъ, живущій у своего отца въ одной изъ провинцій, гдѣ существуетъ писанное право,—не обязаны служить сборщиками. Такою же льготой пользуются сборщики пожертвованій въ пользу религіозныхъ общинъ. Вездѣ, въ южныхъ и восточныхъ провинціяхъ, зажиточные люди покупаютъ себѣ право сбора такихъ пожертвованій, платя за это ливдоръ или десять экю и положивъ въ кружку три ливра, отправляютъ ее въ какой нибудь приходъ для сбора. Такимъ путемъ десять обитателей одного маленькаго горнаго городка и пятеро жителей деревни Треньякъ добились своего освобожденія отъ должности сборщика, при такихъ условіяхъ обязанности сборщика „чаще всего возлагаются на бѣдныхъ, всегда безсильныхъ и очень часто совершенно несостоятельныхъ и не могущихъ отвѣчать за успѣшность сборовъ“, такъ что, въ концѣ концовъ, всѣ эти привилегіи, которыя разоряютъ плательщиковъ, приводятъ также къ дефициту и въ государственномъ казначействѣ.

VII.

Еще одно слово для завершенія этой картины. Сельское населеніе ищетъ спасенія въ городахъ и дѣйствительно, по сравненію съ деревнями, города все-таки могутъ служить для него убѣжищемъ. Но нищета и тамъ преслѣдуетъ бѣдняковъ, такъ какъ города тоже обременены долгами, а управляющая ими шайка всячески старается свалить уплату налога на плечи неимущихъ. Притѣсняемые фискомъ города въ свою очередь притѣсняютъ народъ и сваливаютъ на него то бремя, которое на нихъ налагаетъ король. Семь разъ въ теченіи восьмидесяти лѣтъ короли отнимали и снова продавали городамъ право назначать самимъ чиновниковъ городского управленія; города же, „чтобы уплатить этотъ громадный выкупъ“, должны были удвоить свои заставныя пошлины. Въ настоящее время, хотя они давно все уже упла-

тили сполна, они продолжаютъ все же платить, и ежегодные взносы казнѣ сдѣлались постоянными. Вѣдь казна никогда не выпускаетъ своей добычи и пососавъ разъ, уже продолжаетъ сосать всегда. „Вотъ почему въ Бретани,—говоритъ одинъ интендантъ—нѣтъ ни одного города, расходы котораго не превышали бы его доходовъ“. Города не въ состояніи ни чинить своихъ мостовыхъ, ни исправлять своихъ дорогъ“, такъ что подъ самымъ городомъ, дороги становятся почти непроѣздными“. Но какъ могутъ они заботиться о своемъ благоустройствѣ, когда у нихъ не хватаетъ средствъ? Вѣдь они вынуждены платить постоянно то, что ими уже уплачено сполна. Заставныя пошлины, которыя они увеличили въ 1748 году, должны были доставить имъ, въ теченіи одиннадцати лѣтъ, условленные 606,000 ливровъ для уплаты фиску. Но и по прошествіи этихъ одиннадцати лѣтъ, фискъ попрежнему предъявлялъ свои притязанія на ежегодные платежи, такъ что въ 1774 году сумма, уплаченная городами, равнялась уже 2.071.052 ливрамъ. Но несмотря на это они продолжаютъ платить, и временно учрежденныя заставныя пошлины продолжаютъ взиматься попрежнему. Между тѣмъ, эти чрезмѣрные пошлины тяжелымъ бременемъ ложатся на предметы самой первой необходимости и, такимъ образомъ, ремесленникъ оказывается еще болѣе обремененнымъ этимъ налогомъ, нежели буржуа. Въ Парижѣ, какъ мы уже видѣли, съ каждой указной бочки вина уплачивается по 47 ливровъ въѣздной пошлины, что если принять во вниманіе тогдашнюю стоимость денегъ, составило бы на наши деньги вдвое большую сумму. „Палтусъ, присланный по почтѣ съ береговъ Гарфлёра платитъ ввозную пошлину, въ одиннадцать разъ превышающую его стоимость и вслѣдствіе этого простой народъ въ столицѣ не имѣетъ возможности ѣсть морскую рыбу. У самыхъ воротъ Парижа, въ маленькомъ приходѣ Обервилле, „налоги на сѣно, солому, зерно, сало, свѣчи, яйца, сахаръ, рыбу, дрова и хворостъ очень велики“. Компьень выплачиваетъ всю причитающуюся съ него подать при помощи налога на напитки и скотъ. „Въ Тулѣ и Верденѣ налоги такъ тяжелы, что только тѣ изъ жителей

остаются въ этихъ городахъ, кто связанъ съ ними или занимаемою должностью или привычкой“.—Въ Куломье торговцы и народъ до такой степени обременены всякими налогами, что отказываются отъ какихъ бы то ни было предприятий“. Повсюду городскія заставы, пошлины и досмотрщики возбуждаютъ къ себѣ среди народа самую глубочайшую ненависть. Повсюду буржуазная олигархія прежде всего думаетъ о себѣ, а не о жителяхъ, которыми она управляетъ. Въ Неверѣ и Мулени „всѣ богатые люди находятъ способы уклоняться отъ службы по сбору податей, либо посредствомъ покупки должностей, дающихъ имъ право не нести этой службы, либо посредствомъ вліянія, которымъ они пользуются въ глазахъ начальниковъ сбора. Въ силу такого положенія вещей сборщики податей въ Неверѣ могутъ быть приняты за настоящихъ нищихъ. Нѣтъ такой маленькой деревушки, гдѣ бы сборщики податей оказывались болѣе состоятельными, такъ какъ для этихъ обязанностей берутъ мызниковъ, т. е. такъ называемыхъ половниковъ“.—„Въ Анжерѣ, независимо отъ расходовъ на жетоны и свѣчи, поглощающихъ ежегодно 2,127 ливровъ, общественныя деньги расточаются муниципальными чиновниками и употребляются ими на свои расходы“.—Въ Провансѣ, гдѣ общины сами производятъ раскладку и должны бы казаться щадить бѣдняковъ, „большинство городовъ, какъ на примѣръ Э, Марсель и Тулонъ, уплачиваютъ всѣ, лежащія на нихъ налоги“, при помощи одного только сбора „съ муки, расходуемой на ихъ территоріи“. Для примѣра укажемъ Тулонъ, гдѣ этотъ сборъ доставляетъ 233,405 ливровъ изъ 254,897 издерживаемыхъ ежегодно городомъ. Такимъ образомъ, весь налогъ ложится на простой народъ; епископъ же, маркизъ и президентъ суда или крупный негоціантъ меньше платятъ за свой обѣдъ, состоящій изъ тонкихъ блюдъ, рыбы и дичи, нежели какой нибудь чернорабочій, носильщикъ, за свои два фунта хлѣба, натертые чеснокомъ! А хлѣбъ въ этой бесплодной странѣ и такъ уже слишкомъ дорогъ. Притомъ онъ такъ плохъ, этотъ хлѣбъ, что морской интендантъ Малуэ отказывается принимать его для своихъ служащихъ!

— „Государь, — говорилъ съ перковной каведры де-ля-Форъ, епископъ Нанси, 4 мая 1789 года, — народъ, надъ которымъ вы царствуете, представилъ вамъ самыя ясныя доказательства своего терпѣнія... Это — народъ мученикъ, которому оставляется жизнь повидимому только для того, чтобы заставить его настрадаться какъ можно дольше.“

VIII.

„Я бѣдствую, потому что съ меня берутъ слишкомъ много. Съ меня берутъ слишкомъ много, потому что слишкомъ мало берутъ съ привилегированныхъ лицъ. Но привилегированные не только заставляютъ меня платить вмѣсто себя, они, кромѣ того, взимаютъ съ меня же свои церковныя и феодальныя повинности. Послѣ того, какъ я уже отдалъ сборщику податей 53 франка и даже болѣе изъ своего дохода въ 100 франковъ, мнѣ приходится еще платить 14 владѣльцу и 14 церковной десятины, а изъ 18 или 19 франковъ, которые у меня остаются на рукахъ, я долженъ еще удовлетворить „подвальную крысу“ (акцизнаго досмотрщика) и „соляного сыщика (пристава для сбора соляного налога). Я одинъ, несчастный человекъ, оплачиваю два правительства: одно—старинное, мѣстное, которое въ настоящее время не играетъ никакой роли, совершенно бесполезное, стѣснительное и оскорбительное для меня, и только обнаруживающее свое существованіе своими притѣсненіями, своими привилегіями и поборами; другое—новое, центральное, вездѣсущее, которое, взявъ на себя всѣ общественныя обязанности, нуждается въ огромныхъ средствахъ и обрушивается всею своею громадною тяжестью на мои худыя плечи“.

Таковы, переданныя въ точныхъ выраженіяхъ, смутныя идеи, которыя начинаютъ бродить въ народныхъ головахъ, и которыя встрѣчаются на каждомъ шагѣ въ инструкціяхъ генеральныхъ штатовъ.

„Да внушить небо нашему монарху мысль взять въ свои руки защиту несчастнаго гражданина, терзаемаго и разоряемаго всякаго рода чиновниками, владѣльцами, правосудіемъ и духовенствомъ“,—говоритъ одна изъ нормандскихъ деревушекъ. — „Государь, — пишетъ другая деревушка въ

Шампани, — всѣ, кого посылали къ намъ отъ вашего имени, являлись только для того, чтобы требовать отъ насъ деньги. Намъ подавали надежду, что это кончится, но между тѣмъ, съ каждымъ годомъ, эти вымогательства становятся сильнѣе. Мы не упрекали за это васъ, такъ какъ мы васъ любили, но винили тѣхъ, которыхъ вы назначаете и которые лучше умѣютъ обдѣлывать свои дѣлишки, нежели ваши. Мы думали, что они васъ обманывали и, въ своемъ огорченіи, говорили себѣ: о, еслибъ нашъ добрый король зналъ все это!... Мы раздавлены налогами всякаго рода, мы отдали вамъ все, до послѣдняго куса хлѣба, но если такъ будетъ продолжаться и далѣе, то скоро намъ нечего будетъ ѣсть. Если-бъ вы видѣли несчастныя лачужки, въ которыхъ мы живемъ, ту скудную пищу, которою мы питаемся, то вы были бы тронуты этимъ. Все это сказало бы вамъ лучше всякихъ словъ, что больше не можемъ терпѣть, и что надо облегчить наше бремя... Но намъ особенно тяжело, что именно тѣ, кто имѣетъ больше, платятъ всего меньше. Мы платимъ подати и много другихъ сборовъ, тогда какъ дворяне и духовенство, владѣющіе самыми лучшими помѣстьями, не платятъ ничего этого. Зачѣмъ же все такъ устроено, чтобы богатые платили меньше, а бѣдные какъ можно больше? Развѣ каждый не долженъ платить по своимъ силамъ? Государь, мы просимъ васъ, чтобы такъ было, такъ какъ это будетъ справедливо... Если-бъ мы смѣли, то насадили бы нѣсколько виноградныхъ лозъ на нашихъ холмахъ, но насъ такъ истерзали акцизные чиновники, что мы скорѣе готовы вырвать даже тѣ лозы, которыя уже растутъ тамъ, такъ какъ вино, которое мы могли бы приготовить изъ этого винограда, досталось бы не намъ, а этимъ чиновникамъ, а намъ остались бы только наши труды. Всѣ эти незаконныя поборы представляютъ страшный бичъ и, чтобы спастись отъ него, многіе предпочитаютъ оставлять невоздѣланными свои земли... Избавьте насъ отъ этихъ грабителей и солянныхъ сыщиковъ; мы сильно страдаемъ отъ всѣхъ этихъ выдумокъ. Теперь настоящій моментъ, чтобы смѣнить ихъ; пока они остаются у насъ, мы не можемъ быть счастливы. Мы

просимъ васъ объ этомъ, Государь, вмѣстѣ съ прочими вашими подданными, которые также истомлены, какъ и мы... Мы бы попросили васъ еще обо многомъ, но вы не можете сдѣлать всего заразъ“.

Налоги и привилегіи — вотъ два врага, противъ которыхъ не перестаютъ раздаваться жалобы во всѣхъ истинно народныхъ наказахъ. — „Мы раздавлены требованіями денегъ... говорится въ нихъ; наши налоги превышаютъ наши силы... Мы не чувствуемъ въ себѣ силъ переносить это дольше... мы погибаемъ, раздавленные тѣми жертвами, которыя отъ насъ требуются постоянно... Трудъ обложенъ налогомъ, а праздная жизнь освобождена отъ него... Самое ужасное изъ всѣхъ злоупотребленій—это феодализмъ. Бѣдствія, которыя онъ причиняетъ, далеко превосходятъ тѣ, которыя причиняются градомъ и грозой... Никакое существованіе невозможно, если будутъ продолжать отнимать отъ насъ три четверти нашей жатвы для уплаты феодальныхъ оброковъ... Владѣлецъ получаетъ четвертую часть, дециматоръ беретъ одну двѣнадцатую, налогъ—одну десятую и это все, не считая ущерба, который наносится безчисленною дичью, опустошающею наши поля. Несчастному земледѣльцу не остается, такимъ образомъ, ничего, кромѣ труда и горя“.—Отчего это, только одно третье сословіе платитъ за дороги, по которымъ дворянство и духовенство катаются въ коляскахъ? Отчего только бѣдняки обязаны служить въ милиціи? Отчего „субделегатъ заставляетъ тянуть жребій только беззащитныхъ, да тѣхъ, у кого нѣтъ протекціи?“ — Отчего достаточно быть только слугою привилегированнаго лица, чтобы избѣжать этой службы? Уничтожьте голубятни, которыя прежде были только птичниками, а теперь иной разъ заключаютъ въ себѣ до 5.000 паръ голубей. Отмѣните „варварскія феодальныя повинности, подъ тяжестью которыхъ изнемогаютъ болѣе пятисотъ тысячъ человекъ въ нижней Бретани“.— „У васъ, въ вашихъ арміяхъ, служитъ болѣе тридцати тысячъ рабовъ изъ Франшконтэ. Если же кто нибудь изъ нихъ становится офицеромъ и покидаетъ службу съ пенсіей, то онъ долженъ непременно вернуться въ ту самую хижину,

въ которой родился, такъ какъ иначе владѣлецъ заберетъ себѣ все его имущество послѣ его смерти. Пусть не будетъ больше ни постоянно отсутствующихъ прелатовъ, ни аббатовъ, пользующихся коммендою. „Не мы должны покрывать существующій дефицитъ, это дѣло епископовъ и владѣльцевъ бенефицій. Отберите у князей церкви двѣ трети ихъ доходовъ“. — „Пусть феодализмъ будетъ уничтоженъ. Человѣкъ, а въ особенности крестьянинъ, тиранически поработенъ на той несчастной землѣ, на которой онъ прозябаетъ и гибнетъ... нѣтъ болѣе ни свободы, ни благосостоянія, ни счастья тамъ, гдѣ порабощена земля... Уничтожимъ крѣпостныя пошлыны за куплю и продажу, — эту чрезвычайную и незаконную подать, не феодальную, а единовременную и тысячи разъ уже уплаченную нами привилегированнымъ. Пусть феодализмъ удовлетворится своимъ желѣзнымъ скипетромъ, не присоединяя къ этому еще ножа откупщика.

Съ извѣстнаго времени тонъ мѣняется. Это говоритъ уже не деревенскій житель, а прокуроръ или адвокатъ, который вкладываетъ въ уста крестьянина свои слова, свои метафоры и свои теоріи. Впрочемъ, адвокатъ только выражаетъ литературнымъ языкомъ тѣ чувства, которыя волнуютъ душу крестьянина.

Глава третья.

Состояніе народнаго ума. — Умственная неспособность — Какимъ образомъ идеи превращаются въ легенды. — Политическая неспособность. — Какъ истолковываются политическія новости и правительственные акты. Разрушительные импульсы. — На что обрушивается слѣпая ярость. — Недовѣріе къ естественнымъ вождямъ. — Изъ подозрительныхъ они становятся ненавистными. — Настроеніе народа въ 1789 г. — Рядовые и вожди мятежа. — Браконьеры. — Контрабандисты и торговцы солью, неоплаченной акцизомъ. — Бандиты. — Нищіе и бродяги. — Появленіе разбойниковъ. — Парижскій народъ.

I.

Теперь, чтобы понять дѣйствія народа, необходимо представить себѣ настроеніе умовъ, теченіе мыслей и способовъ народнаго мышленія. Однако, нужно ли это въ самомъ дѣлѣ и не достаточно ли уже тѣхъ подробностей, которыя были только что при-

ведены нами относительно положенія народа? Мы лучше познакомимся съ этимъ настроеніемъ позднѣе, когда въ Турени напр. толпа убьетъ ударами своихъ деревянныхъ башмаковъ мэра и его помощника, своихъ же избранниковъ, и только за то, что эти бѣдняги, повинувшись приказанію Национальнаго собранія, составили списокъ налоговъ — или въ Труа, гдѣ толпа будетъ волочить по улицамъ города и, наконецъ, растерзаетъ на части почтеннаго судью, который кормилъ народъ въ этотъ самый моментъ и который даже составилъ свое завѣщаніе въ его пользу. — Возьмите мозгъ нашего современнаго крестьянина, отличающійся такою первобытною грубостью, и отнимите отъ него всѣ идеи, которыя, вотъ уже въ теченіи восьмидесяти лѣтъ, проникаютъ въ него различными путями, посредствомъ первоначальной школы, находящейся въ каждой деревнѣ, черезъ солдатъ, возвращающихся домой послѣ семилѣтней службы, посредствомъ чрезвычайнаго умноженія книгъ, газетъ, увеличенія путей сообщенія, желѣзныхъ дорогъ, и путемъ сношеній всякаго рода и путешествій. Но представьте себѣ теперь тогдашняго крестьянина, замкнутого изъ поколѣнія въ поколѣніе въ своей деревушкѣ, безъ проселочныхъ дорогъ, безъ новостей, безъ всякаго другого обученія, кромѣ воскресной проповѣди, и всецѣло погруженнаго въ заботу о насущномъ хлѣбѣ и объ уплатѣ налога. Представьте себѣ „несчастную, изможденную фигуру“ этого крестьянина, не смѣющаго даже поправить свой домъ, вѣчно подозрительнаго и недоувѣрчиваго, постоянно преслѣдуемаго, съ его узкимъ умомъ, такъ сказать, закаменѣлымъ отъ нищеты. Его положеніе почти такое же, какъ и положеніе его быка или осла и, конечно, его идеи соотвѣтствуютъ его положенію. Въ теченіе уже долгаго времени онъ живетъ въ какомъ-то оцѣпненіи; у него даже притупились инстинкты. Машинально и не поднимая глазъ, онъ тащитъ свой наслѣдственный плугъ. Въ 1751 г. д'Аржансонъ писалъ въ своемъ журналѣ: „Ничто изъ придворныхъ новостей ихъ уже не интересуется; они не знаютъ ничего о нынѣшнемъ царствованіи... Разстояніе между столицей и провинціей съ каждымъ днемъ становится боль-

ше... Здѣсь ничего не знаютъ о тѣхъ чрезвычайно важныхъ событіяхъ которыя насъ болѣе всего поразили въ Парижѣ... Жители деревни—это не болѣе, какъ несчастные рабы или же вьючный скотъ, запряженный въ ярмо, который продолжаетъ брести, потому что его погоняютъ кнутомъ, но который ни о чемъ не заботится и ничѣмъ не смущается, лишь бы только ему давали ѣсть и спать въ положенные часы".—Они не жалуются,—„они даже не помышляютъ о томъ, чтобы жаловаться;“—ихъ страданія кажутся имъ самую естественною вещью, какъ зима или градъ. Ихъ помышленія, также какъ и ихъ земледѣліе, носятъ еще средневѣковой характеръ. Въ Тулузенѣ, чтобы открыть вора или вылечить захворавшаго человѣка или животное прибѣгаютъ къ помощи колдуна, который гадаетъ при помощи рѣшета. Деревенскій житель отъ всего сердца вѣритъ въ привидѣнія и въ ночь подъ праздникъ Всѣхъ Святыхъ онъ не забываетъ поставить приборъ для умершихъ. Въ Оверни, въ самомъ началѣ революціи, когда возникла эпидемія, то все населеніе, безъ малѣйшаго колебанія, обвинило въ этомъ г. Монлозье, котораго считали колдуномъ и вотъ двѣсти человѣкъ отправились разрушать его домъ. Разумѣется и ихъ религіозные взгляды должны находиться на такомъ же уровнѣ: „Ихъ священники напиваются вмѣстѣ съ ними и продаютъ имъ отпущеніе грѣховъ. Каждое воскресенье, послѣ проповѣди, выкрикивается цѣна за заступничество святыхъ: „столько-то за заступничество св. Петра!“ — Если крестьяне медлятъ соглашаться на такую цѣну, то священникъ спѣшитъ произнести хвалу св. Петру и тогда мои крестьяне начинаютъ на перебой стремиться къ нему“. — Для этихъ первобытныхъ умовъ, лишенныхъ мыслей и переполненныхъ образами, нужны идолы на землѣ, какъ и на небѣ. „Я ни минуты не сомнѣвался—говорить Ретифъ де-ля-Бретоннь, — что король можетъ законнымъ образомъ принудить каждого крестьянина отдать мнѣ свою жену и дочь и вся моя деревня (Саси въ Бургони) раздѣляли мои взгляды въ этомъ отношеніи“. — Въ такихъ головахъ нѣтъ мѣста для какихъ либо абстрактныхъ понятій, ни для понятія объ общественномъ порядкѣ; они подчиняются

ему и ничего больше". — Огромное большинство народа, пишетъ губернаторъ Моррисъ въ 1789 г.—не имѣетъ религіи, а только своихъ священниковъ, не знаетъ законовъ, а только своихъ начальниковъ, а вмѣсто нравственныхъ идей—свои выгоды. Вотъ тѣ существа, которыя, подъ предводительствомъ своихъ пьяныхъ священниковъ, вступили на большую дорогу свободы. И первое же употребленіе, которое они слѣлаютъ изъ этой свободы, будетъ повсемѣстный бунтъ по случаю голода".

Да и какъ могло бы быть иначе? Вѣдь прежде чѣмъ пустить корни въ ихъ мозгу, всякая идея должна превратиться въ легенду, столь же нелѣпую, какъ и простую, приспособленную къ ихъ опыту, къ ихъ способностямъ, страхамъ и надеждамъ. Посаженная на эту невоздѣланную, но плодородную почву, идея начинаетъ тамъ разрастаться и постепенно преобразовывается, развиваясь въ дикія поросли и покрываясь темною листвою и ядовитыми плодами. Чѣмъ она чудовищнѣе, тѣмъ она живучѣе и тѣмъ крѣпче она цѣпляется за всякія вѣроятія и упорно держится, несмотря на самыя сильныя доказательства.— При Людовикѣ XV, во время ареста бродягъ, были захвачены, вслѣдствіе ли злоупотребленія или ошибки, нѣсколько маленькихъ дѣтей и тотчасъ же разнесся слухъ, что король беретъ ванны изъ дѣтской крови, чтобы возстановить дѣятельность своихъ истощенныхъ органовъ. Такое объясненіе пропажи дѣтей показалось настолько вѣроятнымъ, что женщины, повинувшись возмущенному материнскому инстинкту, присоединились къ бунту. Одинъ полицейскій сержантъ, схваченный и избитый до полусмерти чернью, чувствуя, что умираетъ, сталъ просить, чтобъ привели къ нему священника, но тутъ какая-то женщина, крикнувъ, что не надо давать ему времени покаяться въ грѣхахъ и попасть въ рай, схватила булыжникъ съ мостовой и раздробила ему голову, увѣренная, что она совершила актъ правосудія.— При Людовикѣ XVI народъ былъ твердо убѣжденъ, что голодъ поддерживается искусственно. Въ 1789 году, одинъ офицеръ, прислушавшись къ разговору своихъ солдатъ, услышалъ, что они передавали другъ другу „съ самымъ глубокимъ убѣжденіемъ, что

принцы и придворные приказывают бросать муку въ Сену для того только, чтобы заморить Парижъ голодомъ“. Тогда офицеръ, обратившись къ вахмистру, спросилъ его, какъ это онъ можетъ вѣрить подобной глупости?— Это сущая правда, господинъ поручикъ, отвѣчалъ тотъ.— Вѣдь вытасенные мѣшки съ мукой были завязаны *Голубыми лентами* (цвѣтъ лентъ королевскаго ордена св. Духа).— Этотъ аргументъ казался такимъ неопровержимымъ, что спорить противъ него было невозможно. — Такимъ образомъ, въ низшихъ слояхъ общества постепенно распространялась отвратительная и ужасная легенда насчетъ заговора о произведеніи голода, насчетъ Бастиліи, издержекъ и развлеченій двора и т. п. Въ этой легендѣ Людовикъ XVI, королева Марія Антуанета, графъ д'Артуа, г-жа Ламбалль, Полиньякъ, откупщики налоговъ, вельможи и знатныя дамы, являются въ видѣ вампировъ и вѣдьмъ. Я видѣлъ нѣсколько редакцій этой легенды въ памфлетахъ того времени, въ секретныхъ гравюрахъ, въ эстампахъ и въ раскрашенныхъ лубочныхъ картинкахъ. Эти послѣднія особенно дѣйствительны, такъ какъ онѣ непосредственно говорятъ глазамъ. Легенда эта превосходитъ исторію Мандрена или Картуша и оказывается особенно подходящемъ для людей, всю литературу которыхъ составляютъ жалобы Картуша и Мандрена.

II.

По этому примѣру вы можете судить о политическомъ умѣ народа. Всѣ предметы рисуются ему въ ложномъ свѣтѣ, онъ точно ребенокъ, который на каждомъ поворотѣ дороги видитъ страшныя привидѣнія, принимая за нихъ какое нибудь дерево или кустарникъ. Артуръ Юнгъ былъ арестованъ во время посѣщенія источниковъ близъ Клермона и женщину, которая служила ему проводникомъ, также собирались заключить въ тюрьму. Многіе дѣйствительно были увѣрены, что „ему было поручено королевою произвести подкопы подъ городомъ, чтобы взорвать его, а затѣмъ отправить на галеры всѣхъ жителей, которые уцѣлѣютъ отъ взрыва“. Спустя шесть дней послѣ этого, въ мѣстечкѣ Пюи, городская стража явилась къ нему въ одиннадцать часовъ вечера, и, несмотря на предъявленный имъ

паспортъ, арестовала его. Ему было заявлено, что „его считаютъ“ принадлежащимъ къ заговору, составленному королевой, графомъ д'Артуа и графомъ д'Антрагъ, крупнымъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ, „и что онъ подосланъ ими въ качествѣ землемѣра для съемки полей съ цѣлью обложенія ихъ двойною пошлиной“.

Тутъ мы въ состояніи прослѣдить въ самомъ фактѣ непроизвольную и опасную работу народнаго воображенія, для котораго достаточно какого нибудь простого намека, простого слова, чтобы построить воздушныя замки или фантастическія темницы, причемъ эти видѣнія представляются ему столь же реальными, какъ и сама дѣйствительность. У этихъ людей нѣтъ внутренняго приспособленія для раздѣленія и для различія представленій; они мыслятъ гуртомъ и дѣйствительный фактъ и мечта сливаются въ ихъ умѣ въ одно неразрывное цѣлое.— Въ тотъ моментъ, когда происходятъ выборы депутатовъ въ національное собраніе, въ Провансѣ, вдругъ разносится слухъ, что „лучшій изъ королей желаетъ, чтобы всѣ были равны, чтобы не было ни епископовъ, ни вельможъ, ни десятинъ, ни владѣльческихъ правъ, и не было бы ни титуловъ, ни отличій, ни исключительныхъ правъ на охоту и рыбную ловлю... Онъ желаетъ также, чтобы народъ былъ освобожденъ отъ налоговъ и чтобы только два первыя сословія несли бы на себѣ всѣ государственныя расходы“. На основаніи такого слуха, въ одинъ и тотъ же день вспыхиваютъ отъ сорока до пятидесяти мятежей. „Многія общины отказываются платить казначею чтобы то ни было, кромѣ королевскаго налога“. Другія поступаютъ еще лучше. „Когда грабили кассу сборщика пошлыны на кожи въ Бриньолѣ, то грабежъ производился при крикахъ: „да здравствуетъ король“!— „Крестьяне постоянно заявляютъ, что производимые ими грабежи и опустошенія согласуются съ волею короля“.— Нѣсколько позднѣе, въ Оверни, крестьяне, сжигающіе замки, выражаютъ даже „сильное отвращеніе“ къ тому, что имъ приходится такъ дурно обращаться съ „столь добрыми господами“, но „приказаніе, полученное ими, требуетъ этого“ и имъ извѣстно, что „его величеству угодно, чтобы это было такъ“. Въ Лионѣ, когда город-

скіе кабатчики и окрестные крестьяне бросились на заставную стражу, то они были твердо убѣждены, что король приостановилъ на три дня взиманіе дорожныхъ пошлинъ.

Чѣмъ сильнѣе работаетъ ихъ воображеніе, тѣмъ хуже они видятъ. „Хлѣба! Долой подати и повинности!“—вотъ единственный возгласъ, возгласъ отчаянія, который раздается со всѣхъ сторонъ и доведенная до крайности, нужда бросается впередъ, точно разъяренное животное. Прочь барышниковъ! И двери магазиновъ срываются, обозы съ хлѣбомъ останавливаются на дорогѣ, рынки подвергаются разграбленію, булочниковъ вѣшаютъ, а хлѣбъ начинаютъ продавать по таксѣ, которую устанавливаютъ для него, но вслѣдствіе этого подвозъ хлѣба прекращается и хлѣбъ этотъ укрывается въ другихъ мѣстахъ. Долой заставныя пошлины! И вотъ заставы разбиваются, заставныхъ сборщиковъ убиваютъ и въ городахъ оказывается большой недостатокъ въ деньгахъ; ихъ нѣтъ даже на самые необходимые расходы. Въ огонь податные списки, счетныя книги, архивы муниципалитетовъ, хартии вельможъ, монастырскіе пергаменты и вообще всѣ эти проклятые документы, которые повсюду порождаютъ только должниковъ и угнетенныхъ! И вотъ даже сама деревня не знаетъ больше какъ доказать ей свои права на свои общинныя земли. Глупое и слѣпое ожесточеніе господствуетъ повсюду противъ всякихъ письменныхъ документовъ, противъ правительственныхъ агентовъ и противъ человѣка, который такъ или иначе касается вопроса о хлѣбѣ. Звѣрь, вырвавшійся изъ рукъ, все разрушаетъ, нанося раны и себѣ самому и съ яростнымъ ревомъ накидывается на препятствіе, которое слѣдовало бы ему обойти.

III.

Все это происходитъ оттого, что у него нѣтъ руководителей, а безъ организациі толпа является стадомъ. Его недовѣріе ко всѣмъ его естественнымъ вождямъ, къ знатымъ, богатымъ, ко всѣмъ, занимающимъ правительственныя должности и облеченными властью, глубоко укоренилось и стало неизлѣчимымъ. Они могутъ желать ему добра и доказывать это на дѣлѣ—онъ все-таки не вѣ-

рить ни въ ихъ гуманность, ни въ ихъ безкорыстіе. Они слишкомъ долго попирали его ногами и поэтому у него образовались предубѣжденія противъ всякихъ мѣропріятій, которыя отъ нихъ исходятъ, даже самыхъ либеральныхъ и самыхъ полезныхъ. „Мы слышали—говорить одна провинціальная комиссія въ 1787 г.—какъ при одномъ только упоминаніи о новыхъ собраніяхъ одинъ бѣдный земледѣлецъ воскликнулъ: „Еще новые поборы!“—Всѣ начальствующія лица кажутся имъ подозрительными, а отъ подозрительности до враждебности недалеко. Въ 1788 году, Мерсье заявляетъ, что „въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ въ народѣ явно обнаруживается духъ неповиновенія и что это особенно рѣзко проявляется среди ремесленниковъ... Въ прежнія времена, когда я входилъ въ типографію, рабочіе тотчасъ же снимали шапки; теперь же они довольствуются тѣмъ, что посматриваютъ на васъ и подсмѣиваются. Не успѣли вы переступить порога, какъ уже слышите, что они начинаютъ о васъ разговаривать и притомъ гораздо болѣе вольнымъ тономъ, чѣмъ даже еслибъ вы были ихъ товарищемъ“.—Тоже самое наблюдается и среди крестьянъ, въ окрестностяхъ Парижа. Г-жа Виже-Лебрень обращаетъ вниманіе на это обстоятельство во время своей поѣздки къ маршалу Сегюру, въ Роменвилль: „Не только они не снимали передъ нами своихъ шапокъ, какъ прежде, и дерзко поглядывали на насъ, но нѣкоторые изъ нихъ даже угрожали намъ своими толстыми палками“.

Въ мартѣ или апрѣлѣ, послѣ этой поѣздки, она устроила у себя концертъ и приглашенные ею гости явились къ ней въ сильномъ волненіи. „Утромъ, на прогулкѣ въ Лонгшанъ, чернь, собравшаяся у заставы Звѣзды, осыпала самыми ужасными оскорбленіями всѣхъ лицъ, проѣзжавшихъ въ каретахъ. Эти негодяи вскакивали на подножки экипажей и кричали: „Въ будущемъ году вы будете бѣжать позади вашихъ каретъ, а мы будемъ сидѣть въ нихъ“.—Къ концу 1788 года рѣка превратилась въ потокъ, а потокъ превратился въ водопадъ. Одинъ интендантъ пишетъ, что въ его провинціи правительство вынуждено теперь выбирать между на-

родомъ и привилегированными и выборъ его долженъ пасть на сторону народа; правительство вынуждено отречься отъ привилегированныхъ, покинуть старыя формы и предоставить третьему сословію двойное количество голосовъ. Духовенство и дворянство вызываютъ къ себѣ презрѣніе и ихъ первенствующее положеніе кажется народу настоящимъ игомъ. „Въ прошломъ іюлѣ, говоритъ онъ—штаты (прежніе) были бы приняты съ восторгомъ и ихъ созваніе не встрѣтило бы большихъ затрудненій. Но за послѣдніе пять мѣсяцевъ, умы стали просвѣщеннѣе на этотъ счетъ, были подвергнуты обсужденію различные интересы и образовались союзы. Васъ оставляли въ невѣдѣніи относительно того, что броженіе, во всѣхъ классахъ третьяго сословія, достигло крайнихъ предѣловъ и что теперь достаточно искры, чтобы вспыхнулъ пожаръ...

Если рѣшеніе короля окажется благопріятнымъ для двухъ первыхъ сословій, то произойдетъ всеобщее возстаніе, во всѣхъ частяхъ провинціи, 600,000 человѣкъ возьмутся за оружіе и повторятся всѣ ужасы Жакеріи“.

Итакъ, слово уже произнесено, но скоро совершится и самый фактъ. Когда возставшая толпа отвергаетъ своихъ естественныхъ руководителей, то ей приходится либо выбирать другихъ вождей, либо терпѣть тѣхъ, которые захотятъ подчинить ее себѣ. Тутъ тоже происходитъ, что и въ арміи, гдѣ передъ началомъ кампаніи были смѣнены всѣ офицеры. Новыя мѣста занимаютъ наиболѣе смѣлыми, наиболѣе буйными и тѣми, которые больше всѣхъ терпѣли притѣсненія и болѣе всего страдали отъ прежняго режима и которые теперь съ криками „впередъ“, идутъ во главѣ и составляютъ первыя банды. Въ 1789 году эти банды уже готовы, такъ какъ ниже того народа, который страдаетъ, стоятъ другіе, страдающіе еще больше его и находящіеся въ состояніи постояннаго возмущенія. Постоянно угнетаемый, преслѣдуемый, темный и невѣжественный народъ ждетъ только случая, чтобы выйти изъ своего убѣжища и развернуться во всю ширь при дневномъ свѣтѣ.

IV.

Люди, неимѣющіе никакой профессіи, всякаго рода нарушители законовъ, дичь, преслѣдуемая судомъ или

полиціей, пищеніе, бродяги, грязные и шелудивые, истощенные и свирѣпые, — вотъ что представляетъ изъ себя этотъ народъ, порожденный злоупотребленіями общественной системы и на поверхности каждой общественной язвы, онъ кишитъ, словно черви.— Четыреста лье заповѣдныхъ лѣсовъ, охраняемыхъ стражей и безчисленное множество всякой дичи, поѣдающей жатву на глазахъ у владѣльца, побуждаютъ къ браконьерству тысячи людей, тѣмъ болѣе опасныхъ, что они привыкли нарушать самые строгіе законы и хорошо вооружены. Уже въ 1752 г., около Парижа, попадаются „шайки отъ пятидесяти до шестидесяти человѣкъ, вооруженныхъ по военному и дѣйствующихъ точно правильный военный отрядъ на фуражировкѣ, причемъ центръ отряда составляетъ пѣхота, а кавалерія образуетъ крылья... Они живутъ въ лѣсахъ, гдѣ они устроили себѣ укрѣпленіе и очень аккуратно расплачиваются за все, что забираютъ для своего пропитанія и жизни“.— Въ 1772 г., около Санса, въ Бургони, генеральный прокуроръ Терре, охотясь въ своихъ владѣніяхъ съ двумя изъ своихъ служащихъ, повстрѣчался съ семью браконьерами, которые на его глазахъ стали стрѣлять въ дичь, а затѣмъ выстрѣлили въ него самого. Терре былъ раненъ, а у одного изъ его служащихъ была прострѣлена одежда. На помощь явилась объѣздная команда, но браконьеры держались твердо и отражали ея нападенія. Тогда послали въ Провансъ за драгунами, у которыхъ браконьеры убили одного человѣка и трехъ лошадей; однако, въ концѣ концовъ, драгуны уложили саблями на мѣстѣ четырехъ браконьеровъ, а остальныхъ взяли въ плѣнъ.—Изъ инструкцій генеральныхъ штатовъ можно видѣть, что ежегодно, въ каждомъ большомъ лѣсу, происходятъ убійства людей, виною которыхъ бываетъ, либо ружье браконьера, либо,—что гораздо чаще—ружье стражника. Это непрерывная, домашняя война и каждое обширное помѣстье скрываетъ въ своихъ лѣсахъ своихъ бунтовщиковъ, у которыхъ имѣется порохъ и пули и которые умѣютъ ими пользоваться.

Другими рекрутами мятежныхъ бандъ являются контрабандисты и торговцы солью, неоплаченною акцизомъ. Какъ только налогъ становится чрезмѣрнымъ, онъ непременно побужда-

еть къ обману и порождаетъ цѣлую массу нарушителей устава, вступающихъ въ борьбу съ массою чиновниковъ, надзирающихъ за соблюденіемъ этого устава. Судите сами о числѣ нарушителей по числу наблюдающихъ: тысяча двѣсти лье внутреннихъ таможенныхъ линій охраняются 50,000 человекъ, изъ которыхъ 23,000 — солдаты, только не носящіе военнаго мундира.

„Въ мѣстностяхъ высокаго акциза и въ провинціяхъ, принадлежащихъ къ пяти крупнымъ откупамъ, на пространствахъ четырехъ лье, съ той и другой стороны таможенной линіи, земледѣліе совершенно заброшено и все населеніе раздѣлилось на таможенныхъ и на контрабандистовъ. Чѣмъ выше и чрезмѣрнѣе налогъ, тѣмъ выше премія, предлагаемая нарушителямъ закона и на всѣхъ границахъ Бретани съ Нормандіей, Мэномъ и Анжу, увеличеніе акциза на четыре су съ каждаго фунта соли, умножало выше всякаго вѣроятія и безъ того уже чудовищное число людей, промысляющихъ солью, неоплаченною акцизомъ. „Многочисленныя шайки людей, вооруженныхъ длинными окочеванными желѣзомъ палками и дубинами, а иногда пистолетами и ружьями, стараются силою проложить себѣ дорогу. Съ одной стороны безчисленное множество женщинъ и дѣтей самаго нѣжнаго возраста проскальзываютъ черезъ таможенный кордонъ, съ другой же—цѣлыя своры собакъ уводятся въ свободный отъ акциза округъ, гдѣ ихъ держатъ взаперти и морятъ голодомъ нѣкоторое время, а затѣмъ нагружаютъ солью и выпускаютъ. Собаки, побуждаемыя голодомъ, быстро пробѣгаютъ это пространство и доставляютъ соль своимъ хозяевамъ“. На этотъ прибыльный промыселъ набрасываются всѣ бродяги, всѣ отчаянные и голодные люди, которые сбѣгаются издалека цѣлыми стаями. „Вся пограничная линія Бретани населена исключительно только эмигрантами, большинство которыхъ изгнанники. Послѣ годичнаго пребыванія на бретонской территоріи, они уже пользуются всѣми привилегіями природныхъ бретонцевъ. Единственное ихъ занятіе заключается въ собираніи соли, которую они и перепродаютъ торговцамъ солью, неоплаченною акцизомъ“. Тутъ мы видимъ,

точно при свѣтѣ молніи, цѣлую цѣпь безпокойныхъ кочевниковъ, постоянно преслѣдуемыхъ ночныхъ бродягъ, цѣлое населеніе, мужское и женское, дикое и бродячее, привыкшее къ насиліямъ, закаленное въ борьбѣ съ непогодой, одѣтое въ жалкія лохмотья „почти всегда страдающее упорной чесоткой“. Такое же населеніе находимъ мы и въ окрестностяхъ Морле, Лорьяна и др. приморскихъ городовъ и на границахъ другихъ провинцій и на границахъ королевства. Въ Керси, съ 1783 по 1787 годъ, двѣ шайки контрабандистовъ, отъ шестидесяти до восьмидесяти человекъ каждая, соединившись вмѣстѣ, отнимаютъ у откупа доходъ съ сорока тысячъ фунтовъ табаку, убиваютъ двухъ таможенныхъ досмотрщиковъ и защищаютъ, съ огнестрѣльнымъ оружіемъ въ рукахъ, свой складъ въ горахъ. Чтобы совладать съ ними нужны солдаты, но военные командиры не даютъ ихъ. Въ 1789 г. большая шайка контрабандистовъ постоянно дѣйствуетъ на границѣ между Мэномъ и Анжу и военный комендантъ этой мѣстности пишетъ, что „атаманъ этой шайки—интеллигентный и опасный разбойникъ, у котораго уже есть подъ начальствомъ 54 человекъ, а скоро будетъ и цѣлый отрядъ, опасный вслѣдствіе настроенія умовъ и господствующей въ этой мѣстности нужды“. Быть можетъ, слѣдовало бы подкупить кого нибудь изъ его людей и заставить ихъ выдать его, такъ какъ иначе имъ овладѣть невозможно. Такого рода способы постоянно практикуются въ странѣ, гдѣ разбойничество носитъ эпидемическій характеръ. Тамъ, дѣйствительно, точно въ Калабріи, весь народъ находился на сторонѣ разбойниковъ противъ жандармовъ. Всѣмъ памятенъ подвигъ Мандрена въ 1754 г. и его шайки въ 150 человекъ, которые переносили контрабанду цѣлыми тюками и брали дань только съ однихъ чиновниковъ. Его четыре экспедиціи черезъ Франшконте, Ліоннэ, Бурбоннэ, Овернь и Бургонь продолжались семь мѣсяцевъ, причемъ онъ занялъ двадцать семь городовъ, куда вступилъ безъ всякаго сопротивленія, освободилъ заключенныхъ и распродалъ свои товары. Чтобы одержать надъ нимъ побѣду, пришлось устроить военный лагерь противъ Валенсіи и отрядить противъ

него 2000 человекъ. Овладѣть имъ удалось только при помощи измѣны и еще теперь многія мѣстные семейства хвастаются своимъ родствомъ съ нимъ и говорятъ, что онъ былъ „освободителемъ“. Не можетъ быть болѣе серьезнаго симптома какъ тотъ, когда народъ предпочитаетъ враговъ закона его защитникамъ. При такихъ условіяхъ общество начинаетъ разлагаться и въ его организмъ заводятся черви.—Прибавьте къ этому настоящихъ разбойниковъ, убійцъ и воровъ. Въ 1782 г. судъ въ Монтаржи производитъ слѣдствіе по дѣлу Гюлена и его 200 сообщниковъ, которые въ теченіи десяти лѣтъ, грабили эту часть королевства. — Мерсье насчитываетъ во Франціи „армію болѣе чѣмъ въ 10,000 разбойниковъ и бродягъ“, противъ которой приходится содержать въ постоянныхъ разъѣздахъ 3,756 человекъ стражи. „Ежедневно раздаются жалобы, говоритъ провинціальное собраніе Верхней Гюйенны, — что въ деревняхъ нѣтъ никакой полиціи“. Владѣлецъ помѣстій находится въ постоянномъ отсутствіи, а его судьи и пристава избѣгаютъ судебныхъ процессовъ съ такими преступниками, съ которыхъ взять ничего нельзя и поэтому, „такія владѣнія становятся убѣжищемъ для всѣхъ окрестныхъ негодаевъ“. Такимъ образомъ всякое злоупотребленіе порождаетъ опасность; неумѣстная небрежность, также какъ и чрезмѣрная строгость, распущенный феодализмъ, также какъ и чрезчуръ рѣзко выраженная монархія одинаково ведутъ за собою опасныя послѣдствія. А тутъ, всѣ учрежденія словно согласились между собой, чтобы умножать число производителей безпорядка или терпѣть ихъ въ государствѣ и подготовить, за предѣлами соціальной ограды, тѣхъ рѣшительныхъ людей, которые потомъ придутъ и разрушатъ эту ограду.

Но совмѣстное дѣйствіе всѣхъ этихъ учреждений еще вреднѣе, такъ какъ разоряя столько работниковъ, они, въ концѣ концовъ, превращаютъ ихъ въ нищихъ, которые уже больше не хотятъ работать. Они становятся опасными бездѣльниками, которые побираются и вымогаютъ хлѣбъ у крестьянъ и безъ того нуждающихся и не имѣющихъ достаточно хлѣба для себя. „Бродяги, говоритъ Летронъ, представляютъ самый ужасный бичъ для

деревень. Это непріятельскія войска, которые разсѣявшись по всей территоріи, живутъ изо дня въ день, собирая съ жителей настоящую контрибуцію... Они постоянно бродятъ въ деревняхъ, изслѣдуютъ окрестность домовъ и собираютъ свѣдѣнія о людяхъ, живущихъ въ этихъ домахъ и средствахъ хозяина. Горе тѣмъ, про которыхъ говорятъ, что у нихъ водятся денежки!... Сколько совершается грабежей по большимъ дорогамъ и сколько кражъ со взломомъ! Сколько убивается путешественниковъ и сколько разграбляется домовъ. Сколько происходитъ убійствъ священниковъ, земледѣльцевъ, одинокихъ вдовъ, которыхъ сперва подвергаютъ истязаніямъ, чтобы выпытать у нихъ, гдѣ спрятаны деньги, а затѣмъ уже убиваютъ“! За двадцать пять лѣтъ до революціи часто случалось, что пятнадцать или двадцать такихъ бродягъ „врывались на какую нибудь ферму, располагались тамъ на ночлегъ и запугавъ фермеровъ, заставляли исполнять всѣ свои приказанія“. — Въ 1764 г., правительство уже принимаетъ противъ нихъ такія мѣры, которыя указываютъ, что зло уже достигло крайняго развитія. Признаются бродягами и праздношатающимися и наказываются, какъ таковыя всѣ тѣ, кто въ теченіи шести полныхъ мѣсяцевъ не занимался никакою профессіей или ремесломъ и кто, не имѣя ни состоянія, ни общественнаго положенія, дающаго средства къ существованію, не можетъ доказать путемъ свидѣтельскихъ показаній лицъ, заслуживающихъ довѣрія, добропорядочность своей жизни и нравовъ... Въ намѣренія его величества входитъ не только задержаніе настоящихъ бродягъ, слоняющихся по деревнямъ, но и всѣхъ нищихъ, которые, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ занятій, могутъ также навлечь на себя подозрѣніе въ бродяжничествѣ“, — гласитъ циркуляръ. Способные къ труду люди приговариваются за бродяжничество къ галерамъ на три года; въ случаѣ же рецидива на девять лѣтъ, а въ случаѣ новаго повторенія — къ пожизненной каторжной работѣ. Для хворыхъ полагается три года тюремнаго заключенія; въ случаѣ повторенія — девять лѣтъ и въ случаѣ новаго повторенія — пожизненное тюремное заключеніе. Дѣти моложе шестнадцати лѣтъ от-

правляются въ исправительное заведение. „Нищій, задержанный объѣздомъ,—говорится въ циркулярѣ—можетъ быть отпущенъ на свободу лишь въ томъ случаѣ, если будетъ получено самое полное удостовѣреніе въ томъ, что онъ больше не будетъ просить милостыни. Освобожденіе его, слѣдовательно, можетъ произойти лишь въ томъ случаѣ, если лица, достойныя довѣрія и *состоятельныя*, будутъ отвѣчать за него и возьмутъ на себя обязательство доставить ему занятіе или кормить его, указавъ при этомъ способы, посредствомъ которыхъ они полагаютъ помѣщать ему нищенствовать“.

Однако и этого оказывается недостаточно, чтобы освободить нищаго еще нужно специальное разрѣшеніе интенданта. Въ силу такого закона было арестовано, какъ говорятъ, 50,000 нищихъ сразу и такъ какъ госпитали и обыкновенныя тюрьмы оказались недостаточными, чтобы вмѣстить все это количество, то пришлось построить новые смиренительныя дома. Эти дѣйствія продолжаются съ перерывами до самого конца стараго режима; такъ въ Лангедокѣ въ 1768 г., въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ арестовали еще 433 человекъ, а въ 1787 г., въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, арестовали 295. Около этого же времени въ Безансонской тюрьмѣ содержалось 300 человекъ, въ Реннской—500, а въ Сень-Дени—650. Содержаніе ихъ обходилось ежегодно королю въ одинъ миллионъ и только Богу извѣстно, какво было это содержаніе! Вода, солома, хлѣбъ и двѣ унціи соленого сала—вотъ что они получали и на что отпускалось по пяти су въ день. Но такъ какъ въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ цѣны на припасы увеличились на цѣлую треть, то тюремщику, который долженъ былъ заботиться объ ихъ продовольствіи, приходилось либо заставлять ихъ поститься, либо самому раззоряться, чтобы кормить ихъ.

Что касается способа наполненія тюремъ, то въ этомъ отношеніи полиція ведетъ себя съ народомъ по-турецки; она хватаетъ кого попало и полицейская метла столько же разрушаетъ, сколько и выметаетъ. Согласно ордену 1778 года,—пишетъ одинъ интендантъ „конная стража должна арестовывать, не только нищихъ и бродягъ, которые повстрѣчаются ей, но также

и тѣхъ, на кого имъ будетъ указано какъ на таковыхъ или какъ на подозрительныхъ лицъ. Самый безупречный гражданинъ въ своемъ поведеніи и наименѣе способный возбудить подозрѣніе въ бродяжничествѣ, все-таки не можетъ поручиться за то, что онъ не попадетъ въ тюрьму, такъ какъ его свобода находится въ зависимости отъ какого нибудь коннаго стражника, который легко можетъ быть введенъ въ обманъ ложнымъ доносомъ или даже просто подкупленъ деньгами. Я видѣлъ въ реннской тюрьмѣ многихъ мужей, арестованныхъ только по одному доносу своихъ женъ и столько же женъ взятыхъ по доносу своихъ мужей. Тамъ же находилось не мало дѣтей отъ перваго брака, посаженныхъ по ходатайству ихъ мачихъ, много служанокъ, забеременѣвшихъ отъ своихъ господъ и упрятанныхъ по ихъ доносу въ тюрьму, дѣвушекъ, находящихся въ такомъ же положеніи и посаженныхъ по доносу ихъ обольстителей, а также дѣтей, сидящихъ въ тюрьмѣ вслѣдствіе доноса отцовъ, и отцовъ, посаженныхъ по доносу своихъ дѣтей,—словомъ, все это были люди, обвинявшіеся въ бродяжничествѣ и нищенствѣ безъ всякихъ доказательствъ... Несмотря на такое громадное число арестованныхъ несправедливымъ образомъ, все-таки не существуетъ ни одного судебного приговора, который бы возвратилъ свободу этимъ заключеннымъ“.

Но представимъ себѣ, что какой нибудь человѣколюбивый интендантъ, вродѣ того который написалъ эти строки, отпустить на свободу заключенныхъ. Они очутятся на мостовой, обращенные въ нищихъ самимъ закономъ, преслѣдующимъ нищенство, и прибавляющимъ къ тѣмъ бѣднякамъ, которыхъ онъ преслѣдуетъ, еще новыхъ бѣдняковъ собственнаго изготовленія, притомъ ожесточенныхъ и испорченныхъ душою и тѣломъ. „Почти всегда случается, говоритъ интендантъ, что обвиняемые, арестованные въ двадцати пяти или тридцати лѣе отъ центральной тюрьмы, попадаютъ туда только черезъ три или четыре мѣсяца послѣ своего ареста, а иногда и позже. Въ ожиданіи этого, ихъ пересылаютъ изъ одного мѣста въ другое и помѣщаютъ въ тюрьмахъ, встрѣчающихся по пути, гдѣ они и остаются до тѣхъ поръ,

пока ихъ не наберется достаточно для составленія пересыльной партіи. Мужчины и женщины запираются вмѣстѣ въ одну и ту же тюрьму и поэтому всегда бываетъ, что тѣ женщины, которыя еще не были беременными, когда ихъ арестовали, забеременѣваютъ по прибытіи въ тюрьму. Тюрьмы обыкновенно отличаются плохимъ санитарнымъ устройствомъ, такъ что большинство заключенныхъ всегда хвораютъ“, а многіе, вслѣдствіе постояннаго соприкосновенія съ негодьями, сами становятся таковыми. Тутъ наблюдается какъ физическое, такъ и нравственное зараженіе; язва разрастается подъ вліяніемъ лѣкарства, которое употребляется для ея излѣченія и центры подавленія преступленій становятся, наоборотъ, ихъ разсадниками.

Между тѣмъ, несмотря на всѣ строгости, законъ этотъ все-таки не достигаетъ своей цѣли. „Наши города, говоритъ бретонскій парламентъ,—до такой степени переполнены нищими, что невольно приходитъ въ голову, что всѣ проекты, составленные съ цѣлью истребленія нищенства лишь способствовали его усиленію“. „Большія дороги, пишетъ одинъ интендантъ,—кишатъ опасными бродягами, людьми безъ опредѣленныхъ занятій и настоящими нищими, которыхъ стража не трогаетъ, частью вслѣдствіе небрежности, частью же вслѣдствіе того, что къ ней не обращаются со специальными требованіями ея вмѣшательства“. — Да и чтобы она стала дѣлать со всѣми людьми, еслибъ арестовала ихъ всѣхъ? Ихъ слишкомъ много и она бы не знала куда ихъ дѣвать. И притомъ, какъ помѣшать людямъ просить подаяніе, когда они—нищія? Безъ сомнѣнія, все это очень прискорбно, но помѣшать этому нельзя. Въ нѣкоторомъ отношеніи народная бѣдность напоминаетъ гангрену, которая постепенно съ больной части распространяется и раздѣдаетъ здоровую. Человѣкъ, который еле влачитъ свое существованіе заживо поѣдается тѣми, которымъ нечѣмъ существовать.— „Раззоренный крестьянинъ гибнетъ жертвою массы нищихъ, опустошающихъ деревни и укрывающихся въ городахъ. Отсюда-то и происходятъ эти опасныя для общественнаго спокойствія сборища, эти толпы контрабандистовъ и бродягъ, это мно-

жество людей сдѣлавшихся ворами и убійцами единственно только потому, что имъ не хватаетъ хлѣба для утоленія голода! Но я тутъ даю только слабую идею о безпорядкахъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ“. Бѣдность деревенскаго населенія чрезмѣрная сама по себѣ, еще усиливается вслѣдствіе безпорядковъ, которые она влечетъ за собой. Нѣтъ надобности искать, въ какомъ либо другомъ мѣстѣ ужасающаго источника нищеты и всѣхъ порождаемыхъ ею пороковъ. „Къ чему могутъ служить палліативы и всякаго рода насильственныя операціи противъ такой болѣзни, которая кроется въ самой крови и обусловливается самою организаціей общественнаго тѣла? Какая полиція можетъ оказаться дѣйствительною въ такомъ приходѣ, гдѣ четверть или треть жителей не имѣютъ другого пропитанія, кромѣ тѣхъ кусковъ хлѣба, которые они выпрашиваютъ у дверей? Въ Аржантре, въ Бретани, „на 2.300 жителей, не занимающихся ни промыслами, ни торговлей, больше половины далеко не могутъ считаться зажиточными и болѣе 500 осуждены нищенствовать. „Въ Дэнвиллѣ, въ Артуа, изъ 130 домовъ шестьдесятъ занесены въ списокъ бѣдныхъ“. Въ Нормандіи, по заявленіямъ священниковъ, „изъ 900 прихожанъ въ Сенъ Мало, „три четверти постоянно нуждаются, остальные же находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи“. — „Изъ 1500 обитателей прихода св. Патрика 400 живутъ подаяніемъ; изъ 500 жителей Сенъ-Лорана три четверти вынуждены просить милостыню“. — Въ Марбефѣ,—какъ говорится въ наказѣ депутату,—„изъ 500 человѣкъ, живущихъ въ нашемъ приходѣ, 100 доведены до нищенскаго состоянія и, кромѣ того, къ намъ ежедневно являются отъ 30 до 40 бѣдняковъ изъ сосѣднихъ приходовъ“.

Въ Бульбоннѣ, въ Лонгедокѣ, каждый день у воротъ монастыря „раздается общая милостыня, къ которой стекаются отъ 300 до 400 нищихъ и эта раздача происходитъ независимо отъ той, которую раздають старикамъ и больнымъ и притомъ въ гораздо большихъ размѣрахъ“. — Въ Ліонѣ, въ 1787 году, „30,000 рабочихъ находятся на пропитаніи у общественной благотворительности. „Въ Реннѣ, въ 1788 г., послѣ наводненія, „три чет-

верти жителей очутились въ самомъ бѣдственномъ положеніи“. Въ Парижѣ, на 650,000 жителей, по переписи 1791 г., значится 118,784 бѣдняковъ. Пусть же произойдетъ какое нибудь бѣдствіе, морозъ и градъ какъ въ 1788 году, неурожай и недостатокъ въ хлѣбѣ, цѣна котораго поднимется до 4-хъ су за фунтъ, при чемъ рабочій въ благотворительныхъ мастерскихъ получалъ только двѣнадцать су въ сутки, то неужели вы думаете что эти люди безропотно покорятся своей участи, осуждающей ихъ на голодную смерть? Вокругъ Руана, въ теченіи зимы 1788 г., всѣ лѣса опустошаются среди бѣлаго дня; баньерскій лѣсъ былъ вырубленъ весь и деревья публично распроданы мародерами. Эти голодные мародеры всѣ дѣйствуютъ сообща и нужда тутъ становится соучастницей преступленія. Людей этихъ можно прослѣдить изъ одной провинціи въ другую; спустя четыре мѣсяца, пятнадцать разбойниковъ врываются ночью въ три фермы, въ окрестностяхъ Этана, и фермеры, которымъ они грозятъ поджогами, вынуждены отдать имъ, одинъ — триста франковъ, другой полтора, по всей вѣроятности всѣ деньги, которыя у нихъ были припрятаны въ сундукѣ. „Воры, каторжники, всякаго рода негодяи“, — они — то и составляютъ потомъ передовые отряды во всѣхъ возмущеніяхъ и „будутъ подстрекать крестьянина къ самымъ крайнимъ насиліямъ“. Послѣ разграбленія дома Ревельона въ Парижѣ было замѣчено, что „изъ сорока арестованныхъ бунтовщиковъ не было ни одного, который бы не побывалъ раньше въ рукахъ правосудія, не былъ бы наказанъ кнутомъ и не носилъ бы клейма“. Во время всякой революціи подонки общества неминуемо поднимаются на поверхность. Никто и никогда не видалъ этихъ людей раньше; подобно лѣснымъ барсукамъ или крысамъ сточныхъ трубъ они оставались въ своихъ логовищахъ или норахъ. Теперь они выходятъ оттуда цѣлыми толпами и какія только фигуры появляются въ Парижѣ! „Такихъ еще никогда не видали среди бѣлаго дня... Откуда они вышли? Кто вытаскилъ ихъ изъ ихъ мрачныхъ убѣжищъ?... Иностранцы, уроженцы всѣхъ странъ, вооруженные дубинами, оборванные... одни почти нагіе, другіе одѣтые стран-

нымъ образомъ „въ самыя разнородныя лохмотья, „ужасныя на видъ,“ — вотъ тѣ вожди и статисты мятежа, за которыми пойдетъ вскорѣ народъ.

„Въ Парижѣ—говоритъ Мерсье—народъ блѣдный, слабосильный, малорослый и невзрачный на видъ, переносящій дурное обращеніе, представляется совершенно особымъ классомъ, стоящимъ отдѣльно отъ другихъ сословіи государства. Богачи и вельможи, имѣющіе собственные экипажи, пользуются варварскимъ правомъ давить и калѣчить народъ на улицахъ... Для бѣдныхъ пѣшеходовъ нѣтъ никакихъ удобствъ, никакихъ тротуаровъ. Ежегодно сотни жертвъ погибаютъ подъ колесами экипажей. — „На нашихъ глазахъ былъ раздавленъ маленькій ребенокъ,—говоритъ Артуръ Юнгъ и я много разъ бывалъ обрызганъ грязью съ головы до ногъ. Если бы наши молодые дворяне вздумали скакать по Лондону, по улицамъ безъ тротуаровъ и съ такою же быстротой, какъ ихъ Парижскіе братья, то ихъ весьма скоро хорошенько отдули бы за это самымъ настоящимъ образомъ и волочили бы по грязи“. Передъ лицомъ этой огромной народной массы Мерсье ощущаетъ невольную тревогу. „Въ Парижѣ, быть можетъ, найдется до двухсотъ тысячъ человѣкъ, которые не владѣютъ даже пятидесятью экю въ видѣ какого нибудь имущества, а между тѣмъ городъ все-таки продолжаетъ существовать. Само собою разумѣется, что порядокъ въ немъ поддерживается только силою и страхомъ, благодаря солдатамъ городской стражи, которую толпа называетъ *вшивой командой*“. Такое прозвище приводитъ въ бѣшенство этотъ родъ милиціи, усиливающей поэтому свои удары и бросающейся на всякого, кто попадаетъ ей подъ руку. Простой народъ всегда готовъ воевать съ этой стражей, такъ какъ отъ нея онъ никогда не видѣлъ пощады“. Правда, „отрядъ городской стражи часто безъ труда разгоняетъ толпу въ пятьсотъ или шестьсотъ человѣкъ, казавшуюся очень разгоряченной, но рассыпавшейся въ одно мгновеніе ока, какъ только солдаты начнутъ расточать удары и свяжутъ двухъ—трехъ бунтовщиковъ“. Тѣмъ не менѣе, „если бы парижскій народъ былъ предоставленъ самому себѣ и могъ бы повиноваться своему первому побужденію,

не чувствуя за собой ни пѣшей, ни конной стражи, ни полицейскаго комиссара, ни городского, то онъ не зналъ бы никакой мѣры въ своихъ беспорядкахъ“. Чернь, освобожденная отъ той узды, къ которой она привыкла, непременно предалась бы излишествами и насиліямъ, тѣмъ болѣе жестокимъ, что она не знала бы, гдѣ ей остановиться... Пока на рынкѣ имѣется еще хлѣбъ, до тѣхъ поръ возмущеніе не приметъ всенароднаго характера; надо заинтересовать въ этомъ рынокъ, иначе женщины не примутъ участія... Но если въ теченіи двухъ дней кряду на рынкѣ не будетъ хлѣба, то возмущеніе станетъ всеобщимъ и я не въ состояніи разсчитать заранѣе къ чему оно приведетъ и что предприметъ эта огромная толпа, доведенныхъ до отчаянія людей, которые хотятъ избавиться отъ голода себя и своихъ дѣтей“.

А въ 1789 году хлѣба не хватаетъ ни на рынкѣ, ни во всей Франціи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вооруженная сила распадается. — Какимъ образомъ пополняется армія. — Какъ обращаются съ солдатами. — Общественная организація разлагается. — Отсутствіе объединяющаго центра. — Инертность провинцій. — Вліяніе Парижа. — Направленіе потока. — Человѣкъ изъ народа, руководимый адвокатомъ. — Единственный грядущій власти: теорія и пики. — Самоубійство стараго режима

Гдѣ сила, которая могла бы остановить всеобщее возмущеніе? Тѣ полтора тысячь человѣкъ, которые поддерживаютъ порядокъ, настроены точно также, какъ и двадцать шесть милліоновъ людей, подчиняющихся этому порядку, а злоупотребленія и недовольство, словомъ, всѣ тѣ причины, которыя дѣйствуютъ разлагающимъ образомъ на націю, разлагаютъ также и войско. Изъ девяноста милліоновъ жалованья арміи, уплачиваемыхъ ежегодно государственнымъ казначействомъ, 46 милліоновъ уходитъ на офицеровъ и только 44 расходуется на солдатъ. Кромѣ того, согласно новому ордонансу, только дворяне, могущіе представить проверенныя доказательства своего происхожденія, получаютъ офицерскіе чины и могутъ разсчитывать на повышеніе. Нигдѣ еще это неравенство, противъ котораго такъ сильно возмущается общественное мнѣніе, не выражается

такими рѣзкими чертами. Съ одной стороны, для небольшого числа избранныхъ — власть, почести, деньги, досугъ, хорошій столъ, свѣтскія удовольствія, салонные спектакли; съ другой для огромнаго большинства, — подчиненность, самоотреченіе, утомленіе, вербовка насильственная или посредствомъ обмана, никакой надежды на повышеніе, шесть су въ день, узкая постель на двоихъ, хлѣбъ, годный только для собакъ, а въ послѣдніе годы и удары, расточаемые точно собакамъ. Съ одной стороны тутъ высшее дворянство, съ другой — самая низкая чернь. Все это какъ будто сдѣлано было нарочно для того, чтобы усилить контрасты и увеличить раздраженіе. „Скудость солдатскаго жалованья, — говоритъ одинъ экономистъ —, его содержаніе, одежда, пища и помѣщеніе, его полнѣйшая зависимость и подчиненное положеніе, сдѣлали то, что казалось слишкомъ жестокимъ брать для этой службы другого, а не человѣка изъ самаго низшаго класса“. Въ самомъ дѣлѣ, солдатъ вербуютъ только въ самыхъ низшихъ классахъ народа. Избавлены отъ обязанности вынимать жребій не только всѣ дворяне и буржуа, но и всѣ служащіе по государственному откупу, по сбору съ мостовъ и дорогъ, „вся охотничья стража, лѣсные сторожа, лакеи и др. наемные слуги духовныхъ лицъ, общинъ, монастырей, дворянъ и титулованныхъ лицъ, даже буржуа, живущихъ какъ дворяне. Мало того: такую же льготою пользуются и сыновья зажиточныхъ земледѣльцевъ и вообще всѣ тѣ, кто имѣетъ какое нибудь значеніе или какого нибудь покровителя. Такимъ образомъ, въ милиціи служатъ только бѣдняки, да и то не по доброй волѣ. Напротивъ, служба эта имъ въ высшей степени противна и они часто спасаются отъ нея, укрываясь въ лѣсахъ, гдѣ ихъ преслѣдуютъ вооруженной силой. Въ одномъ округѣ, который тремя годами позднѣе выставляетъ въ одинъ день отъ пятидесяти до ста волонтеровъ, теперь юноши отрубаютъ себѣ большой палецъ ради того только, чтобы избавиться отъ необходимости вынимать жребій. Къ этимъ общественнымъ подонкамъ надо еще прибавить соръ, выметаемый изъ тюремъ и смиренныхъ домовъ, — бродягъ, наполняющихъ эти учрежде-

нія, послѣ освобожденія тѣхъ, которые въ состояніи указать свои семейства или найти поручителей. „Остаются только или вполнѣ неизвѣстные или опасные, говоритъ одинъ интендантъ, — и вотъ изъ нихъ выбираютъ тѣхъ, которые считаются менѣе порочными и ихъ-то препровождаютъ въ войска“. — Послѣдній же притокъ въ армію составляетъ полунасильственная и полудобровольная вербовка рекрутъ, поставляющая въ ряды арміи чаще всего только одну накипь большихъ городовъ, разныхъ искателей приключеній, мастеровыхъ, которымъ отказано отъ мѣста, сыновей, прогнанныхъ своими родителями и разныхъ людей безъ пристанища и безъ опредѣленныхъ занятій. Вербовщикъ получаетъ вознагражденіе — столько-то за каждого человѣка, котораго ему удастся завербовать, и столько-то за каждый дюймъ роста свыше пяти футовъ; — онъ устраиваетъ свои засѣданія въ кабачкѣ и тамъ угощаетъ лицъ, съ которыми заключаетъ договоръ: „Друзья мои, говоритъ онъ — супъ, какое нибудь второе кушанье и жаркое съ салатомъ — вотъ обычная пища въ полку: больше ничего не дается. Я васъ не хочу обманывать: пирожное и вино составляютъ уже экстренную прибавку“. Онъ заставляетъ свою жертву пить, платитъ за вино, а въ случаѣ нужды предоставляетъ ему даже свою любовницу. „Послѣ нѣсколькихъ дней разгула, такой молодой гуляка бываетъ вынужденъ продать себя, такъ какъ ему нечѣмъ расплатиться со своими долгами. И вотъ рабочій, превращенный въ солдата, отправляется продѣлывать военныя упражненія изъ-подъ палки“. Странные солдаты для охраны общества! Всѣ они выбираютъ именно изъ того самого класса, который нападаетъ на общество, изъ среды угнетаемыхъ крестьянъ, заключенныхъ въ тюрьму бродягъ, людей, сбившихся съ пути, обремененныхъ долгами, доведенныхъ до отчаянія, бѣдняковъ, легко поддающихся соблазну и обладающихъ пылкою головой, которые, смотря по обстоятельствамъ, становятся то мятежниками, то солдатами.

Но чья участь лучше? Солдатъ получаетъ такую же скудную порцію хлѣба, какъ и арестантъ, но его хлѣбъ хуже, потому что онъ печется изъ неотсѣянной муки, тогда какъ хлѣбъ

бродяги, котораго онъ же арестовываетъ, печется изъ муки, отъ которой отсѣяны отруби. При такомъ положеніи вещей было бы самое лучшее, еслибъ солдатъ вовсе не размышлялъ, а между тѣмъ его же собственные офицеры приглашаютъ его размышлять. И они тоже стали политиками и фронтдерами. За нѣсколько лѣтъ до революціи, въ арміи уже начали „поговаривать“, стали „разсуждать и жаловаться и подъ вліяніемъ новыхъ идей, забродившихъ въ головахъ, установилась правильная переписка между двумя полками. Изъ Парижа получались разные новости, въ видѣ рукописной газеты. Полученіе этихъ новостей было разрѣшено военнымъ министромъ и стоило, должно быть, двѣнадцать ливровъ въ годъ. Вскорѣ статьи этой газеты приняли философскій тонъ, появились разсужденія и разговоры о министрахъ, о правительствѣ, о желаемыхъ перемѣнахъ и это содѣйствовало еще большему распространенію рукописной газеты“. Само собою разумѣется, что такіе сержанты какъ Гошъ или такіе унтеръ офицеры, какъ Ожеро, не разъ прочитывали эти новости, забытыя на столѣ и въ тотъ же вечеръ обсуждали и комментировали ихъ въ казармѣ. Недовольство существовало уже давно и въ концѣ послѣдняго царствованія оно не разъ вырывалось наружу въ рѣзкихъ словахъ. На одномъ пиру, который давался однимъ изъ принцевъ крови, прислуживали гренадеры за столомъ, накрытымъ на сто кувертовъ. Но уточненное обоняніе принца было оскорблено запахомъ, который исходилъ отъ гренадеровъ и онъ замѣтилъ немного слишкомъ громко: „Отъ этихъ молодыхъ чертовски воняетъ сапогами“. Тогда одинъ изъ гренадеровъ возразилъ рѣзкимъ тономъ: „Это оттого, что у насъ нѣтъ сапогъ“, и глубокое молчаніе послѣдовало за этимъ отвѣтомъ. — Скрытое раздраженіе все разрастается въ теченіе послѣдующихъ двадцати лѣтъ; притомъ солдаты Рошамбо сражались вѣдь со свободною милиціей Америки и не забываютъ объ этомъ! Въ 1788 г., маршалъ де-Во писалъ военному министру по поводу возстанія въ Дофинѣ, что „совершенно невозможно положиться на войска“, а четыре мѣсяца спустя, послѣ открытія собранія генеральныхъ штатовъ, шестнадцать тысячъ дезертировъ, бро-

дящихъ вокругъ Парижа, сами уже становятся руководителями мятежа, вмѣсто того чтобы умирять его.

II.

Когда плотина уносится потокомъ, то уже не остается никакой другой, которая могла бы удержать наводненіе и оно разливается по всей Франціи, точно по плоской равнинѣ.—У другихъ народовъ, въ подобныхъ случаяхъ, встрѣчались все-таки какія нибудь препятствія, были какіе нибудь возвышенные пункты, спасительныя убѣжища, старинныя ограды, куда, во время всеобщаго смятенія, могла все-таки укрыться часть населенія. Но тутъ напоромъ волны уносятся послѣдніе остатки существовавшихъ преградъ и среди этихъ двадцати шести милліоновъ разсѣявшихся людей каждый одинокъ. Съ давнихъ поръ уже, администрація Ришелье и Людовика XIV уничтожила естественныя группы, которыя снова организовались сами собой, послѣ внезапнаго разрушенія. За исключеніемъ Вандеи, я не нахожу ни одной мѣстности и ни одного общественнаго класса, въ которомъ, болѣе или менѣе значительное число людей, питая довѣріе къ извѣстнымъ личностямъ, могло бы сплотиться около нихъ и составить нѣчто цѣлое. Ни провинціальныя, ни муниципальныя социализмы болѣе не существуютъ. Низшее духовенство относится враждебно къ прелатамъ, провинціальное дворянство—къ придворному, вассалъ—къ своему владѣльцу, крестьянинъ—къ горожанину, городское населеніе къ муниципальной олигархіи, корпорація—къ корпораціи, приходъ—къ приходу и сосѣдъ—къ своему сосѣду. Всѣхъ раздѣляютъ привилегіи, соперничество, взаимная зависть, сознание несправедливаго отношенія и каждый думаетъ о томъ, что онъ обремененъ лишнею тяжестью или обобранъ въ пользу другого. Рабочій у портного раздраженъ противъ своего хозяина, который не дозволяетъ ему работать поденно у буржуа; подмастерья парикмахера негодуютъ на него за то, что онъ не разрѣшаетъ имъ ходить на домъ къ господамъ, чтобы причесывать ихъ; кондитеръ раздраженъ противъ булочника, не дозволяющаго ему печь простые пироги; сельскій ткачъ возмущенъ противъ городскихъ ткачей, которые хо-

тѣли бы подорвать его ремесло, а сельскіе винодѣлы злы на буржуа, желавшихъ уничтожить ихъ виноградники на протяженіи семи льё отъ города. Такимъ образомъ деревня враждуетъ съ деревней, облегчившей свое податное бремя на ея счетъ, крестьянинъ, платящій высокіе налоги, негодуетъ на того, который платитъ слишкомъ мало, и одна половина прихода возмущается противъ своихъ сборщиковъ, обложившихъ на ея счетъ другую половину жителей. „Нація—замѣчаетъ Тюрго съ отѣнкомъ грусти, представляетъ общество, составленное изъ разныхъ сословій, плохо соединяющихся между собою и изъ народа, члены котораго имѣютъ между собою слишкомъ мало связи, такъ что *каждый заботится только о своихъ частныхъ интересахъ. Нигдѣ не замѣтно какого нибудь общаго интереса.* Города, деревни имѣютъ также мало отношеній другъ къ другу, какъ и тѣ округа, къ которымъ они приписаны. Они не могутъ даже столкнуться другъ съ другомъ относительно производства тѣхъ общественныхъ работъ, которыя имъ необходимы“. Центральная власть, въ теченіе полутораста лѣтъ, старалась всѣхъ раздѣлять, чтобы царствовать надъ всѣми. Она держала людей въ отдаленіи другъ отъ друга, мѣшая имъ сближаться и дѣйствовала такъ успѣшно въ этомъ направленіи, что они уже болѣе не знаютъ другъ друга; одинъ классъ не знаетъ другого и каждый изъ нихъ имѣетъ о другомъ классѣ совершенно ложное представленіе, рисуя себѣ химерическій портретъ этого класса, и раскрашивая красками собственнаго воображенія. Одинъ рисовалъ себѣ идиллію, другой—мелодраму; тотъ воображалъ, что крестьяне—чувствительные пастушки, а этотъ былъ увѣренъ, что всѣ дворяне—это какіе-то изверги и тираны.

Вслѣдствіе такого взаимнаго непониманія, всякаго обособленія, продолжавшагося такъ долго, французы потеряли привычку, умѣнье и способность дѣйствовать заодно. Они совсѣмъ уже не могутъ понимать другъ друга и неспособны къ коллективному дѣйствию. Въ моментъ опасности никто уже не смѣетъ рассчитывать ни на своихъ сосѣдей, ни на своихъ равныхъ. Никто не знаетъ, куда обратить свои взоры, чтобы найти руководителя.

„Нигдѣ не видно челоуѣка, который бы могъ отвѣчать, хотя бы за самый маленькій округъ; болѣе того—нигдѣ не видно челоуѣка, который бы могъ отвѣчать за другого“. Разрозненность достигла крайнихъ предѣловъ и стала непоправимой. Утопія теоретиковъ осуществилась: общество вернулось къ дикому состоянію. Въ немъ остались только ряды отдѣльныхъ другъ отъ друга индивидовъ, гдѣ каждый находился въ состояніи первоначальнаго безсилія, вслѣдствіе чего его имущество и его жизнь были въ зависимости отъ произвола первой образовавшейся шайки. Ему не надо было, чтобы подчиняться руководству ничего иного, кромѣ той бараньей привычки быть руководимымъ, которая у него сохранилась. Онъ, какъ и прежде, ждалъ импульса и постоянно обращалъ свои взоры къ обычному центру, къ Парижу, откуда всегда исходили приказанія. Такое отношеніе поражаетъ Артура Юнга. Повсюду господствуетъ политическое невѣжество и политическая покорность, достигшія крайней степени; это онъ, иностранецъ, привозитъ въ Бургонь извѣстія изъ Эльзаса. Возмущеніе тамъ носило ужасный характеръ. Чернь разграбила въ Страсбургѣ городскую ратушу, а, между тѣмъ, въ Дижонѣ объ этомъ ничего не было слышно. „Однако, вотъ уже девять дней, какъ это случилось, пишетъ онъ.—Но даже, еслибъ съ тѣхъ поръ прошло девятнадцать дней, то я все же сомнѣваюсь, чтобы они были лучше освѣдомлены“. Въ кофейняхъ газеты не получаютъ и не существуетъ никакого центра, гдѣ сосредоточены были бы всѣ свѣдѣнія, гдѣ можно было бы постановить рѣшенія и обсудить мѣстныя мѣропріятія. Провинція подчиняется тѣмъ событіямъ, которыя совершаются въ столицѣ. „Люди не смѣютъ пошевелиться, не смѣютъ даже составить себѣ собственное мнѣніе, пока не высказался Парижъ“. Вотъ къ чему привела монархическая централизація. Она отняла у отдѣльныхъ группъ ихъ прочность, а у отдѣльныхъ личностей—ту внутреннюю пружину, которая заставляетъ ихъ дѣйствовать самостоятельно. Остается лишь какая-то челоуѣческая пыль, которая кружится и потомъ, подъ слѣпымъ напоромъ вѣтра, будетъ нести сплешною массой, увлекаемая неудержимой силой.

III.

Мы знаемъ уже, съ которой стороны дуетъ этотъ вѣтеръ и чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно изслѣдовать какъ были составлены наказы третьяго сословія. Тутъ крестьяниномъ руководилъ челоуѣкъ закона, мелкій сельскій страпчій, завистливый адвокатъ и теоретикъ. Крестьянинъ настаиваетъ только на томъ, чтобы въ наказахъ были изложены письменно и какъ можно обстоятельнѣе всѣ его мѣстныя и личныя жалобы, всѣ его возраженія противъ налоговъ и повинностей и его ходатайство о разрѣшеніи не привязывать собакамъ на шею чурбана, что было обязательно для простого народа. Кромѣ того, онъ заявлялъ о своемъ желаніи имѣть ружье, чтобы охотиться на волковъ. Тотъ же, кто руководитъ имъ и подсказываетъ ему эти мысли, облакаетъ все это въ „Права челоуѣка“ и въ циркуляръ Сійесса. „Вотъ уже два мѣсяца—пишетъ съ юга одинъ комендантъ,—какъ низшіе судейскіе чины и адвокаты во всѣхъ городахъ и селахъ, желая быть избранными въ генеральные штаты, усиленно ухаживаютъ за третьимъ сословіемъ, подъ предлогомъ желанія оказать ему поддержку и просвѣтить его... Они постарались убѣдить его, что въ генеральныхъ штатахъ его представители будутъ господами и что только они одни будутъ направлять дѣла королевства.. Избравъ же своими депутатами людей судейскаго званія, третье сословіе будетъ имѣть право и силу первенствовать надъ другими и можетъ тогда отмѣнить дворянство и уничтожить всѣ права и привилегіи, послѣ чего дворянство уже не будетъ болѣе наследственнымъ и всѣ граждане, заслуживъ его, будутъ имѣть право на полученіе этого званія. Кромѣ того, если они будутъ избраны депутатами третьяго сословія, то добьются для него всего, чего оно желаетъ, потому что священники, происходящіе изъ третьяго сословія, согласились уже отдѣлиться отъ высшаго духовенства и присоединиться къ нимъ; такимъ образомъ, дворянство и духовенство, соединившись вмѣстѣ, будутъ имѣть только одинъ голосъ противъ двухъ голосовъ третьяго сословія... Если бы третье сословіе избрало въ депутаты благоразумныхъ буржуа и негоціантовъ, то они безъ затрудненія присоединились бы къ

двумъ остальнымъ сословіямъ. Но окружныя собранія были напицканы судейскими, которые подавляли всѣ мнѣнія и желали первенствовать надъ всѣми, причемъ каждый изъ нихъ съ своей стороны интриговалъ и строилъ козни, чтобы только попасть въ депутаты.—„Въ Турени, пишетъ одинъ интендантъ,—голоса большей части вотирующихъ подавались или по приказанію или они были выпрошены. Въ самый моментъ подачи голосовъ, повѣренныя всовывали въ руку избирателей готовые и уже написанные бюллетени. Вотиравшіе тотчасъ же по своемъ прибытіи находили на постоялыхъ дворахъ, гдѣ они останавливались, всевозможныя брошюры и рукописные совѣты, которые могли подѣйствовать на ихъ воображеніе и побудить ихъ остановить свой выборъ на людяхъ изъ судейскаго сословія“.— Въ Лектурскомъ сенешальствѣ многіе приходы и общины не получили ни увѣдомленія, ни приглашенія прислать свои указы и своихъ депутатовъ на сенешальскія собранія. Для тѣхъ же, которые получили такое увѣдомленіе, жалобы и заявленія были составлены адвокатами, стряпчими и нотаріусами маленькихъ сосѣднихъ городовъ, прямо изъ головы, безъ всякаго созыва общинныхъ собраній... Одна и та же черновая служила имъ и они снимали съ нея одинаковыя копіи для всѣхъ, которыя и продавали очень дорого приходскимъ совѣтамъ каждой деревни“.

Тревожный симптомъ, указывающій заранѣе тотъ путь, по которому должна будетъ идти революція! Человѣкъ изъ народа подталкивается адвокатомъ, человѣкъ съ пикой въ рукахъ позволяетъ вести себя человѣку фразы!

Уже съ перваго года можно было замѣтить послѣдствія подобной ассоціаціи. Въ Франшконте, по совѣту нѣкоего Руже, крестьяне маркиза де Шела рѣшаютъ ничего не платить и раздѣлить между собою нарубленный лѣсъ, не спрашивая объ этомъ его уполномоченнаго. „Въ своей бумагѣ адвокатъ утверждаетъ, что всѣ провинціальныя общины рѣшили такъ поступать... Его консультація до такой степени распространилась въ деревняхъ, что многія сельскія общины утвердились въ томъ взглядѣ, что онѣ ничего не должны платить, ни королю, ни владѣльцамъ. Депутатъ

національнаго собранія Марнезіа пріѣхалъ въ свое имѣніе, чтобы провести тамъ нѣсколько дней ради поправленія своего здоровья. Но онъ встрѣтилъ самый грубый и неприличный пріемъ и даже заходила рѣчь о томъ, чтобы отправить его подъ конвоемъ въ Парижъ. Послѣ его отъѣзда на его замокъ было произведено нападеніе, двери были сломаны и стѣны сада разрушены. Между тѣмъ, никто изъ дворянъ, пожалуй, не сдѣлалъ такъ много для своихъ крестьянъ, какъ маркизъ Марнезіа... Насилія всякого рода все умножаются и ко мнѣ постоянно поступаютъ жалобы на злоупотребленіе оружіемъ со стороны національной милиціи, но я ничего тутъ не могу сдѣлать“. Фраза, произнесенная въ національномъ собраніи, внушила объѣздной стражѣ подозрѣніе, что она скоро будетъ распущена и поэтому она не хочетъ создавать себѣ враговъ. „Окружныя суды оказываются столь же робкими, какъ и стража; я постоянно препровождаю къ нимъ разныя дѣла, но никто изъ виновныхъ не бываетъ наказанъ“...—„Ни одна нація не пользуется столь безпредѣльной и столь роковой для частныхъ людей свободой; вѣдь это совершенно противорѣчитъ понятію о правахъ человѣка, то что постоянно приходится подвергаться опасности быть зарѣзаннымъ негодьями, которые ежедневно смѣшиваютъ свободу съ распущенностью“. Другими словами: страсти, для своего оправданія прибѣгаютъ къ теоріи, а теорія, для своего примѣненія, прибѣгаетъ къ страстямъ. Такъ на примѣръ, у герцога Ларошфуко, близъ Лянкура, была невоздѣланная земля и „въ самомъ началѣ революціи городскіе бѣдняки заявляли, что такъ какъ невоздѣланныя земли принадлежатъ націи, а они сами составляютъ часть націи, то, слѣдовательно, эта земля принадлежитъ имъ“. Тотчасъ же „безъ всякихъ формальностей“ они вступили во владѣніе этою землей, подѣлили ее между собой, построили плетни и приступили къ обработкѣ. „Это—говоритъ Артуръ Юнгъ—указываетъ общее направленіе, господствовавшее въ тотъ моментъ... Такія разсужденія, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи могутъ повести къ далеко не малозначащимъ послѣдствіямъ для положенія собственности въ королевствѣ“. Уже въ предшество-

вавшемъ году, мародеры, рубившіе и продававшіе лѣсъ близъ Руана, говорили, что „народъ имѣетъ право брать все, что ему нужно для удовлетворенія его потребностей“.—Имъ проповѣдывали, что они—верховные владыки, ну они и дѣйствуютъ теперь, какъ таковые. Если принять во вниманіе состояніе ихъ ума, то ничего не можетъ быть естественнѣе ихъ поведенія. Нѣсколько милліоновъ дикарей были такимъ образомъ спущены съ цѣпи нѣсколькими тысячами говорунновъ и политика, культивированная въ кофейняхъ, нашла свое выраженіе и осуществленіе въ уличныхъ сборищахъ. Съ одной стороны грубая сила поступаетъ на службу радикальному догмату, съ другой же—радикальный догматъ поступаетъ на службу къ грубой силѣ. И вотъ, въ разложившейся Франціи остаются только эти двѣ власти на развалинахъ всего остального.

Глава пятая.

З а к л ю ч е н і е.

Вотъ они, эти наслѣдники стараго порядка и исполнители смертнаго приговора надъ нимъ. Взглянувъ на то, какимъ образомъ онъ самъ породилъ, выносилъ, вскормилъ, возвеличилъ и вызвалъ этихъ людей, нельзя удержаться отъ мысли, что вся его исторія представляетъ лишь одно долгое самоубійство. Это похоже на человѣка, который, взобравшись на самую верхушку громадной лѣстницы, вздумалъ бы обрубить подъ своими ногами ея ступени. Въ подобныхъ случаяхъ добрыя намѣренія бываютъ недостаточны: либерализмъ, великодушіе и полуреформы не приводятъ ни къ чему. Своими качествами, какъ и своими недостатками, своими добродѣтелями, какъ и своими пороками, привилегированные содѣйствовали своему паденію и ихъ достоинства способствовали ихъ гибели, какъ и ихъ ошибки. Они были основателями общества, но дѣйствительно заслуживъ нѣкогда свои привилегіи, они продолжали сохранять свое прежнее высокое положеніе, не выполняя болѣе прежнихъ обязанностей. Въ мѣстномъ правительствѣ, какъ и въ центральномъ, ихъ должность была простою синекурою и привилегіею, которыми они пользовались такимъ

образомъ, превратились въ злоупотребленія.

Во главѣ ихъ король, создавшій Францію, отдаваясь ей какъ своему собственному дѣлу, кончилъ тѣмъ, что началъ пользоваться ею какъ своею собственною вещью. Общественныя деньги разсматривались имъ, какъ его собственные карманныя деньги и его страсти, тщеславіе, личныя слабости, привычка къ роскоши, семейныя соображенія, интриги любовницъ и капризы жены стали управлять государствомъ въ двадцать шесть милліоновъ людей съ такимъ произволомъ, съ такою небрежностью, съ такою расточительностью, неумѣньемъ и непоследовательностью, которыя едва ли можно было бы извинить даже въ управленіи частнымъ владѣніемъ.—Король и всѣ привилегированные только въ одномъ отношеніи обнаруживаютъ свое превосходство: въ умѣнни жить, въ свѣтскомъ искусствѣ, въ хорошемъ вкусѣ, въ хорошемъ тонѣ и выказываютъ талантъ въ дѣлѣ пріемовъ и представительства, въ умѣнни вести веселую, легкую и остроумную бесѣду и въ искусствѣ превращать жизнь въ блестящій, остроумный праздникъ, какъ будто бы міръ представлялъ ничто иное какъ салонъ для изящныхъ и праздныхъ людей, гдѣ достаточно быть только умнымъ и любезнымъ,—а не арену цирка, гдѣ надо быть сильнымъ, чтобы сражаться и не лабораторію, гдѣ надо работать, чтобы быть полезнымъ!—Привычка къ изящной бесѣдѣ и достигнутою ею совершенство и вліяніе, наложили свой отпечатокъ на французскій умъ и придали ему классическую форму, которая, совмѣстно съ новѣйшими научными пріобрѣтеніями, произвела на свѣтъ философію восемнадцатаго вѣка, дискредитировала преданіе и выдвинула на сцену притязанія перестроить всѣ человѣческія учрежденія на основаніи одного только разума, и посредствомъ примѣненія математическихъ методовъ къ политикѣ и нравственности, катехизиса правъ человѣка и всѣхъ анархическихъ и деспотическихъ догматовъ Общественнаго Договора. Какъ только народилась подобная химера, то они немедленно завладѣли ею, сдѣлавъ изъ нея салонную игрушку. Они играли съ этимъ чудовищемъ, тогда еще совсѣмъ маленькимъ и невиннымъ и

украшеннымъ бантиками, точно барашекъ въ какой нибудь эклогѣ. Они не воображали никогда, что это чудовище можетъ вырости и превратиться въ страшнаго и свирѣпаго звѣря. Они кормятъ и ублажаютъ его, а затѣмъ изъ своего салона спускаютъ на улицу. Тамъ, среди буржуазіи, постоянно вооружаемой правительствомъ противъ себя, подвергающимъ опасности ея денежные средства, оскорбляемой привилегіями знати, возводящей преграды ея честолюбію и постоянно раздражаемой неравенствомъ, — революціонная теорія, конечно, должна была встрѣтить благопріятную почву и быстро развиться. Эта теорія принимаетъ вскорѣ еще болѣе рѣзкій оттѣнокъ и черезъ нѣсколько лѣтъ становится уже неоспоримою госпожею общественнаго мнѣнія. Въ этотъ моментъ и по ея же вызову поднимается другой колоссъ, чудовище съ милліонами головъ, слѣпой и напуганный звѣрь, словомъ, — цѣлый народъ, угнетенный, доведенный до отчаянія и внезапно почувствовавшій ярость противъ правительства, вымогательства котораго раззоряютъ его и противъ привилегированныхъ, права которыхъ дѣлать поборы заставляютъ его голодать. И въ такой критическій моментъ ни въ одной изъ деревень, покинутыхъ своими естественными покровителями и хозяевами, не нашлось власти, уцѣлѣвшей и общепризнанной; ни въ одной изъ провинцій, сгибающихся подъ игомъ механической централизаціи, не нашлось хотя бы одной независимой группы, такъ что въ этомъ обществѣ, разложившемся подъ вліяніемъ деспотизма, не могли образоваться никакіе центры самостоятельной инициативы и сопротивленія, а въ этомъ высшемъ классѣ, обезоруженномъ своею же гуманностью, не находится ни одного политика, свободнаго отъ иллюзій и способнаго дѣйствовать. Среди этого собранія людей съ наилучшею волей и свѣтлымъ умомъ не нашлось никого, кто бы могъ защитить общество отъ двухъ враговъ всякой свободы и порядка. — Отъ заразы демократическихъ мечтаній, смущающихъ лучшія головы и отъ вторженій грубости черни, извращающей лучшіе законы. Въ ту минуту, когда открываются генеральные штаты, событія и идеи не только опредѣлились

вполнѣ, но онѣ уже становятся явственно замѣтными. Всякое поколѣніе, не сознавая это, носить въ самомъ себѣ свое будущее и свою исторію. И этому поколѣнію, еще задолго до конца, можно было бы предсказать его будущность, и если бы мы могли предвидѣть подробности, также какъ и общій ходъ вещей, то мы могли бы, пожалуй, повѣрить слѣдующему разсказу, сочиненному обращеннымъ на путь истины Лагарпомъ, когда онъ, къ концу Директоріи, приводилъ въ порядокъ свои воспоминанія.

II.

„Мнѣ кажется, говоритъ онъ, это было какъ будто вчера, а между тѣмъ это происходило въ началѣ 1788 года. Мы сидѣли за столомъ у одного изъ моихъ братьевъ по Академіи, знатнаго вельможи и умнаго человѣка. Общество было большое; тутъ были люди всѣхъ званій, придворные, судейскіе, литераторы и академики. Какъ всегда, угощеніе было обильное, за десертомъ мальвазія и констанцское вино еще болѣе, оживили наше общество и внесли въ него тотъ родъ свободы, который не всегда соотвѣтствуетъ хорошему тону. Мы дошли до такого пункта, когда все то считается дозволеннымъ, что можетъ разсмѣшить публику. Шамфоръ прочелъ намъ свои нечестивыя и неприличныя сказки и знатныя дамы слушали его, даже не закрываясь вѣромъ. Это вызвало цѣлый рядъ шутокъ надъ религіей. Одинъ изъ гостей цитировалъ тираду изъ „*Rucelle*“, другой декламировалъ извѣстныя философскія стихотворенія Дидро... И всѣ апплодировали... Но вотъ разговоръ сталъ серьезнѣе, начали восторгаться революціей, которую произвелъ Руссо и всѣ соглашались, что въ этомъ заключалось его главное право на славу: — „Онъ далъ тонъ своему вѣку и заставилъ себя читать, не только въ салонѣ, но и въ передней! —“ Одинъ изъ собесѣдниковъ разсказалъ, заливаясь хохотомъ, что парикмахеръ, напудривая ему волосы, вдругъ замѣтилъ ему: „Видите ли, сударь, хоть я и бѣдный цирюльникъ, но тѣмъ не менѣе и у меня не больше религіи, чѣмъ у кого нибудь другого“.

Всѣ пришли къ заключенію, что

революція не замедлитъ скоро совершиться и что безусловно необходимо, чтобы суевѣріе и фанатизмъ уступили мѣсто философіи. Вслѣдъ за этимъ начали рассчитывать, когда можетъ наступить эта эпоха и кто изъ присутствующихъ увидитъ царство разума? Старики жаловались на то, что они не могутъ на это рассчитывать, а молодые радовались, что имъ по всей вѣроятности придется быть свидѣтелями этого, и всѣ хвалили Академію, что она подготовила великое дѣло и была сборнымъ пунктомъ, центромъ и двигателемъ свободы мысли.

Только одинъ изъ собесѣдниковъ не принималъ участія въ общей радости при этомъ разговорѣ... Это былъ Казоттъ, пріятный и оригинальный человекъ, но къ несчастію увлекающійся фантазіями и мечтами иллюминатовъ. Онъ попросилъ слова и заговорилъ самымъ серьезнымъ тономъ: „Господа, будьте довольны. Вы всѣ увидите эту великую революцію, къ которой вы такъ стремитесь. Вы знаете, что я немного пророкъ, и я повторяю вамъ, что вы ее увидите... Но знаете ли вы, что произойдетъ изъ этой революціи и что будетъ со всѣми вами, находящимися здѣсь?“ — „Ну-ка, посмотримъ! сказалъ Кондорсе, со своимъ угрюмымъ и простоватымъ видомъ, слегка усмѣхаясь. — Философъ не прочь встрѣтиться съ пророкомъ“. — „Вы, г. Кондорсе, вы умрете на каменномъ полу темницы; умрете отъ яда, который вы примете, чтобы избѣжать руки палача. То счастливое время вынудитъ васъ всегда имѣть этотъ ядъ подъ рукой“. — Всѣ изумились сначала, но затѣмъ принялись смѣяться еще больше прежняго: „Что же это можетъ имѣть общаго съ философіей и царствомъ разума? — Именно то, что я вамъ говорю: вы покончите съ собой подобнымъ образомъ какъ разъ во имя философіи, гуманности, свободы и въ царствованіе разума. И это дѣйствительно будетъ царствомъ разума, такъ какъ ему будутъ сооружены храмы и во всей Франціи не будетъ въ эти времена никакихъ другихъ храмовъ, кромѣ храмовъ разума... Вы, г. Шамфоръ, вы вскрыете себѣ жилы, сдѣлавъ двадцать два разрѣза бритвой, но несмотря на это вы умрете только спустя нѣсколько мѣсяцевъ. Вы, г.

Викъ д'Азиръ, вы не станете вскрывать себѣ жилы сами, но прикажете сдѣлать это вамъ шесть разъ въ теченіи одного дня, во время припадка подагры, чтобы быть лучше увѣреннымъ въ успѣхъ и умрете почью. Вы, г. Николай, умрете на эшафотѣ; вы, г. Байльи — тоже на эшафотѣ; вы, г. Мальзербъ — на эшафотѣ... вы, г. Руше — тоже на эшафотѣ“. — „Но значитъ, падъ нами будутъ властвовать турки или татары?“ — „Совсѣмъ нѣтъ, я уже сказалъ вамъ, что вами будетъ управлять только философія и только разумъ. Тѣ, кто будетъ обращаться съ вами подобнымъ образомъ, все это будутъ философы, на устахъ у которыхъ будутъ постоянно вертѣться тѣ же самыя фразы, которыя вы теперь произносите и они будутъ повторять всѣ ваши правила и будутъ, также какъ и вы, декламировать стихи Дидро и *Rucelle*“. — „Когда же все это случится?“ — „Не пройдетъ и шести лѣтъ, какъ все это исполнится...“ — „Вотъ такъ чудеса! воскликнулъ Лагарпъ. — Но почему вы мнѣ тутъ не отводите никакой роли?“ — „Вы сами представите изъ себя чудо, столь же необыкновенное; вы сдѣлаетесь христианиномъ“.

„А! — вскричалъ Шамфоръ — это меня успокоиваетъ. Если мы должны умереть только тогда, когда Лагарпъ сдѣлается христианиномъ, то значитъ мы бессмертны.“ — „Что касается насъ замѣтила герцогиня де Грамонъ, — то мы находимся въ лучшихъ условіяхъ, потому что мы женщины и не участвуемъ въ революціяхъ. Насъ не принято трогать въ подобныхъ случаяхъ...“ — Вашъ полъ, сударыня, не защититъ васъ на этотъ разъ; съ вами будутъ обращаться совершенно также, какъ съ мужчинами, безъ всякаго различія... Вы, госпожа герцогиня, также будете препровождены на эшафотъ. Васъ повезутъ со многими другими дамами на телѣгѣ съ руками, связанными за спиной“. — „О! Я надѣюсь, что для подобнаго случая мнѣ дадутъ все-таки карету, обитую чернымъ сукномъ“. — „Нѣтъ, сударыня, еще болѣе знатныя дамы, чѣмъ вы отправятся на эшафотъ также со связанными руками.“ — „Еще болѣе знатныя дамы? Чтожъ это будутъ принцессы крови? Еще болѣе знатныя, чѣмъ онѣ...“ Общество начало находить, что шутка заходить

слишкомъ далеко. Г-жа де Грамонъ, чтобы разсѣять непріятное впечатлѣніе, не стала настаивать на разясненіи и удовольствовалась тѣмъ, что сказала самымъ легкомысленнымъ тономъ: „Вотъ увидите, что онъ не захочетъ оставить мнѣ даже духовника...“— „Нѣтъ, сударыня, у васъ не будетъ его; ни у васъ, ни у кого

другого. Послѣдній казненный, которому будетъ предоставлено имѣть при себѣ духовника, будетъ....“—Онъ остановился на мгновеніе.— „Ну кто же будетъ этотъ счастливый смертный, пользующійся такою прерогативой?..— „Она будетъ единственная, которая у него сохранится и это будетъ—король Франціи!“

О Г Л А В Л Е Н І Е:

СТР.
Предисловіе . . . . . 5 — 12

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхождение привилегій, заслуги и вознагражденіе духовенства.— Заслуги и вознагражденіе дворянъ.—Заслуги и вознагражденіе короля. . . . . 13 — 27

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Привилегированные.—Число привилегированныхъ.—Имущество ихъ. Капиталъ и доходъ.—Ихъ льготы.—Ихъ феодальныя права. — Эти преимущества представляютъ лишь обломки первоначальной верховной власти.—Они могутъ быть оправданы мѣстными и общими услугами. . . . . 27 — 43

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мѣстныя служебныя обязанности, которыя должны нести привилегированные.—Примѣры этого въ Германіи и Англіи.—Привилегированные не оказываютъ такихъ услугъ во Франціи.—Владѣльцы, остающіеся въ своихъ помѣстьяхъ.—Остатки добраго феодальнаго духа.—Они не относятся сурово къ своимъ арендаторамъ, но болѣе не держатъ въ рукахъ мѣстнаго правительства.—Ихъ изолированное положеніе.—Незначительность или посредственность ихъ достатка. Ихъ издержки.—Они не въ состояніи отказаться отъ оброка. Чувства къ нимъ крестьянъ.—Владѣльцы, не остающіеся въ своихъ помѣстьяхъ.—Громадность ихъ состояній и ихъ правъ.—Пользуясь большими преимуществами, они обязаны нести и болѣе значительную службу.—Причины ихъ отсутствія.—Вліяніе ихъ удаленія.—Равнодушіе провинцій.—Состояніе ихъ земель.—Они не раздають милостыни.—Нищета ихъ крестьянъ.—Вымогательства ихъ фермеровъ.—Требовательность, вслѣдствіе долговъ. Состояніе ихъ правосудія.—Послѣдствія ихъ правъ на охоту.—Чувства къ нимъ крестьянъ . . . . . 44 — 80

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Общественная служба, которую должны были бы нести привилегированные.—Примѣры въ Англіи.—Привилегированные не несутъ

такой службы во Франціи.—Вліяніе и права, которыя имъ остаются.—Они пользуются ими только для себя.—Собранія духовенства.—Они служатъ только церковнымъ интересамъ.—Духовенство, освобожденное отъ налоговъ.—Домогательства его агентовъ.—Его рвеніе въ борьбѣ съ протестантами.—Вліяніе дворянъ.—Регламенты въ ихъ пользу.—Предпочтеніе, оказываемое имъ церковью.—Распредѣленіе епископствъ и аббатствъ.—Предпочтеніе, оказываемое имъ государствомъ. Губернаторства, разныя должности, синекуры, пенсіи, награды.—Вмѣсто того, чтобы быть полезными, они становятся въ тягость.—Изолированное положеніе вождей.—Чувства подчиненныхъ. Провинціальное дворянство.—Священники.—Король.—Его привилегіи самыя большія.—Захвативъ въ свои руки всякую власть, онъ взялъ на себя и всѣ функціи.—Тяжесть такой задачи.—Онъ уклоняется отъ нея или же не въ состояніи ее выполнить. Спокойствіе его сознанія.—Франція—его собственность.—Какъ онъ злоупотребляютъ ею.—Королевская власть становится центромъ всѣхъ злоупотребленій.—Скрытая дезорганизація Франціи . . . . . 80—110

КНИГА ВТОРАЯ.

Н р а в ы и х а р а к т е р ы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Принципы и нравы при старомъ режимѣ.—Дворъ и жизнь на показъ.—Внѣшній видъ и нравственный характеръ Версаля.—Домъ короля.—Придворный штатъ и расходы.—Военный штатъ, конюшни, охота, капелла, факультетъ, столъ, королевскіе покои, гардеробъ, дворцы, мебель и поѣздки.—Общество короля.—Придворные чиновники.—Приглашенные гости королевскаго салона. Занятія короля.—Вставаніе, обѣдня, обѣдъ, прогулка, охота, ужинъ, игра, вечера.—Король всегда находится на виду и въ обществѣ.—Развлеченія особъ королевскаго дома и двора.—Людовикъ XV.—Людовикъ

СТР.

СТР.

XVI.—Аналогичная жизнь других особъ.—Принцы и принцессы.—Придворные вельможи.—Финансисты и выскочки.—Посланники, министры, губернаторы, генералы.—Прелаты, магнаты и мелкое дворянство въ провинціи.—Феодальная аристократія сдѣлалась салоннымъ обществомъ . . . . . 110—155

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Салонная жизнь.—Эта жизнь достигаетъ высокой степени совершенства только во Франціи.—Причины этого, заложенныя въ самомъ характерѣ французовъ.—Салонная жизнь становится все болѣе пріятной и всепоглощающей.—Подчиненіе ей всѣхъ другихъ интересовъ и обязанностей.—Индифферентизмъ къ общественнымъ дѣламъ.—Дѣла эти служатъ лишь матеріаломъ для остроумія.—Небрежность въ частныхъ дѣлахъ.—Безпорядокъ въ домашнемъ хозяйствѣ и мотовство.—Нравственный разводъ супруговъ.—Ухаживанія.—Отдаленіе родителей отъ дѣтей. Воспитаніе, его пробѣлы и его цѣль.—Тонъ прислуги и поставщиковъ.—Свѣтскій отпечатокъ лежитъ на всемъ.—Привлекательность этой жизни.—Умѣнье жить въ восемнадцатомъ вѣкѣ.—Совершенство этого искусства и его ресурсы.—Авторитетъ женщинъ въ обученіи этому искусству и въ выработкѣ его законовъ.—Понятіе о счастіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ.—Привлекательность внѣшней обстановки и окружающаго общества.—Праздность, времяпрепровожденіе, болтовня.—Веселость въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Ея причины и послѣдствія.—Терпимость и распушенность.—Балы, праздники, охота, пиры, удовольствія.—Вольности судей и прелатовъ.—Главное развлеченіе.—Домашніе спектакли.—Шутки и излишества . . . . . 155—195

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Неудобства салонной жизни.—Эта жизнь отличается искусственностью.—Возвращеніе къ природѣ и чувству.—Заключительная черта, дополняющая фізіономію вѣка, салонная чувствительность.—Время ея появленія.—Ея признаки въ искусствѣ и въ литературѣ.—Ея вліяніе въ частной жизни.—Аффектація.—Искренность этой чувствительности.—Ея деликатность.—Недостатки характера, формирующагося при такихъ условіяхъ.—Приспособленны къ однимъ извѣстнымъ условіямъ характеръ этотъ уже не годится для про-

тивоположныхъ условій.—Пробѣлы въ умственной сферѣ.—Недостатки воли. Такой характеръ заранѣе обезоруженъ, благодаря своей свѣтскости . . . . . 195—210

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Духъ вѣка и его ученіе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Составъ революціоннаго духа.—Первый элементъ.—Научныя пріобрѣтенія.—Накопленіе и прогрессъ открытій въ области естествознанія.—Эти открытія служатъ исходной точкой для новыхъ философовъ.—Перемена точки зрѣнія въ наукѣ о человѣкѣ.—Эта точка зрѣнія отдѣляется отъ теологіи и сливается съ естествознаніемъ, становясь его непосредственнымъ продолженіемъ.—Преобразование исторіи.—Вольтеръ.—Критика и общіе взгляды.—Монтескье.—Обзоръ социальныхъ законовъ.—Преобразование психологіи.—Кондильякъ.—Теорія ощущеній и знаковъ.—Аналитическій методъ.—Его принципъ.—Необходимыя условія для плодотворности этого метода.—Этихъ условій не хватаетъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ или они недостаточны.—Истина, заключающаяся въ этомъ принципѣ и его переживаніе. . . . . 210—226

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Второй элементъ классическаго духа.—Его признаки, продолжительность и могущество.—Его происхожденіе и его публика.—Его словарь, грамматика и стиль.—Его приемы, достоинства и недостатки. Его природный недостаток.—Признаки этого недостатка въ семнадцатомъ вѣкѣ.—Онъ усиливается съ теченіемъ времени и по мѣрѣ развитія успѣховъ. Доказательства этого усиленія въ восемнадцатомъ вѣкѣ.—Серьезныя поэмы, театр, исторія, романы.—Уменьшенное представленіе о человѣкѣ и человѣческой жизни.—Сообразованіе съ этими понятіями философскаго метода.—Идеалогія.—Злоупотребленіе математическими методами. Кондильякъ, Руссо, Мабли, Кондорсе, Вольней, Сійэсъ, Кабанисъ, Траси.—Преувеличенность упрощеній и смѣлость построеній . . . . . 227—249

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Комбинація двухъ элементовъ.—Ученіе вѣка, его притязанія и его характеръ.—Новая власть—власть разума, въ управленіи человѣческими дѣлами.—До сихъ поръ это управленіе при-

СТР.

СТР.

надлежало традиціи.—Происхожденіе, природа и значеніе наследственнаго предразсудка.— Въ какомъ отношеніи обычай, религія и государство могутъ считаться законными.—Классическій умъ не можетъ стать на эту точку зрѣнія. Отвергаются прошедшія и настоящія права традиціи.—Разумъ берется уничтожить ее.—Двѣ стадіи этой операціи, предпринятой разумомъ.—Первая стадія: Вольтеръ, Монтескье, деисты и реформаторы.—Что они разрушаютъ и къ чему выказываютъ почтеніе.—Вторая стадія: возвращеніе къ природѣ.—Дидро, Гольбахъ и материалисты.—Теорія живой матеріи и самопроизвольной организаціи.—Нравственность животнаго инстинкта и правильно понятой выгоды.—Руссо и спиритуалисты.—Первоначальная доброта человѣка.—Заблужденіе цивилизаціи.—Несправедливость собственности и общества.—Передовые философской партіи.—Нежонъ, Сильвенъ, Марешаль, Мабли, Морелли.—Полный упадокъ традиціи въ общественномъ мнѣніи и всѣхъ происходящихъ изъ нея учреждений . . . . . 249—285

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Построеніе будущаго общества.—Математическій методъ.—Опредѣленіе абстрактнаго человѣка.—Общественный договоръ.—Независимость и равенство договаривающихся сторонъ.—Всѣ будутъ равны передъ закономъ и каждый будетъ имѣть свою долю въ верховной власти.—Первыя послѣдствія.—Примѣненіе этой теоріи не встрѣчаетъ затрудненій.—Мотивы довѣрія и убѣжденіе, что человѣкъ отъ природы разуменъ и добръ.—Недостаточность и хрупкость разума у человѣка.—Недостаточность и рѣдкость существованія разума въ человѣчествѣ.—Подчиненная роль разума въ поведеніи человѣка.—Грубая и опасная силы.—Природа и полезность правительства. По новой теоріи правительство становится невозможнымъ.—Вторичныя послѣдствія. По новой теоріи государство является деспотомъ.—Прецеденты этой теоріи.—Административная централизація.—Утопія экономистовъ.—Никакое предшествовавшее право не считается дѣйствительнымъ.—Никакая побочная ассоціація не допускается.—Полное отчужденіе правъ личности въ пользу общины.—Права государства на собственность, воспитаніе и религію.—Государство становится спартанскимъ монастыремъ.—Полный триумфъ и по-

слѣднія крайности классическаго духа.—Какимъ образомъ онъ превращается въ мономанію.—Почему его дѣло нежизнеспособно . . . . . 285—310

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Распространеніе ученія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Успѣхъ этой философіи во Франціи.—Неуспѣхъ той же самой философіи въ Англіи.—Причины этого различія.—Искусство писать, развитое во Франціи.—Въ эту эпоху оно достигаетъ совершенства.—Оно служитъ средствомъ для распространенія новыхъ идей.—Книги пишутся для свѣтскихъ людей.—Философы прежде всего свѣтскіе люди и потомъ уже писатели.—Вотъ почему философія спускается въ салоны.—Благодаря своему методу, она становится популярной.—Благодаря своему стилю, она становится пріятной.—Двѣ особенныя приправы, свойственныя XVIII вѣку: непристойность и путка.—Искусство и приемы главныхъ учителей.—Монтескье.—Вольтеръ.—Дидро.—Руссо.—„Свадьба Фигаро“ . . . . . 311—341

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Публика во Франціи.—I. Аристократія.—Аристократія всегда противится нововведеніямъ.—Чѣмъ обусловливается это.—Примѣры этого въ Англіи.—II. Во Франціи встрѣчаются совершенно противоположныя условія.—Бездѣятельность высшаго класса.—Философія представляется просто упражненіемъ ума.—Она служитъ, кромѣ того, пищей для разговора.—Философскіе разговоры въ XVIII вѣкѣ.—Превосходство этихъ разговоровъ и ихъ прелесть.—Привлекательность, которой они обладают.—III. Другія послѣдствія бездѣятельности.—Духъ скептицизма, распушенности и фрондерства.—Старинная озлобленность и новое недовольство на существующій порядокъ.—Симпатіи, возбуждаемыя теоріями, которыя нападаютъ на этотъ порядокъ.—Въ какой мѣрѣ усваиваются эти теоріи.—VI. Распространеніе ихъ въ высшихъ классахъ.—Успѣхи невѣрія въ религію.—Происхожденіе этого невѣрія.—Оно прорывается внаружу при Регентствѣ.—Возрастающее возбужденіе противъ духовенства.—Материализмъ салоновъ.—Возвышеніе науки.—Окончательное мнѣніе о религіи.—Скептицизмъ высшаго духовенства.—V. Прогрессъ оппозиціи въ политикѣ.—Его происхожде-

СТР.

СТР.

ніе.—Экономисты и парламентаристы.—Они расчищаютъ дорогу философамъ.—Фронда въ салонахъ.—Либерализмъ женщинъ.— VI. Безконечныя и неопредѣленныя надежды.— Великодушіе чувствъ и поведеніе.— Кротость и добрыя намѣренія правительства.— Ослѣпленіе и оптимизмъ . 341—375

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Средній классъ.— Старый духъ третьягосословія.— Государственные дѣла касались одного только короля.— Границы янсенистской и парламентской оппозиціи.— Измѣненія въ условіяхъ положенія буржуазіи.— Буржуазія становится богатой.— Буржуазія даетъ займы государству.— Опасность, грозящая ея деньгамъ.— Она начинаетъ интересоваться общественными дѣлами.— Она поднимается по общественной лѣстницѣ.— Дворянинъ приближается къ буржуазіи.— Буржуазія сближается съ дворянствомъ.— Она получаетъ образованіе.— Она принадлежитъ къ свѣту.— Она чувствуетъ себя равной дворянству.— Она чувствуетъ неудобство привилегій.— Вліяніе философіи на умы, подготовленные такимъ образомъ.— Въ этотъ моментъ господствуетъ философія Руссо.— Согласованіе этой философіи съ вовыми потребностями.— Она принята третьимъ сословіемъ.— Дѣйствіе, произведенное ею на это сословіе.— Зарожденіе революціонныхъ страстей.— Инстинкты уравненія.— Потребность господства.— Третье сословіе рѣшаетъ, что оно-то и составляетъ націю.— Химеры, невѣжество, экзальтація.— Заключеніе . . . . . 375—403

КНИГА ПЯТАЯ.

Народъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нищета.— При Людовикѣ XIV.— При Людовикѣ XV.— При Людовикѣ XVI.— Положеніе крестьянина за послѣднія тридцать лѣтъ стараго порядка.— До какой степени было обезпечено его пропитаніе.— Состояніе земледѣлія.— Невоздѣланныя земли.— Дурная обработка почвы.— Недостаточность заработной платы.— Отсутствіе благосостоянія.— Внѣшній видъ деревни и крестьянина.— Какимъ образомъ крестьянинъ сдѣлался землевладѣльцемъ.— Отъ этого ему не стало лучше.— Увеличеніе его тягостей.— Въ старомъ порядкѣ онъ играетъ роль . . . . . 403—426

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Главная причина нищеты: налогъ.— Прямые налоги.— Положеніе различныхъ владѣній къ концу царствованія Людовика XV.— Предварительный вычетъ въ пользу получающаго десятину и фиска.— Что остается владѣльцу.— Положеніе различныхъ провинцій въ моментъ революціи.— Налогъ, добавочный, подушная подать, двадцатины, налогъ натуральныхъ повинностей.— Какая сумма взимается каждымъ изъ этихъ налоговъ изъ дохода?— Громадность общей суммы этихъ вычетовъ.— Четыре прямыхъ налога, которые несутъ лица податного сословія, не имѣющія ничего, кромѣ собственныхъ рукъ.— Сборъ податей и захватъ имущества недоимщиковъ.— Косвенные налоги.— Соляной акцизъ и питейный акцизъ.— Почему налогъ кажется такимъ тяжелымъ.— Изъятія и привилегіи.— Городскія пошлины.— Бремя этихъ пошлинъ повсюду падаетъ на бѣднѣйшіе классы.— Жалобы, заключающіяся въ наказахъ генеральныхъ штатовъ . . . . . 427—457

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Состояніе народнаго ума.— Умственная неспособность.— Какимъ образомъ идеи превращаются въ легенды.— Политическая неспособность.— Какъ истолковываются политическія новости и правительственные акты.— Разрушительные импульсы.— На что обрушивается слѣпая ярость.— Недовѣріе къ естественнымъ вождямъ.— Изъ подозрительныхъ они становятся ненавистными.— Настроеніе народа въ 1789 г.— Рядовые и вожди мятежа.— Бракотьеры.— Контрабандисты и торговцы солью, неоплаченною акцизомъ.— Бандиты.— Нищіе и бродяги.— Появленіе разбойниковъ.— Парижскій народъ . . . . . 457—477

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вооруженная сила распадается.— Какимъ образомъ пополняется армія.— Какъ обращаются съ солдатами.— Общественная организація разлагается.— Отсутствіе объединяющаго центра.— Инертность провинцій.— Вліяніе Парижа.— Направленіе потока.— Человѣкъ изъ народа, руководимый адвокатомъ.— Единственный грядущія власти: теорія и пики.— Самоубійство стараго режима . . . . . 477—487

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Заключеніе . . . . . 487—494